

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Сиротинина О.Б.</i> Динамизм процессов в современной русской речи	9
<i>Крючкова О.Ю.</i> Динамика структурно-семантических моделей производных слов и ее коммуникативно-когнитивная основа (на материале моделей вторичных диминутивов)	15
<i>Сигал К.Я.</i> Словосочетание как интерфейс речевых сфер автора и персонажа в микроэпизоде художественного дискурса	21
<i>Юрьева Н.М.</i> Когнитивный подход в исследованиях устного нарратива в онтогенезе	24
<i>Орлова Н.М.</i> Динамические процессы в структуре концептов библейского истока: Неопалимая купина	28
<i>Мурзаева Т.И.</i> Динамика южнорусской диалектной системы на территории Саратовской области	34
<i>Карева О.М.</i> О некоторых особенностях неологизации русского языка на современном этапе развития	39
<i>Илюхина Н.А.</i> Метонимия и когнитивная метафора как результаты воплощения концепта-сценария в речи (на примере сценария понимания)	44
<i>Плотникова А.М., Старикова К.В.</i> Динамика лексико-семантического поля «взятка» в русском языке	51
<i>Коваль В.И.</i> О происхождении фразеологизма <i>чижика съел</i> и его функционировании в современном интернет-пространстве	57
<i>Цэдэнжав Д.</i> К вопросу перевода монгольских реалий на русский язык	61
<i>Саккини М.</i> Приставка <i>про-</i> в древнерусском тексте <i>Задоницы</i>	66
<i>Чумак-Жунь И.И., Щербак Ж.А.</i> Формирование смыслов художественного слова: текст и дискурсивный контекст	73
<i>Кураш С.Б.</i> Семиотическая градуальность образно-метафорических построений в русских поэтических текстах	78
<i>Карпунин С.А.</i> О проекте толково-аспектуального словаря русских глаголов	85
<i>Карпенко Л.Б.</i> Принцип динамического развертывания речевой деятельности в преподавании русского языка как иностранного	92
<i>Данилова Н.К.</i> Структура «поля понимания» в рефлексивной коммуникации	96
<i>Слива Т.В.</i> Ассоциативно-семантическая группа: к вопросу о дефиниции парадигмы	101
<i>Разумов Р.В.</i> Динамические процессы в урбанонимической номинации (на примере названий жилых комплексов)	107
<i>Веселкова Т.В.</i> Словообразовательный и лексико-семантический потенциал прилагательных, обозначающих основные цвета	113
<i>Боднарук Е.В.</i> Футур I: особенности семантики и динамика использования	118
<i>Баженова Т.Е.</i> Типы лексических диалектных различий как характеристика тематической группы «Питание» в самарских говорах	123
<i>Stahl P.</i> Was lesen Sie da überhaupt? Automatisierter Vergleich von Verlagsvarianten in einem gegenwartssprachlichen Romantext	130
<i>Шайхутдинова Х.А.</i> Способы декодирования семантики новых англоамериканизмов в текстах СМИ	143
<i>Трофимович Т.Г.</i> Текст и филологическая подготовка младших школьников в Республике Беларусь	149
<i>Дубинин С.И.</i> Военный разговорник для солдат вермахта: динамика текстотипа	153
<i>Резникова Е.В.</i> Динамический аспект концепта «круг»: опыт структурирования на основе образ-схемы	162
<i>Курбанова И.С.</i> Проявление парцелляции в текстах эссе	166
<i>Харьковская А.А.</i> Дискурсивные маркеры глобализации в контексте межкультурной коммуникации	171
<i>Романова Т.П.</i> Способы адресации товарных знаков российской кондитерской продукции	175

Безрукова А.А. Новые тенденции в функционировании заимствованных аналитических прилагательных в русском языке рубежа XX–XXI вв. (на материале употребления элемента медиа-)	180
Гончарова М.А. Интернет-дискурс как сфера самореализации домохозяек (анализ с позиции типологии текста)	185
Кириллова Н.О. Образная концептуализация голосообразования в отражении речевой ситуации	190
Лисовицкая Л.Е. От значения к смыслу	196
Пичкур А.И. Стереотип «Der hässliche Schwabe» в медийном дискурсе ФРГ	202
Чернявская Н.А. Метонимическое обозначение субъекта в спонтанной речи	208
Усачева О.А. Оценочные наречия как средство выражения интенсивности различных признаков	213
Веспалова Е.В. Symmetrische und asymmetrische Züge der Konzepte Wald/лес in deutschen und russischen Volksliedern	218
Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. Риторическая традиция в русской журналистике XVIII века (на материале статьи Н. Мотониса в январском номере журнала «Трудолюбивая пчела» [1759])	224
Харламова М.А. Геоцентризм современного диалектоносителя и отражение его в словаре активного типа	230
Бакалова З.Н., Краснова Е.А. О функциях уступительных высказываний в художественном тексте: теоретический и методический аспекты	236
Шевченко В.Д., Шевченко Е.С. Когнитивные доминанты в дискурсе	243
Семеновская С.А. Индивидуально-авторские неологизмы как материал школьного учебника русского языка	249
Шумкина И.В. Кинофильм как средство обучения в преподавании коммуникативных дисциплин в вузе	255
Кручинкина Н.Д. Ономазиологическая стратегия в коммуникации как динамический процесс	260
Зарипова В.М. Функционирование видов номинации известных лиц в печатных СМИ	265
Колодько Д.А. Меронимические отношения как проявление системности лексики	270
Тимошина Д.В. Корпус лексики с этимологическим корнем *sʏrd-, входящей в микрополе «промежуток», в истории русского языка	276
Урядникова Е.В. Семантические отношения однокоренных лексем в художественном тексте (на материале поэзии Б.А. Ахмадулиной)	280
Гуськова А.С. Семантическая структура новейшего англицизма <i>инди</i> в современном русскоязычном дискурсе	285
Важдяева Е.А. Композиционные элементы презентационной статьи и их прагмалингвистические особенности	289
Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование психики человека на основе представления о весе объекта (на материале дискурса социальной психологии)	294
Баженов Н.Ю. Образ физического противостояния как способ метафорической концептуализации словесного выражения эмоций и оценки в русских говорах	300
Никитина Н.Е. Лингвистические трансформации как показатель адекватности профессионального и авторского переводов (на примере романа И. Мележа «Мінскі напрамак»)	304
Стручалина Г.В. Коннотативный и ценностный потенциал цветовой номинации в прагматическом аспекте	309
Чертоусова С.В. Двойственная природа заглавий газетно-журнальных статей (на материале немецкоязычной экономической прессы)	315
Леонович Л.М. Когнитивные аспекты речевого поведения персонажей женского пола современного британского и американского драматургического дискурса	319
<i>Сведения об авторах</i>	324
<i>Требования к оформлению статей</i>	328

CONTENTS

LINGUISTICS

Sirotnina O.B. Dynamics of the processes in contemporary Russian speech	9
Kryuchkova O.Yu. Dynamics of structural and semantic models of derivatives and its communicative and cognitive basis (on the material of secondary diminutives models)	15
Seagal K.Ya. Word-combination as an interface of speech spheres of author and character in the microepisode of artistic discourse	21
Yurieva N.M. Cognitive approach in the studies of oral narrative in ontogenesis	24
Orlova N.M. Dynamic processes in the structure of Biblical concepts: Burning Bush	28
Murzaeva T.I. Dynamics of the Southern Russian dialect system on the territory of the Saratov Region	34
Kareva O.M. Some features of neologization of the Russian language at the modern stage of development	39
Ilyukhina N.A. Metonymy and cognitive metaphor as the results of realization of the concept-scenario in speech (on the example of the scenario of understanding)	44
Plotnikova A.M., Starikova K.V. Dynamics of the semantic field of the word «взятка» («bribe») in the Russian language	51
Koval V.I. On the origin of phraseologism <i>siskin ate</i> and its functioning in modern Internet space	57
Tsedenjav D. On the issue of translation of Mongolian realias in the Russian language	61
Sacchini M. Prefix <i>pro-</i> in the Old Russian text of <i>Zadonshchina</i>	66
Chumak-Zhun' I.I., Shcherbak Zh.A. Picturesque word's sense generation: text and discursive context	73
Kurash S.B. Semiotic graduality of figurative-metaphorical constructions in Russian poetic texts	78
Karpukhin S.A. About the project of explanatory-aspectual dictionary of Russian verbs	85
Karpenko L.B. Principle of dynamic development of speech activity in teaching Russian as a foreign language	92
Danilova N.K. «Comprehension field» structure in reflective communication	96
Sliva T.V. Associative-semantic group: to the question of the definition of the paradigm	101
Razumov R.V. Dynamic processes in urbanonymic nominations (with reference to names of residential complexes)	107
Veselkova T.V. Derivational and lexical-semantic potential of adjectives designating the basic colours	113
Bodnaruk E.V. Future I: peculiarities of semantics and the usage dynamic	118
Bazhenova T.E. Types of lexical dialect parallels as a characteristic of the thematic group of «Food» in Samara dialects	123
Stahl P. What you ever read? Automated comparison of publishing variations in a contemporary language roman text	130
Shaykhudinova Kh.A. Ways of decoding semantics of new anglicisms and americanisms in the mass media	143
Trofimovich T.G. Text and philological training of primary school pupils in the Republic of Belarus	149
Dubinin S.I. Military phrasebook for Wehrmacht soldiers: dynamics of text type	153
Reznikova E.V. Dynamic aspect of the concept «circle»: experience of structuring based on the image-schema	162
Kurbanova I.S. Manifestation of parceling in essay texts	166
Kharkovskaya A.A. Discursive markers of globalization in the context of cross-cultural communication	171
Romanova T.P. Means of aiming Russian confectionery trademarks at their target audiences	175

Bezrukova A.A. New trends in the functioning of the borrowed analytical adjectives in the Russian language of the turn of XX–XXI centuries (based on the occurrences of the adjective media-)	180
Goncharova M.A. Internet-discourse: types of text in the housekeeping discourse	185
Kirillova N.O. Figurative conceptualization of vocalization in the reflection of speech situation	190
Lisovitskaya L.E. From meaning to sense	196
Pichkur A.I. Stereotype «der hässliche Schwabe» in German mass-media discourse	202
Chernyavskaya N.A. Metonymical nomination of the subject in colloquial language	208
Usacheva O.A. Evaluative adverbs as means of expression intensity of various features	213
Bespalova E.V. Symmetric and asymmetric features of concepts wald/лес in German and Russian folk songs	218
Slozhnikina Yu.V., Rastyagaev A.V. Rhetorical tradition in Russian journalism of the XVIII century (on the basis of N. Motonis's article in the January issue of the journal «Hard-working bee» [1759])	224
Kharlamova M.A. Geocentrism of a contemporary dialect speaker and its reflection in the active type dictionary	230
Bakalova Z.N., Krasnova E.A. On functions of concessive statements in a literary text: theoretical and methodical aspects	236
Shevchenko V.D., Shevchenko E.S. Cognitive dominant components in the discourse	243
Semenovskaya S.A. Individual neologisms as a material of the school textbook of the Russian language	249
Shumkina I.V. Movie as learning tool in teaching communication at the university level	255
Kruchinkina N.D. Onomasiological strategy in communication as a dynamic process	260
Zaripova V.M. Functioning of types of famous person's nomination in the printed mass media	265
Kolod'ko D.A. Meronymic relationships as a manifestation of sistematicity of lexis	270
Timoshina D.V. Vocabulary with the etymologic root *sъrd- included in the microfield «interval» in the history of the Russian language	276
Uryadnikova E.V. Semantic relations of cognate lexemes in a literary text (based on the poetry of B.A. Akhmadulina)	280
Guskova A.S. Semantic structure of the newest loanword from English <i>indie</i> in the modern Russian discourse	285
Vazhdaeva Ye.A. Compositional elements of the presentation article and their pragmalinguistics features	289
Rakhimova A.R. Metaphorical modeling of human psyche based on concepts of object weight (based on the discourse of social psychology)	294
Bazhenov N.Yu. Image of physical confrontation as a way of metaphoric conceptualization of emotional attitude and estimation in Russian dialects	300
Nikitina N.E. Linguistic transformations as an indicator of adequacy of professional translation and self-translation (on the example of the novel «Minsk direction» by I. Melezh)	304
Struchalina G.V. Connotative and value potential of colour naming in the pragmatic aspect	309
Chertousova S.V. Duality of headings of articles in periodicals (based on German economic press)	315
Leonovich L.M. Cognitive aspects of speech behavior of female characters of contemporary British and American dramatic discourse	319
<i>Information about the authors</i>	324
<i>Requirements to the design of articles</i>	328

УДК 811 161 1'271

О.Б. Сиротинина***ДИНАМИЗМ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ**

В статье доказывается увеличение скорости изменения речи в XXI в. под действием разнонаправленных тенденций и роль в этом СМИ и Интернета. Определена и показана роль тенденции к точности информации и тенденции к экономии речевых усилий, которая в XXI в. побеждает. Это вызывает тревогу за судьбу русского языка из-за усиливающегося влияния СМИ и интернет-общения на массы, выявлены процессы диффузии значений слов, приводящих к обеднению лексической системы, усиление неопределенности сообщений в СМИ во избежание судебных рисков. Многолетний мониторинг нескольких центральных газет и новостных теле- и радиопередач разных каналов и станций позволил проследить соотношение нормативных и ненормативных употреблений ряда лексем (*нелицеприятный* – *неприятный*, *довольно* – *достаточно*) в качестве интенсификатора признака *сходный* – *похожий* – *подобный* – *схожий* и т. д.

Ключевые слова: СМИ, Интернет, скорость изменения, тенденции, судьба языка.

Общеизвестный факт – любой язык живет, пока живет народ, который общается с его помощью. Жизнь языка – это постоянное и непрерывное обогащение его системы: появление новых слов, развитие новых значений, появление новых способов словообразования, усложнение структуры предложения, формирование все новых и новых вспомогательных компонентов предложения и дискурса в целом.

Развитие системы языка происходит в результате изменений в речи говорящих на этом языке [1], идущих в результате действия в процессе коммуникации противоположно направленных тенденций: к точности передаваемой с помощью языка информации и к экономии умственных и речевых усилий, причем прежде всего самого адресанта [2]. Тенденция заботы об адресате, к сожалению, работает не у всех и не всегда, что порождает огромную реальную рискогенность любой современной коммуникации [3].

---

* © Сиротинина О.Б., 2016

Сиротинина Ольга Борисовна (skunak@mail.ru), кафедра русского языка и речевой коммуникации, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. 11.

В прошлом процессы изменений в речи шли медленно. Как показывают факты их отражения в письменных памятниках — веками. Причинами этого были затрудненность, часто даже невозможность, общения на больших расстояниях (отсюда формирование диалектных различий), очень большая роль соблюдения традиций. Появление письменности, а еще в большей степени книгопечатания, развитие торговых отношений с соседними, а потом и не только с соседними странами динамизм процессов ускоряли, но на пути ускорения вставало обучение с его опорой на выдающиеся факты речи в неустаревающих произведениях художественной литературы.

С развитием техники исчезает ограничительная роль расстояний (радио остановило формирование диалектных различий), телевидение и особенно Интернет нивелировали роль художественной литературы и даже печатных СМИ — газет. В результате процессы изменений, как показывает мой мониторинг, ускорились за последнее время просто невероятно [2; 4].

Особенно быстро меняется лексическая система, и хорошо, если в сторону ее обогащения (новые реалии получают свою номинацию, появление новых синонимов увеличивает возможности точно выражать свои мысли), но часто это результат ускоренного внедрения моды, ведущего к обеднению системы, ее засорению ненужными для успешной коммуникации заимствованиями из английского языка, профессиональных сленгов и даже криминального жаргона.

К сожалению, в новых условиях жизни уже не столько непосредственное общение или опосредованное через книгу, газету, требующих временных и умственных затрат, сколько жизнь «в компьютере» или «с гаджетом» во много-много раз усиливает работу очень опасной тенденции к максимальной экономии всего: денег, времени, усилий. Не надо ничего помнить (под рукой любые поисковики Интернета), не надо ни во что вникать (читать, размышлять) — мышление заменяется клиповым сознанием и реактивностью ответа. К сожалению, это не старческое неприятие нового, а беспокоящий и психологов, и медиков, и педагогов факт, грозящий гибелью человечества. А прежде всего это сказывается на судьбе того, что отличает его от животного мира — многоуровневой системы языка, позволяющей не только мыслить, но и передавать результаты этого процесса другим, и не только в данный момент и в данном месте.

Страдает точность передаваемой информации, а она зависит и от адресанта, и от адресата, их способности понимать, обусловленной во многом компетентностью, жизненным опытом, знанием истории, литературы и языка.

Возможности коммуникации стали просто сказочными (не важны расстояния, все мгновенно), но исчезает главное: адекватность понимания из-за кажущейся легкости информирования. Ограничительная роль законов нередко не действует, вызывает только желание их обойти или ради избежания судебной ответственности пожертвовать точностью. К тому же в современной коммуникации, например в новостных текстах, большую роль играет опора на картинку [5–7].

Приведем несколько конкретных примеров негативных процессов под действием стремления к экономии и неумения или нежелания заботиться о восприятии адресатом передаваемой информации.

Можно согласиться с целесообразностью пополнения словообразовательных средств русского языка суффиксом *-инг* из английского для образования отглагольных существительных. Часто это заимствованные слова (*боулинг, краудфандинг*), иногда с новым — понадобившимся в новых условиях жизни значением (*коворкинг* не ‘совместная работа’, а ‘частная или муниципальная организация, обеспечивающая совместную аренду места с компьютером и выходом в Интернет для малого бизнеса’), но есть и новообразования (*зацепинг и зацепер*, а не *зацепщик*). Оппозиционные СМИ использовали этот суффикс даже при образовании слов от имен собственных (*путинг, пехтинг, маргелинг*), как обобщение 2–3 фактов, что вряд ли встраивается в систему вообще.

Если при этом нет объяснений, а к тому же ориентация на произношение (часто искаженное, как *ковортинг*), а не на транслитерацию, то затрудняется обращение к англо-русским словарям и многое в современных СМИ становится просто непонятным.

Так ли уж необходимо введение в лексическую систему русского языка ставшего даже модным (и как явление, и как его номинация) заимствованного *краудфандинг* при наличии русского обозначения *народное финансирование* или даже более понятного и системного *народный фонд* — точно соотносимого с заимствованной номинацией? Или использование в газетном заголовке ставшее теперь уже модным, а в момент своего первого употребления («Любовь уходит в бан») понятное только привыкшей уже к интернет-сленгу молодежи не в словарном значении этого английского слова ('запрет'), а в сленговом 'безвозвратный конец'?

И подобных примеров так много (см. [8; 9]), что, по словам одного филолога, «читать газеты без знания английского языка (и компьютерного сленга. — О.С.) уже невозможно». Буквально в каждом номере многих газет, в том числе «Российской газеты», кроме выше названных встречаем *саспенс*, *краудсорсинг*, *скрины* и *скрининг*, *пранкер* и т. д. Вновь стало встречаться *тинейджер*, фактически господствовавшее в 90-е годы, но потом вытесненное вернувшимся *подросток*. Не называю уже полностью вошедшие в современный узус *риелтор*, *менеджер*, *менеджмент*, *офис*, *офисный*. Обращает на себя внимание, что при давно адаптированной в русской речи транслитерированной *консультация*, как показали звонки в «Службу русского языка» на ВГТРК-Саратов, непонятны рядовым носителям русского языка *консалтинговые услуги*, *фирмы*, ориентированные на произношение. Конечно, заимствовать готовое слово проще, чем искать подходящее среди множества своих или создавать совсем новое обозначение, но в любом случае все новое или измененное по значению необходимо для адресата объяснять, что далеко не всегда делается.

Такие же проблемы возникают у адресата при встрече с неизвестным заимствованием из нелитературных страт русского языка. Новые условия жизни обусловили фактическое проникновение в юридическую терминологию из криминального жаргона слов *наезды*, *разборки*, *стрелка* и даже *авторитеты*, *вор в законе*, используемых уже не только как сленгизмы следователями, но и в приговорах, тем более в СМИ.

Именно неправильная ориентация СМИ 90-х годов на речь масс привела к наводнению речи просторечием и диалектизмами, чему способствовал и приход в СМИ в качестве журналистов людей без филологической подготовки. Был выпущен на свободу мат, и, хотя он уже второй десяток лет запрещен законом к использованию в общественных местах, тем более в СМИ, загнать его снова «в бутылку» так и не удалось. Несмотря на законы, запрещающие оскорбления, унижение, грубую лексику, все это встречается даже в газетах, а грубые словечки типа *фигово*, *фиг с ним*, *на хрена* и печатаются, и звучат постоянно. Произошло явное огрубление речи.

И если еще недавно (в 2012–2013 гг.) стала было наблюдаться «волна» самоочищения СМИ, то с 2015 года вновь дала себя знать захватившая под влиянием спонтанной речи в политических ток-шоу с такими эмоциями полемика, что участники перестают себя контролировать: не только сплошной одновременный крик, но и забвение элементарных норм («волна» деструкции: *приедьте*, *поедьте* звучит постоянно).

В результате неправомерное *достаточно* в качестве усилителя признака или действия вновь вытесняет возродившееся *довольно* (*достаточно равнодушные родители*, *достаточно низкая зарплата*), подобное употребление (*достаточно* нормативно только в функции предиката и всегда с хотя бы подразумеваемым *для чего*) и просторечное *схожий* (еще в 2015 г. в моем мониторинге СМИ встречавшееся только в речи людей с низким уровнем речевой культуры) в 2016 г. слышны и читаются ежедневно: *схожие ситуации*, *намерения*, *пожелания*, *явления*, *черты* и т. д., вытеснившие не только *сходные* (уже давно), но и *похожие*, господствовавшие еще в декабре 2015 года.

И неправомерные *достаточно*, и просторечные *схожий*, *схожесть* (в «Большом универсальном словаре» [10] получившие уже помету *разговорное* из-за своей распространенности) встречаются даже в статьях лингвистов и авторефератах диссертаций.

Не думаю, что лексическая система обогащается и за счет все усиливающегося процесса диффузии значений и в других случаях: усилитель *крайне* в 2016 г. стал употребляться не только при обозначении чего-то вредного, опасного (представление о крае допустимого), но и в сочетаниях *крайне полезно*, *крайне хорошо*, *крайне плодотворно*, а к давно уже узуальным *ужасно весело*, *страшно красив* добавились явно нарушающие логичность *сильно ослаб* из-за уже состоявшейся диффузии *сильно* и близкой к этому *больно* (в отличие от пометы «Активного словаря» [11] уже не только в негативном значении (не только *больно много*, *больно надо*, но и *больно хорошо*).

Надеюсь, что эти факты останутся в индивидуальной речи, а не станут узуальными. Так же, как противоположный наблюдаемый сейчас процесс: наряду с максимально диффузными признаками типа *продвинутый* (может быть и *человек*, и *автомобиль*, и *поступок*) все чаще стало проявляться стремление к оригинальности выражения (*дико довольные*, *безумно яркие*, *исключительно добрые*, *обильно демонстрированные* и т. д.). Во всех употреблениях точность страдает, а потому они только негативно влияют на речь, а их проникновение на правах моды в узус грозит обеднением языка.

Не менее опасна распространившаяся тенденция к неопределенности информации во избежание судебных исков. В синтаксисе это становящееся модным использование неопределенно-личных предложений: *считают*, *думают*, *утверждают*, с чем-либо *борются* без указания *кто*. Второй способ намеренного создания неопределенности — не прямое называние лиц, а более обобщенное: *эксперты*, *журналисты*, *чиновники*, *депутаты* нередко именно как нечто целостное, хотя далеко не всегда и во всем одинаково думающих и действующих людей (*банковская элита*, *Сбербанк*, *Газпром*, *Администрация президента*, *Госдума* и т. д.) без указаний конкретных ФИО, иногда имея в виду нечто авторитетное, в оппозиционных текстах часто в качестве объекта осуждения, разоблачения. Причина этого понятна, но информационная суть таких текстов исчезает: *Рассматривался вопрос...*, *В правительстве состоялось обсуждение ... и что?* Информационная функция СМИ фактически утрачивается, остаются только ее имитация и воздействие. Подробнее об этом см. [3, с. 45–47; 12].

Конечно, в статье представлены далеко не все процессы, наблюдаемые в современной русской речи. Есть и процессы «воскрешения» устаревшего (*сугубо*, *нелицеприятный*), и увлечение книжными усилителями (явный рост употребления *абсолютно*, *принципиально*, *чрезвычайно*, *максимально*) одновременно с ростом разговорных *больно*, *ужасно*, попытками возврата господствовавших в 90-е годы уродливых *по новой* и *аккурат*.

Главная мысль статьи — на речь в современной коммуникации очень влияют СМИ и Интернет. Первые воспринимаются массами как эталон правильной речи, и отсюда сознательная на них ориентация, а вместе с интернет-коммуникацией (и тем более сидением в Интернете), воспринимаемыми даже неосознанно как реальный узус, они ускоряют изменения речи масс, а она влияет на речь в СМИ и тем более в интернет-коммуникации, и образуется замкнутый круг, что вызывает уже тревогу за судьбу языка. И если в 2007 г. я считала, что судьба русского языка зависит только от нас, россиян [13], то теперь начинаю думать, что в очень большой степени она зависит от СМИ и коммуникации через Интернет.

Библиографический список

1. Николаева Т.М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.
2. Сиротина О.Б., Матяшевская А.И. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // Экология языка и коммуника-

тивная практика / под ред. А.П. Сквородникова. 2016. № 1. С. 150–164. URL: www.ecoling.sfu-kras.ru.

3. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

4. Сиротинина О.Б. «Волны» изменений в функционировании русского языка // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 4–23.

5. *Advances in Spoken Discourse Analysis* / edited by Malcolm Coulthard. L.; N. Y., 1999. 266 p.

6. Ryazanova-Clarke L., Wade T. *The Russian Language Today*. L.; N. Y., 1999. 369 p.

7. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

8. Куликова Г.С. Способы предупреждения рисков непонимания новых заимствований // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 76–84.

9. Сиротинина О.Б. Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 5–14.

10. Большой универсальный словарь русского языка / сост. В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая; под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века. Аст-ПРЕСС Школа, 2016. 1456 с.

11. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.

12. Кормилицына М.А. О некоторых синтаксических характеристиках «постновоза» на страницах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. Вып. 9. С. 38–45.

13. Сиротинина О.Б. От кого зависит судьба русского языка // *Русская речь*. 2007. № 1. С. 44–50.

References

1. Nikolaeva T.M. *O «lingvistike rechi» (v chastnosti, o mezhdometii)* [On the issue of “linguistics of speech” (in particular, of the interjections)]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of Linguistics], 2015, no. 4, pp. 7–20 [in Russian].

2. Sirotnina O.B., Matyashetskaja A.I. *K chemu mozhet privesti stremlenie k ekonomii rechevykh usilii v kommunikatsii na russkom iazyke?* [Effortless speech and its impact on the Russian language]. *Ekologija iazyka i kommunikativnaia praktika. Pod red. A.P. Skovorodnikova* [Linguistic ecology and communicative practice. A.P. Skovorodnikov (Ed.)]. E-edition, 2016, no. 1, pp. 150–164. Retrieved from: www.ecoling.sfu-kras.ru [in Russian].

3. Baikulova A.N., Viktorova E.Yu. [et al.] *Riskogennost' sovremennoi kommunikatsii i rol' kommunikativnoi kompetentnosti v ee preodolenii*. Pod red. O.B. Sirotninnoi i M.A. Kormilitsynoi [Riskogenics of present-day communication and the role of communicative competence in its overcoming]: O.B. Sirotnina, M.A. Kormilitsyna (Eds.). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2015, 188 p. [in Russian].

4. Sirotnina O.B. «Volny» izmenenii v funkcionirovanii russkogo iazyka [«Waves» of change in the Russian language]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. tr. pod red. M.A. Kormilitsynoi* [Issues of speech communication: inter-academic collection of articles. M.A. Kormilitsyna (Ed.)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2015, issue 15, pp. 4–23 [in Russian].

5. *Advances in Spoken Discourse Analysis*. Edited by Malcolm Coulthard. London–New York, 1999, 266 p. [in English].

6. Ryazanova-Clarke L., Wade T. *The Russian Language Today*. London–New York, 1999, 369 p. [in English].

7. Van Dijk T.A. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia. Izd. 2-e* [Language. Cognition. Communication. 2nd edition]. M.: LENAND, 2015, 320 p. [in Russian].

8. Kulikova G.S. *Sposoby preduprezhdeniia riskov neponimaniia novykh zaimstvovanii* [Ways to prevent misunderstanding of new loan words]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. tr. pod red. M.A. Kormilitsynoi* [Issues of speech communication: inter-academic collection of articles. M.A. Kormilitsyna (Ed.)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2014, issue 14, pp. 76–84 [in Russian].

9. Sirotinina O.B. *Bor'ba s riskogennost'iu obshcheniia kak odna iz problem rechevedeniia* [The prevention of communication riskogenics as an issue of speech studies]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. tr. pod red. M.A. Kormilitsynoi* [Issues of speech communication: inter-academic collection of articles. M.A. Kormilitsyna (Ed.)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2014, issue 14, pp. 5–14 [in Russian].

10. Morkovkin V.V., Bogachev G.F., Lutsкая N.M. *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo iazyka* [Large Universal Dictionary of the Russian Language. V.M. Markovkin (Ed.)]. M.: Slovarei XXI veka. Ast-PRESS Shkola, 2016, 1456 p. [in Russian].

11. *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka. Otv. red. Iu.D. Apresjan. T. I.* [Active Dictionary of the Russian language. Ju.D. Apresjan. Vol. I]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014, 408 p. [in Russian].

12. Kormilitsyna M.A. *O nekotorykh sintaksicheskikh kharakteristikakh «postnovoiazyka» na stranitsakh sovremennoi pressy* [Some syntactic characteristics of “postnewspeak” in the modern press]. *Problemy rechevoi kommunikatsii: mezhvuz. sb. tr. pod red. M.A. Kormilitsynoi* [Issues of speech communication: inter-academic collection of articles. M.A. Kormilitsyna (Ed.)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2009, issue 9, pp. 38–45 [in Russian].

13. Sirotinina O.B. *Ot kogo zavisit sud'ba russkogo iazyka* [Who is responsible for the Russian language]. *Russkaia rech'* [Russian speech], 2007, no. 1, pp. 44–50 [in Russian].

O.B. Sirotinina*

DYNAMICS OF THE PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIAN SPEECH

The article identifies the increase in the speed of speech changes in the XXI century due to the influence of divergent trends and investigates the role of the media and the Internet in these processes. The paper explores the role of information accuracy trend and the tendency of effortless speech which is the sign of XXI century. The profound influence of media and Internet communication on people makes linguists concerned for the destiny of the Russian language. The paper reveals the diffusion of word meanings; the result is the impoverishment of the lexical system and multiple uncertainty messages in the media aimed to avoid prosecution. The article describes the results of long-term monitoring of several major newspapers and news broadcasts and different channels and radio stations. Thus, the author assesses the ratio of literal and non-literal usage of some words (*нелицеприятный – неприятный, довольно – достаточно*) as an intensifier, and words like *сходный – похожий – подобный – схожий* and so on.

Key words: media, Internet, rate of change, main trends, destiny of the language.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* *Sirotinina Olga Borisovna* (skunak@mail.ru), Department of the Russian Language and Speech Communication, National Research Saratov State University, building 11, 83, Astrakhanskaya street, Saratov, 410012, Russian Federation.

**ДИНАМИКА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ И ЕЕ КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ МОДЕЛЕЙ ВТОРИЧНЫХ ДИМИНУТИВОВ)**

В статье на примере исторического развития моделей вторичной диминутивной деривации развивается положение о том, что динамика структурно-семантических образцов словообразования дает ценные сведения о развитии как языка, так и мышления. Изменения могут касаться каждого из компонентов структурно-семантической модели словопроизводства: мотивирующей базы данной группы производных слов, словообразовательных средств, участвующих в их образовании, словообразовательного значения результирующих единиц словопроизводственного процесса. В работе рассматривается историческая динамика на уровне каждого из названных компонентов в моделях образования вторичных диминутивов, дается когнитивная интерпретация наблюдаемых структурно-семантических изменений.

Ключевые слова: словообразование, коммуникация, когнитивия, диминутивы, модель словопроизводства, историческая динамика.

Центральным компонентом структурно-семантической модели производного слова является словообразовательное значение (СЗ). Конструирование этого значения, выявление тенденций его динамики становится основой построения коммуникативно-когнитивных моделей, определяющих изменения правил словообразования. Другие компоненты структурно-семантического образца – характер мотивирующей базы и характер словообразовательных средств – играют хотя и вспомогательную, но важную роль в моделировании коммуникативно-когнитивной динамики, поскольку именно эти составляющие структурно-семантической модели являются непосредственно наблюдаемыми феноменами, служат объективными показателями семантических изменений правил словообразования.

Моделируя характер исторической динамики СЗ диминутивов 2-й степени, на наш взгляд, необходимо исходить из того, что носителем деривационной семантики является не суффикс, не дериват, а структурная схема, образец построения одномоделных дериватов. СЗ вторичных диминутивов, таким образом, должно быть охарактеризовано как регулярная системная семантическая функция словообразовательной модели, реализуемая как компонент лексического значения производного слова (о методике определения СЗ как системной семантической функции словообразовательной модели см. [1]).

Динамика мотивирующей базы вторичных диминутивов

В древнерусский период дериваты, структурно подобные диминутивам второй степени (в СлРЯ XI–XVII вв. [2] зафиксировано всего 4 такие лексемы), мотивированы производными, занимающими промежуточное положение между предметно-характеризующей (лексической) деривацией и модификацией: дѣвѣка, коробѣка,

---

* © Крючкова О.Ю., 2016

Крючкова Ольга Юрьевна (vpks@rambler.ru), кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

жеребѣць, стѣльпѣць. Названные производные, выступившие словопроизводственной базой для дериватов 2-й степени дѣвочѣька, коробочѣька, жеребѣчикѣь, столпѣчикѣь, могут быть охарактеризованы как «условные» диминутивы. Они либо служат для обозначения другого (хотя и подобного) денотата в сравнении с тем, который обозначен непроизводным именем (ср.: жеребѣь ‘конь’ – жеребѣць ‘жеребенок’; дѣва ‘взрослая девушка’ – дѣвѣька ‘маленькая девочка’), либо являются лексикализованными словами, отличаясь от своих производящих не только значением уменьшительности, но и рядом других, неуменьшительных, значений (коробѣька, стѣльпѣьць).

В памятниках XV–XVII вв. уже отмечается большое количество (более 200) имен существительных с нанизыванием диминутивных суффиксов, среди которых много вторичных производных, структурно и семантически мотивированных собственно диминутивами, отличающимися от своих производящих именно уменьшительно-оценочными значениями: коврига – коврижка – коврижечка, яма – ямка – ямочка, шуба – шубка – шубочка, кувшинѣь – кувшинець – кувшинчикѣь, чуланѣь – чуланецѣь – чуланчикѣь, берегѣь – бережокѣь/бережьць – бережочекѣь, снегѣь – снежокѣь – снежочекѣь и под. Словопроизводственная база вторичной диминутивной деривации в этот период расширяется также за счет первичных диминутивов с абстрактным значением: работа – работка – работочка, сила – силка – силочка, смерть – смертка – смерточка, слово – словцо – словечушко, шумѣь – шумокѣь – шумочекѣь.

На протяжении XVIII–XX вв. мотивирующая база вторичной диминутивной деривации продолжает развиваться в том же направлении. Так же как и в старорусском языке, более половины из всех лексикографированных суффиксально удвоенных диминутивов образовано на базе первичных диминутивов с «живым» диминутивным значением. Преобладание собственно диминутивов в составе производящей базы вторичных диминутивов отмечается во всех лексико-семантических группах производящих имен – в группах конкретно-предметных, лично-одушевленных и абстрактных имен существительных.

Начиная с XVIII в. получает развитие новая тенденция: диминутивы с суффиксальным удвоением начинают все более активно производиться на базе так называемых стилистических модификатов, т. е. на базе производных существительных, утративших уменьшительно-оценочное значение или вовсе не имевших его, но отличающихся от своих производящих стилистической сниженностью. Речь идет о таких базовых для суффиксально удвоенных диминутивов существительных, как *верхушка* (< *верх*), *печенка* (< *печень*), *печка* (< *печь*), *тесемка* (< *тесьма*), *щебенка* (< *щебенъ*) и под. Будучи генетически родственными собственно диминутивному словопроизводству (в одних случаях образование стилистических модификатов – реальный диахронический процесс, следствие десемантизации уменьшительно-оценочного значения при сохранении стилистической маркированности, в других – возникший на этой основе самостоятельный тип деривации), стилистические модификаты органично включаются в словопроизводственную базу моделей диминутивной редупликации.

Динамика словообразовательных средств, участвующих в моделях вторичной диминутивной деривации

Направлениям развития мотивирующей базы вторичной диминутивной деривации соответствует и динамика словообразующих средств.

В древнерусский период функционируют 2 структурные модели образования вторичных диминутивов: *-ѣк + -ѣк* (дѣва – дѣвѣька – дѣвочѣька) и *-ѣц + -ѣц* (стѣльпѣь – стѣльпѣьць – стѣльпѣьчикѣь). Суффиксы 1-й степени производности, представленные в данных моделях, принадлежали к числу древнейших суффиксов диминутивного словообразования, обнаруживали склонность к десемантизации, что и становилось фактором их наращивания путем полного или синонимического удвоения.

В старорусский период в позиции первичных отмечаются не только высокопродуктивные диминутивные аффиксы, расположенные к десемантизации, но и мало-

продуктивные, нередко сложные по происхождению форманты, например, *-онк* (рубашонка – рубашоночка), *-урк* (бочурка – бочурочка), *-ишк* (судышка – судышечка, селишко – селишечко), *-ушк* (избушка – избушечка), *-ейк* (шубейка – шубеечка). Формантами второго деривационного шага при образовании вторичных диминутивов также могут выступать протяженные аффиксы с устойчивым экспрессивно-оценочным значением, ср.: коробья – коробейка – коробейченко, ларь – ларець – ларчишко, слово – словцо – словечушко, сестра – сестрица – сестриченька.

Динамические процессы в области словообразовательных средств, участвующих в моделях вторичной диминутивной деривации, свидетельствуют о все возрастающей потребности в надежных, специализированных, не склонных к десемантизации средствах выражения диминутивно-оценочных значений.

Динамика СЗ вторичных диминутивов

Изменения в области мотивирующей базы и словообразовательных средств вторичной диминутивной деривации отражают динамику СЗ обсуждаемых деривационных моделей.

В древнерусский период фактором второго деривационного шага была десемантизация собственно уменьшительного значения у дериватов 1-й степени и развивающаяся на этой основе их лексикализация. В этих условиях повтор уменьшительного словообразовательного значения, являясь средством актуализации, возобновления утраченного или затемненного диминутивного значения, приводил к образованию производных с отчетливо выраженным значением реальной уменьшительности.

Характер мотивирующей базы и особенности словообразовательных средств, участвующих в моделях вторичной диминутивной деривации в период XV–XVII вв., указывают на семантическую переориентацию суффиксального диминутивного удвоения в старорусском языке. Суффиксально усложненные диминутивы появляются теперь не только для обновления стершегося уменьшительного значения, но и для усиления и дальнейшего коннотативного обогащения диминутивной семантики. Ср. лексико-семантическое согласование при употреблении диминутивов 2-й степени в памятниках старорусского периода (примеры приводятся по [2]): *Въземше оба сѣи шел плачучи глѣ о бже бѣда мнѣ и вам снѣочковѣ милья ибо матка ваша дана иному мужу. Р. Д., XVII в. Да послала я къ тебѣ, свѣтъ мой, коврижечку, и тебѣ бы, батька мой, кушать на здоровье. Переп. Хован., 1678 г. Денег у себя не сказала; на робенке кошюлченка заечья худа. Д. Холоп., 1621 г.*

Начиная с XVIII в. вторичные диминутивы устойчиво функционируют как производные с многозначным СЗ, образуемым уменьшительной, эмоционально-оценочной и стилистической семами. Это СЗ реализуется независимо от принадлежности мотивирующей лексемы к семантическому полю и независимо от характера семантической модели образования вторичного диминутива. Полисемантическое словообразовательное значение вторичных диминутивов может быть реализовано в речевом акте нерасчлененно, или же в соответствии с коммуникативным заданием через актуализаторы различного рода осуществляется доминирование той или иной семы, ср.:

Петух рассказывал, что просыпана целая горсть, а на самом деле оказалось, что всех зерен – только щепоточка. Максим. Крылат. слова (актуализация уменьшительного значения); *Так он и будет у меня знать, когда ему в сапогах щеголять, а когда в лапоточках!* Гл. Усп. Оч. прех. времени (актуализация уничижительного значения); *В избе было чисто, пахло вымытым полом, шалфеем, восковой свечечкой, зажженной в углу.* А. Толст. Хром. барин (актуализация ласкательного значения).

Применение в случаях необходимости операторов подчеркивания размерных или оценочных сем диктуется полифункциональностью диминутивов, а также главенством коммуникативно-стилистической функции, которая становится постоянной их функцией, в отличие от переменных – размерной и оценочной. Эту особенность функционирования диминутивных производных (как 1-й, так и 2-й степени) в современной русской речи отмечают многие исследователи, подчеркивая разные аспекты семанти-

чески опрошенного использования подобных образований. Ср. примеры употребления вторичных диминутивов как «форм разговорности»: *Можно, я холодненькой водички добавлю?* (из разг. речи); *Номерочек не подскажете?* (из разг. речи).

Усиление стилистической доминанты позволяет вовлекать в модели вторичной диминутивно-оценочной деривации более широкий круг отвлеченных имен существительных и существительных, связанных с производственной деятельностью человека, — основы, которые прежде значительно реже попадали в число производящих для данной типа словообразования. Так, например, среди новообразований последней четверти XX в. в Словарных материалах «Новое в русской лексике» [3] отмечены такие, как *хохоточек, юморочек, бормоточек, граммилечка*. Те же тенденции прослеживаются и при словопроизводстве диминутивов 1-й степени (ср.: *стилек, культурка, должностилка, фирмочка, зевотца, штурманок, технарник, леспромхозик, обьектик, нарядик*). Ср. также употребление диминутивных новообразований названных семантических групп в современных текстах НКРЯ [4]: «*Повестуха* называется «*Любовь*» и написана, как *выразились бы ее герои, «с юморочком»...* (Э. Радзинский. Наш Декамерон, 1980–1990); *Вот только дар слова сам собой покинул его. Гольй стиль, стилек. Пустые чистенькие абзацы* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени, 1996–1997); *Выполнять подряд взялась фирмочка, организованная бывшими милиционерами* (Д. Соколов-Митрич. Леша из Лавры // «Русский репортер», 2015); *Доклеить за полчаса эфира два минутных сюжета о культурке проще простого* (Е. Козырева. Дамская охота, 2001).

Таким образом, историческое развитие вторичной диминутивной деривации, как и всей диминутивной системы, представляет собой движение от собственно диминутивной к диминутивно-оценочной и далее, если учитывать иерархию признаков, к оценочно-диминутивной стилистически маркированной системе с усилением коммуникативно-стилистических функций, т. е. движение от словообразовательной подсистемы с преимущественно информативной функцией к подсистеме преимущественно прагматической.

Когнитивная интерпретация описанных динамических процессов

Динамика структурно-семантических моделей вторичной диминутивной деривации служит оязыковленным выражением меняющихся во времени коммуникативных потребностей, определяющих, в свою очередь, направленность когнитивной динамики, направленность мыслительных процессов в национально-культурном сообществе носителей языка (о главенстве коммуникативной детерминанты в развертывании слово-порождающего процесса и опосредованном (коммуникативной интенцией) характере когнитивной составляющей словообразовательной деривации см. [5]).

Структурно-семантические модели вторичной диминутивной деривации в их совокупности отвечают определенным коммуникативным установкам говорящих, реализуя, по Е.А. Земской [6, с. 8–12], номинативную, экспрессивную и стилистическую функции. Вторичные диминутивы образуются: а) для наименования предмета небольшого размера; б) как средства выражения экспрессивного, эмоционального отношения к предмету, лицу, явлению, ситуации; в) как средства сниженного (разговорного) регистра общения. Как показывает динамический анализ моделей вторичной диминутивной деривации, названные коммуникативные функции формируются (или, по крайней мере, усиливаются) в этой словопроизводственной сфере в приведенной здесь последовательности.

Названным коммуникативным интенциям соответствуют определенные когнитивные процессы (о когнитивных функциях разных типов словообразовательных моделей см. [7]). Действие словообразовательного механизма в области порождения диминутивов 2-й степени направлено на систематизацию разных аспектов человеческого опыта. Модели номинативной направленности (в рассматриваемом материале — модели с СЗ реальной уменьшительности) объективируют понятия, сформированные на основе непосредственного чувственного опыта, это, по Е.С. Кубряковой, словообразовательные структуры отражательного характера [8].

Производные моделей с экспрессивно-оценочным СЗ фиксируют результаты субъективной аксиологической деятельности познающего и оценивающего мир человека. Специфика экспрессивно-оценочного словопроизводства состоит в том, что в словообразовательном акте не вербализуется, как правило, новое понятие, а лишь характеризуется (субъективно оценивается) уже осмысленное и «сохраненное» в языке.

Производные стилистического словообразования также являются единицами, повторно репрезентирующими уже вербализованное понятие, однако в отличие от экспрессивно-оценочных дериватов производные с собственно стилистической функцией фиксируют не видоизменение субъективного знания об объекте, а когнитивную операцию выбора *формы предъявления знания*, соответствующей условиям общения.

Производные экспрессивно-оценочных и стилистических моделей, наделенные, как и любое слово, номинативной функцией, создаются, однако, не для реализации этой функции, а для речевой репрезентации субъективного отношения к реалиям действительности или обеспечения избираемой говорящими формы общения.

В истории моделей вторичной диминутивной деривации обнаруживается тесная связь процессов концептуализации *действительности* (объективных и субъективных знаний о мире) и процессов концептуализации *коммуникативного опыта* (знаний о формах общения). Концептуализация представлений о малом размере осуществляется носителями русского языка в теснейшей связи с субъективной аксиологической интерпретацией — как положительной, так и отрицательной, идея малого обогащается разнонаправленными смысловыми оттенками. Семантически сложный концепт, выражаемый системой моделей диминутивно-оценочного словопроизводства, функционально коррелирует со сниженным регистром общения. (Связь между содержанием концепта и характером его функционирования подчеркнута В.И. Карасиком: «Специфическая ориентация определенных концептов на ту или иную сферу общения выражается в том, что определенные смысловые образования оцениваются в той или иной лингвокультуре как относящиеся к высокому либо нейтральному, либо сниженному регистру общения» [9, с. 133]). Увеличение продуктивности вторичной диминутивно-оценочной деривации неразрывно связано с усилением позиций сниженного регистра в русском коммуникативном пространстве (см., напр., [10]), а результирующие единицы этого вида словопроизводства служат средством обеспечения данного регистра соответствующими ему языковыми средствами.

Библиографический список

1. Крючкова О.Ю. Историческая динамика словообразовательного значения деминутивных редупликатов // Язык и общество. Вып. 11. Саратов: Изд-во СГУ, 1997. С. 14–17.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы 1977–1988. М., 1980–1996.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 03.05.2016).
5. Голев Н.Д. Словообразование как эволютивный синергетический процесс // Актуальные проблемы современного словообразования. Вып. 2. Кемерово, 2008. С. 21–31.
6. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2005. 224 с.
7. Крючкова О.Ю. Соотношение функциональных и когнитивных типов словообразовательных моделей // Актуальные проблемы современного словообразования. Вып. 3. Кемерово: ИНТ, 2009. С. 220–225.
8. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65, № 2. С. 3–13.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Крючкова О.Ю. Функционально-стилистическая динамика русского языка как фактор словообразовательной эволюции // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов: Научная книга, 2005. С. 39–44.

References

1. Kryuchkova O.Yu. *Istoricheskaia dinamika slovoobrazovatel'nogo znachenii deminutivnykh reduplikatov* [Historical dynamics of word-formative meaning of diminutive reduplicants]. *Iazyk i obshchestvo. Vyp. 11* [Language and Society]. Issue 11. Saratov: Izd-vo SGU, 1997, pp. 14–17 [in Russian].
2. *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–28* [Russian Language Dictionary of the XI–XVII cc. Issues 1–28]. M.: Nauka, 1975–2008 [in Russian].
3. *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy 1977–1988* [New in Russian vocabulary. Dictionary materials of 1977–1988]. M., 1980–1996.
4. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National Russian Language Corpus]. Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 03.05.2016) [in Russian].
5. Golev N.D. *Slovoobrazovanie kak evoliutivnyi sinergeticheskii protsess* [Word-formation as an evolutive synergetic process]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniia. Vyp. 2* [Topical issues of modern word-formation studies. Issue 2]. Kemerovo, 2008, pp. 21–31 [in Russian].
6. Zemskaja E.A. *Slovoobrazovanie kak deiatel'nost'*. *Izd. 2-e* [Word-formation as an activity. 2nd edition]. M.: KomKniga, 2005, 224 p. [in Russian].
7. Kryuchkova O.Yu. *Sootnoshenie funktsional'nykh i kognitivnykh tipov slovoobrazovatel'nykh modelei* [Correlation between functional and cognitive types of word-formation models]. *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniia. Vyp. 3* [Topical issues of modern word-formation studies. Issue 3]. Kemerovo: INT, 2009, pp. 220–225 [in Russian].
8. Kubryakova E.S. *Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatel'nye kategorii kak ikh sostavliaiushchie* [Images of the world in human consciousness and word-formation categories as their components]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2006, Vol. 65, no. 2, pp. 3–13 [in Russian].
9. Karasik V.I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477 p. [in Russian].
10. Kryuchkova O.Yu. *Funktsional'no-stilisticheskaia dinamika russkogo iazyka kak faktor slovoobrazovatel'noi evoliutsii* [Functional and stylistic dynamics of the Russian language as a factor of word-formation evolution] in *Iazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and Society in Synchrony and Diachrony]. Saratov: Nauchnaia kniga, 2005, pp. 39–44 [in Russian].

O. Yu. Kryuchkova*

**DYNAMICS OF STRUCTURAL AND SEMANTIC MODELS OF DERIVATIVES
AND ITS COMMUNICATIVE AND COGNITIVE BASIS (ON THE MATERIAL
OF SECONDARY DIMINUTIVES MODELS)**

The author proves, on the example of secondary diminutives derivation models historical development, the thesis that structural and semantic dynamics of word-formative patterns provides valuable information about the development of both language and thought. The changes can apply to each component of word-formation semantic and structural model: motivational base of a given group of derivatives, their word-formative means, word-formation meaning of the resulted word-formation units. The article deals with historical dynamics at the level of each of the mentioned components in secondary diminutives formation models. It also provides cognitive interpretation of the given structural and semantic changes.

Key words: word-formation, communication, cognition, diminutives, word-formation model, historical dynamics.

Статья поступила в редакцию 15/II/2016.
The article received 15/II/2016.

---

* *Kryuchkova Olga Yur'evna* (vpks@rambler.ru), Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, National Research Saratov State University, building 11, 83, Astrakhanskaya street, Saratov, 410012, Russian Federation.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ИНТЕРФЕЙС РЕЧЕВЫХ СФЕР АВТОРА И ПЕРСОНАЖА В МИКРОЭПИЗОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена функционально-дискурсивному анализу словосочетания. В статье показано, что словосочетание может становиться интерфейсной структурой, в которой взаимодействуют речевые сферы автора и персонажа.

Ключевые слова: словосочетание, интерфейс, художественный дискурс, микроэпизод.

Как известно, в русской синтаксической науке словосочетание издавна рассматривалось как развернутая дескрипция на основе подчинительной связи слов, гештальтно-замкнутая, с одной стороны, и связанная в своем речевом генезисе с контекстом — с другой (ср., например, [1; 2]). Однако ограничение такого контекста предложением (предикативной конструкцией) и, более того, внедискурсивная перспектива осмысления проблемы «словосочетание и контекст» препятствовали выдвиганию на первый план такого свойства словосочетания, как вариативность порождения в ее обусловленности структурой дискурса (в особенности художественного).

Кстати сказать, идея В.В. Виноградова о двуединой обращенности слов и их сочетаний к действительности и к художественному произведению [3, с. 233–234] вполне могла бы быть использована в качестве объяснительной интуиции, относящейся к словосочетанию как явлению дискурсивному в его речевой организации и контекстной семантике.

Художественный дискурс представляет собой многослойную, в разной мере конвенциональную речевую структуру, отдельные компоненты и стороны которой вступают между собой в сложное взаимодействие, обеспечивая интерфейсную динамику эстетической коммуникации. На принципе непрерывности интерфейса зиждется целостность художественного дискурса, на создание интерфейса и его оптимальное маркирование нацелен писатель, без реконструкции интерфейса во внутренней речи читателя смысловое восприятие становится «опустошенным», а эстетическая интеракция — неполноценной.

Наблюдения над романом А.И. Солженицына «В круге первом» показывают, что в этом художественном дискурсе, в границах микроэпизода, посредством словосочетания осуществляется интерфейс речевых сфер автора и персонажа. Причем это вовсе не несобственно-прямая речь, при которой «готовое» словосочетание, как бы принадлежащее персонажу, воспроизводится автором; у А.И. Солженицына объективировано взаимодействие речевых сфер автора и персонажа именно в том, как словосочетание творится и как оно семантически преобразуется по сравнению со словосочетанием-аналогом, не включенным в подобный интерфейс.

Такого рода словосочетания отличаются тем свойством, которое В.Г. Адмони называл «весомостью», т. е. особой «дополнительной нагрузкой», «распространяющейся на все компоненты предложения в художественной речи» [4, с. 231]. Интерфейсные истоки словосочетания делают его принципиально свободным внутри художественного дискурса и наделяют эту его весомость двумя отличительными чертами. Во-первых, весомость отображает актуализацию формы словосочетания, а также соотношенность и вместе с тем дифференцировку способов обращения с ней; во-вторых, весомость обусловлена не чем иным, как семантическим «расслоением» словосочетания, в частности включением в его смысловую структуру метатекстового дейксиса.

* © Сигал К.Я., 2016

Сигал Кирилл Яковлевич (kjseagal@yandex.ru), отдел экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН, 125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

Анализ словосочетаний-интерфейсов в художественном дискурсе позволяет, с одной стороны, обнаружить один из механизмов семантической динамики сюжетно значимых категорий ('предмет', 'лицо' или др.) в микроэпизоде, а с другой стороны, раскрыть путь создания словосочетания, учитывающий лексическую преемственность (прайминг) и смысловую конфликтность одновременно, что характерно для развертки диалога.

В романе А.И. Солженицына «В круге первом» макроэпизод «Вечер у Макарыгиных», охватывающий три главы (с 62-й по 64-ю), включает в себя микроэпизод «Разговор сокурсницы Клары Макарыгиной с государственным молодым человеком», занимающий менее двух страниц в 64-й главе. Девушка просит молодого человека, референта в секретариате Верховного Совета, помочь ее отцу, разбитому в лагере параличом и обреченному на смерть, получить помилование. Однако вслед за упреком (— *Знаете, это... нетактично с вашей стороны — обращаться ко мне здесь.*) тот с усмешкой бросает страшные слова о том, что кто-то должен умирать и в лагере.

В микроэпизоде для описания девушки трижды использованы атрибутивные словосочетания. В начале эпизода, еще до разговора, глазами молодого человека автор замечает *худощавенькую приятную девушку*; в конце эпизода, уже после разговора, автор глазами других гостей отмечает *помраченную девушку*. Эти два словосочетания формируют своеобразную лично-атрибутивную рамку, посредством которой показано, как разговор изменил эмоциональное состояние девушки и как ее воспринимают окружающие. Еще одно словосочетание оказалось внутри лично-атрибутивной рамки: *Нетактичная девушка... оделась в коридоре и ушла*. В этом словосочетании, развернутом в речи автора, осуществлен интерфейс, поскольку именно такая оценка ('нетактично') была дана поведению девушки в речи персонажа.

Очевидно, что интерфейс в субстантивно-адъективном словосочетании обеспечен, с одной стороны, типичным переносом характеристики действия на лицо, осуществляющее это действие, а с другой стороны, тем, что качественные прилагательные и однокоренные наречия на -о являются позиционными вариантами в условиях распространения существительного и глагола соответственно.

Подобное словосочетание-интерфейс «привязано» к художественному дискурсу: его невозможно понять в рамках валентностного синтаксиса, где учет контекста необязателен, и, наоборот, только внутри связей художественного дискурса оно воспринимается сквозь призму семантико-синтаксического смещения, которое способствовало его созданию в речи автора. Однако если при «чистом» смещении признак семантически никак не изменяется, то в словосочетании-интерфейсе он явно не тождествен признаку из речи персонажа. Причем это различие не относится исключительно к темпоральности: если наречие на -о способно обозначать, в частности, однократный признак действия, то однокоренное прилагательное в атрибутивной позиции специализируется на обозначении постоянного признака лица.

В речевой сфере автора словосочетание-интерфейс не только не исчерпывается таким семантическим толкованием, как 'девушка, не обладающая умением вести себя пристойно, уважая других' [5, с. 969], но и, по сути дела, противоречит ему.

В границах микроэпизода художественного дискурса словосочетание *нетактичная девушка* неизбежно воспринимается как интерфейсное, а его адъективный компонент — как цитатный. По этой причине в смысловую структуру словосочетания включается метатекстовый дейктический компонент 'по мнению государственного молодого человека', и именно этот модусный смысл обуславливает отчуждение автора от выносимой оценки и от согласия с ней. Посредством смыслового подчеркивания цитатности атрибута достигается эффект иронизации над субъектом такой оценки и, наоборот, сочувствие ее объекту.

Важно и другое. Метатекстовый дейксис «оживляет» предикацию, лежащую в основе словосочетания-интерфейса, и превращает его в атрибутивно-предикативную структуру, причем без инверсии, обособления и т. д. На это указывает, в частности, такой факт: признак лица, обозначенный качественным прилагательным в полной

форме, вовсе не осмысливается здесь как постоянный, что свойственно не столько словосочетаниям, сколько предикативным конструкциям.

Семантическая несоизмеримость этого словосочетания-интерфейса и словосочетания-аналога, никак не связанного с подобным интерфейсом, наиболее ощутима, по-видимому, в актерской интерпретации. Ведь как просто сыграть нетактичную девушку вообще! Покажи несоблюдение чувства меры в поведении – и цель достигнута: тонкого актерского мастерства это не требует. Нетактичная девушка в том смысле, который придал этому словосочетанию А.И. Солженицын, – это «мерцающий» образ, не поддающийся одноплоскостной актерской игре.

Безусловно, словосочетания-интерфейсы не сводятся к описанному прецеденту и не ограничены художественным дискурсом. Это явление может стать особым предметом лингвистического исследования.

Библиографический список

1. Сухотин В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 127–182.
2. Смольянинова Е.Н. Словосочетание и контекст // Языковые единицы и контекст. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 123–130.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: ГИХЛ, 1959. 655 с.
4. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 239 с.
5. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

1. Sukhotin V.P. *Problema slovosochetaniia v sovremennom russkom iazyke* [Problem of word-combination in modern Russian language] in *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka* [Aspects of modern Russian syntax]. M.: Uchpedgiz, 1950, pp. 127–182 [in Russian].
2. Smol'yaninova E.N. *Slovosochetanie i kontekst* [Word-combination and context] in *Iazykovye edinitsy i kontekst* [Linguistic units and context]. L.: LGPI im. A.I. Gertsena, 1973, pp. 123–130 [in Russian].
3. Vinogradov V.V. *O iazyke khudozhestvennoi literatury* [On the language of fiction]. M.: GIKhL, 1959, 655 p. [in Russian].
4. Admoni V.G. *Grammaticheskii stroi kak sistema postroeniia i obshchaia teoriia grammatiki* [Grammatic system as a system of construction and general theory of grammar]. L.: Nauka, 1988, 239 p. [in Russian].
5. Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Russian explanatory dictionary with the inclusion of information about the origin of words]. M.: Azbukovnik, 2007, 1175 p. [in Russian].

K. Ya. Seagal*

WORD-COMBINATION AS AN INTERFACE OF SPEECH SPHERES OF AUTHOR AND CHARACTER IN THE MICROEPISODE OF ARTISTIC DISCOURSE

The article is devoted to the functional and discursive analysis of word-combination. In the article it is shown that word-combination can be an interface structure, in which the speech spheres of author and character are integrated.

Key words: word-combination, interface, artistic discourse, microepisode.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Seagal Kirill Yakovlevich* (kjseagal@yandex.ru), Department of Experimental Speech Research, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 bld., 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russian Federation.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ УСТНОГО НАРРАТИВА В ОНТОГЕНЕЗЕ

Статья обращена к опыту зарубежных исследований, опирающихся на когнитивный подход, в области изучения такой сложной и во многом еще не ясной проблемы, как становление устного нарратива у детей. На основе анализа зарубежных исследований, проводимых в русле когнитивного направления современной науки, и выявленных фактов, указывающих на значение освоения ребенком ментального компонента деятельностной ситуации «цель – действие – результат», а также концептуальной репрезентации устной истории как специфической формы дискурса в статье высказывается предположение о психолингвистическом механизме порождения устного нарратива в онтогенезе.

Ключевые слова: рассказывание историй, концепт истории, истории с целеполаганием, ментальный компонент деятельностной ситуации «цель – действие – результат», достижение цели.

Среди заметных направлений в области изучения детского нарратива выделяется когнитивное направление, возникшее в конце семидесятых годов XX века [1; 2]. Одной из первых работ по нарративу детей, подготовившей почву для когнитивного направления и одновременно смену подхода к анализу материала, является исследование А. Эпплби, в котором становление нарратива рассматривается во взаимосвязи с процессами, происходящими в когнитивной сфере развития ребенка [3].

Главное, что объединяет исследования этого направления, состоит в том, что формирование нарратива в детской речи связывается с когнитивными процессами, вплетенными в ход дискурсивного развития ребенка. Когнитивный подход ориентирован на выявление отдельных звеньев внутреннего механизма процесса порождения нарратива, которые можно наблюдать сквозь призму его поверхностной вербальной реализации и умений детей рассказывать истории.

Рассказывание историй (*storytelling*) – сложная дискурсивная деятельность, требующая интеграции и взаимодействия различных типов знания. Обычно *storytelling* ассоциируется с развлекательной функцией, однако истории несут в себе и другие функции, являясь по своей сути отражением социальных ценностей, убеждений и целей, которые мотивируют человеческую интеракцию. В основе историй лежит последовательность событий, отражающая некоторые затруднительные положения, с которыми сталкиваются люди (живые существа), и различные способы, посредством которых они преодолевают возникающие трудности. Большинство историй начинается с событий и каких-то значительных условий, меняющих привычный образ жизни протагониста и вынуждающих его к принятию решений и действий для достижения важной для сложившейся ситуации цели.

---

* © Юрьева Н.М., 2016

Юрьева Надежда Михайловна (o.yuriev@list.ru), отдел экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН, 125009, Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

По мысли Н.Л. Стейн, поскольку истории отражают индивидуальные и интерперсональные знания, важно понять отношения между развитием социальной когниции у ребенка и развитием у него умений рассказать «хорошую историю» [4, с. 282–283]. В этой связи исследователи обращаются к знаниям и умениям, которые ребенок использует, когда он рассказывает свои истории.

Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро полагают, что нарративный процесс в *storytelling* опирается на такие когнитивные способности рассказчика, как его умение организовать содержание и структуру эпизодов, включенных в событие, в когерентное целое, состоящее из взаимосвязанных эпизодов. Истории должны быть каузально организованы, т. е. в истории всегда имеется начальное событие, подталкивающее развитие сюжета, а главного героя (протагониста истории) — к тем или иным действиям. В свою очередь, умение индивида рассказывать истории опирается на знания о человеческой интенциональности, о разнообразных действиях и результатах этих действий [1, с. 5–44].

Н.Л. Стейн и Е.Р. Албро обращаются к освоению детьми сфер человеческой интенциональности и целенаправленного действия, которые, по их мнению, оказывают воздействие на нарративные компетенции детей. В рамках этого подхода рассказывание истории также связывается с овладением своеобразными «нарративными правилами», которыми ребенку (как рассказчику) необходимо следовать при продуцировании устных историй.

Подчеркнем, что мы выделяем исследования, посвященные лишь одной, но важной проблеме устного нарратива детей — формированию связности в устных историях детей и использовании ими «целеструктурированного» знания в таких историях [1]. В исследованиях рассматриваются вопросы осмысления детьми человеческой интенциональности и целенаправленного действия, выявляются способы, посредством которых дети используют эти знания для упорядочивания содержания и когерентности продуцируемых историй.

Важно, на наш взгляд, что исследователи не только выделяют основные «проблемные звенья» когнитивного механизма, действующего в процессе рассказывания детьми устной истории, но также освещают процедуры анализа вербального материала [4, с. 295; 1, с. 6]. В большинстве исследований авторы опираются на экспериментальный материал по рассказыванию историй детьми от пяти до десяти лет и взрослыми.

В центре анализа находится несколько аспектов: а) концепт ИСТОРИЯ; б) структурная организация эпизода: секвенция «цель — действие — результат»; в) нарративные стратегии, используемые для поддержания когерентности истории; г) взаимосвязь между эпизодами, специальные средства связности.

Хотя в рассматриваемых работах не дается четкого определения концепта ИСТОРИЯ, результаты исследований, проведенных в рамках когнитивного подхода, свидетельствуют о важности представлений ребенка об истории как одной из форм дискурса и формирования у него этого концепта для компонентов истории, связанных с выражением в истории интенциональности и целенаправленных действий. Показано, что концепт истории проходит у детей несколько ступеней формирования. Выявлены факты, свидетельствующие о том, что осмысление рассказчиком истории влияет на структуру и содержание нарратива [4, с. 285–291].

Для историй с целеполаганием (т. е. имеющих в основе происходящих событий некоторую цель), рассказанных детьми пяти лет и детьми младшего школьного возраста, характерна когерентная организация эпизодных секвенций. Если ребенок рассказал историю, имеющую в основании цель (*goal-based story*), то она почти всегда содержала больше чем один эпизод, при этом большая часть эпизодов включала все компоненты, необходимые для соответствия критерию «хорошая история» [5, с. 255–282; 1, с. 37–38].

Показано, что базовым механизмом, лежащим в основе эпизодного знания, является его организация в виде фрейма «цель — действие — результат» [1, с. 38–39].

Получены данные о роли неудачи и успеха в создании повествовательной последовательности, состоящей из множества эпизодов. Такой компонент события, как препятствие, способствует пересмотру цели и подталкивает рассказчика к ее «переопределению» и переоценке (*reevaluation of a goal*). Включение препятствия в повествовательную секвенцию почти всегда ведет к созданию эпизодно сложной истории [6, с. 343–378; 1, с. 39].

Мы выделили лишь некоторые положения и кратко остановились лишь на некоторых результатах зарубежных исследований, применяющих когнитивный подход. Выявленные факты и результаты исследований позволяют считать, что *storytelling* во многом определяется ментальными процессами, происходящими в когнитивном развитии ребенка, и обеспечивается знаниями, связанными с целенаправленной деятельностью, процессами целеобразования и антиципацией результатов действий и событий, о которых он рассказывает.

Проведенные исследования отходят в анализе когерентности от единичного изолированного высказывания-предложения и переходят к связи событий в нарративах как фокусе когерентности. Описывая взаимосвязь между результатами эпизода и последующими целями, можно определить, как дети поддерживают связную нарративную последовательность и как события связываются между собой в сложном речевом построении.

Накопленные к настоящему времени данные позволяют сделать заключение о том, что развертывание устного нарратива обеспечивается многокомпонентной организацией самой истории: становлением в процессе развития ребенка ее эпизодно-содержательной структуры и формированием ментального компонента деятельностной ситуации «цель – действие – результат». Одновременно выявленные факты подтверждают мысли отечественных исследователей о том, что в формировании связного устного текста и устного нарратива также задействованы процессы мета-языковой рефлексии речевых компонентов устного нарратива как особой дискурсивной формы [7; 8, с. 101–114].

Библиографический список

1. Stein N.L., Albro E.R. Building complexity and coherence: children's use of goal-structured knowledge in telling stories // *Narrative development. Six approaches*. N. Y.; L.: Routledge, 1997. P. 5–44.
2. Knowledge of goals and plans in the on-line narration of events / T. Trabasso, N.L. Stein, P. Rodkin [et al.] // *Cognitive development*. № 7. 1992. P. 133–170.
3. Applebee A. The child's concept of story. Chicago; L., 1978.
4. Stein N.L. The development of children's storytelling skill // *Child language. A Reader*. N. Y.; L.: Oxford University Press, 1988. P. 282–297.
5. Stein N.L., Glenn C.G. An analysis of story comprehension in elementary school children // *New directions in discourse processing. Advances in discourse processes*. Vol. 2. Norwood; N. J.: Ablex, 1979. P. 255–282.
6. Stein N.L., Levine L.J. The causal organization of emotion knowledge: a developmental study. *Cognition and emotion*. 1989. № 3. P. 343–378.
7. Седов К.Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
8. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте. Опыт теоретико-экспериментального исследования. М.: Гуманитарий, 2004. 403 с.

References

1. Stein N.L., Albro E.R. Building complexity and coherence: children's use of goal-structured knowledge in telling stories. *Narrative development. Six approaches*. New York, London, Routledge, 1997, pp. 5–44 [in English].

2. Trabasso T., Stein N.L., Rodkin P. et al. Knowledge of goals and plans in the on-line narration of events. *Cognitive development*, no. 7, 1992, pp. 133–170 [in English].
3. Applebee A. The child's concept of story. Chicago, London, 1978 [in English].
4. Stein N.L. The development of children's storytelling skill. *Child language. A Reader*. New York – London: Oxford University Press, 1988, pp. 282–297 [in English].
5. Stein N. L., Glenn C.G. An analysis of story comprehension in elementary school children. *New directions in discourse processing. Advances in discourse processes. Vol. 2*. Norwood, N.J.: Ablex, 1979, pp. 255–282 [in English].
6. Stein N.L., Levine L.J. The causal organization of emotion knowledge: a developmental study. *Cognition and emotion*, 1989, no. 3, pp. 343–378 [in Russian].
7. Sedov K.F. *Diskurs i lichnost'. Evoliutsiia kommunikativnoi kompetentsii* [Discourse and personality. Evolution of communicative competence]. M.: Labirint, 2004, 317 p. [in Russian].
8. Seagal K.Ya. *Sochinitel'nye konstruksii v tekste. Opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniia* [Co-ordinating constructions in text. Experience of theoretical and experimental studies]. M.: Gumanitarii, 2004, 403 p. [in Russian].

N.M. Yurieva*

COGNITIVE APPROACH IN THE STUDIES OF ORAL NARRATIVE IN ONTOGENESIS

The article is devoted to the elaboration of the problem of oral narrative in ontogenesis which has already been singled out by the foreign linguists as a separate area of speech development. On the basis of analysis of works by foreign researchers carried out within the cognitive approach of modern science and the obtained facts pointing to the importance of the child's mastering of mental component of activity situation «goal – action – outcome», as well as the conceptual representation of oral history as a specific form of discourse, the researcher offers a hypothesis about a psycholinguistic mechanism of development of oral narrative in ontogenesis.

Key words: storytelling, story concept, goal-based stories, mental component of activity situation «goal – action – outcome», attainment of the goal.

Статья поступила в редакцию 11/VII/2016.
The article received 11/VII/2016.

---

* *Yurieva Nadezhda Mikhailovna* (o.yuriev@list.ru), Department of Experimental Speech Research, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 bld., 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russian Federation.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТОВ БИБЛЕЙСКОГО ИСТОКА: НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с библейским текстом как прецедентным феноменом в русской литературе и культуре. В центре внимания автора находится Ветхозаветная ситуация «Неопалимая купина» и формирующиеся на ее основе концепты.

Смысловая эволюция концептов изучалась при помощи метода сравнения когнитивной матрицы библейского текста и написанных в разное время художественных произведений.

В результате проведенного анализа установлено, что при значительных деформациях в структуре когнитивной матрицы библейского текста в процессе реализации его прецедентного потенциала отмечается как концептуальная связь с исходным текстом Библии, так и универсальный межкультурный характер ключевых концептов «Неопалимая купина», «Бог», «свет». Сделан вывод о том, что представляется перспективной их дальнейшая смысловая эволюция в языке и лингвокультуре.

Ключевые слова: концепт, прецедентный текст, прецедентная ситуация, Библия, Неопалимая купина, художественный текст.

Культурная универсальность библейского текста, его место в европейском и мировом литературном каноне [10; 11] позволяют не только реализовать прецедентный потенциал Библии, но и оказывать заметное влияние на развитие литературного языка. Концепт «Неопалимая купина» генерирован одной из самых известных ситуаций библейского истока. По ветхозаветному тексту, Неопалимая купина – чудесный, горящий, но не сгорающий куст терновника, в пламени которого Моисею явился Бог и повелел ему вывести еврейский народ из египетского плена (Исход, III, 2), что стало впоследствии осознаться как важнейший прообраз Богоматери, ее чистоты, нетленности, как символ непорочного зачатия.

Эта прецедентная ситуация не содержит большого количества когнитивных линий – в отличие от некоторых других ситуаций [1; 2, с. 94–97], поскольку является небольшим (но чрезвычайно значимым!) фрагментом библейского текста, в котором впервые возникает *купина горяше* (ὁ βῆτος χαίεται πυρί).

В этом эпизоде эксплицируются важнейшие для библейского дискурса концепты «Бог <Божественное начало>» и «Божественное пророчество»; «Неопалимая купина» – концепт, обладающий смысловой самостоятельностью и одновременно являющийся компонентом концептополя «Бог». В древнерусском языке «купина» (терновник, куст) широко употребляется в прямом значении, в образных контекстах и эксплицирует концептосферу «Неопалимая купина». Для уточнения понятийного уровня концепта

---

* © Орлова Н.М., 2016

Орлова Надежда Михайловна (nador2006@rambler.ru), кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

следует учесть, что «неопалимая купина» – народное название ясенца (*Dictamnus albus*), содержащего эфирные масла, пары которых могут вспыхивать, придавая ему сходство с горящим кустом из Библии.

Языковое выражение имени концепта обладает богатой внутренней формой в русском и в других славянских языках, связанных с православной культурой (ср. укр. *неопалима купина*, болг. *неопалимата къпина*); в европейских языках употребляется буквально близкое к библейскому первоисточнику имя «горящий куст» (англ. *burning bush*, франц. *buisson ardent*, польск. *krzak, krzew ognisty*). Образ этот является в русском языковом сознании одним из самых поэтических и наполненных глубокой символикой; несомненно также его близкая связь с концептом «огонь», а через него – с мегаконцептом «свет» [3, с. 122–123; 4, с. 269–270].

В художественных текстах концептосфера «Неопалимая купина» представлена разными компонентами (*купина, неопалимая купина, горящий куст, Моисеев куст* и т. д.); она может иметь косвенную и инвертированную вербализацию или не иметь словесной экспликации, если концепт выявлен всей прецедентной ситуацией «Моисей в пустыне». Так, в стихах Андрея Белого, посвященных памяти Вл. Соловьева, наблюдаем замену «огня» (в пустыне) «снегом» (в России), а Учитель – Соловьев – вначале косвенно уподоблен Моисею, затем голос самого поэта звучит из снежного вихря, как из горящего куста («Владимиру Соловьеву»). Ср. также не прямое именование концепта у Валерия Брюсова: *Беглец гонимый, сын рабыни, Чужих, безвестных стад пастух, Ты с Богом говорил в пустыне, Как сын с отцом, как с духом дух* («Моисей»).

Связь образа Неопалимой купины с концептом «Бог» обладает большой устойчивостью, и в текстах самых разных авторов Купина символизирует Божественное откровение, пророчество, очищение, нетленность: *Мы погибаем, не умирая, Дух обнажаем до дна. Дивное диво – горит, не сгорая, Неопалимая купина!* (М. Волошин. «Неопалимая купина»).

При всем разнообразии толкований образа огня как очищающего страдания этот символ для революционных эпох является устойчивым, архетипическим и оправдывающим кровавый характер революции, поэтому концепт «Неопалимая купина» эксплицируется в стихотворном корпусе Серебряного века, поэзии и прозы революционных и послереволюционных лет.

В творчестве Блока этот образ обладает сложной и неоднозначной семантической структурой. Концептополе «Неопалимая купина» вербализуется компонентами *Моисеев куст, Купина, огонь Купины, Купина затлевет*. Поэтические тексты Блока, эксплицирующие концепт, условно можно отнести к трем группам: а) в стихотворении «Весна в реке ломает льдины...» концепт вербализован наиболее близко к библейскому пониманию (Бог, Бог как грозная сила, пророчество); б) в тексте стихотворения «Странных и новых ищущих на страницах...» Купина также символизирует поле «Бог» (в первую очередь Божественную чистоту), а также отвлеченно-возвышенную женственность – важнейший символ в художественной системе поэта; отчетливо выявляется также связь этого образа с концептосферой «свет». Наконец, «Старушка и чертенята» – стихотворение цикла «Пузыри земли» – содержит философское переосмысление этого образа в духе идей пантеизма, демонстративно отталкивающееся от библейского понимания концепта «Бог». Купина «затлевет» не пророку, а «чертенятам», природе, жизни в широком понимании. Смысл концепта осознается в поле соответствующих текстов цикла – «Твари весенние», «Болотные чертенятки», «Болотный попик», «Я живу в отдаленном скиту...» и др. В цикл входит стихотворение «Полюби эту вечность болот...», в котором «Купина» также ассоциируется не с вечной женственностью (что в определенном смысле близко к библейскому осмыслению), а в противопоставлении библейскому источнику.

Концепт «Неопалимая купина» и прецедентная ситуация, связанная с Книгой Исход, были значимы для философии и поэзии Вл. Соловьева, оказавшего, в свою

очередь, серьезное влияние на мироощущение и эстетику Блока. В поэтическом тексте, продуцированном на основе когнитивных линий библейской прецедентной ситуации, акцентирована концептосфера «грех». Явление Неопалимой купины — очищающего Божьего огня — представлено как возможность очищения от греха, спасения Израиля и возрождения Страны, что близко к ветхозаветному пониманию концепта («Неопалимая купина», 1891).

Это направление экспликации концепта представлено в тексте современной прозы и поэзии при обращении к теме Холокоста, к ближневосточной тематике, обычно при описании Израиля, т. е. Святой земли, где произошло первособытие, отраженное в Библии (С. Липкин, И. Лиснянская и др.). В таких случаях при любой авторской установке, художественных задачах, переосмыслениях библейского образа и привнесениях в его смысловую структуру связь с концептом «Бог» является отчетливой и цельной.

Рассматриваемый концепт обнаруживает текстообразующие возможности в рамках большого текстового поля в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» (2006), где большая часть действия разворачивается также на Святой земле. Это дает возможность проявления смыслов концепта на разных уровнях — от понятийного до символического. Отметим, что ситуация гибели Даниэля Штайна отмечена чертами поразительного сходства с той, что ранее была описана Б. Васильевым в повести «Неопалимая купина» (1986), где реальный *огонь*, пожирающий героиню, служит экспликатором рассматриваемого концепта. По-видимому, можно говорить о сильных смысловых ассоциациях, связанных как с прецедентной ситуацией «Моисей в пустыне» (*Бог, говорящий из горящего куста, — чудо — смертный человек не может не сгореть в огне*), так и с внутренней формой номинанта концепта (*Купина горит, но не сгорает — есть нечто нетленное, то, что сильнее смерти*).

В качестве примера современного поэтического текста, в котором концепт «Неопалимая купина» выполняет текстообразующую функцию, приведем поэму Олега Чухонцева «Однофамилец» (1967). В композиционной структуре образ Купины — начальный и завершающий символ; между двумя обращениями к рассматриваемому концепту разворачивается сюжет и текстовое пространство поэмы. Ср. в первых эпизодах:

<...> поплыли тени по стене под дуновение интима, и запах мускусных гвоздик, нет, купины неопалимой провевал в комнатах на миг и все смешал, непостижимый <...> — и в абсолютном финале текста:

А вдруг и помыслы, и сны / в нас проступают, как о Боге / **неопалимой купины / пятериковые ожоги?**..

Концепт «Неопалимая купина» тесно связан в тексте с другими важнейшими концептосферами, в частности с концептами исходного общечеловеческого статуса, формировавшимися во многом под влиянием текста Библии, — «свет» и «тьма». Так, концептосфера «свет» представлена компонентами *свет*, «униженный свет», *звездная река*, «в небе вспыхнули алмазы» (=салют), «другой свет», *свет нежилкой* и т. п., и самое главное — *небесный знак*, *райисполкомом заземленный*, удивительная, *странная звезда*, являющаяся в поэтическом дискурсе Чухонцева несомненным символом советской эпохи, но при этом остающаяся звездой, с абрисом которой сходны «пятериковые ожоги» Неопалимой купины.

Во многом можно согласиться с анализом системы поэтических образов «Однофамильца», предложенным А. Скворцовым, который указывает и на значимость концептов «свет» и «тьма», и на роль символа «звезды о пяти концах со своей сложной и во многом темной историей» [5, с. 28], и на характерную для советской эпохи амбивалентность, нейтрализацию концептов «свет» и «тьма» [6, с. 53]. Однако думается, что присутствие в поэме библейского концепта такой значимости, как Неопалимая купина, концепта, участвующего в текстообразовании поэмы, напротив,

оухотворяет анекдотическую ситуацию, и если этот «месседж» не прочитан Семеновым, то он безусловно значим для глубинного когнитивного уровня интерпретатора текста.

Исключительная важность этого концепта и всей прецедентной ситуации, в рамках которой он эксплицирован в претексте Библии, его значимость для Нового Завета создают предпосылки для порождения новых художественных смыслов. Так, текст Иосифа Бродского (поэма «Исаак и Авраам», 1963) содержит образ-символ исключительной многоплановости, многозначности и глубины — образ сгоревшего *куста*, который символизирует страдания евреев: «молодое поколение — все потомки Авраама — воск, из которого можно лепить что угодно, старое поколение — куст, генеалогическое дерево, превращенное в пепел» [7, с. 160]. Андрей Ранчин вносит уточнение: «...такой смысл в образе куста у Бродского присутствует, но, бесспорно, не является основным <...>. Куст — и растение, и символ души, и человеческого тела, и хранитель влаги жизни, и свечажертва, приносимая Богу, ветхозаветная купина неопалимая — прообраз крестной жертвы Христа» [8, с. 153–154].

Во многом *куст* Бродского восходит к цветаевской «Поэме лестницы» и диптиху «Куст»: «В финале поэмы лестницы имеется прямое отождествление пожара, бузины и Неопалимой Купины <...>. Куст как воплощение Бога или, по крайней мере, почитатель, преобразующийся в творца, предстает в стихотворении “Ударило в виноградник”...» [9, с. 115].

Таким образом, поэтичность и богатая внутренняя форма фразеологизма, являющегося именем концепта, предопределили его устойчивость и употребительность в текстах разных жанров. Так, в советской литературе («Неопалимая купина» Максима Рыльского, упоминавшаяся повесть Бориса Васильева; риторика и публицистика советской эпохи и др.) он продолжал выполнять текстообразующую функцию, хотя утратил связь с библейской прецедентной ситуацией, сохраняя значение «сильный <очищающий>, грозный *огонь*». Далее развиваются смысловые коннотации: любые *испытания* (важнейший элемент концептуальной картины мира советского общества) — *стойкость*, *мужество* (= подвиг), проявленные в этих испытаниях, ср. в очерке В. Величко «Подвиг Тихоокеанского флота» («Правда». 29.07.1946): *Из воды и пламени, словно из неопалимой купины, вынырнули трое <...>*.

В современных текстах изоконцептуальность ментальных образований «Неопалимая купина» и «Бог» может быть не выражена отчетливо, но в целом сохранена и колеблется в широких пределах от «пересказа» библейской ситуации и описания пейзажа (обычно осеннего), оухотворенного религиозным чувством, до использования образа горящего куста для передачи душевного состояния лирического героя. Творческие преобразования библейской концептосферы служат неисчерпаемым источником продуцирования новых репрезентаций традиционного концепта.

Библиографический список

1. Орлова Н.М. «Лучшая в мире собирательница колосьев»: Библия и художественный текст // Предложение и Слово: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука», 2008. С. 218–222.
2. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: коллективная монография / И.В. Бугаева, К.С. Вайц, А.В. Ворохобов [и др.]. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2015. 210 с.
3. Черепанов М.В., Орлова Н.М. Смысловая структура концептов «свет» и «тьма» и их языковое выражение // Известия Саратовского университета. 2003. Т. 3. №. 2. С. 116–125.

4. Орлова Н.М. «Солнце и щит»: источники света в концептополе «свет» // Современная филология: теория и практика: материалы XV Международной научно-практической конференции. М.: Институт стратегических исследований, 2014. С. 266–271.
5. Скворцов А. Дело Семенова: фамилия против семьи. Опыт анализа поэмы «Однофамилец» Олега Чухонцева // Вопросы литературы. 2006. № 5. С. 5–41.
6. Орлова Н.М. Лексическая организация мемуарного дискурса: концепт «тьма» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5–5. С. 52–55.
7. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского Ardis Publishers, Ann Arbor, 1984. 278 с.
8. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского М.: Новое литературное обозрение, 2001. 464 с.
9. Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 232 с.
10. Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. N. Y.: Harcourt Brace, 1994, 560 p.
11. Jauregui de J.A. Europa, tema y variaciones. Madrid: Maeva, 2000. 348 p.

References

1. Orlova N.M. «Luchshaia v mire sobiratel'nitsa kolos'ev»: *Bibliia i khudozhestvennyi tekst* [“The best in the world collector of ears”: Bible and the text of fiction]. *Predlozhenie i Slovo: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Sentence and Word: Interuniversity collection of scientific papers]. Saratov: ITs «Nauka», pp. 218–222 [in Russian].
2. Bugaeva I.V., Vajc K.S., Vorokhobov A.V., Golubeva N.A., Zintsova Yu.N. Matveeva I.V., Orlova N.M., Plisov E.V. et al. *Sovremennyi religioznyi diskurs: struktura, strategii, transformatsii: kollektivnaia monografiia*. Bugaeva I.V., Vajc K.S., Vorokhobov A.V., Golubeva N.A., Zintsova Yu.N., Matveeva I.V., Orlova N.M., Plisov E.V. i dr [Modern religious discourse: structure, strategy, transformation: multi-authored monograph]. Nizhny Novgorod: Izd-vo NGLU, 2015, 210 p. [in Russian].
3. Cherepanov M.V., Orlova N.M. *Smyslovaia struktura kontseptov «svet» i «t'ma» i ikh iazykovoie vyrazhenie* [Semantic structure of the concepts of “light” and “darkness” and their linguistic expression]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta* [Izvestiya of Saratov University], 2003, Vol. 3, no. 2, pp. 116–125 [in Russian].
4. Orlova N.M. «Solntse i shchit»: *istochniki sveta v kontseptopole «svet»* [“Sun and shield”: the light sources in the field of concept “light”]. *Sovremennaia filologii: teoriia i praktika. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern philology: theory and practice. Proceedings of the XV International research and practical conference]. M.: «Institut strategicheskikh issledovaniï», 2014, pp. 266–271 [in Russian].
5. Skvortsov A. *Delo Semenova: familiia protiv sem'i. Opyt analiza poemy «Odnofamilets» Olega Chukhontseva* [The Case of Semyonov: family name against the family. The Experience of analysis of the poem “Homonym” by Oleg Chuhontsev]. *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature], 2006, no. 5, pp. 5–41 [in Russian].
6. Orlova N.M. *Leksicheskaia organizatsiia memuarного diskursa: kontsept «t'ma»* [Lexical organization of the memoir discourse: the concept of “darkness”]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Topical issues of the humanities and natural sciences], 2016, no. 5–5, pp. 52–55 [in Russian].
7. Kreps M. *O poezii Iosifa Brodskogo* [About Joseph Brodsky's poetry]. Ardis Publishers, Ann Arbor, 1984, 278 p. [in Russian].
8. Ranchin A. «Na piru Mnemoziny»: *Interteksty Brodskogo* [“On the feast of Mnemosyne”: intertexts of Brodsky]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 464 p. [in Russian].
9. Zubova L.V. *Iazyk poezii Mariny Tsvetaevoi* [Language of Marina Tsvetaeva's poetry]. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 1999, 232 p. [in Russian].
10. Bloom H. The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York: Harcourt Brace, 1994, 560 p. [in English].
11. Jauregui de J.A. Europa, tema y variaciones. Madrid: Maeva, 2000, 348 p. [in Spanish].

N.M. Orlova*

DYNAMIC PROCESSES IN THE STRUCTURE OF BIBLICAL CONCEPTS: BURNING BUSH

The article considers the questions connected with the Bible text as a precedential phenomenon for Russian literature and culture. The Old Testament situation of Burning Bush and the concepts formed on its base are in the center of author's attention.

The evolution of concept meanings was studied with the help of the method of comparison of cognitive matrix of the Bible text and novels written in different time.

As a result of the carried out analysis it is stated that under considerable deformations in the structure of cognitive matrix of the Bible text in the process of realization of its precedential potential both conceptional link with the original Bible text and universal multicultural nature of key concepts "Burning Bush", "God", "Light" are marked. The conclusion is made that their further semantic evolution in language and lingual culture is considered to be promising.

Key words: concept, precedent text, precedent situation, Bible, Burning Bush, fiction.

Статья поступила в редакцию 24/VII/2016.
The article received 24/VII/2016.

---

* *Orlova Nadezhda Mikhailovna* (nador2006@rambler.ru), Department of Theory and History of Language and Applied Linguistics, National Research Saratov State University, 83, Astrakhanskaya street, Saratov, 410012, Russian Federation.

ДИНАМИКА ЮЖНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье исследуется современное состояние южнорусского говора Саратовской области, рассматриваются его фонетические и грамматические диалектные особенности. Сопоставляются записи диалектной речи, сделанные в 2015 году и в 1990 году в одном из сел Саратовской области, а также данные «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л.И. Баранниковой. Сравнение материалов, полученных в разное время от информантов различного возраста и уровня образования, дает возможность обнаружить в развитии рассматриваемого говора действие нескольких тенденций, общих для современных диалектов. Среди них упрощение системы предупредного вокализма, вариантность морфологических форм, устойчивость грамматических особенностей широкого распространения, постепенная утрата диалектной лексики.

Ключевые слова: южнорусский говор, диалектные особенности, современные диалекты, тенденции, устойчивость, утрата.

Изучение современного состояния говоров Саратовской области позволяет представить их динамику, так как результаты нового обследования можно сопоставить с данными «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» Л.И. Баранниковой (далее – «Атлас»), составленного по материалам, собранным главным образом в 40-е – 60-е годы прошлого века [1].

В 2015 г. экспедицией Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского обследована речь жителей села Митрофановка Федоровского района (№ 485 по «Атласу»). В диалектологической фонотеке Саратовского государственного университета «Культура и речь Саратовского края» есть запись речи жителей этого села, сделанная в 1990 г. студенткой заочного отделения филфака Саратовского педагогического института О.И. Жадан. Эти материалы в совокупности дают возможность представить динамику говора в течение последних пяти десятилетий.

Говоры южнорусского типа в Саратовской области компактно расположены в ее южной части (Федоровский, Питерский, Новоузенский, Александрово-Гайский районы), на остальной территории встречаются лишь их островки [2, с. 183]. Для Федоровского района характерна диалектная однородность: во всех 6 населенных пунктах, включенных в «Атлас», отмечены южнорусские говоры. Для исследования динамики системы южнорусского говора использовались материалы, записанные от уроженцев с. Митрофановка. При подборе информантов учитывались социально значимые факторы, определяющие соотношение в речи сельских жителей диалектных и литературных элементов: образование, род деятельности, степень трудовой и общественной активности, влияние среды, возраст и иногда пол [3, с. 6; 4, с. 119–120].

---

* © Мурзаева Т.И., 2016

Мурзаева Тамара Ивановна (palma5109@yandex.ru), кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский университет, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Запись 1990 г. Информант 1908 – женщина, образование 4 класса, профессиональная деятельность до пенсии – сельскохозяйственные работы (здесь и далее номер информанта соответствует году рождения).

Записи 2015 г. Информант 1927 – женщина, образование 5 классов, работала трактористом, позже дояркой. Информант 1937м – мужчина, образование 7 классов, работал пастухом, в армии не служил. Информант 1937ж – женщина, образование 8 классов, окончила профтехучилище по специальности «Плетение из прутьев» (г. Маркс), проработала 1,5 года в Красноармейском районе, 2 года на спиртзаводе в Таджикистане, затем вернулась в Митрофановку, где 38 лет была дояркой; по туристической комсомольской путевке ездила в Венгрию и Румынию. Информант 1938 – женщина, заочно окончила пединститут и до пенсии работала учителем начальных классов в школе с. Митрофановка.

Запись 1990 г. обнаруживает наличие в говоре диссимилятивного аканья жиздринского подтипа, при котором в 1-м предударном слоге после твердых согласных редуцированный [ъ] произносят только перед ударным [а]: *нб́рали, скъ́зала, стъ́ял, пъ́нала, бъя́лися, но дамой, паехать, пъ́карила*. Отмечены признаки разрушения этой системы, частичное распространение произношения [а] на позицию перед ударным [а]: *пашла, нагами, наказывал*. Запись 2015 г. показывает дальнейшее развитие наметившегося ранее изменения. У информантов 1927 и 1937ж соотношение случаев произношения [ъ] и [а] перед ударным [а] примерно одинаково, у информанта 1938 примеры с [ъ] редки. В материалах «Атласа» диссимиляция не отмечена.

Особого внимания заслуживает предударный вокализм после мягких согласных. «Атлас» отмечает диссимилятивно-умеренное яканье. Запись 1990 г. показывает следующее. Перед ударным гласным нижнего подъема произносят [и]: *систра, зъ́пригали, жъ́рилица, притсидатиль, мъ́тиря* и т. п.; перед гласными верхнего подъема – [а]: *зъ́прягу, яму, зъ́прягли, вяртиць*; перед остальными ударными гласными обычно произносят [и], но есть отдельные случаи с [а]. Очевидна система диссимилятивного яканья, но подтип его определить не удастся. Записи 2015 г. свидетельствуют об иканье. Отдельные пережитки яканья сохраняются в речи информанта 1927: *яво, пирнясли, нъ́прядуть*. У информанта 1937м: *нямношкъ*. У информанта 1937ж: *памянули, пъявилсы, маслянистья, лягалися*. Информант 1938 следов яканья не обнаруживает.

Материалы всех трех источников свидетельствуют об устойчивости фрикативной артикуляции согласного [з]. На конце слов звонкий заднеязычный оглушается в [x]: *дених, плух, друк, Алех, снех, вакрух, ни смох, рох*. Смычно-взрывная артикуляция не отмечена, более того, такое произношение местные жители не одобряют. Вот как рассказывает информант 1927 о своем муже: *он пришол с армии / а мы яво как ни любили / он на гэ / разгаваривъл на гэ / вы знайти дифчята я вот гэварю вам / ну мы ж яво знайим андрея этъвъ / мы яво фсе знайим / ой как грахочим / смиемси / мы яво прям на смих пдымали / и я с нем пашла / нинк / ты че с ума сашла / как мы смиемси над нем / на гэ / а ты за ниво че / замуш хочиш выхадить / че я за ниво штоль замуш / я в диривянным доме буду жыть//.*

Информант 1938 сознательно выбирает диалектный вариант звонкой заднеязычной фонемы, несмотря на большой стаж педагогической работы: – А как у вас гэ произносят? – *гэ вот так гэ / гэ / я все время так гэварю / я / у миня не былъ такъв штоб гэ гэварить / нет / вод дети уже щяс гэваряд гэ / а я нет / а я все время на гэ / у миня прастой / гэ / – А ученики? – и учиники балышынство гэварили / ну эт в горьди вот так вот пръзнасили на / гэ / а у нас нет / у нас фсе пъ прастому была //.*

Во всех анализируемых записях фонема /в/ реализуется в губно-зубном звуке [в] перед гласными. Перед согласными и в конце слов произносят губно-губной [w]: *диwченки, забастовку, быков, класав*. В предлоге наблюдается вокализация в звук [у]: *у школу, у бъяра, у плух, у мишок*. В подобных случаях возможно также произношение [w]. Аналогичная ситуация отмечена в начале слов перед согласными: *устает, усе и wстает, все*. В то же время идет постепенный переход на губно-зубную артикуляцию в слабых пози-

циях. В записи 1990 г. зафиксирована начальная стадия этого процесса. Еще сохраняются следы былого отсутствия в говоре фонемы /ф/: *хрантавикам* «фронтавикам» (но *фирма, каньфетки*). Но уже появляется [в] перед сонорными: *время, внуки* (в то же время *унуки* и *внуки*). Перед глухими согласными и в конце слов в отдельных случаях наблюдается [ф]: *фсе* и *все, сименьфка* и *сименьвка, быкоф* и *быков*. У информанта 1927 примеры типа *фсигда, ф кантори, лафки* более частотны, чем в записи 1990 г., хотя менее частотны, чем случаи сохранения губно-губной артикуляции. В речи информанта 1937ж, наоборот, более частотны примеры с губно-зубной артикуляцией, но сохраняются и губно-губные варианты. Почти такое же состояние этой подсистемы отмечено у информанта 1938, хотя это бывшая учительница. Вероятно, стабильность фрикативной артикуляции звонкой заднеязычной фонемы, а также сохранение губно-губных рефлексов фонемы /в/ поддерживается соседством с украинскими селами Семеновка (Митрофановка входит в Семеновское муниципальное образование) и Ивановка, с жителями которых диалектоносители Митрофановки регулярно общаются.

В речи информанта 1908 сохранялась прогрессивная ассимиляция заднеязычных после парных мягких согласных: *тольки, стольки, нескэлька, пэтихонькю*. В записях 2015 г. не встретилось ни одного подобного случая.

К наиболее существенным морфологическим диалектным различиям относится переход некоторых имен существительных среднего рода в женский. Информант 1927: *мыла какая-тэ черная разливная, в эту акошычку, проса пракаятая я ие и щяс нинавижу*. Информант 1937ж: *фся сельская насилениа, этэ кладбища ни знаю с какоувэ ана время*. У информанта 1938 употребление подобных существительных соответствует литературной норме. Другая важная особенность имен существительных – сближение 3 склонения с 1-м – отмечена у всех информантов, кроме 1938: *жызня, фсю жызню, церква, две церкви, з гармоний, адну дочирю, в стипе, сэ свиковыйий, у свиковыйи* (см. также [6, с. 214–215]).

У существительных 1 склонения в родительном падеже «Атлас» показывает исключительное распространение южнорусского окончания: *у сестрем*. В записи 1990 г. отмечено: *с работи, у мами, ат кураферми*. В 2015 г. обнаружено: *у мамы, у папы, у татьяны, с работы, с вайны*. И только в одном случае южнорусское окончание встретилось в речи информанта 1938: *у ольги иванавни*.

Еще более показательна динамика форм личных местоимений в родительном и винительном падежах. В речи информанта 1908: *у мене, у тебе*; у информанта 1927: *у мене галош парвалси, атец зэ мене, он тебе абманит, ходэ бы мене мама спрасила, тебе у плух заваляйит, мене мама пальцэм ни трогэла*; гораздо реже: *она у миня прицепицицэй, он фсю времю миня брал*; у 1937ж формы типа *у тибя* и *у тебе* употребляются параллельно; у 1938 преобладают литературные формы при малочастотных южнорусских.

Подобную динамику обнаруживают и формы глаголов 3 лица. В «Атласе» отмечается исключительное распространение в митрофановском говоре окончания с мягкой конечной фонемой /m'/. У информанта 1937м это окончание заметно преобладает над общеупотребительным. В речи информанта 1927 формы с твердой или с мягкой фонемами на конце отмечены одинаково часто: *бьетэ, гарить, гвварать, пайдуть, вазьмутэ*, а также *идет, играет, глядят, запрыгнут, атарвут*. Для информанта 1937ж обычные формы с твердым окончанием, в то время как формы на /m'/ единичны (см. также [5, с. 50]). Информант 1938 на вопрос о формах с /m'/ ответила, что никогда их не употребляет (действительно, в имеющихся записях они не встретились). Она даже считает, что таких форм не было в речи ее матери и бабушки.

Глаголы с безударными личными окончаниями свидетельствуют о наличии в говоре общего спряжения [7, с. 17], поэтому в 3 лице множественного числа наблюдаются формы типа *возють, сыпють, косяють, закрутють, малотють*. Таких форм не встретилось лишь у информанта 1938.

Возвратные формы глаголов прошедшего времени мужского рода у всех информантов имеют постфикс *–си*: *първалси, астънавилси, събиреси, събираимси*. Исключение составляет бывшая учительница начальных классов, которая профессионально четко произносит постфикс *–ся*. В положении после гласных обнаруживается тенденция к стандартизации постфикса *–ся*: *висилилися, кланилися, лягалися, събралася*, хотя возможны более редкие формы типа *събираюсь, баялись*. В речи информанта 1938 встретила лишь одна диалектная возвратная форма: *ругалися*.

Не обнаруживает динамики широко распространенная в говорах Саратовской области синтаксическая особенность – употребление полной формы причастий и прилагательных в соответствии с литературной краткой в именном составном сказуемом: *адна падруга мья ф Саратовѣи жывая; у мене галош был първатый: я жы вить винаватая; в каровники ани привязныйи*. Это явление устойчиво сохраняется даже в речи учительницы: *а тут уже стали гатовыйи, шторьчки были шшытыйи, вы адетыйи абутыйи, где пахарониныйи* (см. также [8, с. 150]). Не изменяется ситуация с употреблением предлога *с* в соответствии с *из*, характерным для всех поколений жителей с. Митрофановка: *пришол с армии, с Никалайшкы, с Сименъкы, с калитки выходши*.

«Устойчивость современных диалектов в их фонетике и морфологии представляется как бесспорный факт при изучении речевого поведения сельского населения» [9, с.121]. Сравнение материалов, записанных в разное время от информантов различного возраста и уровня образования, дает возможность обнаружить в развитии рассматриваемого говора действие нескольких тенденций, общих для современных диалектов [10]. Среди них – упрощение системы предударного вокализма, вариантность морфологических форм, наличие грамматических особенностей широкого распространения, постепенная утрата диалектной лексики.

Библиографический список

1. Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 104 с.
2. Мурзаева Т.И. Из истории классификации говоров Саратовской области // Русская устная речь: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II-е Баранниковские чтения». Вып. 2. Саратов: Амирит, 2016. С. 180–186.
3. Орлов Л.М., Кудряшова Р.И. Русская диалектология: современные процессы в говорах. Волгоград: Перемена, 1998. 144 с.
4. Хохлова Н.В. К проблеме изучения динамики диалектов // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии. Волгоград: Перемена, 2012. С. 116–122.
5. Мурзаева Т.И. Преобразования в южнорусских говорах на территории Саратовской области // Предложение и слово. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2013. С. 48–54.
6. Свешникова Н.В. Грамматические особенности существительных в среднерусском говоре (на материале Саратовского диалектного корпуса) // Русская устная речь. Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. С. 214–217.
7. Баженова Т.Е. Современное состояние южнорусского говора на территории Оренбургской области // Самарский научный вестник. Вып. 3 (4). 2013. С. 16–19.
8. Мурзаева Т.И. Судьба говоров курско-орловского типа на территории позднего заселения // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. С. 148–150.
9. Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 115–124.
10. Мурзаева Т.И. Современные процессы в говорах Саратовской области // Язык в пространстве речевых культур. М.; Саратов: Амирит, 2015. С. 72–78.

References

1. Barannikova L.I. *Atlas russkikh govorov Srednego i Nizhnego Povolzh'ia* [Atlas of Russian dialects of the Middle and Lower Volga Region]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2000, 104 p. [in Russian].
2. Murzaeva T.I. *Iz istorii klassifikatsii govorov Saratovskoi oblasti* [From the history of classification of the dialects of the Saratov Region]. *Russkaia ustnaia rech': Materialy Vserossiiskoi*

nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «II-e Barannikovskie chteniia. Vyp. 2 [Russian spoken language: Materials of all-Russian scientific conference with international participation “II Barannikov readings. Issue 2]. Saratov: Amirit, 2016, pp. 180–186 [in Russian].

3. Orlov L.M., Kudrjashova R.I. *Russkaia dialektologiya: sovremennye protsessy v govorakh* [Russian dialectology: modern processes in the dialects]. Volgograd: Peremena, 1998, 144 p. [in Russian].

4. Khokhlova N.V. *K probleme izucheniia dinamiki dialektov* [On the problem of studying the dynamics of dialects] in *Russkaia dialektologiya: traditsionnye podkhody i innovatsionnye tekhnologii* [Russian dialectology: traditional approaches and innovative technologies]. Volgograd: Peremena, 2012, pp. 116–122 [in Russian].

5. Murzaeva T.I. *Preobrazovaniia v iuzhnorusskikh govorakh na territorii Saratovskoi oblasti* [Changes in the southern Russian dialects on the territory of the Saratov Region] in *Predlozhenie i slovo* [Sentence and word]. Saratov: Izd-vo «Nauchnaia kniga», 2013, pp. 48–54 [in Russian].

6. Sveshnikova N.V. *Grammaticheskie osobennosti sushchestvitel'nykh v srednerusskom govore (na materiale Saratovskogo dialektного korpusa)* [Grammatical features of nouns in the Russian dialect (based on the Saratov dialect corpus)] in *Russkaia ustnaia rech'* [Russian spoken language]. Saratov: Izdatel'skii tsentr «Nauka», 2011, pp. 214–217 [in Russian].

7. Bazhenova T.E. *Sovremennoe sostoianie iuzhnorusskogo govora na territorii Orenburgskoi oblasti* [Current state of the South Russian dialect on the territory of the Orenburg Region]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Journal of Science], 2013, Issue 3(4), pp. 16–19 [in Russian].

8. Murzaeva T.I. *Sud'ba govorov kursko-orlovskogo tipa na territorii pozdnego zaseleniia* [The fate of the dialects of the Kursk-Orel on the territory of late colonization] in *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii* [Topical issues of Russian dialectology]. M.: Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2015, pp. 148–150 [in Russian].

9. Kalnyn' L.E. *Russkie dialekty v sovremennoi iazykovoii situatsii i ikh dinamika* [Russian dialects in the modern language situation and its dynamics]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of linguistics], 1997, no. 3, pp. 115–124 [in Russian].

10. Murzaeva T.I. *Sovremennye protsessy v govorakh Saratovskoi oblasti* [Modern processes in the dialects of the Saratov Region] in *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur* [Language in space of speech cultures]. Moscow; Saratov: Amirit, 2015, pp. 72–78 [in Russian].

T.I. Murzaeva*

DYNAMICS OF THE SOUTHERN RUSSIAN DIALECT SYSTEM IN THE TERRITORY OF THE SARATOV REGION

The article examines the current state of South-Russian dialect of the Saratov Region, analyses its phonetic and grammatical dialectal peculiarities. Recordings of dialectal speech made in 2015 and in 1990 in one of the villages of the Saratov Region, as well as data of the “Atlas of the Russian dialects of the Middle and Lower Volga Region” by L.I. Barannikova are compared. Comparison of the materials obtained at different times from informants of different age and level of education, gives the opportunity to detect in the development of the dialect under consideration the action of several trends common to modern dialects. Among them, the simplification of the system of pretonic vocalism, variation of morphological forms, the sustainability of grammatical peculiarities of wide distribution, gradual loss of dialect vocabulary.

Key words: South-Russian dialect, dialectal peculiarities, modern dialects, trends, sustainability, loss.

Статья поступила в редакцию 14/VII/2016.
The article received 14/VII/2016.

---

* *Murzaeva Tamara Ivanovna* (palma5109@yandex.ru), Department of Theory and History of Language and Applied Linguistics, National Research Saratov State University, 83, Astrakhanskaya street, Saratov, 410012, Russian Federation.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕОЛОГИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

На основе анализа данных неологической картотеки Института лингвистических исследований РАН отмечены основные тенденции в динамике словарного состава русского языка текущего десятилетия: реализация его словообразовательных средств как основной источник обновления и пополнения лексики; преобладание при этом различных видов сложения, а также развитие аналитических форм и моделей, распространение в печатных СМИ новых слов, переданных в иноязычной графике; активизация глагольного словообразования. В качестве иллюстративного материала представлены неолексемы разных типов, в том числе новая социально-политическая лексика, а также совокупность неологизмов, связанных с феноменом селфи.

Ключевые слова: неологизмы, картотека новых слов, словообразование, аналитические прилагательные, заимствования, новая глагольная лексика.

В обзоре лексических инноваций русского языка, представленном в этой статье, использованы материалы неологической картотеки словарного отдела ИЛИ РАН, служащей эмпирической базой для составления академических словарей новых слов (подробнее об этом см. [1; 2]). Ежегодно картотека пополняется новыми единицами, извлеченными из текстов СМИ, и к настоящему времени содержит около 7000 узальных неолексем (новых слов, значений и устойчивых сочетаний), время появления которых датируется первой половиной 2010-х гг. Опыт работы автора в качестве выборщика, составителя и редактора картотеки дает возможность на основе сравнительных наблюдений над неолексиконом на разных временных срезах обозначить некоторые векторы в его динамике, выделить наиболее активные словообразовательные процессы текущего десятилетия.

Обновление словарного состава на современном этапе происходит в русле уже сложившихся к этому времени тенденций. По-прежнему основным источником неологизации лексики русского языка является реализация его словообразовательных средств. Среди новообразований преобладают различные виды сложений. При этом, как и в других славянских языках, в русском происходит стремительное развитие аналитических форм, их неуклонный количественный рост.

В статье «Аналитические прилагательные. Распространение иноязычной модели...» В. Бениньи выделяет как наиболее продуктивные в русском языке 4 конструкции с различными типами аналитических модификаторов: 1) префикс + существительное (*гиперреализм, суперкачество, ультрарадикализм, неокommунист*); 2) отыменный префиксоид русского или иноязычного происхождения + существительное (*аудиокассета, еврынок, стеклозавод*); 3) усеченное прилагательное + существительное (*дем-*

* © Карева О.М., 2016

Карева Ольга Михайловна (daniel_ka@mail.ru), Институт лингвистических исследований РАН, 199053, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

блок, гособлигации, литобъединение); 4) существительное (иноязычного происхождения) + существительное (*арт-галерея, бизнес-план, фитнес-программа*) [3, с. 71].

Материалы нашей картотеки подтверждают правомерность этих наблюдений. Как и в предыдущие десятилетия, в последние годы высокую активность, помимо упомянутых выше, проявляют приставки *анти-, мега-, недо-, пара-, пост-, псевдо-, супер-* и др., префиксоиды *афро..., био..., евро..., кибер..., нано..., смарт..., промо..., эко...*. Образуются сложения с усеченными прилагательными *гастро..., инвест..., инфо...* и *информ..., полит..., фарм...* и *фармако..., эконом...*. В качестве аналитов используются также аббревиатуры (в основном иноязычного происхождения) и инициально-цифровые сокращения, ср.: *ГМ-горох, ГМ-корова, ГМ-особь, ГМ-мясо; ЛГБТ-активистка, ЛГБТ-акция, ЛГБТ-брак, ЛГБТ-мероприятие, ЛГБТ-сообщество, ЛГБТ-союз* (ЛГБТ – лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры); *СМС-маркетинг, СМС-провайдер, СМС-реклама, 3D-сборка, 3D-фотоаппарат, 4D-зал, 4D-эффект, 4G-смартфон, 4K-видео, 4K-телевизор* и мн. др.

Наиболее продуктивна композиционная модель «определяющее существительное + определяемое существительное», получившая распространение под влиянием целого ряда англоамериканизмов, вошедших в русский язык вместе с новыми реалиями, о чем свидетельствуют картотечные данные. Продолжают пополняться неолоксами существующие с 1990-х гг. открытые ряды номинаций, начинающихся на *арт-, бизнес-, веб-, гей-, интернет-, медиа-, пиар- (PR-), секс-, фитнес-* и пр. (в сочетании с иными компонентами); появляются новые заимствования, функционирующие и как самостоятельные слова-существительные, и как аналитические модификаторы.

Приведем лишь некоторые примеры: *аутлет-аукцион, аутлет-бизнес, аутлет-бутик, аутлет-галерея, аутлет-город, аутлет-деревня, аутлет-комплекс, аутлет-магазин, аутлет-площадь, аутлет-проект* и др. (в совокупности 24 единицы); *коворкинг-движение, коворкинг-зал, коворкинг-зона, коворкинг-кафе, коворкинг-клуб, коворкинг-мероприятие, коворкинг-место, коворкинг-модель, коворкинг-площадка, коворкинг-проект, коворкинг-пространство, коворкинг-сообщество, коворкинг-студия, коворкинг-хаб* и др. (21 единица этой модели); *твиттер-аккаунт, твиттер-активист, твиттер-диалог, твиттер-комментатор, твиттер-лента, твиттер-пользователь, твиттер-популярность, твиттер-рассылка, твиттер-революция, твиттер-роман, твиттер-пост, твиттер-трансляция, твиттер-читатель, твиттер-шутка* и пр. (всего 16 зарегистрированных сложений), а также *твит-активность, твит-аккаунт, твит-блог, твит-лента, твит-общение, твит-перл, твит-сообщение, твит-сообщество, твит-технология* и т. д.

В картотеке можно обнаружить и другие подобного типа серии сложений с заимствованными существительными (к примеру, *ивент, крафт, кэжуал, стартап, фейк, фриланс* и т. д.), которые выступают в качестве аналитических прилагательных. «Распространение таких форм позволяет думать о полной интеграции в будущем этой модели в систему деривационной морфологии русского языка. Полная ассимиляция такой модели может привести к формам, в которых как модификатор, так и определяемое существительное будут русскими» [3, с. 76].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что начиная с 90-х годов прошлого столетия широкое распространение в прессе получают т. н. слова-гибриды – сложения, в написании которых используются два алфавита: латиница и кириллица (*bluetooth-аудиосистема, casual-гардероб, digital-направление, Firefox-телефон, smart-студия, Wi-Fi-сигнал* и мн. др.). К настоящему времени в картотеке насчитывается около 1,5 тыс. единиц с инографичным компонентом, среди которых наиболее частотны сложения с англоязычными аббревиатурами, сохраняющими свое исходное написание (*IT-, IP-, GPS-, QR-, IMAX-* и др.). При этом многие гибридные слова употребляются параллельно с их эквивалентами, в которых обе части представлены буквами

русского алфавита. Ср.: *beauty-программа* и *бьюти-программа*, *fashion-реклама* и *фэшн-реклама*, *sms-спам* и *смс-спам*.

Закономерно, что преобладающее число новых слов в языке составляют имена существительные и прилагательные. Неологизмы-глаголы значительно уступают им в количественном отношении. Однако, по нашим наблюдениям, в последнее десятилетие процессы глагольного словообразования протекают более интенсивно, что особенно заметно в сфере интернет-коммуникаций. Развитие этого вида социальной активности порождает большое количество неониминаций для обозначения различного рода операционных действий, совершаемых пользователями — членами сетевых сообществ.

Новая глагольная лексика создается, как правило, на основе иноязычных корней: *чатить(ся)*, *скайпить(ся)*, *блогить*, *фейсбучить(ся)*, *инстаграмить(ся)*; при этом для передачи различных оттенков значения активно используются русскоязычные префиксы: *френдить(ся)* — *зафрендить(ся)* — *отфрендить(ся)*; *лайкать* / *лайкнуть* — *залайкать* — *облайкать* — *отлайкать*; *банить* — *забанить* — *разбанить*; *троллить* — *затроллить* — *оттроллить*; *постить(ся)* — *запостить* — *перепостить*; *гуглить* — *нагуглить* — *загугливать* / *загуглить* — *погуглить* — *нагугливаться*.

Известно, что возникновение новых номинаций является своеобразным ответом на социальный запрос. Отдельные узкотематические группы новой лексики формируются «вокруг» каких-либо значимых общественных событий или явлений. Так, всеобщее внимание в последние годы приковано к политической ситуации на Украине, российско-украинским отношениям. Это становится предметом ожесточенных споров и острых дискуссий как на телевидении и в публикациях СМИ, так и в обычной коммуникации рядовых граждан. Полярность оценок и мнений у представителей разных политических взглядов находит отражение в дискурсе, для которого характерно наличие экспрессивно-оценочной лексики и политических ярлыков, наиболее яркими из которых являются *майданутый* (субстантив.), *майдан(ы)*, *укр(ы)*, *укроп(ы)**, *ватник(и)**, *вата** (собр.), *вышиватник* (украинская вышиванка + российский ватник), *колорад(ы)*, *даунбасс*. Ср. также производные от них: *майдаунский*, *майдаунный*, *ватничек**, *ватность*, *ватниковский*, *ватнический*, *ватничество*, *ватный** (*ватный электорат*), *укропский* и др. На крымские события 2014 г. язык отреагировал появлением неологизмов *крымнашевский*, *крымнашим*, *крымнашество*, *крымнашенский*, *крымнашевы*, *крымнашизация*, *крымнашизм*, *крымнашист*, *крымнашистка*, *крымнашистский*, *крымнашевцы*. Не факт, что все номинации подобного рода получают закрепление в языке, однако в статусе т. н. «историзмов современности» они представляют несомненный интерес для неографии, являясь своеобразными маркерами эпохи.

Представим другую мини-тематическую группу новой лексики, связанной с предметно-практической деятельностью человека, а именно — повальным увлечением во всем мире *селфи* (англ. *selfie*, *selfy* — «самофотографирование; снимок, сделанный таким образом»). Неологизм получил статус «слово года» по версии Оксфордского словаря в 2013 г., причем по обе стороны океана: как в Великобритании, так и в США. В русском языке это заимствование широко используется с 2014 г., попав в разряд «модных слов». Популярность *селфи* не могла не найти отражения в лексике. К настоящему времени в нашей картотеке зафиксировано более 50 номинаций, семантически связанных с этим феноменом. В этой коллекции выделяется довольно протяженный синонимический ряд, включающий как заимствования, полукальки, так и эквиваленты слова, созданные на русской почве: *самоснимок*, *самострел*, *самофотка*, *самофото*, *себяка*, *себяшечка*, *себяшка*, *селфик*, *селфи-фото*, *селф-мейд-фото*, *селфшот* (*селф-шот*), *фотоселфи*. Созда-

ются специальные наименования для снимков, сделанных в разных ракурсах: *белфи* (*belfie* – *buttocks* (ягодицы) + *selfie*), *лифтолук* (делается в лифте с зеркалом), *мелфи* (*moustacheselfie* – фото своих усов), *релфи* (*relfie* от *relationshipselfie* – автопортрет с любимым или близким человеком), *хелфи* (*helfie* – фото своих волос), *скотч-селфи* и др. К разновидностям *самоснимков* относятся *3D-селфи*, *видеоселфи*, *псевдоселфи*. Существует приспособление для селфи в виде специального штатива: *монопод*, или *селфи-палка*, *селфи-стик*.

Среди производных от *селфи* – наименования лиц *антиселфист*, *селфер*, *селфизависимый* (субстантиват), *селфиман*, *селфист*, *селфистка*; отвлеченные существительные *селфизависимость*, *селфизм*, *селфимания*, *селфифобия*, *селфицид* (смертельный исход во время экстремального селфи). В составе рассматриваемой группы есть прилагательные *самострельный*, *себяшный* и *селфизависимый*, глаголы *заселфиться*, *отселфить*, *самофоткаться*, *селфить*, *селфиться*, сложения с аналитическим прилагательным: *селфи-туризм*, *селфи-фотография*, *антиселфи-кампания*.

Обратим внимание на то, что процесс адаптации иноязычных слов в этой группе лексики происходит одновременно с реализацией словотворческого потенциала русского языка. Предположительно, она будет пополняться и другими неологизмами – пока только потенциальными словами – при заполнении свободных клеток словообразовательных гнезд.

Таков краткий обзор поступлений в неологическую картотеку ИЛИ РАН (из выборки за 2014–2015 гг.), в котором внимание уделено наиболее заметным (по количественному показателю) явлениям в области новой лексики, частотным словообразовательным моделям и отдельным лексико-семантическим группам.

Библиографический список

1. Буцева Т.Н. Картотечная база словарей новых слов // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. Т. I, ч. 3. СПб.: Наука, 2003. С. 95–103.
2. Карева О.М. Электронная картотека БД «Неолекс»: принципы формирования и системной организации хранения данных // *Nuo Konstantino Sirvydo iki didžiojo Žodyno*. Vilnius, 2009. С. 18–19.
3. В. Бенины. Аналитические прилагательные. Распространение иноязычной модели «Определяющее существительное + определяемое существительное» // *Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина*. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 68–82.

References

1. Butseva T.N. *Kartotechnaia baza slovarei novykh slov* [Filing database of dictionaries of new words]. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikeskikh issledovanii* [Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies]. Vol. I, Part 3. SPb.: Nauka, 2003, pp. 95–103 [in Russian].
2. Kareva O.M. *Elektronnaia kartoteka BD «Neoleks»: printsipy formirovaniia i sistemoi organizatsii khraneniia dannykh* [Electronic filing database “Neoleks”: principles of formation and system of data storage]. *Nuo Konstantino Sirvydo iki didžiojo Žodyno* [From Constantine Sirvydo up to the big Dictionary]. Vilnius, 2009, pp. 18–19 [in Russian].
3. V. Benigni. *Analiticheskie prilagatel'nye. Rasprostranenie inoiazychnoi modeli «Opredeliaiushchee sushchestvitel'noe + opredeliaemoe sushchestvitel'noe»* [Analytical adjectives. The proliferation of foreign-language model of “Specifying noun + main noun”] in *Iazyk v dvizhenii: K 70-letiiu L.P. Krysin* [Language in motion: To the 70th anniversary of L.P. Krysin]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2007, pp. 68–82 [in Russian].

O.M. Kareva*

**SOME FEATURES OF NEOLOGIZATION IN RUSSIAN LANGUAGE
AT THE MODERN STAGE OF DEVELOPMENT**

The article focuses on the new Russian vocabulary of the current decade. Based on the analysis of data from the card file of new words (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences) the main trends in its development are noted: the implementation of the word-formation means as the main source of renewal and replenishment of the Russian dictionary, the prevalence of different types of addition and the development of analytical forms and models, expansion in the print media of new words written in Latin letters and the activation of the verbal derivation. As illustrative material the lexical items of different types are presented, including the new socio-political vocabulary as well as a set of neologisms related to the selfie-phenomenon.

Key words: neologisms, card file of new words, morphological derivation, analytic adjectives, borrowings, new verb vocabulary.

Статья поступила в редакцию 21/VII/2016.
The article received 21/VII/2016

---

* *Kareva Olga Mikhailovna* (daniel_ka@mail.ru), Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 9, Tuchkov lane, Saint-Petersburg, 199053, Russian Federation.

**МЕТОНИМИЯ И КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК РЕЗУЛЬТАТЫ
ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА-СЦЕНАРИЯ В РЕЧИ
(НА ПРИМЕРЕ СЦЕНАРИЯ ПОНИМАНИЯ)****

В статье рассматривается роль типа концепта в образовании когнитивной метафоры и метонимии. Предметом исследования является механизм образования когнитивной метафоры и лексической метонимии на базе концепта-сценария и параллелизм их возникновения и использования в речи при отражении одной и той же ситуации действительности, в данном случае при номинации и метафорической концептуализации ситуации понимания как ментального акта. Генезис метафоры и метонимии связан с сокращением словесной или синтаксической цепочки при репрезентации процесса понимания в речи. Показана обусловленность когнитивной метафоры сценарного типа и сценарной метонимии структурой сценария как разновидности концепта на фоне других способов воплощения концепта сценарного типа в речи.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуализация, концепт, сценарий, когнитивная метафора, типология метонимии, сценарная метонимия, перцептивная метафора.

Метонимические переносы и метафорические модели когнитивного типа в своем генезисе предопределены структурой концепта, на базе которого они образованы. Типы метонимических переносов – фреймовый, пропозициональный, сценарный – в общем виде охарактеризованы в статье [1] с опорой на объединяющие все три типа отношения целого и части.

Предметом данной статьи является когнитивная метафора и лексическая метонимия, восходящие к концепту-сценарию, то есть отражающие особенности структуры концепта этого типа, более того, восходящие к одному и тому же концепту-сценарию, организующему знание о процессе познания (понимания) (о метонимии сценарного типа см. [2]).

Сценарий в ряду других типов концепта отличается динамическим характером: кодирует знания о сложном событии, разворачивающемся во времени (иногда и в пространстве – сценарий путешествия), складывается из нескольких стандартных этапов.

При репрезентации события-сценария в речи действует тенденция к сокращению отдельных актов, из которых состоит это событие. Именно в результате сокращения цепочки при речевой репрезентации события-сценария могут образоваться и метонимическая, и метафорическая модели.

Поскольку сценарная структура концепта находит отражение в речи не только в особом (сценарном) типе метонимии, но и, как будет показано далее, в одноименном

---

* © Илюхина Н.А., 2016

Илюхина Надежда Алексеевна (ilnadezhda@rambler.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты» № 15-14-63002).

типе метафоры, можно сказать, что метонимия и метафора представляют собой в проекции на речь два «образных» следствия, проистекающих из сценарного способа структурирования, организации и воспроизведения знания о ситуации.

Сказанное относится и к перцептивной метафоре *сенсорное восприятие* — понимание, которая представляет сценарный тип метафоры. Приведем примеры перцептивной метафоры: *Власть проглядела или не захотела увидеть надвигающейся опасности* (Костиков); *Иван Ильич проглотил волнение, сел рядом и сказал глухим голосом: — Не знаю, как вы взглянете на мой поступок, но я намеренно не вылез в Кинешме. — Как я посмотрю на ваш поступок? Ну, этого я не скажу* (А.Н. Толстой); *Исполнитель он был, пожалуй, вовсе не дурной, только вот в творцы совсем не годился<...> не настолько зряч был, чтобы видеть в любой обстановке все главное и важное* (Фурманов); — *Нет, полковник, я вас давно раскусил, я вас насквозь понимаю! Вас гложет самое неограниченное самолюбие...* (Достоевский); *Как они об этом пронюхали?*

Обратимся к сути процесса познания, который может интерпретироваться как сценарий. В научной литературе подчеркивается органическая связь мышления и сенсорного восприятия. Опираясь на это положение, Л.В. Балашова [3] объясняет происхождение сенсорной метафоры в древнерусском языке тем, что перцепция и интеллектуальный акт связаны органически: перцепция обеспечивает последующее осмысление, постижение предмета, ставшего объектом восприятия, и эти два акта ассоциативно связываются в сознании. Л.В. Балашова пишет: «Человек как личность характеризуется способностью к познавательной, интеллектуальной и эмоциональной деятельности. При формировании соответствующей когнитивной модели связь человека с внешним миром через перцептивные органы ассоциируется с процессами познания, получения различной информации интеллектуального и эмоционального свойства (Здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами. — Н.И.). <...> В соответствии с этой моделью **сам процесс восприятия связан с процессом познания сущности мира, внутренних связей вещей**, получения разного рода информации, причем характер переносного значения, тип информации во многом определяется каналом перцептивной связи — зрительным, слуховым, осязательным и т. п.» [3]. Автор приводит многочисленные примеры когнитивных метафор, которые через образ чувственного восприятия характеризуют интеллектуальную деятельность как в древнерусском, так и в современном языке: «*смотреть* значит заниматься интеллектуальной деятельностью, пытаться понять, осмыслить (ср.: **сьмотрѣти** ‘разбирать, обсуждать’, **призирати** ‘исследовать’); *видеть* — добиться успеха в осмыслении, узнать, понять, осмыслить (ср.: **видѣти** ‘понимать, сознавать’, **облюсти** ‘наблюдая, понять, постичь’, **рассьмотрити** ‘узнать’); орган зрения — средство и источник познания (око ‘ум, способность видеть и познавать’); делать объект доступным *зрительному восприятию* значит давать знание о чем- или ком-либо, постигать истину, сущность явлений (**открѣвнѣние** ‘раскрытие тайны’, ‘духовное видение, проникновение в тайну, внушаемое свыше’; **обнажати** ‘открывать, обнаруживать, разоблачать’); *не видеть* значит не понимать, не получать информации о чем-либо, не обладать способностью к логическому осмыслению полученной извне информации (ср.: **ослѣпити** ‘лишить разума’, **ослѣпление** ‘неведение истины’); *делать объект недоступным для зрительного восприятия* — скрывать информацию, истину, превращать ее в тайну (ср.: **неіавимыи** ‘тайный’, **неіавленіе** ‘загадочность, непонятность’, ‘неизвестность’; **ськрыти** ‘делать непонятным) и т. п. Например: **Ослѣпима ~кнзыпрельстии и не разумѣхъ, яко ~члвкъ**. ПОтрXIV, I, 115» [3].

Аналогично Л.В. Балашова описывает формирование метафорических моделей, объединяющих акт слухового, вкусового, обонятельного, осязательного восприятия объекта и акт интеллектуального постижения этого объекта, и делает вывод: «Таким образом, лексика восприятия уже в древнерусском языке формирует достаточно чет-

кую и компактную систему средств выражения различного типа интеллектуальной и эмоциональной деятельности <...> В частности, это проявляется в значительном увеличении членов метафорического поля <...>» [3].

Вместе с тем остается непонятным важный аспект — как именно естественная связь этих двух этапов процесса познания превращается в метафорическую модель, каким образом между ними возникают отношения сходства, создающего метафору. Объяснить этот аспект позволяет когнитивный взгляд на образование такой метафоры в связке с метонимией.

С когнитивных позиций устойчивую связь между актом восприятия и актом познания сущности объекта следует трактовать как **естественную связь актов сенсорного восприятия и осмысления в общем процессе познания**, как связь отдельных этапов общего процесса, кодируемого концептом-сценарием. Восприятие объекта (зрительное, слуховое и др.) выступает условием интеллектуального постижения этого объекта.

Сценарная логика связи этих действий выражается в речи многообразно.

1. В чрезвычайной устойчивости рассматриваемых в данной статье перцептивных метафор — метафорических моделей *сенсорное восприятие — понимание* с периода древнерусского языка до наших дней.

2. В этимологии многих названий, связанных с интеллектуальной сферой и восходящих к семантике чувственного восприятия. В основе названий интеллектуальных качеств или актов лежат слова с семантикой восприятия или других действий (движения, проникновения, приобщения объекта), обеспечивающих условия для восприятия. Так, лексема *внимательно*, этимологически связанная со слуховым восприятием, в современном языке характеризуют целенаправленное зрительное и слуховое восприятие с **установкой на понимание, осмысление** сути воспринятого; «прилагательное **глоупыи** восходит к тому же корню, что и **глоухьи**» [3]. Об этом пишет Н.В. Каныгина: «Для описания понимания русский язык изначально “брал” нементальные и неинтеллектуальные корни (примеры с глаголами *понимать, постигать, вникать* подтверждают это), ему как будто было недостаточно ментальных корней *-мысл- / -мышл-* и *-дум-* и др. Для описания ситуации понимания языку требовались корневые морфемы других семантических групп, подчеркивающие сложность этого процесса и его специфику как процесса достижения нового знания. Примеры происхождения глаголов *понимати, постигати* и *вникнути* показывают, как изначально глагол приобщения *имати*, глагол движения *достигати* и глагол конкретного физического действия *проникнути* превратились в глаголы интеллектуальной деятельности со значением “иметь что-либо взятым, понятым”, “достичь понимания” и “проникнуть в суть чего-либо”» [4, с. 92].

3. В существовании модели **метонимического** обозначения интеллектуального акта понимания через название сенсорного восприятия. Приведем примеры метонимического использования слов с семантикой восприятия как **одного из частных актов** познания для обозначения всего **комплекса актов**, включающих восприятие и осмысление, оценку объекта, в том числе чьей-либо речи: *Научный руководитель уже смотрел эту главу* (читал, оценивал); *Послушайте мои стихи* (оцените или насладитесь их содержанием); *Перед покупкой рыбы ее рекомендуется понюхать* (оценить, убедиться в ее свежести); *Просмотри этот абзац* — проверь, выведи; *Взгляните на эту фотографию* (ожидается реакция узнавания, оценки); *Я просмотрела всю картотеку* (но ничего не нашла); *Прослушала кассету трижды* (с целью понять, найти что-либо и т. п.); *Надо попробовать на вкус это блюдо* (оценить); *Он не заглядывал в учебник* (не учил); *Он прислушался к совету / словам отца* (осмыслил совет и согласился с ним); *Она не слушает бабушку* (не вникает в ее советы, не учитывает ее мнения); *Вы присмотритесь к этой женщине* (проанализируйте и оцените ее).

Приведенные факты подтверждают включенность действия восприятия и действия осмысления, интеллектуальной оценки в **общий сценарий познания реалии**:

собственно *восприятие* как получение новой информации визуальным, тактильным, слуховым и т. п. путем и *осмысление* этой информации, выведение из нее нового знания постоянно сопровождают друг друга. Связь между ними укладывается в сценарную логику: один акт наступает вслед за другим, а **название одного из актов** (начального акта восприятия) сценария **служит обозначением всего процесса**, в том числе конечного акта — акта понимания, т. е. выступает в качестве метонимии.

4. Четвертая группа фактов проливает свет на **генезис и сценарной метонимии, и метафоры сценарного типа**.

Речевая репрезентация процесса познания-понимания часто наблюдается в лексико-синтаксических сочетаниях типа *заглянул и понял* (зрительное восприятие и понимание), *лизнул и понял* (вкусовое восприятие и понимание), *прикоснулся и понял* (осозательное восприятие и понимание), *прислушался и понял* (слуховое восприятие и понимание), *потянул носом и догадался* (обонятельное восприятие и понимание), *потрогал тело, и понял, услышал крики, и стало ясно*. В конструкции с предикатом целенаправленного зрительного, слухового, обонятельного и т. д. действия или восприятия и предикатом мышления (*присмотрелся и понял, увидел и понял*) **эксплицитно** и развернуто **выражен сценарий** комплексного действия постижения, например: *Я заглянул в комнату, увидел разбросанные игрушки и понял, что к нам привезли внука*.

Наряду с эксплицитным способом показа сценария ситуативного познания под действием закона экономии речевых усилий оформляется **имплицитный** способ передачи многоактного события — сокращение речевой цепочки за счет одного из предикатов. В зависимости от того, какой именно предикат сохраняется, возникают разные эффекты. Рассмотрим три варианта сокращения речевой цепочки при передаче сценария события.

1. При сохранении предиката мышления *понял* (*догадался, стало ясно* и под.) наблюдается свернутая **безобразная** передача всего процесса: *по его лицу / голосу / прикосновению / запаху / вкусу понял...* *По лицу понял его состояние*. Эта конструкция сохраняет указание на оба этапа — на сенсорное восприятие (сочетание *по лицу*) и на интеллектуальный акт (глагол *понял*).

2. При сохранении другого предиката — со значением сенсорного восприятия — *видел, слышал* и под. наблюдаются два образных следствия: в одних случаях возникает метонимия, в других — метафора.

А. Приведем примеры **сценарной метонимии**: *Преподаватель еще не смотрел мою курсовую работу* — предполагается сценарий, включающий и восприятие как начальный акт; *Он много повидал в жизни* — видел, пережил, познал; *Она не слушает слов бабушки* — отвергает ее мнение, совет. См. также примеры выше. В этих случаях глагол сенсорного восприятия, называющий часть процесса, в данном случае обозначает сценарий целиком, включая конечный акт понимания.

Б. Примеры **сценарной метафоры**, образовавшейся при сохранении предиката восприятия: *Визу твоё желание переложить свою работу на других* (воспринимаю определенные действия и осмысляю их с точки зрения цели — желания переложить работу на других); *Давайте рассмотрим этот вопрос*; *Слышу в твоих словах элементы шантажа*; *Ясно видно твоё превосходство в поэтическом мастерстве*; *Ему удалось об этом пронюхать заранее*; *Похоже, в Кремле почувствовали опасность, исходящую от временищиков*. *В послании президента слышится понимание того, что если в России и поднимется новая волна недовольства и протестов, то она возникнет не по прихоти «сытой интеллигенции», не от происков «иностранных агентов», а по причине того, что по просторам России рыскают летучие отряды временищиков* (Костикив).

В чем разница в механизме образования метонимии и метафоры, если обе они именуется сценарий в целом? Метонимия образуется в условиях типовой («нормальной») сочетаемости предиката сенсорного восприятия с названием объекта, допускающего такое восприятие, имеющего конкретно-предметную природу: *не слушал слов бабушки, смотрел*

курсовую работу и под. А метафора рождается в условиях «сочетания несочетаемого» — когда предикат сенсорного восприятия сочетается с обозначением абстрактной сущности, которая представляет собой не воспринимаемый сенсорно объект, **а результат его осмысления**: *В чем вы видите опасность?* — *В том, что решение созрело неожиданно*. Это синтагматическое условие предопределяет метафорическое прочтение высказывания.

Однако думается, что такие выражения, по сути дела, балансируют между метонимическим и метафорическим восприятием, допускают и метонимическое прочтение, ср.: *В чем вы видите опасность?* — *В том, что здание заметно накренилось* (есть акт зрительного восприятия).

В условиях предельного сближения метафоры и метонимии — по сути дела, общего механизма их возникновения и идентичности содержания фраз (они отражают одну и ту же ситуацию и выражают один смысл) — неудивительно, что есть выражения, идентифицировать которые как метафору или метонимию не представляется возможным, например: *В чем вы видите слабость этого спортсмена?*; *Я вижу вашу проблему в том, что пользуетесь не тем методом*; *Каков ваш взгляд на эти события?* *Поделитесь своим взглядом на эти события* (своим мнением, своей оценкой, т. е. результатом осмысления этих событий). К тому же в последних примерах не исключается, что собеседник являлся участником или очевидцем событий, т. е. воспринимал их и сенсорно (= поделитесь увиденным и его аналитической оценкой).

Развитию метафоры в этих условиях способствует действие аналогии: обозначение сенсорного акта *вижу* начинает употребляться для обозначения ситуации понимания, **не предполагающей сенсорного восприятия вообще или конкретного типа восприятия** (зрительного, обонятельного и др.): *Вижу в твоих словах шантаж* (ситуация наряду с интеллектуальным актом предполагает слуховое восприятие, а не зрительное); *Мы видим (усматриваем) в этом поступке слабость* (ситуация может не предполагать сенсорного восприятия постигаемого объекта); *Мы не видим в этом греха*; *На мой взгляд, следует поступить иначе*; *Он пришел сюда разнюхать наши планы*; *Все почували надвигающуюся беду*.

Далее метафорический образ подвергается лексическому варьированию. Так, метафора зрительного восприятия воплощается широким кругом средств, исключаящих метонимическую трактовку: *На ее лице он прочитал сомнение*; *После обмана он наконец прозрел, пелена упала с глаз*; *Человек он недалновидный*; *Давайте заглянем в будущее*; *Надо освободиться от шор*. А лексическое варьирование, как известно, является безусловным знаком метафорического восприятия в отличие от метонимии.

Отметим, что становление интеллектуальной семантики у глаголов *понимати*, *достигати*, *проникнути*, *вникнути* в древнерусском языке произошло в рамках этой же логики и этого же сценария: глаголы приобщения объекта и движения называют условие восприятия объекта (достигнуть — увидеть — понять).

Можно ли считать, что метафора в данном случае возникает самостоятельно, параллельно с метонимией? Нет, в образовании метафоры (подчеркнем — именно когнитивной метафоры, которая моделирует абстрактную сущность сквозь призму конкретной, сенсорно воспринимаемой) участвует метонимический механизм как обязательное условие. Он проявляется прежде всего в интенции: сокращение речевой цепочки за счет опущения части выражения — это примета метонимии (ср.: *три тарелки съел*). Во-вторых, именование целого (в данном случае — сценария ситуации понимания) по названию его части — это тоже свойство метонимии. И лишь когда мы наблюдаем факт лексического варьирования (выход за рамки типичных обозначений сенсорного восприятия), можно говорить о состоявшейся метафоре. Этот вывод вполне объясняет то, каким образом возникает впечатление сходства между абстрактной и конкретной реалией (между интеллектуальным актом понимания и физическим актом восприятия). Метафора как ассоциация по сходству возникает в условиях уже состоявшегося отождествления двух **смежных актов** единого процесса (восприятия и понимания: видел = понял), т. е. отождествления на основе

метонимии. Переход от ассоциации по смежности к ассоциации по сходству (от метонимии к метафоре) возникает, так сказать, по принципу когнитивного «замыкания», когда в рамках одного сочетания оказываются не сочетающиеся в норме слова (*увидел / почувствовал проблему в отношениях*: наблюдение ненаблюдаемого), которые допускают лишь метафорическое прочтение. Так происходит одномоментное незаметное соскальзывание из метонимической плоскости в метафорическую.

Вывод о том, что когнитивная метафора, которая концептуализирует абстрактную сущность по образу и подобию конкретной, в своем генезисе опирается на конкретную реалию, **смежную** с абстрактной реалией, т. е. в предыстории имеет метонимический механизм, коррелирует с мнением, что когнитивная метафора не отталкивается в своем генезисе от уловленного сознанием сходства между реалиями, а создает это сходство, см. об этом в [7; 8]. Вывод о роли метонимического механизма в генезисе когнитивной метафоры ранее был сделан нами на материале метафор, связанных с фреймовым типом концепта [8], в данном случае он получил подтверждение на примере сценарного типа концепта.

В заключение укажем на то, что в данном случае **динамические процессы** в языке и речи обязаны взаимодействию ментальных и языковых единиц (см. об этом взаимодействии также в [5; 6]): разной проекции ментальной единицы – концепта-сценария – на речь под влиянием закона экономии речевых усилий. Трансформацию концепта как единой ментальной единицы на речевом уровне можно интерпретировать как своеобразную бифуркацию (раздвоение), получающую оформление как метонимия и как метафора. При этом метонимия и метафора сопровождают друг друга в речи, обслуживая одну и ту же ситуацию внеязыковой действительности.

Подчеркнем роль партитивного принципа в организации и речевом воспроизведении знания о сложном объекте (в данном случае о ситуации понимания), который предопределяет образование не только метонимии (что является общеизвестным фактом), но и когнитивной метафоры.

Библиографический список

1. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7. С. 36–48.
2. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 9–16.
3. Балашова Л.В. Когнитивный тип метафоры в диахронии (на материале перцептивной лексики русского языка) // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 4. С. 81–84. URL: <http://www.omsu.ru/vestnik/articles/y1999-i4/a081/article.html>.
4. Каныгина Н.В. Историко-этимологический анализ глаголов лексико-семантического поля интеллектуальной деятельности в русском языке // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 4. С. 83–92.
5. Talmy L. Lexicalization pattern: semantic structures in lexical forms // Language typology and syntactic description. V. 3. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1985. P. 57–149.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
7. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
8. Илюхина Н.А. Порождение когнитивной метафоры в аспекте осознаваемости-неосознаваемости говорящим // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8–1(99). С. 111–118.

References

1. Iliukhina N.A. *O tipologii leksicheskoi metonimii v svete kognitivnogo printsipa* [On the typology of lexical metonymy in the light of cognitive principle]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 7, pp. 36–48 [in Russian].

2. Iliukhina N.A. *Stsenarnaia metonimiia: mekhanizm obrazovaniia i nekotorye raznovidnosti* [Script metonymy: mechanism of formation and some varieties]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 11 (133), pp. 9–16 [in Russian].
3. Balashova L.V. *Kognitivnyi tip metafory v diakhronii (na materiale pertseptivnoi leksiki russkogo iazyka)* [Cognitive type of metaphor in diachrony]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Vestnik of Omsk State University], 1999, Issue 4, pp. 81–84. Retrieved from: <http://www.omsu.ru/vestnik/articles/y1999-i4/a081/article.html> [in Russian].
4. Kanygina N.V. *Istoriko-etimologicheskii analiz glagolov leksiko-semanticheskogo polia intellektual'noi deiatel'nosti v russkom iazyke* [Historical and etymological analysis of the verbs of lexical and semantic field of intellectual activity in the Russian language]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2012, no. 4, pp. 83–92 [in Russian].
5. Talmy L. Lexicalization pattern: semantic structures in lexical forms. In: *Language typology and syntactic description*. V. 3. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985, pp. 57–149 [in English].
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980, 242 p. [in English].
7. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and Discourse]. *Teoriia metafory: sbornik* [Metaphor Theory: Anthology]. M.: Progress, 1990. 512 p.
8. Iliukhina N.A. *Porozhdenie kognitivnoi metafory v aspekte osoznavaemosti-neosoznavaemosti govoriashchim* [Creation of cognitive metaphor within the aspect of speaker's perception or non-perception]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2012. No № 8-1(99), pp. 111–118 [in Russian].

N.A. Ilyukhina*

**METONYMY AND COGNITIVE METAPHOR AS THE RESULTS
OF REALIZATION OF THE CONCEPT-SCENARIO IN SPEECH
(ON THE EXAMPLE OF THE SCENARIO OF UNDERSTANDING)****

In the article the role of the type of concept in the formation of cognitive metaphor and metonymy is viewed. The subject of the research is the mechanism of formation of cognitive metaphor and lexical metonymy on the basis of the concept-scenario and parallelism of their origin and usage in speech at reflection of one and the same situation of reality, in this particular case at nomination and metaphorical conceptualization of the situation of understanding as a mental act. The genesis of metaphor and metonymy is connected with the reduction of verbal or syntactical network at the representation of the process of understanding in speech. The dependence of cognitive metaphor of the scenario type and script metonymy on the structure of the scenario as the type of the concept against the background of other ways of implementation of the concept of script type is shown.

Key words: cognitive linguistics, conceptualization, concept, scenario, cognitive metaphor, typology of metonymy, script metonymy, perceptive metaphor.

Статья поступила в редакцию 15/VII/2016.
The article received 15/VII/2016.

---

* *Ilyukhina Nadezhda Alekseevna* (ilnadezhda@rambler.ru), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** *The research was carried out with support from the Russian Foundation for the Humanities and the Government of the Samara Region (project «Figurative nomination and figurative conceptualization of the knowledge about the world in the semantic system: language and cognitive aspects» № 15-14-63002).*

УДК 811.161.1'0

А.М. Плотникова, К.В. Старикова*

ДИНАМИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВЗЯТКА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается семантика слов, образующих лексико-семантическое поле «взятка», активно пополняемое в современном русском языке. Дается обзор лексических и фразеологических единиц, отраженных в различных лексикографических источниках и служащих обозначению такого социального порока, как взяточничество. Показано, как расширяется словообразовательное гнездо с корнем *взятк-*, как формируется состав лексических единиц данного поля в разговорной речи и как представлено это поле в юридическом языке. Соотношение терминологической лексики и разговорного бытования слов данного поля показывает различия в объеме значений ряда единиц. На материале Национального корпуса русского языка представлен анализ сочетаемости слова *взятка*, позволяющий реконструировать социальный портрет данного явления. Особое внимание уделено системе эвфемистических номинаций, выполняющих различные прагматические функции: сокрытие сущности действий, изменение знака оценки с отрицательной на положительную, снятие коммуникативного дискомфорта. Рассматривается, как осуждение взяточничества сменяется амбивалентным отношением к этому явлению в современных публицистических текстах.

Ключевые слова: семантика, прагматика, лексико-семантическое поле, эвфемизм, юридическая терминология.

Распространенность такого социального порока, как взяточничество, определяет частотность лексических и фразеологических единиц, входящих в семантическое поле, которое группируется вокруг слова *взятка*. Толковые словари русского языка определяют взятку как «деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего» [1, с. 128]. В юридическом языке взяткой правильнее называть не только незаконно получаемые деньги и другие материальные ценности, но и любую иную выгоду нематериального характера «за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица, либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе» [2]. Такое несовпадение объема значений слов отмечалась в литературе [3]. Согласно Уголовному кодексу РФ, взяточничество относится к преступлениям, подлежащим наказанию. Состав данного преступления может заключаться в даче взятки, посредничестве при передаче взятки и получении взятки. В наивном языковом сознании взяточничество связано с получением взятки.

* © Плотникова А.М., Старикова К.В., 2016

Плотникова Анна Михайловна (annamp@yandex.ru), *Старикова Ксения Витальевна* (starikovaksenija@yandex.ru), кафедра современного русского языка и прикладной лингвистики, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

** *Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).*

Как правило, адресатами взятки становятся лица, являющиеся частью государственной структуры: сотрудники правоохранительных органов и члены исполнительной власти («представители закона»), так называемые бюрократы (чиновники), то есть лица, в руках которых в большей или меньшей степени сосредоточена какая-либо власть. Устоявшееся представление о том, в каких ведомствах активнее всего дают и берут взятки, породило словосочетания *взяткоемкая должность, взяткоемкость структур, система, построенная на взятках*. Слово *взятка* входит в богатое словообразовательное гнездо, которое продолжает активно пополняться и выступает в качестве мотивирующей базы для образования существительных со значением лица, производящего действие (*взяткодатель, взяткополучатель*), и для существительного со значением лица, названного по предмету, характерному для его деятельности (*взяточник*).

В настоящее время слово *взятка* расширило свой деривационный потенциал. Среди новообразований отмечены окказиональные номинации лиц, участвующих во взяточничестве: *взяткобратели* и *взяткохваты* («*Могу сказать только одно, я ни копейки не платила и не собираюсь платить, так как взяткодатель и взяткобратель одним миром мазаны!*», «*Взяткохват судья, не имеющий ни совести, ни чести, вершит дела по своим прибыткам*»), а также существительное *взяткобрательство*.

Известно, что взяточничество не является чем-то новым в истории нашей страны, так как взятка как форма подношения властям существовала всегда: достаточно вспомнить систему кормления в Древней Руси, и поэтому неудивительна синонимическая и фразеологическая плотность слов данного семантического поля. «Словарь синонимов русского языка» фиксирует следующие номинации: *мзда; подмазка* (прост.); *дача* (устар.); *барашек в бумажке; бакшиш* (устар. разг.); *хабар, хабара, хапанцы* (устар. прост.) [4, с. 53]. У каждого слова, вошедшего в данный перечень, можно выделить ряд семантико-стилистических особенностей.

Словарь Н. Абрамова, ориентированный на иные лексикографические принципы, дает более развернутый вариант синонимического гнезда слова *взятка*, в которое вошли не только отдельные слова, но и сходные по значению выражения: *подарок, благодарность, мзда, подкуп, посул, бакшиш, хабар, халтура, нелегальный (побочный, «безгрешный») доход, барашек в бумажке. Брать взятки — лихоимствовать, мздоимствовать; хабара (-ы) хватить, халтус гевезен, тяпнуть* [5, с. 48]. Большая плотность синонимического ряда, наблюдаемая в приведенных словарных статьях, и большое количество разговорных номинаций взятки свидетельствует о значимости данной реалии для языкового сознания.

В контекстах (здесь и далее публицистические контексты извлечены из Национального корпуса русского языка) также можно выделить ряд номинаций, между которыми в рамках контекстов возникают синонимические отношения: *взятка, воровство, подкуп, коррупция, подношения* («*Массовое воровство, взятки, подкуп в законодательной власти*»; «*Доходит до того, что многие коммерсанты заранее планируют расходы на взятки и подношения, считая это дополнительной статьей расходов*»). Данные лексические единицы являются синонимичными лишь в границах заданного контекста.

Следует также указать на возникшие в языке родо-видовые отношения между словами *взятка* и *откат* («*Нет, он получает «откат», на их языке, по-русски, — взятку*»). Как отмечено в «Большом словаре русского жаргона», под откатом понимается «часть товара, предмета сделки, идущая на оплату услуг посредника» или «доля прибыли; получение доли прибыли» [6, с. 404]. Само явление *отката* не квалифицируется в словарях как противозаконное, между тем в сфере бизнеса существует понятие *черного отката*, которое имеет следующее значение: «тайная коммерческая операция, когда часть от партии товара бесплатно получает одна из торгующих сторон либо посредник» [6]. В данном случае определение отката как тайной, то есть неофициальной, операции позволяет предположить, что изначально именно словосочетание *черный откат* функционировало в значении особого вида *взятки*, но в дальнейшем слово *откат* вместило в себя значение словосочетания и теперь однозначно ассоциируется с незаконной деятельностью.

В связи с развившимися негативными коннотациями и ассоциациями вокруг слова *взятка* берущие и дающие взятку стремятся заменить его (во избежание возможных правовых последствий) стилистически нейтральной по значению, лишенной отрицательных коннотаций лексической единицей. С этим связана динамика в образовании эвфемизмов и эвфемистических выражений для номинации взятки. Например, знак признательности («*Именно знак признательности, а никакая не взятка*»); благодарность («*Жаль, что границы между благодарностью и взяткой, между любезностью и блатом размыты*»); бонус и мотивация («*Теперь не говорят взятка. Есть ведь более красивые слова: бонус, мотивация*») – все эти эвфемистические обозначения взятки имеют цель максимально снизить ощущение коммуникативного дискомфорта у адресата. Другие примеры эвфемизмов, такие как *комиссионные, необлагаемые налогом, процент от сделки* («*Да и что такое взятка – всего лишь комиссионные, не облагаемые налогом, процент от сделки, улизнувший от государства*»), *оперативные расходы* («*Разница делится по-братски: часть уходит в карман Каменщика, часть на оперативные расходы (читай – на взятки)*»), демонстрируют, как с их помощью осуществляется сокрытие истинного существа дела, а именно, как незаконная трата или присвоение казенных денег выдается за законную финансовую операцию.

Для сокрытия предмета разговора в криминальных диалогах (диалогах, в которых осуществляется незаконная передача денежных средств) коммуникантам необходимо проявить изобретательность в выборе номинаций. Наиболее типовыми приемами выбора номинации являются метонимические замены, при которых говорящий называет деньги *бумагами*. Достаточно широко представлен диапазон метафорических номинаций. Деньги могут уподобляться жидкости и называться «*литрами*», «*бензином*», «*книгами*», «*вениками*» [7]. В таких диалогах реализована конспиративная функция метафор [8], конструируется новый образ референта в результате когнитивных процессов перефокусирования [9].

Явление взяточничества нашло свое отражение и во фразеологии: *дать (давать) на лапу, барашек в бумажке, борзыми щенками брать*, среди которых фразеологическое сращение *барашек в бумажке* функционирует как образный синоним слова *взятка*. Данный фразеологизм имеет пометы *устар.*, *ирон.* и ранее обозначал деньги, которые челобитчик обертывал в бумагу и приносил подьячему, чтобы получить его расположение. Сочетание *барашка в бумажке дать / сунуть* стало общеизвестным в результате его активного употребления в художественных текстах: «*Не знаю уж, какой чудотворец пропихнул меня в гимназию, в приготовительный класс. Думаю, что не обошлось здесь без барашка в бумажке, — сунули, должно быть, кому следует*» (А. Куприн). Фразеологические сочетания *дать (давать) на лапу, сунуть в лапу, сорвать лапу* (получить взятку), *требовать на лапу* (вымогать взятку) и *борзыми щенками брать* являются фразеологическими синонимами и имеют значение «давать (брать) взятку». Выражение *борзыми щенками брать*, пришедшее из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» («*Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело*») и употребляемое в шутивно-ироническом контексте, предполагает, что взятка будет передана именно натурой, а не деньгами или какими-либо другими выгодами. К числу фразеологических сочетаний, на наш взгляд, следует отнести и словосочетание *обрасти взятками*, которое не зафиксировано в словарях русского литературного языка, но, судя по контекстам, активно употребляется в разговорной речи как коллокация, реализуя значение «глубоко погрузиться в сферу взяточничества; принимать / провоцировать взятки».

Тема взяточничества отражена и в поговорках «*Судьям то и полезно, что в карман полезло*», «*В суд ногой — в карман рукой*», «*Всяк подьячий любит калач горячий*», «*Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос*», выражающих пренебрежительное, негативное отношение к явлению взяточничества либо рисующих его в шутивно-ироническом ключе.

Корпусные данные свидетельствуют о том, что слово *взятка* активно сочетается с прилагательными с градиционной семантикой: *большая, крупная, огромная, гигантская*,

баснословная, колоссальная, многотысячная, взятка в особо крупном размере и щедрая, небывалая, невероятная, солидная, безумная. Эти определения (кроме прилагательного *большой*, которое является основным и нейтральным по своему значению) подчеркивают, что взятка значительно превышает свой «допустимый» размер. Определений со значением невысокой степени признака встретилось гораздо меньше: *обычная* («По деньгам выходило, что семье Грыма все равно, где платить — правозащитникам или обычную взятку»), *незначительная* («За незначительную взятку здесь можно было снять хороший номер»), *мелкая* («Вот так делались дела в Москве: за мелкую взятку можно было получить хоть звезду с неба, пусть и в фигуральном смысле»), *элементарная* («Сегодня ситуация такова, что 99 процентов проверок этих организаций, включая милицию, СЭС, торговую инспекцию, пожарников, заканчивается элементарными взятками в той или иной форме»). Но их значения не ограничиваются выражением размера взятки, нормативная оценочная семантика таких слов указывает на то, что взятка стала чем-то привычным, естественным и постоянным в жизни общества.

Адъективная сочетаемость существительного *взятка* показывает, что определения маркируют признак взятки: а) по этнической и территориальной характеристике: *русская, взятка по-московски*; б) по темпоральному признаку: *регулярная, запланированная, незапланированная*; в) по характеру определенности и степени договоренности участников: *откровенная, неоднозначная*; г) по характеру сферы, в которой осуществляется передача взятки: *деловая, бытовая*.

Самыми распространенными глагольными словосочетаниями со словом *взятка* являются конверсивные словосочетания *брать* и *давать взятку*. Остальные словосочетания типа *глагол + существительное взятка*, в зависимости от того, кто является инициатором взятки, можно разделить на две группы: 1) глаголы, обозначающие действие, совершаемое каким-либо должностным лицом с целью получить взятку: *намекать* (на что?), *просить, вымогать, получать, срубить, мучить, собрать, содрать, сорвать, выжимать, провоцировать, отмывать*; 2) глаголы, обозначающие действие, совершаемое каким-либо частным лицом, стремящимся передать взятку с целью получить в ответ на это ожидаемую выгоду: *обещать, всучить, предлагать, совать, подсовывать, понести, раздавать, покупать* (чем?), *сунуть, приручать* (чем?).

При таком широком спектре семантической сочетаемости слова *взятка* с глаголами стоит отдельно обратить внимание на развитие переносных значений: например *приручить взятками* — «посредством взятки вызвать к себе расположение собеседника»; *выжать взятку* — «извлечь как можно больше незаконной выгоды»; *сорвать / срубить взятку* — «добиться / получить выгоду».

Взятничество, наряду с убийством и распространением наркотиков, относится к числу тяжких преступлений, поэтому естественно, что в обыденном сознании носителей языка слово *взятка* встраивается в такие ассоциативные ряды, которые связаны с другими негативными явлениями социума: «По его словам, “в ход шел стандартный набор: лесть, взятки, интриги, угрозы”»; «Насчет всяких там взяток, откатов и прочей уголовно наказуемой гадости...»; «С системой, в описании которой обязательно звучат такие слова, как “бюрократизм”, “взятки”, “коррупция”, “произвол”, “давление”, “вымогательство”, “наезды” — своеобразные экономические термины наших дней». Безусловно, такое количество вариаций преступной деятельности, связанной с получением незаконной имущественной или неимущественной выгоды, обусловлено социальным, политическим, экономическим климатом в стране, а также отношением общества к подобным явлениям.

Иллюстративный материал показывает, что отношение это чаще негативное («*взятка — это преступление*», «*за взятки сажать надо*»), а к людям, дающим / берущим взятку, окружающие относятся с презрением (*опуститься до взятки, польститься на взятку*). Но в то же время взятка воспринимается и как нечто необходимое, вынужденное, а поэтому отчасти одобряемое: «*В сфере бизнеса, как и в юридической области, при формулировании установки на компромисс также существует опасность обесценивания его этической составляющей, ведь, в конце концов, банальная взятка также*

есть некая форма компромисса», «Таким образом, на уровне бытовой коррупции взятка — почти стопроцентная гарантия успеха»; «Взятка — это естественное и одобряемое обывателями решение житейских проблем»; «Без взяток ничего не сделать»; «Искусственно созданные барьеры преодолеваются только взятками». Таким образом, в целом осуждая взяточничество и продажность должностных лиц, в сложных ситуациях человек, заинтересованный в решении своей проблемы, готов прибегнуть к взятке.

Такое амбивалентное отношение к взяточничеству обусловлено исторически. По наблюдениям Г.М. Шипицыной, анализирующей значения слов *кормление* и *мздоимство*, «лексикон и фразеология русского языка свидетельствуют о том, что в ментальности нашего народа исторически не было сформировано непринятие взяточничества и мздоимства или их оценки как постыдных и недопустимых социальных пороков. Фактически и сколь-нибудь заметного ореола осуждения этих пороков в языковом материале прошлых эпох не просматривается» [10, с. 304–305].

Итак, в заключение отметим, что семантическое поле единиц, образуемое вокруг ключевого слова *взятка*, изменяется и количественно (происходит устаревание ряда единиц и появление новых лексических и фразеологических номинаций), и качественно (эвфемистические номинации указывают на изменение обвинительного уклона на амбивалентное отношение к взяточничеству как социальному пороку).

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 2000. 400 с.
3. Марченко О.В. Семантический анализ слова взятка, или Сколько лексических лакун может скрывать одно юридическое понятие // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. № 1. С. 26–32.
4. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык — Медия, 2005. 568 с.
5. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 431 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2001. 404 с.
7. Плотникова А.М. Речетворчество в криминальных диалогах // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 66–72.
8. Лаппо М.А. Интенция кодирования в субкультурном дискурсе // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии», 2007. С. 327–337.
9. Киосе М.И. Техники и параметры непрямого наименования в тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 48 с.
10. Шипицына Г.М. Историко-лингвистический взгляд на концепт взяточничество // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 296–305.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka. Gl. red. S.A. Kuznetsov* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. S.A. Kuznetsov (Ed.)]. SPb.: Norint, 2002, 1536 p. [in Russian].
2. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiia ugovnoi otvetstvennosti. Teoriia i zakonodatel'naia praktika* [Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice] M.: Izdatel'stvo NORMA, 2000, 400 p. [in Russian].
3. Marchenko O.V. *Semanticheskii analiz slova vziatka, ili skol'ko leksicheskikh lakun mozhет skryvat' odno iuridicheskoe poniatie* [Semantic Analysis of the Word Bribe, or How Many Lexical Gaps May a Single Legal Concept Hide]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics. Intercultural communication], 2014, no. 19, pp. 26–32 [in Russian].
4. Aleksandrova Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo iazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. M.: Russkii iazyk — Medii, 2005, 568 p. [in Russian].

5. Abramov N. *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii* [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions on sense]. M.: Russkie slovari, 1999, 431 p. [in Russian]

6. Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina* [A great dictionary of Russian jargon]. SPb.: Norint, 2001, 404 p. [in Russian].

7. Plotnikova A.M. *Rechetrochestvo v kriminal'nykh dialogakh* [Speech making in criminal interlocutions]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Iazyk. Sistema. Lichnost'. Lingvistika kreativa* [Ural Filological Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of creativeness], 2014, no. 1, pp. 66–72 [in Russian].

8. Lappo M.A. *Intentsiia kodirovaniia v subkul'turnom diskurse* [Coding intention in subcultural discourse]. *Situatsionnaia i lichnostnaia determinatsiia diskursa. Pod red. N.D. Pavlovoi, I.A. Zachesovoi* [Situational and personal determination of discourse. N.D. Pavlova, I.A. Zachesova (Eds.)]. M.: Izd-vo «Institut psikhologii», 2007, pp. 327–337 [in Russian].

9. Kiose M.I. *Tekhniki i parametry nepriamogo naimenovaniia v tekste: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Methods and parameters of indirect nomination in the text: Extended abstract of Doctor's of Philological Sciences thesis]. M., 2015, 48 p. [in Russian].

10. Shipitsyna G.M. *Istoriko-lingvisticheskii vzgliad na kontsept vziatocchnichestvo* [Historical and linguistic point of view on the concept corruption]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Iazyk. Sistema. Lichnost'. Lingvistika kreativa* [Ural Filological Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of creativeness], 2016, no. 2, pp. 296–305 [in Russian].

A.M. Plotnikova, K.V. Starikova*

DYNAMICS OF THE SEMANTIC FIELD OF THE WORD «ВЗЯТКА» (BRIBE) IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

The article discusses meanings of the words related to the semantic field of 'bribery', which is now growing in the Russian language. Drawing from various lexicographical sources, the author focuses on lexical and phraseological units denoting such social vice as bribery. It is shown how the word family with the common root "ВЗЯТК-" is expanding; how the meanings of the lexical units in this field are transformed; and how this semantic field functions in the legal discourse. Comparative analysis of the colloquial usage of these words and their usage as terms in professional discourse reveals significant differences in the meanings of certain units. The author used the Russian National Corpus to analyze the collocations of the word «взятка» and to reconstruct the perception of this phenomenon in Russian society. Special attention is paid to the system of euphemistic nominations performing various pragmatic functions: euphemisms conceal the real nature of such actions; change the negative evaluation of this phenomenon into positive; and reduce the communicative discomfort. The article describes how condemnation of bribery is replaced by a more ambivalent attitude in contemporary publicistic writings.

Key words: semantics, pragmatics, semantic field, euphemism, legal terminology

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* Plotnikova Anna Mikhailovna (annamp@yandex.ru), Starikova Ksenia Vitalievna (starikovaksenija@yandex.ru), Department of Modern Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University, 19, Mira street, Ekaterinburg, 620002, Russian Federation.

** The research is carried out with the financial support of the Program of increasing competitiveness of Ural Federal University for the period 2013–2012 (number of an agreement 02.A.03.21.0006).

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *ЧИЖИКА СЪЕЛИ ЕГО* ФУНКЦИОНИРОВАНИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Происхождение русского фразеологизма *чижика съел* — ‘о том, кто добился минимальных, ничтожных результатов, первоначально рассчитывая на значительно большее’, рассматривается в статье как результат смысловой и вербальной «конденсации» авторского текста, содержащего реальные языковые и этнокультурные предпосылки для формирования и дальнейшего функционирования данного устойчивого словосочетания. Отмечается моделируемый характер рассматриваемого фразеологизма, его соответствие одной из продуктивных деривационных закономерностей, характерных для живой разговорной речи. Выявляются особенности употребления фразеологизма *чижика съел* в различных публицистических текстах, его значительный экспрессивный потенциал, способствующий обрисовке негативно осмысливаемых ситуаций.

Ключевые слова: *чижика съел*, происхождение, текст, фразеологизм, публицистика, употребление.

Устойчивое словосочетание *чижика съел* употребляется в русском языке со значением ‘о том, кто добился минимальных, ничтожных результатов, первоначально рассчитывая на значительно большее’. Источником данного фразеологизма является текст одной из «Сказок для детей изрядного возраста» М.Е. Салтыкова-Щедрина — «Медведь на воеводстве», где повествуется о деяниях Топтыгина 1-го, которого Лев послал в лес «внутренних супостатов усмирять». Новый «воевода» по случаю своего назначения и собственных именин прежде всего «купил ведро водки и напился в одиночку пьян», а проснувшись утром и обнаружив, что кто-то «бездельным обычаем по воеводской туше прыгает», «сгреб грубияна в лапу, да, не рассмотревши с похмелья, взял и съел». Жертвой медвежьей «бдительности» оказался Чижик, имевший в лесу репутацию умной птички. В итоге Топтыгин, деятельность которого должна быть направлена на «усмирение супостатов», оказался в смешной и унижительной для него ситуации, о чем вскоре узнали другие обитатели леса — заяц, скворец, комар, лягушка. Среди прочих высмеяла медведя и ворона: «*Вот так скотина! Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел!*».

Очевидно, что обстоятельства возникновения фразеологизма *чижика съел* могут служить «классической» иллюстрацией известной концепции А.А. Потебни, сформулированной им еще в конце XIX века в работе «Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка». В классической басне, как убедительно показал ученый, нередко происходит своеобразное «сгущение смысла», при котором содержание всего текста «конденсируется», «ужимается» до поговорки — краткого изречения, представляющего собой «квинтэссенцию» содержания басни. Такое лаконичное, глубокое по содержанию изречение фактически заменяет собой весь текст, хорошо известный носителям языка. «Механизм сжатия» басни в отдельное выражение А.А. Потебня проиллюстрировал на примере басенного текста, в котором Муха,

* © Коваль В.И., 2016

Коваль Владимир Иванович (vlad-kov@mail.ru), кафедра русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 246019, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104.

сидя на рогах вола, возвращающегося после тяжелой пахоты в поле, не без гордости заявляет: «Мы пахали». Поскольку описанная в аллегорической форме ситуация является типичной, узнаваемой, высказывание басенного персонажа *Мы пахали* приобретает статус самостоятельного афоризма: «Рассказ отпадает, отбрасывается как ненужное, и мы получаем одно выражение *Мы пахали*, которое говорит достаточно и которое мы применяем как басню к известным случаям в жизни» [1, с. 514–515].

Возвращаясь к авторской сказке «Медведь на воеводстве», отметим, что в содержательном отношении данный текст весьма напоминает басню: в нем присутствуют и несомненная социальная направленность, и занимательный анекдотический сюжет, и ярко выраженная аллегория – использование образов животных (в том числе – такого популярного персонажа, как Медведь) для характеристики человеческих поступков, и обязательная для басни назидательность.

Возникновению фразеологизма *чижика съел* способствовали, как видим, не только нравоучительный («басенный» по характеру) текст, но и внеязыковые (опирающиеся на богатую этнокультурную традицию) обстоятельства. Вместе с тем «движущим механизмом» данного оборота является продуктивная, наделенная значительным экспрессивным потенциалом и хорошо известная русской разговорной речи фразеологическая модель «съесть + животное (растение, предмет) = ‘оказаться в затруднительном или неловком, неприятном положении’»: *гриб съест* – ‘потерпеть неудачу в чем-либо’, *калитку съест* – ‘получить отказ при сватовстве’, *белены объесться* – ‘стать глупым, психически ненормальным’, *гороху объесться*, *наестся лягушек* – ‘стать беременной вне брака’ и др. [2, с. 19, 21, 33, 81, 132].

Названные причины обусловили активное использование фразеологизма *чижика съел* во многих публицистических текстах, темой которых являются различные общественно значимые события.

Так, популярный обозреватель «Аргументов и фактов» Вячеслав Костиков в своей статье, посвященной событиям на Украине и связанным с ними антироссийским санкциям западных стран, приходит к заключению о том, что в реальности Запад не достиг планировавшихся им результатов. Европа в итоге оказалась в роли незадачливого Топтыгина: «Словом, получилось, как у Салтыкова-Щедрина в сказке «Медведь на воеводстве»: думал назначенный на воеводство медведь блеском кровопролития врагов усмирить, а... съел чижика! Можно ли не рассмеяться, друзья? *Европа чижика съела!*» [3].

По той же логической модели – «грандиозные планы → незначительный результат» – строится содержание интернет-материала «Как евромайдан чижика съел». Речь идет о событиях в Киеве, где оппозиционно настроенные по отношению к тогдашней украинской власти граждане, численность которых, по некоторым данным, доходила до миллиона человек, в один из дней уничтожила памятник Ленину: «Их был, как они говорят, миллион человек, и они могли изменить историю. Они могли устроить настоящую революцию – с захватом президентского дворца, разрушением украинской Бастилии – Лукьяновского СИЗО, – установлением контроля над “вокзалом, почтой и телеграфом”. Им ничего не мешало выплеснуть свою энергию на особняки олигархии, расставленные по берегам Днепра. А еще можно было устроить марш на Харьков и освободить главную политзаключенную. Ведь их был миллион! Однако зашла “революция” хватило только на сокрушение каменного Ильича <...> Прямо как у Салтыкова-Щедрина: «Не того от нового воеводы ждали. Думали, что он дебри и болота блеском кровопролитий воспрославит, а он на-тко что сделал! И куда ни направит Михаила Иваныч свой путь, везде по сторонам словно стон стоит: “Дурень ты, дурень! *Чижика съел!*”» [4].

Рассматриваемый фразеологизм и запечатленный в нем образ могут выступать в качестве «отправной точки» публицистических статей, некоторой «затравки», «сильной позиции текста», призванной привлечь внимание потенциальных читателей. Дальнейшее изложение материала тогда представляет собой детальное, подробное «развертывание» различных мнений, относящихся к определенной теме. Ср.: «Депутаты британс-

кой Палаты общин представили свое предложение, подписанное, в том числе, пятью бывшими министрами иностранных дел, о том, чтобы дать законную силу санкциям по так называемому “списку Магнитского”, однако правительство фактически отклонило документ. Как там у классика было? Ожидали невероятнейших жестокостей, а он *чижика съел?*» [5]; Бывший министр обороны Анатолий Сердюков сейчас пытается изобразить медведя из сказки Салтыкова-Щедрина: «Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он *Чижика съел!*» Точнее, изобразить пытается следствие. Если Сердюкова осудят по статье «Халатность», это будет, наверное, еще большим плевком в армию и народ, чем если бы дело вообще не открывали [6].

Оригинально используется фразеологизм *чижика съел* в статье, где речь идет о запрете прокуратурой Ульяновской области доступа к сайту «Комсомольской правды» на основании материалов, опубликованных газетой более десяти лет назад. Названные обстоятельства создали базу для обыгрывания фразеологизма, раскрытия его внутренней формы с неожиданной стороны: «Жаль, просто жаль, что не живет в наше время Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Не хватает его таланта, чтобы воедино связать “Медведя на воеводстве” и “Историю одного города” новой главой. На примере борьбы прокурора Ульяновской области с сайтом *kr.ru*. В конце прошлой недели был прекращен доступ к нашему сайту через провайдера ОАО “Ростелеком”. Пальма первенства в борьбе с нарушением закона, безусловно, принадлежит здесь прокуратуре, строго бдящей за соблюдением законности и не делеящей свои дела на мелкие, незначительные и серьезные. Вот только получилось, как у Михаила Евграфовича про медведя на воеводстве: «Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел!» Да еще мало того, что чижика, так еще и десятилетней давности и бог знает какой свежести» [7].

В статье, посвященной оценке деятельности российского политика и общественно-го деятеля Алексея Навального, интересующий нас фразеологический оборот не представлен, однако структура финальной фразы, являющейся, как и начало, «сильной позицией» текста, в полной мере соответствует «производящей» конструкции, входящей к тому же в состав заголовка: «Навальный и Ксюша навалились на рекламную конторку Тины Канделаки “АпостолМедиа”, вероятно, с интенцией отжать у Тины договоры с “Аэрофлотом” <...> От Навального ждали, что он новым президентом станет, а он в свару за рекламные контракты с “Аэрофлотом” полез. Забавно» [8].

Особый интерес представляет статья «Чижика съел?», в которой речь идет об аресте известного и влиятельного белорусского бизнесмена, владельца компании «Трайпл» Юрия Чижана. С одной стороны, в данном случае смыслообразующий компонент фразеологизма – *чижик* – соотносится с именем собственным *Чиж* – фамилией конкретного человека, и это обстоятельство «оживляет» внутреннюю форму оборота. С другой стороны, в материале, озаглавленном таким образом (с использованием уменьшительной формы имени существительного), содержится скрытый ироничный намек на относительную незначительность лица, о котором идет речь, и, соответственно, на незначительность самого события [9].

Представленный материал в полной мере иллюстрирует активный процесс функционирования одного из многочисленных фразеологических оборотов, активно используемых в публицистическом дискурсе. Показательно при этом, что в большинстве случаев авторы материала указывают на непосредственную связь оборота *чижика съел* с его литературным источником.

Библиографический список

1. Потенба А.А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
2. Коваль В.И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение: монография. Минск: РИВШ, 2011. 196 с.
3. Костиков В. Как Запад чижика съел. Кто перешел «красную линию» на Украине? // АиФ. 2014. 26 марта.

4. Константинов О. Как евромайдан чижики съел [Электронный ресурс]. URL: <http://dumskaya.net/news/na-smert-stolichnogo-ilicha>.
5. Орех А. Британия съела чижики [Электронный ресурс]. URL: http://bombnews.info/12969-Anton_Oreh:_Britaniya_sela_chizhika.html
6. Лебедев И. Чижики съел? [Электронный ресурс]. URL: <http://lebedev-ldpr.livejournal.com/271447.html>.
7. А прокурор... «чижики съел» [Электронный ресурс]. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/52844>.
8. Про Навального: От него кровопролитие ждали, а он чижики съел [Электронный ресурс]. URL: <http://papa-gen.livejournal.com/1809625.html>.
9. Чижики съел?! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bramaBY.com/ls/blog/bel/4115.html>.

References

1. Potebnja A.A. *Iz leksii po teorii slovesnosti* [From lectures on the theory of literature] in *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. М.: Iskusstvo, 1976, 614 p. [in Russian].
2. Koval' V.I. *Frazeologija narodnoi dukhovnoi kul'tury: sostav, semantika, proiskhozhdenie: monografiia* [Phraseology of folk spiritual culture: composition, semantics, origin: monograph]. Minsk: RIVSh, 2011, 196 p [in Russian].
3. Kostikov V. *Kak Zapad chizhika s"el. Kto pereshel «krasnuiu liniu» na Ukraine?* [As the West siskin ate. Who passed the "red line" in Ukraine?]. *AiF*, no. 13, 26.03.2014 [in Russian].
4. Konstantinov O. *Kak evromaidan chizhika s"el* [As Euromaidan siskin ate]. Retrieved from: <http://dumskaya.net/news/na-smert-stolichnogo-ilicha> [in Russian].
5. Oreh A. *Britaniia s"ela chizhika* [Britain siskin ate]. Retrieved from: http://bombnews.info/12969-Anton_Oreh:_Britaniya_sela_chizhika.html [in Russian].
6. Lebedev I. *Chizhika s"el?* [Siskin ate?]. Retrieved from: <http://lebedev-ldpr.livejournal.com/271447.html> [in Russian].
7. *A prokuror ... «chizhika s"el»* [The public prosecutor ... "siskin ate"]. Retrieved from: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/52844> [in Russian].
8. *Pro Naval'nogo: Ot nego krovoprolitiev zhdali, a on chizhika s"el* [About Navalny: From him expected bloodshed, and he siskin ate]. Retrieved from: <http://papa-gen.livejournal.com/1809625.html> [in Russian].
9. *Chizhika s"el?! [Siskin ate?!]*. Retrieved from: <http://www.bramaBY.com/ls/blog/bel/4115.html> [in Russian].

V.I. Koval*

ON THE ORIGIN OF PHRASEOLOGISM *SISKIN ATE* AND ITS FUNCTIONING IN MODERN INTERNET SPACE

The origin of the Russian phraseologism «*siskin ate*» is about who has made minimal, negligible results, initially relying on a much larger, is considered in the article as a result of semantic and verbal "condensation" of the author's text, containing a real linguistic and ethno-cultural prerequisites for the formation and further functioning of sustainable phrases. The simulated character of the considered phraseologism, its compliance with one of the productive diversion laws specific to a live conversation is noted. Peculiarities of the use of a phraseologism *siskin ate* in a variety of journalistic texts, its considerable expressive potential, contributing to the portrayal of negatively comprehending situations are revealed.

Key words: *siskin ate*, background, text, idiom, publishing, use.

Статья поступила в редакцию 15/VII/2016.

The article received 15/VII/2016.

---

* *Koval Vladimir Ivanovich* (vlad-kov@mail.ru), Department of Russian, General and Slavic Linguistics, Francisk Skorina Gomel State University, 104, Sovetskaya street, Gomel, 246019, Republic of Belarus.

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА МОНГОЛЬСКИХ РЕАЛИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье исследуется перевод традиционного монгольского счисления времени по суткам. Автор статьи считает, что в переводе романа монгольского писателя Ч. Лодойдамбы «Прозрачный тамир» традиционное монгольское счисление времени по суткам обозначено неточно. Это счисление времени, связанное с традиционным укладом жизни монголов, передано на русский язык разными способами выражения времени: по расположению солнца на небосводе, с помощью приблизительного времени, с помощью современного времясчисления. Некоторые неточности перевода временного счисления повлияли на качество перевода.

Ключевые слова: традиционное счисление времени, языковая картина мира, особенности жизненного уклада народа, своеобразие образа мышления, счисление времени по отрезкам суток, способы передачи национальной реалии.

Национальные традиции народов, народностей и наций относятся к числу малоизученных тем с точки зрения языковой картины мира и проблемы перевода. Монгольская нация имеет многовековые богатые культурно-бытовые, духовно-интеллектуальные традиции общения, которые имеют яркое проявление в национальном языке.

Национальное в языке – это то, что характерно только для данного народа. Оно передает особенности жизненного уклада, интересов, своеобразие образа мышления и неповторимо у другого народа. Это связано с той сферой реальной жизни, в которой вращается человек. Если человеку знаком объект, то на его основе может быть создана языковая единица, Если же объект незнаком, то и в языке нет лексических единиц, называющих данный объект. Такой языковой единицей является традиционное монгольское счисление времени по отрезкам суток, которым широко пользовались и теперь иногда пользуются монголы-скотоводы. Это счисление времени по отрезкам суток очень удобно для них, так как оно связано с трудовой деятельностью арата, восходит к традиционному быту монголов-скотоводов, к их укладу жизни.

Юрта занимает особое место в истории человеческого жилья. Ее конструкция продумана до мелочей и идеально приспособлена к особенностям кочевого образа жизни. Отсчет времени ведется от первого до последнего луча солнца, проникающего через дымовое отверстие – *тооно*. Рано утром хозяйка отворачивает покрывало дымника ровно настолько, чтобы край пришелся на середину перекладины, делящей его на северную и южную части. Через южную, открытую часть тооно-дымника проникает луч солнца и попадает в различные части юрты, на предметы в ней. Рабочий день скотоводов точно расписан и освящен веками. Распорядок его строился по передвижению солнечного луча. Монголы издавна применяли оригинальную

---

* © Цэдэнжав Д., 2016

Цэдэнжав Дамдин (Tsedenjav1953@mail.ru), кафедра русского языка, социально-гуманитарный институт, Монгольский государственный университет образования, 210648, Монголия, Улан-Батор.

систему разбиения суток на периоды, вдвое большие, чем один час, т. е. на периоды по два часа — «двучасье». По-видимому, это связано с практическими возможностями определения времени на глаз, по положению солнца на небосклоне, силе освещенности и т. п., при которых точно уловить короткий промежуток времени достаточно затруднительно.

Благодаря традиционному расположению монгольских юрт с ориентировкой строго по сторонам света — дверью на юг, прохождение солнца по небосводу и тем самым наступление того или иного астрономического периода суток отмечается попаданием лучей солнца через *тооно* в различные части юрты и на предметы, различно расположенные по вертикали. Так, например (все нижеследующие примеры для летнего сезона), *нар тооноор тусах цаг* (время попадания солнца через круг верхнего отверстия) приходится летом на «время зайца» (5.40–7.40), хозяйка знает: пора доить скот. «Времени дракона» (7.40–9.40) соответствует *нар унины толгойд тусах цаг* (время попадания лучей солнца на верхнюю часть жердей юрты), в эту пору заканчивается дойка и скот пускают на пастбище. *Нар унины голд тусах цаг* (время попадания лучей солнца на середину наклонных жердей) соответствует «времени змеи» (9.40–11.40), это время обработки свежего удоя. *Нар унины бөгсөнд тусах цаг* (время попадания лучей солнца на нижнюю часть жердей) или *нар ханын толгойд тусах цаг* (время попадания лучей солнца на верхнюю часть решетчатой стены юрты) соответствует *багагүд* (малому полдню) или «времени лошади» (11.40–13.40). *Нар авдарт тусах цаг* (время попадания лучей солнца на сундук) или *нар хоймор тусах цаг* (время попадания лучей солнца на хоймор. *Хоймор* — это почетное место юрты, напротив двери) соответствует «времени овцы» (13.40–15.40), к этому часу летом пригоняют скот с пастбища для дойки, почему еще говорят *үдийн хонь ирэх цаг* (время прихода овец в полдень). *Нар ханын элэг өсөх цаг* (время освещения лучами солнца верхней части решетчатой стены) соответствует «времени обезьяны» (15.40–17.40). *Нар унины үзүүр өгсөх цаг* (время освещения лучами солнца верхней части жердей) приходится на «время курицы» (17.40 — 19.40), когда пригоняют скот — *үдийн хонь ирэх цаг* и начинается вечерняя дойка, которая заканчивается во «время собаки» (19.40–21.40) [2].

В данной работе делается попытка исследования перевода традиционного монгольского счисления времени по суткам на материале романа классика монгольской литературы Ч. Лодойдамбы «Прозрачный Тамир» с точки зрения особенностей национального видения мира и проблемы перевода монгольских реалий.

Известный монгольский исследователь произведений Ч. Лодойдамбы Баж. Ганбат считал, что писатель с большим мастерством использовал это счисление для создания художественного образа, объективного изображения действительности [1].

Этот роман переведен на многие языки мира, в том числе на русский (в бывшем Советском Союзе роман был издан 5 раз). Его на русский язык перевел известный советский монголовед, переводчик А.Р. Дамба-Ринчинэ.

Переводчик использовал разные приемы и методы для передачи традиционного монгольского счисления, которое имеет некоторые трудности в связи с отсутствием реалий в русском языке, т. е. реалии с точки зрения русского видения мира (отсутствие четкого представления у русских о попадании солнечных лучей на различные части юрты, на предметы домашней утвари).

Гэрийн эзэн нэр хичээн харь хошууны хүнд борц нүдэж хоол хийж өгөв. Төмөр энэ айлд нар ханын элэг өнгөртөл байв. Хүүхнээр гээгээ самнуулж, сахлаасаа саллаа [3, с. 40]. «Тумэра накормили досыта, после чая подали вяленое мясо. Насытившись, Тумэр решил побриться, а потом попросил девушку расчесать и заплести ему косу» [4, с. 34]. В переводе опущено время, проведенное Тумэром в гостях у старого

пастуха, которое несет в оригинале имплицитную информацию о том, что он (Тумэр) спокойно и с удовольствием отдыхал у старика и переждал дневную жару.

Оройн нар ханын элэг өөд авирахын үед сумын хойт даваагаар Бадарч, Түгжил хоер удирдсан гуч гаруй морьтой хүмүүс орж ирэхэд харвал бараг л буутай ажээ [3, с. 598]. «Вечером, перед заходом солнца, через северный перевал к сомону спустилось около тридцати всадников. Впереди ехали Бадарчи и Тугжил» [4, с. 465]. В русском переводе этого предложения допущена неточность: *нар ханын элэг авирах үе* означает время не «перед заходом солнца», а «после обеда», «после дневной жары». Время *нар ханын элэг авирах үе* (буквально: время освещения лучами солнца верхней части решетчатой стены) соответствует 15.00–17.00. А по переводу получается, что это 19.00–21.00.

Хоер найз өртөө дамжин довтолсоор нар ханын элэг өөд гарч байхад Цэцэрлэг мандалын аймгийн төв заяын баанууны хойтох амыг уруудан орж ирлээ [3, с. 592]. «Перед заходом солнца друзья уже миновали кирпичный завод в Цэцэрлик-мандалском аймаке» [4, с. 461]. И тут переведено ошибочно, как в предыдущем предложении.

Маргааш нь Данигай сойвон нар ханын элэг өөд гарах үед богдын ордонд орж ирэхэд үүдний өрөөнд еслолын хувцастай гадаад явдлын яамны тэргүүн сайд Эрдэнэ дайчин чин ван Ханддорж, орос улсын элчин Сайд ерөнхий консул Коростовецтай монгол оросын харьцааны тухай хэлэлцэн ярилцсанаа айлтгахаар аль өглөө ирээд сууж байлаа [3, с. 136]. «На другой день в полдень Данига явился во дворец. В приемной уже сидели министр иностранных дел чин-ван Ханддоржи в парадной одежде и русский консул Коростовец. Они должны были доложить Богдо о переговорах, которые велись между Монголией и Россией. Рано утром явились они сюда и ждут уже несколько часов» [4, с. 109]. Здесь неточно передано не только время – в полдень, но и содержание понято переводчиком неверно: министр иностранных дел чин-ван Ханддорж сидел в приемной у Богдо, чтобы доложить о монголо-российских переговорах, которые он вел на днях с русским консулом Коростовцем, а не вместе с русским консулом Коростовцем ждал аудиенции у Богдо-хана, как передано в переводе.

Бадамдорж шанзав шадар нөхдийн хамт Шү жанжинд өргөх бичгийн эхийг өглөөнөөс эхлэн бичээд оройн нар хана өөд цойлон гарахын үед дуусав [3, с. 237]. Буквальный перевод: «Бадамдорж со своими приближенными работали над черновиком письма командиру Шу с утра и закончили только после полудня». А вот перевод А. Дамба-Ринчинэ: «Письмо он со своими приближенными составлял всю ночь» [4, с. 189]. Здесь уже день превратился в ночь. Такое игнорирование времени подлинника недопустимо с точки зрения эквивалентности перевода.

В следующих двух примерах рассказывается об одном и том же времени – времени отъезда Тумэра и Тугжила, которые посетили юрту старика Улдзи, но не застали его дома.

А. *Оройн нар унь өөд гарахын үед Төмөр, Түгжил хоер явах болцгоов* [3, с. 102]. «Перед заходом солнца Тумэр стал собираться» [4, с. 81].

Б. После отъезда Тумэра и Тугжила приехал старик Улдзи и спрашивает у родных, когда они уехали:

— *Чухам хэдийд явсан бэ?* (Когда же они уехали точно?)

Нар уннд байхад. (Солнце было на жердях)

Ам мөлтөс зөржээ (Чуть-чуть разминулись) [3, с. 113].

«— Когда же они уехали? — **Примерно в обед.**

Выходит, я совсем на немного опоздал» [4, с. 90].

Время отъезда Тумэра и Тугжила в первом предложении /А/ переведено как «перед заходом солнца», а во втором предложении /Б/ – «примерно в обед». Автор

романа во втором предложении это время выразил другими словами, синонимичными первому: *нар унинд байхад* (буквально: солнце было на жердях юрты). Монголы-скотоводы редко обедали в дневное время, их обед обычно наступал только вечером. Поэтому время «примерно в обед» для монгола того времени может означать совсем другое время. Более подходящий перевод может быть «в полдень», «после полудня».

Эрдэнэ хоер хүү хдээ дагуулан ширүүн хатируулсаар бага үд өнгөрөхийн үед Заяын хүрээний баруун хойноос орж ирлээ [3, с. 129]. «Эрдэнэ повел коней крупной рысью, и уже **к одиннадцати часам** они были в монастыре» [4, с. 103].

Бага үд өнгөрч байхад Бакич цэргийнхээ өмнө цагаан морь унаж хар нөмрөг өмсөөд сүртэй гарч ирлээ. [3, с. 348]. «Генерал прибыл **в одиннадцать часов утра**, он важно гарцевал впереди своих войск на белом коне, в черной бурке» [4, с. 280]. В этих двух примерах временное счисление *бага үд* (букв. малый полдень) переведено как «одиннадцать часов», что фактически соответствует содержанию, хотя в то время в Монголии мало кто пользовался часами. Это для изображения монгольской действительности начала XX века слишком ново. Поэтому лучше передать это время как «малый полдень» или «перед дневной жарой».

Тэр шөнө Төмөр хоер хар морийг хулгайлж аваад модонд уяж, өдөнгөрөхийн үед майханд эргэж ирвэл бөөн үймээн болж байв [3, с. 64]. «Ночью, когда все спали, Тумэр увел коней и спрятал их в лесу, а **к утру** снова вернулся в лагерь шамана. Когда все встали, начался переполох» [4, с. 54]. Здесь переводчик своевольно изменил содержание, и время «после полудня» превратилось в утро.

Ингэж явсаар найм дахь өдрийн үд өдөнгөрөхийн үед хүрээний зах руу орж ирлээ [3, с. 191]. «Восемь дней Эрдэнэ добирался до Урги» [4, с. 152]. Тут указание времени отсутствует совсем. В переводе часто можно встретить такое игнорирование традиционного времени. *Тэнгэрт од гялалзаж, хүрээний нохдын ян ян хуцах дуу тасралтгүй сонсогдож, шөнө дунд ойртож байхад хятадын нүүсэнд уригдаж найрлаад Довчин Гэрэл хоер нилээд халамсаг ирэхэд Эрдэнэ морьдыг нь авч тэжээхээр явлаа* [3, с. 233]. «Довчин и Гэрэл вернулись из гостей **далеко за полночь**» [4, с. 187]. Слово сочетание *Шөнө дунд ойртож байхад* (букв. к полуночи) передано также неверно: «далеко за полночь».

Поскольку рабочий день скотоводов точно расписан и освящен веками, каждое названное время несет имплицитную информацию и подразумевает те или иные моменты трудовой деятельности монголов: дойка коров, выгон скота на пастбища, обработка удоя и т. д. В переводе этого романа надо было учесть и это обстоятельство.

Из-за отсутствия реалии в русском языке (в данном случае точное определение времени по попаданию лучей солнца через тооно в различные части юрты и на предметы) перевод приблизительного времени получился неудачным. Например: одно то же время передано по-разному: время *нар ханын элэг өөд гарах цаг* (время освящения лучами солнца решетчатой стены) — перед заходом солнца, в полдень, даже ночью. Или одно время передано как разное время: время отъезда Тэмура и Тугжила передано как перед заходом солнца и примерно в обед. Такого рода погрешности в переводе романа можно встретить часто. Именно из-за неточности передачи стилистических особенностей и национальных черт романа, неточной передачи монгольской реалии или частичного игнорирования особого быта монгольского народа пострадал перевод романа классика монгольской литературы.

Итак, традиционное монгольское счисление времени по отрезкам суток в русском переводе романа Ч. Лодойдамба «Прозрачный Тамир» передано следующими способами: а) по расположению солнца на небосводе (перед заходом солнца); б) с помо-

шью современного времячисления (к одиннадцати часам); в) с помощью общеевропейского приблизительного времени (примерно в обед). В некоторых предложениях этот отсчет времени заключен в общем содержании контекста. Из них наиболее удачными способами передачи этой реалии, по нашему мнению, являются такие способы передачи, как: с помощью приблизительного времени (в полдень, после обеда, в полночь, к утру, примерно в обед) и по расположению солнца на небосводе (перед закатом солнца).

Библиографический список

1. Ганбат Баж. Ч. Лодойдамбын «Тунгалаг Тамир» романы уран сайхны туршлагын зарим асуудал: дис. ... канд. филол. наук / АН Монголии. Улаанбаатар, 1998. 164 с.
2. Баярсайхан Е. Этнокультурная лексика современного монгольского языка: монография / Ин-т языкознания РАН. М., 2002. 109 с.
3. Лодойдамба Ч. Тунгалаг Тамир // Монголын уран зохиолын дээжис. Улаанбаатар. 1997. Т. 30. 632 с.
4. Лодойдамба Ч. Прозрачный Тамир. М.: Прогресс, 1981. 496 с.

References

1. Ganbat Bazh. Ch. *Lodoidambyn «Tungalag Tamir» romany uran saikhny turshlagyn zarim asuudal: dis. ... kand. filol. Nauk.* AN Mongolii. Ulaanbaatar, 1998, 164 p. [in Russian]
2. Baiarsaikhan E. *Etnokul'turnaia leksika sovremennogo mongol'skogo iazyka: monografiia* [Ethnocultural vocabulary of modern Mongolian language: monograph]. Institute of linguistics of the RAS. M., 2002, 109 p. [in Russian].
3. Lodoidamba Ch. *Tungalag Tamir in Mongolyn uran zokhiolyn deezhis.* Ulaanbaatar, 1997, Vol. 30, 632 p. [in Mongolian].
4. Lodoidamba Ch. *Prozrachnyi Tamir* [Transparent Tamir]. M.: Progress, 1981, 496 p. [in Russian].

D. Tsedenjav*

ON THE ISSUE OF TRANSLATION OF MONGOLIAN REALIAS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The author of the article considers that in the translation of the novel of Mongolian writer Ch. Lodoidamba «Transparent Tamir» traditional Mongolian notation of time on day is transferred inexact. This notation of time connected with a traditional way of life of Mongols is transferred on Russian by different ways of expression of time: on an arrangement of the sun in a firmament, by means of approximate time, by means of modern time reckoning. Some discrepancies of translation of time notation has affected translation quality.

Key words: traditional calculation of time, linguistic view of the world, peculiarities of life style of the nation, singularity of way of thinking, calculation of time according to pieces of day, methods of transition of national reality.

Статья поступила в редакцию 11/IV/2016.
The article received 11/IV/2016.

---

* *Tsedenjav Damdin* (Tsedenjav1953@mail.ru), Department of the Russian Language, Social and Humanitarian Institute, Mongolian State University of Education, Ulaanbaatar, 210648, Mongolia.

ПРИСТАВКА ПРО- В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ ЗАДОНЩИНЫ

В статье исследуются соотношения между категорией вида глагола и семантикой древнерусской приставки *про-* в тексте *Задонщины*. Хотя данный текст не имеет оригинала, но на основе Кирилло-Белозерского и Ундольского списка, которые являются соответственно его единственным вариантом в краткой редакции и лучшим вариантом в пространной редакции, можно создать его прототекст. С опорой на научную литературу для приставочных глаголов на *про-* в *Задонщине*, после определения их семантического типа (только-пространственной, пространственно-результативной, временно-результативной, только-результативной), определяются их возможные видовые пары. Формальные средства их образования и датировка устанавливаются по словарям древнерусского языка, а их функциональное содержание предопределяется отношением производности между способами действия их членов. Выделены тенденции в формировании разных типов пар с разной семантикой.

Ключевые слова: приставка *про-*, вид глагола, способы действия, структурирование значений приставок, древнерусский язык, *Задонщина*, видовые пары.

Введение. В нашей работе исследуются древнерусские приставочные глаголы с приставкой *про-* в тексте *Задонщины* в их связи с глагольной категорией вида. Поскольку видовые пары в течение всего древнерусского периода претерпевают морфо-функциональные изменения, представляет интерес вопрос: может ли семантика приставки *про-* предопределить с известной долей точности видовой коррелят данных глаголов с учетом эпохи создания текста. На этот вопрос можно ответить только после определения того, насколько приставочные леммы с *про-* в *Задонщине* изменились с точки зрения аспектуальности в сопоставлении с современным состоянием. Иначе рискуем восстановить пары, которых в действительности не было. Кроме того, нужно решить, какие списки *Задонщины* анализировать, так как оригинала этого произведения не существует.

Относительно вышесказанного, в пункте 1 объясним наш выбор только двух списков *Задонщины*, которые считаем достаточными для выборки приставочных глаголов с *про-* из всего текста; в пункте 2 будут показаны отношения между категориями вида и способов действия в древнерусском; в пункте 3 представим наш метод структурирования значений приставки *про-* в древнерусском, с тем чтобы в пункте 4 морфо-функционально восстановить видовые пары для глаголов на *про-* в *Задонщине* с их вероятной датировкой.

1. Текст *Задонщины* существует в шести списках (Кирилло-Белозерском – КБ; И-1, И-2, Жд, С, Ундольском – У), разных по эпохе создания и по качеству их

---

* © Саккини М., 2016

Саккини Мирко (sacchini.mirko@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34.

содержания. Они не отражают всего текста: либо содержат лишь фрагменты первичного текста (И-2, Жд), либо передают текст в краткой редакции (КБ) или в пространной редакции, лишенной некоторых более (И-1, С) или менее важных (У) частей. В силу ограниченности объема статьи, мы будем исследовать глаголы с *про-* только в списках КБ и У (в издании Р.П. Дмитриевой, см. [1]), поскольку, во-первых, они имеют текстуальные связи со *Словом о Полку Игореве* (вокруг которого ведется длительная дискуссия о том, является ли оно моделью для создания *Задонщины* или наоборот); во-вторых, рукописи имеют пробелы или повреждения в меньшей степени; в-третьих, они являются лучшими вариантами для их редакции; в-четвертых, ими пользуются ученые, чтобы восстановить критическое издание всей *Задонщины* или ее краткой и пространной редакций; наконец, в результате их объединения можно идеально охватить весь период, в течение которого появились остальные списки текста (кроме сильно поврежденного списка С белорусской редакции). Ограничение числа исследуемых списков *Задонщины* двумя позволяет создать образец ее прототекста, который может включить ее вступление, развитие и конец. При этом, чтобы идеально определить количество глаголов с *про-* в *Задонщине* в общей для КБ и У части текста, из анализа списка У исключается форма *пройти*, так как она вполне идентична той, что присутствует в более древнем списке КБ в идентичном контексте.

2. Аспектуальность описывается как целое временное представление ситуации, выраженной в рамках предложения, которое может иметь сильные связи с темпоральностью и модальностью. Главным семантическим признаком для данного представления оказывается неограниченность/ограниченность ситуации пределом. Этот признак, названный в литературе, исследующей лексическую семантику глаголов, как [+/-предельность], структурирует всю глагольную лексику на классы глаголов (способы действия /Aktionsarten) в зависимости от взаимодействия семантики глагола с синтаксическим контекстом. Главная оппозиция в группах Aktionsarten является оппозицией классов *непредельных* (например: *стояти, читати, кричати*) и *предельных* глаголов (например: *постояти, прочитати, закричати*), эта оппозиция на уровне синтаксиса выражается в возможности использовать глагол вместе с обстоятельствами как *в, за X время*. Среди этих глаголов встречаем еще деление на основе сочетания глаголов с признаком [+/-дуративность], т. е. способность к сочетанию с наречиями типа *внезапно* или *постепенно*: *предельно-дуративные* (далее ПД) как *постояти, прочитати; предельно-точечные* (далее ПТ) как *закричать; непредельно-дуративные* (далее НПД) как *стояти* и *кричать*. Последние еще делятся по признаку [+/-стативность] на основе сочетаемости/несочетаемости с наречиями типа *постепенно*. Категория глагольного вида в древнерусском представляет аспектуальность только по двум значениям, пользуясь понятием ограниченности действия пределом на уровне грамматики, т. е. [+/-результативность]: при результативности (совершенный вид, далее СВ) в предложении достижение экзистенциального предела со стороны акта глагола является абсолютным (например, *найти, постояти, прочитати, прорубити*) независимо от его лексического значения. Данное значение почти всегда выражается приставками; при нерезультативности/неабсолютной результативности (несовершенного вида, далее НСВ) значение действия глагола в предложении априори не утверждает достижения своего экзистенциального предела независимо от лексического значения. Данное представление в основном выражается суффиксами *-а-* и *-ыва-* и их вариантами (*прорубивати*), депрефиксацией (*читати*) и иногда заменой основ (*находити*). Однако древнерусские прошедшие времена (имперфект, аорист, перфект и плюсквамперфект) служили средствами передачи информации о виде только в бесприставочных глаголах [2].

Соотношения между двумя планами выражения аспектуальности тесно связаны и с префиксацией, так как категория вида формально и функционально выросла в рамках

предельных приставочных глаголов с пространственным значением и затем начала формировать приставочные глаголы и видовые пары от глаголов других классов *Aktionsarten* [3, с. 467–476]. Данное положение является кардинально важным, если мы хотим установить функционально видовую пару для одного древнерусского глагола. Функционально видовые пары современного русского языка классифицируются Е.В. Падучевой [4, с. 88–97] на 4 типа, при этом глагол совершенного вида принимается за точку отсчета при определении пары. В работах Маслова [3] и Бермела [2] ее классификация применяется и к древнерусским приставочным глаголам: 1) при приставочных ПД глаголах СВ создаются только *предельные пары*, т. е. оба глагола пары ПД, например *прочитати–читати*; 2) при приставочных глаголах СВ ПТ замечается некая закономерность: 2.1. если глагол НСВ оказывается лишь словоформой для повторения действия приставочного глагола СВ, тогда образуются *тривиальные пары*, т. е. оба глагола ПТ, как *найти–находити*; 2.2. если глагол НСВ указывает на состояние, возникшее от проявления действия СВ на оси времени, то возникают *перфектные пары*, как *увидети–видети*; если, наоборот, сам СВ выражает точечный результат действия глагола НСВ, то НСВ обязательно НПД глагол (реже нестативный), таким образом формируются *пролептические пары*, как *выграти–выгрывати*. По поводу формального образования видовых пар в древнерусском Маслов [3, с. 473–476] и Майо [5, с. 9–10], с учетом приставочного глагола СВ как точки отсчета, замечают некоторые тенденции в их формировании: 1) при пространственных приставочных глаголах (см. пункт 3) производный от них коррелят НСВ образуется только с помощью суффиксов *-а-* или *-ыва-* или через замену основ (супплетивно), поскольку приставку нельзя убрать без утраты значения пространственного направления, например *пройти–проходити*; 2) при только-результативной приставке (см. пункт 3) обычно НСВ образуется путем суффиксации или депрефиксации (при сохранении значения СВ глагола, иначе возникает омоним), как *прочитати–читати*; 3) однако при временной приставке (см. пункт 3) производный НСВ образуется реже: префиксами, если это глаголы СВ начала действия, как в *пойти–идти* (но это не часто); суффиксами, если СВ выражает интенсивный результат, как в *иссечи–иссекасти*.

3. В литературе, посвященной исследованию древнерусских и русских приставок, наблюдается стремление выделить на основе семантики приставок одно общее значение, к которому присоединяются все ее значения. Среди разных предложенных методов мы будем использовать метод прототипов, то есть будем определять для приставки *про-* ее базовое значение (далее БАЗ), по отношению к которому по принципу большего или меньшего сходства иерархизировать все значения приставок, выраженных в тексте. Для определения БАЗ для древнерусской приставки *про-* можно воспользоваться достижениями в ее описании ученых Потевни [6, с. 270], Малыгиной [7, с. 10] и Никифорова [8, с. 52]. Они описывают БАЗ для *про-* посредством двух семантических компонентов — ‘вперед’ и ‘протекание до края Объекта’. Мы предлагаем их объединить, характеризуя БАЗ для древнерусских глаголов с *про-* как “продвижение вперед до края Объекта”. Пользуясь словарями [9; 10], с опорой на литературу, исследующую семантику древнерусских приставок, и по принципу перцептивного сходства, можно структурировать иерархию значений древнерусской приставки *про-*, разделяя их на четыре типа.

I — только-пространственное значение: приставка имеет чисто пространственную семантику. Это значение впервые возникло в праславянском и лишено всякого указания на результативность СВ. Производные глаголы и их основы могут быть здесь только НПД, указывая на акты многократного движения (*проходити*) либо на состояние восприятия (*провидети*). Потевня [6, с. 270] видит чистую пространственную природу приставки *про-* (‘вперед’) в следующем примере: “и *виде* осла и... многа же и ина видения *провиде* старец сей”. Здесь пары не оформляются, так как действия приставочных глаголов не имеют предела и результативности.

II – пространственно-результативное значение: здесь БАЗ присоединяется к значению очевидной предельности и результативности. В его взаимодействии с синтаксическим контекстом и с типом глагольной основы, к которой присоединяется приставка, на основе БАЗ могут проявляться такие подзначения: (2.1) ‘тотальное проникновение внутрь Объекта’ (например, *проезжати* <сильные полки>, *продсѣти* <древом>), данное подзначение оформляется от ПД глаголов или от однонаправленных глаголов. Приставочный глагол с этим подзначением либо переходный либо требует Объект с предлогом *сквозь*; (2.2) ‘продвижение вперед по поверхности до крайнего предела Объекта’, например *прогнати* <в пустыню>, *продлити*, *простерети*. Здесь приставка *про-* добавляется в основном к глаголам человеческой деятельности над Объектом; (2.3) ‘проход мимо Объекта’: возникает в случаях *пройти мимо кого-то* или *не проезжати местехъ*. В основном образуется от однонаправленных основ при наличии в предложении обстоятельств места без предлога или с предлогом *мимо*. Во всех этих случаях приставка *про-* всегда создает ПД глаголы.

III – временно-результативное значение: ученые Никифоров [8, с. 52] и Малыгина [7, с. 16] выделяют в рамках этого значения указания на определенные изменения временной природы, привносимые приставкой *про-* в семантику глагольных основ. Ученые признают данные значения сводимыми к пространственным значениям приставки *про-*. Когда БАЗ накладывается на временную ось, оно может быть истолковано как ‘начало и полное протяжение до конечного предела’ (3), создавая следующие три подзначения: (3.1) ‘начало действия’ (в современном языке не продуктивное) для инхоативных глаголов типа *провопити*, *проглаголати*, образованных от НПД глаголов, и для ингрессивных глаголов типа *прокиснути*, *прозрѣти*, *промерзнути*, образованных от стативных; (3.2) ‘некое протяжение’, как в случаях *продержати* <дома месяца/три дня>; *прожити* <масленицу>, которое требует в предложении квантификаторы длительности или существительные, ограничивающие интервал времени; (3.3) ‘избыток на конечном пределе’. Данное подзначение маркирует окончательную фазу действия глагольной основы высокой интенсивности, которая оценивается говорящим как избыточная и поэтому вредная. Оно возникает при присоединении *про-* к предельным основам, как в случае *пропрати*, *продорожити*, но особенно к НПД стативным, как в *просѣдѣтися*, и к нестативным глаголам человеческой деятельности, как в *пропратися*. Только в рамках подзначения (3.2) производные на *про-* являются ПД, хотя их предельность нужно толковать в терминах субъективной квантификации их временной протяженности, а не как объективную предельность, как в *прорубити*. Однако глаголы с *про-* со значением начала (3.1) или интенсивного окончательного результата (3.3) всегда ПТ. Все эти подзначения классифицируются в современной аспектологии по московской лингвистической традиции как способы глагольного действия [1, с. 170].

IV – только-результативное значение: данное значение добавляется приставкой *про-* в тех случаях, когда приставка в составе глагола выражает только результативность СВ. Тут, как кажется, нет связей с БАЗ, либо потому что нет семантической разницы между приставочным глаголом и его основой, либо потому что общая семантика приставочного глагола кажется необъяснимой посредством БАЗ. Например, *проказити*, *продолжати*, *прodelьвати*, *проведати*. Достаточно многочисленны случаи двойной префиксации, как в *прозабыти*, *происсохнути*. Против отрицания связи между данными глаголами и БАЗ выдвинута убедительная гипотеза Ван Шонфельда [11]: в только-результативных приставочных глаголах БАЗ либо дублирует семантику основы, либо вливается в нее, оставаясь от нее неотличимой. Например, вышеназванные глаголы связаны с идеей продвижения вперед их действия сквозь физическое или временное «тело» до достижения экзистенциального конечного предела. Наш метод исследования, учитывающий и лексические материалы словарей,

показывает значения, которые *про-* имеет в древнерусском, и то, что ее БАЗ сохраняется на всех уровнях, помогая избежать омонимии в случаях неясных форм, таких как *прораз(о)йти* или *промкнутися* в тексте *Задонщины*.

4. При использовании словарей древнерусского языка [9] и [10] можно сейчас описывать видовые пары для приставочных глаголов на *про-* текста по отношению к семантической нагрузке их приставки, по следующему формату: <лемма> ('словарное определение', вид): употребление в *Задонщине*, семантическая нагрузка приставки *про-*, *Aktionsart*, [i. видовая пара, средство деривации пар, датировка пары по данным словарей, тип пары]: контекст употребления леммы в тексте. В тексте нет только-пространственных приставочных глаголов с *про-*, и они априорно не образовали бы пар. С пространственно-видовым значением в тексте имеются 5 форм лемм на *про-*, и все они образуют пары: <пробити> ('пробить, проделать отверстие', СВ): *пробиль еси (pro-3)*, 2.1, ПД, [пробити-пробивати, -а- (-ва-), с XV–XVI вв., пред. пара]: «Доне, Доне, быстрыи прошелъ еси землю Половецкую, *пробиль еси (pro-3)* берези хараужныя...»; <прорыти> ('прорыть, проделать проход', СВ): *прорыла еси (pro-10)*, 2.1, ПД, [прорыти-прорывати, -а- (-ва-), с XVI–XVII вв., пред. пара]: «Доне, Доне, быстрая река, *прорыла еси (pro-10)* ты каменные горы и течеша в землю Половецкую...»; <прост(ь)ретися> ('простереться, распространить на кого-л', СВ): *простресея (pro-11)*, 2.2, ПД, [прост(ь)ретися-простиралися, -а- и вокальный элемент -и-, с XII в., пред. пара]: Уже бо по Руской земле *простресея (pro-13)* веселие и буйство; <пройти> ('пройти, продвинуть через, сквозь что-то', СВ): *проути (pro-1)*, *прошелъ еси (pro-2)*, 2.1, ПД, [пройти-проходити, замена основы, с XI в., пред. пара]: «Доне, Доне, быстрыи *прошелъ еси (pro-2)* землю Половецкую, *пробиль еси берези хараужныя...*». При временно-видовой семантике приставки только одна форма из восьми образует пару: <прослезиться> ('прослезиться, заплакать', СВ): *прослезися (pro-11)*, 3.1, ПТ, [i. прослезиться-слезиться/слезитися, *про-*, с XI в.; ii. прослезиться-прослезжаться, -а (-я-), с XVI в.; iii. прослезиться-прослеживатися, -ыва- (-ива-), с XV–XVI вв.; перф. пара (на модель *увидеть-видеть*): И речекн(я)зь великий Дмитрей Ивановичь... и помолися б(о)гу и преч(и)стой его м(а)тери... и *прослезися (pro-11)* горко и утер слезы. Не создавали пар из-за их инхоативной или взрывной начальной фазы: <протечи (протечи)> ('начать течь', СВ): *протекли (pro-10)*, 3.1, ПТ, [нет пар]: И князи их падоша с коней, загремѣли, а трупми татарскими поля насеяша и кровию ихъ реки *протекли (pro-12)*; форма леммы с интенсивным суффиксом -ну- <промкнутися> ('начать быстро нестись', СВ): *промчесея (pro-12)*, 3.1, ПТ, [нет пар]: *Вознесеся* слава руская по всеи земли, а на поганых татар *промчесея (pro-14)* злых бусорманов хула и гагуба; форма леммы с двумя приставками <прораз(о)итися> ('начать быстро расходиться', СВ): *проразимся (pro-1)*, 3.1, ПТ, [нет пар]: Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не *проразимся (pro-4)* мыслию но землями [Смысл (и поэтому перевод) предложения является приблизительным, и критические издания *Задонщины* не решают эту проблему. В критическом тексте А. Вайланта это предложение устраняется, а в критическом тексте Л.А. Дмитриева оно не переводится [1, с. 346, 356]. В связи с этим мы предлагаем толковать слова "но землями" как "по землям", считая "но" ошибкой копииста. — М.С.], помянем первых лѣт времена; <пролити> ('перелить, залить чрезмерно', СВ): *прольем (pro-5)*, *пролита бысть (pro-7,9)*, 3.3, ПТ, [нет пар]: А храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью *прольем (pro-5)* за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую!; Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля *пролита бысть (pro-7)*; Грозно и жалостно в то время *бляше* тогды слышати, зане же трава кровью *пролита бысть (pro-9)*; <протоптати> ('протоптать, утоптать', СВ): *протопташа (pro-8)*, 3.3, ПТ, [нет пар]: А силныи полки ступишася вмѣсто и *протопташа (pro-8)* холми и луги. Последняя лемма только сейчас образует тривиальную пару. При только-видовой приставке находим в *Задонщине* только один глагол на *про-*, он является одной формой леммы <пролити>, но с совершенно другим, фразеологическим значе-

нием: <пролитися крови> ('совершить кровопролитие', СВ), *пролится крови (pro-б)*, 4, ПД, [i. пролитися-проливатися <крови>, -а- (-va-), с XV в.; ii. пролитися-литися крови, про-, с XVI–XVII вв., пред. пара]; Быти стуку великому на речке *Напрядѣ*, между Доном и Непром... *пролится (pro-б)* крови на речке *Напрядѣ*!

Библиографический список

1. Саккини М. Реконструированные видовые пары в тексте Задонщины: об отношениях между производной морфологией и аспектуальностью в древнерусском [Aspectual proto-pairs in the Zadonshchina: about the relationships between derivational morphology and aspectuality in the Old-Russian]: дис. канд. ... филол. наук. Университет Падуи, 2014, 383 с. Автореф. по-английски: <http://paduaresearch.cab.unipd.it/6862>.
2. Бермел Н. Контекст и лексика в развитии русского вида [Context and Lexicon in the Development of Russian Aspect]. Берkeley (Ca): Изд. Университет Калифорнии, 1997. С. 1–170.
3. Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида, 1958 // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.
4. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 1–188.
5. Майо П.Дж. Морфология вида в русском языке семнадцатого века. Наосноветекстов Смутного времени [The morphology of aspect in seventeenth-century Russian. Based on texts of the Smutnoe vremja]. Огайо: Колумбус, Изд. Славика Паблишерс, 1985. 234 с.
6. Потенбня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.: Просвещение, 2010 (1941). 320 с.
7. Малыгина Е.Н. Развитие начинательного способа глагольного действия в русском языке XI–XVII вв.: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1993.
8. Никифоров С.Д. Глагол: его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 341 с.
9. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова: Азбуковник, 1988–2008. Т. I–VIII.
10. Словарь русского языка (XI–XVII вв.), 1975–2008 (вып. 1–28). М.: ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, Наука, 1975–2008.
11. Ван Шооневелд Ч.Х. Так называемые видовые приставки и нейтрализация [The so-called proverbs vides and neutralization] // Голландские вклады к Четвертому Международному Съезду Славистики. Де Хаге, 1958. С. 159–161.

References

1. Sacchini M. *Proto-coppie asettuali nella Zadonščina: a proposito dei rapporti fra morfologia derivazionale e asettualità in russo antico* (Aspectual proto-pairs in the Zadonshchina: about the relationships between derivational morphology and aspectuality in Old-Russian). PhD thesis, Padova: University of Padova, 2014, 383 p. [in Italian]. Abstract in English: <http://paduaresearch.cab.unipd.it/6862>.
2. Bermel N. Context and Lexicon in the Development of Russian Aspect. Berkeley (Ca): University of California Press, 1997.
3. Maslov Iu.S., Rol' tak nazyvaemoi perfektivatsii i imperfektivatsii v protsesse vznikoveniia slavianskogo glagol'nogo vida [The role of the so called perfectivation and imperfectivation during the rise of Slavic verbal aspect] // Iu.S. Maslov. Izbrannyetrudy. Aspektologija, Obshcheeazykoznanie. Moscow: IazykiSlavianskoiKul'tury, 2004, pp. 445–476 [in Russian].
4. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika, Narrativa [Semantic researches. The semantics of time and aspect in Russian language. Semantics, Narrative]. Moscow: Iazyki Russkoi Kul'tury, 1996, pp. 1–188 [in Russian].
5. Mayo P. J. The morphology of aspect in seventeenth-century Russian (based on texts of the Smutnoevremja). Ohio: Columbus, Slavica Publishers Inc, 1985, 234 p.
6. Potebnia A.A. Izzapisokporusskoigrammatike [From the notes on Russian grammar], vol. iv. Moscow: Prosveshchenie, 2010 (1941), 320 p. [in Russian].

7. Malygina E. N., Razvitienuchinateľ'nosposobaglagol'nogodeistviiia v russkomiazyke XI-XVII vv. [The development of the Initiative Aktionsarten in the Russian language between the XI-XVII centuries]. Moscow: RAN Institut Russkogo Iazyka, 1993 (abstract of thesis) [in Russian].
8. Nikiforov S.D. Glagol: ego kategoriiiformy v russkoipis'mennostivtoroipoloviny XVI veka [The verb: its categories and forms in Russian written texts of the second half of the XVI century]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952, 341 p. [in Russian].
9. Slovar' Drevnerusskogo Iazyka (XI-XIV vv.) [Dictionary of Old-Russian Language (XI-XIV centuries)], 1988-2008 (vol. I-VIII). Moscow: IRIa RAN imeni V.V. Vinogradova, Azbukovnik [in Russian].
10. Slovar' Russkogo Iazyka (XI-XVII vv.) [Dictionary of Russian Language (XI-XVII centuries)], 1975-2008 (vol. 1-28). Moscow: IRIa RAN V.V. imeni Vinogradova, Nauka [in Russian].
11. Van Schooneveld. C.H. "The so-called pŕiŕverbes vides and neutralization". In: *Dutch contributions to the Forth International Congress of Slavistics*. The Hague: 1958. pp. 159-161.

M. Sacchini*

THE PREFIX PRO- IN THE OLD-RUSSIAN TEXT OF ZADONSHCHINA

In this article it is analysed the correlations between the category of verbal aspect and the semantic charge of the Old-Russian prefix *pro-* inside the text of *Zadonshchina*. In spite of the fact that this text is deprived of its original, from its Kirillo-Belozerskii and Undolskii copies, which reveal to be its sole exemplar in the short redaction and its best exemplar in the long redaction, we can get an idea of its proto-text.

On the base of the scientific literature, for the prefixed verbs with *pro-* of the *Zadonshchina*, once their prefixal semantic charge is determined (only-spatial, spatial-resultative, temporal-resultative, only-resultative), their possible aspectual pairs are searched for. To find them: the formal means, by which to realize the pairs, and their first chronological attestations, are established thanks to the dictionaries of Old-Russian, whereas their functional content is predetermined by the derivative relation between the Aktionsarten classes of their members. It will be shown tendencies in the formation of different aspectual pairs from different types of prefixal semantic charge.

Key words: prefix *pro-*, verbal aspect, Aktionsarten, structuration of the prefixal meanings, Old-Russian language, *Zadonshchina*, aspectual pairs.

Статья поступила в редакцию 15/VI/2016.
The article received 15/IV/2016.

---

* *Sacchini Mirko* (sacchini.mirko@gmail.com), Department of Russian language and mass communications, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА: ТЕКСТ И ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТЕКСТ**

Рассматривается специфика формирования смыслов слова в художественном тексте. Основная мысль: в художественной речи каждая номинативная единица языка реализует свои импликациональные связи, актуализируя в этноязыковом сознании дискурсивные, когнитивные, ситуационные и другие ассоциации. Авторская концепция ориентирована на исследование формирования смыслов языковых знаков с учетом их основных отношений: синтактики (дискурсивного контекста), семантики (оценочности языковой единицы и ее образности), прагматики (творческой задачи автора и реализации ее в авторских метафорических моделях). Каждый аспект обладает особым предметом исследования.

Ключевые слова: смысл слова, текст, дискурсивный контекст, речемыслительная деятельность, метафорическая модель.

Каждое слово в художественном тексте раскрывает богатые возможности своих потенциальных многомерных связей. Эти связи могут иметь характер дискурсивных, когнитивных, понятийных, ситуационных и даже звуковых ассоциаций [1, с. 16]. В норме в системе языка одни связи, образные, как наименее существенные вытесняются, а другие, смысловые, закрепляются и становятся доминантными. В художественном тексте, наоборот, смысловые взаимосвязи вытесняются ассоциативно-образными.

Изучение подобных ассоциативно-образных текстовых взаимосвязей невозможно без учета когнитивно-дискурсивных обстоятельств, в частности без учета особенностей изображаемого автором фрагмента картины мира. В нашей работе речь идет о познании мира «особенным человеком», описанным в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант». Специфика формирования картины мира слепого героя повести заключается в *преодолении тьмы* и определяется не столько отсутствием зрительных впечатлений при знакомстве с миром внешним (темнота мира), сколько неполнотой ощущений при развитии полноценной духовной жизни [2, с. 54]. Именно это преодоление душевной тьмы является условием перерождения героя из «особенного человека» — в Человека-Творца. В описании этого процесса важную роль играет художественное слово, которое «включается» в выполнение задачи изображения «особенного человека» в динамике его развития.

По замыслу автора, неоспоримым преимуществом героя повести становится его исключительный музыкальный слух, позволяющий воспринимать мир в звуках. Звуки чрезвычайно важны для героя, ведь каждый из них — это ключ к еще неизведанному миру, погруженному во тьму. Важно отметить, что звук для слепого мальчика — явление

* © Чумак-Жунь И.И., Щербак Ж.А., 2016

Чумак-Жунь Ирина Ивановна (chumak@bsu.edu.ru), кафедра филологии, Белгородский университет, 308000, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Щербак Жанна Анатольевна (j.scherbak@yandex.ru), Краснояружская СОШ № 2, 309420, Российская Федерация, Белгородская обл., п. Красная Яруга, ул. Мира, 1.

** *Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИУ БелГУ на 2016 г. (код проекта № 241).*

не столько физическое, сколько психологическое, преломляющееся в его сознании и вступающее в процесс сложной речемыслительной деятельности. Именно поэтому одной из доминантных тематических групп в повести является лексическая группа «Музыка», а в качестве полноценных действующих лиц, оказывающих серьезное влияние на формирование внутреннего мира героя, выступают музыкальные инструменты — хохлацкая дудка, фортепиано и колокол. Основой метафорического восприятия образов дудки и пианино становится знание о звуках живой и неживой природы: ребенок переносит на музыкальные инструменты те эмоции, которые связаны у него со звучанием человеческого голоса, с образами живых существ, ставших источниками для детской фантазии.

Одним из центральных знаков возрождения Петра является *колокол* — этот символический образ влияет не только на формирование картины мира, но и на духовное перерождение героя. Рассмотрим те смысловые трансформации, которые претерпело слово *колокол* в тексте «Слепого музыканта» под влиянием дискурсивного контекста.

Смысловые приращения единицы *заданы внешнедискурсивными факторами*, среди которых:

1) *эмотивное своеобразие восприятия звучания колокола*. Являясь национально-нравственным символом, колокол одновременно и символ личный — колокольный звон обладает таинственной силой, которая проникает глубоко в сердце. По мнению представителей церкви, душа каждого человека отражается в звуке колокола. В художественном творчестве неоднократно описывались душевные переживания личности, связанные с колокольным звоном. В описаниях представлены самые разнообразные эмоции, которые вызывает этот чудесный звук в различных ситуациях. Если *в описании праздничного благовеста* в повести И.А. Куприна «Мой паспорт» доминирует лексика со значением ‘счастливый, радостный’ («Колокольная. *Какая веселая, пьянящая, головокружительная пестрота внизу, под моими ногами. <...> О, верх мальчишеского счастья — наконец-то в моих руках веревка от самого главного, самого большого колокола*») [3, с. 730], то на героя рассказа В.М. Гаршина «Ночь» Алексея Петровича, разочаровавшегося в жизни и ожиданиях, в людях и в самом себе, приготовившегося покончить счеты с жизнью, звук колокола *производит отрезвляющее, спасительное действие*: «Колокол! — сказал Алексей Петрович, удивившись, и, положив револьвер снова на стол, сел в кресло. — Колокол! — повторил он. — Зачем колокол? *Благовестят, что-ли? На молитву... Церковь... Духота... Восковые свечи... <...> волны звука ворвались в открытое окно и дошли до Алексея Петровича. Они говорили чуждым ему языком, но говорили что-то большое, важное и торжественное*» [4, с. 99]. Колокол как символ трагедии нередко представлен в западной литературе, в частности, фантазмагорический образ колокольный предстает в стихотворении Э. По: *Факел траурный горит, с колокольни кто-то крикнул, кто-то громко говорит, кто-то черный там стоит, и хохочет и гремит...*[5, с. 521];

2) *лингвокультурологическая сложность и неоднозначность* объекта. В образе колокола интегрируется мифологическая, общекультурная и национальная символика. Колокол — церковный атрибут, божественный глас, возвещающий истину, — на протяжении многих веков сопровождал своим звоном жизнь народа, выступая в двойной ипостаси — как знак беды и знак радости: колокола оповещали о грозящем стихийном бедствии и приближении врага, созывали мужчин для борьбы с неприятелем и встречали торжественным звоном победителей. Звон колокола неразрывно связан с духом русского народа.

Эта неоднозначность образа легла в основу сложного «композиционного разрешения» символа в повести Короленко. Двойственность символа (знак радости и беды) дала возможность выразить основной смысл использования этого знака — это *необходимость сознательного выбора между тьмой и светом*. Колокол — это своеобразный камень на распутье для главного героя — некий *указатель двух возможных судеб* в лице двух слепых звонарей — Егория и Романа. Эти образы соотносятся как тьма и свет — мрачная стихия отчаянья и светлая человеческая душа.

Егорий родился слепым, и эта душевная драма сломила и ожесточила его — он озлоблен и замкнут, сердит на весь мир. Это подтверждают и его внешний вид, и речь. В его описании доминируют эмотивные маркеры 'злость', 'отчаянье', 'страдание', 'болезнь': «Звонарь сердито кинулся к двери и неистово застучал кулаками по железной обшивке. — Пошли, пошли, проклятые... *Чтоб вас громом убило!* — кричал он, хрипя и как-то захлебываясь от злости...» [6, с. 90]; «...с искаженным от злобы лицом совал наудачу сжатыми кулаками, стараясь попасть в кого-нибудь из бежавших» [6, с. 94]. Это глубоко несчастный человек: «“Ох, господи! Господи ты, боже мой! Вскую мя оставил еси...” — сказал он вдруг совершенно другим голосом, в котором слышалось *отчаяние истрадавшегося и глубоко измученного человека*» [6, с. 90]; «Теперь его лицо осветилось детской радостью, в которой, однако, было *что-то жалкое и больное*» [6, с. 91].

Другой звонарь — Роман, ослепший семи лет, — антагонист Егория. Не случайно при его описании активно используются лексемы, мотивированные существительным *душа*: «Лицо его было широко, изрыто оспой и *чрезвычайно добродушно*. Закрытые веки скрывали впадины глаз, на губах играла *добродушная улыбка*» [6, с. 94]. «— Нехай соби, — *благодушно* ответил Роман. — *Пташки божии*» [6, с. 94–95].

Как любая художественная метафора, в данном случае метафора колокола предстает как способ выражения индивидуального видения действительности и создания художественного мира [7–9]. В «Слепом музыканте» образ колокола представлен как зеркало души героя, в которой, по замыслу писателя, происходит борьба за «прозрение», как перст судьбы, как набат, вздыхающий в предчувствии беды (*глубокие вздохи меди*). Лексемы *протяжный, глубокий, невнятный* характеризуют звон колокола как предвестника будущего, возможного несчастья. Об этом же говорит физическая и душевная схожесть Петра и морально изуродованного своим темным бременем Егория: «Трудно было не заметить в лице послушника *странного сходства с Петром. Та же нервная бледность, те же чистые, но неподвижные зрачки, то же беспокойное движение бровей*, настораживавшихся при каждом новом звуке и бегавших над глазами, точно щупальца у испуганного насекомого...» [6, с. 89].

Наши наблюдения иллюстрируют тонкое замечание Н.А. Илюхиной о том, что образ, даже не являющийся частотным и универсальным, может выступать мерилем самых разных свойств [10, с. 290]. Колокол в повести описан и как *инструмент, воздействующий на душу героя*. Петр слышит колокол не раз, он и звучит для героя по-разному, но идентичная семантическая модель описания (*звук — впечатление — образ*) позволяет увидеть эволюцию душевного развития героя.

В первом описании *звук (размеренный звон монастырского колокола) производит впечатление* неопределенного, слабого, неясного и создает *образ* такой же неопределенной и неясной *дали*: «Из более отдаленных звуков *господствующим* был *размеренный звон монастырского колокола, высокий и тонкий*. По звуку ли этого колокола, по тому ли, как тянул ветер, или еще по каким-то, может быть, и ему самому *неизвестным* признакам *Петр чувствовал*, что где-то в той стороне, за монастырем, местность внезапно обрывается, быть может, над берегом речки, за которой далеко раскинулась равнина с *неопределенными, трудно уловимыми звуками* тихой жизни. Звуки эти долетали до него *отрывочно и слабо*, давая ему слуховое ощущение дали, в которой мелькает *что-то затянутое, неясное*, как для нас мелькают очертания далей в вечернем тумане...» [6, с. 84].

Во втором описании *звук колокола (протяжные отголоски) создает впечатление отдаленной невнятной музыки*. *Образ*, возникающий в сознании героя, меняется — это *тихое спокойствие и глубокий мир*: «Высокий ветер, чистый и свободный от испарений земли, тянулся в пролеты, шевеля веревки, и, заходя в самые колокола, вызывал по временам *протяжные отголоски*. Они тихо шумели *глубоким металлическим шумом*, за которым ухо ловило *что-то еще, точно отдаленную невнятную музыку или глубокие вздохи меди*. От всей расстилавшейся внизу картины веяло *тихим спокойствием и глубоким миром*» [6, с. 92].

В тех фрагментах, где колокол выступает как *отражение душевного состояния героя*, возникающий образ связан с сильной эмоцией, чувством. Реализуется этот смысл в тексте в двух описаниях впечатления от звучания колокола в фортепианном исполнении слепого.

В первом случае звук колокола — знак душевной тревоги, трагедии героя — воспринимается как *общая печать темной стихии, имеющая таинственную власть*: «За фортепиано, в минуты наибольшей непосредственности, в его игру часто вплетался теперь мелкий перезвон колоколов и протяжные вздохи меди на высокой колокольне... И то, о чем никто не решался заговорить, ясно вставало у всех в воображении: мрачные переходы, тонкая фигура звонаря с чахоточным румянцем, его злые окрики и желчный ропот на судьбу... А затем оба слепца в одинаковых позах на вышке, с одинаковым выражением лиц, с одинаковыми движениями чутких бровей... То, что близкие до сих пор считали личной особенностью Петра, теперь являлось общей печатью темной стихии, простиравшей свою таинственную власть одинаково на своих жертв» [6, с. 95–96].

Во втором описании мелодия колокольного набата — ликующий клич. Сложность и красота колокольного узора, эпитет *яркие* свидетельствует о победе света над тьмой в душе Петра: «Он ударил своею умелою рукой по клавишам, подражая *праздничному колокольному трезвону*. Иллюзия была полная. Аккорд из нескольких невысоких тонов составлял как бы *фон поглубже*, а на нем выделялись, *прыгая и колеблясь, высшие ноты, более подвижные и яркие*. В общем это был именно тот *высокий и возбужденно-радостный гул*, который заполняет собою праздничный воздух» [11, с. 104].

Таким образом, смыслы слова *колокол* в дискурсивной среде художественного текста формируются под влиянием нескольких факторов — дискурсивного лингвокультурного контекста, ценностной составляющей, художественной образности, наконец, творческой задачи автора и реализации ее в авторских метафорических моделях.

Восприятие звучания колокола героем меняется: из предвестника несчастий он превращается в глашатая всеобъемлющей радости, процесс метафорической трансформации образа свидетельствует о серьезной аналитической деятельности «темного» сознания мальчика. Лексема *колокол* выступает в данном произведении как имя концепта, который имеет множество индивидуально-авторских метафорических смыслов: *колокол — выбор, колокол — путь, колокол — душа*. Реализована художественная задача автора — колокольный звон представлен как один из образов, который ведет к духовному прозрению, к победе над врожденным несчастьем героя.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. М.: Флинта: Наука, 2009. 275 с.
2. Чумак-Жунь И.И., Шербак Ж.А. Специфика метафорического постижения мира «особенным человеком» (на материале повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант») // Русский язык в школе. 2016. № 6. С. 59–63.
3. Куприн А.И. Полное собрание рассказов в одном томе. М.: Альфа-книга, 2013. 1280 с.
4. Гаршин В.М. Сочинения. М.: Азбука-Аттикус, СПб: Азбука, 2013. 1376 с.
5. Эдгар По. Полное собрание сочинений. Харьков: Фолио, 1995. 448 с.
6. Короленко В.Г. Слепой музыкант. М.: Сов. Россия, 1991. 256 с.
7. Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. 153 с.
8. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX века). М.: Астрель, 2004. 666 с.
9. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 320 с.
10. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2010. 320 с.

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiia [Cultural linguistics]. M.: Flinta: Nauka, 2009. 275 p. [in Russian].
2. Chumak-Zhun' I.I., Shcherbak Zh.A. Spetsifika metaforicheskogo postizheniia mira «osobennym chelovekom» (na materiale povesti V.G. Korolenko «Slepoi muzykant») [The specifics of the world cognition by a blind man] // Russkii iazyk v shkole [Russian language at school]. 2016. № 6, pp. 59-63 [in Russian].
3. Kuprin A.I. Polnoe sobranie rasskazov v odnom tome [Works by Aleksandr Kuprin in one volume]. M.: Al'fa-kniga, 2013. 1280 p [in Russian].
4. Garshin V.M. Sochineniia [Works by Garshin V.M.] Azbuka-Attikus; SPb: Azbuka, 2013. 1376 p. [in Russian]
5. Edgar Po. Polnoe sobranie sochinenii [Works by Edgar Po]. Khar'kov: Folio, 1995. 448 p. [in Russian]
6. Korolenko, V.G. Slepoi muzykant [The Blind Musician]. M.: Sov. Rossiia, 1991. 256 p. [in Russian]
7. Kozhevnikova N. A. Izbrannye raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury [Selected works on the language of fictional literature]. M.: Znak, 2009. 153 p. [in Russian]
8. Ivanova N. N. Slovar' iazyka poezii (obraznyi arsenal russkoi liriki kontsa XVIII – nachala XX veka) [Dictionary of poetic language (Russian arsenal shaped lyricism late 18th – early 20th century)]. M.: Astrel', 2004. 666 p. [in Russian]
9. Kondrashova O.V. Semantika poeticheskogo slova (funktsional'no-tipologicheskii aspekt): dis.... dokt. fil nauk [The semantics of the poetic word (functional-typological aspect)]. Krasnodar, 1998. 320 p. [in Russian]
10. Iliukhina N.A. Metaforicheskii obraz v semasiologicheskoi interpretatsii [Metaphorical image in semasiological interpretation]. M.: Flinta: Nauka, 2010. 320 p. [in Russian]

I.I. Chumak-Zhun', Zh.A. Shcherbak*

PICTURESQUE WORD'S SENSE-GENERATION: TEXT AND THE DISCURSIVE CONTEXT**

The article considers pragmatic and ethnocultural connotations of signs of indirect nomination. The main idea of the article is that fictional discourse allows each nominal unit to realize its implicational relations and actualize discursive, cognitive, situational and sound associations in ethnolinguistic mentality. The author's conception is focused on researching how are the senses of the linguistic signs generating, taking into account their basic relationships: syntactics (discoursal context), semantics (the evaluativity and the picturesque of the linguistic unit), pragmatics (author's creative task and the way it becomes actualized in author's metaphorical patterns). Each aspect possesses a particular subject of research.

Key words: sense of the word, text, discoursal context, verbal and cogitative activity, metaphorical pattern.

Статья поступила в редакцию 11/VI/2016.
The article received 11/VI/2016.

---

* *Chumak-Zhun' Irina Ivanovna* (chumak@bsu.edu.ru), doctor of philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, 308015, Russia, Belgorod, Pobeda st. 85.
Shcherbak Zh. A. (j.scherbak@yandex.ru), high school № 2, Krasnaia Iaruga, 309420, Russia, Krasnaia Iaruga, Mira st., 1.

** *The study was performed as part of the State job NII BelSU in 2016 (project code number 241).*

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ГРАДУАЛЬНОСТЬ ОБРАЗНО-МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

В статье анализируются различные типы образно-метафорических построений, характерных для русской поэзии XX–XXI вв., отражающих градуальный характер метафорики как лингвосемиотического механизма, лежащего в основе поэтического моделирования картины мира. Для решения поставленной задачи использован метод трансформации высказывания с позиции его синтаксической деривации (по Л.Н. Мурзину и Т.В. Симашко). Анализируются случаи совпадения / несовпадения интродуктивной и базовой структур высказывания при создании метафорического образа. В результате выявлены и интерпретированы виды образно-метафорических построений – семиотически «слабая» и «сильная» метафора, а также ряд конструкций, занимающих промежуточное положение между ними, – представленные случаями количественной и качественной асимметрии интродуктивной и базовой структур при создании результирующего словесного образа.

Ключевые слова: метафора, поэтический текст, семиотика, узус, картина мира.

Текст как знак, отражающий действительность, имеет двуплановую структуру, где в качестве первого плана выступает фрагмент моделируемой реальности, а в качестве второго – реализуемая текстом модель этой реальности. Если текст воспринимается как реалистический, не отклоняющийся от привычной обыденной картины мира (правдоподобный), то эти два плана в восприятии читателя соответствуют друг другу, как бы «накладываются» один на другой примерно так же, как фотографическое изображение на запечатленный объект. Если же текст интерпретируется читателем как отступающий от привычной модели мира (например, сказка, фантастика или небылица и т. п.), то это и есть следствие возникающей «напряженности», «разницы потенциалов» между двумя планами текста-знака. В принципе сказанное универсально для любых текстов, в том числе и для художественных, хотя по отношению к последним заявленный посыл приемлем только в самом общем виде и даже в известной степени выглядит неким упрощением ситуации. Ранее отмечалось, что семиотический механизм, лежащий в основе неузуального моделирования реальности (а именно оно в наибольшей степени связывается с поэтическим мировидением), по

---

* © Кураш С.Б., 2016

Кураш Сергей Борисович (text2005@mail.ru), кафедра белорусской и русской филологии, Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина, 247760, Республика Беларусь, г. Мозырь, ул. Студенческая, 28.

** Работа выполнена в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества 2016–2020», подпрограмма «Белорусский язык и литература», задание 4.1.09 «Фразеология и афористика современного белорусского языка: национально-культурное своеобразие, лексикографическое описание», НИР «Интракультурные и интеркультурные новации на лексико-фразеологическом уровне в коммуникативном пространстве Беларуси».

сути, основан на метафорике, сущностно изоморфен ей [1–3]. Ср. также: «Не является ли метафорой и сам стих? Во всяком случае, его изобретатель обладал богатым воображением, раз он решился бесконечность жизни и речи уподобить краткому мигу — строке» [4, с. 247].

Цель данной статьи — раскрыть градуальный характер метафорики как лингвосомиотического механизма, лежащего в основе поэтического моделирования картины мира, т. е. выявить своеобразные точки на шкале совпадения / несовпадения двух планов поэтического текста как знака, обусловленные метафоризацией.

Методы и материал исследования

Для решения поставленной задачи воспользуемся методом трансформации высказывания с позиции его синтаксической деривации. Исследование проведем на материале русских поэтических текстов, принадлежащих в первую очередь поэтам, традиционно причисляемым к мастерам «напряженной», «концентрированной» метафорической образности.

Результаты исследования и их обсуждение

Вслед за Л.Н. Мурзиным [5; 6] и Т.В. Симашко [7] синтаксическую деривацию метафоры мы понимаем как результат контаминации двух исходных неметафоричных (прямых) высказываний, первое из которых названо упомянутыми авторами «интродуктивной структурой» (она содержит предмет речи, т. е. моделируемую ситуацию и соответствующую ей пропозицию), а второе — «базовой структурой» (ситуация, которая привлекается для оценки содержания интродуктивной структуры, т. е. моделирующая пропозиция). Так, например, метафорическое высказывание *Яблоки выглядывают из-за забора* (этот пример приводится Л.Н. Мурзиным в [5]) есть результат парадигматических отношений двух семантически правильных высказываний: *Яблоки виднеются из-за забора* + *Человек выглядывает из-за забора*. Первое — интродуктивная структура, второе — базовая структура. Члены данных семантически правильных предложений симметрично соотносятся, соответствуя (и логически, и грамматически) структурно-логической схеме «подлежащее (1-й актант) — сказуемое (предикат) — обстоятельство (сирконстант)».

Далее подвергнем анализу с обозначенных позиций ряд характерных для современной поэтической речи метафорических построений, выстраивая их по шкале отхода от «реалистичности» к «неузуальности», к увеличению «семантического расстояния» между двумя планами текста-знака (в лингвостилистической интерпретации — от автологии к металогии).

Для обозначения отправной точки данной шкалы воспользуемся понятием «слабой» (т. е. малозаметной) метафоры, введенным В.П. Ковалевым [8, с. 19], под которое подводятся случаи использования слов, укладываемых в общеустоявшиеся значения, но отличающиеся от обычных употреблений; например: *Водовозная кляча проснулась и посторонилась*, т. е. кляча как бы произвела осмысленное действие (пример В.П. Ковалева).

Подобные примеры — не что иное, как факты так называемой «языковой», «стертой» метафорики. Они строятся по принципу логико-синтаксической симметрии при совмещении интродуктивной и базовой структур, соответствующих моделируемой и моделирующей ситуациям. При этом совмещаемые планы мыслятся носителем языка как логически однопорядковые, в результате чего момент их совмещения при интерпретации практически нивелируется. Такая метафорика широко распространена в разговорно-обиходной речи. Для поэтического дискурса такие примеры также нередки, хотя они, как правило, не входят в число тех языковых средств, которыми формируется отличительный облик поэтической метафорики.

В этом плане можно говорить о том, что собственно поэтическая метафорика начинается с примеров, рассматриваемых ниже (1). Их логико-смысловое построение мо-

жет быть аналогичным примерам типа рассмотренного выше. Однако здесь уже появляется особый поэтический (лингвокреативный) эффект, вызванный некоторым логическим «расстоянием» между совмещаемыми ситуациями, пусть даже и не столь далеким, чтобы сделать данную метафору труднообъяснимой и сверхоригинальной. Сближающий обе совмещаемые пропозиции семантический признак при этом достаточно очевиден на всех логических позициях контаминируемых структур, например:

(1)

<i>Один, стуча, трудился метроном</i> (О. Берггольц)	= <i>Один стучал метроном + Один трудился человек</i>
<i>Синец неба такой / Голубой</i> (С. Есенин)	= <i>Небо такое голубое + Синец такой голубой</i>
<i>Надо жизни кувшин жадно выпить до дна</i> (В. Луговской)	= <i>Надо жизнь прожить полноценно + Надо выпить кувшин до дна</i>
<i>Но вот под ним иллюзий тонкий лед / Проваливаться стал</i> (Е. Винокуров)	= <i>Иллюзии стали исчезать + Лед стал проваливаться</i>

Далее по степени увеличения семантического «расстояния» между совмещаемыми планами можно расположить те примеры (2), которые демонстрируют более заметные отклонения в реализации принципа деривационной симметрии при образовании метафорического высказывания, которые имеют формально-грамматический и/или логико-смысловой характер:

(2)

<i>Млечный Путь усеян звездными кустами</i> (М. Луконин)	= <i>Млечный Путь окружают звезды + Пространство усеяно кустами</i>
<i>Сырой овраг сухим дождем / Росистых ландышей унизан</i> (Б. Пастернак)	= <i>Сырой овраг унизан ландышами + Сырой овраг омыт дождем</i>
<i>Я обрываю нить сознанья</i> (А. Блок)	= <i>Я отключаю сознание + Я обрываю нить</i>
<i>Воз / воспоминаний / с места сторону</i> (А. Межиров)	= <i>Я начинаю вспоминать + Я сторону с места воз</i>

Далее по пути отхода от узуальной модели мира русская поэтическая метафорика градуирует в сторону тех или иных проявлений асимметрии совмещаемых структур. При этом можно выделить асимметрию количественного характера и асимметрию качественного характера.

Под асимметрией количественного характера имеются в виду случаи большей компонентной распространенности одной из совмещаемых структур, как правило, базовой структуры, которая включает в себя заметно большее количество лексических элементов в сравнении с интродуктивной, причем некоторым из этих «избыточных» элементов-распространителей не удастся подобрать каких-либо аналогов в интродуктивной структуре (они обозначены подчеркиванием). Ср.:

(3)

<p>На плечо мне <u>лапа</u> / Серьезности легла (Е. Винокуров) Осень – рыжая кобыла – чешет гриву. / Над речным покровом берегов / Слышен синий лязг ее <u>подков</u> (С. Есенин) Вот вцепится яро, <u>зубами грызья</u>, борта парохода, прибой (С. Кирсанов)</p>	<p>= Я стал серьезным + На плечо мне легла <u>лапа</u> = Осенью много рыжего цвета листьев на синем фоне неба + Рыжая кобыла чешет гриву, слышен лязг ее <u>подков</u> Волны прибоя бьют в борта парохода + Некто вцепляется <u>зубами, грызет</u></p>
--	--

Качественная асимметрия подразумевает те случаи, когда в качестве безаналоговых выступают структурообразующие компоненты совмещаемых структур, в результате чего возникает своеобразная логическая лакуна, резко отталкивающая результирующую метафорическую конструкцию от ее узуального прототипа (последний и вовсе в ряде случаев можно вербализовать весьма условно, интерпретативно). Такая лакуна обычно возникает на месте предиката.

Подобный ряд примеров имеет свою внутреннюю градацию – от случаев с возможностью заполнения данной лакуны (которое, как уже отмечалось, имеет весьма приблизительный, диффузный характер) (4) до случаев с ее принципиальной незаполняемостью (5).

(4)

В данной группе образно-метафорических построений мы выявили следующие подтипы.

(4.1) Асимметрия актантов и сирконстантов в преломляющей и узуальной моделях, ср.: *И мне в окошко постучал / Сентябрь багряной веткой ивы* (С. Есенин). Эту конструкцию можно рассматривать как РМ с имплицированной центральной развиваемой ассоциацией *сентябрь – человек*. Узуальную пропозицию данной РМ можно представить как *Ветка ивы постучала в окошко в сентябре*, преломляющую – как *Человек постучал в окошко веткой ивы*. Как видно, в результирующем предложении сирконстант узуальной пропозиции *сентябрь* смещается на место актанта, тем самым воспринимаясь как активный деятель. Т.В. Симашко характеризует подобные метафоры как метафоры с конверсией компонентов [3, с. 78]. Ср. аналогичные примеры: *И золотеющая осень, / В березах убавляя сок, / За всех, кого любил и бросил, / Листвою плачет на песок* (С. Есенин); *Пригорок Пушкино горбил / Акуловой горою, / а низ горы – / деревней был, / кривился крыш корою* (В. Маяковский); *Победно надо мной / Ночь зажигала звезды* (Е. Винокуров); ... *кустарник в росе, / На котором весна узелочки почек / Завязала затем, чтобы помнили все* (Е. Винокуров). К данной группе примеров применимо понятие грамматической метафоры, которая «нарушает грамматическую узуальность так же, как лексическая метафора порывает с привычными валентными связями» [9, с. 51].

(4.2) Асимметрия, проявляющаяся в несовпадении характера актантов совмещаемых структур (агенса и пациенса): агенс узуальной пропозиции соотносится с пациенсом преломляющей, ср.: *Летописец дерева в стволе / пишет, как на письменном столе ... он по кругу вьет свои заметки* (С. Кирсанов). Данный пример обнаруживает контаминацию предложений следующего логико-синтаксического наполнения: *Годичные кольца образуются в стволе дерева* и *Летописец пишет на письменном столе заметки*, где элементы образно-смыслового фокуса метафоры – понятия *годичные кольца* и *заметки* – соотносятся как агенс и пациенс при появлении в преломляющей пропозиции внешнего (вымышленного) активного деятеля (*летописец*).

(4.3) Асимметрия, вызванная заведомым «обменом» актантами узуальной и преломляющей пропозиций, в результате чего метафоричность как бы заранее получает реальную модальность, ср.: *Проливные с неба слезы / ливнем льются* (Н. Асеев). Получается, что на роль узуальной пропозиции претендует предложение *Проливные слезы льются с неба*, на роль преломляющей — высказывание *Ливень льется*, — вместо *Проливной ливень льется с неба* (так, как будто) *льются слезы*. Ср. также: ... *девочку, / шагающую мягко / по воздуху, / спрессованному в нить* (Р. Рождественский); *На лице твоём, ласково-зыбкий, / Белый луч притворился улыбкой* (И. Анненский).

(5)

К случаям наибольшего семиотического расхождения метафорического образа с его узуальным прототипом (т. е. базовой структуры с интродуктивной) мы относим примеры, отражающие асимметрию, проявляющуюся в резкой разнокачественности предикатов, соотносимых в совмещаемых пропозициях, что сдвигает метафоричность в сторону смежного в семиотическом плане явления — фантастичности: *Но что поделать с этими глазами Высокими, Когда они вот-вот Слетят с лица, как ласточки...* (Е. Исаев). Такую метафору можно определить как «сильную», «максимальную» (по аналогии с упоминавшейся выше «слабой» метафорой), т. е. такую, которую трудно или даже невозможно соотносить с какой-либо пропозицией в узусе. Ср. подобные примеры: *Стаями / По городу, как чайки, / Льды раскричались, таячи* (Б. Пастернак); ...*селедка, нарезанная как клавиатура / перламутрового клавесина, / попискивала. / Но не сильно* (А. Вознесенский); *Раскройте вы книгу мою, / раскрыйте ее для полета! / Развяжите ей жесткие крылья, / разглядите ее, как звезду. / Если бы знали вы, / как летать ей охота!* (М. Луконин).

Подчеркнем, что в пределах данной статьи мы рассмотрели только собственно метафорические построения, хотя общая парадигма языковых структур, «работающих» на эффект отклонения поэтической картины мира от узуальной, обыденной гораздо более широк и включает, помимо метафорики, такие, например, явления, как конвергированные тропы, метаболу, сказочно-фантастические построения, аллегория, аналогия и др. [10–12], что, в частности, мы ранее анализировали в работах [13; 14].

Выводы. Использование поэтами последних десятилетий приемов метафоризации, ориентированных на расподобление узуальной и поэтической картин мира, — один из активных языковых процессов, определяющих облик как непосредственно русской поэтической метафорики, так и всего поэтического дискурса в целом. При этом к современному моменту поэтами выработан целый спектр образно-метафорических построений, которые могут быть типологизированы по семиотическому критерию — от «слабой», малозаметной метафоры до метафоры, максимально отклоняющей образ от его возможного прототипа в узусе, позволяющей авторам, а вслед за ними и читателям увидеть непривычное в привычном, незаметное в заметном, необычайное в обыденном, что во многом и определяет суть самой поэзии как особого вида искусства.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Кураш С.Б. Метафора и ее пределы: микроконтекст — текст — интертекст. Мозырь: МозГПИ, 2001. 118 с.
3. Кураш С.Б. Метафора — диалог — интертекст // Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии: сб. науч. ст. М.: МИТРО, 2015. С. 161–169.
4. Новиков Вл. Философия метафоры // Новый мир. 1982. № 8. С. 246–251.
5. Мурзин Л.Н. Образование метафор и метонимий как результат деривации предложения (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь: ПГУ, 1972. С. 362–366.

6. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация (на материале производных предложений): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1976. 29 с.
7. Симашко Т.В., Литвинова М.Н. Как образуется метафора (деривационный аспект). Пермь: ПГУ, 1993. 216 с.
8. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1975. 56 с.
9. Шендельс Е.И. Грамматическая метафора // Филологические науки. 1972. № 3. С. 48–57.
10. Падучева Е.В. Метафора и ее родственники // Слово. Текст. Культура: сборник. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 187–203.
11. Уфимцев Р. Хвост ящерицы. Калининград: Оттокар, 2010. 295 с.
12. Sullivan Karen. Frames and Constructions in Metaphoric Language. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 192 p.
13. Кураш С.Б. Метафора, метабола, метафороподобие как принципы текстопостроения в русском поэтическом дискурсе // Веснік БДУ. 2005. Сер. 4. № 3. С. 18–23.
14. Шур В.В., Кураш С.Б. Слова ў мастацкім кантэксте: онімы, метафары. Мазыр: УА МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2013. 268 с.

References

1. Arutiunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse] in *Teoriia metafor: sbornik* [Theory of metaphor: a compilation]. M.: Progress, 1990. P. 5–32. [in Russian].
2. Kurash S.B. *Metafora i ee predely: mikrokontekst – tekst – inter-tekst* [A metaphor and its limits: the microcontext – text – intertext]. M.: MOZGPI, 2001. 118 p. [in Russian].
3. Kurash S.B. *Metafora – dialog – intertekst* [Metaphor – dialog – intertext] in *Sovremennaya paradigma gumanitarnykh issledovaniy: problemy filologii i kul'turologii: sbornik nauchnykh statei* [Modern paradigm of humanitarian studies: problems of Philology and Culturology: collected scientific articles]. M.: MITRO, 2015. P. 161–169. [in Russian].
4. Novikov V.I. *Filosofii metafor* [The philosophy of metaphor] in *Novyi mir* [New world]. 1982. № 8. P. 246–251. [in Russian].
5. Murzin L.N. *Obrazovanie metafor i metonimii kak rezul'tat derivatsii predlozheniia (k postanovke voprosa)* [The formation of metaphors and metonymy as a result of the derivation of the sentence (the question)] in *Aktual'nye problemy leksikologii i leksikografii* [Actual problems of lexicology and lexicography]. Perm': PGU, 1972. P. 362–366. [in Russian].
6. Murzin L.N. *Sintaksicheskaiia derivatsiia (na materiale proizvodnykh predlozhenii) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Syntactic derivation (based on the derived sentences): abstract of thesis ... doctor of philological sciences]. L., 1976. 29 p. [in Russian].
7. Simashko T.V., Litvinova M.N. *Kak obrazuetsia metafora (derivatsionnyi aspekt)* [How a metaphor is formed (derivational aspect)]. Perm': PGU, 1993. 216 p. [in Russian].
8. Kovalev V.P. *Iazykovye vyrazitel'nye sredstva russkoi khudozhestvennoi prozy: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Language expressive means of the Russian artistic prose: abstract of thesis ... doctor of philological sciences]. Kiev, 1975. 56 p. [in Russian].
9. Shendel's E.I. *Grammaticheskaiia metafora* [Grammatical metaphor] in *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. 1972. № 3. S. 48–57. [in Russian].
10. Paducheva E.V. *Metafora i ee rodstvenniki* [Metaphor and its relatives] in *Slovo. Tekst. Kul'tura* [Word. Text. Culture: a compilation]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. P. 187–203. [in Russian].
11. Ufimtsev R. *Khvost iashcherki* [The tail of a lizard]. Kaliningrad: Ottokar, 2010. 295 p. [in Russian].
12. Sullivan Karen. Frames and Constructions in Metaphoric Language. Amsterdam: John Benjamins, 2013. 192 p. [in English].
13. Kurash S.B. *Metafora, metabola, metaforopodobie kak printsipy tekstopostroeniia v russkom poeticheskom diskurse* [Metaphor, the metabolome, the similarity of metaphors as principles of text-construction in Russian poetic discourse]. *Vesnik BDU* [Proceedings of BSU], 2005, Series 4, no. 3, pp. 18–23 [in Russian].
14. Shur V.V., Kurash S.B. *Slova ў mastatskim kantekstse: onimy, metafary* [The word in the context of art: onyms, metaphors]. Mazyr: UA MDPU imia I.P. Shamiakina, 2013. 268 p. [in Belarusian].

SEMIOTIC GRADUALITY OF FIGURATIVE-METAPHORICAL CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN POETIC TEXTS**

The different types of imagery and metaphorical constructions, characteristic of Russian poetry of XX–XXI centuries, reflecting the gradual nature of metaphors as linguistic and semiotic mechanism underlying the modeling of the poetic picture of the world, are analyzed in the article. To solve this problem we use the method of transformation of the sentences from the position of its syntactic derivation (according to LN. Murzin and T.V. Simashko). Cases of match / mismatch of introductive and basic structures of statements when creating a metaphorical image are analyzed in the article. As a result such types of imagery and metaphorical constructions, as semiotically “weak” and “strong” metaphors, and a range of structures, occupying an intermediate position between them, presents by examples of quantitative and qualitative asymmetry introductive and basic structures of the resulting verbal image are identified and interpreted in the article.

Key words: metaphor, poetic text, semiotics, language usage, picture of the world.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* Kurash Sergey Borisovich (text2005@mail.ru), Department of Belorussian and Russian Philology, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, 28, Studencheskaya street, Mozyr, 247760, Republic of Belarus.

** Work performed within the framework of State Scientific Research Program «Economics and human development of the Belarusian society 2016-2020», subprogram «Belarusian language and literature», 4.1.09 job «Phraseology and the aphorism of modern Belarusian language, national and cultural peculiarities, lexicographic description», subjob «Intracultural and intercultural innovations in the lexical-phraseological level in the communicative space of Belarus».

О ПРОЕКТЕ ТОЛКОВО-АСПЕКТУАЛЬНОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

В статье излагается идея создания толково-аспектуального словаря русских глаголов, для русской лексикографии — словаря нового типа. В работе также выдвигаются принципы реализации предлагаемой идеи, выработанные на основе двухкомпонентной семантической модели глагольного вида и на опыте аспектуального описания более 200 глаголов совершенного вида.

Ключевые слова: словарь, глагол, лексическая семантика, аспектуальность, взаимодействие, видовые варианты, словарная статья.

В современной русской лексикографии значительное место занимают словари, в которых лексика описывается по какому-либо грамматическому признаку [1] или лексическая семантика характеризуется во взаимодействии с грамматической [2; 3]. В этом ряду видится и задуманный толково-аспектуальный словарь.

Социальный заказ на пособие такого рода назрел давно. Озабоченность положением с преподаванием русского глагольного вида разным категориям обучаемых с трудностью этой категории для усвоения иноязычными гражданами выражали многие отечественные и зарубежные специалисты по русской аспектологии и методисты, см., напр.: [4, с. 146; 5, с. 166–167; 6, с. 175; 7, с. 216; 8, с. 225–226; 9, с. 44; 10, с. 498; 11, с. 41–44]. Систематическое обозрение глагольной лексики в аспектуальном плане может, как минимум, ослабить указанную напряженность. К сожалению, современная аспектологическая теория, включающая самые разнообразные взгляды на семантику видов, не благоприятствует созданию такого обозрения. Дело в том, что среди множества известных классификаций видовых вариантов, разнообразно именуемых в литературе (подвиды, частные значения видов, способы глагольного действия и др.), одни варианты более или менее жестко связаны с лексическими значениями, другие не обнаруживают никаких предпочтений. Так, глаголы однократного действия (с суффиксом *-ну-*) избирают в основном названия конкретных действий (*стукнуть, тряхнуть*) и физиологических актов (*глотнуть, мигнуть*), тогда как, например, физиологические состояния (*спать, сидеть, чувствовать* и т. п.) или отношения (*принадлежать, ненавидеть*), а также другие типовые лексические значения таким видовым вариантом не выражаются. Здесь связь с лексикой очевидна. Большая же часть из широко известных видовых вариантов, впрочем как и инварианты каждого из двух видов, практически не коррелируют системно с лексической семантикой. Среди них наглядно демонстрируют лексическую «всеядность», например, такие видовые значения, как многократность и результативность.

Между тем именно в лексических значениях глаголов — как индивидуальных, так и типовых — реализуются достаточно разнообразные аспектуальные варианты и оттенки, что, собственно, и делает принципиально возможным системно-аспектуаль-

---

* © Карпухин С.А., 2016

Карпухин Сергей Александрович (karpukhin163@mail.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ное описание глагольной лексики. Остается только выбрать теоретическую базу, которая позволила бы проследить в регулярном режиме максимально тесное и последовательное взаимодействие аспектуальной и лексической семантики.

На мой взгляд, эту роль способна исполнить **двухкомпонентная семантическая модель русского глагольного вида** [12, с. 65–69]. Отличительная черта данной модели заключается в том, что видовые варианты и их оттенки представляют собой последовательную речевую реализацию общих (инвариантных) значений каждого из видов, а именно: совершенного — 'действие, сопряженное с ситуацией в объективном времени'; несовершенного — 'действие, отвлеченное от ситуации в объективном времени и квалифицируемое как таковое' [13, с. 81–86; 14, с. 63–69]. Понятно, что априори нельзя судить о степени взаимодействия (то есть о его глубине и регулярности) категории вида и лексики, выявленного на указанной теоретической основе, — пока это можно только прогнозировать. Во всяком случае, автору этих строк прогноз представляется перспективным.

К обсуждению могут быть предложены следующие принципиальные параметры проектируемого словаря.

1. Предмет словаря. Единицей словаря считается не глагольная лексема в общепринятом понимании, а ее аспектуально-лексическое (АЛ) значение. Различие между этими единицами проявляется, в частности, в том, что у многих глаголов состав АЛ значений, как правило, не совпадает по количеству и структуре с составом собственно лексических значений, представленным в толковом словаре. Это означает, что одно лексическое значение может быть разведено по разным аспектуальным рубрикам или наоборот: два или более лексических значений многозначного глагола объединены аспектуальным значением. Так, у глагола *вставить* БАС-П [19] различает: 1) включить слово, замечание, реплику и т. п. в речь собеседника; 2) внести в письменный текст слово, ремарку, пропущенные буквы и т. д. В аспектуальном смысле то и другое интерпретируется одинаково — как акт, фиксирующий изменение коммуникативной ситуации.

2. Объем словаря. Поскольку толково-аспектуальный словарь для русской лексикографии — дело новое, неапробированное, пилотное произведение данного типа целесообразно ограничить по объему наиболее употребительными глаголами. Если взять, например, выборку глаголов из частотного словаря с частотностью не менее 10, то таких глаголов обоих видов (по Словарю под ред. Л.Н. Засориной [15]) — приблизительно будет около 3 тысяч. А если при этом учитывать не словарные единицы, а АЛ значения, на которые распадаются глаголы, особенно многозначные (а доля последних прямо пропорциональна их частотному рангу!), то объем толково-аспектуального словаря (ТАС) возрастет вдвое или втрое.

3. Структура словаря. Категория вида взаимодействует с лексической семантикой с разной степенью глубины, что обусловлено иерархичным строением обеих систем¹. Данное обстоятельство предопределяет структуру словаря: расположение глаголов в нем может быть только смешанным — **алфавитно-типовым**, и так же, как и указанные исходные системы, — **многоступенчатым**.

На первой ступени словарь делится на две самостоятельные части: 1) глаголы совершенного вида и 2) глаголы несовершенного вида. Данное решение основывается на следующем представлении автора о взаимоотношениях между видами. Категория вида в современном русском языке представляет собой бинарную систему из двух противопоставленных видов, различающихся своим общим, или инвариантным, значением (см. выше). При этом данная оппозиция, охватывая все глаголы без изъятия, имеет сугубо языковой характер: любой глагол одного вида отличается инвариантным значением от любого глагола противоположного, то есть виды — это следует подчеркнуть — взаимно противопоставлены в целом, а не отдельными лексическими коррелятами. (Ср. распространенное в отечественной русистике с середины прошлого столетия учение о видовой парности.) В речи же семантический инвариант каждого вида реализуется своими вариантами, которые,

напротив, не связаны никакими отношениями с вариантами противочлена, иначе говоря, составляют у каждого вида подсистемы, не пересекающиеся одна с другой. Например, начинательные глаголы, как вариант СВ, не соотносятся ни с одним из вариантов НВ; а глаголы со значением качества, свойства, склонности, как вариант НВ (*эта ткань выгорает, собака кусается*) не имеют логической соотносительности ни с какими вариантами СВ. Или взять такую традиционную оппозицию вариантов, как однократность — многократность действия (*мигнуть — мигать, двинуть — двигать*). Казалось бы, она наглядно демонстрирует, как противопоставленность видов в целом проявляется на уровне их вариантов. Но — увы! Никто еще не показал и не объяснил, модификацией какого именно семантического инварианта видов выступают эти варианты: а) завершенность / незавершенность, б) предельность / неопределенность, в) целостность / процессность и др.? Кроме того, признаки однократности и многократности отнюдь не связаны жестко с видами, ср.: *Мигнул пять раз подряд* — многократность у СВ; *И вдруг он прыгает!* — однократность у НВ. (См. также аргументацию к тезису о системности видов [17, с. 50–53].)

Деление словаря на две части по видам глаголов выражает самую общую, универсальную связь грамматической категории вида с лексической системой. Эта связь заключается в том, что любой фрагмент мысли, представленный в высказывании как действие и относящийся, следовательно, к классу глаголов, может иметь значение как одного, так и другого вида. Не подрывают этого универсального свойства и так называемые одновидовые (непарные) глаголы типа *очутиться, зависеть* и др.: их «абсолютная» видовая непарность не имеет денотатной предопределенности. Это только ограничение нормативного языка. Тогда как система языка употребление в речи видового коррелята у таких глаголов не запрещает. Ср. засвидетельствованные в речевой практике высказывания: *Намеченные мероприятия не всегда **составляются**; Наш корреспондент **поприсутствовал** на собрании.*

Все вышесказанное убеждает в том, что деление глагола на два подкласса — СВ и НВ — по существу не отличается от противопоставления глаголов и отглагольных существительных (*постановить — постановление*), прилагательных и отаггективных существительных (*смелый — смелость*) и других подобных словообразовательных корреляций.

Таким образом, опора на видовую оппозицию (или ее отсутствие) на лексическом уровне, в частности прием взаимной отсылки к парному глаголу, используемый в толковых словарях, окажется, по крайней мере, малопродуктивной в толково-аспектуальном словаре для восприятия аспектуальной специфики того или иного действия. Раздельная же подача глагольной лексики — по видам — позволит компактно-наглядно осмыслить каждую из этих двух систем (с их подсистемами), что, в свою очередь, облегчит читателю восприятие интересующих его словарных статей.

На второй ступени глаголы каждого вида объединяются в видовых вариантах. Глаголы совершенного вида, точнее, их лексические значения, подразделяются на пять разрядов — по способу фиксации действия на векторе объективного времени: 1) фиксация действия начальным пределом; 2) конечным пределом; 3) промежуточной точкой; 4) начальным и конечным пределами одновременно; 5) фиксация действия в полном объеме как целостного, нечленимого события. Глаголы НВ, называющие действие, не фиксированное в объективном времени, выполняют две общие, противопоставленные функции: 1) **наблюдаемого действия** — это обозначение действия в его протекании для его собственной квалификации; 2) **отвлеченно-существующего действия**, посредством которого характеризуется другое явление. Ср.: *Жена сидела в гостиной и плакала. — Она легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ее привычки.* В первом высказывании оба глагола называют действия наблюдаемые. Во втором — все три выделенных глагола, в том числе *плакать*, обозначают свойства психики субъекта; при этом характер проявления во времени действий *раздразниться* и *нарушаться* вообще неопределенен.

Существуют ли какие-нибудь лексические предпочтения и ограничения на данном уровне аспектуального членения? Продемонстрирую это только на одном примере —

дейктических глаголов СВ: *сделать, совершить, осуществить, произвести, поступить, оказаться, ввести* и др.² Действия, обозначаемые такими глаголами, как правило, фиксируются в объективном времени только одним способом — как целостное событие: *ввести в строй, ...в состав, ...в работу, ...в оборот* и т. д. И напротив: они не способны фиксироваться начальным пределом (нет глаголов: *заосуществлять, запроизводить, заводить* и т. д.); одновременно обоими пределами (нет: *поосуществлять, попроизводить, повводить* и т. д.) и другими способами, кроме указанного выше. Если же подобные образования и употребляются, то в суженном значении, следовательно, выходят за рамки дейктического разряда: *поделать уроки, поделать гимнастику*, но нельзя: *поделать* (ср. *сделать*) *вид, поделать шаги* (ср. *сделать шаг*) *навстречу* и т. д. Предварительные наблюдения показывают, что другие лексико-семантические разряды также могут обнаруживать то более, то менее свободную избирательность способов фиксации действия.

На третьей ступени взаимодействие вида с лексикой углубляется. Опытные словарные статьи по описанию глаголов СВ (в количестве более 200) уже выявили в рамках всех способов фиксации действия 22 лексических подмножества, релевантных аспектуальным значениям и оттенкам. Так, в составе начинательного способа различаются: а) активные действия человека (*заспорить, поплыть*); б) непроизвольные состояния человека (*заболеть, возмутиться*); в) действия, производимые предметами, животными, стихийными явлениями (*закапать, зацвести*). Аспектуальная специфика каждой из этих разновидностей — в характере ситуации, в которую действие погружено (подробнее см. [13]). Следует ожидать, что по мере формирования Словаря состав аспектуально-лексических подмножеств глаголов СВ будет пополняться.

Что касается ТАС глаголов НВ, то, по-видимому, он потребует корректировки самих принципов строения. Дело в том, что, в отличие от глаголов СВ, глаголы НВ более тесно взаимодействуют с контекстом и, соответственно, семантика НВ в меньшей степени лексикализована (подробнее см. [13]).

4. Структура словарной статьи. За основу словарной статьи берется одноименная статья в БАС [18] (и/или БАС-II [19]) и перерабатывается в соответствии с профилем проектируемого словаря. Переработке подвергаются три основных компонента исходной статьи: истолкование глагола, иллюстративная часть и семантическая структура многозначного глагола. Необходимость в Словаре остальных компонентов: грамматической и стилистической характеристики, оттенков значения и проч. — отпадает в силу специализации словаря и при его сокращенном формате.

Изменение лексического толкования сводится в основном к усилению аспектуального акцента, то есть к подчеркиванию соотношения действия и ситуации. (Замечу, что толкование не всех глаголов, которые войдут в словник, будет нуждаться в такой трансформации.) Например: **Взвыть.** БАС-II [19] — Начать кричать, выть'; ТАС — Резко, неожиданно начать выть, кричать. **Возненавидеть.** БАС-II [19] — Почувствовать ненависть, проникнуться ненавистью к кому-, чему-л.; ТАС — Начать испытывать по отношению к кому-, чему-л. крайне отрицательные эмоции, обычно вызванные какой-л. субъективной причиной. *Лицо его [Чичикова] вдруг, несмотря на приятность, не понравилось начальнику... — и он возненавидел его насмерть* (Гоголь).

Иллюстративная часть ТАС использует: а) цитатный материал, отобранный из одноименной статьи БАС [18] и БАС-II [19] как наиболее показательный для принятой в Словаре аспектологической концепции (см. выше); б) авторский цитатный материал; в) авторские речения.

Различие между лексико-семантической и аспектуальной структурой глагола в наибольшей степени отражает специфику проектируемого Словаря. Внешне это выражается в значительном удельном весе в словнике глаголов, которые на основании такой специфики требуют объединения или расчленения лексических значений для получения лексико-аспектуальных единиц. Выше (п. 1. Предмет словаря) проиллю-

стрирована интеграция в одной ЛА единице двух лексических значений глагола *вставить*. Приведу примеры дифференциации:

Забегать. В БАС [18] – Начать бегать; в ТАС – 1) Начать бегать (о действиях человека). *Засуетились чернецы, Забегали во все концы, И свод нередко повторял Слова: «бежал! кто? как бежал?»* (Лерм. Боярин Орша). [Маша] *села за фортепьяно; пальцы ее торопливо и трепетно забегали по клавишам* (Тург. Бреттер). В данных текстах описываемый глагол называет целенаправленное действие человека, обусловленное предшествующим импульсом. 2) Начать частое беспорядочное движение (о бликах, о пузырях на воде, о насекомых и т. п.). *Струйки света На потолке забегали; с двора Последняя отъехала карета* (А.К. Толст. Портрет). [Мальчик] *если что-нибудь встретит: букашку, козявку, так уж у него вдруг глазенки и забегают* (Гог. Мертв. души). В этой ЛА единице глагол означает произвольное изменение в предметном мире, в организме человека и т. п.

В данном случае расчленению подверглось лексическое значение в рамках одного и того же способа фиксации действия – начинательного. Нередко выделяются также ЛА единицы, относящиеся к разным способам. Обратимся еще раз к глаголу *взвыть* (см. выше). БАС-II [19] не разграничивает у этого глагола различные по способу фиксации действия, выражаемого в таких текстах: 1) *Совсем неожиданно вечернюю тишину потряс выстрел. Взвыли собаки* (Федосеев. Последн. костер). – Начать выть; 2) *Во второе мгновение пуля ударила рядом в колонну театра, взвыла и как бы повернула обратно* (Паустов. Пов. о жизни) – Издать вой. Первое значение относится к начинательному способу; второе – фиксация действия как целостного события, переводящего преситуацию в постситуацию.

Следует заметить, что границы между разными способами фиксации действия отнюдь не всегда прозрачны, что представляет собой одну из наиболее трудных проблем Словаря. Но это не повод признать аспектуальный словарь невозможным в принципе: ведь сущность грамматики есть не что иное, как **расчлененное** и **обобщенное** осмысление **непрерывной** действительности.

Примечания

¹ Глагольная лексика описана, например, в формате 6-ступенчатой иерархии в «Русском семантическом словаре» [16]. Видовая семантика русского глагола сегодня рассматривается в теоретической литературе как минимум на трех уровнях.

² Выделение лексического разряда дейктических глаголов, выражающих наиболее общие понятия о действиях, состояниях и отношениях, заимствовано в настоящей работе из Русского семантического словаря [16, с. 4–6].

Библиографический список

1. Демидова А.К. Управление наиболее употребительных глаголов в современном русском языке (пособие для иностранцев). М.: Высшая школа, 1969.
2. Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы: толково-грамматический словарь. М.: Русский язык, 1989.
3. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
4. Борисова Е.Г. Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара филологического ф-та МГУ / Е.Г. Борисова // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1997. Т. 2.
5. Караванов А.А. Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического ф-та МГУ // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1997. Т. 2.
6. Ласорса-Сьедина К. Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара филологического ф-та МГУ // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1997. Т. 2.
7. Чвани К. Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара филологического ф-та МГУ // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1997. Т. 2.

8. Шатуновский И.Б. Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара филологического ф-та МГУ // Труды аспектологического семинара филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1997. Т. 2.
9. Барентсен А. Признак «секвентная связь» и видовое противопоставление в русском языке // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
10. Васильева Т.В. К вопросу об отборе материала и создании учебного глагольного словаря для учащихся инженерного профиля // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18–21 марта 2004 г.): труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
11. Карпухин С.А. Еще раз об изучении глагольного вида в средней школе // РЯШ. 2013. № 8.
12. Карпухин С.А. К проблеме семантического инварианта глагольного вида в русском языке // РЯШ. 2002. № 1.
13. Карпухин С.А. Семантика совершенного вида // РЯШ. 2005. №3.
14. Карпухин С.А. Семантика несовершенного вида // РЯШ. 2006. № 2.
15. Частотный словарь русского языка / под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977.
16. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. Т. IV Глагол.
17. Карпухин С.А. Семантика русского глагольного вида. URL: <http://dosamara.ru/docs/ofernio/diss-karpuhin.htm>.
18. БАС – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. IV.
19. БАС-II – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1991. Т. II.

References

1. Demidova A.K. *Upravlenie naibolee upotrebitel'nykh glagolov v sovremennom russkom iazyke (posobie dlia inostrantsev)* [Government of most widely spread verbs in modern Russian language (guidebook for foreign learners)]. М.: Vysshaya shkola, 1969 [in Russian].
2. Sazonova I.K. *Russkii glagol i ego prichastnye formy: tolkovo-grammaticheskii slovar'* [Russian verb and its participial forms: explanatory and grammar dictionary]. М.: Russkii iazyk, 1989 [in Russian].
3. *Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoe opisaniye. Pod red. L.G. Babenko.* [Explanatory dictionary of Russian verbs: ideographic description. L.G. Babenko (Ed.)]. М.: AST-PRESS, 1999 [in Russian].
4. Borisova E.G. *Otvety na voprosy ankety aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU* [Answers to the questionnaire of aspectological seminar at the philological faculty of MSU]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU im. M.V. Lomonosova* [Proceedings of the aspectological seminar at philological faculty of Lomonosov Moscow State University]. М.: Izd-vo MGU, 1997, Vol. 2 [in Russian].
5. Karavanov A.A. *Otvety na voprosy ankety aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU* [Answers to the questionnaire of aspectological seminar at the philological faculty of MSU]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU im. M.V. Lomonosova* [Proceedings of the aspectological seminar at philological faculty of Lomonosov Moscow State University]. М.: Izd-vo MGU, 1997, Vol. 2 [in Russian].
6. Lasorsa-S"edina K. *Otvety na voprosy ankety aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU* [Answers to the questionnaire of aspectological seminar at the philological faculty of MSU]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU im. M.V. Lomonosova* [Proceedings of the aspectological seminar at philological faculty of Lomonosov Moscow State University]. М.: Izd-vo MGU, 1997, Vol. 2 [in Russian].
7. Chvani K. *Otvety na voprosy ankety aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU* [Answers to the questionnaire of aspectological seminar at the philological faculty of MSU]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU im. M.V. Lomonosova* [Proceedings of the aspectological seminar at philological faculty of Lomonosov Moscow State University]. М.: Izd-vo MGU, 1997, Vol. 2 [in Russian].
8. Shatunovskii I.B. *Otvety na voprosy ankety aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU* [Answers to the questionnaire of aspectological seminar at the philological faculty of MSU]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo f-ta MGU im. M.V. Lomonosova* [Proceedings of the aspectological seminar at philological faculty of Lomonosov Moscow State University]. М.: Izd-vo MGU, 1997, Vol. 2 [in Russian].

9. Barentsen A. *Priznak «sekventnaia sviaz'» i vidovoe protivopostavlenie v russkom iazyke* [Characteristic “sequential link” and aspectual opposition in Russian language] in *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniia* [Typology of aspect: issues, searches, solutions]. M.: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1998 [in Russian].

10. Vasil'eva T.V. *K voprosu ob otbore materiala i sozdanii uchebnogo glagol'nogo slovaria dlia uchashchikhsia inzhenerenogo profilia* [On the issue of material selection and creation of an educational verbal dictionary for technology students]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': II Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka (Moskva, MGU im. M.V. Lomono-sova, 18-21 marta 2004 g.): trudy i materialy* [Russian language: historic fate and modern times: 2nd International Congress of Russian language researchers (Moscow, Lomonosov Moscow State University, March 18-21, 2004): writings and materials]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004 [in Russian].

11. Karpukhin S.A. *Eshche raz ob izuchenii glagol'nogo vida v srednei shkole* [Once again on the studying of verb aspect at secondary school]. *RIaSh* [Russian language at school], 2013, no. 8 [in Russian].

12. Karpukhin S.A. *K probleme semanticheskogo invarianta glagol'nogo vida v russkom iazyke* [On the issue of semantic invariant of verbal aspect in Russian language]. *RIaSh* [Russian language at school], 2002, no. 1 [in Russian].

13. Karpukhin S.A. *Semantika sovershennogo vida* [Semantics of perfective aspect]. *RIaSh* [Russian language at school], 2005, no. 3 [in Russian].

14. Karpukhin S.A. *Semantika nesovershennogo vida* [Semantics of imperfective aspect]. *RIaSh* [Russian language at school]. 2006. № 2.

15. *Chastotnyi slovar' russkogo iazyka. Pod red. L.N. Zazorinoi* [Frequency dictionary of Russian language. L.N. Zazorina (Ed.)]. M.: Russkii iazyk, 1977 [in Russian].

16. *Russkii semanticheskii slovar': tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii. Pod obshchei red. N.Yu. Shvedovoi* [Russian semantic dictionary: explanatory dictionary classified by word classes and meanings. N.Yu. Shvedova (Ed.)]. M.: Azbukovnik, 2007, Vol. IV Verb [in Russian].

17. Karpukhin S.A. *Semantika russkogo glagol'nogo vida* [Semantics of Russian verbal aspect]. Retrieved from: <http://dosamara.ru/docs/ofernio/diss-karpukhin.htm> [in Russian].

18. *BAS Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1955, Vol. IV [in Russian].

19. *BAS-II Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 20 tomakh. Izd. 2-e* [Dictionary of Modern Russian Literary Language: in 20 Vols. 2nd edition]. M.: Russkii iazyk, 1991, Vol. II [in Russian].

S.A. Karpukhin*

ABOUT THE PROJECT OF EXPLANATORY-ASPECTUAL DICTIONARY OF RUSSIAN VERBS

The article states the idea of establishing an explanatory aspect dictionary of Russian verbs, a dictionary of a new type for Russian lexicography. The paper also contains principles of realisation of the introduced idea elaborated on the base of the two-component semantic model of the verb aspect and on the experience of aspect description of more than 200 verbs in the perfective aspect.

Key words: dictionary, verb, lexical semantics, aspects, interaction, aspect variants, dictionary entry.

Статья поступила в редакцию 12/VI/2016.
The article received 12/VI/2016.

---

* *Karpukhin Sergei Aleksandrovich* (karpukhin163@mail.ru), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ПРИНЦИП ДИНАМИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье рассматриваются современные подходы к обучению русскому языку как иностранному, обосновывается принцип динамического развертывания речевой деятельности как синтез наиболее продуктивных подходов — коммуникативно-деятельностного и когнитивного. Принцип динамического развертывания речевой деятельности предполагает последовательное расширение и усложнение учебного материала. Продвижение в освоении языка достигается за счет многократного повторения, наращивания речевых моделей, развертывания диалогических ситуаций. Раскрывается содержание основных прогрессий в преподавании русского языка как иностранного: фонетико-орфоэпической, лексической, грамматической, прогрессии устного и письменного высказывания.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, принцип динамического развертывания речевых средств.

Методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) за шесть десятилетий развития достигла значительных результатов: созданы ведущие центры преподавания РКИ в МГУ, СПбГУ, РУДН, Институте русского языка им. А.С. Пушкина; осмыслены психолингвистические и методические основы преподавания языка как иностранного; накоплен значительный методический опыт лингвистами (В.Г. Костомаров, Ю.Н. Караулов, М.В. Всеволодова, О.Д. Митрофанова, Ю.В. Прохоров, Г.И. Рожкова, С.А. Хавронина и др.), разрабатываются учебные комплексы и пособия, эффективные подходы и методы преподавания РКИ. На рубеже XX–XXI столетий произошло интенсивное развитие как теоретической, так и прикладной лингвистики, что привело к кардинальному обновлению принципов преподавания иностранных языков, на смену переводному методу приходят новые подходы, опирающиеся на знания закономерностей организации языковой способности и предполагающие новые комплексные методики: коммуникативно-деятельностный и когнитивный.

Современная методика преподавания РКИ исходит из комплексного подхода к анализу речевой деятельности, опираясь на коммуникативно-деятельностный подход и вытекающие из него методические принципы. Так, принцип коммуникативной направленности обучения ориентирует на формирование у учащихся мотивации к общению на русском языке, на коммуникативный характер грамматики, словаря, упражнений, на организацию курса в соответствии с профессиональной моделью специалиста [1, с. 137], его социально-коммуникативным профилем. Обучение языку есть приобщение к ценностям, выраженным на данном языке, эффективность преподавания языка связана с осознанием ценностного потенциала языка [2], с развитием межкультурной адаптации, социализации, идентичности [3].

Остановимся еще на одном принципе коммуникативного подхода, который обозначим как *принцип динамического развертывания речевой деятельности*. Психолингвистами речевая деятельность определяется как «процесс активного, целенаправленного, опосредованного языком и обусловливаемого ситуацией общения взаимодействия людей между

* © Карпенко Л.Б., 2016

Карпенко Людмила Борисовна (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

собой» [4, с. 37], что означает возможность вычленения аспектов и этапов в процессе речевой деятельности и формирование определенных лингвометодических установок. Принцип динамического развертывания речевой деятельности предполагает структуру курса РКИ, характеризующуюся последовательным расширением учебного материала и нацеленную на формирование речевых навыков и умений. Согласно А.А. Леонтьеву [5], навыки характеризуются готовностью включения в речевую деятельность, устойчивостью, автоматизмом, возможностью самоконтроля и свидетельствуют о сформированности речевых механизмов. Речевые умения – продуктивные, творческие способности человека, созданные на основе языковой компетенции и языковых навыков, – демонстрируют механизмы более высокого уровня в их функционировании, в динамике. В конкретных реализациях курсы преподавания РКИ строятся на *языковых прогрессиях* [6], объединяющих учебный материал и обеспечивающих постепенное накопление навыков, умений и знаний в четырех видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме.

Термин *прогрессия* заимствован из математики, где под геометрической прогрессией понимается нарастание членов ряда в результате их умножения на определенную величину. В методике преподавания иностранных языков под прогрессией понимается стратегия построения курса, предполагающая постепенное согласованное умножение навыков. Первичное усвоение языковых фактов начинается с самого общего знакомства с ними, на следующих этапах происходит динамическое развертывание основ речевой деятельности: расширение, обогащение, детализация речевых умений. Преподавание языка, основанное на принципе прогрессий, имеет открытый характер, чем отличается от курсов описательного типа, в которых разнородный грамматический материал подается по частям речи, как в учебниках грамматико-переводного типа. Существенное значение для преподавания РКИ имеют фонетико-орфоэпическая, лексическая и грамматическая прогрессии, а также прогрессии устного и письменного высказывания.

Важнейшая первоначальная задача преподавания РКИ ориентирована на формирование навыков аудирования и говорения, на усвоение русской фонетической системы, характеризующейся ярко выраженными корреляциями согласных по твердости/мягкости и звонкости/глухости, явлениями ассимиляции согласных, редукцией гласных в безударном положении, особенностями акцентных и интонационных контуров русской речи. Успешное выполнение этой задачи невозможно без специальной фонетико-орфоэпической прогрессии, которая и должна открывать курс. Работу над произношением отдельных звуков сопровождает усвоение просодических средств, типов интонационных конструкций, характерных для различных сфер коммуникативного поведения [7]. Фонетические элементы и звуковые комплексы демонстрируются в структуре речевых образцов, реализуемых в типовых коммуникативных ситуациях (на занятии, в городе, в магазине, в транспорте и под.).

Коммуникативными ситуациями и темами, обозначенными в Госстандарте по РКИ, определяется и лексическая прогрессия. Лексический минимум базового уровня составляет 1300 единиц, обеспечивающих общение в рамках тематического и интенционального минимумов стандарта. Строго ограниченный лексический минимум определяется его коммуникативной значимостью и достаточностью для бытовой и социально-культурной сфер общения. Модели русского речевого поведения тесно связаны с системой концептов в русской картине мира [8], поэтому отбор и группировка лексических единиц организуется по концептному принципу.

Грамматическая прогрессия в современной методике РКИ опирается на коммуникативный, когнитивный и сопоставительный подходы, которые позволяют сфокусировать внимание на особенностях грамматического строя русского языка и постепенно включить определяющие грамматические категории (рода, падежа, времени, вида и др.). Единицей обучения и в данном случае является не форма слова, а коммуникативная единица – высказывание, включенное в типовую коммуникативную ситуацию, соответствующую условиям реального профессионального общения [9]. Продвижение в освоении грамматики достигается за счет цикличности в

презентации учебного материала, наращивания грамматических моделей, развертывания текста [10, с. 33]. Грамматический комментарий организуется с учетом уровня владения языком и лишь сопровождает усвоение речевых образцов.

Прогрессия устного высказывания, нацеленная на усвоение основных разновидностей и композиционных схем диалогической и монологической речи, способствует формированию речевых навыков и умений и подготавливает учащихся к свободному ведению беседы на заданную тему. Не только диалог, но и некоторые формы монологической речи начинают изучаться в самом начале базового уровня (описание семьи, профессии, города и т. п.). Такие особенности диалогической речи, как спонтанность, зависимость от интенций собеседников, ситуации и обстоятельств общения, обуславливают наибольшие сложности ее усвоения.

Навыки и умения письменного выражения речи формируются в результате систематической работы, которая предполагает свою последовательность. В учебном курсе графика вводится после определенного бесписьменного периода, длительность которого зависит от уровня и характера обучения. Прогрессия письма включает сведения из графики (алфавит, слоговой принцип русской графики, обозначение мягкости, обозначение *j*), основные орфографические (морфологический принцип орфографии как ведущий) и пунктуационные особенности русского языка. При достижении базового уровня иностранный учащийся должен уметь строить письменные монологические высказывания продуктивного и репродуктивного характера на предложенные темы в соответствии с определенной коммуникативной установкой. Окончательное формирование навыков и умений письменного оформления речи предполагает комплексное владение всеми графическими, орфографическими, грамматическими и стилистическими средствами, что достигается уже на продвинутом этапе изучения русского языка.

Библиографический список

1. Бердичевский А.Л. Методика преподавания РКИ в XXI веке: проблемы и перспективы // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 10. С. 135–139.
2. Карпенко Л.Б. Русский язык как «преемник общеславянского литературного языка» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года): в 15 т. / ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова [и др.]. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 6. С. 242–247.
3. Davidson D. Study Abroad: When, how long and with results? New data from Russian front // Foreign Language Annals. 2010. Vol. 43. № 1. P. 6–26.
4. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
5. Леонтьев А.А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.
6. Щепилова А.В. Проблемы развития многоязычного обучения в российской школе // Вестник МГПУ. № 1. 2002. С. 136–141.
7. Сафарян Р.Д. Интонация русского дискурса: лингводидактический аспект // Русский язык как иностранный в современной геополитической парадигме: IV Международная научно-практическая конференция. МГУ. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 74–76.
8. Кортава Т.В. Параметрическая модель русского коммуникативного поведения и языковая карта на мира // Русский язык как иностранный в современной геополитической парадигме: IV Международная научно-практическая конференция. МГУ. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 161–162.
9. Bowman J.P., Targowski A.S. Modelling the communication process: The map is not the territory // The Journal of Business Communication. 1987. № 24 (4). P. 21–34.
10. Авдошина Т.Е. Философия обучения профессиональному общению в условиях преподавания русского языка за рубежом // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 10. С. 31–35.

References

1. Berdichevskii A.L. *Metodika prepodavaniia RKI v XXI veke: problemy i perspektivy* [Methods of teaching Russian as a foreign language in the XXI century: problems and perspectives]. In: *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRIaL (g. Granada, Ispaniia, 13 20 sentiabria 2015 goda)* [Russian language and literature in the space of the world culture: Materials

of the XIII Congress of MAPRYAL (Granada, Spain, September, 1320, 2015)]. SPb.: MAPRIaL, 2015, Vol. 10, pp. 135–139 [in Russian].

2. Karpenko L.B. *Russkii iazyk kak «preemnik obshch斯拉vianskogo literaturnogo iazyka»* [Russian language as a «successor of Common Slavic literary language»]. In: *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRIaL (g. Granada, Ispaniia, 1320 sentiabria 2015 goda)*. Red. kol.: L.A. Verbitskaia, K.A. Rogova, T.I. Popova i dr. [Russian language and literature in the space of the world culture: Materials of the XIII Congress of MAPRYAL (Granada, Spain, September, 1320, 2015). L.A. Verbitskaya, K.A. Rogova, T.I. Popova et al. (Eds.)]. In 15 Vols. SPb.: MAPRIaL, 2015, Vol. 6, pp. 242247 [in Russian].

3. Davidson D. Study Abroad: When, how long and with results? New data from Russian front. *Foreign Language Annals*, 2010, Vol. 43, no. 1, pp. 6–26 [in English].

4. Zimniaia I.A. *Lingvopsikhologiiia rechevoi deiatel'nosti* [Linguo psychology of speech activity]. M.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, Voronezh: NPO «MODEK», 2001, 432 p. [in Russian].

5. Leont'ev A.A. *Psikhofiziologicheskie mekhanizmy rechi* [Psychophysiological mechanisms of speech]. In: *Obshchee iazykoznanie. Formy sushchestvovaniia, funktsii, istoriia iazyka* [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language]. M., 1970, pp. 314370 [in Russian].

6. Shchepilova A.V. *Problemy razvitiia mnogoiazychnogo obucheniia v rossiiskoi shkole* [Problems of development of multilingual communication in Russian school]. *Vestnik MGPU* [Vestnik of Moscow City Teachers Training University], 2002, no. 1, pp. 136141 [in Russian].

7. Safarian R.D. *Intonatsiia russkogo diskursa: lingvodidakticheskii aspekt* [Intonation of Russian discourse: linguodidactic aspect]. In: *Russkii iazyk kak inostrannyy v sovremennoi geopoliticheskoi paradigme: IV Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia* [Russian language as a foreign in modern geopolitical paradigm: IV International research and practice conference]. Lomonosov Moscow State University. M.: MAKS Press, 2010, pp. 7476 [in Russian].

8. Kortava T.V. *Parametricheskaiia model' russkogo kommunikativnogo povedeniia i iazykovaia kartina mira* [Parametric model of Russian communicative behavior and linguistic picture of the world]. In: *Russkii iazyk kak inostrannyy v sovremennoi geopoliticheskoi paradigme: IV Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia* [Russian language as a foreign in modern geopolitical paradigm: IV International research and practice conference]. Lomonosov Moscow State University. M.: MAKS Press, 2010, pp. 161162 [in Russian].

9. Bowman J.P., Targowski A.S. Modeling the communication process: The map is not the territory. *The Journal of Business Communication*, 1987, no. 24(4), pp. 2134 [in English].

10. Avdoshina T.E. *Filosofiiia obucheniia professional'nomu obshcheniiu v usloviakh prepodavaniia russkogo iazyka za rubezhom* [Philosophy of teaching professional communication in conditions of teaching Russian language abroad]. In: *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRIaL (g. Granada, Ispaniia, 1320 sentiabria 2015 goda)* [Russian language and literature in the space of the world culture: Materials of the XIII Congress of MAPRYAL (Granada, Spain, September, 1320, 2015)]. SPb.: MAPRIaL, 2015, Vol. 10, pp. 31–35 [in Russian].

L.B. Karpenko*

PRINCIPLE OF DYNAMIC DEVELOPMENT OF SPEECH ACTIVITY IN TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article considers modern approaches to teaching Russian as a foreign language, it justified the principle of dynamic deployment of speech activity as a synthesis of the most productive approach – communicative and cognitive-activity. The principle of dynamic deployment of speech activity requires consistent expansion and complexity of educational material. Progress in language acquisition is achieved by multiple repetition, build speech models, enhancements, enrichment, deployment dialogic situations. The content of the main progress in the teaching of RCTs: phonetic-orthoepic, lexical and grammatical, as well as the progression of oral and written statements.

Key words: methods of teaching Russian as a foreign language, concept of dynamic deployment of speech means.

Статья поступила в редакцию 25/VII/2016.

The article received 25/VII/2016.

* *Karpenko Ludmila Borisovna* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communication, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СТРУКТУРА «ПОЛЯ ПОНИМАНИЯ» В РЕФЛЕКСИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена описанию языковых процессов, формирующих «поле понимания» в рефлексивной коммуникации. Основное внимание в статье уделено выявлению и описанию комплексных способов представления в дискурсе модусных смыслов, отражающих интенциональные состояния субъектов общения.

Ключевые слова: интенциональность, модусная рамка, рефлексивная перспектива, интересубъективность, когнитивная перспектива.

Исследование дискурсивных процессов в значительной степени предполагает знание о том, как осуществляется коммуникативный контакт между участниками общения в рефлексивной сфере, формируемой процессами понимания и взаимопонимания.

Термин «*поле понимания*», используемый как лингвистикой [1], так и герменевтикой [2], обладает особой продуктивностью для описания дискурсивных процессов и отнесен к моменту установления непосредственного контакта между участниками общения и к связанным с ним процессам смыслопорождения.

Область функционального определения данного термина получает в современной научной парадигме дополнительные измерения, так как в нее включаются не только явления, связанные со смысловой системой субъекта говорения, с его языковым и социальным опытом, но и с системой смыслов со-субъекта общения, реципиента. Структура «поля понимания» формируется под активным воздействием стратегий отправителя сообщения и предполагает управление вниманием партнера по коммуникации, т. е. *ориентирование* собеседника относительно определенным образом организованной информации о предмете общения. Успех этого процесса во многом определен способностью партнера становиться активным участником процесса формирования смыслов.

Ю. Хабермас развивает интересубъективную концепцию коммуникации, следуя тезису Л. Витгенштейна о структуре деятельности как системе отношений, на основе которой мы понимаем язык другого [3, с. 77]. Одним из центральных тезисов интересубъективной (интеракциональной) концепции понимания является представление о том, что коммуникация не является чем-то существующим до момента общения, а рождается в диалоге.

Процесс рождения коммуникации определен внутренней противоречивостью общения, неизменным расхождением позиций и одновременно существованием потребности партнеров в согласии. Особенность диалога, сформулированная Г.Г. Гадамером, заключается в том, что диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений, точное наблюдение автора высвечивает факт преобразования мнений в разговоре. Диалог, по мнению Гадамера, только тогда можно считать состоявшимся, когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии, с которого их разговор начался [2, с. 48].

---

* © Данилова Н.К., 2016

Данилова Нина Константиновна, кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Бинарная структура «поля понимания», образованная двумя полюсами общения, выявляет существенную особенность коммуникации, связанную с ее рефлексивной природой. Коммуникативное пространство получает определение как среда, в которой осуществляется «сплав субъективности и объективности», происходит непрерывная выработка тех смыслов, вокруг которых объединяются до того разрозненные мнения отдельных участников этого захватывающего процесса [4, с. 21].

В коммуникативном процессе современная семиотика предлагает различать механизмы *первичной* и *вторичной* дискурсивизации [5, с. 108]. К механизмам первичной дискурсивизации следует отнести конститутивные моменты смыслового развития, к механизмам вторичной дискурсивизации – условия восприятия и трансформации смысла. Процесс первичной дискурсивизации можно рассматривать как предтекстовую фазу, которой свойственна имплицитность замысла, существующего в сознании автора, обилие вариантов решения сюжета, центральное положение символа, генерирующего смысл. Процесс вторичной дискурсивизации сопровождает восприятие текста, предполагающее наличие определенных ожиданий и индивидуального опыта воспринимающего, изменяющих первоначальный смысл. Если процесс вторичной дискурсивизации во многом определен индивидуальностью воспринимающего, предполагает множественность прочтений и не может быть смоделирован, то процесс первичной дискурсивизации поддается моделированию на основе текста, в котором содержатся регуляторы прогнозируемого процесса восприятия.

В процессе понимания участники общения получают информацию не только о «положении дел», но и об особенностях вербального поведения адресата. В процессе использования языка можно, согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, разграничить *когнитивное употребление*, при котором отношения между говорящими служат целям понимания относительно определенного объекта, и *коммуникативное употребление*, при котором отношение к объекту служит целям установления отношений между субъектами (die Ebene der Kommunikation dient im ersten Fall als Mittel, im zweiten als Ziel) [3, с. 201].

Различие способов использования языка в зависимости от мотивации и целей языковой деятельности характеризует «практику взаимопонимания в обществе» (Verständigungspraxis). Различие способов понимания, производное от уровня организации высказывания (принадлежности к модусу или пропозиции), позволяет разделить *предикативное понимание* (идентификация предмета в пропозиции) («о чем-то») и *иллокутивное понимание*, указывающее на успешность установления интерсубъективного отношения («для кого-то») [3].

Предлагаемое Ю. Хабермасом разграничение видов понимания соответствует уровням организации высказывания, являющегося элементарной единицей дискурса. Современное языкознание разграничивает в высказывании объективную константу, пропозицию, передающую «положение дел», и субъективную переменную, выражающую мнение говорящего и оценку сообщаемого, так называемую пропозициональную установку (модусную рамку) [6]. Наиболее широкая трактовка модусной рамки предложена Т.В. Шмелевой, включившей в нее актуализационные (модальность, время, персональность, временная и пространственная локализация), квалификативные (авторизация, персуазивность и оценочность) и социальные характеристики (связь с ситуацией общения и др.) [7].

Высказывание представляет собой интегрированный комплекс модусных и диктумных характеристик, что делает сложным строгое разграничение диктума и модуса; так, Т.В. Шмелева выделяет *пропозицию восприятия*, в чем находит отражение синкретизм способа представления «положения дел» и самого события. Обратившись к группе языковых средств, реализующих модусную рамку, в терминологии Т.В. Шмелевой, *актуализационным модусным характеристикам*, попробуем прояс-

нить их роль в формировании «поля понимания», обеспечивающего протекание рефлексивной коммуникации.

В чистой форме модусные значения представлены в авторских отступлениях, особенностью которых, как показывают наблюдения, является подчиненность диктумных характеристик модусным. В авторской рефлексии Г. Гессе в рассказе «Bauernhaus» на передний план выходят оценочные и экспрессивные свойства высказывания, присущие модусу воображения: «Wie schön ist es, solche Grenzen zu überschreiten! Der Wanderer ist in vielen Hinsichten ein primitiver Mensch, so wie der Nomade primitiver ist als der Bauer... Wenn es viele Menschen gäbe, in denen eine so tiefe Verachtung für Landesgrenzen lebte wie in mir, dann gäbe es keine Kriege und Blockaden mehr» (W, S. 9). Последовательность высказываний, образованная экспрессивным высказыванием с общеоценочным содержанием (wie schön), сравнением (wie der Nomade primitiver ist als der Bauer) и предположением, получающим реализацию с помощью уступительного придаточного предложения и конъюнктива «wenn es viele Menschen gäbe, in denen eine so tiefe Verachtung für Landesgrenzen lebte wie in mir», призвана служить своего рода мотивирующим обоснованием констатирующего и завершающего секвенцию авторского резюме «Es gibt nichts Gehässigeres als Grenzen, nichts Stupideres als Grenzen». Расширение области определения субъекта оценки за счет включения в нее лиц, подобных автору, позволяет использовать гиперболу, выводящую изложение в «возможный мир»: «...dann gäbe es keine Kriege und Blockaden mehr». Модусная рамка становится тем самым условием существования предполагаемого «положения дел», субъект модуса транспонируется в позицию коллективного субъекта, проспективная же перспектива выводит суждение на уровень гипотезы, создавая условия для *идентичности смыслов*, являющейся, согласно Ю. Хабермасу, основой общения. Языковые технологии, использованные Г. Гессе, располагаются, как можно наблюдать, полностью в плоскости так называемых прагматических универсалий: сослагательное наклонение и дейксис соотносят ситуацию с участниками общения. Прагматические универсалии, по выражению Ю. Хабермаса, образуют «швы» (Nahtstellen), связывающие между собой реальность и язык [3, с. 96].

Доминирование модусной рамки в авторской рефлексии, завершающей рассказ, демонстрирует другую возможность транспозиции субъекта: «Lebe wohl, kleines Bauernhaus und heimatliche Landschaft! Von dir nehme ich Abschied wie ein Jüngling von der Mutter, er weiß, es ist Zeit für ihn, von der Mutter fort zu gehen, und er weiß auch, dass er sie niemals ganz und gar verlassen kann, ob er auch wollte» (W, S. 12). Субъект речи благодаря сравнению обретает тождество с реципиентом, подобная квалификация пропозиции создает условия для самоидентификации читателя и его участия в процессах рефлексии. Дистанция между персональной субъектной перспективой «Von dir nehme ich Abschied» и объективированной перспективой третьего лица «er weiß, es ist Zeit für ihn, von der Mutter fort zu gehen» преодолевается благодаря эпистемическому модусу, получающему выражение с помощью ментального глагола «wissen».

Модусная рамка воспроизводит интенциональные состояния говорящего, демонстрируя различные способы существования ситуаций действительности. Итогом становится рождение особого продукта речемыслительной деятельности, получающего определение «*внутреннего объекта*» [4, с. 22], в котором проявляется тесная связь знака с ментальными состояниями субъекта речи. Интенциональность как фундаментальное свойство ментальной и психологической организации человека формирует высказывание, определяет целесообразность его порождения и использования.

Другая возможность рефлексивной организации представлена в рассказе «Bergpass», содержанием которой является воспоминание: «Aus der Jugend klingt mir Erinnerung her wie Glockenruf aus fernen Tälern: Reiserausch meiner ersten Südenfahrt, *trunkenes* Einatmen der *üppigen* Gartenluft an den blauen Seen, *abendlichen* Hinüberlauschen über

erblassende Schneeberge in die ferne Heimat! Erstes Gebet vor heiligen Säulen des Altertums! Erster traumhafter Anblick des schäumenden Meeres hinter braunen Felsen!» (W, S. 20). Рождение «внутреннего объекта» совершается в последовательности конкретизирующих и оценочных эпитетов, воссоздающих субъективный образ действительности. Возможность контакта сохраняется в этом случае благодаря тому, что реальный образ приобретает особые очертания через акценты, формирующие эмоциональную рефлексивную канву изложения. Сфера идентичности смыслов создается в этом случае с применением группы прагматических универсалий, воспроизводящих интенции и переживания субъектов речи и ориентирующих рефлексию в эмоциональной плоскости.

Рефлексивная перспектива, объединяющая ретроспективно ориентированный модус воспоминания с актуальным модусом конструирования «истории», представлена в рассказе Г. Гессе «Dorf»: «Ich weiß! Es ist nicht Busoni, an den ich denke, und nicht Zürich, und nicht Mahler. Das sind die üblichen Täuschungen des Gedächtnisses, wenn es an Unbequemes kommt; es schiebt dann gern harmlose Bilder in den Vordergrund. Ich weiß jetzt! In jenem Restaurant saß auch eine junge Frau, hellblond und sehr rotwangig, mit der ich kein Wort sprach. Engel du! Sie anzusehen war Genuss und Qual, wie liebte ich sie jene Stunde lang! Ich war wieder achtzehn Jahre alt» (W, S. 28). Озарение и яркое воспоминание (Ich weiß!) объединены в ментальной операции, реконструирующей предшествующие и актуальные события в едином интеллектуальном усилии.

Признанный современной лингвистикой факт существования в текстах целостных «историй», воспроизводящих ситуации действительности, может быть дополнен, как показывают наблюдения, существованием в последовательности высказываний комплексных структур, несущих модусные смыслы, *когнитивных перспектив*, создающих условия для идентичности смыслов [8]. Способность модусов не только выстраивать структуру высказывания, но и определять процессы формирования «внутреннего объекта» изложения, придают данному явлению заметный статус среди других дискурсивных феноменов, что, на наш взгляд предполагает дальнейшие исследования.

Библиографический список

1. Glinz Hans. Textanalyse und Verstehenstheorie. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft, 1977. Teil 1: Methodenbegründung, soziale Dimension, Wahrheitsfrage, acht ausgeführte Beispiele. 325 S.
2. Гадамер Г.Г. Язык и понимание // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43–59.
3. Habermas Jürgen. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. 607 S.
4. Актуализация предложения. Категории и механизмы / отв. ред. А. В. Зеленщиков. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 236 с.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
6. Савицкая Л.С. Модусная организация высказывания как средство выражения ценностных ориентаций говорящего (на материале интернет-дневников). Лингвистика. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 704–707.
7. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск: Взд-во Краснояр. гос. ун-та, 1994. 43 с.
8. Данилова Н.К. Языковой мир нарратива // Миры дискурса / под общ. ред. Н.К. Даниловой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. С. 117–167.

Источник фактического материала

Hesse Hermann. Wanderung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. 128 S. – сокращение – W.

References

1. Glinz Hans. *Textanalyse und Verstehenstheorie*. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft, 1977. Teil 1: Methodenbegründung, soziale Dimension, Wahrheitsfrage, acht ausgeführte Beispiele. 325 p. [in German].
2. Gadamer G.G. *Iazyk i ponimanie* [Language and Understanding]. In: *Aktual'nost' prekrasnogo* [Actuality of Beauty]. M.: Iskusstvo, 1991, pp. 43–59 [in Russian].
3. Habermas Jürgen. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984, 607 p. [in German].
4. *Aktualizatsiia predlozheniia. Kategorii i mekhanizmy*. Otv. red. A.V. Zelenshchikov [Actualization of a sentence. Categories and Mechanisms. A.V. Zelenshchikov (Ed.)]. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1997, 236 p [in Russian].
5. Lotman Yu.M. *Vnutri mysl'nykh mirov. Chelovek tekst semiosfera istoriia* [Inside cogitative worlds. Human being text semiosphere – history]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 464 p [in Russian].
6. Savitskaya L.S. *Modusnaia organizatsiia vyskazyvaniia kak sredstvo vyrazheniia tsennostnykh orientatsii govoriashchego (na materiale internet-dnevnikov)* [Modus organization of an utterance as a means for expressing value orientations of the speaker (based on the blogging)]. *Lingvistika. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Linguistics. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2010, no. 4(2), pp. 704–707 [in Russian].
7. Shmeleva T.V. *Semanticheskii sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk: izd-vo Krasnoiar. gos. un-t, 1994, 43 p. [in Russian].
8. Danilova N.K. *Iazykovoii mir narrativa* [Language world of narrative]. In: *Miry diskursa (pod obshchei red. N.K. Danilovoi)* [Worlds of discourse (N.K. Danilova (Ed.))]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2015, pp. 117–167 [in Russian].

Source of factual material

Hesse Hermann. *Wanderung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984, 128 p. [in German] – W.

N.K. Danilova*

«COMPREHENSION FIELD» STRUCTURE IN REFLECTIVE COMMUNICATION

The article deals with the description of linguistic means creating «comprehension field» in reflective communication. The author focuses on revealing and describing complex ways used to represent modus meanings in discourse, which reflect the communication participants' intentions.

Key words: intention ability, modus frame, reflective perspective, intersubjectivity, cognitive perspective.

Статья поступила в редакцию 10/VI/2016.
The article received 10/VI/2016.

---

* *Danilova Nina Konstantinovna* (danilova_nina@mail.ru), Department of German Philology, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА: К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ПАРАДИГМЫ

В статье представлен анализ научных изысканий в области лексико-семантической парадигматики. Парадигматические отношения (омонимия, синонимия, антонимия, гипергипонимия, меронимия и т. п.) рассматриваются как отношения, построенные на смысловых ассоциациях. Определяется типология данных ассоциаций, выявляется их роль в формировании лексических парадигм, а также в образовании переносных значений слов. Особое внимание уделяется ассоциативно-семантической группе: обосновывается возможность существования такой парадигмы, описан принцип ее формирования, рассмотрены различные подходы к ее определению. Дальнейшие исследования в данном направлении будут способствовать более глубокому осмыслению принципов формирования лексическо-семантических парадигм, а также механизма взаимодействия единиц лексической системы.

Ключевые слова: лексико-семантическая парадигма, ассоциация, ассоциативно-семантическая группа, каузема, рефлексема, гиперсема.

Многоплановый и сложный характер лексической системы русского языка, включающей огромное количество единиц, связанных различного рода отношениями, предопределяет существование разнообразных лексических парадигм. Одной из основных задач системного лексикологического исследования является обоснование значимости выбранных для исследования признаков, параметров, категорий лексики, формирующих те или иные группы слов.

Исследованию парадигматических отношений на основе семных связей лексем посвящено множество работ (Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, В. И. Кодухов, Л.А. Новиков, Ж.П. Соколовская, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев и др.). Наряду с этим лексические группировки изучаются и с ситуативно-тематических позиций (В.В. Морковкин, И.В. Шадурский, И.П. Слесарева и др.). В первом случае рассматриваются семантические поля, синонимические и омонимические ряды, антонимические пары и др., во втором — тематические, гиперо-гипонимические, холо-партитивные группы и т. п.

Иной характер организации имеют объединения ассоциативно связанных слов. Их сопоставление с упомянутыми парадигмами весьма затруднительно. Однако в результате исследований ряда лингвистов (В.В. Иванова, Ю.Н. Караулов, А.П. Клименко, И.В. Роднева, Д.Н. Терехова, А.А. Уфимцева и др.) установлено, что отношения между ассоциативно связанными словами также могут иметь семантическую основу.

---

* © Слива Т.В., 2016

Слива Татьяна Васильевна (latushko.tanya@mail.ru), кафедра русского языка, Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, 01601, Украина, г. Киев, ул. Пирогова, 9.

Более того, согласно Ф. де Соссюру, существует и обратная закономерность: «...ассоциация может сближать слова, связанные между собою только по смыслу» [1, с. 133], то есть семантическая связь лексем обуславливает наличие ассоциативной связи между ними.

В настоящее время языковеды все больше внимания уделяют изучению ассоциативно связанных слов. Лексикологи и семасиологи, продолжая традиции Б. Бурдона, Г. Вудроу, Ф. Ловелла, Дж. Миллера и др., исследуют семантические отношения между словом-стимулом и его ассоциатами. В рамках коммуникативной семантики изучается место ассоциации в процессе порождения и восприятия текста (Дж. Серль, В.П. Абрамов, А.Е. Ермаков, Н.Н. Ничик, В.В. Плешко и др.). Когнитивисты рассматривают ассоциативно-семантическое поле как средство вербализации концептуальной картины мира (Н.С. Болотнова, Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, Н.А. Илюхина, М.Ю. Никитина, Л.Н. Чурилина и др.). Исследование языковой личности также не обходится без анализа вербальных ассоциаций (Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Т.И. Крыга и др.). Как видим, изучение ассоциативно связанных слов является актуальным направлением в современной лингвистике в целом и в лингвистической семантике в частности.

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой вокабула «парадигматика» подается с синонимом «ассоциативный план», из чего следует, что парадигматические отношения – это отношения, построенные на определенных ассоциациях. Однако, признавая парадигматическими объединениями и синонимические ряды, и антонимические, омонимические, гиперо-гипонимические группы, многие лингвисты считают, что на собственно ассоциативно-семантических связях построены лишь отношения полисемии и омонимии, а антонимия, синонимия, гипонимия, семантические поля – результат содержательно-семантической, «понятийной» связи. С нашей точки зрения, вполне очевидно, что и синонимия, и антонимия, и гипонимия – результат ассоциативной связи (по Дж. Миллеру, это отношения сходства, контраста и подчинения [2]).

Практически бесспорным в лексикологии является признание связей между лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) многозначного слова как ассоциативно-семантических. Об этом говорит Д.Н. Шмелев: «Значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность)» [3, с. 71]. Л.А. Новиков выделяет два вида многозначности: ассоциативную (или семасиологическую), при которой «...связь значений (ЛСВ)... основана только на ассоциативном признаке (их языковой мотивированности), который вскрывается в толковании этих значений в виде общих компонентов...» и ассоциативно-понятийную (или семасиолого-ономасиологическую), «когда значения слова связаны не только ассоциативным признаком, но и общими содержательно-понятийными компонентами, т. е. элементами сигнификативного характера» [4, с. 203–204].

Что же касается омонимии, то многие исследователи не относят это явление к парадигматике слова. Еще Ш. Балли утверждал, что «значения омонимов воспринимаются как разнородные и не связанные друг с другом никакими ассоциативными связями» [5, с. 191]. Аналогичного мнения придерживаются Д.Н. Шмелев («...значения слов-омонимов отражают явления действительности независимо друг от друга, между ними не существует какой-либо ассоциативной связи» [3, с. 81]) и М.И. Фомина («Слова-омонимы характеризуются прежде всего тем, что они соотносятся с тем или иным явлением действительности независимо друг от друга, поэтому между ними не существует никакой ассоциативно-понятийной связи, свойственной разным значениям многозначных слов» [6, с. 56]).

Исходя из вышесказанного, наличие либо отсутствие ассоциативной связи можно было бы признать одним из критериев разграничения полисемии и омонимии. Но, с другой стороны, омонимию можно также причислить к парадигматическим явлениям, поскольку «системность омонимического ряда проявляется в наличии интегральных признаков (плана выражения) и дифференциальных признаков (плана содержания)» [7, с. 84], т. е. омонимическая парадигма – явление формально-семантического порядка, когда ассоциация возможна только на уровне формы.

Основой для взаимных ассоциаций синонимов является интегральный семантический признак, с учетом которого они объединяются в один синонимический ряд. В связи с этим нельзя не вспомнить Аристотеля, который выделял четыре основных типа ассоциаций: по сходству, по контрасту, по смежности в пространстве и во времени [8, с. 18]. «Параллельные значения слов-синонимов являются закреплением в языке закона смысловых ассоциаций, в силу которого слова со сходным значением могут иметь сходную семасиологическую историю и новое значение слова распространяется на другие слова данной семантической сферы» [9, с. 182].

Еще проще обстоит дело с антонимами. Подавляющее большинство лексикологов разделяют мнение, что связь между членами антонимической парадигмы основана на ассоциации. Возвращаясь к Аристотелю, отметим, что изначально противоположные значения были обнаружены в речи по ассоциациям (благодаря субъективному опыту человека). В отечественном языкознании еще Л.А. Булаховский утверждал, что «ассоциация по противоположности (предполагающая одновременно наличие сходства в каком-то отношении) лежит в основании различения антонимов – слов с противоположным значением» [6, с. 126]. Л.А. Новиков причислил ассоциации по контрасту «к числу важнейших ассоциаций, указывающих на тесную связь слов в лексико-семантической системе языка» [10, с. 19]. Е.Н. Миллер в ходе исследования антонимии приходит к выводам о существовании сильной семантической связи между членами антонимической парадигмы и об их способности вызывать в сознании наиболее устойчивые ассоциативные связи. «Антонимы возникают, функционируют, развиваются в речи, образуют антонимичные оппозиции, потенциальную антонимичность – ассоциативное соположение противоположных значений» [11, с. 203].

Следует также отметить, что в общепризнанные парадигмы входят слова, имеющие общие семантические признаки, занимающие ядерное либо приближенное к ядерному положение. Синонимичные слова, например, обязательно обладают общим семантическим признаком, который для них является ядерным, при этом периферия их значений имеет разный объем: *идти* ('двигаться, ступая ногами') – *бежать* ('быстро двигаться, отталкиваясь ногами') – *мчаться* ('двигаться очень быстро'). При антонимии у двух слов также есть общий семантический признак, ядерный в семантических структурах обоих слов, например, 'движение': *идти* ('двигаться, ступая ногами') – *стоять* ('находиться в вертикальном положении, не двигаясь с места'). Члены тематической и гиперо-гипонимической парадигм содержат в своей структуре интегральную гиперсему и дифференциальные гипосемы: интегральная гиперсема 'мебель' для тематической группы названий мебели *стул, диван, шкаф, стол*; дифференциальные гипосемы 'для сидения', 'для хранения одежды', 'для приема пищи' и др. Паронимы семантически соотнесены друг с другом через ядерную сему, эксплицированную в корневых морфемах ('лед' в словах *ледяной* и *ледовый*). Наконец, как известно, члены лексико-семантической группы связаны общей гиперсемой.

В свое время Т.И. Плужникова заметила, что в ряде случаев между ассоциативно связанными словами обнаруживается семантическая связь иного плана. Так, например, регулярными ассоциатами слова *зима* являются *холод, снег, лед, коньки, санки, снежная баба* и т. п. [12, с. 220]. Не вызывает сомнения наличие семантической связи между ассоциатами и ассоциантом, однако осуществляется она не на уровне ядерных сем.

В ассоциативных парах типа *зима — снег*, *зима — холод* лексемы семантически связаны по принципу «ядро — периферия»: в семантической структуре лексемы *зима* представлены периферийные признаки ‘вид осадков’ и ‘температурный режим’, выступающие в качестве ядерных в лексемах *снег* и *холод* соответственно. В свою очередь, в семантической структуре ассоциатов представлен периферийный признак ‘время года’, ядерный для лексемы *зима*. Т.И. Плужникова предлагает назвать такие группы слов (совокупности ассоциатов, семантически связанных с исходным словом по принципу «ядро — периферия») *ассоциативно-тематическими группами* [13, с. 166], нам же представляется более точным термин *ассоциативно-семантическая группа* (АСГ). Такая парадигма представляет собой совокупность лексем, обозначающих понятия, объединенные причинно-следственными связями и наряду с этим имеющие в семантической структуре одинаковые семы, которые находятся в особого рода отношениях: ядерные семы исходного слова (*кауземы*) коррелируют с периферийными семами членов парадигмы (*рефлексем*). В свою очередь, семы, представленные как ядерные в семантической структуре рефлексем, находятся на периферии семантической структуры кауземы [14].

В ходе дальнейшего исследования возникла необходимость уточнить определение АСГ. Вызвано это прежде всего тем, что на сегодняшний день в лингвистике нет единого принципа разграничения элементов, образующих ядро и периферию лексического значения. Так, Ю.С. Маслов полагает, что «ядро составляет у большинства знаменательных слов мыслительное отображение того или иного явления действительности, предмета (или класса предметов) в широком смысле (включая действия, свойства, отношения и т. д.)» [15, с. 99]. По мнению И.А. Стернина, «ядро значения образуют постоянные, существенные, яркие, частотные семантические компоненты» [16, с. 40]. Кроме того, существует и такая точка зрения, согласно которой ядром значения является архисема [17].

Анализ семантических корреляций лексем, относящихся к разным ассоциативным и семантическим полям, также подтвердил необходимость уточнения дефиниции упомянутой парадигмы. Исследование показало, что корреляция членов ассоциативно-семантических групп осуществляется на уровне гипер- и гипосем. Иными словами, АСГ, являясь частью ассоциативного поля, как и любая другая лексическая парадигма, включает в себя грамматически однородные лексемы (слова одной части речи), в семантической структуре которых представлены одинаковые элементы. При этом гиперсема исходного слова (*кауземы*) в семантической структуре ассоциатов (*рефлексем*) репрезентирует дифференциальный семантический признак, то есть выступает в роли гипосемы, и, наоборот, родовые семы рефлексем в составе кауземы являются семами видовыми. Так, лексема *зима* как член лексико-семантической группы (ЛСГ) «времена года» содержит дифференциальные значения ‘холод’, ‘стужа’, ‘снег’, ‘снегопад’, ‘декабрь’, ‘спячка’ и т. п., посредством которых она противопоставляется другим членам ЛСГ. Соответственно, для репрезентирующих данные семы лексем *холод*, *стужа*, *снег*, *снегопад*, *декабрь*, *спячка*, образующих АСГ, дифференциальным компонентом является сема ‘зима’.

В лексическом значении слова *утро* выделяются гипосемы ‘рассвет’, ‘заря’, ‘завтрак’, ‘заморозок’, ‘роса’ и т. п., в значениях слов *рассвет*, *заря*, *завтрак*, *заморозок*, *роса*, образующих АСГ «утро», — дифференциальная сема ‘утро’.

Таким образом, дальнейшее изучение ассоциативно-семантических групп будет способствовать более глубокому осмыслению принципов формирования лексическо-семантических парадигм, а также механизма взаимодействия единиц лексической системы.

Библиографический список

1. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: УРСС Эдиториал, 2007. 257 с
2. Слобин Д., Грин Д. Психоллингвистика / пер. с англ. Е.И. Негневицкой; под ред. А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1976. 336 с.

3. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 279 с.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. 272 с.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. л-ры, 1955. 416 с.
6. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1983. 415 с.
7. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Шеболева И.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Часть I. М.: Академия, 2014. 480 с.
8. Психологічний словник / За ред. В.І. Войтка. К.: Вища школа, 1982. 216 с.
9. Цыганова В.Н. Синонимический ряд // Очерки по синонимике современного русского литературного языка / отв. ред. А.П. Евгеньева. М.; Л., 1966. С. 167–184.
10. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1973. 290 с.
11. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 222 с.
12. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т.1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, [и др.]. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
13. Плужникова Т.И. Ассоциативно-тематические группы как элемент языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы II Междунар. науч. конф. 7–9 апр. 1999 г., Минск: в 3 ч. Ч. 1 / отв ред. М. Прохорова. Минск: БГУ, 1999. С. 166–172.
14. Слива Т.В. Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке). Киев: Изд-во НПУ имени М.П. Драгоманова, 2011. 272 с.
15. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2006. 304 с.
16. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 138 с.
17. Буряковская В.А. Признак этничности в семантике языка : На материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 209 с.

References

1. Sossyur F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of general linguistics]. M.: URSS Editorial, 2007. 257 p. [in Russian].
2. Slobin D., Grin D. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Translation from English by E.I. Negnevitskaya. Edited by A. A. Leontiev. M.: Progress, 1976, 336 p. [in Russian].
3. Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of vocabulary]. M., 1973, 279 p. [in Russian].
4. Novikov L.A. *Semantika russkogo iazyka* [Semantics of the Russian language]. M., 1982. 272 p. [in Russian].
5. Balli Sh. *Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka* [General linguistics and French language questions]. M.: Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1955, 416 p. [in Russian].
6. Fomina M.I. *Sovremennyi russkii iazyk. Leksikologiya* [Modern Russian language. Lexicology]. M.: Vysshaya shkola, 1983, 415 p. [in Russian].
7. Dibrova E.I., Kasatkin L.L., Scheboleva I.I. *Sovremennyi russkii iazyk. Teoriia. Analiz iazykovykh edinit* [Modern Russian language. Theory. The analysis of language units]. Part 1. M.: Akademiia, 2014, 480 p. [in Russian].
8. *Psikhologichnyi slovnyk* [Psychological dictionary]. Edited by V.I. Voitko. K.: Vyischa shkola, 1982, 216 p. [in Ukrainian].
9. Tsyganova V.N. *Sinonimicheskii riad* [Synonymic Row]. In: *Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Essays on synonymy of modern Russian literary language]. A.P. Evgenieva (Ed.). M.-L., 1966, pp. 167-184 [in Russian].
10. Novikov L.A. *Antonimiia v russkom iazyke* [Antonymy in the Russian language]. M.: Izdatelstvo MGU, 1973, 290 p. [in Russian].
11. Miller E.N. *Priroda leksicheskoi i frazeologicheskoi antonimii* [Nature of lexical and phraseological antonymy]. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 1990, 222 p. [in Russian].

12. *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary]. Yu.N. Karaulov [et al](Ed.). M.: ООО «Izdatelstvo Astrel»: ООО «Izdatelstvo AST», 2002, 784 p. [in Russian].
13. Pluzhnikova T.I. *Assotsiativno-tematicheskie gruppy kak element iazykovoï kartiny mira* [Associative-thematic groups as a part of the linguistic world-image] // *Natsionalno-kulturnyyi komponent v tekste i yazyke: Materialy i II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [National-cultural component in the text and language: Materials of the II International scientific conference]. M. Prokhorova (Ed.). Mn.: BGU, 1999, pp. 166–172 [in Russian].
14. Sliva T.V. *Assotsiativno-semanticheskaia gruppy kak forma paradigmaticheskoi organizatsii leksiki (na materiale nazvanii sezonov v russkom iazyke)* [Associative-semantic group as a form of paradigmatic organization of vocabulary (based on the titles of seasons in the Russian language)]. K.: Izdatelstvo NPU imeni M.P. Dragomanova, 2011, 272 p. [in Russian].
15. Maslov Yu.S. *Vvedenie v iazykoznanie* [Introduction to linguistics]. SPb: Filologicheskii fakultet SPbGU; M.: Izdatelskiy tsentr «Akademiya», 2006, 304 p. [in Russian].
16. Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of the word in speech]. Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta, 1985, 138 p. [in Russian].
17. Buryakovskaya V.A. *Priznak etnichnosti v semantike iazyka: Na materiale russkogo i angliiskogo iazykov :dis. ... kand.filol. nauk* [The feature of ethnicity in the semantics of language: based on the material of the Russian and English languages: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Volgograd, 2000, 209 p. [in Russian].

T.V. Sliva*

ASSOCIATIVE-SEMANTIC GROUP: TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE PARADIGM

The article is dedicated to the analysis of the research in the field of lexical-semantic paradigmatic. Paradigmatic relations (homonyms, synonyms, antonyms, hyper-hyponymy, meronymy, etc.) are considered to be as relationship built on semantic associations. The typology of given associations is defined, their role in the formation of lexical paradigms, as well as in the formation of figurative word meaning is revealed. Particular attention is paid to the associative-semantic group: the possibility of the existence of such a paradigm, the principle of its formation is described, various approaches to its definition are examined. Further research in this area will contribute to profound understanding of the principles of formation of lexical-semantic paradigms, as well as to the mechanism of interaction among the units of lexical system.

Key words: lexical-semantic paradigm, association, associative-semantic group, *kauzeme*, reflexeme, hyperseme.

Статья поступила в редакцию 08/VI/2016
The article received 08/VI/2016.

---

* *Sliva Tatiana Vasilievna* (latushko.tanya@mail.ru), Department of Russian Language, M.P. Dragomanov National Pedagogical University, Kiev, 01601, Ukraine.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УРБАНОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ)

В статье рассматривается история появления в ономастическом пространстве Российской Федерации названий жилых комплексов. Автор относит данный тип собственных имен к одной из разновидностей урбанонимов – ойкодомонимам. Названия жилых комплексов выполняют не только адресную, но и рекламную функции, поэтому они занимают промежуточное положение между классическими урбанонимами и рекламными именами. Названия жилых комплексов возникают в результате искусственной номинации; они отражают вкус номинаторов, не ограниченный юридическими нормами. Автор анализирует структуру названий жилых комплексов, выделяет в них две части: урбанонимический термин и онимическую часть. В российских городах преобладают два урбанонимических термина: *жилой комплекс* и *микрорайон*. Автор выделяет 3 основных принципа номинации жилых комплексов: указание на расположение объекта, отражение особенностей внешнего вида, подчеркивание престижности объекта. Отмечается необходимость выработки общих принципов создания и экспертизы названий жилых комплексов.

Ключевые слова: ономастика, собственное имя, городское онимическое пространство, урбаноним, ойкодомоним.

Начало 2000-х гг. характеризуется активизацией процессов номинации как классических (улиц, проспектов, площадей и т. п.), так и новых типов городских объектов. В указанный период появились разряды собственных имен, не представленные ранее в российском ономастиконе. Анализ их становления, безусловно, представляет интерес, поскольку позволяет судить о существующих языковых вкусах номинаторов, не отягощенных предшествующей традицией и сложившимися ономастическими стереотипами. К числу собственных имен, формирование которых позволяет судить об ономастических представлениях современного общества, относятся и *названия жилых комплексов*.

До начала 2000-х гг. в российском ономастиконе практически не были представлены названия зданий. Показательно, что термин *ойкодомоним*, предназначенный для обозначения подобных онимов, впервые был зафиксирован лишь во 2-м издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [1, с. 88]. Первые статьи, посвященные данному разряду урбанонимов, также появились лишь в 1980–1990-е гг. [2; 3]. Как показал наш анализ [4], термин *ойкодомоним* вводился Н.В. Подольской для обозначения исторических названий зданий и сооружений, функционирующих в текстах путеводителей, исследованиях по архитектуре, искусству, истории.

---

* © Разумов Р.В., 2016

Разумов Роман Викторович (rvrazumov@list.ru), кафедра русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108.

Экономические преобразования 1990–2000-х гг. привели к началу строительства зданий и комплексов зданий по индивидуальным проектам. Это обусловило начало формирования нового типа собственных имен – названий жилых комплексов. На наш взгляд, для обозначения данного типа онимов может быть использован термин *ойкодомоним*.

Впервые к рассмотрению названий жилых комплексов мы обратились в 2006 г. [5] на заре формирования данного типа собственных имен. Интересно, что параллельно с нами данный тип онимов был рассмотрен и волгоградской исследовательницей М.Я. Выходцевой [6]. Впоследствии названия жилых комплексов рассматривались Т.П. Соколовой [7].

Цель настоящей статьи – описать основные тенденции развития названий жилых комплексов. Материал для исследования был собран в специализированных изданиях и на интернет-сайтах о недвижимости. Большинство проанализированных онимов зафиксировано в Москве, поэтому название этого города нами не указывается; во всех остальных случаях мы будем упоминать название населенного пункта, в котором создан урбаноним.

Группа названий жилых комплексов начала формироваться в начале 2000-х гг. Первоначально подобные собственные имена появились в Москве и Санкт-Петербурге, затем они стали создаваться в провинции. Наиболее широко названия жилых комплексов представлены в двух российских столицах. По данным Т.П. Соколовой, на ноябрь 2004 г. в Москве было зафиксировано около 300, а на февраль 2010 г. – около 900 онимов [7, с. 364]. По нашим данным, в Ярославле в мае 2006 г. существовало 11 подобных названий, а в мае 2016 г. – 64 онима. Возникновение названий жилых комплексов не связано с онимическим типом населенного пункта (о типологии онимических систем см. [8]). Например, в Ярославской области подобные онимы представлены лишь в Ярославле, но не зафиксированы в Рыбинске, который также имеет статус большого города. В Московской области и Краснодарском крае названия жилых комплексов зафиксированы не только в больших, но и в малых городах. Например, в Геленджике, имеющем статус малого города, отмечено более 20 подобных топонимов.

Названия жилых комплексов возникают в результате процесса искусственной номинации, поэтому в них отражается ономастический вкус номинаторов, в качестве которых выступают сотрудники строительных компаний, рекламных и нейминговых агентств. Создание подобных онимов не регламентируется какими-либо юридическими документами, не требует предварительных согласований, экспертиз, а также регистрации в органах исполнительной и законодательной власти. Например, ни одно из названий жилых комплексов в Ярославле не рассматривалось на заседаниях местной топонимической комиссии, так как подобная процедура не предусмотрена действующим муниципальным и федеральным законодательством.

Основная сфера использования названий жилых комплексов – рекламные сообщения в средствах массовой информации, специализированных изданиях о недвижимости, на интернет-сайтах. Создатели подобных собственных имен используют их для формирования у потенциального потребителя желания приобрести такую недвижимость: *«Действительно, красивое, не похожее на другие название дома продолжает использоваться жильцами и надолго входит в обиход. Приятно думать, что ты живешь не просто в доме по конкретному адресу, а в доме с ярким поэтическим названием»* (выделено мной. – Р.В.), *и с гордостью сообщать об этом друзьям»* [9].

Названия жилых комплексов занимают пограничное место в ономастическом пространстве, поскольку выполняют как адресную, так и рекламную функции. Включение указанных названий в адресные базы данных, употребление в качестве ориенти-

ров в городском пространстве сближает их с урбанонимами. Активное использование при создании подобных урбанонимов разнообразных моделей рекламной номинации (наличие в структуре онимической части метафорических названий, прецедентных онимов, слов с положительной семантикой и др.), преимущественное функционирование в рекламных текстах сближает их с другими рекламными именами.

Названия жилых комплексов состоят из двух частей: урбанонимического термина и собственно онимической части.

Первая часть названия – **урбанонимический термин** – указывает на статус строения. Для его обозначения номинаторами используются два основных наименования: *жилой комплекс* (далее – ЖК) и *микрорайон*. Урбанонимический термин может быть расширен за счет введения в его состав дополнительных компонентов: *элитный жилой комплекс*, *жилой комплекс бизнес-класса*, *жилой комплекс клубного типа* и др. Прочие наименования (*жилой дом*, *апартаменты*, *клубный дом* и др.) встречаются реже и фиксируются преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге. Интересно, что в Москве нами отмечены случаи появления искусственных терминов, придуманных в строительных фирмах: *веллхаус* (*Веллхаус на Дубровке* и *Веллхаус на Ленинском*) и *мортонград* (*мортонград Бутово* и *мортонград Путилково*). Основной урбанонимический термин может сочетаться с другим урбанонимическим термином, введенным в онимическую часть названия. В качестве дополнительного наименования используются слова *дом* (ЖК «*Венский дом*»), *квартал* (ЖК «*Английский квартал*»), *парк* (ЖК «*Магнолия Парк*»), *посад* (ЖК «*Воронцовский посад*»), *усадьба* (ЖК «*Тихвинская усадьба*»), *плаза* (ЖК «*Тверская плаза*»), *палаты* (ЖК «*Палаты Муравьевых*»), *слобода* (ЖК «*Арбатская слобода*», Коломна), *хаус* (ЖК «*Аркада-хаус*») и др. Собранные нами материалы показывают, что количество названий жилых комплексов с дополнительным термином в онимической части постепенно сокращается.

Онимическая часть названия необходима для выполнения онимом различительной функции. Анализ собранного языкового материала позволил выделить 3 основных принципа создания названий.

Во-первых, онимический компонент названия может указывать на **особенности расположения жилого комплекса**. Эта функция названия, как правило, реализуется через указание на другой, уже известный городской объект: улицу (ЖК «*Московская слобода*» ← Московский проспект, Ярославль), район (ЖК «*Крылатские огни*» ← микрорайон Крылатское), парк (ЖК «*Покровский берег*» ← парк Покровское-Стрешнево); поселок (ЖК «*Барвиха Хиллс*» ← поселок Барвиха), станцию метро (ЖК «*Чкаловский*» ← станция метро «Чкаловское», Санкт-Петербург), значимый городской объект (ЖК «*Златоустье*» ← церковь Иоанна Златоуста, Ярославль) и др. Иногда попытки трансформировать исходный оним в название жилого комплекса приводят к возникновению неудачных названий, провоцирующих ономастические конфликты. В качестве примера подобных онимов Т.П. Соколова приводит названия ЖК «*Патриарх*» (расположен рядом с Патриаршими прудами) и ЖК «*Katrin House*» / «*Катрин-Хаус*» (дом расположен на улице Екатерины Будановой, название увековечивает память о летчице, Герое России, участнице Великой Отечественной войны) [10, с. 117].

Указание на местоположение жилого комплекса может осуществляться через апелляцию номинатора к фоновым знаниям горожанина (ЖК «*Академия Люкс*» и ЖК «*Академия Палас*» ← проспект Вернадского; ЖК «*Премьер*» ← улица Косыгина). Для этого в онимической части могут использоваться разнообразные прецедентные имена: ЖК «*Гусарская баллада*» ← микрорайон Фили; ЖК «*Каменный цветок*» ← улица Бажова и др.

Анализ времени появления названий жилых комплексов показывает, что доля онимов-указателей среди урбанонимов Москвы постепенно увеличивается. Одной из причин отмеченной тенденции является удобство их использования в качестве адресного объекта. Правда, следует отметить, что в провинциальных городах количество подобных онимов сравнительно невелико.

Во-вторых, онимический компонент может отражать **особенности внешнего вида здания**. Обычно в названии жилого комплекса подчеркивается высота здания: ЖК «*Высокий берег*» (Екатеринбург), ЖК «*Доминанта*», ЖК «*Вертикаль*», а также его расположение в окружении зеленых насаждений: ЖК «*Яблоневый посад*» (Ярославль), ЖК «*Изумрудная долина*» и др. Особенности жилого комплекса могут обыгрываться и при помощи метафорических названий: ЖК «*Алые паруса*» (комплекс расположен на берегу реки, стены зданий имеют розовый цвет), ЖК «*Голубой топаз*» (Ярославль, стены зданий комплекса окрашены в синий цвет), ЖК «*Авангард*» (в названии отражена необычная для подобных сооружений окраска стен зданий). Заметим, что количество подобных онимов во всех городах сравнительно невелико. Анализ времени создания названий жилых комплексов показывает, что их количество постепенно сокращается.

В-третьих, онимическая часть может **подчеркивать престижность объекта**: информировать потенциального потребителя о его высоком статусе, создавать положительный облик. Этот эффект достигается с помощью введения в состав онимической части традиционных для рекламных имен слов *золото* (ЖК «*Золотая гавань*», Санкт-Петербург; ЖК «*Золотая набережная*», Псков), *серебро* (ЖК «*Серебряные зеркала*», Санкт-Петербург), *звезда* (ЖК «*Звезда Фабрициуса*»; ЖК «*Новая звезда*»); *новый* (ЖК «*Новая Звезда*»; ЖК «*Новый дом в Сокольниках*») и др. Созданию благоприятного впечатления помогает использование лексики с семантическими компонентами 'растительный мир' (ЖК «*Кедры*»; ЖК «*Калина*»); 'драгоценный камень' (ЖК «*Голубой топаз*», Ярославль; ЖК «*Малахит*»); 'эталон, образец' (ЖК «*Парадный квартал*», Санкт-Петербург; ЖК «*Петроградский эталон*», Санкт-Петербург). Необходимо отметить и широкое употребление в подобных именах собственных экзотизмов и варваризмов: ЖК «*Авеню, 77*»; ЖК «*Apart Ville Fitness & Spa Resort*», ЖК «*Course House*», ЖК «*Petrovsky Apart House*», ЖК «*Ля Дефанс*», микрорайон «*Сакраменто*» (все — Москва), ЖК «*Ле Грандъ*» (Санкт-Петербург) и историзмов (ЖК «*Палаты Муравьевых*» и др.). Анализ времени появления названий показывает, что и в Москве, и в провинции количество названий, содержащих неосвоенные заимствования, устаревшую лексику, постепенно сокращается.

Престижность жилого комплекса может подчеркиваться с помощью использования разнообразных прецедентных имен: антропонимов (ЖК «*Багратион*», ЖК «*Люмьер*», ЖК «*Александр Невский*», ЖК «*Утесов*» и др.), топонимов (ЖК «*Солнечный берег*», ЖК «*Лазурный берег*» и др.), ойкодомонимов (ЖК «*Ласточкино гнездо*», ЖК «*Трианон*», ЖК «*Эльсинор*» и др.), названий литературных произведений и кинофильмов (ЖК «*Дворянское гнездо*», ЖК «*Синяя птица*» и др.), имен литературных героев (ЖК «*Онегин*», ЖК «*Ассоль*» и др.). Использование в качестве названий для жилого комплекса прецедентных имен обуславливает необходимость введения в текст рекламы дополнительной информации, мотивирующей его выбор: «*Величественность образа и монументальность идеи, гармоничный силуэт и чистота линий, поэзия современной архитектуры, вобравшая в себя наследие эпохи Возрождения — это жилой комплекс “Леонардо” — яркий архитектурный ансамбль на Юго-Западе Москвы*»; «*“Живу в Онегине” — такой визитной карточки будет достаточно, чтобы раз и навсегда обозначить свое положение в свете. Высокое положение*» [9].

Требуется дальнейшее проведение комплексного исследования названий жилых комплексов с тем, чтобы выявить особенности в их номинации в различных городах

и регионах. Необходимо выработать общие принципы их создания и экспертизы, рассмотреть возможность предварительного рассмотрения подобных онимов в городских топонимических комиссиях.

Библиографический список

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. 192 с.
2. Подольская Н.В. Имена внутри и около города // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия – памятники культуры» (17–20 апреля 1989 г.). М., 1989. С. 69–70.
3. Подольская Н.В. Названия зданий – часть городской культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Кн. 1. Ч. 1. М., 1993. С. 134–140.
4. Разумов Р.В. Ойкодомонимы: место в ономастическом пространстве // Восточно-украинский лингвистический сборник им. Е.С. Отина: сборник научных трудов. Вып. 1 (16). Донецк, 2016. С. 150–160.
5. Разумов Р. В. Названия жилых комплексов – новая разновидность урбанонимов // Ономастика Поволжья: материалы X международной конференции. Уфа, 2006. С. 160–163.
6. Выходцева М.Я. Названия жилых комплексов на ономастической карте города // Ономастика Поволжья: материалы X международной конференции. Уфа, 2006. С. 123–125.
7. Соколова Т. П. Тенденции эргонимической номинации // Ономастика Поволжья: сборник материалов XII международной научной конференции. Казань, 2010. С. 364–367.
8. Разумов Р.В. Типология городских онимических систем Российской Федерации // Региональная ономастика: Проблемы и перспективы исследования. Витебск, 2016. С. 31–34.
9. Как и для чего строящимся домам присваиваются имена? URL: <http://www.mr7.ru/articles/52905/> (дата обращения: 04.01.2013)
10. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство. М., 2016. 208 с.

References

1. Podolskaia N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [A Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, 1988, 192 p. [in Russian].
2. Podolskaia N.V. *Imena vnutri i okolo goroda* [Names in and around the city]. In: *Vsesoiuznaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia «Istoricheskie nazvaniia – pamiatniki kul'tury» (17–20 apreliia 1989 g.): tezisy dokladov i soobshcheniia* [All-Union scientific-practical conference “Historical names – cultural monuments” (17–20 April 1989)]. Moscow, 1989, pp. 69–70 [in Russian].
3. Podolskaia N.V. *Nazvaniia zdanii – chast' gorodskoi kul'tury* [Names of the buildings – a part of urban culture]. In: *Materialy k serii «Narody i kul'tury». Vyp. XXV. Onomastika. Kn. 1. Ch. 1* [Materials for the series “Peoples and cultures”. Vol. XXV. Onomastics. Book 1. Part. 1]. Moscow, 1993, pp 134–140 [in Russian].
4. Razumov R.V. *Oikodomonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve* [Oikodomonym: its place in onomastic space]. *Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik im. E.S. Otina: sbornik nauchnykh trudov* [East-Ukrainian collection of linguistic papers named after E.S. Otin: collection of scientific papers]. Vol. 1(16). Donetsk, 2016, pp. 150–160 [in Russian].
5. Razumov R.V. *Nazvaniia zhilykh kompleksov – novaia raznovidnost' urbanonimov* [Names of residential complexes – a new kind of urbanonyms]. In: *Onomastika Povolzh'ia: materialy X mezhdunarodnoi konferentsii* [Onomastics of the Volga region: proceedings of the X international conference]. Ufa, 2006, pp. 160–163 [in Russian].
6. Vykhotseva M.Ia. *Nazvaniia zhilykh kompleksov na onomasticheskoi karte goroda* [Names of residential complexes on the onomastic map of the city]. In: *Onomastika Povolzh'ia: materialy X mezhdunarodnoi konferentsii* [Onomastics of the Volga region: proceedings of the X international conference]. Ufa, 2006, pp. 123–125 [in Russian].
7. Sokolova T.P. *Tendentsii ergonimicheskoi nominatsii* [Ergonymic nomination trends]. In: *Onomastika Povolzh'ia: sbornik materialov XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*

[Onomastics of the Volga region: The collection of materials of XII international scientific conference]. Kazan, 2010, pp. 364–367 [in Russian].

8. Razumov R.V. *Tipologiya gorodskikh onimicheskikh sistem Rossiiskoi Federatsii* [Typology of city onymic systems of the Russian Federation]. In: *Regional'naiia onomastika: Problemy i perspektivy issledovaniia* [Regional onomastics: Problems and prospects of research]. Vitebsk, 2016, pp. 31–34 [in Russian].

9. *Kak i dlia chego stroiashchimsia domam prisvaivaiutsia imena?* [How and why newly built houses are given names]. Retrieved from: <http://www.mr7.ru/articles/52905/> (accessed 04.01.2013) [in Russian].

10. Sokolova T.P. *Neimingovaia ekspertiza: organizatsiia i proizvodstvo* [Naming expertise: organization and performance]. Moscow, 2016, 208 p. [in Russian].

R.V. Razumov*

DYNAMIC PROCESSES IN URBANONYMIC NOMINATION (WITH REFERENCE TO NAMES OF RESIDENTIAL COMPLEXES)

The article considers the origin of names for residential complexes in Russian onomastic space. The author treats this type of proper names as a variation of urbanonyms – oikodomonims (names of buildings). The names of residential complexes have not only an address function but also an advertising one thus occupying an intermediate position between classical urbanonyms and advertising names. The author notes that residential complexes acquire names as a result of artificial nomination reflecting the taste of the nominators and not limited by any legal rules. The author analyses the structure of the names dividing them into two parts: urbanonymic term and onymic part. It is noted in the article that the two urbanonymic terms prevailing in Russian cities are *residential complex* and *residential district*. The author indicates 3 main principles in naming residential complexes: location of the object, features of exterior appearance, prestigiousness of the object. The necessity of designing general principles for naming residential complexes and the expertise of the names is mentioned in the article.

Key words: onomastics, proper name, city onymic space, urbanonym, oikodomonim (names of buildings).

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* Razumov Roman Viktorovich (rvrazumov@list.ru), Department of the Russian Language, K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl, 108, Respublikanskaya street, Yaroslavl, 150000, Russian Federation.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОСНОВНЫЕ ЦВЕТА

В статье представлен фрагмент предварительных выводов, полученных при анализе слов, принадлежащих одному лексико-семантическому полю, с точки зрения их словообразовательных возможностей и лексико-семантического потенциала. Выявлено, что гнезда цветowych прилагательных имеют различный состав производных: от 8 (*оранжевый*) до 145 (*красный*). Установлено, что наиболее продуктивными способами в образовании производных в гнездах цветowych прилагательных являются суффиксация, сложение и сращение; основное значение (значение цвета) остается преобладающим в гнездовых производных прилагательных. В статье отмечено, что набор производных по их частеречной принадлежности может быть разным, но имеет сходную модель образования слов той или иной части речи; словообразовательные модели, выбор словообразовательных формантов зависят от принадлежности слова лексико-семантическому разряду.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, цветообозначение, словообразовательная парадигма, частотность употребления.

Среди средств языка, отражающих менталитет народа и его духовную культуру, особое место занимают слова-цветообозначения. Интерес к проблеме цветовой символики обусловлен поворотом лингвистики к содержательной стороне языка. В системе языка цветowe прилагательные представляют наиболее структурированный фрагмент лексического строя, в течение многих десятилетий привлекающий внимание исследователей при решении таких центральных проблем языкознания, как соотношение универсального и специфического, общего и индивидуального. Предметом нашего исследования является группа слов, называющих семь основных цветов. Выбор именно этих прилагательных в качестве объекта исследования объясняется рядом их важных качеств, таких как древность происхождения, активность функционирования в языке, способность к созданию новых экспрессивно-образных значений.

В современной лингвистике описаны разные виды структурно-семантических отношений между словами одного корня (одного гнезда), «...выявилась перспективность сопоставительного изучения близких и тождественных по семантике словообразовательных структур» [1, с. 13]. Теоретическое осмысление проблем гнездования только начинается. Изучаются перспективы гнездования в русской лексикографии, делаются попытки описания роли гнезд в системной организации русской лексики. Явление гнездования слов в тексте привлекает внимание исследователей: «Словообразовательные последовательности разных типов являются значимыми средствами формирования словообразовательной текстовой связности, потому что объединяют сходные в семантическом и структурном отношении слова как элементы разных предложений в тексте в силу наличия системно-языковых словообразовательных отношений между ними. Это способствует формированию тематической и коммуникативной перспективы текста, его ассоциативно-смыслового фона, а также повышает экспрессивность текстовых фрагментов» [2, с. 35].

* © Веселкова Т.В., 2016

Веселкова Татьяна Вячеславовна (kuznesova.08@mail.ru), кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Одной из центральных проблем становится выявление специфики гнезд разного типа. На сегодняшний день имеется большое количество научных работ, в которых проводится анализ гнезда в словообразовательном аспекте, в меньшей степени гнездо изучено в лексико-семантическом плане.

В настоящее время в языкознании нет общепринятого определения гнезда. В предложенных лингвистами дефинициях термина «гнездо» репрезентированы лишь некоторые, иногда противоречивые, характеристики данной языковой единицы, которая понимается то как «группа однокоренных слов» [3], «группа слов, происходящих от одного корня или объединяемых современными морфологическими или семантическими связями» [4, с. 109], то как «группировка слов, обладающих общностью корня или аффикса» [5, с. 261], «совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями производности» [6, с. 307] или «комплексная единица словообразования, разными своими сторонами повернутая к лексике, морфемике, деривации» [7]. В современной лингвистике становится очевидным, что словообразовательное гнездо нужно рассматривать как совокупность лексических единиц. Так, с точки зрения А.И. Моисеева, словообразовательные и лексические уровни взаимосвязаны, связь между ними взаимообусловленная и двунаправленная: слова «входят» в словообразование как его производящие и «выходят» из словообразования как производные [8, с. 75–95]. В связи с этим семантическая структура производного слова (главного элемента словообразовательного гнезда) определяется его словообразовательным и лексическим значением. Сказанное позволяет предположить, что гнездо – система семантической и словообразовательной деривации, так как анализ структуры и семантики словообразовательных гнезд невозможен без описания словообразовательных и лексических значений их составляющих. И.А. Ширшовым для этого типа гнезд введено понятие «лексико-словообразовательное гнездо», где словообразовательное гнездо опирается на лексическое гнездо. По мнению ученого, все мотивированное в лексическом гнезде должно найти отражение в плане формальной выводимости в словообразовательном гнезде. Разумеется, это не просто соединение или наложение двух гнезд: лексического и словообразовательного. Очевидно, что «в данном случае гнездо предстает как структурно-семантическое целое, в котором смысловые отношения между словами представлены на фоне их структурных связей, а семантический и деривационный аспекты сливаются неразрывно» [9, с. 14]. Представляется, что наиболее полным будет определение гнезда «как группы слов, имеющих общий корень (в т. ч. и супплетивный) или аффикс и упорядоченных морфологическими, лексическими, словообразовательными, деривационными или другими связями» [10, с. 139].

Гнезда цветowych прилагательных имеют различный состав производных: *голубой* – 42, *желтый* – 113, *зеленый* – 98, *красный* – 145, *оранжевый* – 8, *синий* – 130, *фиолетовый* – 13. Наименьшее число производных содержат гнезда прилагательных *оранжевый* (8) и *фиолетовый* (13). Данный факт можно объяснить тем, что эти прилагательные заимствованы из других языков и образованы от иноязычных корней с помощью русских суффиксов. По-видимому, эти гнезда еще переживают свою историю. Таким образом, словообразовательный потенциал прилагательных цветообозначений разный. Мы выявили, что наибольшее количество производных слов в тех гнездах, которые возглавляют наиболее употребительные в речи слова, обладающие неограниченной сочетаемостью (со свободными лексическими значениями) с другими словами.

Производные слова в составе большинства гнезд образованы различными способами. Как показывает наше исследование, наиболее продуктивными способами в образовании производных в гнездах цветowych прилагательных являются суффиксация, сложение и сращение. Другие способы словообразования менее активны, как правило, характерны для образования производных слов определенной части речи. Например, префиксация больше проявляет себя в образовании глаголов. Префиксация в сочетании с суффиксацией характерна для образования наречий. Префиксация в сочетании с суффиксацией и постфиксацией характерна для образования глаголов. Субстантивация характерна только для некоторых цветowych прилагательных, а именно для тех, которые наиболее употребительны в речи. Сочетаемость цветowych прилага-

тельных с другими словами дает широкие возможности для таких способов образования, как сложение и сращение в образовании сложных слов.

Гнезда с большим числом производных в своем составе имеют также и большее разнообразие этих производных по частеречной принадлежности. В отдельных гнездах (обычно с малым количеством в них производных) отсутствуют те или иные части речи (т. е. их позиция не востребована). Например, в гнезде с исходным прилагательным *фиолетовый* (общее количество производных – 13) – всего одно наречие, два прилагательных, а остальные сложные слова, относящиеся к именам прилагательным.

Результаты исследования отражают представленные цифровые выражения, которые позволяют сравнить состав производных по частеречной принадлежности не только внутри конкретного гнезда, но и в сопоставлении с другими гнездами (см. таблицу).

Таблица

Частеречный состав производных в гнездах цветowych прилагательных

Непроизводное слово	Количество производных по частеречной принадлежности					
	Имя существительное	Сложное имя существительное	Имя прилагательное	Сложное имя прилагательное	Глагол	Наречие
голубой	10	-	3	24	3	2
желтый	32	13	10	31	21	6
зеленый	20	1	7	35	24	11
красный	29	15	11	72	8	10
оранжевый	-	-	1	6	-	1
синий	43	7	11	30	35	4
фиолетовый	-	-	2	10	-	1

Как правило, образование той или иной части речи в гнездах цветowych прилагательных происходит либо посредством одного и того же форманта (например: *краснеть*, *зеленеть*, *желтеть* и т. п.), либо разных, придающих словам одно и то же словообразовательное значение (например: *желтизна*, *синева*, *краснота* и т. п.). Таким образом, речь идет о словообразовательных парадигмах с близким набором производных в них, которые составляют одну типовую парадигму, характерную для слов, относящихся к одному и тому же лексико-семантическому полю. В итоге набор производных по их частеречной принадлежности может быть разным, но иметь сходную модель образования слов той или иной части речи; словообразовательные модели, выбор словообразовательных формантов зависят от принадлежности слова лексико-семантическому разряду. Это может быть лексико-семантическая группа или подгруппа внутри нее.

Словообразовательное гнездо составляют слова, имеющие общий смысловой элемент, материальным выразителем которого является корень. Но семантические связи между однокорневыми словами в гнезде разнообразны. К одному и тому же производному слову нередко протягиваются смысловые нити от разных слов. Таким образом, семантика тех или иных слов удаляется от их первичного значения (особенно это касается производных различных частей речи), и они приобретают оттенок нового смысла.

Относительно гнездовых (производных) прилагательных следует отметить, что они образуют прежде всего формы оценки исходного прилагательного, как правило, однозначные. Очевидно, значение суффиксов препятствует наследованию переносных значений производящего слова, а новые переносные значения не развиваются, поскольку это синтаксические дериваты.

Лексические значения (далее – ЛЗ) прилагательных с суффиксом *-еньк-* равны словообразовательным значениям (далее – СЗ) «уменьшительно-ласкательный к исходному прилагательному», *голубенький* «уменьшительно-ласкательный к прилагательному *голубой*», аналогично *желтенький*, *зелененький*, *красненький*, *синенький*; ЛЗ

прилагательных с суффиксами -ист-, -оват- / -еват- также равны словообразовательным значениям «чуть-чуть, слегка» *голубоватый*, «чуть-чуть, слегка голубой», аналогично *желтоватый, зеленоватый, красноватый, оранжеватый, синеватый*; ЛЗ прилагательных с суффиксами -ехонький- / -ехонький, -ешенький- / -ешенкий- имеют словообразовательное значение «совсем, до максимума», *желтехонький, желтешенький*, «совсем желтый», аналогично *зеленехонький, зеленешенький, краснехонький, краснешенький*. ЛЗ прилагательных с префиксом пре- также равны СЗ «очень», *прекрасный, пресиний* имеют ЛЗ «очень красный», «очень синий».

Следует подчеркнуть, что основное значение (значение цвета) остается преобладающим в гнездовых производных прилагательных.

Очень редко прилагательные приобретают дополнительный оттенок значения. Например, префикс ультра- имеет словообразовательное значение «превышение признака, сверх», прилагательное *ультрафиолетовый* имеет лексическое значение «не видимый глазом, лежащий в спектре за фиолетовым».

Среди сложных прилагательных также можно обнаружить слова, которые несут в себе основной признак по цвету. Например: а) сложные прилагательные, обозначающие оттенки цветов, с первым элементом *темно-, светло-, нежно-*: *светло-голубой, светло-желтый, светло-зеленый, светло-красный, светло-оранжевый, светло-синий, темно-голубой, темно-желтый, темно-зеленый, темно-красный, темно-синий, нежно-голубой, нежно-синий*; б) сложные прилагательные, обозначающие промежуточные цвета и оттенки и образованные от основ двух цветковых прилагательных: *красно-желтый, красно-синий, красно-оранжевый, оранжево-желтый, желто-зеленый, зелено-голубой, сине-зеленый, сине-фиолетовый, фиолетово-синий, оранжево-красный* и т. п.; *краснолицый* — «с красным лицом», *краснокрылый* — «имеющий красные крылья», *голубоглазый* — «с голубыми глазами».

Но есть и такие, которые далеки от основного значения, например: *красноречивый* — «одаренный красноречием».

Таким образом, семантика однозначных производных слов мотивируется как первичными, так и вторичными лексико-семантическими вариантами производящих слов.

Библиографический список

1. Веселкова Т.В. К проблеме изучения синонимических отношений между словообразовательными типами в границах семантико-словообразовательной категории // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 1. С. 12–16.
2. Веселкова Т.В. Многоаспектная методика изучения явления гнездования слов в тексте // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 12–16.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1985. 400 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
5. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999. 261 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
7. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: 2004. 1022 с.
8. Моисеев А.И. Словообразование и лексика // Die Beziehungen der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen: Beiträge zur slavistik; 16. Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang, 1991. С. 7595.
9. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999. 261 с.
10. Веселкова Т.В. Словообразовательные возможности цветковых прилагательных // Перспективные направления развития современной науки: сб. научных работ XV Международной научной конференции Евразийского Научного Объединения (г. Москва, март 2016). М., 2016. С. 139–141.

References

1. Veselkova T.V. *K probleme izucheniia sinonimicheskikh otnoshenii mezhdu slovoobrazovatel'nymi tipami v granitsakh semantiko-slovoobrazovatel'noi kategorii* [On the issue of study of synonymic relations between word-formation types within the boundaries of semantic and word-formation category].

Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Filologiya. Zhurnalistika [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 2015, Vol. 15, no. 1, pp. 12-16 [in Russian].

2. Veselkova T.V. *Mnogoaspektnaia metodika izucheniia iavleniia gnezdovaniia slov v tekste* [Multi aspect method of study of the phenomenon of nesting of words in text]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom iazyke: sb. trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia M.Iu. Lermontova* [Rational and emotional in the Russian language: proceedings of International scientific conference, devoted to the 200 anniversary from the date of birth of M.Yu. Lermontov]. M.: IJU MGOU, 2014, pp. 12-16 [in Russian].

3. Rozental D.E., Telenkova M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlia uchitelei* [Glossary of linguistic terms: textbook for teachers]. M.: Prosveshchenie, 1985, 400 p. [in Russian].

4. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1966, 608 p. [in Russian].

5. Shirshov I.A. *Teoreticheskie problemy gnezdovaniia* [Theoretical problems of nesting]. M.: Prometei, 1999, 261 p. [in Russian].

6. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1990. 682 p. [in Russian].

7. Shirshov I.A. *Tolkovyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory word-formative dictionary of the Russian language]. M., 2004, 1022 p. [in Russian].

8. Moiseev A.I. *Slovoobrazovanie i leksika* [Word formation and vocabulary]. In: *Die Beziehungen der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen: Beitrage zur slavistik*; 16. Frankfurt am Main: Verlag Peter Lang, 1991, pp. 75-95. [in Russian].

9. Shirshov I.A. *Teoreticheskie problemy gnezdovaniia* [Theoretical problems of nesting]. M.: Prometei, 1999, 261 p. [in Russian].

10. Veselkova T.V. *Slovoobrazovatel'nye vozmozhnosti tsvetovykh prilagatel'nykh* [Word-formative possibilities of colour adjectives]. In: *Perspektivnye napravleniia razvitiia sovremennoi nauki: sb. nauchnykh rabot XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Evraziiskogo Nauchnogo Ob"edineniia (g. Moskva, mart 2016)*. [Perspective directions of development of modern science: proceedings of XV International scientific conference of Eurasian Scientific Union (Moscow, March 2016)]. M., 2016, pp. 139-141 [in Russian].

T.V. Veselkova*

DERIVATIONAL AND LEXICAL-SEMANTIC POTENTIAL OF ADJECTIVES, DESIGNATING THE BASIC COLORS

The article presents a fragment of the preliminary conclusions obtained from the analysis of words belonging to one lexico-semantic field with respect to their derivational possibilities and lexico-semantic potential. It is revealed that jacks the color adjectives have a different composition of the derivatives: 8 (orange) to 145 (red). Found that the most productive ways in education, derived in the nests of colour adjectives are suffixation, the addition of fusion; the value (color value) is dominant in the breeding of derived adjectives. The article noted that the set of derivatives according to their part-of-speech affiliation may be different, but has similar model of the formation of words of a particular part of speech; word-formation models, the choice of derivational formants depend on the accessories words lexical-semantic level.

Key words: word-formative nest, colour, derivational paradigm, the frequency of use.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* *Veselkova Tatiana Vyacheslavovna* (kzynecova.08@mail.ru), Department of theory, history of language and applied linguistics, Saratov state University. N.G. Chernyshevsky, 410012, Russian Federation, Saratov, Astrakhanskaya street, 83.

ФУТУР I: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье анализируется одна из самых спорных форм немецкой временной системы – футур I. Характеризуются особенности ее использования, определяется ее семантический статус. Футур I рассматривается как форма, основным значением которой является значение будущего времени. При выражении футуральной семантики обычно проявляются также модальные значения (волитивное или эпистемическое). Когда продуцент речи опирается при выражении эпистемического значения на определенный источник информации, футур I эксплицирует также эвиденциальное значение. В последние десятилетия доля употребления формы футура I в речи снижается, что в сочетании с некоторыми другими факторами может способствовать повышению уровня субъективности высказывания с данной формой, например, подчеркиванию важности предстоящего действия / события или акцентированию внимания на личности говорящего.

Ключевые слова: футур I, футуральность, эпистемическая модальность, волитивная модальность, эвиденциальность.

Футур I является многозначной формой. В темпоральном плане у него выделяются следующие значения:

- а) значение будущего: Er wird (bald) zu mir kommen.
- б) значение предположения о настоящем: Er wird (jetzt) im Büro sein.
- в) вневременное значение: Nur der Starke wird das Schicksal zwingen.
- г) значение будущего в прошедшем («исторический футур»): Im Dezember 1790 wird Jean-Francois Champollion geboren. 1801 holt ihn sein Bruder nach Grenoble und übernimmt seine Erziehung. Er wird viel für den Familiennamen leisten [1, с. 372].

Вместе с тем значимость употребления формы в каждом из значений неодинакова. Первые два значения являются наиболее типичными. Третье и четвертое значения маргинальны. При употреблении во *вневременном значении* футур I выполняет генерализирующую функцию. В этом значении он используется обычно в пословицах и поговорках, в составе высказываний с морализирующим характером. *Исторический футур I* встречается, как правило, в трудах по истории и биографиях. Используя данную разновидность футура I, продуцент речи как бы «заглядывает» из прошлого в известное ему будущее. «Известность» будущего обусловлена тем, что относительно момента речи такое будущее уже не является будущим; оно всецело относится к прошлому.

И значение вневременного футура I, и значение исторического футура I определенным образом соотносятся с футуральностью. Так, вневременность предполагает возможность отнесения пропозиции к любому из временных отрезков, в том числе и к будущему.

---

* © Боднарук Е.В., 2016

Боднарук Елена Владимировна (bodnaruk@ Rambler.ru), кафедра немецкой и французской филологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17.

му. В историческом футуре I представлена относительная футуральная перспектива позиции, действующая только в рамках конкретного литературного произведения.

Не коррелирует с футуральностью значение предположения о настоящем. Поэтому значение будущего и значение предположения о настоящем рассматриваются в некоторых исследованиях как омонимичные [2, с. 43]. Впрочем, частотность значения «предположение о настоящем» является довольно низкой; существуют также факторы, ограничивающие употребление в нем футура I [3, с. 41].

В лингвистической литературе давно ведется дискуссия о семантическом статусе футура I. Полярные точки зрения на семантику формы разделили исследователей на так называемых *темпоралистов*, сторонников темпорального статуса футура I [1], и *модалистов*, сторонников модального статуса [4]. Между тем, многие лингвисты пытаются исходить из комплексного темпорально-модального или же модально-темпорального характера футура I [5]. Наконец, в последние годы появились толкования семантики формы как имеющей субъективное [6], эвиденциальное [7] или аспектуально-окрашенное значение [8].

Думается, что футур I совмещает в своем семном составе несколько из выше перечисленных значений. Далее остановимся на анализе футуральной употреблении формы.

Модальность футура I тесно связана с его футуральной семантикой как формы, указывающей на то, что предстоит, чего еще нет в действительности. В этой связи футур I выражает по меньшей мере два типа модальных значений: **волитивное** и **эпистемическое**.

Волитивная семантика футура I проявляется в тех случаях, когда данная форма выражает:

а) волю или намерение говорящего совершить действие в будущем: Ich werde dir helfen;

б) волю или намерение говорящего побудить к совершению действия в будущем другое лицо: Du wirst mir sofort die Wahrheit sagen!

Эпистемическая семантика футура I связана с оцениванием степени вероятности будущего действия (как правило, не своего, а другого лица) или события: Er wird morgen kommen. При этом футур I может выражать как уверенное, так и неуверенное предположение. Впрочем, в норме следует, видимо, исходить из значения уверенности. Неуверенность же обычно поддерживается лексическими маркерами (например, модальными словами с соответствующей семантикой: vielleicht, wahrscheinlich и др.).

Когда продуцент речи опирается при выражении предположения на определенный источник информации, следует говорить о наличии у футура I дополнительного эвиденциального значения.

Под эвиденциальностью в самом общем виде понимается «отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим» [9, с. 92]. Традиционно эвиденциальность подразделяется на прямую и косвенную. Прямая эвиденциальность обычно требует участия говорящего в ситуации, о которой он рассказывает. О косвенной эвиденциальности («заглазости») речь идет тогда, когда говорящий не является или не являлся участником ситуации. Опираясь на косвенное свидетельство, он обычно подчеркивает, что у него нет полной уверенности в сообщаемом. Тем самым говорящий как бы снимает с себя ответственность за утверждение. К косвенной эвиденциальности относятся случаи, когда высказывание основано на умозаключении (инференциальность) или на сообщении другого лица (пересказывательность) [10, с. 463–468]. **Эвиденциальное значение** футура I должно представлять собой проявление косвенной эвиденциальности [11, с. 64–66].

Наличие источника информации повышает уровень уверенности продуцента речи в том, что действие в будущем произойдет, поэтому эвиденциальность обычно коррелирует со значением уверенного предположения о будущем. Волитивная семантика, как и неуверенность продуцента речи, обычно с семантикой эвиденциальности не сочетается.

Еще одним значением, свойственным футуру I в части его употреблений, является **значение субъективности**. Субъективность связана с отсылкой говорящего к самому себе, к своей личности, с акцентированием внимания на важности / значимости высказывания.

Так, Р. Щепаняк утверждает, что посредством футура I говорящий эксплицитно заявляет о себе в высказывании, он как бы выходит на «языковую сцену» [12, с. 149]. М. Бюндген отмечает, что благодаря глаголу *werden* высказывание становится более определенным и личностным. Субъективность футура I может восприниматься, с его точки зрения, как предпосланная высказыванию фраза **ICH SAG'S DIR** [6, с. 73–76].

Обычно субъективность футура I выявляется в контрастном сопоставлении с его основным конкурентом в речи – презенсом в футуральном употреблении. Т. Фритц, к примеру, пишет, что *werden* + инфинитив I (футур I) характеризуется признаком «субъективное утверждение говорящего», т. е. эксплицитным участием говорящего в высказывании, самовыражением и подчеркиванием собственной важности и значимости события [13, с. 90–94]. Так, предложение типа *Morgen werde ich meinen 30. Geburtstag feiern* будет, с точки зрения Т. Фрица, неуместным в том случае, если говорящий не стремится особо выделить предстоящее событие, указав на какие-либо личные обстоятельства, с ним связанные: *Morgen werde ich meinen 30. Geburtstag feiern, letztes Jahr habe ich nicht gefeiert*. Или: *Morgen werde ich meinen 30. Geburtstag feiern, und wenn es mich ruiniert*. В случае нейтрального отношения говорящего к высказыванию должен быть использован презенс *Morgen feiere ich Geburtstag* [13, с. 95]. Полагаем, что субъективность футура I связана прежде всего с двумя факторами (оказывающимися значимыми при сравнении с формой футурального презенса): а) из его аналитического строения; б) из относительно невысокой частотности в речи.

Примечательно, что доля использования футура I в речи постепенно снижается. Об этом свидетельствуют сравнительные данные частотности футура I и презенса в художественных произведениях, написанных (изданных): а) в первой половине XX в. (1930–1950 гг.) и б) в начале XXI в. (см. таблицу).

Таблица

Сравнительные данные употребления футура I и футурального презенса в зависимости от года написания (издания) художественного произведения

Год написания (издания)	Автор и название произведения	Доля футура I (%)	Доля футурального презенса (%)
1931 г.	Remarque E.-M. «Der Weg zurück»	49,6	50,4
1953 г.	Böll H. «Und sagte kein einziges Wort»	38,8	61,2
1954 г.	Zinner H. «Nur eine Frau»	51	49
2005 г.	Hein Ch. «Landnahme »	20	80
2009 г.	Kehlmann D. «Ruhm»	18	82
2010 г.	Noll I. «Ehrenwort»	23	77

Количественные данные были получены нами методом сплошной выборки из прямой речи персонажей данных художественных произведений. Более редкое использование формы футура I в речи делает ее также маркированной в плане выражения субъективности суждения.

Что касается аспектуальной окрашенности футура I, то данное положение, высказываемое рядом исследователей, представляется не вполне корректным. Оно вытекает, главным образом, из аспектуальной трактовки вспомогательного глагола *werden*. Так, в работе Ю. Ленерца глагол *werden* во всех употреблении в составе формы рассматривается как инхоативный глагол [8, с. 410]. Перспективным аспектом, а не временной

формой считает футур А. Муглер [14, с. 109, 113]. Полагаем, что аспектуально маркированная семантика может быть свойственна лишь формам, в составе которых присутствует причастие II. Строение формы футура I не позволяет делать такие выводы. Известно, что инхотативность была свойственна глаголу *werden* в сочетании с инфинитивом лишь в начале пути его грамматикализации, однако со временем данный глагол приобрел статус вспомогательного и, следовательно, подвергся десемантизации.

Таким образом, футур I объединяет при футуральном употреблении несколько значений: наряду с семантикой будущего времени он может эксплицитировать волитивную или эпистемическую семантику, а также, при определенных условиях, эвиденциальную семантику или способствовать повышению уровня субъективности высказывания.

Библиографический список

1. Welke K. *Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems*. Berlin; N. Y.: de Gruyter, 2005. 522 S.
2. Baumgartner Kl., Wunderlich D. *Ansatz zu einer Semantik des deutschen Tempussystems // Der Begriff Tempus – eine Ansichtssache? Beihefte zur Zeitschrift «Wirkendes Wort»*. 1969. № 20. S. 23–49.
3. Боднарук Е.В. Особенности семантики и употребления в немецкой диалогической речи футура I и презенса в значении будущего: монография. М.; Архангельск: Институт Управления, 2008. 220 с.
4. Vater H. *Werden als Modalverb // J. Calbert, H. Vater (Hg.). Aspekte der Modalität*. Tübingen: Verlag Gunter Narr, 1975. S. 73–148.
5. Krämer S. *Synchrone Analyse als Fenster zur Diachronie: Die Grammatikalisierung von werden + Infinitiv*. München: Lincom Europa, 2005. 147 S.
6. Bündgen M. *Zur pragmatischen Bedeutung der deutschen und französischen Futura // Nouveaux Cahiers d'allemand*. 1996. No. 14. S. 61–78.
7. Diewald G., Smirnova E. *Evidentiality in German: linguistic realization and regularities in grammaticalization*. Berlin, N. Y.: de Gruyter Mouton, 2010. 366 p.
8. Lenerz J. *Werden und das deutsche Futur // Ch. Dürscheid, K.H. Ramers., M. Schwarz (Hg.) Sprache im Fokus. Festschrift für Heinz Vater zum 65. Geburtstag*. Tübingen: Niemeyer, 1997. S. 399–412.
9. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 92–104.
10. Плуноян В.А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие*. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
11. Боднарук Е.В. Соотношение футурального, эпистемического и эвиденциального содержания в семантике конструкции WERDEN + инфинитив I в немецком языке // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2012. № 2. С. 61–66.
12. Szczepaniak R. *Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung*. Tübingen: Narr, 2011. 219 S.
13. Fritz Th. *Zur Grammatikalisierung der zusammengesetzten Verbformen mit werden – werden und die Modalverben im frühen Deutsch und heute // H. Vater (Hg.) Zu Tempus und Modus im Deutschen*. Trier: WVT, 1997. S. 81–104.
14. Mugler A. *Tempus und Aspekt als Zeitbeziehungen*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1988. 297 S.

References

1. Welke K. *Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems* [Tense in German: reconstruction of one semantic system]. Berlin, New York; de Gruyter, 2005, 522 p. [in German].
2. Baumgartner Kl., Wunderlich D. *Ansatz zu einer Semantik des deutschen Tempussystems* [Semantics study of German tense system]. *Der Begriff Tempus – eine Ansichtssache? Beihefte zur Zeitschrift «Wirkendes Wort»*, 1969, no. 20, pp. 23–49. [in German].
3. Bodnaruk E.V. *Osobennosti semantiki i upotrebleniia v nemetskoj dialogicheskoi rechi futura I i prezensa v znachenii budushchego: monografiia* [Peculiarities of semantics and the use of future I and present in the future meaning in the German dialogical speech: monograph] M.-Arkhangelsk: Institut Upravleniia, 2008, 220 p. [in Russian].
4. Vater H. *Werden als Modalverb* [Werden as a modal verb] in: *J. Calbert, H. Vater (Hg.). Aspekte der Modalität*. Tübingen: Verlag Gunter Narr, 1975, pp. 73–148 [in German].

5. Krämer S. *Synchrone Analyse als Fenster zur Diachronie: Die Grammatikalisierung von werden+Infinitiv* [Synchronous analysis as a window to diachrony: grammaticalization of werden+ Infinitiv]. München: Lincom Europa, 2005, 147 p. [in German].
6. Bündgen M. *Zur pragmatischen Bedeutung der deutschen und französischen Futura* [To pragmatical meaning of German and French future forms]. *Nouveaux Cahiers d'allemand*, 1996, no. 14, pp. 61-78 [in German]
7. Diewald G., Smirnova E. *Evidentiality in German: linguistic realization and regularities in grammaticalization*. Berlin, New York: de Gruyter Mouton, 2010, 366 p. [in English]
8. Lernerz J. *Werden und das deutsche Futur* [Werden and the German future] in: *Ch. Dürscheid, K.H Ramers., M.Schwarz (Hg.) Sprache im Fokus. Festschrift für Heinz Vater zum 65. Geburtstag*. Tübingen: Niemeyer, 1997, pp. 399-412 [in German]
9. Kozintseva N.A. *Kategoriia evidentsial'nosti* [Category of evidentiality]. *Voprosy iazykoznanii*, 1994, no. 3, pp. 92–104 [in Russian].
10. Plungyan V.A. *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znachenii i grammaticheskie sistemy iazykov mira: Ucheb. posobie* [Introduction into grammatical semantics: grammatical meaning and grammatical systems of the world's languages: Textbook]. M.: Izd-vo RGGU, 2011, 672 p. [in Russian].
11. Bodnaruk E.V. *Sootnoshenie futural'nogo, epistemicheskogo i evidentsial'nogo sodержaniia v semantike konstruksii WERDEN+infinitiv I v nemetskom iazyke* [The correlation of future, epistemic and evidential meanings in the semantics of construction WERDEN+Infinitive I in the German language]. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], 2012, no. 2, pp. 61-66 [in Russian].
12. Szczepaniak R. *Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung*. [Grammaticalization in German. An introduction]. Tübingen: Narr, 2011, 219 p. [in German]
13. Fritz Th. *Zur Grammatikalisierung der zusammengesetzten Verbformen mit werden – werden und die Modalverben im frühen Deutsch und heute* [To grammaticalization of analitic verb forms with werden – werden and modal verbs in earlier German and today]. In: H. Vater (Hg.) *Zu Tempus und Modus im Deutschen*. Trier: WVT, 1997, pp. 81-104 [in German].
14. Mugler A. *Tempus und Aspekt als Zeitbeziehungen* [Tense and aspect as time relations]. München: Wilhelm Fink Verlag, 1988, 297 p. [in German].

E.V. Bodnaruk*

FUTURE I: PECULIARITIES OF SEMANTICS AND THE USAGE DYNAMIC

In the article one of the most discussable forms of the German tense system is analyzed – the form of future I. Peculiarities of its usage are characterized, its semantic status is determined. Future I is considered to be a form, which main task is to express the future meaning. Side by side with the expression of future semantics modal meanings (volitive and epistemic) reveal themselves. When the speaker means by the expression of future meaning definite source of information, future I form has also evidential meaning. Last decades the part of future I forms in direct speech comes down. In cooperation with other factors this can promote the rising of subjectivity level of utterance with future I forms, for example emphasizing the importance of coming acts or events, accentuating on speaking person.

Key words: future I, futurity, epistemic modality, volitive modality, evidentiality.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Bodnaruk Elena Vladimirovna* (bodnaruk@rambler.ru), Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 17, Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation.

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ РАЗЛИЧИЙ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПИТАНИЕ» В САМАРСКИХ ГОВОРАХ**

В статье рассматривается проблема системного описания тематической группы «Питание» в русских народных говорах Самарской области. Используются лексические материалы диалектологических экспедиций, дополняющие поволжский атлас. Определена типология диалектных соответствий. Констатируется наличие диалектных вариантов общенародных слов и диалектных лексем, отсутствующих в литературном языке и его разновидностях; преобладание наименований продуктов питания, горячих блюд, выпечных изделий. Делается вывод о том, что лексика питания расширяет представление о типологии самарских говоров и обладает диагностическими возможностями, которые наряду с фактами других уровней языка могут быть использованы в комплексной характеристике вторичных говоров.

Ключевые слова: русский язык, диалектология, диалект, литературный язык, лексика, питание, диалектный словарь, системные отношения, Поволжье, самарские говоры.

Исследование отдельных групп лексики является важным для характеристики системы диалекта в целом. В лексике питания закреплены реалии этнографического характера, формирующие представление о региональной специфике отдельных говоров [1, с.118]. Не лишним будет напомнить еще раз о том, что этот пласт лексики, связанной с народными традициями, уменьшается с каждым годом, так как уходят из жизни представители старшего поколения, унося уникальное знание о русской кухне и о названиях, связанных с ней. Являясь материалом для лингвистических исследований, диалектная лексика позволяет восстановить реалии жизни народа в прошлом, его отношение к окружающему, к национальным обрядам и поверьям, связанным с пищей.

Тема «Питание» не раз была предметом изучения лингвистов, т. к. пища и ее приготовление, наряду с одеждой, трудовой деятельностью, жилищем, является важнейшим элементом материальной культуры любого этноса. К лексике питания ученые постоянно обращаются в работах, посвященных традиционной народной культуре русских.

Пожалуй, раньше всех наименованиями блюд традиционной русской кухни заинтересовались этнографы, культурологи и лингвисты, ведущие исследования по смежным научным направлениям (этнолингвистике, лингвокультурологии) [2]. В данном

---

* © Баженова Т.Е., 2016

Баженова Татьяна Евгеньевна (bazhenova@pgsga.ru), кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительства Самарской области проекта № 16-14-63001 «Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание».

аспекте рассматриваются наименования обрядовых блюд. В собственно лингвистическом аспекте тематическая группа «Питание» долгое время почти не рассматривалась. Это было вызвано, очевидно, тем, что к лексике питания, в силу ее специфики, почти невозможно применить традиционный территориально-типологический принцип изучения, использовавшийся в диалектологии при описании диалектных явлений.

В настоящее время, когда проблема изучения лексики традиционной народной культуры в современных говорах приобретает особую актуальность, лексика материальной культуры оказывается в центре внимания диалектологов, работающих по программе «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ): работы И.И. Баклановой [3, с. 275–280], П.П. Виноградовой [4, с. 268–275], Ю.В. Зверевой [5, с. 302–316], Я.В. Мызниковой [6, с. 413–421] и др. В современном языкознании утвердилась концепция диалектной лексики, которая основывается на системно-структурном подходе к языковым явлениям [7, с. 105]. Вся совокупность лексических единиц, соответствующая определенному объекту наименования, рассматривается учеными как система, в которой наряду с диалектными словами представлены общерусские, просторечные и др. элементы. Статус лексем определяется с опорой на нормативные и диалектные словари. Только с принятием такого подхода становится возможным установление системных отношений в группах диалектных наименований реалий этнографического характера.

С точки зрения ареальной характеристики слов лексика питания изучена мало. Достаточно сказать, что в сводном «Диалектологическом атласе русского языка» картографировано только одно наименование блюда традиционной русской кухни — названия каши из муки (карта № 28 лексического тома); на одной из карт отражены диалектные соответствия глаголу *брезговать* (карта № 97). К изучению в линвогеографическом аспекте диалектной лексики, имеющей отношение к пище, диалектологи только приступают. Нам известна только работа С.В. Дмитриевой, исследовавшей лексику питания на территории Псковской области [8].

С лингвистической точки зрения лексика питания самарских говоров до сих пор не изучалась и не учитывалась при картографировании лексических явлений. Однако обследование самарских говоров, проводимое по программе ЛАРНГ, в которой целый раздел посвящен теме «Питание» (250 вопросов), способствовало выявлению большой группы диалектных слов. Материалом послужили выборка диалектных слов из комплектов ответов на лингвистическую программу ЛАРНГ, составленных в 2004–2015 гг. участниками диалектологических экспедиций под нашим руководством, личные полевые наблюдения, лексикографические и этнографические материалы [9; 10]. Статус лексем определялся с опорой на нормативные словари и «Словарь русских народных говоров» (далее — СРНГ). Общий объем фактического материала по теме «Питание» насчитывает 680 единиц, в том числе 145 диалектных лексем.

В процессе работы была осуществлена семантическая классификация лексики питания, позволившая выделить несколько разрядов слов: «Продукты», «Блюда», «Выпечные изделия», «Лексика, относящаяся к процессу приготовления, приема пищи», «Обозначение периодов принятия пищи». Основную часть лексики питания самарских говоров составляют слова, зафиксированные в нормативных словарях в статусе общеупотребительных или просторечных и широко употребляющиеся в русских народных говорах и во многих славянских языках, например: *каша, квас, блин, тюрка, протокваша, заварка, стряпня, шкварки, кухарить, хлебать, мусолить* и др.

С точки зрения соотношения лексики говоров и лексики литературного языка в изучаемой тематической группе определены следующие типы диалектных различий.

В самарских говорах выделяются диалектные слова, являющиеся вариантами общеупотребительных слов, среди которых отмечаются такие наименования, которые

содержат дифференциальные признаки, основанные на совпадении и расхождении в плане языкового содержания и выражения.

В плане выражения лексика питания самарских говоров отличается от литературных эквивалентов а) местом ударения: *подмасл'ить, жаворо'нки, пряженцы', скоромно'е, гречне'вая*; б) составом и набором фонем: *арян, ирян, ирьян* (ср.: айран), *аржаной* (ср.: ржаной), *исть* (ср.: есть), *чвакать* (ср.: чавкать); в) словообразующими морфемами, их набором, составом и вариантами: *лапшейник, лапшенник* (ср.: лапшевник), *скусно* (ср.: вкусно), *деруны* (ср.: draniki), *сдоблик* (ср.: сдобник), *завтрик* (ср.: завтрак), *сластня* (ср.: сладости), *яшния* (ср.: яичница), *досытечка* (ср.: досыта), *гречная* (ср.: гречневая), *кипятковый* (ср.: кипяченный), *картошешный* (ср.: картофельный), *крупниший* (ср.: крупяной), *едовой* (ср.: съедобный), *посладить* (ср.: посластить), *плеснеть* (ср.: плесневеть); г) грамматической характеристикой: *буханок* (ср.: буханка), *жарех* (ср.: жареха), *подлив* (ср.: подлива). Среди диалектных вариантов общепотребительных слов в наших говорах регулярно фиксируются лексико-словообразовательные различия среди однокорневых наименований питания. Это лексические варианты, чаще всего различающиеся аффиксальными морфемами: *кислуха/кислушка* 'топленое заквашенное молоко'; *горбуха/горбушка/горбушечка* 'крайний кусок хлеба'; *сдобник/сдоблик* 'печеное изделие из сдобного теста', *оладушки/оладушники* 'оладьи'; *блины/блинцы* 'блины'; *лапшенник/лапшевник/лапшейник* 'запеканка из лапши'.

В рассматриваемой тематической группе наблюдаются различия в составе и объеме лексического значения, т. е. семантические диалектизмы. Так, например, словом *клинюшки* называют жареный картофель (Несмеяновка Алекс.), *кухарка* — общее название запеканки (Тимашево К.-Черк.), *калуга* — овсяная каша (Сырейка Кин.), *коляски* — куски нарезанного хлеба (Новый Кувак Шент.) *пирожок* — кусок хлеба или одна штука хлеба (Покровка Бор.), *толстое молоко* — жирное, неснятое молоко (Четыровка Кошк.)

Второй разряд диалектных слов — собственно диалектная лексика, которая состоит из двух подгрупп:

1) Диалектные слова, образованные на основе общенародных слов или описательных оборотов с помощью общерусских морфем: *насыченный* 'сытный, запеченный в тесте' (Красноарм.); *маковницы* 'пышки из дрожжевого теста, обмакиваемые в топленое масло перед выпеканием' (Красноарм.); *бобышка* 'маленькая булочка из жидкого кислого теста, пышка' (Алекс., Бор.); *рванцы/рванчики* 'изделие из дрожжевого теста, которое перед выпеканием отрывали маленькими кусочками' (Бор., Красноарм.); *сейка* 'сеяная мука' (Краснояр.); *подбой* 'дрожжи, опара, закваска, которой подбивают тесто' (Пестр.); *чиненки* 'пирожки в форме полумесяца с начинкой, выпекаемые на сковороде' (Алекс., Краснояр., Б. Глуш., Богат.); *брюквенник* 'суп с брюквой' (Приволж., Серг.), *раструсная* 'просеянная (мука)' (Кин.) и др.;

2. Диалектные лексемы, образованные от основ, отсутствующих в литературном языке и его разновидностях: *кулага* 'мучная каша из ржаной муки на солоде с добавлением красной свеклы, ягод' (Краснояр., Исакл., Красноарм., Б. Глуш., К.-Черк., Волж., Богат., Бор., Безенч., Пестр.), 'кисель из ржаной муки' (Кошк.); *саламата* 'каша из пшеничной муки, заваренной кипятком, с топленным маслом' (К.-Черк., Красноарм., Алекс., Кошк.); *алякиш, лялякиш* 'непропеченное мучное изделие' (Пестр., Красноарм.); *жамок/жемок*, мн. ч. *жамки/жомки* 'пряник' (Бор., Б. Глуш., Краснояр., Красноарм., Кошк.), 'небольшой кусок хлеба' (Алекс.); *щерба/щерба* 'уха' (Краснояр., Б. Глуш., Красноарм.); *муздякать/буздякать* 'пить много и жадно; пьянствовать' (Красноарм.), 'наесться досыта' (Красноарм., Хвор.); *юрага* 'сыворожка, остающаяся при сбивании масла из сметаны и сливок, пахтанье' (Алекс., Б. Глуш.) и др.

В этой группе отмечены многочисленные образования от заимствованных основ: *салма* 'суп с клецками из растертого теста без яиц, заваренных в кипятке, с приправами и травой' (Кошк., Кин., Б. Глуш., Краснояр.), 'суп из самодельной лапши' (Похв.); *сузьма* 'очень густой кисломолочный продукт, приготовленный из сметаны, отжатый катык' (Волж.); *арян* 'окрошка из молочного кваса, лука, огурцов, яиц, соли' (Алекс.); *каишь* 'суп с крупой' (Б. Черн.); *гамгырка* 'большой кусок' (Б. Черн.); *каймак* 'молоко, затопленное в печи' (Богат., Б. Глуш.); *курага* 'сушеная сахарная свекла' (Похв.) и др.

Ряд собственно диалектных лексем имеет диалектные основы, например, слово *картовник* 'картофельный суп' (Похв., Краснояр., Серг.), 'картофельная запеканка' (Кошк., Красноарм.) образовано от основы слова *картовь*, имеющего обширный ареал в русских говорах (СРНГ, вып. 13: 100), в том числе и в самарских; *либязок* 'кусочек пирога' (Несмеяновка Алекс.), ср. *Лебез*, а, м. О ничтожно малом количестве чего-либо; капля, крошка. Ярослав., 1961 (СРНГ, вып. 16: 302); *журьма* 'мучная каша' (Яблонный Овраг Волж.), ср.: *Журить*, рю, ришь, несов., перех. Есть; поедать (СРНГ, вып. 09: 231).

Диалектная лексика представлена как однословными, так и составными наименованиями: *масло коровье* 'топленое масло в отличие от сливочного масла' (Криволучье-Ивановка Красноарм.); *хмелевая вода* 'пивная закваска' (Сокский Исакл.); *мука ситовая* 'пшеничная мука высшего качества' (Криволучье-Ивановка Красноарм.); *мятый суп* 'толченый картофель в бульоне' (Муранка Шигон.); *картошешный пирог* □ пирог с картофельной начинкой' (Украинка Б. Черн.); *запеканка насыщенная* 'мясо, запеченное в тесте' (Криволучье-Ивановка Красноарм.); *пустой суп* 'постный суп' (Тимашево К.-Черк.). Среди составных наименований встречаются случаи ярких образных выражений, например: *женатый квас* 'разведенный повторно' (Самовольно-Ивановка Алекс.), *баба-лень* 'мучная каша, то же, что и затируха' (Долматовка Бор.), *саддукейская вода* 'водянистый, некрепкий (о напитке)' (Криволучье-Ивановка Красноарм.), *спрачинская каша* 'кутья' (Чувичи Хвор.), *картошка в шинеле* 'в мундире' (Муранка Шигон.)

Для наименований пищи в самарских говорах характерна высокая степень синонимичности, в частности наименования, созданные с использованием различных мотивировочных признаков, словообразовательных моделей, принципов, способов и средств номинации, например: *пирожник* — *начинка* — *чиненка* — *складник* 'пирог с начинкой'; *кулага* — *затируха* — *баба-лень* — *журьма* — *саламата* — *шуленка* 'каша из муки'; *вершки* — *сымки* — *сьем* — *устой* 'сливки'; *палишка*, *пылушка*, *кокурка* 'пресная лепешка'; *измятина* — *юрага* 'пахтанье'; *рванцы* — *рванчики* — *галушки* 'клецки'; *вытопки* — *выжарки* — *поджарки* — *прижатки* 'отходы при перетапливании сала'. В самарских говорах наблюдаются двучленные (пирог — *калач*, сырники — *творожники*, студень — *холодец*) и многочисленные диалектные соответствия (*варево* — *похлебка* — *хлебово*). В рамках данной тематической группы можно выделить синонимы: **семантические**, отличающиеся оттенками значения: *калач* — *булка*, *блины* — *блинцы*, *кулага* — *саламата*, *запеканка* — *драчена*; **экспрессивно-стилистические**: *варево* — *стряпня*, *еда* — *жранина*, *блины* — *блинчики*.

Другой характерной особенностью тематической группы «Питание» в самарских говорах является **полисемия**. Многозначность слов в наибольшей степени представлена в таких подгруппах слов, как «Блюда», «Выпечные изделия», например: *калач* — 1) белый хлеб (Сокский Исакл., Печинено Богат., Новый Буян Краснояр., Муранка Шигон., Украинка Б. Черн., Тимашево К.-Черк., Старый Аманак Похв., Печинено Богат.); 2) печеное изделие в виде круга (Украинка Б. Черн., Криволучье-Ивановка Красноарм., Крепость Кондурча Шент., Сокский Исакл., Мосты Пестр., Новый Камелик Б. Черн., Тимашево К.-Черк., Воротнее Серг., Муранка Шигон.); 3) сва-

дебное угощение (пряники, печенье) (Украинка Б. Черн.); *драчена* – 1) запеканка из каши (Криволучье-Ивановка Красноарм., Мосты Пестр.); 2) лепешки из тертого картофеля или каши (Криволучье-Ивановка Красноарм.); *коврига* – 1) хлеб (Украинка Б. Черн.); 2) буханка хлеба (Мосты Пестр., Новый Буян Краснояр., Новый Камелик Б. Черн., Воротнее Серг.); 3) пирог (Украинка Б. Черн.); 4) лепешка (Крепость Кондурча Шент.) 5) большой ломоть хлеба (Муранка Шигон.); 6) половина хлеба (Украинка Б. Черн.); *кокура*, *кокурка* – 1) пресная лепешка (Новый Буян Краснояр.); 2) хлеб (Давыдовка Приволж.).

Отсутствие однозначности, семантическая подвижность наблюдается у многих лексических единиц. Известно, что полисемия развивается в большинстве случаев у употребительных слов, обозначающих важные реалии, в лексике питания самарских говоров это наименования изделий из муки (*калач*, *пирог*, *кулага*).

Анализ тематической группы «Питание» в самарских говорах позволяет сделать следующие **выводы**.

Самый многочисленный разряд в лексике питания на нашей территории составляют общенародные слова, зафиксированные в нормативных словарях в статусе общеупотребительных или просторечных и имеющие обширные ареалы в русских народных говорах.

Собственно диалектная лексика представлена как диалектными вариантами общенародных слов, так и диалектными лексемами, полностью отсутствующими в литературном языке и его разновидностях. Самыми многочисленными по составу диалектных лексем оказались наименования продуктов питания, горячих блюд, выпеченных изделий.

Наименования пищи и всего, что имеет отношение к ее приготовлению и потреблению, занимает одно из главных мест в лексической системе самарских говоров, отличаясь при этом не только своей многочисленностью, но и разнообразием, детализацией, экспрессивностью. Широкий репертуар диалектных лексем и явления междиалектной синонимии и многозначности свидетельствуют о генетической неоднородности самарских говоров и об активных процессах в диалектной лексике.

Конечным итогом нашей работы явилась первичная лексикографическая обработка материала, которая в дальнейшем может послужить основой для составления словаря самарских говоров.

Сокращенные названия районов Самарской области

Алекс. – Алексеевский, Безенч. – Безенчукский, Богат. – Богатовский, Бор. – Борский, Б. Черн. – Большечерниговский, Б. Глуш. – Большеглушицкий, Волж. – Волжский, Исакл. – Исаклинский, Кин. – Кинельский, К.-Черк. – Кинель-Черкасский, Кошк. – Кошкинский, Красноарм. – Красноармейский, Краснояр. – Красноярский, Пестр. – Пестравский, Похв. – Похвистневский, Приволж. – Приволжский, Серг. – Сергиевский, Ставр. – Ставропольский, Хвор. – Хворостянский, Шент. – Шенталинский, Шигон. – Шигонский.

Библиографический список

1. Лутовинова И.С. О названиях кушаний в печорских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 1. Л., 1989. С. 118–128.
2. Таратынова Н.Ю. Лексика свадебного обряда (по материалам псковских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 24 с.
3. Бакланова И.И. Названия мучных изделий в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 275–280.
4. Виноградова П.П. Общие названия выпеченных изделий в говорах Костромской области как материал для ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 268–275.

5. Зверева Ю.В. Лексика питания в пермских говорах: мясомолочные продукты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 302–316.
6. Мызникова Я.В. Наименования пищи в говорах Ульяновской области (по материалам экспедиций по Программе ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 413–421.
7. Вендина Т.И. Лексический атлас русских народных говоров и принцип системности в лингвогеографической проекции лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 102–118.
8. Дмитриева С.В. Лексика тематической группы «Питание» в народной речи в ареальном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Псков, 1999. 23 с.
9. В.А. Малаховский и изучение народных говоров Поволжья: учебное пособие по русской диалектологии / сост. М.Н. Барабина, О.А. Безуглова, Л.И. Бордунова [и др.]. Самара, 1991.
10. Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология. Т. IV. Русская свадьба Самарской губернии. Ч. I / авт.-сост. И.А. Касьянова (отв. ред.) [и др.]. Самара: [б.и.], 2015.

References

1. Lutovinova I.S. *O nazvaniakh kushanii v pechorskikh govorakh* [On the names of foods in the Pechora dialects]. In: *Severnorrusskie govory. Vyp. 1 [Nord Russian Dialects. Issue 1]*. L., 1989, pp. 118–128 [in Russian].
2. Taratynova N.Yu. *Leksika svadebnogo obriada (po materialam pskovskikh govorov): avtoreferat diss. ...kand. filol. nauk* [Vocabulary of wedding rite (based on materials of Pskov dialects). Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. Tambov, 2007, 24 p. [in Russian].
3. Baklanova I.I. *Nazvaniia muchnykh izdelii v permskikh govorakh* [Names of baked goods in the Permian dialects]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2008* [Lexical atlas of Russian national dialects (materials and experiments) 2008]. SPb.: Nauka, 2008, pp. 275–280 [in Russian].
4. Vinogradova P.P. *Obshchie nazvaniia vypechnykh izdelii v govorakh Kostromskoi oblasti kak material dlia LARNG* [General names of baked foods in the dialects of the Kostroma Region as material for Lexical atlas of Russian national dialects]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2008* [Lexical atlas of Russian national dialects (materials and experiments) 2008]. SPb.: Nauka, 2008, pp. 268–275 [in Russian].
5. Zvereva Yu.V. *Leksika pitaniia v permskikh govorakh: miasomolochnye produkty* [Vocabulary of food in the Permian dialects: meat and dairy products]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2014* [Lexical atlas of Russian national dialects (materials and experiments) 2014]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2014, pp.302-316 [in Russian].
6. Myznikova Ya.V. *Naimenovaniia pishchi v govorakh Ul'ianovskoi oblasti (po materialam ekspeditsii po Programme LARNG)* [Designations of food in the dialects of the Ulyanovsk Region (based on the materials of expeditions for the program of Lexical atlas of Russian national dialects)]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2015* [Lexical atlas of Russian national dialects (materials and experiments) 2015]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2015, pp. 413–421 [in Russian].
7. Vendina T.I. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov i printsip sistemnosti v lingvogeograficheskoi proektsii leksiki* [Lexical atlas of Russian national dialects and the principle of systematization in the geolinguistic projection of vocabulary]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2013* [Lexical atlas of Russian national dialects (materials and experiments) 2013]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2013, pp. 102–118 [in Russian].
8. Dmitrieva S.V. *Leksika tematicheskoi gruppy «Pitanie» v narodnoi rechi v areal'nom aspekte. Avtoreferat... diss. kand. filol. nauk* [Vocabulary of thematic group “Food” in the folk speech in the areal aspect: Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. Pskov, 1999, 23 p. [in Russian].

9. V.A. Malakhovskii i izuchenie narodnykh govorov Povolzh'ia: Uchebnoe posobie po russkoi dialektologii. Sost. Barabina M.N., Bezuglova O.A., Bordunova L.I., Zibrova T.F. [V.A. Malakhovsky and the study of dialects of the Volga Region: Teaching aid on Russian dialectology. Compilers: Barabina M.N., Bezuglova O.A., Bordunova L.I., Zibrova T.F.]. Samara, 1991 [in Russian].

10. Dukhovnoe nasledie narodov Povolzh'ia: zhivye istoki: Antologiya. T.IV. Russkaia svad'ba Samarskoi gubernii. Ch.I / avt.-sost. I.A.Kas'ianova (otv.red.[i dr.]) [Spiritual heritage of peoples of the Volga Region: living sources: Anthology. Vol. IV. Russian wedding of the Samara Region. Part I. Author-complier I.A. Kasyanova (Ed. [et al.]). Samara, 2015 [in Russian].

T.E. Bazhenova*

TYPES OF LEXICAL DIALECT PARALLELS AS A CHARACTERISTIC OF THE THEMATIC GROUP OF «FOOD» IN SAMARA DIALECTS**

The article is dedicated to the system description of the thematic group of “Food” in the Russian folk dialects of the Samara Region. The lexical data, which was collected during the dialectological expeditions and supplement with the data presented in the dialectological atlas of the Middle and South Volga Region is used. The typology of dialect correspondences is defined. A number of dialect variants that are lacking common Russian is established. The prevalence of names denoting hot meals and food made of baked pastry is revealed. The investigation comes to conclusion that the denominations of food enlarge the conception about the typology of Samara dialects and have a diagnostic potential, which could be used in a complex characterization of late-formed dialects alongside with phonetic and grammatical facts.

Key words: Russian language, dialectology, dialect, literary language, vocabulary, food, dialect dictionary, system relationships, Volga Region, Samara dialects.

Статья поступила в редакцию 02/VII/2016.
The article received 02/VII/2016.

---

* *Bazhenova Tatyana Evgenyevna (bazhenova@pgsga.ru)*, Department of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Its Teaching, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky street, Samara, 443099, Russian Federation.

** *The publication is prepared within the scope of the supported by the Russian Foundation for the Humanities and by the Government of the Samara Region of the project № 16-14-63001 «Vocabulary of the Samara dialects: typological and lexicographical description».*

**WAS LESEN SIE DA ÜBERHAUPT? AUTOMATISIERTER VERGLEICH VON
VERLAGSVARIANTEN IN EINEM GEGENWARTSSPRACHLICHEN ROMANTEXT**

**WHAT YOU EVER READ? AUTOMATED COMPARISON OF PUBLISHING
VARIATIONS IN A CONTEMPORARY LANGUAGE ROMAN TEXT**

This article describes a project comparing 11 editions of Thomas Mann's novel "*The Magic Mountain*" (1924). The aim hereby is to develop computer-based tools that enable automated text-processing with only a small amount of additional manual work. After scanning a few chapters of the novel the pictures are converted into text-files. The texts are dehyphenated, OCR-errors are corrected automatically. By way of comparison all differences between them are revealed, i.e. punctuation, spelling and lexical modifications. The text of the first edition from 1924 and the variants found in all other editions are combined to a new critical edition.

Key words: Thomas Mann, "Magic Mountain", text-processing, comparing texts, critical edition, errors

Wie der Zufall doch manchmal so spielt. Als ich vor Jahren nochmals Thomas Manns *Zauberberg* las, bin ich zu einem Auslandsaufenthalt aufgebrochen. Mein Plan war es, ihn in der Bibliothek am Zielort auszuleihen und im dortigen Exemplar weiterzulesen. Ich hatte den Romanbeginn (Ausgabe 2010) im Kopf:

Die Geschichte Hans Castorps, die wir erzählen wollen, – nicht um seiner willen (denn der Leser wird einen einfachen, wenn auch ansprechenden jungen Mann in ihm kennenlernen), sondern um der Geschichte willen, die uns in hohem Grade erzählenswert scheint (wobei zu Hans Castorps Gunsten denn doch erinnert werden sollte, daß es seine Geschichte ist, und daß nicht jedem jede Geschichte passiert): diese Geschichte ist sehr lange her, sie ist sozusagen schon ganz mit historischem Edelrost überzogen und unbedingt in der Zeitform der tiefsten Vergangenheit vorzutragen.

Ausdruck 1. [Mann 2010: 9]

In dem entliehenen Roman-Exemplar (Ausgabe 1987) aber konnte ich lesen:

Die Geschichte Hans Castorps, die wir erzählen wollen – nicht um seiner willen (denn der Leser wird einen einfachen, wenn auch ansprechenden jungen Menschen in ihm kennenlernen), sondern um der Geschichte willen, die uns in hohem Grade er-

* © Stahl P., 2016

Peter Stahl Peter (peter.stahl@uni-wuerzburg.de), Department of German Linguistics, Julius-Maximilians-University (JMU) Würzburg in Bavaria, Am Hubland, Philosophiegebäude 4.E.12, 97074, Würzburg, Germany.

zählenswert scheint (wobei zu Hans Castorps Gunsten denn doch erinnert werden sollte, daß es *seine* Geschichte ist, und daß nicht jedem jede Geschichte passiert): diese Geschichte ist sehr lange her, sie ist sozusagen schon ganz mit historischem Edelrost überzogen und unbedingt in der Zeitform der tiefsten Vergangenheit vorzutragen.

Ausdruck 2. [Mann 1987: 5]

Mehrere Dinge fallen auf: Erstens, unterschiedliche Wörter sind getrennt, was am Layout der Editionen liegt. Solche Differenzen sind zu erwarten und deuten nicht auf inhaltliche Unterschiede hin. Zweitens, in der Ausgabe von 2010 steht in der ersten Zeile ein Komma hinter dem Modalverb *wollen*, das in der Ausgabe von 1987 fehlt. Drittens, in Zeile 6 steht das Possessivpronomen *seine* in der Grundschrift, in der anderen Edition in kursiver Schrift; und viertens ist in Zeile 3 in der Ausgabe von 2010 von einem *jungen Mann* die Rede, in der von 1987 von einem *jungen Menschen*. Dieser Befund, der aus dem Vergleich des ersten Absatzes des Romans hervorgeht, hat mich neugierig gemacht. Denn wenn bereits in diesem kleinen Textausschnitt mehrere Unterschiede zwischen zwei Ausgaben festzustellen sind, wie viele mögen es dann noch auf den restlichen eintausend Seiten sein? Und lassen sich noch mehr Unterschiede finden, wenn man zu anderen Ausgaben greift? Vielleicht war es auch naiv zu glauben, dass alle Ausgaben des Romans unverändert dem Text der Urfassung (Ausgabe von 1924) folgen. Immerhin wird sie doch als die „einzige Textvorlage, die als wirklich autorisiert betrachtet werden kann“ [3, S. 47] bezeichnet. Aber „Lektoren griffen mit wechselndem Geschmack in Orthographie und Zeichensetzung ein [...]. Da wurden von Thomas Mann verkürzt wiedergegebene Zitate ergänzt und tatsächliche oder auch vermeintliche, sprachliche wie sachliche Fehler, verbessert“ [3, S. 48]. Ein Vergleich verschiedener Ausgaben erschien lohnenswert.

Hätte ich nicht zufällig die *Zauberberg*-Ausgaben gelesen, in denen *der junge Mensch* zum *jungen Mann* vertauscht worden war, hätte ich das Projekt, von dem ich hier berichte, nicht durchgeführt. Unter diesen Umständen wollte ich herausfinden, inwieweit sich mehrere Ausgaben dieses Romans voneinander unterscheiden. Die Abweichungen sollten in einem möglichst automatisierten Verfahren ermittelt und in einem für kritische Editionen üblichen Variantenapparat dargestellt werden. „Für die Edition eines Textes bieten sich der Theorie nach immer mehrere Modelle an; welches von diesen tatsächlich verwirklicht werden kann, hängt allein von der Quantität und Qualität der [...] Textzeugen ab“ [5, S. 71*].

Es geht im Projekt nicht um eine inhaltliche Interpretation von Unterschieden in der Textgestalt; es geht nicht darum, ob ein Verlag den Text eines zeitgenössischen Romans gegenüber der Erstausgabe verändern darf oder soll. Ziel des Unternehmens ist es, zunächst eine Bestandsaufnahme vorzunehmen und die Varianten verschiedener Ausgaben zu belegen und damit auf der Textbasis der Erstausgabe 1924 die Vorstufe einer kritischen Edition zu erstellen.

1. Textgrundlage

Es galt daher zunächst, möglichst unterschiedliche Ausgaben – hinsichtlich Zeileneinteilung und Seitenlänge – zu beschaffen; unveränderte Nachdrucke sollten also in die Untersuchung nicht mit einfließen. Nach der Akquirierung lagen mehrere Veröffentlichungen von Thomas Manns *Zauberberg* vor, wobei die Zusammenstellung weder den Anspruch erhebt, vollständig zu sein, noch repräsentativ, sondern allein dem exemplarischen Vorgehen dient.

Erscheinungsjahr	Verlag, Auflage	Ausschnitt
1. 1924	S. Fischer Verlag Berlin, 1.-10. Auflage	S. 9–27
2. 1926	S. Fischer Verlag Berlin, 1.-21. Auflage	S. 9–23
3. 1956	G. B. Fischer Verlag Berlin, 2. Auflage	S. 3–14

4. 1968	Aufbau-Verlag Berlin und Weimar	S. 5–21
5. 1970	Fischer Bucherei, Frankfurt am Main und Hamburg, 48.-57. Tausend	S. 5–17
6. 1974	S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main, Zweite, durchgesehene Auflage (Gesammelte Werke in 13 Bänden, Band III)	S. 9–24
7. 1981 [?]	Lizenzausgabe mit Genehmigung des S. Fischer Verlages Frankfurt/ M. für [...] die Bertelsmann Club-GmbH, Gutersloh [o. J.]	S. 19–31
8. 1987	Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 6. Aufl.	S. 5–20
9. 1999	http://www.flc.kyushu-u.ac.jp/ ~hgmc/	Z. #0300907 – #0302426
10. 2002	S. Fischer Verlag Frankfurt a. M., Große kommentierte Frankfurter Ausgabe, Bd. 5.1	S. 9–25
11. 2010	Fischer Taschenbuch Verlag, 3. Auflage	S. 9–24

Sieben Ausgaben sind im Fischer-Verlag erschienen, zwei im DDR-Aufbau-Verlag (Nr. 4, 8), eine im Bertelsmann-Club (Nr. 7) und eine im Internet (Nr. 9), die von der Fakultät für Sprachen und Kulturen der Kyushu Universität (Japan) angeboten wird. „Vom Verlag geduldet, hat sich diese Seite zur zentralen Anlaufstelle für alle Zitatensammler und Forscher entwickelt“ [2]. Mehr zu dieser problematischen Textausgabe unten. In der rechten Spalte wird angezeigt, welche Seiten aus jeder Ausgabe in die Untersuchung eingeflossen sind.

Es wird gezeigt, wie aus den Einzelausgaben Schritt für Schritt eine textkritische Gesamtedition entstehen kann, die alle Varianten aufweist. Das Verfahren wurde in Seminaren mit Studenten der Germanistik und der Digital Humanities an der Uni Würzburg entwickelt und erprobt. Dabei kamen unterschiedliche EDV-Programme zum Einsatz, weswegen es nicht wichtig erscheint, einzelne Programmteile genau zu dokumentieren. Es kommt darauf an, die Vorgehensweise als Strategie aufzuzeigen, so dass auch größere Textabschnitte eines beliebigen Romans mit geringem Aufwand verarbeitet werden können.

Aus allen Exemplaren der *Zauberberg*-Ausgaben wurden *Vorsatz* sowie die beiden ersten Unterkapitel (*Ankunft* und *Nr. 34*) des ersten Kapitels gescannt und mit Hilfe von OCR-Programmen in Textdateien überführt. Etliche derartige kommerzielle (u.a. Omnipage und FineReader¹) oder nicht-kommerzielle (u.a. Free-OCR, CognitiveForms, FreeOCR²) Programme stehen dafür zu Verfügung. Da die Zuverlässigkeit der Aufbereitung in eine Textdatei maßgeblich von der Qualität der Bildvorlage abhängt (Auflösung, Farbe, Druckbild) lassen sich keine allgemeinen Aussagen darüber treffen, wie viele Ausgabefehler erzeugt werden. Es wird berichtet [1, S. 153], dass die Texterkennungsrate bei bis zu 99,8% aller Zeichen liege. Auf Internetseiten wird ausgeführt, „dass 99,9% richtige Erkennung eine Fehlerquote von 1 Promille (1 Fehler bei 1.000 Zeichen) bedeutet. Ganz praktisch heißt das, dass Sie bei deutschsprachigen Texten in rund jedem 150. Wort einen Fehler haben“ [4]. Selbst wenn eine noch höhere Erkennungsrate erzielt wird, muss immer damit gerechnet werden, dass aufgrund der OCR-Erkennung Fehler in den Text hineingelangen, die sich nicht in der gedruckten Vorlage befinden.

Betrachtet man die Datei der Ausgabe von 2010, die nach der OCR-Aufbereitung vorliegt, lassen sich eine Reihe wichtiger Beobachtungen machen, die der Ausschnitt der Zeilen 151 bis 213 zeigt (s. Ausdruck 3):

- Silbentrennungen sind nicht aufgelöst;
- Leerzeilen (Z. 153 und Z. 211), die das OCR-Programm eingesetzt hat, markieren den Beginn eines neuen Abschnitts, der im Buch am Einzug von linken Rand her ersichtlich ist;
- alleinstehende Nummern (Z.164 und Z.200) stellen die Paginierungen dar, die sich jeweils am Seitenende befinden;

- zu Beginn der Zeilen 185 und 192 stehen offensichtlich Auflösungsfehler, die das OCR-Programm verursacht hat.

151 Fernluft ist so ein Trank, und sollte sie weniger gründlich wir-
152 ken, so tut sie es dafür desto rascher.

153

154 Dergleichen erfuhr auch Hans Castorp. Er hatte nicht beab-
155 sichtigt, diese Reise sonderlich wichtig zu nehmen, sich innerlich [...]

162 jüngst Zurückliegenden, seinem Examen, und dem unmittelbar

163 Bevorstehenden, seinem Eintritt in die Praxis bei Tunder &

164 12

165 Wilms (Schiffswerft, Maschinenfabrik und Kesselschmiede), be-

166 schäftigt und über die nächsten drei Wochen mit soviel Unge-

167 duld hinweggeblickt, als seine Gemütsart nur immer zuließ. [...]

184 überall und nicht so wie jetzt im Klimmen daran erinnert sein, in

185 v/elchen unangemessenen Sphären man sich befand. Er sah hin-

186 aus: der Zug wand sich gebogen auf schmalem Paß; man sah die [...]

190 Fichten zwischen Felsblöcken gegen einen steingrauen Himmel

191 empor. Stockfinstere Tunnel kamen, und wenn es wieder Tag

192 7/urde, taten weitläufige Abgründe mit Ortschaften in der Tiefe

193 sich auf. Sie schlossen sich, neue Engpässe folgten, mit Schnee- [...]

197 man nicht mehr wußte, wie man fuhr, und sich der Himmelsge-

198 genden nicht länger entsann. Großartige Fernblicke in die heilig-

199 phantasmagorisch sich türmende Gipfelwelt des Hochgebirges,

200 13

201 in das man hinan- und hineinstrebte, eröffneten sich und gingen

202 dem ehrfürchtigen Auge durch Pfadbiegungen wieder verloren. [...]

208 deckte. Das ging vorüber. Er sah, daß der Aufstieg ein Ende ge-

209 nommen hatte, die Paßhöhe überwunden war. Auf ebener Tal-

210 sohle rollte der Zug nun bequemer dahin.

211

212 Es war gegen acht Uhr, noch hielt sich der Tag. Ein See er-

213 schien in landschaftlicher Ferne, seine Flut war grau, und

Ausdruck 3. OCR-Ergebnis

2. Textaufbereitung

Für unser Projekt ist diese Textdatei so weiterzuverarbeiten, dass alle Abschnittsanfänge markiert, Leerzeilen entfernt sowie Silbentrennungen gekennzeichnet und aufgelöst werden. Die Seitenzahlen sollen verwendet werden, um eine Nummerierung aller Zeilen zu gewinnen. Die erste Zeile hinter der Seitenzahl 13 (Z. 200), die mit *in das man* (Z. 201) beginnt, soll die Seiten-Zeilen-Nummer 14.1, die nächste, die mit *dem ehrfürchtigen* (Z. 202) beginnt, soll die Seiten-Zeilen-Nummer 14.2 u.s.w. erhalten. Für das Aufbereitungsverfahren ist es unerheblich, welche Programme dafür zum Einsatz kommen, können solche Aufgaben doch beispielsweise in PHP, Perl oder Tustep¹, was hier zum Einsatz kommt, programmiert werden. Entscheidend ist, dass das vorgegebene Ziel einer Vergleichbarkeit mehrerer Fassungen eines Texts am Ende erreicht wird. Sind die Dateisätze zudem wie hier mit Seiten-Zeilen-Nummern versehen, die direkt auf die entsprechenden Stellen in der gedruckten Version verweisen, wird der Zugang zu allen Stellen im Text entscheidend erleichtert. Ausdruck 4 zeigt denselben Ausschnitt wie oben in der neuen Form:

12.24|Fernluft ist so ein Trank, und sollte sie weniger gründlich wir|ken,

12.25|so tut sie es dafür desto rascher.

12.26|<p>Dergleichen erfuhr auch Hans Castorp. Er hatte nicht beab|sichtigt,

12.27|diese Reise sonderlich wichtig zu nehmen, sich innerlich [...]

12.33|Gedankenkreise befangen gewesen, hatte sich mit dem

12.34|jüngst Zurückliegenden, seinem Examen, und dem unmittelbar

12.35|Bevorstehenden, seinem Eintritt in die Praxis bei Tunder &

- 13.1 |Wilms (Schiffswerft, Maschinenfabrik und Kesselschmiede), be|schäftigt
 13.2 |und über die nächsten drei Wochen mit soviel Unge|duld
 13.3 |hinweggeblickt, als seine Gemütsart nur immer zuließ. [...]
 13.20|überall und nicht so wie jetzt im Klimmen daran erinnert sein, in
 13.21|v/elchen unangemessenen Sphären man sich befand. Er sah hin|aus:
 13.22|der Zug wand sich gebogen auf schmalem Paß; man sah die [...]
 13.26|Fichten zwischen Felsblöcken gegen einen steingrauen Himmel
 13.27|empor. Stockfinstere Tunnel kamen, und wenn es wieder Tag
 13.28|7/urde, taten weitläufige Abgründe mit Ortschaften in der Tiefe
 13.29|sich auf. Sie schlossen sich, neue Engpässe folgten, mit Schnee|resten [...]
 13.33|man nicht mehr wußte, wie man fuhr, und sich der Himmelsge|genden
 13.34|nicht länger entsann. Großartige Fernblicke in die heilig|phantasmagorisch
 13.35|sich türmende Gipfelwelt des Hochgebirges,
 14.1 |in das man hinan- und hineinstrebte, eröffneten sich und gingen
 14.2 |dem ehrfürchtigen Auge durch Pfadbiegungen wieder verloren. [...]
 14.8 |Das ging vorüber. Er sah, daß der Aufstieg ein Ende ge|nommen
 14.9 |hatte, die Paßhöhe überwunden war. Auf ebener Tal|sohle
 14.10|rollte der Zug nun bequemer dahin.
 14.11|<p>Es war gegen acht Uhr, noch hielt sich der Tag. Ein See er|schien
 14.12|in landschaftlicher Ferne, seine Flut war grau, und

Ausdruck 4. Markierte Abschnitte sowie Trennstellen

Absätze beginnen mit einem so genannten *P-Tag* (<p>), die ehemaligen Trennstellen sind mit einem Längsstrich markiert. Die Wörter, die einen solchen enthalten, werden im anschließenden Arbeitsschritt aus dem Text herausgezogen und in einer alphabetisch sortierten Liste zusammengefasst. Daraus einige Beispiele in einer verkürzten Wiedergabe:

- beab|sichtigt (1*) 12.26
 be|schäftigt (1*) 13.1
 er|schien (1*) 14.11
 ge|nommen (1*) 14.8
 heilig|phantasmagorisch (1*) 13.34
 hin|aus (1*) 13.21
 Rük|ken (1*) 25.14
 Schnee|resten (1*) 13.29
 wir|ken (1*) 12.24

Ausdruck 5. Liste der ehemals getrennter Wörter

Die meisten Trennungen werden erwartungsgemäß richtig aufgelöst. Einige jedoch sind problematisch. Bei *heilig|phantasmagorisch* beispielsweise, das nur einmal im Text vorkommt, und zwar auf Seite 13 am Ende der Zeile 34, liegt kein Silbentrennstrich vor, sondern ein Bindestrich, den man erhalten muss. Das wird der Vergleich mit den anderen Ausgaben des Romans noch belegen. Es muss in der Zieldatei dieser Längsstrich zu einem Bindestrich korrigiert werden. Die Trennstelle *k|k* in *Rük|ken* muss zu *ck* gebessert werden, in *Sak|ko* (was in dieser Auflage zufälligerweise nicht getrennt ist) hingegen nicht. Nach der Überprüfung aller Längsstriche – und gegebenenfalls der Korrektur – können diese Markierungen entfernt werden. Auf diese Weise wird sichergestellt, dass das OCR-Programm bei der Aufhebung der Trennungen keine Fehler erzeugt.

3. Textvergleich und Variantenapparat

Vergleicht man nun die Texte zweier Ausgaben miteinander, ergibt sich ein Vergleichsprotokoll, das allein die Unterschiede anzeigt. Wir sehen die Abweichungen der Ausgaben von 2010 (oben) und 1987 (unten) voneinander.

- 9.2 <p>Die Geschichte Hans Castorps, die wir erzählen wollen, - nicht
 -->

- 5.2 <p>Die Geschichte Hans Castorps, die wir erzählen wollen - nicht

9.4 auch ansprechenden jungen Mann in ihm kennenlernen), sondern
--> **++++
5.4 auch ansprechenden jungen Menschen in ihm kennenlernen), sondern

9.22 der Zeit, - eine Aussage, womit auf die Fragwürdigkeit und
--> -
5.22 der Zeit - eine Aussage, womit auf die Fragwürdigkeit und

11.29 auch diesen Namen hier gleich zu nennen -, seinem Wintermantel,
--> --
7.30 auch diesen Namen hier gleich zu nennen seinem Wintermantel,

12.1 einem kleinen grau gepolsterten Abteil; er saß bei niedergelassenem
--> -
8.2 einem kleinen graugepolsterten Abteil; er saß bei niedergelassenem

12.6 Buch namens >Ocean steamships<, worin er zu Anfang der Reise
--> * *
8.7 Buch namens "Ocean steamships", worin er zu Anfang der Reise

12.19 Gleich ihr erzeugt er Vergessen; er tut es aber, indem er
--> *
8.21 Gleich ihr erzeugt er Vergessen, er tut es aber, indem er

12.32 hatte liegen lassen müssen. Noch gestern war er völlig in dem gewohnten
--> -
8.35 hatte liegenlassen müssen. Noch gestern war er völlig in dem gewohnten

13.21 v/elchen unangemessenen Sphären man sich befand. Er sah hinaus:
--> *-
9.22 welchen unangemessenen Sphären man sich befand. Er sah hinaus:

13.28 7/urde, taten weitläufige Abgründe mit Ortschaften in der Tiefe
--> *-
9.29 wurde, taten weitläufige Abgründe mit Ortschaften in der Tiefe
-----[...]

16.21 ein halbes Jahr wird es wohl ziemlich sicher noch dauern."
--> *_
12.19 ein halbes Jahr wird es wohl ziemlkh sicher noch dauern."

Ausdruck 6. Vergleichsprotokoll der Ausgaben 2010 und 1987

Mit einem Pfeil gekennzeichnet befindet sich zwischen beiden Fassungen eine Interpretation des Unterschieds: Zeichen für Zeichen signalisiert ein Minuszeichen, dass in der unteren Zeile etwas fehlt, ein Pluszeichen, dass etwas hinzugefügt ist, und ein Asterisk (*) steht für einen Unterschied. Als erste Belege für eine Differenz, von denen eingangs die Rede war, findet sich das gesetzte bzw. fehlende Komma hinter *wollen* (9.2; 5.2) sowie die Variante *Mann / Menschen* (9.4; 5.4). Außer unterschiedlicher Zeichensetzung bemerken wir *graugepolsterten* (12.1) gegenüber *grau gepolsterten* (8.2) und *liegen lassen* (12.32) gegenüber *liegenlassen* (8.35). Hierbei handelt es sich um tatsächliche Varianten im Text. Die Zeichenfolge *v/elchen* (13.21) stellt einen OCR-Auflösungsfehler dar; an dieser Stelle (Seite 13, Zeile 1, 1. Wort) enthält die Ausgabe von 1987 das korrekte Relativpronomen

welchen. Anstelle von *7/wurde* steht in der korrespondierenden Position (13.28, 1. Wort) das Hilfsverb *wurde*. Es gibt aber auch den entgegengesetzten Fall: in der Datei des Texts von 2010 steht in 16.21 als 7. Wort der Intensivierer *ziemlich*; *ziemlkh* ist ein OCR-Fehler in TMZB1987.

Werden die Unterschiede zwischen diesen beiden Texten nicht als Vergleichsprotokoll (s. Ausdruck 6), sondern als Wortliste ausgegeben, erhalten wir eine Basis für eine automatische Korrektur der Fehlerstellen des 2010-Texts. Die Liste zeigt – wortbezogen – die Abweichungen:

9.2,8=wollen
 9.4,4=Menschen
 9.22,2=Zeit
 11.29,8-
 12.1,3-4=graugepolsterten
 12.6,3="Ocean
 12.6,4=steamships",
 12.19,5=Vergessen,
 12.32,2-3=liegenlassen
 13.21,1=welchen
 13.28,1=wurde, [ ]...
 16.21,7=ziemlkh

Ausdruck 7. Liste der Textunterschiede zwischen den Ausgaben 2010-1987

Wenn es nun darum geht, die OCR-Fehler zu beheben, kann die Liste auf zwei Zeilen, nämlich auf 13.21,1=welchen und 13.28,1=wurde, reduziert werden. Mit Hilfe des Tustep-Programm-Bausteins zur automatisierten Korrektur von Dateien werden an den angegebenen Seiten-Zeilen-Positionen die Zeichenfolgen eingetragen, die sich hinter dem Gleichheitszeichen befinden. Diese Vorgehensweise hat den entscheidenden Vorteil, dass keine Handarbeit erfolgt und gesichert die richtige Textstelle geändert wird. Eine erneute Fehlerquelle wird also vermieden. Auf diese Weise werden alle Texte untereinander verglichen und korrigiert, um ORC-Fehler zu tilgen. Der Internet-Text aus dem Jahr 1999 hingegen enthält keine OCR-bedingten Abweichungen; vielmehr sind hier die Probleme ganz anders gelagert. Ausdruck 8 veranschaulicht es eindrücklich:

10.15 <p>Wir werden sie ausführlich erzählen, genau und gründlich, -
 --> *   *+   *+ +   *+ +

1.9 <p>wir werden sie ausfuehrlich erzaehlen, genau und gruendlich, -

10.16 denn wann wäre je die Kurz-   oder Langweiligkeit einer Geschichte
 -->   *+   *+++++++

1.9 denn wann waere je die Kurzweilichkeit oder Langweiligkeit einer Geschichte

10.17 abhängig gewesen von dem Raum und der Zeit, die
 --> *+   +

1.9 abhaengig gewesen von dem Raum und der Zeit, die

10.18 sie in Anspruch nahm? Ohne Furcht vor dem Odium der
 -->   - + *

1.9 sie in Anspruch nahm! ohne Furcht vor dem Odium der

10.19 Peinlichkeit, neigen wir vielmehr der Ansicht zu, daß nur das
 -->   +   + + +*

1.10 Peinlichkeit , neigen wir vielmehr der Ansicht +zu , dass nur das

10.20 Gründliche wahrhaft unterhaltend sei.
 --> *+   +

1.10 Gruendliche wahrhaft unterhaltend sei .

Ausdruck 8. Vergleichsprotokoll der Ausgaben 1924 und 1999

Zum Zweck der Vergleichbarkeit ist die Edition von 1999 nur um die Zeilennummerierung bereinigt und mit <p>-Tags versehen. U.a. lässt sich an Unterschieden feststellen:

- ein Spatium vor und nach Satzzeichen,
- Großschreibung nur bei Substantiven,
- Umlaute sind aufgelöst zu *ae, oe, ue* und *ß* zu *ss*,
- Auslassungsstriche sind durch Vollformen ersetzt (*Kurzweilichkeit* in 1.9), hier sogar fehlerhaft.

Angesichts dieser weitreichenden Eingriffe darf die Frage gestellt werden, ob ernsthaften Thomas-Mann-Forschern ein solcher Text aus dem Internet wirklich von Nutzen ist. Zumindest müssen für unser Projekt die systematischen Änderungen beim weiteren Vergleich aller Ausgaben unterdrückt werden, so dass nur die tatsächlichen Text-Varianten übrig bleiben. Ein Vergleich aller verwendeten Ausgaben ergibt diesen Befund:

9.1 Vorsatz

[GKFA] VORSATZ
[1926] VORSATZ
[1956] VORSATZ
[1968] VORSATZ
[1970] =====
[1974] VORSATZ
[OJ] VORSATZ
[1987] =====
[WWW]
[2010] =====

9.2 Die Geschichte Hans Castorps, die wir erzählen wollen, -

[GKFA] == ===== =
[1926] == ===== =
[1956] == ===== wollen =
[1968] == ===== wollen =
[1970] == ===== =
[1974] == ===== =
[OJ] == Geschichte, == ===== =
[1987] == ===== wollen =
[WWW] == ===== =
[2010] == ===== =

9.4 wenn auch ansprechenden jungen Menschen in ihm kennenlernen),

[GKFA] =====
[1926] =====
[1956] =====
[1968] =====
[1970] =====
[1974] =====
[OJ] =====
[1987] =====
[WWW] =====
[2010] ===== Mann =====

Ausdruck 9. Vergleichsprotokoll aller Ausgaben

Dieses Protokoll zeigt übersichtlich die Verhältnisse in jedem Text an. Die nummerierten Zeilen entstammen der Erstausgabe von 1924, gefolgt vom Text der Großen kommentierten Frankfurter Ausgabe (*GKFA*). *OJ* repräsentiert die Bertelsmann-Ausgabe aus den 1980er Jahren (Erscheinungsjahr fehlt); *WWW* weist auf den Internet-Text hin. Gleichheitszeichen bedeuten identischen Inhalt; die Überschrift *Vorsatz* fehlt bei *WWW*, der Name *Hans Castorps* in *OJ*; die anderen Unterschiede sind schon mehrfach angesprochen worden. Trägt man die Varianten wieder wortpositionsgenau in eine Liste ein, ergibt sich für den Romananfang folgende Aufstellung:

9.1[Vorsatz]- (WWW)
 9.1[Vorsatz]=VORSATZ (GKFA)
 9.1[Vorsatz]=VORSATZ (1926)
 9.1[Vorsatz]=VORSATZ (1956)
 9.1[Vorsatz]=VORSATZ (1968)
 9.1[Vorsatz]=VORSATZ (1974)
 9.1[Vorsatz]=VORSATZ (OJ)
 9.2,2[Geschichte]=Geschichte, (OJ)
 9.2,3-4[Hans Castorps,]- (OJ)
 9.2,8[wollen,]=wollen (1956)
 9.2,8[wollen,]=wollen (1968)
 9.2,8[wollen,]=wollen (1987)
 9.4,5[Menschen]=Mann (2010)

Ausdruck 10. Wortgenaue Unterschiedsliste

Aufgrund dieser Liste kann der Basistext von 1924 so aufbereitet werden, dass zu jedem Wort, zu dem es eine oder mehrere Varianten gibt, ein Eintrag erzeugt wird. In den Basistext werden die Unterschiede mit Kennungen hineinmontiert, so dass damit schließlich das Setzen einer Edition mit Variantenapparat erfolgen kann. Werfen wir einen Blick in diese Textstufe:

```
<h1>VORSATZ</h1>
<a1>Vorsatz <i>fehlt</i><s>WWW</s>; VORSATZ <s>GKFA, 1926, 1956, 1968, 1974,
OJ</s></a1>
<p>Die Geschichte <a1><i>nach</i> Geschichte <i>Komma</i><s>OJ</s></a1>
Hans <a2>Hans Castorps, <i>fehlt</i><s>OJ</s></a2> Castorps, </ee> die wir
erzählen wollen, <a1><i>nach</i> wollen <i>Komma fehlt</i><s>1956, 1968,
1987</s></a1> - nicht um seinetwillen (denn der Leser wird einen einfachen,
wenn auch ansprechenden jungen Menschen <a1>Menschen / Mann s>2010</s></a1>
in ihm kennenlernen), sondern um der Geschichte willen, die uns in hohem
```

Ausdruck 11. Basistext mit Varianten

In Anlehnung an HTML-/XML-Auszeichnungskonventionen markieren *Tags* Inhaltliches:

```
<h1>...</h1> Überschrift
<a1>...</a1> Apparat, der sich auf ein einziges Wort bezieht
<i>...</i> kursive Schrift
<s>...</s> Sigle
<p> Beginn eines Abschnitts
<a2>...</a2> Apparat, der sich auf eine Wortgruppe bezieht
</ee> Ende der Wortgruppe, zu der es einen Apparat gibt
```

4. Textedition

Der mit solchen *Tags* versehene Text wird im letzten Verarbeitungsschritt mit dem Tustep-Satzprogramm gesetzt. Hierbei gilt es, Layout-Festlegungen zu treffen u.a. hinsichtlich der Seitengröße, der Grundschriftart und -größe, der Überschriftengröße, des Zeilenzählers. Das Satzergebnis sieht so aus:

Vorsatz

Die Geschichte Hans Castorps, die wir erzählen wollen, – nicht um seinetwillen (denn der Leser wird einen einfachen, wenn auch ansprechenden jungen Menschen in ihm kennenlernen), sondern um der Geschichte willen, die uns in hohem Grade erzählenswert scheint (wobei zu Hans Castorps Gunsten 5 denn doch erinnert werden sollte, daß es seine Geschichte ist, und daß nicht jedem jede Geschichte passiert): diese Geschichte ist sehr lange her, sie ist sozusagen schon ganz mit historischem Edelrost überzogen und unbedingt in der Zeitform der tiefsten Vergangenheit vorzutragen.

Das wäre kein Nachteil für eine Geschichte, sondern eher ein Vorteil; denn 10
Geschichten müssen vergangen sein, und je vergangener, könnte man sagen,
desto besser für sie in ihrer Eigenschaft als Geschichten und für den Erzähler,
den raunenden Beschwörer des Imperfekts. Es steht jedoch so mit ihr, wie es
heute auch mit den Menschen und unter diesen nicht zum wenigsten mit den
Geschichtenerzählern steht: sie ist viel älter als ihre Jahre, ihre Betagtheit ist 15
nicht nach Tagen, das Alter, das auf ihr liegt, nicht nach Sonnenumläufen zu
berechnen; mit einem Worte: sie verdankt den Grad ihres Vergangenseins
nicht eigentlich der Zeit, – eine Aussage, womit auf die Fragwürdigkeit und
eigentümliche Zwiennatur dieses geheimnisvollen Elementes im Vorbeigehen
angespielt und hingewiesen sei. 20

Um aber einen klaren Sachverhalt nicht künstlich zu verdunkeln: die hoch-
gradige Verflorenheit unserer Geschichte rührt daher, daß sie vor einer ge-
wissen, Leben und Bewußtsein tief zerklüftenden Wende und Grenze spielt...
Sie spielt, oder, um jedes Präsens geflissentlich zu vermeiden, sie spielte und
hat gespielt vormals, ehemals, in den alten Tagen, der Welt vor dem großen 25
Kriege, mit dessen Beginn so vieles begann, was zu beginnen wohl kaum
schon aufgehört hat. Vorher also spielt sie, wenn auch nicht lange vorher.
Aber ist der Vergangenheitscharakter einer Geschichte nicht desto tiefer, voll-
kommener und märchenhafter, je dichter »vorher« sie spielt? Zudem könnte
es sein, daß die unsrige mit dem Märchen auch sonst, ihrer inneren Natur 30
nach, das eine und andre zu schaffen hat.

Wir werden sie ausführlich erzählen, genau und gründlich, – denn wann
wäre je die Kurz- oder Langweiligkeit einer Geschichte abhängig gewesen
von dem Raum und der Zeit, die sie in Anspruch nahm? Ohne Furcht vor
dem Odium der Peinlichkeit, neigen wir vielmehr der Ansicht zu, daß nur das 35
Gründliche wahrhaft unterhaltend sei.

1 Vorsatz fehlt WWW; VORSATZ GKFA, 1926, 1956, 1968, 1974, OJ 2 nach Geschichte
Komma OJ Hans Castorps, fehlt OJ nach wollen Komma fehlt 1956, 1968, 1987 4 Men-
schen / Mann 2010 6 nach ist Komma fehlt 1926, 1956 17 Worte: / Wort: 1956 18 nach Zeit
Komma fehlt 1956, 1968, 1987 29 spielt? / spielt! WWW 30 inneren fehlt 1956 31 andre /
andere 1926 32 nach gründlich Komma fehlt 1956 33 Kurz- / Kurzweiligkeit WWW
34 nahm? / nahm! WWW

Ausdruck 12. Kritische Edition

Abgedruckt ist hier die erste Seite (von 12) der neuen Edition, die den Text der Erstausgabe von 1924 von Anfang an bis zum Ende des zweiten Unterkapitels bietet, und zwar mit allen Varianten, die sich durch einen Vergleich mit zehn anderen Ausgaben des Romans *Zauberberg* ergeben. Es sei darauf hingewiesen, dass die Darstellung der Varianten vollautomatisch erzeugt wurde und sich nun eine philologische Überprüfung anschließen müsste, ob die jeweilige Form und Schreibweise eines Apparateintrags der Sache nach angemessen ist. Ohne eine solche Nachbereitung könnte eine fundierte, textkritische Edition nicht entstehen.

Auch wenn an dieser Stelle kein vollständiger Abdruck aller 12 Seiten der neuen Edition erfolgen kann, sollen dennoch alle ermittelten Varianten dargeboten werden (s. Ausdruck 13). Um dies zu ermöglichen, wird der Text von 1924 in derselben Seiten- und Zeileneinteilung gesetzt, die der GKFA-Ausgabe von 2002 zugrunde liegt und die in Bibliotheken und in privatem Besitz zugänglich ist. Von der Edition mit Variantenapparat, die sich daraus ergibt, werden hier allein die Apparateinträge, ohne Romantext also, auf den nächsten beiden Seiten gezeigt; es wird verzeichnet, auf welche GKFA-Seite und -Zeile sich die Apparate beziehen. Die Sigle GKFA ist zur besseren Übersicht grau unterlegt, denn an diesen Stellen zeigt sich, worin sich die Erstausgabe und die kommentierte Edition von 2002 unterscheiden, obwohl dort doch betont wird, dass deren Texteinrichtung buchstaben- und zeichengenau der Erstausgabefolge [3, S. 53].

Wie wir sehen, ist dem nicht so. Es werden in der Ausgabe von 2002, die von M. Neumann „textkritisch durchgesehen“ wurde, zurecht fehlerhaft gesetzte Satzzeichen des Erstdrucks gebessert; dennoch finden sich 2 auffällige Abweichungen: Mag man die Versalien der Überschriften (9.1, 10.1-2) noch als typographische Eigenheit ansehen, ist die Schreibung von *Scaletta-Gletscher* (19.9) statt

Skaletta-Gletscher überraschend, obwohl beschrieben wird, „Fremdwörter, Eigen- und Ortsnamen folgen der Schreibung“ des Erstdrucks [3, S. 53].

Auf eine weitere Besonderheit sei noch hingewiesen: In den DDR-Ausgaben, deren Textrevision auf E. Neumann zurückgeht (1968 und 1987), werden die Syntagmen *liegen lassen* (S.12, 33), *gut geschnittenen* (S. 16, 10) und *weiß lackierten* (S.22, 15) teilweise auch im Einklang mit anderen Editionen jeweils zu einem einzigen Wort zusammengefasst. Hier darf die Strategie vermutet werden, eine Zusammenschreibung der Getrennschreibung vorzuziehen – eine Strategie, die sich vielleicht durch den gesamten Romantext hindurch zieht. An die Überprüfung der Varianten könnten sich nun sprachwissenschaftliche oder literaturwissenschaftliche Analysen anschließen.

Aber auch ohne solche Untersuchungen muss sich der Leser immer vergegenwärtigen, dass eine beliebige Ausgabe eines zeitgenössischen Romans nicht die Urform, die der Autor verfasst hat, wiedergibt, sondern dass mit Abweichungen zu rechnen ist. Und dass die Frage, „Was lese ich hier überhaupt?“, auch im editorischen Sinn durchaus ihre Berechtigung hat.

Seite: 9

1 Vorsatz *fehlt* WWW; VORSATZ **GKFA**, 1926, 1956, 1968, 1974, OJ 3 nach Geschichte *Komma* OJ Hans Castorps, *fehlt* OJ nach wollen *Komma* *fehlt* 1956, 1968, 1987 5 Menschen / Mann 2010 8 nach ist *Komma* *fehlt* 1926, 1956 22 Worte: / Wort: 1956 23 nach Zeit *Komma* *fehlt* 1956, 1968, 1987

Seite: 10

4 spielt? / spielt! WWW 6 inneren *fehlt* 1956 andre / andere 1926 7 nach gründlich *Komma* *fehlt* 1956 8 Kurz- / Kurzweilichkeit WWW 10 nahm? / nahm! WWW

Seite: 11

1 Erstes / ERSTES **GKFA**, 1926, 1956, 1968, 1974, OJ Kapitel / KAPITEL **GKFA**, 1926, 1956, 1968, 1974, OJ 1 f. Erstes Kapitel Ankunft *fehlt* WWW 2 Ankunft / ANKUNFT 1926 6 dort hinauf, / dorthinauf, 1956 13 solange / so lange 1926, 1956 30 nach nennen *Komma* *fehlt* 1956, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW, 2010 nach – *Komma* 1956, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW, 2010

Seite: 12

1 nach kleinen *Komma* 1956 grau gepolsterten / graugepolsterten 1926, 1968, 1987 6 »Ocean / 'Ocean WWW; »Ocean 1970, 1974, 2010 steamships«, / steamships', WWW; steamships<, 1970, 1974, 2010 13 Sorgen, / Sorgen,0 WWW 20 Vergessen; / Vergessen, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW 22 nach versetzt *Komma* *fehlt* 1956 27 erfuhr / frfuhr WWW 32 wieder aufzunehmen, / wiederaufzunehmen, 1956 33 liegen lassen / liegenlassen 1926, 1956, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW

Seite: 13

5 nach Kesselschmiede) *Komma* *fehlt* OJ 6 soviel / so viel 1926 12 nach herrschten *Komma* *fehlt* 1956 16 nach Unbekanntem *Komma* 1956 22 haben? / haben! WWW 33 schlössen / schlossen WWW

Seite: 14

1 Schründen / Schruenden WWW 4 nach fuhr *Komma* **GKFA**, 1926, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW, 2010 7 hinan- / hinanstrebte WWW 20 stiegen / steigen WWW 24 hörte, / hörte; 1926

Seite: 15

4 nach verwirrt *Komma* *fehlt* 1956 5 nach Wiedersehens *Komma* 1956 Handtasche / Handschuhe OJ 7 »Ocean / 'Ocean WWW; »Ocean 1970, 1974, 2010 steamships« / steamships' WWW; steamships< 1970, 1974, 2010 10 die / der 1970 zwischen: Zusatz den OJ 22 »Berghof« / 'Berghof' WWW; »Berghof< 1970, 1974, 2010 23 »Platz« / 'Platz' WWW; »Platz< 1970, 1974, 2010 27 Kriegsveteran? / Kriegsveteran! WWW 31 nach sich *Komma* 1968, 1970, 1974, 1987, WWW, 2010 33 mir: Zusatz aber 1956, 1968, OJ, 1987 aber *fehlt* 1956, 1968, OJ, 1987

Seite: 16

10 gut geschnittenen / gutgeschnittenen 1926, 1956, 1968, 1970, 1974, OJ, 1987, WWW 23 Gedanken«, / Gedanken?» 1956

Seite: 17

7 bereit stand, / bereitstand, 1926 9 du / Du 1926, 1956, 1968, OJ, 1987, 2010 10 so viel / soviel 1956 15 schon / noch 1970, 2010 23 besser«, / besser,« 1926 er; / er: WWW 24 klingt / kling 1970 27 Geräusche. / Geräusche.« WWW; Geräusche.« **GKFA**, 1926, 1956, 1968, 1970, 1974, OJ, 1987, 2010 29 »Ja, / Ja, 2010

Seite: 18

4 Es / »Es **GKFA**, 1926, 1956, 1968, 1970, 1974, OJ, 1987, WWW, 2010 12 trotteten: Zusatz sanft 1956, OJ sanft *fehlt* 1956, OJ 25 nach Lehnen *Komma* *fehlt* 1956, 1968, 1987 nach auslud *Komma* *fehlt* 1926, 1956 33 Firmen / Firne 1926

Seite: 19

1 Bergesriesen? / Bergriesen? 1956, OJ 2 scheint.« / scheint. WWW 9 Skaletta-Gletscher. / Scaletta-Gletscher.
GKFA, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW, 2010 25 »Ausgezeichnet!« / »ausgezeichnet!? WWW

Seite: 20

6 dritten- / drittenmal WWW irgendeine / irgend eine OJ 13 nach sind.« Punkt .. OJ

Seite: 21

5 nach Schritt Komma fehlt 1970 6 nach Anfahrt Komma 1926, 1956 Berghof / »Berghof« 1968, 1987;
'Berghof' WWW; »Berghof: 1970, 1974, 2010 8 Nr. / NR. 1926 Nr. 34 fehlt WWW 11 Telephon / Telefon 1956
24 Stimme... / Stimme. 1956 26 wasch' / wasch 1926, 1956, 1968, 1970, 1974, OJ, 1987, WWW, 2010 28 Im /
in WWW 31 soviel / so viel 1956

Seite: 22

6 Kokosläufer / Kokoslaeufel WWW 10 nach irgendwo Komma fehlt 1956 15 weiß lackierten / weißlackierten
1968, 1970, 1974, 1987; weisslackierten WWW 18 Vierunddreißig. / vierunddreißig. 1956, 1968, 1970, 1974,
1987, 2010 19 nach Ehepaar Komma fehlt 1956, 1968, 1987 25 nach friedlich Komma fehlt 1956 31 die / der
1970, 1974, WWW nach gestellt Komma fehlt 1956, 1968, 1987

Seite: 23

4 es fehlt 1970, 2010 8 könntest. / konntest. WWW 12 Cold-cream / Cold Cream 1926; Coldcream 1956, 1968,
1970, 1974, OJ, 1987, WWW 26 nach aus Komma fehlt 1956 27 Selbstverständlich / Selbstvers-tändlich 1926
29 »Selbstvers-tändlich« / »selbstvers-tändlich« 1956

Seite: 24

1 macht / machte WWW nach Dingern Komma fehlt GKFA, 1956, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW, 2010 5 da /
das 1956 Cold-cream / Cold Cream 1926; Coldcream 1956, 1968, 1970, 1974, OJ, 1987, WWW 8 nach habe
Komma fehlt 1926, 1956, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW, 2010 9 nach – Komma 1926, 1956, 1968, 1970, 1974,
1987, WWW, 2010 12 daran zu legen... / daranzulegen... 1956 18 nach echauffiert Komma fehlt 1956 da, / ja,
WWW 27 nach kurzzeitig Komma 1956

Seite: 25

1 nach Husten Komma fehlt 1956 nach offenbar Komma fehlt 1956 3 gehört / geh=rt WWW 5 nach war
Komma fehlt 1956 9 »Ja,« / »Ja«, 1956, 1968, 1970, 1974, OJ, 1987, WWW, 2010 »da / da WWW 14 Husten /
Fusten WWW 15 bedenken,« / bedenken«, 1956, 1968, 1970, 1974, OJ, 1987, WWW, 2010 19 Jugend / Jugend«
GKFA, 1968, 1970, 1974, 1987, WWW, 2010 20 nach Jugend« Komma GKFA, 1968, 1987 Bräune / »Braeune
WWW; »Bräune GKFA, 1968, 1970, 1974, 1987, 2010 21 es / er 1926 23 nach nicht Komma fehlt 1956
26 nach aussieht Komma fehlt 1956 – fehlt 2010 28 »Na,« / »Na«, 1956, 1968, 1970, 1974, OJ, 1987, WWW,
2010

Ausdruck 13. Nur Variantenapparat

Notes

¹ Webseiten: omnipage.de.softonic.com a [Omnipage](http://omnipage.com) bzw. www.abbyy.com/de-de/finereader [besucht am 01.06.2016].

² Webseiten: www.free-ocr.com, cognitiveforms.com, www.paperfile.net [besucht am 01.06.2016].

³ Webseiten: php.net, www.perl.org, www.tustep.de [besucht am 01.06.2016].

References

1. Gulbins J. et al. *Elektronische Archivierungssysteme – Image-Management-Systeme, Dokument-Management-Systeme*. Berlin-Heidelberg: Springer, 1993 [in German].
2. Justus M. *Thomas Mann im Internet: Eine kommentierte Linksammlung*. Retrieved from: http://www.thomasmann.de/thomasmann/im_internet/ (accessed 22.05.2016) [in German].
3. Neumann M. *Thomas Mann – Der Zauberberg – Roman. Kommentar*. Frankfurt am Main: S. Fischer, 2002 [in German].
4. Ring R. *OCR-Tricks*. Retrieved from: <http://www.experto.de/computer/ocr-tricks-beste-ergebnisse-bei-der-optischen-zeichenerkennung-am-pc.html> (accessed: 15.05.2016) [in German].
5. Steer G. et. Al. *Die Rechtssumme Bruder Betholds. Eine deutsche abecedarische Bearbeitung der Summa Confessorum des Johannes von Freiburg. Synoptische Edition der Fassungen B, A und C*. Tübingen: Niemeyer, 1987, Bd. 1 [in German].

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ? ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ВАРИАНТЫ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННЫХ РОМАНОВ

В данной статье описывается проект по сравнению 11 различных изданий известного романа Томаса Манна «Волшебная гора» (1924 г.). Целью является разработка компьютеризированного инструментария, который дает возможность автоматизированной обработки текстов только с небольшой долей их дополнительной ручной обработки. После сканирования секвенций из нескольких глав романа изображения преобразуются в текстовые файлы. В текстах исправлены дефисные написания, а т. н. OCR-ошибки исправляются автоматически. Для сравнения текстов все различия между ними выявляются: различия пунктуации, орфографии и лексические модификации. Текст первого издания романа Т. Манна 1924 года и варианты, найденные во всех других переизданиях, объединены в новое критическое издание текста.

Ключевые слова: Томас Манн, роман «Волшебная гора», машинная обработка текстов, сравнение текстов, критическое издание, ошибки.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* Шталь Петер (peter.stahl@uni-wuerzburg.de), кафедра немецкого языкознания, Баварский университет им. Юлиуса-Максимилиана (Вюрцбург, ФРГ), Am Hubland, Philosophiegebäude 4.E.12, 97074, Würzburg, Germany.

СПОСОБЫ ДЕКОДИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ НОВЫХ АНГЛОАМЕРИКАНИЗМОВ В ТЕКСТАХ СМИ

Активное употребление на страницах немецких и русских СМИ новых заимствованных англоамериканизмов отражает процесс глобализации и интеллектуализации языка, вместе с тем усложняет восприятие и понимание читателем содержания текста. Декодирование новых знаний, заключенных в семантике неологизмов, становится возможным благодаря различным приемам, используемым авторами текстов для интерпретации новых слов. В статье иллюстрируются способы декодирования читателем семантики новых заимствованных слов в контексте благодаря применению различных средств – графических, лексических, синтаксических и других.

Ключевые слова: заимствование, англоамериканизмы, семантика, интерпретация, декодирование.

Современный уровень развития общества оказывает непосредственное влияние на лексический состав и состояние языка. Бурные политические и социальные события, вызванные к жизни глобализацией и интеграцией во всех сферах – политике, финансах, ИТ-технологиях, экономике, культуре, спорте, моде и др., – произошедшие на рубеже двух веков, изменили наш язык, сделав его более интеллектуальным, «технократичным» и немного «чужим». Англоамериканские заимствования активно проникают во все европейские языки, особенно в язык СМИ (как электронных, так и печатных), нивелируя национальные языки вследствие экспансии заимствованных слов. Все новое требует языковой номинации, которая вызывает к жизни неологизмы – новые слова, новообразования, новые значения слов. В этой связи Е.В. Розен различала «необходимую» неологию («Notneologie») и «избыточную» неологию («Luxusneologie») [1], т. е. новые слова для обозначения новых предметов, явлений и понятий, без которых нельзя обойтись, и слова, которые не вызваны к жизни потребностью в номинации, а являются данью языковой моде и употребляются исключительно для престижа. В последнем случае немецкие слова заменяются англоамериканизмами в силу того, что они короче, благозвучнее и отвечают моде. Так, автор приводимого ниже пассажа Бастиан Зик недоумевает по поводу того, что для многих английских слов, функционирующих в немецком языке, давно есть свои немецкие соответствия, однако в силу языковой моды предпочтительными оказываются варианты из английского языка.

Das Verrückte ist ja, dass es für viele englische Wörter schon längst deutsche Entsprechungen gab. Die gerieten nur in Vergessenheit – weil sie nicht “hip” oder “trendy” waren. Zum Blockbuster sagte man früher “Straßenfeger”, ein “Global Player” war ein Weltkonzern, und wer eine Sache “toppen” wollte, der konnte versuchen, sie zu “übertreffen”. Die “Headline” war früher eine “Schlagzeile” und der “Contest” ein Wettbewerb. Zum “Service Point” sagte man “Auskunft”,

---

* © Шайхутдинова Х.А., 2016

Шайхутдинова Халида Абдрахмановна (lidia_sch@mail.ru), кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

und der "Counter" war ein Schalter. Eigentlich ganz einfach. Selbst für den lästigen "Stalker" gab es schon das griffige Wort "Nachsteller". Man hätte es gar nicht auf Englisch nachstellen müssen [2].

В этой связи особую важность приобретает умение автора/адресанта донести семантику нового слова до читателя/адресата с тем, чтобы тот декодировал смысл читаемого, что иногда представляется довольно трудной задачей, ибо часто новые англоамериканизмы употребляются без пояснений и интерпретаций. Поскольку новые слова не всегда можно найти в имеющихся словарях и не все читатели владеют английским языком, важно научиться извлекать информацию из самого текста.

В данной статье мы рассмотрим примеры употребления англоамериканских заимствований в современных текстах немецких и русских СМИ. Нашей задачей является выявление способов декодирования семантики новых заимствованных слов читателем, соответственно, сигнализация новизны и интерпретация значений этих слов авторами текстов.

Итак, одним из способов, сигнализирующих о новизне заимствованных единиц, являются графические маркеры, такие как кавычки, курсив, иностранное написание [3]. Наряду с графическими маркерами могут употребляться сигнальные слова: *sogenannt, sozusagen, wie es im Jargon heißt, так называемый* и др. Приведем примеры:

Das „living apart together“ – Modell

Es wirkt, wie der Kompromiss zwischen Singleleben und fester Partnerschaft. Zusammenleben: Nein. Partnerschaft: Ja. Paare, die das sogenannte LAT-Modell praktizieren, sträuben sich vor allem gegen den Beziehungsalltag. Diskussionen über Haushaltsfragen oder Geld möchten sie bewusst vermeiden. ...Wer Unabhängigkeit und Individualität nicht gegen Kompromisse eintauschen möchte, für den ist das LAT-Modell eine gute Alternative.

Ситуация на Украине стала «очень волатильной» с момента отставки премьер-министра страны Арсения Яценюка, цитирует Reuters главу Совета Европы Турбьерна Ягланда (<https://rns.online/economy/Sovet-Evropi-schitaet-situatsiyu-na-Ukraine-volatilnoiposle-otstavki-Yatsenyuka-2016-04-11>).

Если в первом пассаже приводится косвенное толкование значения, то во втором нет и намек на интерпретацию и раскрытие значения, и лишь кавычки сигнализируют новизну прилагательного.

Декодировать семантику англоамериканизма в контексте несложно в случае наличия синонима, который может стоять как в непосредственной близости от нового слова, так и отстоять от него на некоторой дистанции (*Freelancer* (англ.) – *Freiberufler* (нем.) – человек свободной профессии, работающий не по найму).

Bei Freelance-Market brauchen Sie sich nicht zu registrieren, sondern können direkt den passenden Freiberufler auswählen – kostenlos und ganz schnell! Klicken Sie einfach links auf eine der 35 verschiedenen **Freelancer**-Kategorien um den passenden **Freiberufler** zu finden (www.dradio.de 05.11.2011).

Клинтон говорит «нет» сланцевой революции

«СП»: — Однако американские экологи утверждают, что гидроразрыв загрязняет водоносные слои?

— *Правильнее было бы сказать, что водоносные слои загрязняются из-за нарушения технологии добычи сланцевой нефти. Это вопрос эффективности работы соответствующих служб, которые стоят на защите окружающей среды. Уверен, что здравомыслящие власти сочтут более важным усилить контроль над буровыми площадками, нежели поставить крест на фрэкинге (Примечание мое. — Х.Ш., от англ. fracking) (http://news.rambler.ru/head/32896070/?track=news_othernews 27.02.2016).*

Психологи рассказали, что станет самым лучшим подарком ко Дню святого Валентина 2016... И этот подарок не будет стоить вам ни копейки. Его ценой является ваша собственная сила воли. «На время романтического свидания вам предстоит сказать себе три «нет», — объяснили специалисты. ...Итак, совет первый – стоп

фаббинг! Синонимом слова *фаббинг* является словосочетание «**телефонное залипание**». Психологи настаивают на ограничении использования смартфонов во время общения с возлюбленными.

Совет второй: стоп **техноференс!** Техноференс порождается фаббингом. Это новое слово означает негативное воздействие технологий на романтические отношения между людьми. ...

*И наконец, третий совет: стоп **номофобия!** Номофобия — это еще одно последствие фаббинга — страх остаться без мобильного телефона или вдалеке от него. В День святого Валентина, находясь в компании любимого человека, специалисты рекомендуют отключить гаджет (http://family.rambler.ru/news/nauka-i-tehnika/344515/?utm_campaign=self_promo&utm_term=head&utm_medium=midcol&utm_source=news&utm_content=family?track=news_othernews 13.02.2016).*

В случаях употребления неологизмов *номофобия* и *техноференс* декодирование значения возможно за счет дефиниции: автор непосредственно толкует новые слова путем описания их семантики. Подобный подход нечасто встречается в русскоязычных текстах и в то же время является довольно типичным для немецкоязычных СМИ.

Довольно редко семантику нового заимствованного слова можно декодировать благодаря антониму (*транспарентность — секретность*) или справочной информации, вынесенной за рамки основного текста, что имеет место в нашем корпусе исключительно на страницах русскоязычных СМИ и не находит своего выражения в немецкоязычных СМИ:

Конфликты приобретают напряженность, нужна большая **транспарентность** о действиях друг друга. **Секретность** нужна тем, кто что-то готовит. Другое дело, что договор модернизации должен учитывать интересы всех сторон», — говорит Арбатов (<http://news.rambler.ru/articles/32680746>).

Самарские вузы получили площадку под кампус

*Губернатор Самарской области Николай Меркушкин заявил, что самарские вузы получают площадку для строительства **кампуса**. Местом для студенческого городка выбрана территория, прилегающая к стадиону чемпионата мира по футболу в 2018 году.*

Справочно: кампус — университетский городок, включающий, как правило, учебные помещения, научно-исследовательские институты, жилые помещения для студентов, библиотеки, аудитории, столовые и т. д. (www.mail.ru 27.09.2015).

Перевод заимствованного слова на родной язык также является одним из способов разъяснения читателю семантики новых слов:

*Даже находясь в отпуске, вы вряд ли будете следовать набирающей популярность идее **digital detox**. «**Цифровое воздержание**» прекрасно смотрится в журналах с полезными советами, но малоприменимо в повседневной реальности. Куда бы вы ни собрались, наверняка захватите с собой любимый планшет или смартфон, хотя бы для того, чтобы периодически сверяться с навигатором в незнакомом месте (www.rabota.mail.ru 14.07.2014).*

*Высказывания Петра Порошенко в Париже вызвали резкое неприятие у западных журналистов, пишет портал RusNext.ru со ссылкой на украинские СМИ. Сравнение атаки экстремистов на Париж с так называемой АТО, сделанное президентом, вызвало большой резонанс в западной прессе. ...Репортеров из Америки и Франции поддержала их немецкая коллега, журналистка немецкого Frankfurter Allgemeine Zeitung Анна-Дорит Бой. Она назвала риторику Порошенко на саммите «эпик **фэйлом**» (эпическим провалом) [(<http://www.metprice.ru/another-news/ocherednoy-pozor-poroshenko-zapadnaya-pressa-podivilas-tsinizmu-ukrainskogo-prezidenta> 02.12.2015).*

Чтобы проинтерпретировать новое слово, адресанту иногда приходится апеллировать к опыту и подробно описывать процесс с целью раскрытия его содержания [4].

Это имеет место, когда для обозначения процесса или явления нет синонимов. Обращение к реальному опыту и ономазиологическому анализу при интерпретации значения слова особенно актуально в том случае, когда слово представляет собой термин, неизвестный широкому читателю. Подробное толкование происходящего процесса мы можем наблюдать в нижеприводимом контексте, описывающем процесс добычи сжиженного газа, обозначаемый словом Fracking (см. выше *гидроразрыв*):

In Niedersachsen wird über das “Fracking” diskutiert

Am Montag bebte in Niedersachsen leicht die Erde – in der Nähe eines Erdgasfeldes bei Neuenkirchen-Tewel. Hatte das Beben mit der seit Jahrzehnten betriebenen Förderung von Erdgas zu tun? Und welche Rolle spielte dabei möglicherweise das “Fracking”? Beim Fracking wird Wasser mit Chemikalien versetzt und dann unter hohem Druck in die Gas führenden Schichten gepresst, bis sie aufbrechen. Übrig bleiben unter anderem große Mengen an Abwasser und Bohrschlamm, die mit radioaktiven Substanzen, Schwermetallen und Salzen belastet sind. Das Landesamt für Bergbau, Energie und Geologie hat nun geprüft, ob ein Zusammenhang zwischen dem leichten Erdbeben vom Wochenanfang und dem Fracking besteht (www.dradio.de 16.02.2012).

Итак, сравнительный анализ корпуса, состоящего из 50 немецких и 50 русских текстов СМИ, позволяет нам утверждать, что немецкоязычные тексты больше тяготеют к экспланаторности, т. е. имеют установку на объяснительность. Практически в каждом из текстов дается то или иное толкование значений англоамериканизмов, либо оно вполне однозначно выводится из контекста. Однако в текстах русских СМИ довольно часто употребление англоамериканизмов не обусловлено номинативной потребностью и остается совершенно непонятным для читателя. В подтверждение приведем лишь некоторые фрагменты текстов, в которых употребленные заимствования не снабжены какой-либо интерпретацией:

Девочка регулярно выкладывает в Инстаграм, где у нее более тысячи подписчиков и фолловеров, свои фотографии в стильной одежде, а недавно она сообщила, что подписала контракт с модельным агентством. «...Я никогда не надеваю одну и ту же вещь дважды», – рассказала Лили-Рэй (<https://deti.mail.ru/news/roditeli-tratyat-tysyachi-funtovna-hobbi-docheri>).

Леонардо Ди Каприо сыграет Владимира Путина

Американский актер Леонардо Ди Каприо дал предварительное согласие на участие в байопике о президенте России Владимире Путине, сообщает телеканал «Дождь» со ссылкой на источники, близкие к кинокомпании Knights Bridge Entertainment. ...Фильм будут снимать в России, США и Европе. ...Продюсером байопика выступит Марк Дэймон... (<https://afisha.mail.ru/cinema/news/46909/> 2.02.2016).

Марина Богатова, актриса, играет Юлю.

Меня пригласили сняться в «Бедных людях», потому что я уже работала с Антоном Зайцевым и Жанной Кадниковой в «Реальных пацанах». В синопсисе сразу было написано: «В этой роли хотим видеть Марину Богатову», но я до последнего сомневалась, что, может, возьмут кого-то другого. После всех проб и кастингов меня утвердили. (https://afisha.mail.ru/series/articles/47112/?from=mr_news).

Итак, на примере употребления англоамериканизмов в текстах немецких и русских электронных СМИ нам удалось выявить, что наиболее распространенными способами декодирования семантики новых англоамериканизмов являются синонимы и антонимы к новым словам, дефиниции, синтаксические конструкции или подробное пояснение самого явления, перевод слова, справочная информация, а также графические маркеры (кавычки, курсив, иностранное написание неологизмов) и сигнальные слова. Сам факт интерпретации слова сигнализирует о новизне употребляемого слова и его неосвоенности в языке, поскольку все новое требует пояснения. Авторы немецких текстов более подробно толкуют новые англоамериканизмы, в то время как в русских текстах новые слова часто употребляются без каких-либо ком-

ментариев и пояснений, что приводит нас к выводу о том, что новые слова часто являются данью языковой моде и употребляются из соображений престижа и самопрезентации.

Таким образом, можно констатировать, что декодирование новых знаний, заключенных в неологизмах, представляет собой порой сложный процесс и требует от адресата/читателя определенной мыслительной работы и обширных знаний. Чтение прессы без знания английского языка сегодня невозможно для носителей не только немецкого, но и русского языка. Интеллектуализация языка – основное свойство языка, которое особенно ярко проявляется в последние 20–30 лет, что отмечается также рядом исследователей [5–7]. Поэтому сейчас как никогда велика роль самообразования и постоянного активного усвоения новых знаний.

Библиографический список

1. Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. М.: Просвещение, 1991. 189 с.
2. Sick Bastian. Zwiebelfisch: Neue Wörter braucht das Land! <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/zwiebelfisch-neue-woerter-braucht-das-land-a-742873.html>.
3. Шайхутдинова Х.А. Интерпретация семантики новых слов в контексте // Интерпретация как ментальное зеркало видения текста. Екатеринбург. 2015. Вып. 4. С. 195–202.
4. Шайхутдинова Х.А. Прагматический аспект неологизации лексики // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре [Электронный ресурс]: материалы 72-й юбилейной Всерос. научно-техн. конф. по итогам НИР 2015 года. СГАСУ. Самара, 2016. С. 66–70.
5. Ваулина Е.Ю. Терминологическая лексика в толковом словаре: «интеллектуализация» или «детерминологизация» современного русского языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2015. № 2-1. С. 233–236.
6. Зинчук Е.А. Английские заимствования в немецком языке как отражение процессов в современном обществе // Филология: научные исследования. 2015. № 2. С. 129–137.
7. Кормилицына М.А. Активные процессы в языке современной российской прессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 304–308.

References

1. Rozen E.V. *Novye slova i ustoichivye slovosochetaniia v nemetskom iazyke* [New words and established collocations in the German language]. М.: Prosveshchenie, 1991, 189 p. [in Russian].
2. Sick, Bastian. *Zwiebelfisch: Neue Wörter braucht das Land!* [Mixed Print: the Country Needs New Words!]. Retrieved from: <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/zwiebelfisch-neue-woerter-braucht-das-land-a-742873.html> [in German].
3. Shaykhutdinova Kh.A. *Interpretatsiia semantiki novykh slov v kontekste* [Interpretation of semantics of new words in the context]. In: *Interpretatsiia kak mental'noe zerkalo videniia teksta* [Interpretation as a mental mirror of vision of text]. Ekaterinburg. Issue 4, 2015, pp.195–202 [in Russian].
4. Shaykhutdinova Kh.A. *Pragmaticheskii aspekt neologizatsii leksiki* [Pragmatical aspect of neologization of vocabulary]. In: *Traditsii i innovatsii v stroitel'stve i arkhitekture [Elektronnyi resurs]: materialy 72-i iubileinoi Vseros. nauchno-tekhn. konf. po itogam NIR 2015 goda* [Traditions and innovations in construction and architecture [Electronic resource]: materials of the 72 jubilee All-Russian scientific and technical conference based on the results of research work of 2015]. Samara State University of Architecture and Civil Engineering. Samara, 2016, pp. 66–70 [in Russian].
5. Vaulina E.Ju. *Terminologicheskaiia leksika v tolkovom slovare: «intellektualizatsiia» ili «determinologizatsiia» sovremennogo russkogo iazyka* [Terminological vocabulary in the explanatory dictionary: «intellectualization» or «determinologization» of modern Russian language]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Topical issues of humanitarian and natural sciences]. М., 2015, no. 2-1, pp. 233–236 [in Russian].
6. Zinchuk E.A. *Angliiskie zaimstvovaniia v nemetskom iazyke kak otrazhenie protsessov v sovremennom obshchestve* [English loanwords in German language as the reflection of processes

in the modern society]. *Filologiya: nauchnye issledovaniia* [Philology: scientific researches]. M., 2015, no. 2, pp. 129–137 [in Russian].

7. Kormilicyna M.A. *Aktivnye protsessy v iazyke sovremennoi rossiiskoi pressy* [Dynamic processes in the language of modern Russian mass media]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. Nizhni Novgorod, 2011, no.6-2, pp. 304–308 [in Russian].

Kh.A. Shaykhutdinova*

WAYS OF DECODING SEMANTICS OF NEW ANGLICISMS AND AMERICANISMS IN THE MASS MEDIA

Active usage of new loanwords from British and American English in German and Russian mass media reflects the process of globalization and intellectualization of language, but at the same time it complicates perception and understanding of the text by the reader. Decoding new knowledge embodied in the semantics of neologisms becomes possible due to different methods that are used by the authors in order to interpret new words. This article illustrates the ways to decode the semantics of new loanwords in context by using different means – graphic, lexical, syntactical etc.

Key words: loanword, Anglicisms, Americanisms, semantics, interpretation, decoding.

Статья поступила в редакцию 15/VI/2016.
The article received 15/VI/2016.

---

* *Shaykhutdinova Khalida Abdrahmanovna* (lidia_sch@mail.ru), Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, 194, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443001, Russian Federation.

УДК 37.016: 811.161.1 – 053.

Т.Г. Трофимович*

ТЕКСТ И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается место и роль текста в филологическом образовании младших школьников Республики Беларусь. Автор формулирует основные требования к тексту как дидактическому и воспитательному инструменту. Текст, оказывающий компонентом образовательного процесса, должен быть дидактически ценным, являться образцом грамотной, качественной речи, соответствовать современным представлениям о мире и его устройстве, обладать воспитательным потенциалом. Как показывает практика, только привлечение в образовательный процесс текстов, соответствующих этим требованиям, оправданно и целесообразно.

Ключевые слова: текст, начальное образование, процесс обучения и воспитания, дидактическая и воспитательная ценность текста.

В гуманитарном знании последних десятилетий заметен устойчивый интерес к тексту как произведению речи [1, с. 470], как к коммуникативному событию, удовлетворяющему нескольким общепризнанным условиям (связности, целостности, информативности и т. д.) [2, с. 39–42]. Именно в вербальном тексте проявляется и реализуется одна из важнейших человеческих способностей – способность создавать соответствующее критериям текста высказывание. Не случайно на всех этапах школьного образования изучаются основные особенности текста, закономерности его построения. Тексты различных видов становятся также основными источниками знаний для учащихся, а художественные тексты обеспечивают к тому же и приобретение эмоционального жизненного опыта. Работа с текстом, формирование умений и навыков его понимания и продуцирования – одна из основных задач школьного образования.

Курс русского языка начальной школы Республики Беларусь (2–4 классы) включает разделы «Текст», которые предусматривают овладение умениями анализировать готовый текст, пересказывать текст в устной и письменной форме, а также создавать собственные высказывания [3, с. 37]. Так, во 2 классе учащиеся получают понятие о тексте, его теме и основной мысли, осуществляется знакомство с композицией текста, выполняются упражнения по пересказу текстов с использованием вопросов и картинных планов.

В 3 и 4 классах знания о тексте, которые должны усвоить учащиеся, расширяются и углубляются: рассматриваются способы выражения основной мысли текста, план текста, типы текстов, части текста и связь между ними. Особое внимание уделяется составлению текстов по заданной ситуации, плану, рисунку, построению элементарных текстов-рассуждений. В результате достигаются основные требования к знаниям, умениям и навыкам учащихся, сформулированные в действующих учебных программах. Учащиеся должны знать основные признаки текста, уметь делить текст на части, определять тип текста, составлять элементарные тексты, пересказывать текст.

Известно, что в Республике Беларусь в настоящее время функционируют школы с русским языком обучения и с белорусским языком обучения. Согласно принятому в 2011

---

* © Трофимович Т.Г., 2016

Трофимович Тамара Григорьевна (t.trof@mail.ru), кафедра белорусского и русского языкознания, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, 220050, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Советская, 18.

году Кодексу об образовании, обеспечение прав и свобод граждан подразумевает равенство белорусского и русского языков [4, п. 2.9, ст. 90]. На практике это означает, что независимо от того, на каком языке ведется преподавание, второй государственный язык изучается как предмет. Например, младшие школьники в Республике Беларусь в школах с русским языком обучения изучают не только русский, но и белорусский язык. Курс белорусского языка также содержит разделы «Текст» (3 и 4 классы), которые дополняют и углубляют знания о тексте, полученные на уроках русского языка [3, с. 89, 93]. Таким образом, в начальной школе учащиеся приобретают элементарные представления о тексте и закономерностях его построения, овладевают умениями по анализу и созданию текстов.

Пристального внимания методистов, учителей-практиков, авторов учебников требуют многочисленные тексты, которые используются в учебном процессе начальной школы. Эти тексты должны соответствовать ряду требований особого характера. Попробуем в общих чертах их сформулировать.

1. **Текст должен иметь выраженную дидактическую ценность.** Это требование касается в основном тех текстов, которые используются как упражнения на уроках русского или белорусского языков. Они должны соответствовать содержанию обучения, его целям и задачам. Примеров таких текстов в действующих учебниках по русскому языку для белорусской начальной школы много, они составляют большинство всего корпуса привлеченных текстов. Так, например, исключительно ценен текст загадки «*Ее всегда в лесу найдешь — пойдем гулять и встретим. Стоит колючая, как еж, зимою в платье летнем*», предложенный в упражнении по теме «Мягкий согласный [й'] и буквы, его обозначающие» [6, с. 69].

Дидактическая ценность текста подразумевает то, что он будет насыщен необходимым учебным материалом. Это, однако, не исключает присутствия в нем всех качеств хорошей речи. Текст в гармоничном единстве формы и содержания станет тем, что в современной теории коммуникации называется коммуникативным действием — передачей информации с целью соответствующего воздействия на поведение того, кому он адресован [7, с. 8].

2. **Текст должен быть образцом грамотной, качественной речи.** Таких текстов в белорусских учебниках по русскому языку большинство. Активно используются произведения русской классической поэзии, прозы, литературы для детей. При необходимости тексты адаптируются, оставаясь при этом образцами русской речи.

Анализ действующих белорусских учебников по русскому языку показывает, что их авторам иногда не удается привлечь образцовый текст. Тогда появляются, например, такие «стихи»: *Люблю падеж я дательный, он очень привлекательный. Он готов дарить, давать, объяснять и помогать всем, кто нравится ему. Спросишь ты: кому? чему? А предлоги к и по с ним идут одной тропой.* По этическим соображениям мы не даем ссылку на учебник, но полагаем, что такие тексты не должны использоваться в процессе обучения.

Опыт показывает, что привлечение рифмованных текстов широко практикуется в начальной школе. Понятно желание авторов учебников, методических пособий и учителей сделать уроки выразительными, яркими, информационно и эстетически насыщенными. Жаль, что время от времени на уроках звучат примитивные «стихи»: *Прозвенел звонок, начинается урок. Ноги вместе. Спинки ровно. И к уроку все готово.*

Совершенно недопустимо использовать в процессе обучения тексты, содержащие разного рода ошибки. Иногда такие тексты попадают на страницы учебников. Так, в одном из учебников по литературному чтению кичка на голове у героини пушкинской сказки стала почему-то *парчевой*, а не *парчовой*, как того требует орфографическая норма. Досадная ошибка должна быть устранена.

В упражнении по русскому языку встретилось предложение *На карнавал я одену белую рубашку...* (нужно надену). Учащимся 4 класса предложена загадка: *На лугу живет скрипач, носит фрак и ходит вскачь.* Однако ходить вскачь невозможно, потому что наречие *вскачь* означает *скачками, галопом*. К счастью, таких примеров немного.

3. Текст должен соответствовать современным представлениям о жизни и мире.

Нередко со времени создания стихов и рассказов, предложенных для изучения, прошли столетия и десятилетия. Изменились жизненные реалии, их общественная оценка. В таком случае оказывается, что с современной точки зрения написанное предлагает сценарий антиобщественного или небезопасного поведения. У учителей и методистов немало таких фактов. Хрестоматийные примеры из стихотворения С. Михалкова «Прививка» (*Я прививки не боюсь: Если надо — уколюсь! Ну, подумаешь, укол! Укололи и — пошел...*) или «Денискиных рассказов» В. Драгунского (*Я очень люблю стоять позади автомобиля, когда он фырчит, и нюхать бензин*) известны. Ясно, что эти тексты не стоит предлагать школьниками, как не стоит, скорее всего, предлагать для чтения, например, стихотворение С. Маршака «Друзья-товарищи» [6, с. 13], где герои шли после школы *Куртки нараспашку, шапки набекрень, шли куда попало в первый теплый день и Весело вернулись к вечеру домой*. В произведении «Страшный рассказ» Е. Чарушина повествование начинается так: *Мальчики Петя и Шура остались одни. Они жили на даче у самого леса, в маленьком доме. В этот вечер папа и мама у них ушли к соседям в гости*. Дети остались одни без присмотра, а это плохо.

Можно предвидеть возражения: в упомянутых произведениях много художественных, обучающих и воспитывающих достоинств. Стоит ли отказываться от них? Это следует решить совместно, однако если и предлагать для изучения «Страшный рассказ», например, то упомянутую ситуацию следует проанализировать с учащимися.

4. Текст должен обладать весомым воспитательным потенциалом. Общеизвестно, что образование — это обучение и воспитание. Значит, в процессе обучения следует использовать тексты, способствующие воспитанию младших школьников, формированию в них лучших человеческих качеств. Воспитательный потенциал текста может быть выражен отчетливо, прямолинейно. Так, например, в тексте «Солнечный зайчик» в учебнике по русскому языку для 4 класса нравственно-этические ценности становятся основной мыслью: *В человеке, звере и птице живет маленький теплый солнечный зайчик. Отнесите к любому живому существу с добром, и в нем этот солнечный зайчик проснется*. Далее о том, что солнечного зайчика в живом существе надо будить. Прекрасный по содержанию текст, работа с ним будет способствовать воспитанию школьников.

Есть тексты, воспитательная ценность которых раскрывается учителем путем грамотного анализа содержания. *В нашем доме шесть этажей... Под крышей слепили гнездо ласточки. Мы с Женей любим наблюдать за жизнью птиц*. После работы над правописанием *же, ше, жи, ши* учитель проведет краткую беседу по воспитанию любви к природе и бережному отношению к ней. Один-два вопроса не помешают усвоению лингвистической информации.

Существенную роль в воспитании младших школьников на уроках русского языка в белорусской начальной школе играют пословицы и поговорки, которые широко представлены на страницах учебников: *В гостях хорошо, а дома лучше; Не тот урожай, что в поле, а тот, что в амбаре*. Раскрытие смысла этих и других пословиц будет полезным для формирования высоконравственного человека.

Наши рассуждения о роли текста в филологическом образовании младших школьников не претендуют на окончательные выводы. Скорее, это размышления по поводу роли текста в обучении и воспитании, а она представляется нам исключительно важной. Именно текст как коммуникативное событие и коммуникативное действие в состоянии воздействовать на ум и душу обучающегося. Этим определяется высокий уровень требований к текстам для начальной школы и школы вообще.

В заключение укажем на то, что осенью текущего года школьники Республики Беларусь, в том числе и учащиеся начальных классов, получают учебники нового поколения. Эти учебники победили в конкурсном отборе, прошли многочисленные экспертизы и рецензирование. Есть все основания надеяться, что сформулированные нами требования к текстам будут в них соблюдены.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е. М., 2007. 606 с.
2. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Ветер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. Харьков, 2009. 356 с.
3. Учебные программы для общеобразовательных учреждений с русским языком обучения. I–IV классы. Минск: Национальный институт образования, 2013. 264 с.
4. Кодекс Республики Беларусь об Образовании. 2011 г. URL: http://kodeksy-by.com/kodeks_ob_obrazovanii_rb.htm.
5. Антипова М.Б., Верниковская А.В., Грабчикова Е.С. Русский язык: учебник для 2 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. Ч. 1. Минск: Национальный институт образования, 2011. 195 с.
6. Стремек И.М. Литературное чтение: учебник для 4 класса общеобразовательных учреждений с белорусским языком обучения. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2008. 144 с.
7. Гусев С.С. Метафизика текста. Коммуникативная логика. СПб., 2008. 352 с.

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Linguistic terms dictionary]. Edition 4. M., 2007, 606 p. [in Russian].
2. Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis]. Transl. from English. Kharkov, 2009, 356 p. [in Russian].
3. *Uchebnye programmy dlia obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii s russkim iazykom obuchenii. I – IV klassy* [Training programs for general education institutions with Russian language of teaching. I – IV years of study]. Minsk: Natsional'nyi institut obrazovaniia, 2013, 264 p. [in Russian].
4. *Kodeks Respubliki Belarus' ob Obrazovanii. 2011* [Education Code of the Republic of Belarus. 2011]. Retrieved from: http://kodeksy-by.com/kodeks_ob_obrazovanii_rb.htm [in Russian].
5. Antipova M.B., Vernikovskaya A.V., Grabchikova E.S. *Russkii iazyk Uchebnik dlia 2 klassa uchrezhdenii obshchego srednego obrazovaniia s russkim iazykom obuchenii. Ch.1* [Russian language. Textbook for the 2nd year of study for general education institutions with Russian language of teaching. Part 1]. Minsk: Natsional'nyi institut obrazovaniia, 2011, 195 p. [in Russian].
6. Stremok I.M. *Literaturnoe chtenie: uchebnik dlia 4 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii s belorusskim iazykom obuchenii* [Literary reading: textbook for the 4th year of study of education institutions with the Belarusian language of teaching]. Minsk: Adukatsyia i vykhavanne, 2008, 144 p. [in Russian].
7. Gusev S.S. *Metafizika teksta. Kommunikativnaia logika* [Metaphysics of text. Communicative logic]. SPb, 2008, 352 p. [in Russian].

T.G. Trofimovich*

**TEXT AND PHILOLOGICAL TRAINING OF PRIMARY SCHOOL PUPILS
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

This article examines place and role which text takes in the philological education of primary school pupils in the Republic of Belarus. The author formulates basic requirements to the text as an upbringing tool. Text as an educational component is supposed to be didactically valuable and to be a model of right and literate speech of high level of culture as well. Also text should correspond with a contemporary representation of the world and have an upbringing potential. According to practice, the including texts which meet all these requirements into educational process is the only thing that is true and efficient.

Key words: text, primary education, educational and training process, didactic and educational value of the text.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* Trofimovich Tamara Grigorjevna (t.trof@mail.ru), Department of Belarusian and Russian Linguistics, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18, Sovetskaya street, Minsk, 220050, Republic of Belarus.

ВОЕННЫЙ РАЗГОВОРНИК ДЛЯ СОЛДАТ ВЕРМАХТА: ДИНАМИКА ТЕКСТОТИПА

В статье рассматриваются особенности содержания и лексический состав переизданного в 1938 году для нужд нацистской армии Третьего рейха популярного немецко-русского разговорника времен Первой мировой войны под редакцией Ф. Зульцбергера. Военный разговорник Зульцбергера образца 1938 года рассматривается как связный текст в совокупности с материальными, идеологическими, жизненными, этно- и социокультурными, психологическими факторами. Он является собой особый прагматически ориентированный текст в событийном аспекте конкретной военной ситуации и милитаристской доктрины германского вермахта накануне Второй мировой войны. Военный разговорник как разновидность, активный тип (жанр) переводного идеографического (тематического) словаря с преобладающей функцией перевода ориентирован на коммуникативные интересы пользователя: обеспечение минимума общения в определенных ситуациях.

Ключевые слова: двуязычный военный разговорник, вермахт, речевой репертуар, словник, военный дискурс, Ф. Зульцбергер.

Палитра немецко-русских разговорников и словарей для военнослужащих кайзеровской армии была достаточно обширна. Они набрали популярность, но в дальнейшем были переизданы лишь немногие из них. Эти мало исследованные источники представляют интерес в аспекте диахронического анализа немецкоязычного военного дискурса и связанных с ним текстотипов.

Особое место занимает изданный частным издательством в Лейпциге «Nachmeister & Thal» на 4 языках (французском, русском, польском, чешском) разговорник для солдат „Soldaten-Sprachführer“. Эта существовавшая с начала 1900-х по 1950-е гг. крупная фирма имела разнообразный репертуар (техника, спорт, познавательная литература и пр.), осуществив в 1910–1940-е гг. издания разнообразных немецко-русских разговорников¹. С приходом к власти нацистов в его практике появляется литература для подготовки «подрастающего поколения к военным действиям» (военно-прикладные виды спорта, воинское воспитание, оборона).

Интересующее нас издание (правильнее назвать его «из серии Зульцбергера») — один из самых распространенных разговорников для солдат кайзеровской армии. В частности, таков его русский вариант, использовавшийся в войне против Российской империи. Он первоначально вышел без указания года (1915–1916 гг.?) малым форматом (10 x 14 см). Авторство иноязычной части всех изданий разговорника анонимно (за исключением, вероятно, французского варианта).

Военный разговорник можно рассматривать как связный текст в совокупности с материальными и идеологическими, жизненными, этно- и социокультурными, пси-

* © Дубинин С.И., 2016

Дубинин Сергей Иванович (doubinin@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

хологическими и другими факторами, как особый прагматически ориентированный текст в событийном аспекте военной ситуации и доктрины. Они ориентированы на воздействие, квазиинтеракцию, частично на обретение навыков иноязычного общения. Особое значение имеет оценка его целеустановок для аудитории, его коммуникативного потенциала, что, как правило, отражено в предисловиях, где языковая система не характеризуется.

Военный разговорник – разновидность, активный тип (жанр, текстотип) переводного идеографического (тематического) словаря с преобладающей функцией перевода, ориентацией на коммуникативные интересы пользователя (обеспечение минимума общения в очерченных ситуациях). Одновременно он занимает промежуточное положение между словарем и пособием по овладению иноязычной речью, а концептуальными предпосылками разговорника как жанра являются стандартность речевых актов, воспроизводимость его элементов (речевых метаединиц). Пользующийся разговорником не формирует высказывание в соответствии с «организуемой» его сознанием ситуацией, подбирая к ней готовый речевой знак [5, с. 171–173].

Основной единицей описания разговорника как лингвистического словаря является не слово, а синтаксически самостоятельная единица разговорной речи – образцовая фраза, зафиксированная письменно и отраженная в рубрикации разговорника. Но прагматический аспект разговорника условен: он коммуникативно однонаправлен и не рассчитан на создание связного текста в речи.

Военные разговорники подразделяются на общие, охватывающие все стороны жизни военнослужащего, и специальные – разговорники (или вопросники) для допроса военнопленного, опроса местных жителей. Их макроструктура включала центральную часть корпус, предисловие, краткий фонетический комментарий, грамматический очерк (для учебных разговорников), переводной словарь или реестры слов, различные справочные приложения. Объем словарей-разговорников варьируется в зависимости от объема корпуса, количества приложений, размера шрифта, формата издания и пр. Корпус словаря-разговорника по лексикографическому критерию делится на базовую (разговорную) и в основном небольшую словарную части [4, с. 5–8; 11–14]. В т. н. солдатском разговорнике есть традиционные обязательные разделы: допрос пленного, опрос местного жителя, ориентирование на местности. Он разнообразен по объему, форме и содержанию: например, разговорная карта (для патрулей), иллюстрированный словник, стандартный разговорник, имелись и уникальные формы [6].

С позиций участников общения разговорник Зульцбергера представляет военный дискурс в его статусно ориентированном аспекте (институциональность): коммуниканты выступают в качестве представителей определенной группы, исполняют роли, предписываемые немногими заданными ситуациями общения. Разговорник не имел универсального характера, но при малом объеме его рубрикация детальна:

Bemerkungen über den Gebrauch.

1. Allgemeine Redewendungen. A. die nötigsten zum Auswendiglernen B. weitere Redewendungen: a) allgebräuchliche b) befehlsmäßige

2. Ortsbestimmungen

3. Eigenschaftswörter

4. Fürwörter, Zeitwörter

5. Zahlen

6. Zeitrechnung

7. Erkundungen: A. Wege. B. Gewässer. C. Wald. D. Ortschaft. E. Eisenbahn. F. gegen den Feind

8. Verhalten: A. auf dem Marsch. B. in der Ortsunterkunft. C. im Quartier. D. auf Vorposten, Patrouille. E. gegen Überläufer, Gefangene, Spione, Unterhändler, Gefangenentransport. F. als Verwundeter, gegen Verwundete, Einwohner als Helfer.

9. Beitreibung

10. Quartiermachen.

Тематически связанные рубрики (7, 9, 10) построены по принципу пересечения и нередко снабжены ссылками типа: “s. auch den Anfang dieses Abschnitts”, “(weitere Gebrauchsgegenstände) s. auch Seite...” Самые объемные из них тематизируют сферы «Поведение» и «Рекогносцировка» (7, 8). Алфавитный принцип внутри рубрик соблюдается почти повсеместно и частично некоторые их разделы построены как инкорпорированные информативные мини-словники, но без грамматических показателей лексических единиц (3–6, 8 С, 9–10).

В предисловии к разговорнику (Bemerkungen über den Gebrauch, Gebrauchsanweisungen) отмечается, что он состоит из вопросов и оборотов речи, предназначенных для различных ситуаций (самые распространенные представлены в разделе 1А, снабжены «пометой вежливости»: Viel “bitte” sagen), в которых может оказаться солдат. Военно-ролевая спецификация речевых единиц при этом четкая. Ситуативные рубрики перекрещиваются, а текст по возможности дан по алфавиту. Автор исходит из определенной дидактической установки (как, например, в элементарном пособии) на изучение рубрикатора и разговорного минимума: “Sachregister studieren. Auswendiglernen derselben [gebräuchlichste Redewendungen] dringend zu empfehlen”. Пользователю предложено также самостоятельно построить на этой основе высказывания, но желательно в форме общих вопросов: “Möglichst nur Sätze bilden, auf die mit „Ja“ oder „Nein“ zu antworten ist“. Без цели понимания ответной устной речи предлагается опора на записи и наглядность, демонстрацию карт, жестикуляцию и пр. [S 1, S. 2].

Закономерно, что разговорник Зульцбергера во всех изданиях единообразен: он предваряется краткой характеристикой иноязычного произношения, транслитерации, маркировки словесного ударения. Идеографический в основе словник состоит из фраз и набран в основном в алфавитном порядке тремя столбцами (немецкая фраза / транскрипция устной иноязычной формы (часто в опоре на письменную форму) / иноязычный нормативно-письменный вариант) для облегчения поиска соответствий при прямом контакте с потенциальным собеседником. Кроме обобщенной личности — гражданское лицо (Sie, mein Herr, meine Dame, Madame) или военнослужащий — субъектами, к которым обращены фразы разговорника, являются Bürgermeister, Pfarrer, Lehrer. «Зульцбергер» не ориентирован на построение или развитие навыков иноязычной устной речи и является в основе разговорником пассивного типа, предназначенным в основном для минимизированного «общения через прицел».

Отдельные сегменты и ЛЕ «Зульцбергера» являются шаблонами, например, для двуязычных печатных объявлений, приказов для населения оккупированных территорий, где они могли использоваться (плакаты, запрещающие надписи, таблички и т. п.), ср.: “Es ist verboten: nach eingetretener Dunkelheit die Straße (Platz) zu betreten; hier stehen zu bleiben; das Haus zu verlassen; die Fenster zu öffnen. Die Fenster sind zu beleuchten. Es ist bei Todesstrafe verboten: sich der Bahn zu nähern” [S 1, S. 14, 16].

Осуществив комментированное издание немецко-французского разговорника Зульцбергера (как базового в серии), Ф. Хаймбургер датирует его 1916 г. Она отмечает, что вероятный автор мог занимать ответственную должность² в управлении оккупированных к концу 1914 г. территорий северной Франции и Бельгии, имел военный опыт, знание обстановки, а также хорошие иноязычные навыки [8, S. 15–16]. Разговорник тематически разнообразен, хотя и лапидарен, он в основном достаточно качественный в языковом отношении (имеется в виду французский вариант) и предназначался не только для низших чинов, но и для офицеров. В его основе «логика длительной оккупации», оперативные потребности, особенно квартирование, опасения сопротивления (например, т. н. войны снайперов), принуждение населения к подчинению и самоорганизации (ср.: Widerspenstige werden sofort festgenommen; Wer sich widersetzt, wird festgenommen) [S 1, S.18, 34]. Доми-

нирует императивный стиль общения, часть общих реплик специально отмечены как “befehlsmäßig” и, вероятно, предназначались для постовых (1 V.b.), но это не тотальное запугивание [8, S. 17–20]. Характерно сохранение вежливой Sie-Form во фразах-обращениях, очевидна ориентация на помощь мирного населения, на договорные обязательства воюющих стран, например, на конвенции Красного Креста (оказание врачебной помощи противнику) и Гаагскую конвенцию о парламентарях (разделы 8 E и F).

Лексикон разговорника отчетливо обнаруживает относительно активную (попытки построения иноязычной речи, что подчеркнуто в предисловии) и пассивную (понимание иноязычной речи) части. Во многом он, по мнению Ф. Хаймбургера, являлся попыткой и инструментом преодоления языкового барьера, однако при этом не акцентированы способы преодоления культурных различий в общении. Заказ на разговорник не был официальным, он являлся частной коммерческой инициативой лейпцигской фирмы [8, S. 21–23]. Это издательство предлагало (планировало?) и более объемные разговорники “Sprachführer für nichtmilitärische Tagesgespräche mit genauer Aussprachebezeichnung“, но их библиографических данных обнаружить не удалось.

Обращает на себя внимание стилевая окраска речевого корпуса «Зульцбергера», которая местами далека от разговорности. Например, даже в общих фразах и во фразах-приказах представлены составные и суффиксальные ЛЕ типа *orts- / gegendkundig, fahrbar, passierbar, benutzbar*, архаизмы (*Legitimation*), обороты *haben + zu + Infinitiv* и *sein + Adjektiv*, свойственные письменно-канцелярскому узусу (ср.: “*Sie haben nichts zu fürchten. Sie sind persönlich verantwortlich*“). Для синтаксиса характерны не коллоквиальные усложненные конструкции: придаточные предложения условия с *wenn* и с *Passiv*, придаточные определительные, формы *lassen + Passiv*, УСК типа *Anspruch haben auf etwas* (ср.: “*Wenn Sie lügen, werden Sie erschossen. Lassen Sie die Einquartierung im Ort sofort bekannt machen. Sie werden mit (ohne) Verpflegung einquartiert*“) [S 1, S. 4–10, 36].

Появление почти через 20 лет переизданий «словаря Зульцбергера» как военного разговорника активного типа имеет объяснение. Существование рейхсвера (1919–1935 гг.) такими инициативами практически не отмечено. Очевидно, что созданный в 1935 году вермахт унаследовал некоторые традиции, формы подготовки состава, черты кайзеровской армии, ее кадровых резервов. 1938 год отмечен обозначившимся внешнеполитическом стремлением Третьего рейха к территориально-политической экспансии, подготовкой к войне: упразднение старого военного министерства, централизация и переподчинение вермахта фюреру [7, с. 11–112]. Расширенное переиздание военных разговорников Зульцбергера в этом контексте – определенная дань традициям имперской армии. В переиздании 1938 г. титульный автор Ф. Зульцбергер обозначен как «подполковник (в отставке)» (*ehemalig*). Это первый по времени типовой разговорник специально для вермахта и на русском языке, хотя вооруженные силы Третьего рейха официально здесь не названы (только как *unsere Tuppen* «наши войска»).

Не до конца ясно, чем была вызвана необходимость массово переиздать в 1938 г. чешский и русский разговорники серии Зульцбергера. Очевидно, что это обусловлено предварительным, но не осуществленным (ввиду реализации осенью 1938 – весной 1939 г. т. н. «Мюнхенского сговора») планом «Grün» по аннексии и разделу Чехословакии (утвержден весной 1938 г.) [7, с. 194–195]. В нем на фоне быстрого «принуждения Чехословакии к капитуляции» осенью 1938 г. было предусмотрено военное прикрытие, но не нападение или тем более масштабная конфронтация с СССР, который предлагал военную помощь Чехословакии. Русский разговорник был выпущен не под захватнические планы, а исходя из возможных событий: СССР мог стать участником локальных военных действий, но плана вступать на советскую территорию вермахт не имел. Хотя ранняя военная гитлеровская доктрина не пре-

дусматривала военных действий на территории СССР, симптоматично, что переиздание разговорника 1916 г. сохранило структуру и лексику времен германо-русских военных столкновений, что сделало его относительно пригодным после нападения на СССР в 1941 г.

В 1939-1942 гг. разговорник Зульцбергера был также издан во вдвое большем спектре, чем в Первую мировую войну, на других языках стран как противников (польском, французском, английском, голландском, норвежском), так и союзников (румынском, итальянском) Германии. Но именно русский, чешский и польский явились первыми вариантами в серии, хотя чаще других были переизданы французский и английский (со значительными изменениями). Авторство иноязычной части во всех изданиях, включая русское, также анонимно. Текст «Зульцбергера 1938» набран фразатурой и плотнее изданий 1910-х гг. В гитлеровской Германии фрактур использовалась как элемент нацистской пропаганды и «олицетворение основательности, серьезности, глубины», тогда как распространенная в Европе антиква свидетельствует о несерьезности, поверхностности, чуждых «немецкому духу». В 1941 году использование фразатуры в Третьем рейхе было запрещено, что связано якобы с возможным влиянием на гарнитуру литер еврейского письма. Вероятнее, что запрет связан с тем, что жители оккупированных территорий и ввезенные иностранные рабочие не могли читать тексты с фразатурой (см. рис.).

Рис. Титул русского разговорника Зульцбергера (изд. 1938 г.)

Объем переиздания, в том числе и русского, при сохранении типографского формата несколько увеличен, внесены изменения. Так, изменены или сокращены первые фразы разговорника — стандартные обращения: Guten Tag, Herr Bürgermeister!

Adieu, mein Herr! Auf Wiedersehen, Herr Pfarrer. Bitte mein Fräulein, meine Dame. Ich verstehe Sie nicht, Madame. Ich danke, mein Herr → Guten Tag, Bürger «Здравствуйте, гражданин!»; Bitte, Bürgerin «Пожалуйста, гражданка» (обращения, явно нарочитые для советского речевого этикета); Auf Wiedersehen «До свидания»; Ich verstehe Sie nicht «Я не понимаю вас»; Ich danke «Благодарю». Примечательна замена модальной фразы: Ich brauche → Ich habe nötig и [S 1, S.3; S 3, S.3].

В переиздании русского разговорника заметны и другие модернизации³ (также в примечаниях). Это в первую очередь метрическая замена: Wieviel Stunden bis dort? → Wieviel **Werst** bis **dorthin**? Обоснованы замены Frank → Geld, französisch Sowjet-. Контактные лица Bürgermeister⁴ (Pfarrer) заменены на Vorsitzende des Vollzugsausschusses «председатель исполкома», Rathaus → Vollzugsausschuß, хотя в небольших поселениях эти местные органы госвласти в СССР представлены не были, что могло создать помехи общению. Сохранен в качестве контактного лица der Lehrer, вряд ли было уместным сохранение для советской действительности, например, как контактера лавочника (Kaufmann), ситуаций обращения за помощью к местному врачу, аптекарю, посещение питейно-увеселительного заведения – Schenke (фр. cabaret, русск. трактир), частное квартирование военных, как это имело место во Франции в 1914 году.

Очевидны попытки работы над качеством разговорника в переиздании. Отдельные замены являются уточнениями, детализацией, например, Wieviel Einwohner sind im Ort / Wieviel Einwohner sind **hier**? Gibt es ansteckende Krankheiten für Mensch oder Vieh im Orte? → Gibt es **hier** ansteckende Krankheiten oder **Rinderpest**? Wie heißt der nächste Ort an dieser Straße? → Wie heißt der nächste **benachbarte** Ort an dieser Straße? Schreiben Sie **die Zahl** hier auf → Schreiben Sie **den Betrag** hier auf (имеется в виду реквизиция денежных средств); Zeigen Sie mir den Ortsplan → Zeigen Sie mir den **Plan der Stadt**. Отметим также «модернизацию» реалий: Wie breit / **tief** ist der Wald? Kann man diese Straße mit schwerem Lastfuhrwerk / **Lastautos (Fuhrwerk)** befahren? См. последнее также во фразе: Fahrbar für schweres Lastfuhrwerk → Hält sie (er) ab? (имеется в виду мост или паром). Следующая добавленная фраза отражает реалии русской зимы: Kann man darüber fahren (reiten)? «Можно ехать по льду (верхом)?»

Скорректированы обозначения временных отрезков: исчезло in der Nacht, но появилось seit langem, kurzem «давно, недавно», расширена актуальная в ситуации «войны на востоке» тематическая группа «Кавалерия и конная тяга» (Wassereimer für Pferdetränken). Закономерно исчезает неактуальная западноевропейская реалья Fahrradhandlung «магазин велосипедов», но появляется советская реалья Miliz вместо Polizeiamt [S 3, S. 9, 14, 19]. В папе Zimmerplatz / Holzplatz «дровяной склад» ввиду избыточности оставлено только первое.

Отметим сохранение в переиздании 1938 г. ЛЕ Tornister (см. обращение к пленному: Leeren Sie Ihren Tornister! «Опорожните ранец!» [S 3, S. 27]). Это не совсем соответствовало реалиям: бойцы РККА не имели в боевом (штурмовом) снаряжении ранцев, привычных для пехоты многих европейских стран.

Немногие фразы-вопросы, директивы и приказы отмечены впервые: Sind Sowjet-Patrouillen hier gewesen? Wann zuletzt? «Были здесь советские патрули? Когда в последний раз?»; Sie sind persönlich verantwortlich «Вы лично ответственны»; Dieser Mann wird Sie zum Offizier bringen. Folgen Sie ihm «Этот человек отведет вас к офицеру. Следуйте за ним». Но некоторые из них звучат по-русски не вполне корректно, ср.: Wassereimer für Pferdetränken bereitstellen «Приготовьте ведра для *напойки* лошадей»; Kann man darauf reiten? «Можно ехать *ею* верхом?»; Führen Sie mich zum Lehrer «*Поведите* меня к учителю» и др. Заметны затруднения составителя в знании и в различении употребления полной/краткой форм прилагательных, семантики отдельных ЛЕ, этимологических дублетов, архаизмов, некоторых военных реалий, ср.: Sind

die Einwohner friedlich? «Жители *мирны?*», также вариант: «*Дружелюбны жители?*»; Ist diese Straße gut? «Это дорога *хороша?*»; Sonntag «*воскресение*» (имеется в виду день недели — воскресенье); Brunnen «*колодезь*» (имеется в виду колодец); Gruppenansammlungen «*стянутые войска*» (имеются в виду сосредоточения / скопления войск); Waffengattung «род *оружия*» (имеется в виду род войск) [S 3, S. 8–10, 18–19, 26].

Отмеченная выше письменно-канцелярская окраска фраз разговорника в целом не устранена: усечены или упрощены лишь единичные фразы. Часто фонетико-грамматическая адекватность транслитерируемых русских фраз достаточно приблизительна. См. не системное отражение безударных гласных, позиционных оглушений согласных, разговорной огласовки слов: *oktjabrj/октябрь*; *ftornik/вторник*, *safta/завтра*, *frawa/вправо*, *drof/дров*, *tankof/танков*, *gas/раз*, *sdjeŕj/здесь*, но *wŕje/все*, *wdwoje/вдвое*, *awgust/август*; *tschetweg/четверг*, *objed/обед*, *jug/юг*; *nitschewo/ничего*, *ŕsewodnja/сегодня*. Отметим также непоследовательное обозначение мягкости согласных при помощи <j> (ср.: *ljeto* «лето», но *lda* «льда», *wesna* «весна»), слитное написание предложных форм без ориентации на структуру фразы-словосочетания по-русски (ср. *peredobedom/перед обедом*, *tschereŕtschaŕ/через час*, *saŕogoj/за горой* и др.). Синтаксическое членение сохранено только в завершенных фразах и некоторых определительных словосочетаниях. Очевидные затруднения испытывал составитель при передаче русских фонем, их сочетаний и альтернатив: [з] / [с], [э], [ы], [х], [ц], [ж] / [ш], что создавало варианты формы. Таким образом, лингвистическое качество проработки и оформления «русского Зульцбергера» нельзя признать высоким.

Вероятно, что в начале войны против СССР разговорник Зульцбергера использовался лишь некоторое время. Но он явно утратил свое значение, поскольку устарел и был заменен многообразными и более современными, адекватными новой ситуации войны разговорниками [2, с. 168–173; 9], иногда созданными при участии филологов, или изданиями смешанного типа (словари-разговорники) [3, с.19–25]⁵, и его дальнейшие переиздания не зафиксированы.

Примечания

¹ Интерес представляют не датированные издания: *Deutsch-Russischer Soldaten-Sprachführer / von Puttkammer A.* Leipzig: Hachmeister & Thal, 34 S. [1914, 1916?], близкий ему по структуре четырехязычный: *Deutsch – ukrainisch (ruthenisch) – polnisch – russischer Soldaten-Sprachführer / Haasman S. Th.* Übers. von M. Kapij [u. a.]. Leipzig: Hachmeister & Thal, 65 S. [1915?] и специализированный: *Soldatensprachführer für den Verkehr mit Verwundeten und Gefangenen. Deutsch – Französisch – Englisch – Russisch / Haasman S. Th. und Seyffert.* Leipzig: Hachmeister & Thal [1916?].

² В имперской армии это старший чин, равный заместителю командира полка.

³ Отмечено далее **жирным шрифтом**.

⁴ В первоисточнике это лицо отмечено как отвечающее за квартирование.

⁵ Это в первую очередь массовый разговорник для вермахта *Wehrmacht-Sprachführer. Deutsch-Russisch / F. von Ledebur, G. Leyst.* Berlin: Junker und Dünnhaupt, 1942. 50 S., краткий *Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten. Russisch / von Bob W. Hindersin.* Berlin: G. Siemens Verlagsbuchhandlung, o./J., 15 S., а также известный *Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch.* Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941, 80 S.

Источники и принятые сокращения

1. *Deutsch-französischer Soldaten-Sprachführer / Sulzberger F.* Leipzig: Hachmeister & Thal [1915?]. 36 S. (S 1)

2. *Deutsch-russischer Soldaten-Sprachführer / Sulzberger F.* Leipzig: Hachmeister & Thal, 1938. 36 S. (S 3)

Библиографический список

1. Война разговорников (2010) [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvomania.info/2010/vojna-razgovornikov.html> (дата обращения: 10.03.2016).
2. Дубинин С.И. Лаконичность речевого репертуара «оруженосца нации» // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России / отв. ред. И.С. Баженова. Калуга, 2015. С. 168–173.
3. Дубинин С.И. Коммуникативные тактики «оруженосца нации» (на материале кратких немецко-русских разговорников для вермахта) // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода и методики преподавания иностранных языков / ред. Н.В. Бутылов. М.; Саранск, 2016. Вып. 3. С. 19–25.
4. Левченко Г.А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2007. 25 с.
5. Норман Б.Ю. Жанр разговорника: между текстом и языком // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. С. 171–186.
6. Резяпкин А. Военные разговорники. Открытия, которые потрясли мир // Неправда Виктора Суворова-2. М., 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/npravda_vs-2/06.html (дата обращения: 10.04.2016).
7. Энциклопедия Третьего рейха / сост. С. Воропаев М., 2000. 592 с.
8. Si vous mentez vous serez fusillé! Manuel de conversation à l'usage du soldat allemand / éd. Fr. Heimbürger, J. Horn. Paris, 2013. 128 p.
9. „Stummer Dolmetsch“, „Wehrmacht-Sprachführer“ und „Bilder-Wörterbuch“: Hilfsmittel zur Verständigung mit dem Feind im Zweiten Weltkrieg [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uebersetzerportal.de/nachrichten/n-archiv/2004/2004-06/2004-06-14.htm> (дата обращения: 12.02.2016).

References

1. *Voina razgovornikov* [War of phrasebooks] (2010). Retrieved from: <http://lingvomania.info/2010/vojna-razgovornikov.html> (accessed: 10.03.2016) [in Russian].
2. Dubinin S.I. *Lakonichnost' rechevogo repertuara «oruzhenostsa natsii»* [Laconic speech repertoire of the “squire of the nation”]. In: *Teoriia i istoriia germanskikh i romanskikh iazykov v sovremennoi vysshei shkole Rossii. Otv. redaktor Bazhenova I.S* [Theory and history of Germanic and Romance languages in modern higher school of Russia. Bazhenova I.S (Ed.)]. Kaluga, 2015, pp. 168–173 [in Russian].
3. Dubinin S.I. *Kommunikativnye taktiki «oruzhenostsa natsii» (na materiale kratkikh nemetsko-russkikh razgovornikov dlia vermakhta)* [Communication tactics of the “squire of the nation” (based on the short German-Russian phrasebooks for the Wehrmacht)]. In: *Aktual'nye problemy obshchei teorii iazyka, perevoda i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov* [Topical issues of the general theory of language, translation and foreign language teaching methodology. Butylov N.V.(Ed.)]. M.-Saransk, 2016, Issue 3, pp. 19-25 [in Russian].
4. Levchenko G.A. *Slovar'-razgovornik v Rossii: tipologicheskii i sotsiolingvisticheskii aspekta: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Phrasebook in Russia: typological and sociolinguistic aspects: Extended abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M.: MGU, 2007, 25 p. [in Russian].
5. Norman B.Ju. *Zhanr razgovornika: mezhdru tekstom i iazykom* [Genre of a phrasebook: between text and language]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, 2002, Issue 3, pp. 171-186 [in Russian].
6. Rezapkin A. *Voennye razgovorniki. Otkrytiia, kotorye potriasli mir* [Military phrasebooks. Discoveries that shook the world]. In: *Npravda Viktora Suvorova-2* [Wrong of Victor Suvorov-2]. M., 2008. Retrieved from: http://militera.lib.ru/research/npravda_vs-2/06.html (accessed: 10.04.2016) [in Russian].
7. *Entsiklopediia Tret'ego reikha. Sost. Voropaev S.* [Encyclopedia of the Third Reich. Voropaev S (Complier)]. M., 2000, 592 p. [in Russian].
8. Si vous mentez vous serez fusillé! Manuel de conversation à l'usage du soldat allemand / éd. Fr. Heimbürger, J. Horn. Paris, 2013. 128 p. [in French].

9. „Stummer Dolmetsch“, „Wehrmacht-Sprachführer“ und „Bilder-Wörterbuch“: Hilfsmittel zur Verständigung mit dem Feind im Zweiten Weltkrieg. Retrieved from: <http://www.uebersetzerportal.de/nachrichten/n-archiv/2004/2004-06/2004-06-14.htm> (accessed 12.02.2016) [in German].

S.I. Dubinin*

MILITARY PHRASEBOOK FOR WEHRMACHT SOLDIERS: DYNAMICS OF TEXT TYPE

The article discusses the features and content of the lexical composition of the popular German-Russian phrasebook (edited by F. Sulzberger in the period of the First World War) reissued in 1938 for the needs of the army of the Third Reich. The military Phrasebook of Sulzberger (sample in 1938) is considered as a coherent text in conjunction with the material, ideological life, ethnic and socio-cultural, psychological factors. It is a special pragmatically oriented text in the event-specific aspect of the military situation and militarist doctrine of the German Wehrmacht on the eve of the Second World War. The military phrase book as a kind of active type (genre) of transferable ideographic (thematic) dictionary with a predominant function of translation is focused on communication user's interests to ensure a minimum of communication in certain situations.

Key words: bilingual military phrasebook, Wehrmacht, voice repertoire, vocabulary, military discourse, F. Sulzberger.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Dubinin Sergej Ivanovich* (doubinin@mail.ru, mailto:arapovay84@gmail.com), Department of German Philology, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «КРУГ»: ОПЫТ СТРУКТУРИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ОБРАЗ-СХЕМЫ

Статья посвящена моделированию семантической структуры концепта «круг» в динамическом аспекте. Анализ метафор, воплощающих образ движения по кругу, показал многообразие воплощаемых смыслов, разнородных, а зачастую и диаметрально противоположных, которые трудно объединить в общую структуру. В статье предлагается оригинальный способ выстраивания системы смыслов геометрического концепта «круг» — на основе образ-схемы, т. е. такого типа концепта, который обобщает информацию о действительности в виде элементарного образа, представляющего собой схематически-обобщенное чувственно-наглядное представление этого фрагмента действительности. Отдельные значения метафорических единиц возводятся к осмыслению тех или иных аспектов прототипического действия — кругового движения.

Ключевые слова: концепт, образ-схема, смысл, метафора, круг.

Концепт «круг» как культурно значимый концепт не только русской, но и общечеловеческой картины мира аккумулирует многочисленные смыслы, которые по объективным причинам сложно свести в единую систему. В частности, динамический аспект данного концепта, который относится к круговому движению в широком понимании, содержит такие смыслы, как «бесконечность», «завершение» и «незавершенность», «предопределенность» и «непостоянство», «полнота», «безвыходность», «многократность», «длительность», «повторяемость» и многие другие.

Списочное перечисление значений не дает ответа на вопрос о структуре данного концепта как ментального образования, о способе хранения информации о соответствующих действиях в нашей памяти. На наш взгляд, организующим началом концепта «круг», матрицей, структурирующей отдельные кванты знания, является образ-схема — тип концепта, обобщающий информацию о действительности в виде элементарного образа, представляющего собой схематически-обобщенное чувственно-наглядное представление этого фрагмента действительности.

Круговое движение представляет собой именно такую элементарную схему, точнее, несколько вариантов одной схемы: движение по кругу и по спирали, вращение и качение. Каждая из этих простых моторных схем осмысливается в ряде аспектов: полноты обращения, количества оборотов, совпадения циклов, направления, скорости и др. Рассмотрим их реализацию в контекстах.

Одной из важных функционально-семантических характеристик кругового движения является полнота оборота: может быть описан полный круг либо его часть — дуга, что находит отражение в языковых образах. Ср.: *Именно в пределах этого столетия <...> история буржуазного мира и завершит свой полный круг (А. Долинин); ...маятник беседы уже раскачивается во весь диаметр сумрачной равнины (О. Ман-*

---

* © Резникова Е.В., 2016

Резникова Екатерина Валерьевна (reznikowaev@yandex.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

дельштам). В первом примере реализуется образ полного оборота — замыкания круга, который несет семантику завершения; во втором — образ дуги, означающий незавершенность и разнонаправленность.

Именно замыкание круга как логическое завершение его построения рождает семантику полноты, исчерпанности. На наш взгляд, первичным было осмысление полноты естественных природных циклов, которое метонимически перешло на остальные элементы структуры образа круга. Ср.: **круглые** сутки, **круглый** год, **свершился** дней **круговорот**, **жизненный цикл**, **период** и т. п. — завершённые промежутки времени, характеризующиеся цельностью и полнотой. Отметим, что полнота обращения характерна как для образа единичного замыкания круга, так и для повторяющихся циклов движения по кругу, что объясняет сочетание смыслов завершенности и бесконечности в рамках одного аспекта полноты. Ср.: **годовой круг/цикл** — **круговорот** воды в природе.

Таким образом, полнота обращения как функциональная характеристика кругового движения, представленная через смыкание начала и конца обращения, ассоциируется в языковой картине мира со смыслами «целый», «исчерпанный», «полный», «замкнутый», «безвыходный», «бесконечный» и т. п.

Еще одним функциональным параметром, характеризующим круговое движение, является **количество оборотов**. В русской языковой картине мира значимым оказывается противопоставление одного и нескольких оборотов, то есть завершения движения или его продолжения в течение какого-то времени. Ср.: **очертить круг**, **свершить полный круг**, **сделать оборот**, **круг замыкается**, **закольцевать**, **закруглиться** — один цикл и **ходить кругами**, **закружиться в делах**, **мысли крутятся/кружатся**, **вращаться в обществе**, **товарооборот**, **вести в обращение**, **циркуляция** воды, **циклическость явлений** — длительное, а, возможно, и бесконечное движение по кругу.

Актуализация точки отсчета в образе движения по кругу связана с образом построения окружности, в отличие от образа готовой круговой траектории, которая, как известно, не имеет ни начала, ни конца. Именно наличие или отсутствие точки отсчета как структурного компонента концептуальной схемы различает образы единичного оборота и длительного кружения и инициирует диаметрально противоположные результаты семантического варьирования. Наличие точки отсчета, смыкание начала и конца несет семантику законченности, завершенности: *Словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли* (А.П. Чехов), тогда как образ непрерывного движения по кругу несет семантику длительности и/или многократности действия: *Достоевский не столько двигался по восходящей, сколько вращался по кругу, углубляясь в одни и те же проблемы* (Б. Бурсов).

Одним из важных аспектов динамического образа круга является **совпадение циклов**. По этому критерию мы выделяем четыре семантических группы: полное совпадение циклов, частичное совпадение (спираль), схождение с круга (разрыв цикла) и возвращение на круг.

Аспект совпадения циклов реализуется при длительном движении по кругу. В абсолютном большинстве примеров образ-схемы кругового движения воплощается образ **полного совпадения циклов**, что несет семантику возврата к исходному, повтора пройденного. Ср.: *Он склонен был видеть в жизни лишь повторение пройденного, круговорот* (Д. Максимов); *...я впадал в безвыходный круг анализа своих мыслей* (Л.Н. Толстой) и т. п.

Бесконечное повторение может оцениваться двояко: с одной стороны, оно создает ощущение устойчивости и предсказуемости мироздания, покоя и гармонии, с другой — останавливает развитие, поступательное движение. Ср.: *Он стремится замкнуться в круг привычного и понятного, в определенные условия полковой жизни, где все ясно и просто.* (С. Бочаров); *Ходят по кругу дни — бесцельной, бессменной сменой. Путаются в днях люди, метутся, ищут... выхода себе ищут* (И. Шмелев). Как мы видим, различие оценочного компонента в приведенных примерах связано с осмыслением повторяемости с разных сторон: как стабильности или как отсутствия продуктивного движения.

Вместе с тем многие примеры реализуют образ частичного совпадения циклов: *Но разве идеология Реформации не была «возвращением вспять и в то же время возвращением на новом уровне, на новом витке исторической спирали»?* (*История восточной философии* [1]). Пример демонстрирует образ продолжения движения по кругу на новом уровне, как на новом витке спирали. Движение по спирали подразумевает последовательное прохождение одних и тех же стадий развития, повторения пройденного, но на разных уровнях. Таким образом, схема спирали реализует преодоление замкнутости, не исключая при этом повторения пройденных этапов, хотя и в качественно иной форме (ср.: *спираль развития моды*).

Принципиально иным является образ размыкания круга, где повторяемость утрачивается. Ср: *Жизненный путь личности — не движение по предначертанному сценарием кругу, а попытки прорвать этот круг* («Знание — сила» [1]); Данный образ несет семантику преодоления замкнутости, перехода к поступательному движению.

Другим значимым компонентом динамического аспекта концепта «круг» является направление, которое в метафорах обычно осмысляется как прямое, если в контексте отсутствуют актуализаторы обратного или разнонаправленного движения: *круговорот жизни, круг годовых занятий, суточный цикл, кружить по улицам, обращение ценных бумаг, циркуляция воздуха, ротация кадров* и т. п. В ряде примеров воплощается образ обратного движения. Ср.: *...заставить ветряные мельницы вертеться в обратную сторону* («Вечерняя Москва» [1]); *Ах, если бы жизнь наша была похожа на послушную кинематографическую ленту!.. Повернул ручку назад — и пошло-поехало... Шуршит лента, разматывается в обратную сторону* (А. Аверченко).

Как видно из приведенных примеров, обратное направление вращения зачастую акцентирует семы «неестественность», «нарушение привычного хода вещей», что может быть связано с пониманием времени и эволюции как однонаправленных и необратимых процессов.

Идея разнонаправленного движения в русской языковой картине мира представлена образами поворота человека, манипуляции предметом, движения маятника, полета птицы или насекомых, падающих листьев и др. Образ человека оказывается самым распространенным. Ср.: *У морского вокзала беспокойно кружились люди* (Р. Погодин [1]); *...а я крутись-вертись на свою зарплату* (И. Грекова [1]); *...в отличие от нас, русские забывают о звезде, на которую держит курс корабль, и слишком уж вертят шеей по сторонам* (Б. Акунин). Образ разнонаправленного движения воплощает смыслы «неопределенность», «непостоянство».

Определенную семантическую нагрузку несет схема расположения круговой траектории в пространстве. Мы выделяем три типа локализации: горизонтальную, вертикальную и трехмерную (образ спирали, полета птиц, наматывания клубка и т.п.).

Образ горизонтальной локализации кругового движения является наиболее распространенным, поскольку он основан на эмпирических ощущениях человека, который движется по кругу / поворачивается вокруг своей оси [2]. Ср.: *вертеться в заколдованном круге, ходить вокруг да около, окружить противника, закрутиться в делах, вращаться в обществе, вернуться к прошлому, возвратиться на круги своя* и т. п.

Вертикальная локализация круговой траектории просматривается, как правило, в различных образах колеса. Ср.: *колесо Фортуны; колесо обозрения*. Для образов колеса Фортуны и колеса обозрения принципиально противопоставление верхней и нижней части траектории, которые по мифопоэтической традиции развивают положительные и отрицательные коннотации, ср.: *Смотрел с волнением немьм, Как колесо вертелось счастья. Один был вознесен, другой раздавлен им* (М. Лермонтов). В образе беличьего колеса на первый план выходит его способность интенсивно вращаться на одном месте, что символизирует непродуктивность деятельности: *История может оказаться вечным движением в одном кругу, вечным повторением, «беличьим колесом»* (Д. Максимов). Среди других вертикальных образов можно назвать образ движения небесных тел, ср.: *на закате карьеры, в зените славы* и т. п.

Третий тип локализации — объемный: сложное движение по кругу в трехмерном пространстве. К этому типу мы относим образы спирали, полета птиц/насекомых, опадания листьев. Ср.: *Здесь — новый круг бесконечной спирали времени; так птица в небе чертит круги, выслеживая добычу (В. Голованов [1]); И полетели дни, кружась проклятым роем (Ю. Нагибин [1]); витать в облаках.*

В целом в семантике отдельных видов пространственного расположения траекторий обнаруживается определенная спецификация. Так, для вертикальной локализации характерны значения полярности: противопоставление верха и низа и связанных с ними коннотаций, вырастающих из мифопоэтической традиции. С образом трехмерной локализации связано выражение идеи свободы движения, не ограниченного замкнутой траекторией, возможности развития, движения вперед. На этом фоне образ траектории, расположенной горизонтально, оказывается наиболее типичным для образа круга в целом, поскольку несет семантику замкнутости, повторения, бесконечности и т.п.

Таким образом, многочисленные смыслы, которые относятся к динамическому аспекту концепта «круг», оказываются не случайными и разрозненными: они вписываются в структуру данного концепта, образованную различными гранями осмысления прототипического действия — кругового движения. Именно образ-схема позволяет наиболее адекватно представить структуру данного концепта.

Библиографический список

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>.
2. Концепт «круг»: аспект замкнутости и его семантическое воплощение в русском языке // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5.

References

1. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National corpus of the Russian language]. Retrieved from: <http://ruscorpora.ru> [in Russian].
2. Concept «circle»: aspect of restraint and its semantic objectification in the russian language. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara Stste University]. 2013. No 5 [in Russian].

E.V. Reznikova*

DYNAMIC ASPECT OF THE CONCEPT «CIRCLE»: EXPERIENCE OF STRUCTURING BASED ON THE IMAGE-SCHEMA

The article is devoted to the modeling of semantic structure of the concept “circle” in the dynamic aspect. The analysis of metaphors embodying an image of a movement in a circle has shown variety of the embodied meanings, diverse, and often opposite which are difficult for uniting in the general structure. In the article the original way of forming meaning system of a geometrical concept “circle”, based on the image-scheme — a concept, which generalizes information on reality in the form of elementary image representing the schematic generalized sensual representation of this fragment of reality is suggested. Metaphorical meanings are related to reflecting different aspects of prototypical action — a movement in a circle.

Key words: concept, image-schema, meaning, metaphor, circle.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Reznikova Ekaterina Valerievna* (reznikowaev@yandex.ru), Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ПРОЯВЛЕНИЕ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ТЕКСТАХ ЭССЕ

В статье рассматривается синтаксическое явление, называемое парцелляцией. Показано, что парцелляция возникает как проявление разговорного языка. Существенными отличительными признаками синтаксиса разговорного языка являются планирование, естественность, линейное развитие и спонтанность речи – сохранение «необусловленных» изменений. Парцелляция выступает в качестве речевой единицы. Парцеллированные единицы придают текстам эссе особую красоту, маркируют ряд дополнительных рассуждений, формируют двухплановые или многоплановые синтаксические конструкции. Главная мысль сосредоточена в основном тексте, дополнительная информация отражается в парцеллах, которые продолжают главную мысль. Основная фраза в семантическом отношении имеет автосемантический характер, а соединение обладает синсемантическим значением, обладающим большей интенсивностью.

Ключевые слова: парцеллы, явление парцелляции, конструкции соединения.

Парцелляция – это деление на парцелляты, то есть членение предложения на части в соответствии с интонацией. Термины *parcelatio* (лат. «деление, членение») и *parcelle* (фр. «префикс») являются многозначными. В синтаксическом учении парцелляция рассматривается как фигура речи, в интонационном отношении парцелляты выступают как независимые отрезки высказывания. Парцелляция является конструкцией экспрессивного синтаксиса. В терминологии швейцарского лингвиста Шарля Балли данное явление называется *дислокацией*. Парцеллированная фраза обладает двухчленной структурой: основная часть и парцеллят, который в контексте имеет характер особой структуры. В результате парцелляции формируются новые соединения. Нужно учесть, что синтаксическая модель до того, как разделиться, представляет собой полное предложение. Методом преобразования можно вернуть в прежнее состояние парцелляты, обладающие сходной структурой на уровне речи [1, с. 36]. Парцелляция представляет собой проявление синтагматического членения предложения – синтаксической единицы, порождающей структурную семантику в языке [3, с. 17].

Парцелляция основывается на том, что в речи синтаксические единицы, разделенные со структурно-семантической точки зрения, соединяются в предложении и примыкающих к нему фразах. Основное предложение называется базисным, а примыкающие фразы – парцеллятами. С точки зрения актуального членения предложения базисное предложение соответствует теме, а парцеллят – реме, поскольку в расчлененных синтаксических единицах рема (парцеллят) служит разъяснению мыслей, которые не доведены полностью в теме (базисном предложении) и требуют допол-

---

* © Курбанова И.С., 2016.

Курбанова Интизар Сраххадин кызы (intizarq@mail.ru), факультет филологии, Сумгаитский государственный университет, AZ 5008, Азербайджанская республика, г. Сумгаит, 43-й квартал.

нительного истолкования. Таким образом, основная функция парцеллята в текстах эссе с семантико-синтаксической точки зрения состоит в соединении выраженной в предложении мысли [4, с. 103–105].

Следует отметить, что для текстов эссе рассматриваемое синтаксическое явление очень характерно, в них парцелляция выполняет различные стилистические и текстовые функции, в частности, парцелляция регулярно выступает в качестве элемента стилистической конвергенции. Парцелляты активно участвуют в выражении текстовых категорий. Л. Максимов отмечает, что парцелляция играет значимую роль в композиции общих текстов и сложных синтаксических целых. Сюда относится оценочная функция парцелляции [5, с. 82]. Парцелляция выполняет и другие функции: 1) информации и воздействия; 2) развлекательную.

Изучение явления парцелляции рассматривается как актуальная проблема лингвистики и стилистики, охватывающая следующие явления: универсалии речи, экспрессивность, замену типов прозы (иерархический тип актуализации), проявление аналитизма, преобразование разговорной речи в письменную (парцелляция иногда как универсальное средство адаптируется в разговорную систему речи [6, с. 9], превращается в компромиссный способ передачи информации [7, с. 281]).

Признак экспрессивности является значимым для стиля эссе. На синтаксическом уровне экспрессивность проявляется посредством различных экспрессивных конструкций – цепных предложений, сегментации, расширенных лексических повторов, инверсии, промежуточных конструкций, периодов, эллипсиса, параллелизма и т. д. Парцелляция занимает особое место в текстах эссе на фоне прочих стилистических явлений.

Парцелляция – многоаспектное явление. Тесно связаны между собой следующие аспекты: лексико-семантический, грамматический, структурный, коммуникативный (аспект активного членения), классификационный, функциональный (аспект выполнения функций), жанрово-стилистический, экспрессивно-стилистический, риторический, психолингвистический, интонационно-ритмический, пунктуационный, диакронический, культурно-речевой, лингвокультурологический, текстовый и пр.

Ингерентная функция парцелляции создает *новый речевоемкий центр*. Это явление, наблюдаемое на синтаксическом уровне, обладает богатыми структурно-семантическими признаками.

В художественных текстах парцелляция проявляется в четырех функциях: 1) описательной (наглядность, ясность, точность воплощения); 2) характерологической; 3) эмоциональной (выделение, выбор, различение); 4) экспрессивно-грамматической.

Функция наглядности направлена на художественную конкретизацию и имеет ряд целей: 1) задержку, замедление для создания эффекта; 2) выделение подробностей в общей картине; 3) сущностное выделение (наглядность, ясность, которые конкретизируют художественный образ); 4) усилительный контраст (в результате возникновения неожиданной паузы).

Характерологическая функция обнаруживается через повторное отображение, воспроизведение, представление субъекта и персонажа: 1) выражение посредством периферического воссоединения характерно для устно-разговорной речи; 2) воссоединительная интонация, включенная в речь; 3) создание посредственной речи в контексте; 4) наглядность во внутренней речи (внутренняя речь характеризует состояние субъекта).

Функция эмоционального выделения и различения проявляется в результате усиления чувственно-эмоционального состояния, эмоции. Здесь дифференцируется два фактора: а) парцелляция усиливает эмоциональные фразы; б) парцелляция не выражает конкретные эмоции, компоненты обладают оценивающими свойствами.

Экспрессивно-грамматическая функция, выполняемая парцелляцией, служит выражению каких-либо синтаксических отношений.

Парцелляция наряду с прочими текстовыми структурами может создавать и тексты эссе. А. Абдуллаев, говоря о роли парцелляции в организации текста, пишет: «В построении микротекстов парцелляция проявляется в виде выхода за рамки базисного предложения, при этом парцелляция актуализируется на мощной позиции определения. Актуальная часть состоит из определения и воссоединяется с предыдущим предложением заново. Воссоединяющаяся часть выступает в качестве неполного предложения, состоящего из определения» [8, с. 43].

Конструкция, подвергнутая парцелляции в текстах эссе, должна рассматриваться в качестве речевого варианта единого языкового варианта предложения. В результате парцелляции связь между базисным предложением и парцеллятом не нарушается. В текстах эссе наблюдается наличие синтаксической связи между базисным предложением и парцеллятом. Парцеллят, являющийся расчлененным компонентом фразы как независимая синтагма, может быть восстановлен в базисное предложение. Таким образом, возможно построение синтаксической связи с различными членами предложения как в парцеллированной части, так и в базисной конструкции. «Если в таком случае в структуре предложения место парцеллята занято, он заполняет пробелы и получает полномочия по членам предложения» [9, с. 19].

Нам представляется, что парцелляция возникает как результат универсальной тенденции языка в направлении создания более простых синтаксических единиц. С этим явлением связаны особые семантические и стилистические моменты придаточных предложений, в большинстве случаев парцеллят несет главный семантический груз сложноподчиненного предложения. Данный фактор содействует выделению придаточного предложения (со стилистически-нормативной точки зрения) в семантический центр фразы. Предложения, подвергнутые парцелляции, обладают большей эмоциональной выразительностью, упрощают речь, освобождают базисное предложение от информационного груза. Например: *Клубок моих мыслей размотан в различных направлениях. Человек начиная с самого рождения и до самой смерти меняется из года в год. То становится узником своих претензий, желаний и страсти, то становится покорными и смиренным. А птица удоод, которая упомянута в священном Коране как гут-гут, остается неизменной. Как ее предки, первые представители этого рода. Она не увеличивается и не уменьшается. Ее рост, походка, осанка, цвет, великолепный венец, не присущий другим пернатым, пестрые крылья... одним словом, так, как создал ее Творец.* (Али Ильдырымоглы. Удод. Эсса. 525-я газета, 21 июля 2012, с. 28).

В текстах эссе парцелляция может возникать в результате разделения одной части сложносочиненного предложения. Она может проявляться в качестве определителя одного члена в базисном предложении: *На плечах этого мира есть груз. Груз мучений; В Самарканде есть один мавзолей. «Шахи-Зинде», что означает «живой шах, вечный правитель»* (Али Ильдырымоглы. Удод. Эсса. 525-я газета, 21 июля 2012, с. 28). Присоединяющаяся часть может иметь объяснительный характер.

В текстах эссе парцелляты, соединяющиеся с основным предложением, состоят из ряда частей. Например, упомянута в священном Коране птица удоод, собеседник пророка Сулеймана, может быть, пришла, чтобы поздравить с грядущим восьмидесятипятилетием пожилого мастера пера... чтобы выразить вежливому человеку свое почтение. *К совершенному человеку, которого в дневное время Диоген искал с лампой в руках. К человеку, который навещает меня по возможности, интересуется моими проблемами, разделяет мои горести, который не обделяет вниманием трещины на стенах моего дома. К человеку, которому я не помогал, не делал ему добро и не проявлял уважение...* (Али Ильдырымоглы, Удод. Эсса. 525-я газета, 21 июля 2012, с. 17). Продолжительные парцелляции приобретают в эссе «Удод» колоритную лингвостилистическую форму, расширяя возможности языкового выражения.

Таким образом, за счет парцелляции в текстах эссе в фокус внимания попадают особенности, обуславливающие логику развития повествования. В результате парцелляция выступает в качестве значимого средства, порождающего эмпатический механизм речи. Это явление, основные особенности которого были нами изучены, играет существенную роль в организации текста. Изучение данных вопросов в структурно-семантическом аспекте имеет значение для выявления лингвистической природы текстов эссе и текстового синтаксиса. Изучение парцелляции по текстам эссе имеет значение для типологических исследований системных особенностей синтаксической структуры азербайджанского языка. Наконец, соединительные конструкции и неполные предложения, возникающие вследствие рассмотренного явления, расширяют возможности всестороннего исследования типов синтаксической связи в текстах эссе.

Библиографический список

1. Литвиненко Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов (опыт диахронического исследования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1984.
2. Ванников Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1955.
3. Исмаил Казымов. Парцелляция в азербайджанском языке // Азербайджанский язык и литература. 1989. № 2. С. 17–19.
4. Мешедиев А. Некоторые особенности разговора на языке фельетона (парцелляция) // Вестник Академии Наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства, 1985. № 2.
5. Максимов Л.Ю. Присоединение, парцелляция и текст // Русский язык в школе. 1996. № 4.
6. Мяснищева Н.Н. Разговорный синтаксис как источник обновления современной художественной прозы в нем парцелляции: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 1993.
7. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.
8. Абдуллаев Афган. Актуальное членение и текст. Издательство Университета Хазар. Баку, 1998.
9. Лисиченко Р.П. Интонационные характеристики парцелляции в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
10. Цумарев А.Э. Парцелляция в современной газетной речи: автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2003. 27 с.

References

1. Litvinenko E.V. *Semanticheskoe i sintaksicheskoe oslozhenie struktury predlozheniia v rezul'tate obosobleniia i partselliatsii ego komponentov (opyt diakhronicheskogo issledovaniia): Avtoref. ... dis. dokt. filol. n.* [Semantic and syntactical complication of the structure of a sentence as a result of isolation and parcelling of its components (experience of diachronic research): Extended abstract of Doctor's of Philological Sciences thesis]. Kiev, 1984 [in Russian].
2. Vannikov Ju.V. *Iavlenie partselliatsii v sovremennom russkom iazyke: avtoref. ... dis. kand. filol. n.* [Phenomenon of parceling in modern Russian language: Extended abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 1955 [in Russian].
3. Ismail Kazymov. *Partselliatsiia v azerbaidzhanskom iazyke* [Parceling in Azerbaijanian]. *Azerbaidzhanskii iazyk i literatura* [Azerbaijani language and literature], no. 2, 1989, pp. 17–19 [in Russian].
4. Meshediev A. *Nekotorye osobennosti razgovore na iazyke fel'etona (partselliatsiia)* [Some peculiarities of conversation in terms of a feuilleton (parceling)]. *Vestnik Akademii Nauk Azerbaidzhanskoi SSR. Seriiia literatury, iazyka i iskusstva* [Vestnik of Academy of Sciences of Azerbaijan SSR. Series: Literature, language and art], 1985, no. 2 [in Russian].
5. Maksimov L.Ju. *Prisoedinenie, partselliatsiia i tekst* [Adjunction, parceling, and text]. *Russkii*

iazyk v shkole [Russian language at school], no. 4, 1996 [in Russian].

6. Mjasishheva N.N. *Razgovorni sintaksis kak istochnik obnovleniia sovremennoi khudozhestvennoi prozy v nem partseliatsii: Diss. ...kand.filol. nauk* [Conversational syntax as a source of renewal of modern fiction in its parceling: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Simferepol, 1993 [in Russian].

7. Vannikov Ju.V. *Sintaksis rechi i sintaksicheskie osobennosti russkoi rechi* [Syntax of speech and syntax peculiarities of Russian speech]. M., 1979 [in Russian].

8. Abdullaev Afgan. *Aktual'noe chlenenie i tekst* [Topic-comment relation and text]. Izdatel'stvo Universiteta Khazar, Baku, 1998 [in Russian].

9. Lisichenko R.P. *Intonatsionnye kharakteristiki partselliatsii v sovremennom nemetskom iazyke: Avtoref. ... kand. filol. n* [Intonational characteristics of parceling in modern German language: Extended abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 1971 [in Russian].

10. Tsumarev A.E. *Partselliatsiia v sovremennoi gazetnoi rechi: Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Parceling in modern newspaper language: Extended abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 2003, 27 p. [in Russian].

I.S. Kurbanova*

MANIFESTATION OF PARCELING IN ESSAY TEXTS

The syntactical phenomenon called parceling is examined in the article. It is shown that parceling arises up as a display of the spoken language. One of the substantial distinctive signs of syntax of the spoken language is planning, naturalness, linear development and spontaneity of speech is maintenance of the «unstipulated» changes. Parceling comes forward as speech unit. Parceling units give texts of essay the special beauty, mark the row of the additional reasoning, suddenly arising up in text opinion, form two-dimensional or multidimensional syntactical constructions. A main idea is concentrated in the basic text; additional information is reflected in parcels, that continue a main idea. Main phrase assumes auto-semantic character and connection assumes sin-semantic point due to semantic relations. In comparison with the first one, second has higher intensity.

Key words: parcels, parsellisation event, connection constructions.

Статья поступила в редакцию 15/IV/2016.

The article received 15/IV/2016.

---

* *Kurbanova Intizar Srakhkhadin kyzy* (intizarq@mail.ru), Faculty of Philology, Sumgait State University, 43th block, Sumgait, AZ 5008, Azerbaijan.

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящей работе содержится краткое описание дискуссионных позиций специалистов в области межкультурной коммуникации по поводу роли и статуса современного английского языка в сфере делового общения, которое сопровождается систематизацией иллюстративного материала из глоссариев 'модных' слов и выражений английского языка. Обнаруженные в ходе исследования дискурсивные маркеры отражают приоритеты современного дискурсивного пространства англоязычной деловой коммуникации.

Ключевые слова: деловая коммуникация, дискурсивные маркеры, модные слова и выражения, межкультурное пространство, глобализация, глобализмы.

В наши дни глобализация со всеми вытекающими из этого понятия последствиями служит предметом оживленных дискуссий среди представителей самых различных областей деятельности — историков, психологов, экономистов, юристов, экологов и др. Не остаются в стороне от участия в обсуждениях положительных и отрицательных аспектов глобализации и языковеды [1–6]. Одним из наиболее острых вопросов в лингвистической повестке дня является вопрос о статусе и судьбе английского языка как языка-лидера мирового коммуникативного пространства. По данным ЮНЕСКО, приблизительно 60 % из ста передовых университетов мира расположены в англоговорящих странах. Кроме того, постоянно растет число европейских высших школ, вводящих в учебные программы предметы на английском языке; безусловному доминированию английского языка на мировой арене в начале третьего тысячелетия способствовала и глобальная сеть Интернет (ученые подсчитали, что примерно четверть населения земного шара владеет английским языком в той или иной степени, а 80 % мировой информации на электронных носителях размещается на английском языке). Количество людей, разговаривающих на китайском, испанском и хинди, значительно превышает численные показатели о носителях английского языка, которым они пользуются как родным, однако китайцы, испанцы, арабы и др. народы пользуются английским языком как средством международного общения, обучают своих детей английскому языку с целью помочь им успешно адаптироваться в этом сложном, постоянно технологически совершенствующемся мировом пространстве коммуникации. Радио, телевидение, Skype, телефон во всех уголках земного шара звучат на английском (во всех call-центрах, в публичных местах, офисных помещениях и др. востребованных глобализацией пунктах встреч можно увидеть таблички, информирующие о том, что язык общения — английский). Вместе с тем скептики (они сегодня в меньшинстве) утверждают, что английский язык исторически повторит судьбу латинского языка или санскрита, которые сегодня официально признаны «мертвыми» языками. Противоположную позицию зани-

---

* © Харьковская А.А., 2016

Харьковская Антонина Александровна (аах2009@mail.ru), кафедра английской филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

мает всемирно признанный авторитет в англистике, автор монографии «English as a Global English» Дэвид Кристалл, который категорически не согласен с печальными прогнозами коллег, поскольку исторические закономерности, по его мнению, не могут распространяться традиционными путями на эволюцию английского языка в условиях новых коммуникационных каналов [7]. Еще одна группа ученых полагает, что с распространением машинного перевода вообще отпадает необходимость в унификации языка общения.

Однако при всех разногласиях между интерпретаторами по поводу роли и статуса английского языка в эффективном решении коммуникативных задач на международном уровне следует признать лидирующие функции английского языка в этом процессе. Важно также подчеркнуть, что адекватное понимание ситуации с вербализацией маркеров глобализации должно базироваться на научных исходных посылах или тезисах, поэтому филологически организованная иллюстративная база из английских примеров в этом случае может служить достоверным материалом для доказательства национально-культурного своеобразия дискурсивного мира коммуникации в международных масштабах. Перечисляя факторы, повлиявшие на упрочение статуса английского языка как самого популярного средства глобальной коммуникации, представитель польской лингвистической школы из Кракова Alicja Witalisz подчеркивает, что ранее, по традиции, лексическое влияние английский язык рассматривалось лингвистами в терминах «интернационализации», когда для толкования термина «интернационализм» было вполне достаточно двух языков, в которых использовался один и тот же английский термин, маркируемый в одном из них как «заимствование» [8].

Сегодня ситуация кардинально изменилась, поскольку процесс лингвистической глобализации предполагает не только заимствование непосредственно из английского, но и перекрестное путешествие английских единиц из языка первого заимствования в следующий пункт назначения, т. е. язык, который использует английский в качестве инструмента коммуникации с коллегами из других языковых сообществ. Донорские функции английского языка в этих случаях служат надежной платформой для новых единиц, которые получили название глобализмов. Ежи Бартминьский, профессор этнолингвистики из Люблинского университета, определяет их следующим образом: «...words or expressions used by the inhabitants of the global village; words shared by languages different enough to belong to different language families. Thus, modern internationalisms should be perceived as globalisms, not longer limited to European languages, but spreading all over the world due to both new communication technologies and languages like English or Spanish spoken internationally» [9].

В связи с этим возникает настоятельная необходимость рассмотреть особенности функционирования общепринятых в мировой научной коммуникативной практике языковых единиц, отражающих реалии современного социума. Исходя из этого, **цель** настоящего исследования заключается в попытке проанализировать языковые единицы, функционирующие в качестве маркеров глобализации на материале так называемых ‘buzzwords’, или ‘модных слов’, в сфере делового общения, которые активно регистрируются и систематизируются в период консолидации усилий международных бизнес-сообществ и поиска наиболее эффективных путей делового сотрудничества.

Принципы отбора языковых единиц для иллюстративных фрагментов базируются на данных процедур по составлению рейтингов лингвистической популярности, в рамках которых наряду с всемирными цифровыми параметрами объединяющих пользователей всех национальностей сообществ, употребляющих эти слова и фразы, учитываются индексы цитирования (не менее 25 000 случаев), а также такие реквизиты, как «глубина» и «широта» использования, где под «глубиной» предполагается

функционирование в различных форматах масс-медийной коммуникации, а под «широтой» — всемирные масштабы использования языковых единиц без ограничения их профессиональных, социальных, географических и т. п. дискурсивных маркеров. Руководствуясь критериями, разработанными технологами программирования из Силиконовой долины, которые призваны унифицировать и объективировать процедуру отбора, специалисты, которые готовят лингвистическое сопровождение для деловой коммуникации на английском языке, ежегодно обновляют списки высокорейтинговых языковых единиц. Анализируя результаты сравнительного анализа десяти слов и фраз, лидирующих в бизнес-списках 2012–2016 гг., можно отметить, что сегодня постоянно совершенствуются пути и способы пополнения и переранжировки этих списков (деловая переписка в Интернете дополняется устным общением в режиме on-line (твиттер и скайп, видеопрезентации, блогосфера и т. п.). Так, в 2016 г. на смену лидерам списков модных бизнес-слов и словосочетаний английского языка предыдущих лет (*'fail'*, *'deficit'*, *'change'*, *'Fiscal Cliff'*, etc.), которые рекомендуются для успешной деловой коммуникации, пришли новые единицы (*stack*, *wantrepreneur*: *the 'it factor'*, *'conversation marketing'*, etc.).

Следует заметить, что составители этих списков, не претендуя на универсальность своих рекомендаций и не настаивая на обязательном их внедрении в практику делового общения, предлагают творчески учитывать фактор обновления англоязычного делового глоссария, принимая во внимание национально-культурные аспекты речевого поведения партнеров по общению и особенности тематики обсуждаемых проблем.

Библиографический список

1. Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире: пер. с англ. В.В. Сапова; под ред. М.М. Лебедевой / Питер Бергер, Самюэль Хантингтон (ред.). М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
2. Кирилина А., Гриценко Е. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации. URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/05/Kirilina_Gritsenko.pdf.
3. Дондо С.А. Особенности языка антиглобалистских текстов // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 67–72.
4. Малюга Е.Н. Развитие теории межкультурной деловой коммуникации в современном языкознании // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 11. С. 35–40.
5. Пономаренко Е.В. Лингвосинергетика как метод дискурс-анализа // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы, часть 1. М., 2014. С. 123–125.
6. Харьковская А.А. Трансформация англоязычного коммуникативного пространства в эпоху медийных технологических инноваций // Эволюция и трансформация дискурсов: сборник научных статей. Самара: Издательство «Самарский университет». Вып. 1. 2016. С. 137–145.
7. Crystal David. English as a Global Language // Cambridge University Press. 2003. P. 212.
8. Alicja Witaliz. Linguistic Globalization as a Reflection of Cultural Changes // Proceedings of the 19th Annual Conference of the Global Awareness Society International, Jagiellonian University. Krakow, Poland, 2011
9. Барминский Ежи. Какие ценности участвуют в формировании языковой картины мира славян? URL: 2005/projekti/etnoling/delo/13522.

References

1. Berger Peter, Khantington Samiuel' (red.). *Mnogolikaia globalizatsiia: Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire. Per. s angl. V.V. Sapova pod red. M.M. Lebedevoi* [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World. Edited by Peter Berger and Samuel Huntington. Transl. from English by V.V. Sapov under the editorship of M.M. Lebedeva]. М.: Аспект Пресс, 2004, 379 p. [in Russian].

2. Kirilina A., Gritsenko E. *Osnovnye modeli opisaniia iazykovykh izmenenii v usloviakh obalizatsii* [Basic patterns of language changes description in the epoch of globalization]. Retrieved from: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/05/Kirilina_Gritsenko.pdf [in Russian]
3. Dondo S.A. *Osobennosti iazyka antiglobalistskikh tekstov* [Peculiarities of language of anti-global texts]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya* [Vestnik of Samara State University. Humanitarian series], 2015, no. 11 (133), pp. 67–72 [in Russian]
4. Maljuga E.N. *Razvitie teorii mezkul'turnoi delovoi kommunikatsii v sovremennoy iazykoznanii* [Development of the theory of intercultural business communication in modern linguistics]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Buryat State University], 2013, no. 11, pp. 35–40 [in Russian].
5. Ponomarenko E.V. *Lingvosinergetika kak metod diskurs-analiza* [Linguosynergetics as a method of discourse analysis]. In: *Diskurs kak sotsial'naya deiatel'nost': priority i perspektivy, chast' 1* [Discourse as a social activity: priorities and prospects, Part 1]. M., 2014, pp. 123–125 [in Russian]
6. Kharkovskaya A.A. *Transformatsiia angloiazynchnogo kommunikativnogo prostranstva v epokhu mediinykh tekhnologicheskikh innovatsii* [English communicative space transformation in the epoch of media technological innovations]. In: *Evoliutsiia i transformatsiia diskursov: sbornik nauchnykh statei* [Evolution and transformation of discourses: collection of research papers]. Samara, izdatel'stvo «Samarskii universitet», Issue 1, 2016, pp. 137–145 [in Russian].
7. David Crystal. *English as a Global Language*. Cambridge University Press, 2003, p. 212 [in English].
8. Alicja Witaliz. *Linguistic Globalization as a Reflection of Cultural Changes*. Proceedings of the 19th Annual Conference of the Global Awareness Society International, Jagiellonian University, Krakow, Poland, 2011 [in English].
9. Ezhi Bartmin'skij. *Kakie tsennosti uchastvuiut v formirovanii iazykovoi kartiny mira slavian?* [What values are taking part in the formation of Slavic linguistic picture of the world?]. Retrieved from: <http://www.rastko.rs/projekti/etnoling/delo/13522>, 2005 [in Russian].

A.A. Kharkovskaya*

DISCURSIVE MARKERS OF GLOBALIZATION IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The present paper is aimed at considering the leading cross-cultural communication experts' points of view on the role and status of Modern Business English within the intercultural business space. The description is supported by systemic arrangement of linguistic illustrations based on the annual 'business buzzwords lists'. The discursive markers of globalization discovered in the process of analysis reflect the priorities within the modern English business communication space.

Key words: business communication, discursive markers, buzzwords, cross-cultural space, globalization, globalisms.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Kharkovskaya Antonina Alexandrovna* (aax2009@mail.ru), Department of English Philology, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СПОСОБЫ АДРЕСАЦИИ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ РОССИЙСКОЙ КОНДИТЕРСКОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье рассматриваются российские торговые марки кондитерских товаров в качестве носителей коммерческой информации. Данные рекламные наименования представляют собой микротесты, построенные в соответствии с рекламными стратегиями определенного типа. В данной области номинации реализуются различные типы рационалистических стратегий (родовая стратегия, стратегия преимущества и стратегия позиционирования), в соответствии с которыми характеризуется вкус продукта или направленность на определенный сегмент целевой аудитории. Активно используются также и проекционные стратегии, включающие стимулы эмоционального характера и ценностные ориентиры современного адресата: стратегия «резонанс», аффективная стратегия и стратегия внутреннего драматизма марки.

Ключевые слова: товарный знак, торговая марка, рекламная стратегия, адресат рекламы.

Товарные знаки (ТЗ) — обозначения, служащие для индивидуализации товаров и услуг производителей с целью отличия их от однородных товаров и услуг других производителей, выполняют также и рекламную функцию. Торговые марки (ТМ) — словесные товарные знаки — осуществляют рекламную коммуникацию благодаря заключенной в них рациональной и эмоциональной информации, значимой для определенных групп потребителей. ТМ кондитерских изделий функционируют в составе комбинированных товарных знаков, которые в области промышленного дизайна именуются «этикетками». «Конфетный этикет» — художественно оформленная обертка кондитерских товаров, представляет собой комбинированный товарный знак, в котором сочетаются, как правило, вербальные и визуальные компоненты. Эти произведения малых форм промышленной графики служат для индивидуализации и позиционирования товара в условиях жесткой конкуренции.

Объектом нашего исследования является вербальная составляющая современных российских конфетных этикеток, прежде всего ТМ и сопровождающие их рекламные тексты (РТ). Обращение к сфере коммерческой номинации конфетно-шоколадных изделий обусловлено в первую очередь тем, что нейминг в этой области активно развивается преимущественно на русском языке. Сегодня здесь функционируют многие тысячи названий, развиваются заложенные со второй половины XIX в. национальные традиции и принципы номинации, а также сохраняется значительная часть состава словесных товарных знаков, которые появились более века назад, когда упаковка начала использоваться в рекламных целях.

Потребление конфетно-шоколадной продукции охватывает самые широкие слои населения, которые объединяет любовь к сладкому, желание получить наслаждение

* © Романова Т.П., 2016

Романова Татьяна Павловна (romanovatp@mail.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, Самара, Московское шоссе, 34.

вкусом, поэтому большая часть современных этикетов содержит конкретную информацию о составе ингредиентов и вкусе предлагаемого продукта.

Некоторые фабрики сосредоточивают внимание адресата преимущественно на вкусовых характеристиках продукта. Например, «Россия – щедрая душа» в центр композиции этикета помещает описание вкуса шоколада: «*Очень шоколадные пузырьки*», «*Белый со вкусом ванили*», «*Фундук изюм*», «*Миндаль вафля*», «*Карамель арахис*», «*Горький шоколад из элитных сортов какао-бобов*». Эти описательные конструкции выполняют функции ТМ. Современный этикет предлагает «многоярусный» РТ, содержащий описание вкуса, обозначая: 1) сорт – «*Очень молочный шоколад*, 2) серию – «*Любимые десерты*» и 3) разновидность вкуса – «*Молочный шоколад со вкусом десерта*» «*Муравьиная сказка*».

Покупатель хочет иметь возможность найти знакомые с детства вкусы, поэтому большая часть ТМ советского периода сохраняется и сегодня. Однако выпускать их могут только компании, сумевшие после распада СССР зарегистрировать их как товарные знаки. Так, «Красный Октябрь» производит конфеты «*Буревестник*», «*Золотой ключик*», «*Кара-Кум*», «*Кис-кис*», «*Красная шапочка*», «*Красный мак*», «*Ласточка*», «*Морские*», «*Петушок – Золотой гребешок*», «*Раковые шейки*», «*Столичные*», «*Стратосфера*», «*Трюфели*», «*Цитрон*», «*Мишка косолапый*». Фабрика «РОТ ФРОНТ» продолжает выпускать конфеты «*Гусиные лапки*», «*Дюшес*», «*Легенда*», «*Лимончики*», «*Маска*», «*Мечта*», «*Москвичка*». Эти РИ являются символами знакомых потребителю вкусов.

Остальные производители выходят из положения при помощи «клонирования» советских этикетов, стараясь сохранить семантическую связь с оригиналом. Так, формируются целые «семьи» родственных этикетов, которые обеспечивают адресату узнаваемость знакомого бренда: «*Кара-Кум*» – «*Карабум*», «*Карабах*», «*Караван пустыни*», «*Верблюжонок*»; «*Раковые шейки*» – «*Рачки*», «*Рачки-добрячки*», «*Река Грека*»; «*Красный мак*» – «*Маков цвет*», «*Маковое поле*», «*Мак-красавец*», «*Красный маг*», «*Алая краса*»; «*Ласточка*» – «*Ласточка Сормовская*», «*Ласточка – вестница весны*», «*Ластушка-подружка*»; «*Петушок*» – «*Петя-Петушок*», «*Петушок, маслена головушка*», «*Шелкова Бородушка*», «*Петушок Самарский*»; «*Мишка косолапый*» – «*Мишка на Севере*», «*Мишка*», «*Русский Мишка*», «*Мишка-топтыжка*», «*Мишка-торопыжка*», «*Мишки в лесу*», «*Мишкин поцелуй*», «*Маша и Медведь*», «*Кремлевский мишка*», «*Жили-были Маша и Медведь*».

С целью регистрации товарных знаков, отражающих вкус продукта, создаются многочисленные окказиональные номинации, которые обозначают конкретный вкус и доставляют адресату эмоциональное наслаждение своей необычной формой: «*Аппетитки*», «*Банамы*», «*Бананоман*», «*Вкуснячок*», «*Вкусняшка*», «*Грилье*», «*Грушес*», «*Двуслада вкус Шоколада*», «*Йогурти*», «*Кремуаль*», «*Konfetto*», «*Карамело*», «*Королева Кокосана*», «*Креамо*», «*Креманси*», «*Ликерель*», «*Ломтишка*», «*Мармеландия*», «*Медунок*», «*Ментилка*», «*Мини-Халвини*», «*Млечко*», «*Сладница*», «*Сладоград*», «*Сластушонина*», «*Сладуванчик*», «*Сливо*», «*Суфлетто*», «*Тортугалия*», «*Фруктберри*», «*Фручетто*», «*Халветта*», «*Холод ОК*», «*Халвянка*», «*Шоккобарокко*», «*Шокобис*», «*Шоко-Браун*», «*Шоконатка*», «*Шокорешки*», «*Эклерис*».

Новым является позиционирование сладостей как полезных для здоровья продуктов: «*ECO botanica*» – конфеты с экстрактом зеленого чая и витаминами; «*ECO botanica light*» – темный шоколад без добавления сахара / ванильный / в 4 раза меньше углеводов / содержит витамины; «*Крепыш*» – Умные Печеньки / сливочные / содержит Са + Р / без красителей и консервантов; «*Chocolate Slim*».

На основании того, что коммерческое наименование можно рассматривать как «функционально свернутый (скрытый) текст» [1, с. 3], к нему применимы понятия рекламных стратегий, подробную характеристику которых находим в работе

Ю.К. Пироговой [2, с. 9]. В соответствии с характером мотивировки в рекламной номинации выделяются два основных типа рекламных стратегий: рационалистические и проекционные.

В области конфетно-шоколадной номинации доминируют рационалистические стратегии рекламирования, которые выдвигают на первый план конкретную потребительскую информацию. В соответствии с ее характеристиками выделяются имена, соответствующие четырем разновидностям рационалистических стратегий – **родовой стратегии**: «Ананасные», «Вишня», «Яблоко»; **стратегии преимущества**: «Очень молочный шоколад», «Ореховое царство белки»; **стратегии уникального торгового предложения**: «Шокобарокко», «Двуслада вкус Шоколада» и **стратегии позиционирования** на определенную целевую аудиторию.

На детей направлены сказочные номинации: «Сказка», «Сказки Перро», «Лебедушка», «Березка», «Зорюшка», «Чудесные игрушки», «Воздушный змей»; ТМ, включающие названия животных: «Братья наши меньшие», «Макаки Забияки», «Таракашки», «Жуки-Пауки»; рифмованные именованья с суффиксами субъективной оценки: «Антошка-картошка», «Облачка из молочка», «Апельсинки для Иринки», «Вишенки для Мишеньки», «Сливочки для Милочки», «Сгущенка для Настенки». Номинации шоколадных яиц с сюрпризом заключают в себе игровой сценарий: «Дюймовочка», «Серый волк и Красная шапочка», «Силушка богатырская», «Ну, погоди!», «Тайна Третьей планеты», «Приключение капитана Врунгеля», «Возвращение блудного попугая», «Малыш и Карлсон».

Марки для взрослых отражают алкогольную составляющую: «VODKA», «Водка&Коньяк», «Пуни&Черри», «Шоколад-Бар», «Русский бар», «Шоколадные бутылочки», «Клубничный ликер», «Марципан с коньяком», «Молочный ликер»; говорят о любви: «Бон Амур», «Мелодия любви», «Муза любви», «Лучшее любимым!», «Признание», «Комплимент», «Поцелуй Джульетты», «Поцелуй Ромео», «Французский поцелуй», «Шуры-муры»; создают ретрообразы: «Старинная открытка», «Дискотека 80-х», «Сладкие истории»; затрагивают шахматную тематику: «Е2-Е4», «Ферзь».

В целом покупательская аудитория слабо сегментирована. ТМ, выражающие высшую оценку качества, предназначены для всех: «Волшебный», «Волшебная нежность», «Маленькое чудо», «Обыкновенное чудо», «Поцелуй Ангела»; «Дворцовые», «Чистое золото», «Княжеские сладости», «Королевское удовольствие», «Царское сокровище», «Царская коллекция», «Царская награда», «Царский советник», «Кремлевский мишка», «Европа», «Сердце Востока», «Петр Великий», «Цезарь».

Значительная часть современных ТМ создается в соответствии с проекционными стратегиями, которые воздействуют на эмоциональную сферу. Здесь также выделяются разновидности стратегий. **Стратегия «резонанс»**, основанная на переносе ценности общественно значимого явления на ТМ, наделяет товар сильными ассоциативными связями, которые придают ему особый символический смысл. Сюда можно отнести прежде всего номинации, отражающие российские национально-культурные реалии и артефакты: «Россиянка», «Русский стиль», «Русские сезоны», «Виват, Россия!», «Русь Есенинская», «Русь-тройка», «Москва», «Столичные», «Кремлевские», «Купола», «Матрешка», «Тройка», «Золотое наследие», «Мой костер», «Песни Кольцова», «Играй, гармонист!». Компания «Товарищество А.И. Абрикосова сыновей», возрожденная в 2009 г., выпускает серии шоколада «Пушкинъ» («Пиковая дама», «Я помню чудное мгновенье») и «Сословный шоколад» («Царский», «Архиерейский», «Композиторский», «Крестьянский»).

Патриотические мотивы реализуются в названиях-посвящениях городам, территориям и культурным объектам нашей страны: «Амурские», «Адмиралтейские», «Ленинградские», «Летний сад», «Медный Всадник», «Невская лакомка», «Петербургские Ночи», «Петербургские тайны», «Санкт-Петербург», «Русский музей»; «Крымское яб-

локо», «Крымский десерт», «Севастопольский вальс»; «Дары Кубани»; «Беловежская пуща», «Ясная Поляна», «Тарханы», «Рублевские истории»; «Центр державы» (в Новосибирске), «Сибирь», «Моя Сибирь», «Дары Сибири», «Сибирский сувенир», «Богатство Урала», «Байкальский метеорит», «Челябинский метеорит», «Мой любимый город Новосибирск», «Новосибирск театральный»; «Вечерняя Самара», «Огни Самары», «Самарская изюминка», «Куйбышевские просторы», «Куйбышевские», «Помадка Самарская». В июне 2014 года «Новосибирская шоколадная компания» выпустила «патриотические» конфеты «Крым – а ну-ка отбери!».

Аффективная стратегия использует эмоциональное вовлечение потребителя с помощью юмора, интересного сюжетного хода, языковой игры и подобных приемов. Активно используется ее вариант – концепция «**разрыв шаблона**», которая предполагает разного рода неожиданные номинации, в том числе эпатаж: «*Рыжая-бесстыжая*», «*Ёжик кот*», «*Ёжик коровка*», «*Бурена-Матрена*», «*Лизун-Сосун*». Интересно, что название конфет «*Тамбовский волк*», которое в связи с известным фразеологизмом должно было бы вызывать негативные ассоциации, приобретает положительный смысл, поскольку тамбовчане считают волка символическим оберегом края.

Удивляют покупателей креативные ТМ конфет кондитерской фабрики АгАг Шексна: «*Укус женщины*», «*Слеза мужчины*», «*Мама Женя*», «*Папа Коля*», «*Бабушкины воспоминания*», «*Заводная теща*»; «*Хохотушка Маша*», «*Кочегар Петя*», «*Плотник Вася*», «*Колхозница Глаша*». Истоки подобных номинаций находим в традициях фольклорной рекламы, для которой характерны ироничность и обращение к публике в шутливой тональности.

Стратегия внутреннего драматизма марки, которая делает товар героем рекламы, находит реализацию в персонифицированных ТМ: «*Волшебник Тoffi*», «*Волшебник Тоффи*», «*Тетушка картошка*», «*Дракошка*», «*Очумелая клубничка*», «*Принц лимон*», «*Принцесса вишенка*», «*Мудренка*», «*Жевастик*», «*Дядя Степа*», «*Кнопик*».

Многие ТМ создаются на основании смешанных типов стратегий, соединяя рациональную информацию и игровые технологии. Например, серии конфет «**Ореховичи**»: «*Орех Сергеевич Грецкий*», «*Арахис Антонович*», «*Кешью Глебович*», «*Миндаль Иванович*», «*Фундук Петрович*» – и «**Фруктовичи**»: «*Ананас Денисович*», «*Изюм Васильевич*», «*Инжир Кириллович*», «*Персик Александрович*», «*Чернослив Михайлович*», «*Финик Тимофеевич*»; «*Вишня Владимировна*», «*Курага Петровна*».

Современный адресат выбирает преимущественно отечественные конфеты, о чем красноречиво свидетельствует многообразие ТМ, создаваемых в основном на русском языке и отражающих реалии национальной культуры. Большая часть продукции предназначена для самой широкой ЦА и в соответствии с рационалистическими стратегиями рекламирования характеризует вкус продукта. Активно используются также и проекционные стратегии, построенные на информации эмоционального характера и отражающие ценностные ориентиры адресата.

Библиографический список

1. Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации. АДД. Воронеж, 2004 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-problemy-issledovaniya-effektivnosti-kommercheskoi-nominatsii#ixzz3Kecv6QXT> (дата обращения: 12.04.2016).
2. Пирогова Ю.К. Современные творческие рекламные стратегии и их отражение в тексте // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 9–51.

References

1. Novichikhina M.E. *Teoreticheskie problemy issledovaniia effektivnosti kommercheskoi nominatsii ADD. Voronezh, 2004* [Theoretical problems of research on the effectiveness of commercial nomination. Author's abstract of Doctoral thesis. Voronezh, 2004]. In: *Nauchnaia biblioteka dissertatsii i avtoreferatov disserCat* [Scientific library of dissertations and extended abstracts disserCat]. Retrieved from: <http://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-problemy-issledovaniya-effektivnosti-kommercheskoi-nominatsii#ixzz3Kecv6QXT> (accessed 12.04.2016) [in Russian].
2. Pirogova Yu.K. *Sovremennye tvorcheskije reklamnye strategii i ikh otrazhenie v tekste* [Modern creative advertising strategies and their reflection in the text]. In: *Reklamnyi tekst: semiotika i lingvistika* [Advertising text: semiotics and linguistics]. M., 2000, pp. 9–51 [in Russian].

T.P. Romanova*

MEANS OF AIMING RUSSIAN CONFECTIONERY TRADEMARKS AT THEIR TARGET AUDIENCES

The paper focuses on Russian confectionery trademarks as commercial information carriers. These advertising names pose as micro texts created in accordance with advertising strategies of a certain type. Different types of rationalistic strategies (generic strategies, competitive advantage strategies, positioning strategy) are actualized in this nomination field. It is in accordance with these strategies that the taste of the product or targeting a certain segment of the target audience is characterized. Projection strategies employing emotional stimuli and value orientations ('resonance' strategy, affective strategy and the strategy of brand name internal dramatics) are actively implemented.

Key words: trade mark, brand name, advertising *strategy*, target recipient of the advertisement.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Romanova Tatjana Pavlovna* (romanovatp@mail.ru), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУБЕЖА XX—XXI ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТА МЕДИА-)

В статье представлен анализ новых тенденций в употреблении заимствованного аналитического прилагательного медиа-. Контексты конца 1990-х — начала 2000-х гг. демонстрируют его новые возможности, а именно — способность к изолированному употреблению, что позволяет говорить об изменении статуса данного элемента в современном русском языке. Факты использования элемента медиа- как самостоятельной лексемы наглядно демонстрируют его уверенное перемещение из группы морфем, имеющих промежуточное положение между аффиксами и корнями, в группу корней. При этом словообразовательная активность элемента медиа- продолжает оставаться высокой на протяжении последних 25 лет, что фиксируют не только словари неологизмов, но и нормативные словари. Производные с этим корнем употребительны в русском языке и отличаются многообразием значений.

Ключевые слова: новые слова, русский язык новейшего времени, словообразование, производное, словообразовательное гнездо, заимствование.

В русском языке рубежа XX—XXI веков весьма заметна активизация моделей сложения в образовании производных слов именных частей речи. Среди неологизмов велика доля дериватов, образованных с участием заимствованных основ. Это связано с тем, что «в общеславянский фонд словообразовательных морфем, активно формирующийся со второй половины XX века, входят заимствованные элементы преимущественно греко-латинского происхождения» [1, с. 189]. Один из ярких примеров — стремительно разрастающееся словообразовательное гнездо с основой *медиа-*, включающее в настоящий момент более 200 производных.

Статус элемента *медиа-* оценивается исследователями неоднозначно. В ряде работ его квалифицируют как аффиксоид, то есть «компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу» [2]. Авторы словаря «Аффиксоиды русского языка» добавляют: «...аффиксоиды в содержательном отношении сближаются с корнями, поскольку имеют лексическое значение... не выступают в качестве самостоятельных слов в языке... функционируют почти исключительно в составе сложных существительных и прилагательных... подчинительной структуры» [3, с. 3–5]. Л.В. Рацибурская считает элемент *медиа-* префиксоидом [4, с. 148–150]. Е.В. Петрухина усматривает функционально-семантические различия единиц, традиционно при-

---

* © Безрукова А.А., 2016

Безрукова Анна Андреевна (annabezrukova_ssu@mail.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

числяемых к числу аффиксоидов, и называет связанные корни с более конкретным и предметным, по сравнению с аффиксоидами, лексическим значением (*теле-, био-, аква-, техно-, гидро-* и др.) радикасоидами: «Радикасоиды могут соединяться и со свободными, и со связанными корнями в составе композитов, а также с аффиксоидами, тогда как префиксоиды и суффиксоиды между собою не соединяются» [5, с. 427].

Элемент *медиа-* в составе композитов *мультимедиа, медиакрат, медиакратия, медиакратический* соединяется с префиксоидом и суффиксоидами, что на первый взгляд дает основания считать его радикасоидом. Однако элемент *медиа-* обладает свойством, отсутствующим у радикасоидов, — он может употребляться изолированно, что принципиально меняет его статус в языке. Это свойство выводит его за пределы «оидов» и позволяет квалифицировать как самостоятельную лексему. В этом отношении *медиа* сближается с заимствованными корнями *фото* и *видео*, также получившими самостоятельность в результате вычленения из состава сложений и претерпевшими морфологические перемены, а именно — переход из разряда аналитических прилагательных в разряд несклоняемых субстантивов.

Первые факты изолированного употребления существительного *медиа* появляются в конце 1990-х гг. в периодической печати. Они зафиксированы в словарной статье «Толкового словаря русского языка начала XXI века: Актуальная лексика»: «*Наш рынок медиа — это рынок мифотворчества... (КП, 1999); Явный признак цивилизованности — независимые измерения аудитории практически во всех секторах медиа (Изв., 2000); Медиа как бизнес меня не интересовали (Ко, 2003)*» [6]. Национальный корпус русского языка употребления такого рода фиксирует в более позднее время: «*Просто я решил для себя абстрагироваться от всего, что пишут обо мне в медиа // Советский спорт. 2004*» [7]. Словарь-справочник «Новые слова и значения: по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» [8] не включил в словник подобные факты, по всей видимости, по причине невысокой их частотности. В нормативных лингвистических словарях существительное *медиа* впервые описывается как самостоятельная лексема в «Современном толковом словаре русского языка»: «**Медиа**, неизм.; ж. [англ. Media]. Средства массовой информации; масс-медиа. *Находиться под влиянием м.*» [9].

Толковый словарь русского языка начала XXI века указывает на разговорную функционально-стилистическую маркированность данного существительного, интерпретируя его как стилистический синоним лексемы *масс-медиа*. Кроме того, в этом издании впервые фиксируются 19 производных: *медиа-баинг, медиа-баинговый, медиа-байер, медиа-бизнес/ медиабизнес, медиа-брокер, медиа-война, медиа-империя, медиа-индустрия, медиа-магнат/ медиамангнат, медиа-менеджер, медиа-план/ медиаплан, медиапланирование, медиа-ресурсы, медиа-рынок/ медиарынок, медиа-селлер, медиа-селлерский, медиасообщество, медиа-холдинг, медийный* [6]. Самые ранние случаи употребления *медиа-дериватов*, как можно судить по иллюстративным материалам словаря «Аффиксоиды русского языка», датируются 1993 г. [3].

Следует заметить, что словообразовательное гнездо лексемы *медиа* можно назвать деривационным с определенной долей условности, поскольку в его составе присутствуют не только образованные собственно в русском языке производные слова, но также «и производные заимствования, и кальки», как справедливо замечает Е.В. Петрухина [5, с. 428]. Е.В. Маринова говорит о специфике заимствования в XXI веке: «...русский язык все чаще принимает какое-либо конкретное слово не как отдельное, единичное слово, а как член какой-либо парадигмы, микросистемы: словообразовательной, если заимствуются однокоренные слова, связанные в языке-источнике отношениями производности: блог — блогер; дайвинг — дайвер и др.» [10, с. 39].

Семантическая структура существительного *медиа* по направлению к настоящему моменту постепенно усложнялась. Современные контексты, включающие определяющее слово, показывают, что *медиа* могут дифференцироваться по следующим призна-

кам: по территориальному признаку (*мировые, зарубежные, российские, региональные и т. д.*); по объему аудитории (*высокоохватные, охватные, точечные*); по экономическим показателям (*дешевые, дорогие, недействительные, эффективные*); по форме собственности (*государственные, корпоративные*); по технологии передачи информации (*визуальные, интерактивные, нетелевизионные, печатные, сетевые, цифровые, электронные, традиционные, нетрадиционные, «новые», «прочие», социальные*); по эффективности передачи (*«быстрые»*); по значимости (*приоритетные, серьезные, существенные*).

В Национальном корпусе русского языка производные, включающие в свой состав корень *медиа-*, представлены весьма заметно: 7133 вхождения [7]. Словарь-справочник «Новые слова и значения: по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» зафиксировал 50 производных [8]. Общее количество дериватов в словообразовательном гнезде, по данным всех изученных нами источников, — 220. Самую немногочисленную группу составляют имена прилагательные (10 производных). В их составе одно суффиксальное производное — *медийный*, одно приставочное — *мультимедийный*, остальные представляют собой сложения — *медиабаинговый, медиаисследовательский, медиакратический, медиа-брокерский, медиарекламный, медиа-консалтинговая (компания), медиа-интегрированные (проекты), медиа-образовательный (фестиваль)*. Все производные прилагательные эмоционально-экспрессивно не маркированы и безоценочны.

Производные имена существительные гораздо более многочисленны (их 210) и дифференцированы как по семантике, так и по выражению экспрессии и оценки. По признаку семантической общности дериваты-номинативы образуют ЛСГ. Особенно многочисленны производные с абстрактной семантикой: *медиа-активность, медиа-атака, медиа-инициатива, медиа-исследование, медиа-коммуникация, медиа-манипуляция; медиа-активны, медиа-бренд, медиа-бюджет, медиа-инфляция, медиа-рынок; медиа-возможности, медиа-восприятие, медиа-культура, медиа-политика, медиа-роль, медиа-сознание, медиа-солидарность, медиа-фетиш, медиа-этика* и др. В составе рассматриваемого массива дериватов обращает на себя внимание группа производных с агентивной семантикой. Заметим, что в словаре-справочнике «Новые слова и значения: по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века», как пишет О.М. Карева, «...единицы лексического класса “Наименования лиц” (НЛ) составляют более 18,5 % от общего объема словника» [11, с. 43]. Доля агентивных производных, образованных с участием основы *медиа-*, приближается к 20 % от общего количества дериватов в рассматриваемом гнезде, при этом они именуют владельцев медиа-ресурсов, медиа-специалистов и медиа-персон: *медиа-владелец, медиа-магнат, медиа-олигарх, медиа-предприниматель, медиа-продюсер; медийщик, медиа-аналитик, медиа-байер, медиа-директор, медиа-дирижер, медиа-консультант, медиа-менеджер, медиа-наблюдатель, медиа-офицер, медиа-планер, медиа-помощник, медиа-представитель, медиа-провайдер, медиа-руководитель, медиа-шеф, медиа-эксперт, медиа-юрист; медиа-герой, медиа-лицо, медиа-пара, медиа-персона, медиа-фигура, теле-медиа-демократы* и др.

Совершенно очевидно, что гнездо с корневым элементом *медиа-* весьма обширно, что оно интенсивно развивается как путем словообразования на русской почве (все экспрессивы исконны), так и путем вхождения заимствований-интернационализмов и калек. Словообразовательное освоение элемента *медиа-* очень напоминает процессы, происходящие в гнездах аббревиатурных заимствований VIP и PR (совпадение прослеживается даже в составе ЛСГ производных с основами *медиа-* и PR) [12; 13]. Своеобразие гнезда с корневым элементом *медиа-* можно усмотреть в меньшем присутствии окказиональных единиц и в меньшей доле агентивных производных.

Библиографический список

1. Коряковцева Е.И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса // *Prezjawy internacjonalizacji w jezykach slowiackich*. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce, 2009. P. 179–200 [in Russian].

2. Лопатин В.В. Аффиксоид // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. 431 с.
3. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / отв. ред. Е.А. Левашов. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.
4. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Новые тенденции в современном медийном словотворчестве // Новые тенденции в русском языке начала XXI века. М., 2015. С. 134–221.
5. Петрухина Е.В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. М., 2010. С. 424–443.
6. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2008. 1136 с.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.
8. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова; Институт лингвистических исследований РАН. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 1391 с.
9. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова [и др.]. М., 2004. 960 с.
10. Маринова Е.В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI века // Новые тенденции в русском языке начала XXI века. М., 2015. С. 34–133.
11. Карева О.М. Наименования лиц в словаре-справочнике по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): тезисы Международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 43–44.
12. Безрукова А.А. О развитии словообразовательного гнезда аббревиатуры PR // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Саратов, 2009. С. 27–33.
13. Безрукова А.А. Словообразовательная адаптация заимствованных аббревиатур на рубеже XX–XXI вв. // Язык – текст – дискурс: традиции и новации. Самара, 2009. С. 237–243.

References

1. Koriakovtseva E.I. *Internatsional'noe vs. natsional'noe v slovoobrazovatel'noi sisteme: k postanovke voprosa* [International vs. national in derivational system: on the statement of a question]. In: *Prezjawy internacjonalizacji w jezykach slowikich*. Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce, 2009, pp. 179–200 [in Russian].
2. Lopatin V.V. *Affiksoid* [Root affix]. In: *Russkii iazyk. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia]. М., 1979, 431 p. [in Russian].
3. *Affiksoidy russkogo iazyka. Opyt slovaria-spravochnika/ Otv. red. E.A. Levashov.* [Root affixes in the Russian language. Experience of glossary. E.A. Levashov (Ed.)]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2009, 288 p. [in Russian].
4. Ratsiburskaia L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V. *Novye tendentsii v sovremennom mediinom slovotvorchestve* [New trends in modern media word creation]. In: *Novye tendentsii v russkom iazyke nachala XXI veka* [New trends in Russian language of the early XXI century]. М., 2015, pp. 134–221 [in Russian].
5. Petrukhina E.V. *Vozmozhnosti, funksii i konkurenty slovoпроизводства v sovremennom russkom iazyke* [Possibilities, functions and competitors of word derivation in modern Russian language]. In: *Novye iavleniia v slavianskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Komissii po slavianskomu slovoobrazovaniuu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov* [New phenomena in the Slavic word formation: the system and functioning: Reports of the XI International scientific conference of the Commission on the Slavic word formation of the International Committee of Slavists]. М., 2010, pp. 424 – 443 [in Russian].
6. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka nachala XXI veka: Aktual'naia leksika. Pod red. G.N. Skliarevskoi* [Explanatory dictionary of Russian language of the beginning of the XXI century: Topical vocabulary. G. N. Sklyarevskaya (Ed.)]. М., 2008, 1136 p. [in Russian].
7. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National corpus of the Russian language]. Retrived from: <http://ruscorpora.ru> [in Russian].

8. *Novye slova i znachenii: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 3 t. Pod red. T.N. Butsevoi, E.A. Levashova; Institut lingvisticheskikh issledovaniï RAN. T.2* [New words and meanings: Dictionary based on materials of press and literature of the 90-ies of XX century: in 3 Vols. T.N. Butsewa, E.A. Levashov (Eds.); Institute for linguistic studies, Russian Academy of Sciences. Vol.2]. Spb.: Dmitrii Bulanin, 2014, 1391 p. [in Russian].
9. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka. Pod red. S.A. Kuznetsova i dr.* [Modern explanatory dictionary of the Russian language. S.A. Kuznetsova et al. (Eds.)]. M., 2004, 960 p. [in Russian].
10. Marinova E.V. *Osvoenie novykh zaimstvovaniï i sopushtvuiushchie protsessy v russkom iazyke nachala XXI veka* [Development of new borrowings and related processes in the Russian language of the beginning of the XXI century]. In: *Novye tendentsii v russkom iazyke nachala XXI veka* [New trends in Russian language of the early XXI century]. M., 2015, pp. 34–133 [in Russian].
11. Kareva O.M. *Naimenovaniia lits v slovare-spravochnike po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka* [Names of persons in the glossary on the materials of press and literature of the 90-ies of the XX century]. In: *Neologii i neografiia: sovremennoe sostoianie i perspektivy (k 50-letiiu nauchnogo napravleniia). Tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Neology and neography: current state and prospects (on the 50th anniversary of the scientific direction). Abstracts of International scientific conference]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2015, pp. 43–44 [in Russian].
12. Bezrukova A.A. *O razvitiï slovoobrazovatel'nogo gnezda abbreviatury PR* [On the development of word-formative nests of abbreviation PR]. In: *Razvitie slovoobrazovatel'noi i leksicheskoi sistemy russkogo iazyka* [Development of word-formation and lexical system of the Russian language]. Saratov, 2009, pp. 27–33 [in Russian].
13. Bezrukova A.A. *Slovoobrazovatel'naia adaptatsiia zaimstvovannykh abbreviatur na rubezhe XX–XXI vv.* [Derivational adaptation of borrowed acronyms at the turn of the XX–XXI century]. In: *Iazyk – tekst – diskurs: traditsii i novatsii* [Language – text – discourse: traditions and innovations]. Samara, 2009, pp. 237–243 [in Russian].

A.A. Bezrukova*

NEW TRENDS IN THE FUNCTIONING OF THE BORROWED ANALYTICAL ADJECTIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE TURN OF XX–XXI CENTURIES (BASED ON THE OCCURRENCES OF THE ADJECTIVE MEDIA-)

The article presents the analysis of new trends in the use of the borrowed analytical adjective media. Contexts of the late 1990-ies – early 2000-ies demonstrate its new features, namely the ability for stand-alone use that allows to speak about changes in the status of this element in the modern Russian language. The fact of the use of the item of media as independent lexemes demonstrate the steady movement from a group of morphemes that have an intermediate position between affixes and roots, to the group of roots. At the same time derivational activity of the item of media continues to remain high for the last 25 years, that record not only dictionaries of neologisms, but legal dictionaries as well. Derivatives with this root, are commonly used in the Russian language and have a variety of different values.

Key words: new words, Russian language of modern times, derivation, derivative, derivational nest, borrowing.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Bezrukova Anna Andreevna* (annabezrukova_ssu@mail.ru), Department of Russian language and Mass Communications, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС КАК СФЕРА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ДОМОХОЗЯЕК (АНАЛИЗ С ПОЗИЦИИ ТИПОЛОГИИ ТЕКСТА)

Настоящая статья представляет собой попытку анализа типов текста интернет-дискурса по теме «домоводство» — инструкции и комментариев. Инструкция в интернет-коммуникации в целом сохраняет свою типичную структуру и языковое оформление, однако отличается персональной окраской. В комментариях к инструкциям в Интернете эмоциональная информация преобладает над когнитивной. Прагматический характер сохраняют в основном комментарии, которые фактически являются вопросами или предложениями. Автор приходит к выводу, что отличия данных типов текста в интернет-дискурсе от их «бумажных» аналогов обусловлены стремлением авторов обратиться к сообществу пишущих тексты и к сообществу читающих тексты и тем самым реализовать себя как членов социума.

Ключевые слова: интернет-дискурс, тип текста, социолингвистика, инструкция, комментарий.

Интернет является неотъемлемой частью жизни современного общества. Между тем споры о его сущности — социальной, культурной, технической и т. д. — не утихают. Проанализировав различные философские взгляды на этот вопрос, А.Н. Черняков приходит к выводу о том, что Интернет, будучи техническим феноменом, перешагивает границы собственной технической природы и становится общезначимым способом деятельности, который впоследствии отливаётся в формы социальной технологии, а та, в свою очередь, порождает культурно-семиотические и культурно-коммуникативные формы в рамках культуры постиндустриального общества [1, с. 11].

Рассматривая социогенезис Интернета, А.Н. Черняков описывает его связь с антропологическими практиками самореализации. В эпоху античности недостаточный или неполный человек осуществлял самореализацию, т. е. преодолевал недостаточность посредством общения, дискурсивно при помощи наставника — Учителя, который помогал прийти к Другому, то есть к другим [1, с. 14]. Функцию восполнения частичности человека выполнял миф, наследием которого и материальным воплощением сообщества (совокупности Других) являлась Агора. Включенность в сообщество означала целостность [1, с. 15].

В Средние века роль Другого наследует Библия, а в эпоху Нового времени и современности ее начинает играть книга, что существенно расширяет пространство самособирания субъекта [1, с. 15]. В постсовременности, по мнению А.Н. Чернякова, знаково-коммуникативные формы самореализации становятся все более автономными и носят утрированно *отчужденный характер*, что обусловлено механизмом их функционирования, выстроенным на основе самодостаточных образов реальности, уже не нуждающихся в самой реальности. В интернет-коммуникации познание заменяется визуальным потреблением образов [1, с. 15–16].

---

* © Гончарова М.А., 2016

Гончарова Мария Анатольевна (mgontcharova@gmail.com), кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Соглашаясь, что создание «самодостаточных образов реальности, не нуждающихся в самой реальности», в интернет-коммуникации не редкость, мы не склонны считать это явление неизменным атрибутом общения в Интернете. Что касается самореализации индивида посредством его приобщения к сообществу, то, на наш взгляд, этот феномен в полной мере присутствует в интернет-коммуникации.

Попытаемся проследить способы самореализации в культурно-коммуникативных формах общения в интернет-пространстве на тему «домоводство». Настоящий анализ представляется интересным, поскольку особенности интернет-общения в рассматриваемых формах проявляются в самом непосредственном виде.

В лингвистической литературе культурно-коммуникативные формы общения в интернет-пространстве нередко называют жанрами, однако следует отметить, что этот термин используется для обозначения весьма неоднородных явлений — как всевозможных сайтов, виртуальных факультетов и университетов, интерактивных учебных курсов, виртуальных игр, WEB, так и писем электронной почты, статей электронных СМИ или текстов микроблогов [2–4]. Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина предлагают различать гипержанры интернет-коммуникации и интернет-жанры [5, с. 115]. В немецкой лингвистической традиции последние называются типами текста.

Вслед за К. Бринкером под типами текста мы понимаем принятые в обществе образцы для выполнения языковых действий, представляющие собой типичные для той или иной ситуации комплексы контекстуальных (ситуативных), коммуникативно-функциональных и структурных (грамматических и тематических) характеристик. Они исторически сложились в языковой общности и являются частью повседневного знания носителей языка. Выполняя нормативную функцию, типы текста одновременно облегчают коммуникацию, поскольку предоставляют в распоряжение коммуникантов более или менее четкие ориентиры для порождения и восприятия текстов [6, с. 135]. У. Перксен называет типы текста над-индивидуальными рече-письменными актами [7, с. 219].

Общение на тему «домоводство» происходит обычно в таких сферах использования Интернета, как сайты, форумы, социальные сети, YouTube и т. п. Из типов текста широко представлены два: первый содержит предписание каких-либо действий, второй — реакцию на это предписание.

Рассмотрим первый названный тип текста. Тематика общения предполагает прагматическую установку автора, которая должна определять виды информации, представленные в этом типе текста: оперативную и когнитивную. Иными словами, мы ожидаем увидеть тип текста, относящийся, согласно классификации К. Райс, к оперативным текстам [8] — к разновидности инструкции. Действительно, данный тип текста содержит много характерных для инструкции черт. Прежде всего это типичная структура инструкции, включающая описание предмета инструкции и порядка действий. Описательная часть оформляется в виде списка и варьирует в зависимости от предмета — выкройки (пример 1), плетения браслета (пример 2) и т. д.:

1. Мерки

Потребуется всего лишь две мерки:

- объем талии
- длина изделия (от линии талии до нижнего края будущей юбочки)

2. *Material-Liste*:

- Alcantaraband, 3 mm, braun
- Großloch-Perlen Streifen
- Glasperlen Punkte
- Glasperlen Duo Blumen

Описание порядка действий оформляется при помощи повелительного наклонения или его синонимов и сопровождается фотографиями, схемами или рисунками:

– Ткань располагается без сгиба. Раскрой происходит в зеркальном отображении. Проверьте длину изделия, если Вы делаете длинную юбочку.

– *Zunächst werden die Baumwollkordeln und der Lederriemen auf eine Länge von ca. 35 cm zugeschnitten.*

Любопытен тот факт, что авторы таких сообщений в Интернете не являются профессиональными составителями инструкций, т. е. их знания о структуре и языковом оформлении данного типа текста являются частью их повседневного интуитивного знания об исторически сложившемся типе текста «инструкция».

Вместе с тем можно отметить принципиальное отличие сообщений в Интернете на тему «домоводство» от классической инструкции – их личностный характер. Он может выражаться, например, во введении, где автор делится своим жизненным опытом (пример 1), в нетипичном оформлении описания порядка действий с помощью глагола в первом лице мн. ч. (2), в использовании разговорно окрашенных конструкций (3) или местоимения второго лица *du/ ihr* вместо вежливой формы (4):

1. *Когда-то для кактусов я копала землю в лесах и в полях, соскребала со стен штуркатурку, таскала песок с реки.*

2. *При зимней расстановке кактусов располагаем отдельно всех, кого собираемся пересадить.*

3. *Jetzt nur noch das Armband zweimal um das Handgelenk wickeln, verschließen, fertig!*

4. *Ihr geht wie folgt vor.*

В первом случае этот феномен можно было бы объяснить включением в текст аттрактивной функции, однако в остальных случаях использование авторами этой функции не имеет смысла. Вероятно, персональный характер данного типа текста интернет-общения обусловлен не столько объективными прагматическими факторами, сколько субъективным желанием авторов. На наш взгляд, при оформлении описанного типа текста осуществляется самореализация авторов как социальных субъектов, причем проходит она одновременно в двух направлениях: с одной стороны, при создании своего текста авторы используют принятый в обществе образец, что позволяет им ощущать себя частью этого общества, а именно, частью, порождающей тексты. С другой стороны, авторы (вероятно, осознанно) нарушают существующие каноны, чтобы создать условия для коммуникации с читателем и тем самым приблизиться к части общества, воспринимающей тексты.

Содержание и языковое оформление другого популярного в интернет-коммуникации типа текста – комментария – тоже не всегда можно объяснить прагматическими установками авторов. Стоит отметить, что часто реакция читателей, размещенная в Интернете с помощью функции «комментарий», не относится к типу текста «комментарий». Действительно прагматический характер она носит, как правило, когда является не комментарием, а уточняющим вопросом или предложением, т. е. репликой «отсроченного письменного диалога» [9, с. 134]. В таких случаях происходит запрос и/или обмен информацией: *А пояс как пришивать? И почему на выкройке нет места для молнии? Или пояс на резинке, а ткань из трикотажа?*

Что касается ситуаций интернет-общения, в которых комментарий читателей действительно является комментарием, то здесь преобладает эмоциональная информация. Когнитивная информация может полностью отсутствовать (пример 1) или выступать в виде изложения совершенно неважного в данной связи опыта из личной жизни (пример 2):

1. *supi wie das erklärt wird ein ganz dickes Lob der jungen Frau werde jetzt alle meine Fersen so stricken Vielen Dank*

2. *Моя крестница тоже хочет юбку-солнце. Ей очень нравится шить для себя обновы, и она уже многое умеет делать сама. В эти выходные мы вместе будем шить новую юбку.*

Очевидно, что комментарии такого рода служат, главным образом, цели реализовать себя как социального субъекта.

Примеры наглядно демонстрируют, что все выше сказанное не является особенностью интернет-коммуникации на каком-то одном языке, а носит всеобщий характер.

Функционирование относящегося к домоводству типа текста «кулинарный рецепт» в интернет-дискурсе обнаруживает аналогичные тенденции [10].

Таким образом, типы текста, используемые в интернет-дискурсе «домоводство» (инструкция, комментарий), отличаются от своих «бумажных» аналогов персональным характером. Это обусловлено способом самореализации субъектов интернет-коммуникации в названной сфере — их реализацией как членов социума, что по своей сути не отличается от таковой в предшествующих эпохе Интернета формах. Данный вывод, впрочем, не означает, что аналогичная тенденция имеет место в других видах интернет-дискурса.

Библиографический список

1. Черняков А.Н. Интернет-дискурс в современных культурно-информационных коммуникациях: методологические проблемы: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009. 22 с.
2. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 36 с.
3. Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М.: Азбуковник, 2000. С. 56–62.
4. Вохрышева Е.В. Жанровая специфика интернет-дискурса // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты: сб. материалов науч. конф. с международным участием (Самара, 14–15 марта 2014 г.). Самара: Изд-во ООО «Инкома-пресс», 2014. С. 245–254.
5. Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
6. Brinker K. Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Schmidt, 1992. 160 S.
7. Pörksen U. Textsorten, Textsortenverschränkungen und Sprachattrapen // Wirkendes Wort. В. 24. 1974. 239 S.
8. Reiss K. Texttyp und Übersetzungsmethode. Heidelberg, 1983. 140 S.
9. Оношко В.Н., Киселева В.В. Диалогический дискурс как реализация коммуникации // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты: сб. материалов науч. конф. с международным участием (Самара, 14–15 марта 2014 г.). Самара: Изд-во ООО «Инкома-пресс», 2014. С. 132–135.
10. Гончарова М.А. Трансформация типа текста «кулинарный рецепт» в интернет-дискурсе // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты: сб. науч. ст.. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. Вып. 1. С. 294–303.

References

1. Chernyakov A.N. *Internet-diskurs v sovremennykh kul'turno-informatsionnykh kommunikatsiiakh: metodologicheskie problemy: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Online discourse in modern cultural-information communications: methodological problems: extended abstract of Candidate's of philosophical sciences thesis]. Belgorod, 2009, 22 p. [in Russian].
2. Akhrenova N.A. *Internet-diskurs kak global'noe mezhkul'turnoe iavlenie i ego iazykovoe oformlenie: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Internet discourse as a global and intercultural phenomenon and its linguistic form: extended abstract of Doctor's of philosophical sciences thesis]. M., 2009, 36 p. [in Russian].
3. Ivanov L.Yu. *Iazyk interneta: zametki lingvista* [The language of the Internet: notes of linguist]. In: *Slovar' i kul'tura russkoi rechi* [Dictionary and culture of Russian speech]. M.: Azbukovnik, 2000, pp. 56–62 [in Russian].

4. Vokhrysheva E.V. *Zhanrovaia spetsifika internet-diskursa* [Genre specificity of Internet discourse]. In: *Evoliutsiia i transformatsiia diskursov: iazykovye, filologicheskie i sotsiokul'turnye aspekty: sbornik materialov nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Samara, 14–15 marta 2014 g.)* [Evolution and transformation of discourses: linguistic, philological and sociocultural aspects: conference information package with international participation (Samara, March, 14–15, 2014)]. Samara: Izd-vo OOO «Inkoma-press», 2014, pp. 245–254 [in Russian].
5. Goroshko E.I., Zhigalina E.A. *Virtual'noe zhanrovedenie: ustoiavsheesia i spornoe* [Virtual genre study: fixed and disputable]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2010, no. 12, pp. 105–123 [in Russian].
6. Brinker K. *Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Klaus Brinker. Berlin: Schmidt, 1992, 160 p. [in German].
7. Pörksen U. *Textsorten, Textsortenverschränkungen und Sprachattrapen*. Wirkendes Wort, B. 24, 1974, 239 p. [in German].
8. Reiss K. *Texttyp und Übersetzungsmethode*. Heidelberg, 1983, 140 p. [in German].
9. Onoshko V.N., Kiseleva V.V. *Dialogicheskii diskurs kak realizatsiia kommunikatsii* [Dialogical discourse as the realization of communication]. In: *Evoliutsiia i transformatsiia diskursov: iazykovye, filologicheskie i sotsiokul'turnye aspekty: sbornik materialov nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Samara, 14–15 marta 2014 g.)* [Evolution and transformation of discourses: linguistic, philological and sociocultural aspects: conference information package with international participation (Samara, March, 14–15, 2014)]. Samara: Izd-vo OOO «Inkoma-press», 2014, pp. 132–135 [in Russian].
10. Goncharova M.A. *Transformatsiia tipa teksta «kulinarnyi retsept» v internet-diskurse* [Transformation of the type of text “cooking recipe” in the Internet-discourse]. *Evoliutsiia i transformatsiia diskursov: iazykovye, filologicheskie i sotsiokul'turnye aspekty: sbornik nauchnykh statei* [Evolution and transformation of discourses: linguistic, philological and sociocultural aspects: collection of research papers]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2016, Issue 1, pp. 294–303 [in Russian].

M.A. Goncharova*

INTERNET-DISCOURSE: TYPES OF TEXT IN THE HOUSEKEEPING DISCOURSE

The paper deals with the analysis of two types of text – instructions and comments – in the housekeeping internet-discourse. In general, the instruction keeps its typical structure and language form in the Internet communication, but acquires personal connotation. In comments to the Internet instructions emotional information prevails over cognitive one. Comments, which, in fact, are questions or suggestions, basically keep their pragmatic meaning. The author comes to the conclusion that differences of these types of text in the internet-discourse with their written variants are conditioned by the attempt of their authors to join in and become part of the community of those who write texts as well as those who read them.

Key words: internet-discourse, type of text, sociolinguistics, instruction, comment.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Goncharova Maria Anatolyevna* (mgontcharova@gmail.com), Department of German Language, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ОБРАЗНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГОЛОСООБРАЗОВАНИЯ В ОТРАЖЕНИИ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ

В статье проводится анализ образной интерпретации голосообразования – коммуникативно значимого элемента речевой ситуации, связанного с ее центральным компонентом (субъектом речи). В репрезентации голоса прослеживается взаимодействие метафорической и метонимической моделей, проявляющееся в регулярной метонимической замене наименований говорящего субъекта номинациями, связанными с голосом; подтверждается обусловленность метафорической модели «живое существо» метонимической логикой концептуализации денотата. В интерпретации говорящего субъекта эта модель обладает большими возможностями – любая характеристика конкретного субъекта, которая так или иначе воплощается через речь, может быть передана голосовыми номинациями.

Ключевые слова: метафорическая интерпретация, метонимия, дискурс, концепт, речевая ситуация, голосообразование.

Метафорическое моделирование голоса представляет собой фокус, в котором со-вмещены разные аспекты, связанные с репрезентацией субъекта – центра речевой ситуации. Понятие субъекта речи объединило, возможно, наибольший комплекс прагматически релевантных вопросов [1, с. 8–42].

Коммуникативная значимость этого аспекта выражается, в частности, в том, что голос нередко выступает в тексте, отражающем речевую ситуацию, репрезентантом говорящего – в регулярной метонимической замене в позиции формального субъекта наименований говорящего лексемами *голос*, *голосок*, *бас*, *тенор* и т. п.:

И голос, ее голос ответил мне: – Это я (М. Булгаков); *И тут вдруг детский голосок сказал ему: – Алле.* (Ю. Домбровский); *Бас директора произнес среди гомона несколько слов...* (В. Набоков); – *Сидим, сидим, – хором ответили ему из зала тенора и басы* (М. Булгаков).

Отметим, что в музыкальном дискурсе подобные замены имеют еще более регулярный характер:

Пели два голоса: высокий тенор и низкий рыдающий бас (И. Грекова); *Туридду тогда пел знаменитый тенор Карло Бергонци* (И. Архипова); *Густое женское сопрано исполняло какую-то классическую канцону или оперную арию* (А. Рубанов); *Доминиканская сопрано выступит с Симфоническим оркестром Кубы* (из газеты). *Какой-то харбинский баритон... и многие другие пели здесь для блатных без конца, выступали в лучшем своем репертуаре* (В. Шаламов).

Следует отметить, что в репрезентации речевой ситуации на голос буквально переносятся признаки (в форме переноса определения), характеризующие состояние

---

* © Кириллова Н.О., 2016

Кириллова Наталья Олеговна (nokirillova@mail.ru), кафедра естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ), 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, 10.

и психологические качества говорящего (*сердитый, решительный, безжалостный, испуганный*):

А из угла, от телефона, голос более громкий, решительный, требовательный: Кириллов! Кириллов! (И. Шамякин); Послышалось два голоса. Бас сказал безжалостно: – Готово дело. Белая горячка. А второй, женский, испуганный, произнес слова: – Как же милиция-то пропустила его по улицам... (М. Булгаков); Женщина встала, вышла за перегородку... – Какой-то барин, Николай Дмитрич, – сказала она. – Кого нужно? – сердито сказал голос Николая Левина (Л. Толстой).

За голосообразованием как аспектом сферы субъекта речи закреплены различные метафорические модели (с опорой на их понимание в исследованиях Дж. Лакоффа [2], М. Джонсона [3], Н.А. Илюхиной [4], Г.Н. Скляревской [5], Ю.Д. Апресяна [6], А.П. Чудинова [7], А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [8], Т.Н. Зубакиной [9]), однако наиболее регулярным является образ живого существа, за которым мыслится все тот же говорящий субъект (*угрюмый, хмурый, веселый, ликующий, сердитый, резвый, насмешливый, испуганный* и т. п.). В приведенных выше примерах номинация голоса заменяла человека, а здесь психологические характеристики переносятся – главным образом в форме переноса определения – на голос. Метафорическая модель «живое существо», по замечанию Н.А. Илюхиной, «обусловлена метонимической логикой» и «любой микроконцепт сферы “человек” представляет как самостоятельную сущность, которая в своих свойствах, способностях, поведении уподобляется человеку» [10, с. 35]. В интерпретации говорящего субъекта эта модель обладает большими возможностями – любая характеристика конкретного субъекта, в том числе ситуативная, которая так или иначе воплощается через речь, может акцентироваться через голос:

– эмоциональное состояние – *Капитан соскочил в окоп, побежал вдоль него, испуганным, плаксивым голосом умоляя: – Братцы! Что ж это такое? (И. Шамякин); – *Опять их умыли... – зазвучал в стороне глухой, на этот раз более сдержанный голос Звягинцева (М. Шолохов);**

– физическое состояние – *Позванивая золотыми цепочками, брелоками, глядя сытыми глазами в золотой лорнет, она говорила усталым голосом (М. Горький).*

Приведенные иллюстрации представляют, строго говоря, не метафорическую, а метонимическую модель.

Связь метафорической и метонимической моделей наблюдается и в случае зооморфной интерпретации человека, которая переносится на характеристику голоса, которая связана с двумя аспектами – собственно акустическим и эмоциональным.

Актуализируя акустические свойства голоса, метафорические употребления приобретают оценочно-экспрессивный элемент: передают положительную оценку, характеризуют звучание, приятное для слуха, или отрицательную, характеризуют звучание, неприятное по тем или иным причинам, выражающее отношение к собеседнику или предмету речи (неэстетичность звука, грубость, чрезмерная громкость):

Подойдите поближе, – пропищал тоненький голосок из кресла (И. Варшавский).

Сквозь призму зооморфного образа человек рассматривается не только с точки зрения тембровых и иных акустических характеристик его голоса, но и с точки зрения его эмоционального состояния. Поэтому при ассоциативной характеристике звучания актуализируется и психологический компонент – эмоциональное состояние говорящего. Так, лексемы *выть, рычать, лаять, реветь* выражают страх, злость, ярость, гнев, нередко в контексте при них содержатся лексические элементы, эксплицирующие и усиливающие названные признаки:

– *Нас предали! – провыл панический голос (А. Толстой); ...залаляли хриплые озлобленные голоса беженцев (М. Шолохов). Хлопнула дверь, раздался могучий плеск, и грозный бас заревел: – Я вам покажу черное море! (О. Горьков).*

Собственно метафорическая характеристика голоса отражает разные параметры говорящего и ситуации речи. Нельзя не отметить, что часто механизм метафоризации голоса основывается на синестезии. В частности, визуальные метафоры опираются на разновидность синестезии – синопсию, представляющую собой в данном случае визуализацию звука. Общность между цветом и звуком (или эффект визуализации звука), устойчиво возникающую в процессе человеческого восприятия, подтверждают естественнонаучные исследования, обнаружившие единый источник между светом и звуком – колебательный процесс [11, с. 144]. Однако синестезия не ограничивается переносом со слуховых впечатлений на зрительные; при метафорическом моделировании голосового тембра происходит перенос ассоциативных характеристик другого рода: тактильных, вкусовых [12].

В редких случаях метафора интерпретирует только собственно акустические особенности голоса (резкий, хриплый, бархатный, каркающий).

Чаще через голос выражаются другие аспекты сферы говорящего:

1) эмоциональное состояние субъекта речи:

– *Мне не нужно знать, – придушенным, злым голосом отозвался Пилат* (М. Булгаков); – *К чему это было сказано? – услышал гость внезапно треснувший голос* (М. Булгаков); *Рассматривая крючок, он слабым голосом проговорил: – Не везет! Чертовски не везет!* (М. Шолохов); *С тупым любопытством отметил, что голос Агатова срывается от волнения...* (Д. Гранин); *Он успокоился, услышав свой твердый голос* (Д. Гранин);

2) физическое состояние субъекта речи:

– *На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия! – сорванный и больной голос Пилата разросся* (М. Булгаков); *...Старуха сказала слабым, но сердитым голосом: – Неси!* (В. Короленко); *Ни кровинки не было в его известково-белом лице, но он все же двигался вперед и, запрокидывая голову, кричал ребячески тонким, срывающимся голосом: – Орелики! Родные мои, вперед!..* (М. Шолохов);

3) отношение говорящего к собеседнику – теплое, приветливое или строгое, недоброжелательное:

А когда сказал, что дядя был ранен на японской войне, голоса солдат потеплели (И. Шамякин); – *Итак, Марго, – продолжал Воланд, смягчая свой голос...* (М. Булгаков); – *Это баловство, молодость. – Романов отобрал рисунки сердито, но голос его дрогнул теплом* (Д. Гранин); *Бледный, едва владеющий собой Лопухин смотрел на Некрасова помутневшими от гнева глазами, молча слушал, а потом неожиданно тихим, придушенным голосом спросил: – Ты откуда родом, Некрасов? Курский? (М. Шолохов); – Здравствуйте, Владимир Сергеевич, – ровным, холодным голосом сказал Мамонтов. ...Ледяным голосом премьер напомнила Ющенко о его мизерном рейтинге и о попытках «поднять его за счет Западной Украины» (Взгляд. 08.09.2008); – Последние примеры рубрик демонстрируют роль контекста в актуализации семантических оттенков;*

4) коммуникативные цели говорящего, связанные с жанровыми особенностями, ситуацией речи – выражение: а) угрозы; б) соболезнования; в) призыва, ободрения; г) приказа; д) просьбы:

а) *...Учительница нахмурила брови и сказала срывающимся голосом: – Ну хорошо же...* (А. Аверченко);

б) *Прошу почтить память Ивана Денисовича Индрика минутой молчания, – надтреснутым голосом произнес Колесников* (А. Зорич);

в) *Голос его, исполненный страстной веры и предельного напряжения, вырос и зазеленел, как туго натянутая струна: – Пусть враг временно торжествует, но победа будет за нами!* (М. Шолохов); – *Братья во литературе!* (Осипиий голос его окреп и стал горячий) (М. Булгаков);

г) Голос **сорвался до визга: Молчать!** (И. Шамякин);

д) **Капитан соскочил в окоп, побежал вдоль него, испуганным, плаксивым голосом умоляя: — Братцы! Что же это такое?** (И. Шамякин);

5) особенности структуры ситуации речи, например место говорящего в неравноправном / иерархическом общении:

Глагол *пищать* (вместе с его производными) обычно содержит семы «маленький, слабый, зависимый, потенциальная жертва агрессии», глагол *рычать* (вместе с его производными) — семы «большой, сильный, агрессивный»:

Маргарита упрасивала Мастера дрожащим голосом... (М. Булгаков); — *А вот и новый воздыхатель, — произнесла Бежецкая, взглядывая с усмешкой на Фандорина. — Теперь ровно чертова дюжина. Представлять всех не буду, долго получится, а вы назовитесь. Помню, что студент, да фамилию забыла. — Фандорин, — пискнул Эраст Петрович предательски дрогнувшим голосом и повторил еще раз, потверже. — Фандорин (Б. Акунин); — *Вы знаете, что это? — задал он вопрос классу, его голос звучал и спокойно и пугающе. Дети смотрели на него, не в силах сказать ни слова. — Я спрашиваю еще раз: вы знаете, что это такое? — Наши сочинения, — пропищал неуверенный голос из глубины класса. — Нет! — рявкнул учитель. — Это — куча мусора!* (Из иллюстрации на педагогическом интернет-форуме).*

Часто сочный голос присваивается говорящему, обладающему высоким положением: *Он вышел, и с перекатами зазвучал в коридоре его сочный распорядительный бас* (В. Набоков);

6) нередко характеристика голоса коррелирует с описанием внешних, физических данных субъекта речи:

Рядом со своею высокою и красивою сестрой он казался слабым, жидким; и борода у него была жидкая, и голос тоже — жиденский тенорок, довольно, впрочем, приятный (А. Чехов); *В двери стоит, заполняя всю ее, Матрена Барская и, ворочая глазами, гудит глубоким басом: — Не жалобно поете, девицы* (М. Горький); — *Нет, я категорически против «Колизея» — гремел на весь бульвар гастроном Амвросий. — Не уговаривай меня, Фока. — Я не уговариваю тебя, Амвросий, — пищал Фока... — Слуга покорный, — трубил Амвросий...* (М. Булгаков).

В последнем примере глаголы, безусловно, указывают на тембровые особенности собеседников — высокий голос Фоки и низкий, очень громкий голос Амвросия. Нельзя не заметить, что подобная индивидуализация персонажей с помощью звуковых деталей не самоцель для автора. Эти характеристики работают на создание ярких, противостоящих друг другу образов — Фоки, «не умеющего жить», и Амвросия, поэта и одновременно любителя порционных судачков. Звуковые детали соединяются в произведении с внешними портретными: «тощий, с карбункулом на шее» Фока, естественно, *пищит*, а полный жизненных сил гастроном Амвросий, румяногубый гигант, золотистоволосый, пышношекий, соответственно, *трубит* и *гремит* на весь бульвар.

Решающая роль контекста в интерпретации метафорических употреблений обусловлена комплексным характером образного отражения речевой ситуации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.
2. Lakoff George The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics, 2009.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 511 с.

4. Илюхина Н.А. Метафора и системность в рамках образоцентрического подхода // Наука и культура России. 2014. Т. 1 С. 181–184.
5. Складьяревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. 150 с.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1995. С. 348–388.
7. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.
8. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: ИРЯ АН СССР, 1991. С. 184–193.
9. Зубакина Т.Н. Метафорическое моделирование историко-политического события (на материале текста мемуаров У. Черчилля) // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2014. Вып. 2 (48). С. 128–137.
10. Илюхина Н.А. Две метафорические модели в парадигматической и синтагматической корреляции // Труды по когнитивной лингвистике: сб. науч. ст., посвященный 30-летнему юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2008. С. 34–40.
11. Лосева О.В. Музыка и глаз // На грани тысячелетий: Мир и человек в искусстве XX в. М.: Наука, 1994. С. 140–158.
12. Сомова Е. Тембральная метафоризация в радиоречи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.rsu.ru>.

References

1. Arutiunova N.D., Paducheva E.V. *Istoki, problemy i kategorii pragmatiki* [Origins, problems and categories of pragmatics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Vyp. XVI. Lingvisticheskaia pragmatika* [New in foreign linguistics: Issue XVI. Linguistic pragmatics]. M.: Progress, 1985, pp. 3–42 [in Russian].
2. Lakoff George. *The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics*, 2009 [in English].
3. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. In: *Teoriia metafory* [Theory of metaphor]. M.: Progress, 1990, 511 p. [in Russian]
4. Iliukhina N.A. *Metafora i sistemnost' v ramkakh obrazotsentricheskogo podkhoda* [Metaphor and systematicity within the boundaries of the image-center approach]. *Nauka i kul'tura Rossii* [Science and culture of Russia], 2014, Vol.1, pp. 181–184 [in Russian].
5. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme iazyka* [Metaphor in the system of language]. SPb.: Nauka: Sankt-Peterburg. izd. firma, 1993, 150 p. [in Russian].
6. Apresyan Yu.D. *Obraz cheloveka po dannym iazyka: popytka sistemnogo opisaniia* [Image of a person according to the data of language: an attempt of system description]. In: *Apresian, Yu.D. Izbrannye trudy: v 2 t. Tom II. Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia* [Selected works: in 2 Vols. Vol.2 Integral description of the language and system lexicography]. M.: Shkola «Iazyki slavianskoi kul'tury», 1995v., pp. 348–388 [in Russian].
7. Chudinov A.P. *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii: Monografiia* [Essays on modern political metaphor studies: Monograph]. Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2013, 176 p. [in Russian].
8. Baranov A.N. *Ocherk kognitivnoi teorii metafory* [Essay on the cognitive theory of metaphor]. In: Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Russkaia politicheskaiia metafora: materialy k slovari* [Russian political metaphor: materials for the dictionary]. M.: IRIA AN SSSR, 1991, pp.184–193 [in Russian].
9. Zubakina T.N. *Metaforicheskoe modelirovanie istoriko-politicheskogo sobytiia (na materiale teksta memuarov U. Cherrhillia)* [Metaphorical modeling of historical and political event (on the material of the text of memoirs of W. Churchill)]. In: *Politicheskaiia lingvistika. Gl. red. A.P. Chudinov; GOU VPO «Ural. gos. ped. un-t»* [Political linguistics. A.P. Chudinov (Ed.): SEI HPE «Ural State Pedagogical University»]. Ekaterinburg, 2014, Issue 2(48), pp. 128–37 [in Russian].
10. Iliukhina N.A. *Dve metaforicheskie modeli v paradigmaticheskoi i sintagmaticheskoi korreliatsii* [Two metaphorical models in paradigmatic and syntagmatic correlation]. In: *Trudy po kognitivnoi lingvistike: sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 30-letnemu iubil'iu kafedry*

obshchego iazykoznaniiia i slavianskikh iazykov Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Otv. red. M.V. Pimenova [Works on cognitive linguistics: collection of research papers devoted to the 30th anniversary of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Kemerovo State University. M.V. Pimenova (Ed.)]. Kemerovo: KemGU, 2008, pp. 34–40 [in Russian].

11. Loseva O.V. *Muzyka i glaz* [Music and eye]. In: *Na grani tysiacheletii: Mir i chelovek v iskusstve XX v.* [On the edge of a millennium: World and human being in the art of the XX century]. M.: Nauka, 1994, pp.140–158 [in Russian].

12. Somova E. *Tembral'naia metaforizatsiia v radiorechi* [Tembral metaphorization in radiospeech]. Retrieved from: <http://www.relga.rsu.ru> [in Russian].

N.O. Kirillova*

FIGURATIVE CONCEPTUALIZATION OF VOCALIZATION IN THE REFLECTION OF SPEECH SITUATION

The article presents an analysis of figurative interpretation of phonation – communicatively meaningful element of speech situation associated with its central component (subject of speech). In the representation of voice the interaction of metaphorical and metonymic models, manifested in regular metonymic replacement of names of speaking subject nominations related to the voice is traced; conditioning of metaphorical model of «living being» metonymic logic conceptualization denotation is confirmed. In the interpretation of the speaking subject, this model has great potential – any characteristic of a specific subject, which somehow embodied through speech can be transmitted by voice nominations.

Key words: metaphorical interpretation, metonymy, discourse, concept, speech situation, phonation.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* Kirillova Natal'ia Olegovna (nokirillova@mail.ru), Department of Natural Science and Humanitarian Disciplines, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (KNRTU–KAI), 10, K. Marx st., Kazan, 420111, Russian Federation.

ОТ ЗНАЧЕНИЯ К СМЫСЛУ

В статье рассматривается смысл художественного текста как совокупный результат понимания читателем континуального речевого потока, в котором авторский замысел (смысл) формализуется благодаря доязыковым смыслам, аккумулярованным в языковых значениях разного уровня, символах, а также ассоциациях, потенцированных организацией речевого потока. Автор оперирует понятиями «элементарный смысл» как минимальная единица смысла и «смысловый поток» как некий конструкт, возникающий из однородных элементарных смыслов. Элементарные смыслы рассматриваются с точки зрения лингвистических и экстралингвистических источников, моделей извлечения (порождения), функций и радиуса действия; на примере одной строки демонстрируется неразделимое смысловое единство речевого континуума, взаимодействие осознаваемых и не осознаваемых реципиентом источников и моделей смыслопорождения. Средством верификации элементарного смысла в художественном тексте признано его соотношение (корреляция) с другими смыслами в составе смысловых потоков (парадигм), объединенных ко-референцией или концептуальной однородностью.

Ключевые слова: смысл, способ смыслоизвлечения, порождение смыслов, верификация смыслов, внутренняя парадигматика текста, континуальность речевого потока, художественный текст.

Хотя смысл признается первой из приоритетных проблем лингвистики XXI века [1, с. 30] и фигурирует в исследованиях ряда направлений лингвистики [2–4], лингвокогнитивистики [5], поэтики [6], герменевтики [7], категория смысла так и не получила однозначного определения с точки зрения хотя бы одной из наук филологического цикла. Более того, традиционное понимание языкового значения стало пересматриваться в свете попыток перехода от значения к смыслу; так, в когнитивистике значение уже интерпретируют как систему знаний, включающую алгоритм смыслопорождения [8, с. 4].

В художественном тексте этот алгоритм включает постоянное преодоление привычного, бесконечное обновление репертуара приемов. Извлечение уникального смысла в процессе регулярных, системных речевых операций в момент контакта читателя с автором пока представляет собой область, в которой между лингвистикой и литературоведением, лингвистикой и психологией нет прямой преемственности; существует недостаток конкретики, заметный в публикациях о смысле литературных произведений. Читательское понимание (или непонимание) произведений словесного искус-

---

* © Лисовицкая Л.Е., 2016

Лисовицкая Лариса Евгеньевна (lar367@yandex.ru), кафедра дошкольного образования факультета начального образования, Поволжский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

ства представляет главную проблему для целого ряда дисциплин филологического и психолого-педагогического цикла.

Психология смысла рассматривает искусство (а значит, и искусство слова) как механизм трансляции жизненных смыслов [9, с. 419], единственную деятельность, «которая отвечает задаче открытия, выражения и коммуникации личностного смысла действительности» [9, с. 420]. Во взаимодействии интертекстуального и интротекстуального подходов к смыслообразованию в процессе восприятия литературного произведения нельзя не признать базовый статус языка/речи как в авторской, так и в читательской деятельности. Языковые значения и звучания аккумулируют доязыковые смыслы и ассоциации многих поколений; формализуя авторские смыслы, они по законам смыслообразования в словесном искусстве оставляют читателю достаточный простор для смысловотворчества по мере его собственного опыта, языкового чутья и эстетического чувства.

Опыт смыслового анализа речевой ткани художественных текстов показывает, что невозможно обойтись без различения единиц смысла по масштабу/уровню, причем уровневая иерархия единиц языка/речи только косвенным образом может быть ориентиром в таком масштабировании. Наш материал дает основания для различения элементарных смыслов, смысловых конструктов и целостного (глобального) смысла текста.

Элементарные смыслы – самый проблематичный уровень этой иерархии: они соотносятся с языковыми единицами и их значениями далеко не однозначно, реципиенты разной квалификации демонстрируют кардинальные различия в интерпретациях, статистическим методам обследования поддаются только интерпретации массового, наименее квалифицированного читателя. Описывая те или иные аспекты лингвистической организации художественного текста, исследователи, как правило, не касаются континуальности речевого потока и процессуальной сущности смыслообразования. Поэтому для накопления фактов в основу работы был положен следующий принцип: любой реципиент, в том числе исследователь, может строить свое осмысление речевого потока с максимальным использованием доступных ему знаний и ассоциаций, но достоверным элементарным смыслом признается только такой минимально формулируемый квант смысла, который вступает в ту или иную корреляцию с другими квантами смысла данного текста, подтверждая тем самым свою значимость в развитии мысли.

Участники речевой коммуникации осознают в качестве носителей смысла преимущественно значения слов, поэтому исходным пунктом для изучения смыслообразования в речи может быть модель актуализации лексического значения [10]. Но спектр моделей смыслообразования в художественной речи намного шире, пока он не поддается исчерпывающему описанию, как и номенклатура носителей элементарных смыслов. Случаи языковой игры с удалением корней, несущих лексические значения, убеждают в том, что носители русского языка легко понимают и *глокую куздру* Л.В. Щербы, и «лингвистические сказки» Л. Петрушевской, но они, как правило, не могут объяснить и обосновать свое понимание. Можно предполагать, что обеспечивает понимание смысловой поток в целом, который воспринимается подсознательно и нерасчлененно в силу речевых привычек. При этом у каждого реципиента свой уровень «тонкости слуха», однако исследователь обязан увидеть все объективные предпосылки образования смыслов на основе анализа языковых и не только языковых значений.

Приведем в качестве иллюстрации строку из стихотворения А.С. Пушкина:

В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера...

Комментарии [11; 12] по поводу словосочетания *карийская роща* дают основания извлечь один общий смысл: определение *карийской* отсылает к античному миру с его мифологией и философией; строить свое понимание стихотворения следует на основе представлений об этой сфере культурного опыта, думать о чем-то древнем и

вечном, о чем-то архетипическом. Этот смысл является не только результатом, но и средством декодирования [13, с. 134]: он носит обобщенно-регулятивный характер, определяет наше понимание всего стихотворения и вступает в корреляцию с грамматическим значением настоящего времени сказуемого *таится* и синтаксическим временем предложения. «Античное» направление мысли читателя поддерживается гекзаметром, который еще со времен перевода «Илиады» Н.И. Гнедичем стал в русской поэзии знаком античности. Смысл, который мы условно назовем «античность», возникает под воздействием надязыковых значений при участии элементарных культурологических и стиховедческих представлений читателя.

Следующее словосочетание более заметно выделено и объединено смежной аллитерацией, делающей речевой такт еще более слитным по звучанию и смыслу и в то же время обособляющей его в потоке речи. *Роща, любезная ловцам*, т. е. известная обилием дичи и посещаемая охотниками – это пространство, наполненное растениями, животными и людьми. Смысл, извлекаемый простой логической операцией, можно, по-видимому, назвать пресуппозициональным, и он не укладывается в существующие описания речевой актуализации языковых единиц.

На этом фоне читатель может заметить звуковую фигуру контрастного выдвигания слова *таится*, чуждого началу строки как по звучанию, так и по смыслу. Два элементарных смысла (известный/тайный) вступают в оппозицию и начинают направлять дальнейшую мысль читателя.

Последняя звуковая фигура первой строки – зеркальная многоконсонантная аллитерация, дополненная артикуляционной однородностью губных *п* и *в* (*В роще ...пещера*) не только дает завершенность и дискретность звучанию строки, но является также сигналом смысловой связи и оппозиции слов однородного звучания. *Роща* и *пещера* – два вместилища – противопоставлены по нескольким признакам. *Роща* – вместилище всего: растений и камней (поскольку есть *пещера* и скалы), зверей и людей и даже *дали*, о чем поэт напомнил в седьмой, последней строке. Это значение находит поддержку в синтаксической позиции детерминанта интродуктивного предложения. *Пещера* – тоже вместилище, но в то же время пустота. Противопоставление «наполненность – пустота» вполне очевидно соотносится с бытийным значением интродуктивной конструкции, стимулируя возникновение смыслового комплекса с элементами нестабильности, подобного аккорду, требующему разрешения. Коллизию дерева и камня (явленного и таящегося, внешнего и внутреннего, наполненного и пустого, растущего ввысь и уходящего вглубь), сплетенную в смысловой узел с коммуникативно-синтаксической структурой, несущей бытийный смысл, можно понять только как завязку, сюжетную коллизию, которая должна быть разрешена, если мы имеем дело с целым текстом. Нельзя не отметить, что интродуктивное предложение вполне определенно ставит подлежащее *пещера* в коммуникативный центр, маркирует ее как главный предмет текущего высказывания и начинающегося повествования, что, на наш взгляд, тоже является смыслом, хотя и регулятивным. Он обычно не выводится в светлое поле сознания читателя, но легко доказывается: прервав чтение, мы вызовем чувство обманутого ожидания и вопросы.

Бытийная коллизия разрешается наполнением (затоплением) *пещеры* и рождением *ручья*, и описание этого события происходит, в частности, с участием звукоподражания, заменяющего вербальное именование капель [14, с. 111–114].

Показанные нами элементарные смыслы не всегда опираются непосредственно на значения лингвистических единиц, различаются по способу смыслоизвлечения, по радиусу действия, по функции в тексте (собственно-смысловой или регулятивной). В нашем материале присутствуют смыслы, которые возникли на базе нетривиальных актуализаций лексических значений, вызванных уникальными явлениями художественных контекстов [14, с. 140–142, 146–157], грамматических [15, с. 57–60] и

синтаксических значений [14, с. 145, 205], игры синтаксическими позициями номинаций [14, с. 174–177], символики [14, с. 73, 145] и строфики [14, с. 180–187], и даже появляющихся в тексте смысловых микропарадигм [14, с. 190–191].

Элементарные смыслы формируются главным образом в синтагматическом контексте, но верифицируются только в составе смысловых конструкторов, которые можно назвать парадигмами (по аналогии с лексико-семантическими парадигмами) или смысловыми потоками, что лучше отражает динамическую сущность и функцию явления. В смысловом потоке концептуально однородные смыслы, постепенно накапливаясь на протяжении текста, преодолевают порог восприятия и становятся все более явными для реципиента; фактически именно они ведут за собой мысль читателя и являются истинной манифестацией когнитивного процесса образования смысла целого текста. Это внутренний парадигматический аспект текста; как и языковая парадигматика, он лучше поддается анализу.

Обнаруживаются два основания для образования смысловых потоков: первое – кореференция вместе с релятивами, регулярно распространяющими ряды кореферентных именных групп [15, с. 57–60]; второе – концептуальная однородность смыслов. Наиболее регулярным, но все же частным случаем смыслового потока является лексико-семантический повтор: в нашем стихотворении лексико-семантическими повторами (но не только ими!) представлены смысловые потоки «пространство» и «движение», нередко сплетающиеся в значениях одного слова (*склонились, вьется*) или одной синтаксической единицы (*плющем, любовником скал и расселин; с камня на камень... струится*). Один из смыслов разобранным нами предложением в целом можно сформулировать как «пространственное соотношение». Но и бытийное значение этой коммуникативно-синтаксической структуры повторяется далее четырехкратно, образуя смысловой поток: предикцирующая конструкция появляется только после рождения ручья.

Смысл – категория философии, психологии и обыденного сознания. Изучение смыслов с позиций языкознания и теории речи обещает быть еще более трудоемким, чем лингвистическая семантика, но это закономерный этап, подготовленный всем предшествующим развитием лингвистики; именно он может приблизить плоды семантических исследований к бытовому сознанию носителей языка.

Библиографический список

1. Воротников Ю.Л. Наука о русском языке в начале XXI века: приоритетные области и перспективы развития // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 29–38.
2. Шведова Н.Ю. Местоимения и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
3. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1994. 2-е изд. 43 с.
4. Федосюк М.Ю. Синтаксические значения и синтаксические смыслы // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 18–22.
5. Алефиренко Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. Вып. № 1 (21). С. 5–14.
6. Шарандин А.Л. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Выпуск № 10 (114). С. 18–26.
7. Богин Г.И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
8. Колмогорова А.В. Языковое значение и речевой смысл: функционально-семиологическое исследование прилагательных-обозначений светлого и темного в современных русском и французском языках. АДД. Кемерово, 2006. 24 с.

9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.
10. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 138 с.
11. Цявловская Т.Г. Комментарии // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. URL: <http://rvb.ru/pushkin/02comm/0694.htm>.
12. Гаспаров М.Л. Стихотворение Пушкина и «Стихотворение» М. Шагинян // Классицизм и модернизм: Сб. статей. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1994. С. 84–94.
13. Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. М.: МГУ, 1999. С. 132–144.
14. Лисовицкая Л.Е. Технология лингвистического анализа художественного текста: учебное пособие для студентов педагогических специальностей. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 276 с. URL: http://www.directmedia.ru/book_278047_tehnologiya_lingvisticheskogo_analiza_hudojestvennogo_teksta.
15. Лисовицкая Л.Е. Референциальная смысловая парадигма в художественном тексте // Самарский научный вестник. 2013. № 3 (4). С. 57–60.

References

1. Vorotnikov Ju.L. *Nauka o russkom iazyke v nachale XXI veka: prioritetnye oblasti i perspektivy razvitiia* [Science of the Russian language in the beginning of the XXI century: priority areas and prospects of development]. In: *Iazykovaia politika i iazykovye konflikty v sovremennom mire* [Language policy and language conflicts in the modern world]. М.: Institut iazykoznaniiia RAN, 2014, pp. 29–38 [in Russian].
2. Shvedova N.Ju. *Mestoimeniia i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [Pronouns and meaning. A class of Russian pronouns and semantic spaces revealed by them]. М.: Azbukovnik, 1998, 176 p. [in Russian].
3. Shmeleva T.V. *Semanticheskii sintaksis: Tekst lektsii iz kursa «Sovremennyi russkii iazyk»* [Semantic syntax: text of lectures from the course “Modern Russian language”]. Krasnoyarsk: Krasnoiar. gos. un-t, 1994, 2nd edition, 43 p. [in Russian].
4. Fedosyuk M.Yu. *Sintaksicheskie znacheniiia i sintaksicheskie smysly* [Syntax values and syntax meanings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics. Intercultural communication], 2008, no. 4, pp. 18–22 [in Russian].
5. Alefirenko N.F. *Smysl kak lingvofilosofskii fenomen* [Sense as linguophilosophical phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiiia* [Tomsk State University Journal of Philology], Issue no. 1(21) / 2013, pp. 5–14 [in Russian].
6. Sharandin A.L. *Kognitivnaia poetika v sistemnom opisaniia poeticheskogo iazyka* [Cognitive poetics in the system description of the poetic language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriiia: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences], Issue no. 10 (114) / 2012, pp. 18–26 [in Russian].
7. Bogin G.I. *Obretenie sposobnosti ponimat'. Vvedenie v filologicheskuiu germenevtiku* [Gaining the ability to understand. Introduction to philological hermeneutics]. М.: Psikhologiiia i Biznes OnLain, 2001, 516 p. [in Russian].
8. Kolmogorova A.V. *Iazykovoie znachenie i rechevoi smysl: funktsional'no-semiologicheskoe issledovanie prilagatel'nykh-oboznachenii svetlogo i temnogo v sovremennykh russkom i frantsuzskom iazykakh* [Linguistic meaning and speech sense: functional and semiological investigation of adjectives-symbols of light and dark in modern Russian and French: Extended abstract of Doctor's of Philosophical Sciences thesis]. Kemerovo, 2006, 24 p. [in Russian].
9. Leontiev D.A. *Psikhologiiia smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti. 2-e, ispr. izd* [Psychology of sense: nature, building and dynamics of conceptual reality. 2nd edition, revised and enlarged]. М.: Smysl, 2003, 487 p. [in Russian].
10. Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1985, 138 p. [in Russian].
11. Tsyavlovskaya T.G. *Kommentarii* [Commentaries]. In: *Pushkin A.S. Sobraenie sochinenii v 10 tomakh. T. 2* [Collected works in 10 volumes. Vol. 2]. М.: GIKhL, 1959. Retrieved from: <http://rvb.ru/pushkin/02comm/0694.htm> [in Russian].

12. Gasparov M.L. Stikhotvorenie Pushkina i «Stikhotvorenie» M. Shaginyan [Pushkin's poem and "Poem" by M. Shaginyan]. In: *Klassitsizm i modernizm: Sb. statei*. [Classicism and modernism: Collection of articles]. Tartu: Izd-vo Tartuskogo un-ta, 1994, pp. 84-94 [in Russian].

13. Novikov A.I. *Smysl: sem' dikhotoicheskikh priznakov* [Sense: seven dichotomous characteristics]. In: *Teoriia i praktika rechevykh issledovanii* [Theory and practice of speech researches]. M.: MGU, 1999, pp. 132-144 [in Russian].

14. Lisovitskaya L.E. *Tekhnologiia lingvisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie dlia studentov pedagogicheskikh spetsial'nostei* [Technology of linguistic analysis of a literary text: textbook for students of pedagogical specialties]. M.; Berlin: Direkt-Media, 2015, 276 p. Retrieved from: http://www.directmedia.ru/book_278047_tehnologiya_lingvisticheskogo_analiza_hudozhestvennogo_teksta/ [in Russian].

15. Lisovitskaja L.E. *Referentsial'naia smyslovaia paradigma v khudozhestvennom tekste* [Referential sense paradigm in literary text]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Journal of Science], 2013, no. 3(4), pp. 57-60 [in Russian].

L.E. Lisovitskaya*

FROM MEANING TO SENSE

The article discusses the sense of a literary text as the total result of understanding by the reader of the continuum of the speech stream, in which the author's intent (sense) is formalized through before-language (pre-language) meanings accumulated in the language values of different levels, in the symbols, as well as associations, potentiated by the flow of speech. The author operates with the concepts «elementary sense» as the minimal unit of sense, and «stream of senses» as a construct built from a homogeneous elementary senses. Elementary senses were seen from the point of view of linguistic and extra-linguistic sources, patterns of extraction (generation), functionality and range; for example, one line demonstrates an inseparable semantic unity of the speech continuum, the interaction of conscious and unconscious recipients of sources and models of sense. Verification tool of elementary sense in a literary text is its correlation with other senses in the structure of the sense streams (paradigms), united with coreference or conceptual homogeneity.

Key words: sense, method of extracting of senses, generation of senses, verification of senses, internal paradigmatics of text, continuity of the speech flow, literary text.

Статья поступила в редакцию 15/VI/2016.
The article received 15/VI/2016.

---

* *Lisovitskaya Larisa Evgenievna* (lar367@yandex.ru), Department of Preschool Education, Faculty of Elementary Education, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky street, Samara, 443099, Russian Federation.

СТЕРЕОТИП «DER HÄSSLICHE SCHWABE» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ФРГ

В статье рассматриваются проблемы этнических стереотипов и их использование в массмедийном дискурсе. С точки зрения когнитивной этнолингвистики стереотип неотделим от механизмов категоризации действительности, он является элементом лингвокультурной картины мира. Главное внимание уделяется основным авто- и гетеростереотипам этнической группы «швабы». Именно швабы находятся сегодня в фокусе медийного дискурса в Германии в связи с ростом межкультурной напряженности в определенных регионах страны, особенно в Берлине. Несмотря на преимущественно экономические причины напряженности, этот социальный конфликт ошибочно трактуют как этнический, что приводит к проявлению ксенофобии.

Ключевые слова: массмедийный дискурс, этнолингвистика, этнический стереотип, авто- и гетеростереотипы, джентрификация в Берлине, стереотип «швабская домохозяйка».

*Die Schwaben sind vielleicht der komplizierteste,
gewiss aber der spannungsreichste unter
den deutschen Stämmen.*
Theodor Heuss

Стереотипы – одна из ключевых тем современного гуманитарного дискурса. Исследование стереотипов, особенностей их формирования, хранения и функционирования в сознании человека становится все более актуальным и играет важную роль в повышении эффективности межкультурной коммуникации, в устранении межкультурной напряженности. В качестве фактического материала для анализа послужили публикации на тему „Schwabenhass“ в электронных СМИ, а также свыше 500 комментариев к ним, опубликованных пользователями Интернета.

У. Липпман, впервые использовавший понятие стереотипа еще в 1920-е годы, определял его как «упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира... Стереотипная картина мира может быть не полной, но это картина возможного мира, к которому мы приспособились», и она экономит усилия человека при восприятии сложных социальных объектов и защищает его ценностные позиции и права [1, с. 104–109].

В. Красных понимает под стереотипом фрагмент или образ картины мира, существующий в сознании. «Это некоторый образ-представление, это ментальная “картинка”, некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» [2, с. 178].

В социальной психологии под этническим стереотипом принято понимать обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических групп. Этнический стереотип характеризуется повышенной эмоциональностью и устойчивостью в отражении черт стереотипизируемой группы [3, с. 26].

---

* © Пичкур А.И., 2016

Пичкур Анна Ивановна (pitschkur@mail.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике принято подразделять национальные стереотипы на автостереотипы (отражающие то, что люди думают сами о себе) и гетеростереотипы (стереотипы, относящиеся к другому народу). Исследуя оба феномена, большинство ученых пришло к выводу, что каждая нация склоняется к завышенной самооценке и недооценке или негативной оценке других этносов. Это объясняется тем, что носитель другой культуры традиционно воспринимается как «чужой». В оппозиции «свой – чужой» возникает конфликт культур: родная культура объединяет людей, но одновременно и отделяет их от других, чужих культур [4, с. 111].

Можно утверждать, что в Германии, где на севере на диалекте говорит половина населения, а на юге – даже две трети или три четверти [5], сложилась интересная этнокультурная среда, которая во многом сохраняется, несмотря на процессы глобализации, стирание межнациональных границ. Важной особенностью национальных стереотипов является их относительный характер. «В то время как иностранцы пользуются обычно общеупотребительным этнонимом *немец*, с которым связан конкретный набор стереотипов, подразделение данного этнонима на более мелкие формы (*баварец, саксонец, шваб* и др.) представляется для них несущественным дополнением. Представитель федеративной земли – это носитель субкультуры своей родной территории, носитель определенного диалекта, а соответственно, ряда приписываемых ему характеристик, качеств, особенностей» [5, с. 4]. «Личность носителя диалекта обладает особым мировосприятием, мироощущением, мировидением и миропониманием, а родной диалект является неотъемлемой ее частью» [6, с. 109]. Носитель диалекта равен носителю стереотипа. Самоидентификация в немецкой лингвокультуре зачастую носит двуфазный характер. Этнический автопортрет немца включает в себя не только принадлежность к немецкой нации, но и к некоторой этногруппе, определенной родным диалектом [5, с. 4].

В фокусе медийного дискурса в Германии в последнее время находятся представители преимущественно только одного диалекта – швабы, а также причины ярко выраженного неприязненного отношения к ним в немецком обществе, создающего в некоторых районах, особенно в Берлине, ситуации межкультурной напряженности.

В Штутгарте, столице земли Баден-Вюртемберг, широко рекламируется открывающаяся осенью 2016 года выставка «Швабы. Мифы и границы». В рекламном проспекте подчеркивается особое место швабов среди носителей других диалектов в Германии, ср.: *Der schillernde Begriff der „Schwaben“ und des „Schwabenlandes“ ist im deutschen Südwesten ebenso traditionsreich wie diffus, in jedem Fall aber bis heute weit über die Region hinaus in aller Munde. Die Verwendung der Bezeichnung „Schwaben“ löst und löste Assoziationen aus. Welche das sind, dem will die Große Landesausstellung „Die Schwaben. Zwischen Mythos und Marke“ nachgehen (ST).*

Первый президент ФРГ Теодор Хойс, сам тоже родом из «страны швабов», назвал своих соотечественников «самым непростым и вызывающим самые резкие споры» среди германских племен [7].

Немецкий колумнист Ян Фляйшхауер в статье с провоцирующим заголовком «Der Schwarze Kanal: Hass auf die Schwaben» анализирует современную ситуацию вокруг швабов и пытается ответить на вопрос, почему воплощением пресловутого «безобразного немца» для многих немцев стал «безобразный шваб», ср.: *Woher kommt der hässliche Deutsche? Glaubte man den Bewohnern von Großstadtvierteln wie dem Prenzlauer Berg, ist die Antwort eindeutig: aus Baden-Württemberg [7].*

Известный немецкий журналист Ульрих Кингле подчеркивает, что стереотип «безобразный шваб» возник еще в средние века, ср.: *Schwabe zu sein, ist ein schweres Schicksal. Der „hässliche Schwabe“ war schon im Mittelalter eine stehende Figur. Die Schwaben – die Deppen des Reiches [8].*

Е. Бартминьский отмечает сложность структуры национальных стереотипов, которая включает как описательные, так и оценочные признаки. При этом централь-

ной частью содержания стереотипов являются «описательные признаки (познавательные), иногда маргинальные и несущественные, но субъективно вводимые в ранг типических; описательному содержанию сопутствует интеллектуальная и эмоциональная оценка». Автор выделяет несколько доминантных групп признаков, структурирующих определенный этностереотип. Это признаки, связанные с внешним видом, бытовые признаки, психические и интеллектуальные, социальные» [9, с. 15].

Какими видят себя швабы? В одном из путеводителей для туристов дается характеристика шваба в несколько ироническом ключе, ср.: *Der Schwabe ist gutmütig, fleißig, undressierbar, mal grob, mal zärtlich, sparsam, grüblerisch, schleckig und leicht verletzbar. Am ausgeprägtesten sind Fleiß, Ausdauer, Erfindungsgeist und Phantasie. Nicht umsonst haben Schwaben sieben große Erfindungen gemacht: Liberalismus, Mineralwasser, Spätzle, Auto, Zeppelin, Einsteins Relativitätstheorie und den Kartoffelsalat* [ST].

Швабы гордятся своей бережливостью и умением разумно тратить деньги – это, пожалуй, главный автостереотип, ср.: *Das bekannteste und beliebteste Vorurteil gegenüber den Menschen in meiner Heimat: Alle Schwaben sind extrem geizig und sparsam. Das mag auf den einen oder anderen zutreffen. Aber warum ist das so negativ? Sparsamkeit ist eine Tugend, die wenige Menschen besitzen. Wir Schwaben sind einfach nur vorsichtig und umsichtig im Umgang mit Geld. Wir überlegen uns stets genau, wann und wofür wir unser Geld ausgeben* [PS].

Бережливость автостереотипа оценивается как скупость и жадность в гетеростереотипе, ср.: *Aber Schwaben sind geizig und geldgierig, somit wollen sie überall nur das Beste absahnen* (SO).

Е. Бартминьский пишет, что зависимость между гетеро- и автостереотипами может быть описана как «зеркальное отражение или как принятие навязанной перспективы другого». Так, если с перспективы А бедным (отсталым, непокорным и т. д.) считается Б, то с точки зрения Б богатым (современным, агрессивным) считается А [9, с. 14–15]. Такие пары атрибуций, практически тождественных по смыслу, но аффективно противоположных, например: скупой / жадный, осторожный / трусливый, Г. Солдатова образно называет стереотипом перевертышей, поскольку здесь один и тот же стереотип в течение очень короткого времени может превратиться в свою противоположность по знаку и даже по языковому оформлению в зависимости от характера этноконтактной ситуации [10, с. 49].

В нашем материале в качестве стереотипа перевертышей может рассматриваться стереотип «schwäbische Hausfrau», образ экономной рачительной хозяйки, коннотативно положительно нагруженный в автостереотипе швабов. В 2008 году, в разгар экономического кризиса, Ангела Меркель использовала его в своей предвыборной кампании, выступая перед избирателями в Штутгарте. Речь шла о том, что в кризис надо учиться жить по средствам, как это делает швабская хозяйка, ср.: *„Man hätte einfach nur die schwäbische Hausfrau fragen sollen. Sie hätte uns eine Lebensweisheit gesagt: Man kann nicht auf Dauer über seine Verhältnisse leben“* [11].

Реакция в СМИ была чрезвычайно критичной, журналисты в язвительных комментариях высмеивали попытку А. Меркель сравнить экономику со швабской домохозяйкой и напоминали основной способ этой хозяйки сэкономить – ничего не покупать. В статье «Швабская домохозяйка как кардинальная ошибка немецкого мышления» Йенс Бергер высказывает мнение, что образ швабской домохозяйки является таким же типичным стереотипом мелкобуржуазного мещанского мировоззрения классических избирателей партии А. Меркель ХДС, как, например, садовый гном, поэтому с точки зрения предвыборной стратегии этот образ гениален, ср.: *Aus wahlkampfstrategischer Sicht ist dieses Leitbild zweifelsohne genial. Zum Stereotyp des Schwaben gehört es nun einmal, dass er bescheiden bis geizig ist und sich nur das leistet, was er sich auch leisten kann* [11].

Однако неприязнь к швабам «Schwabenhass» (ненависть), связана не только и не столько со стереотипом скупость / жадность, а скорее, с понятием *джентрификация*, и ярче всего эта неприязнь проявляется в районе Берлина Пренцлауэрберг. После объединения Германии многие дома Пренцлауэрберга на какое-то время оказались заброшенными, западные инвестиционные компании начали скупать и модернизировать старинные дома. Цены на недвижимость резко возросли, прежнее население вынуждено было покинуть район [12].

Социолог Андреас Каппхан подчеркивает, что джентрификация – экономический процесс, который ошибочно связывают прежде всего со швабами, хотя в действительности квартиры там покупают и сами берлинцы. Он с сожалением отмечает, что социальный конфликт трактуется зачастую как этнический, и это приводит к проявлению ксенофобии и расизма, выражением которых являются многочисленные граффити «Schwaben raus!» и даже «Spätzle-Mafiosi raustreten!» в районах Пренцлауэрберг и Кройцберг [13].

В заключение необходимо отметить роль средств массовой информации в формировании и закреплении национальных стереотипов. Эффективное использование стереотипных представлений способствует усилению прагматического воздействия текстов политической коммуникации и способно кардинальным образом повлиять на существующую в сознании читателя картину мира.

Библиографический список

1. Липпман Уолтер. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; ред. пер. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
2. Красных В.В. Этнопсихология и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1998. 368 с.
4. Маслова В.А. Культурная коннотация как экспонент культуры в языковом знаке // Этносоциология: хрестоматия / авт.-сост. Н.И. Коновалова. Екатеринбург, 2004. С. 98–115.
5. Меркурьева В.Б. Штрихи к портрету личности носителя диалекта // Язык. Закономерности развития и функционирования: сборник к юбилею Н.Н.Семенюк. М.; Калуга: «Эйдос» (ИП Кошелев А.Б.), 2010. С. 102–111.
6. Меркурьева В.Б., Куприянова Н.В. Конгломерат лингвистических и экстралингвистических факторов как основа экспликации немецкого юмора // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2013. №1 (03). С. 1–16. URL: <http://md.islu.ru>.
7. Fleischhauer Jan. S.P.O.N. – Der schwarze Kanal: Hass auf die Schwaben. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/die-schwabenveraechter-von-heute-sind-oft-die-schwaben-von-gestern-a-875546.html>.
8. Kienzle Ulrich. Den Schwaben gibt es gar nicht. URL: <http://www.kanews.de/region/karlsruhe/karlsruhe/karlsruhe-spezial/Karlsruhe-Spezial-Den-Schwaben-gibt-es-gar-nicht;art788,21224#formular>.
9. Бартми́нский Е. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 11–21.
10. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
11. Berger Jens. Die schwäbische Hausfrau als Kardinalfehler deutschen Denkens. URL: <http://www.heise.de/tp/artikel/36/36405/1.html>.
12. Пичкур А.И. Лингвокультурные особенности развертывания концепта «свой/чужой» в политическом дискурсе // Эволюционные процессы в системе языка и дискурсе: междунар. сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Дубинин. Самара, 2013. С. 170–179.
13. Schrippenstreit „Der Urberliner stellte schon immer die Minderheit“ von Tiemo Rink. URL: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/prenzlaue-berg-thierse-verteidigt-sein-gelaester-ueberschwaben/7573938.html>.

Список источников фактического материала

1. Psychogramm. Der Schwabe – ein Kosmopolite? Von Jürgen Holwein. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/psychogramm-der-schwabe-ein-kosmopolite-a-119955.html> (PS).
2. Die Schwabenverdchter von heute sind oft die Schwaben von gestern – SPIEGEL ONLINE. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/die-schwabenveraechter-von-heute-sind-oft-die-schwaben-von-gestern-a-875546.html> (SO).
3. Stuttgart Tourist – Hotels, Stadtführungen, Tickets, Übernachtungen. URL: <https://www.stuttgart-tourist.de> (ST).

References

1. Walter Lippmann. *Obshchestvennoe mnenie. Per. s angl. T.V. Barchunovoi. Redaktory perevoda K.A. Levinson, K.V. Petrenko* [Public opinion. Transl. from English by T. V. Barchunova. Translation editors K.A. Levinson, K.V. Petrenko]. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004, 384 p. [in Russian].
2. Krasnykh V.V. *Etnopsikhologiya i lingvokul'turologiya: Kurs lektzii* [Ethnopsychology and lingoculturology: Course of lectures]. M.: ITDGK “Gnozis”, 2002, 284 p. [in Russian].
3. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. M., 1998, 368 p. [in Russian].
4. Maslova V.A. *Kul'turnaia konnotatsiia kak eksponent kul'tury v iazykovom znake* [Cultural connotation as a culture exhibitor in the language sign]. In: *Etnosotsiolingvistika: Khrestomatiia / Avt.-sost. N.I. Konovalova* [Etnosociolinguistics: Reader. Author-complier N.I. Konovalova]. Yekaterinburg, 2004, pp. 98-115 [in Russian].
5. Merkur'yeva V.B. *Shtrikhi k portretu lichnosti nositel'ia dialekta* [Strokes to the portrait of dialect personality]. *Iazyk. Zakonomernosti razvitiia i funktsionirovaniia: Sbornik k iubileiu N.N. Semeniuk* [Language. Laws of development and functioning: Digest of articles to N.N. Semenyuk anniversary]. M.-Kaluga: «Eidos» (IP Koshelev A.B.), 2010, pp. 102-111 [in Russian].
6. Merkur'yeva V.B., Kupriyanova N.V. *Konglomerat lingvisticheskikh i ekstralingvisticheskikh faktorov kak osnova eksplikatsii nemetskogo iumora* [Conglomerate of linguistic and extra-linguistic factors as the basis of explication of German humor]. «Magister Dixit» – *nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri* [ESPJ of Eastern Siberia «Magister Dixit»], no. 1(03), March 2013, pp.1-16. Retrieved from: <http://md.islu.ru/> [in Russian].
7. Fleischhauer, Jan S.P.O.N. *Der schwarze Kanal: Hass auf die Schwaben* [The black channel: hatred for the Swabians]. Retrieved from: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/the-schwaben-despicer-today-are-often-the-schwaben-of-yesterday-a-875546.html> [in German].
8. Kienzle, Ulrich. *Den Schwaben gibt es nicht* [The Swabians do not exist]. Retrieved from: <http://www.kanews.de/region/karlsruhe/karlsruhe/karlsruhe-spezial/Karlsruhe-Spezial-Den-Schwaben-gibt-es-gar-nicht;art788,21224#formular> [in German].
9. Bartminsky E. *Bazovye stereotipy i ikh profilirovanie (na materiale pol'skogo iazyka)* [Basic stereotypes and their profiling (on the material of Polish)]. In: *Stereotipy v iazyke, kommunikatsii i kul'ture: Sb.statei. Sost. i otv. red. L.L. Fedorova* [Stereotypes in language, communication and culture: Digest of articles. Complier and responsible editor L.L. Fedorova]. M.: RGGU, 2009, pp.11- 21 [in Russian].
10. Soldatova G.W. *Psikhologiya mezhetnicheskoi napriazhennosti* [Psychology of ethnic tension]. M.: Smysl, 1998, 389 p [in Russian].
11. Berger, Jens. *Die schwäbische Hausfrau als Kardinalfehler deutschen Denkens* [The Swabian housewife as cardinal mistake of German thinking]. Retrieved from: <http://www.heise.de/tp/artikel/36/36405/1.html> [in German].
12. Pichkur A.I. *Lingvokul'turnye osobennosti razvertyvaniia kontsepta «svoi/chuzhoi» v politicheskom diskurse* [Linguistic and cultural aspects of the concept “own/alien” in political discourse]. In: *Evolutsionnye protsessy v sisteme iazyka i diskurse: mezhdunar. sb. nauch. st. Otv. red. S.I. Dubinin* [Evolutionary processes in the system of language and discourse: International collection of scientific articles. S.I. Dubinin (Ed.)]. Samara, 2013, pp. 170-179 [in Russian].
13. Schrippenstreit „Der Urberliner stellte schon immer die Minderheit“ von Tiemo Rink [Schrippen dispute “The typical Berlin presented always the minority” of Tiemo Rink]: Retrieved

from: <http://www.tagesspiegel.de/berlin/prenzlauer-berg-thierse-verteidigt-sein-gelaester-ueberschwaben/7573938.html> [in German].

List of factual material sources

1. Psychogramm. Der Schwabe – ein Kosmopolite? Von Jürgen Holwein. Retrieved from: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/psychogramm-der-schwabe-ein-kosmopolite-a-119955.html> (PS) [in German].

2. Die Schwabenverdchter von heute sind oft die Schwaben von gestern [The Schwaben despisers of today are often the Swabians of yesterday] – SPIEGEL ONLINE. Retrieved from: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/die-schwabenveraechter-von-heute-sind-oft-die-schwaben-von-gestern-a-875546.html> (SO) [in German].

3. Stuttgart Tourist – Hotels, Stadtführungen, Tickets, Übernachtungen [Stuttgart Tourist – hotels, city tours, tickets, nights]. Retrieved from: <https://www.stuttgart-tourist.de> (ST) [in German].

A.I. Pichkur*

STEREOTYPE «DER HÄSSLICHE SCHWABE» IN GERMAN MASS-MEDIA DISCOURSE

The paper deals with the problems of ethnic stereotypes and their usage in the mass media discourse. In cognitive ethnolinguistics, stereotypes are considered to be the constituents of linguistic and cultural representations of the world. The paper focuses on main hetero- and auto stereotypes of Swabians, an ethnic German people. Swabians are now in the focus of media discourse in Germany, this is due to the growth of cross-cultural tensions in certain regions of the country, especially in Berlin. Notwithstanding mostly economic causes of tension, this social conflict is mistakenly interpreted as ethnic, this leads to the manifestation of xenophobia.

Key words: mass media discourse, ethno linguistics, ethnic stereotype, auto- and hetero stereotypes, gentrification in Berlin, «thrifty Swabian housewife» stereotype.

Статья поступила в редакцию 11/VI/2016.

The article received 11/VI/2016.

---

* Pichkur Anna Ivanovna (pitschkur@mail.ru), Department of German Philology, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

МЕТОНИМИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТА В СПОНТАННОЙ РЕЧИ **

В статье исследуются метонимические номинации субъекта в спонтанной речи. Рассматриваются когнитивные, референциальные и прагматические факторы, определяющие специфику профилирования значимого компонента ситуации. Установлено, что профилирование места или объекта действия обусловлено потребностью охарактеризовать человека в функционально-деятельностном аспекте. Профилирование процесса или состояния связано с необходимостью выражения субъективно-модальной оценки. Решающее значение при этом имеют такие параметры, как определенность / неопределенность и единичность / множественность референта.

Ключевые слова: когнитивный механизм, метонимия, профилирование, референция, субъект.

В современных когнитивных исследованиях подчеркивается особая роль метонимии в интерпретации и категоризации действительности [1, с. 83]. Метонимический перенос основан на когнитивной операции *профилирования*, которая обусловлена избирательностью человеческого восприятия и предполагает структурирование определенной концептуальной области и выделение когнитивно значимого ее компонента. При метонимической репрезентации субъекта фокус внимания говорящего смещается на иные компоненты ситуации (место, действие, состояние, объект), которые являются для него более важными, личность субъекта уходит в тень, нивелируется, утрачивает большинство своих существенных черт. В зависимости от профилируемого компонента ситуации мы выделяем локативную, объектную и процессуальную метонимические модели и полагаем, что выбор вторичной номинации для обозначения субъекта обусловлен референциальными и прагматическими основаниями.

В рамках модели «местонахождение – субъект» для номинации человека используются лексемы, обозначающие разные виды пространства, включая территориальные единицы (*территория, страна, область, город, район, двор, улица, площадь* и др.), учреждение (*завод, аэропорт, фирма, клиника, театр, почта, школа, аптека* и др.), помещение и его часть (*здание, дом, подъезд, этаж, коридор, комната, зал, аудитория, партер* и др.). Эта модель чрезвычайно продуктивна в различных дискурсивных практиках – в рекламе: *Клиника Бранчевского восстановит былую остроту зрения*; в новостной ленте СМИ: *Казань закупит новые автобусы*; *«Шереметьево» готовится к урагану*; в официально-деловой речи: *Октябрьский городской суд решил в удовлетворении иска отказать*; в художественном тексте: *Столица цену сбивает, но ведь провинция тоже маневр пони-*

* © Чернявская Н.А., 2016

Чернявская Надежда Анатольевна (Chia20081@yandex.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты» № 15-14-63002).

мает (А. Колбергс); в обыденной речи: *Все квартиры вызвали в ЖЭУ; Приходил к ней какой-то пенсионный фонд*. При использовании данной модели в различных коммуникативных сферах наблюдаем инвариантную особенность: актуализацию такого параметра субъекта, как принадлежность к определенной социальной общности (территориальной или профессиональной) при нейтрализации всех остальных его признаков. Вместе с тем смещение фокуса внимания с человека на его местонахождение в разных сферах демонстрирует дискурсивную специфику механизма референции. В официальной коммуникации пространственная лексема репрезентирует обобщенный, коллективный субъект – коллегиальный орган, группу лиц, ответственных за осуществление деятельности учреждения и принятие решений. Неопределенность круга конкретных действующих лиц снимается за счет использования топонима или эргонима, которые обеспечивают фактологичность и авторитетность передаваемой информации.

В спонтанной речи название учреждения или его подразделения используется, как правило, для обозначения его представителя – единичного, неопределенного субъекта, с которым говорящий (реже иное лицо) вынужден устанавливать и поддерживать деловой контакт: *Тут пришел госуниверситет и просит переделать договор; Приходил к ней какой-то пенсионный фонд; Не буду я встречаться с этим Газбанком; Одна фирма звонит и просит курсы [повышения квалификации]; А если почта позвонит [в дверь], что сказать?* При описании ситуации делового взаимодействия даже в обыденной речи неактуальны пол, возраст, черты характера человека, важен его статус – официальный представитель учреждения, организации. Вместе с тем метонимическая редукция личности субъекта в непринужденном общении нередко обусловлена прагматически: вызвана недоброжелательным, ироническим или пренебрежительным отношением к нему автора высказывания, усматривающего в действиях лица нарушение общепринятых норм: *Этот ЧОП – чей-то там сват, поэтому его и пристроили туда* – о начальнике частного охранного предприятия; *Горячая линия разговаривают безобразно и советуют на следующий год пытаться* – женщина не может заказать путевку для ребенка в оздоровительный лагерь; *Почему «Преодоление» пришло к нам на профосмотр?!* – врач районной поликлиники не хочет давать направление на бесплатное обследование учителю из школы-интерната.

При использовании иных пространственных ориентиров (*улица, дом, квартира, подъезд, этаж* и др.), в круг которых в разговорной речи вовлекаются и названия предметов мебели, предназначенных для размещения человека (*стол, парта, кровать, лавка*), эксплицируется коллективный субъект – совокупность как известных, так и неизвестных говорящему лиц, пребывающих на одной территории и поддерживающих постоянные личные контакты. Такая группа воспринимается как недифференцированная общность и, в случае несоответствия сложившейся в ней системы норм нормативным установкам говорящего, вызывает стремление дистанцироваться от нее, подчеркнуть неприязненное отношение: *Не люблю я этот второй этаж! Не хочу с ними праздновать* – о коллегах; *Вся лавка смотрит и обсуждает, мимо нельзя пройти* – о сидящих возле подъезда женщинах; *Эта квартира ведет себя странно* – о соседях по дому; *Точно знаю, что улица хорошему не научит* – об уличной компании подростков. В качестве метонимически эксплицированного субъекта может выступать сам адресат: *Первая парта, я вам не мешаю разговаривать?* – обращение учителя к ученикам; *Ваши кровати вчера опять смеялись после отбоя!* – замечание воспитателя в оздоровительном лагере; *Отдел продаж, сколько можно в «косынку» играть?* – замечание коллегам. В этом случае говорящий обращается к известным ему лицам, прибегая к намеренной деиндивидуализации, установлению дистанции и регулируя тем самым их поведение. Пребывание человека в том или ином месте в процессе социального взаимодействия предусматривает определенные правила его поведения, предполагает выполнение каких-либо обязанностей. Показательны в этом отношении высказывания с семантикой отсутствия, ухода субъекта: *У меня однажды стол сбежал*

— в речи официанта о клиентах, не оплативших заказ; *А чего это третий стол ушел?* — посетитель учреждения о служащих, принимающих документы; *Второй кассы нет?* — покупатель об отсутствующем кассире; *Это окно ушло час назад!* — клиент о служащей банка; *Мы фланг потеряли* — болельщик о том, что футбольную команду покинул фланговый защитник. В подобных конструкциях человек характеризуется с точки зрения выполняемых им функций, предопределяемых его местонахождением.

Широкое распространение в обыденной речи получила объектная метонимия — обозначение человека путем указания на объект, которым он обладает, управляет, манипулирует, который приобретает или намерен приобрести. Это может быть предмет одежды или обуви, иной элемент внешнего облика, объект профессиональной деятельности или личного интереса, транспортное средство и другие реалии, имеющие прямое или косвенное отношение к субъекту.

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, метонимия «элемент внешнего облика — человек» является ситуативной и выполняет идентифицирующую функцию, поскольку позволяет выделить лицо из области наблюдаемого по отличительному признаку [2, с. 349]. По нашим наблюдениям, в современном общении рассматриваемая модель носит, скорее, не ситуативный, а знаково-символический характер: при ее употреблении преобладает социальная стереотипизация, идентификация с опорой на фоновые знания, когда деталь внешнего облика становится символическим обозначением социальной группы (профессиональной, гендерной, возрастной) и конкретного ее представителя: *В одиночку памперсов не прокормишь* — о маленьких детях; *Я выбираю колготки* — член жюри о женской команде КВН; *Можно просто прийти к соседям и поговорить с ними по-человечески, зачем сразу по погонам бегать?*, *Чего ты меня перед фуражкой позоришь?* — о полицейских; *А тебе-то что нужно — штаны в доме или штамп в паспорте?* — о мужчине; *Он парень увлекательный, ни одной юбки не пропустит*; *Через год она убежит к очередному кошельку*.

Ситуативно обусловленной метонимией является репрезентация человека лексемой, обозначающей объект торговой, производственной, интеллектуальной деятельности, в приобретении которого заинтересован говорящий, либо объект дарения или обмена: *А беляши пробегали уже?* — о продавщице беляшей; *Шторы сегодня выходные* — о продавце штор на рынке; *Что-то не отвечает школьная форма* — о портнихе, которая шьет школьную форму и не отвечает на телефонный звонок; *Поехала в аэропорт встречать документы, которые летят хабаровским рейсом*; *О-о-о, клубника пришла!* — о приехавшей с дачи родственнице; *Арбузы кричат!* — о друзьях, которые принесли в качестве угощения арбузы и зовут выйти; *Сейчас книжка придет* — на занятиях в вузе о студентке, которая должна принести учебное пособие. Метонимически обозначенным субъектом может быть лицо как известное, так и неизвестное говорящему. Характеристики лица редуцированы, сведены к функционально-деятельностному аспекту, внимание автора высказывания направлено на приобретаемый объект, поскольку данный объект выступает средством удовлетворения его актуальной потребности.

В качестве метонимической номинации человека могут быть использованы имена объектов, предоставленных в его распоряжение на какое-то время, причем это может быть как социально значимый объект-символ: *Ново-Садовую и Кирова закроют: там факел побежит* — о спортсмене, который понесет факел с олимпийским огнем; так и предмет, предназначенный для бытовых нужд: *В увольнение пойдут только образцовые тумбочки* — из армейского фольклора, о военнослужащих. Чем значительнее семантическая дистанция между означающим и означаемым, тем больший комизм наблюдается в характеристике человека с помощью вторичной номинации.

Часто метонимия реализует сложные ассоциативные связи между реалиями: *Я увидел рапорт и погнался за ним*; *Стою на остановке, жду рапорт* — в речи ревизора по безопасности дорожного движения о водителе общественного транспорта как о нарушителе Пра-

вил дорожного движения. Для понимания смысла высказывания собеседник должен обладать комплексом пресуппозитивных знаний – коммуникативно-прагматических, социальных, узкоспециальных. Актуальным компонентом ситуации для говорящего оказывается не личность водителя, а рапорт о нарушении, отчетный документ, количество которых определяет эффективность деятельности самого проверяющего. Поэтому личность нарушителя отходит на задний план, деперсонифицируется. Естественно, такое «редуцированное» общение возможно только с осведомленным собеседником, т. е. при условии совпадения фрагментов когнитивного опыта участников коммуникации.

Случаи профилирования, определяемого ориентацией автора высказывания на собственный профессиональный (и материальный) интерес, нередки. Водитель маршрутного такси звонит по телефону коллеге: *Валер, можешь через минут 5 выехать, я тебе на Железнодорожной **шестьдесят рублей** оставил, подбирай, пока не замерзли* – о людях, стоящих на остановке; *Все лучшие **ЕГЭ** уезжают в Москву и Питер, а мы получаем людей с очень плохими баллами; Нам надо смотреть, какие **баллы** к нам в университет пришли* – в речи преподавателей вуза об абитуриентах; *Он сегодня **больше десятка номеров** оштрафовал* – в речи сотрудника ГИБДД о водителях. Подобные высказывания отражают наиболее высокую степень деперсонификации (термин Дж. Лакоффа и М. Джонсона [3]): человек отождествляется с суммой денег, баллами, номерами и цифрами, т. е. номинируется не по собственному признаку – внешнему или внутреннему, а по количественному показателю, актуальному для говорящего, определяющему качество его деятельности.

Продуктивная модель «абстрактная реалия – человек» закреплена в узусе и получила отражение в словарях. Оказациональные разновидности этой модели, создаваемые в неприужденном общении, обладают высоким экспрессивным потенциалом, при этом в репрезентации субъекта задействуются лексемы разных семантических групп: человек отождествляется с болезнью, периодом времени, с типом ментальной деятельности и поведения: *Мы и играли, и обнимались с этой **ветрянкой**, и ничего...* – о ребенке, недавно переболевшем ветряной оспой; *После отбоя **чтоб я ни одного шума** не видел!, Так, что за **бардак** бежит?* – из армейского фольклора, о нарушителях дисциплины; *Так-так-так, украденная **суббота** пришла...* – о сестре в разговоре братьев, вынужденных в субботу пойти на концерт классической музыки, где сестра играла на духовом инструменте; – *С Лерой мы пока не общаемся. Мы взяли паузу. – А вот и **пауза** пришла!* – разговор приятелей, во время которого появляется названная девушка; *У Димы с Яной любовь и брак самые настоящие, **доказательство** осенью идет во второй класс и еще **одно** на подходе* – о детях в разговоре о фиктивных браках; – *Был у нее выбор! Витька из Садово-Дачного поселка. – Встречался я с этим **выбором**. Ничего особенного!* – воспоминания мужчины о сопернике. Профилирование абстрактной реалии в этих случаях определяется прагматическими факторами. Намеренное использование имени процесса или явления для обозначения конкретного, известного говорящему лица реализует игровую, юмористическую функцию, усиливает выразительность высказывания, иногда сопровождается снисходительным или ироническим отношением.

Таким образом, метонимическая деперсонификация субъекта, широко распространенная в спонтанной речи, имеет когнитивные, референциальные и прагматические основания. Решающее значение при этом имеют такие параметры, как определенность / неопределенность и единичность / множественность референта. Вторичную номинацию получает, как правило, единичный (реже – множественный) неопределенный субъект, который деиндивидуализируется и в поверхностном содержании высказывания уходит на периферию. Профилирование места или объекта действия обусловлено потребностью охарактеризовать человека в функционально-деятельностном аспекте: актуализируется не личность, а ее функция, социальная роль, профессиональный статус. Немаловажную роль при этом играют интенциональные факторы: ориентация говорящего на собственные интересы, стремление избежать негативных последствий, обозначить отклоняющееся от нормы поведение, подчеркнуть характер взаимоотношений. В личностно ориентирован-

ном общении метонимическая номинация человека, смещающая фокус внимания на процесс или явление, определяется потребностью в выражении субъективно-модальной оценки – шуточного, иронического, скептического или пренебрежительного отношения говорящего к обозначаемому лицу либо ситуации в целом.

Обнаруженные закономерности подтверждают принципиальное положение о метонимии как об универсальном способе осмысления познаваемого денотата и организации знаний о нем [4].

Библиографический список

1. Маслова Ж.Н., Попова Е.А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации*. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 80–84.
2. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
4. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // *Вестник Самарского государственного университета*. 2015. № 7(129). С. 36–48.

References

1. Maslova Zh.N., Popova E.A. *Problema razgranicheniia kognitivnykh protsessov, mekhanizmov, operatsii* [The problem of delimitation of cognitive processes, mechanisms and operations]. In: *Inostrannye iazyki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Foreign languages in the context of cross-cultural communication]. Saratov: ITs «Nauka», 2015, pp. 80–84 [in Russian].
2. Arutyunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the world of human]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 896 p. [in Russian].
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980, 242 p. [in English].
4. Iliukhina N.A. *O tipologii leksicheskoi metonimii v svete kognitivnogo printsipa* [On the typology of lexical metonymy in the light of cognitive principle]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 7(129), pp. 36–48 [in Russian].

N.A. Chernyavskaya *

METONYMICAL NOMINATION OF THE SUBJECT IN COLLOQUIAL LANGUAGE **

In the article metonymical nominations of the subject in colloquial language are investigated. Cognitive, referential and pragmatic factors determining the specificity of profiling of significant component of situation are considered. It is established that profiling of the place or object of action is caused by requirement to characterize the person in functional and activity aspect. Profiling of process or state is connected with need of expression of a subjective-modal assessment. At the same time such parameters as definiteness / uncertainty and singularity / plurality of the referent have crucial importance.

Key words: cognitive mechanism, metonymy, profiling, reference, subject.

Статья поступила в редакцию 21/VI/2016.

The article received 21/VI/2016.

---

* Chernyavskaya Nadezhda Anatolievna (Chia20081@yandex.ru), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The research was carried out with support from the Russian Foundation for the Humanities and the Government of the Samara Region (project «Imaginative nomination and imaginative conceptualization of knowledge about the world in the semantic system: linguistic and cognitive aspects» № 15-14-63002).

ОЦЕНОЧНЫЕ НАРЕЧИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ПРИЗНАКОВ**

В статье рассматриваются особенности взаимодействия категорий интенсивности и оценочности. Анализу подвергаются оценочные наречия, используемые в контексте в роли интенсификаторов различных признаков. Изучаются механизмы формирования семы интенсивности в структуре лексического значения наречий и анализируются особенности их семантики. Выявляется специфика использования в качестве интенсификаторов общеоценочных наречий и наречий с семантикой этической оценки, определяются закономерности в лексической сочетаемости рассматриваемых наречий. Отмечается тенденция к утрате оценочными наречиями качественной семантики.

Ключевые слова: наречия, интенсивность, оценочность, норма, семантика, общая оценка, этическая оценка.

Тесная связь категорий интенсивности и оценочности подчеркивается многими лингвистами [1–5]. В первую очередь эта связь определяется субъективным характером категории интенсивности. Как отмечает С.Е. Родионова, «для категории интенсивности важнейшим становится прагматический аспект – субъективная значимость для участников ситуации данного увеличения признака. Не случайно В. Матезиус под интенсификацией подразумевал «оценочным оттенком сопровождаемое выражение высокой степени качества или же интенсивности действия или состояния», отмечая, что «простое выражение количества, хотя и значительно большего, интенсификацией не является» [1, с. 156].

Обе рассматриваемые категории имеют градуальную природу: по словам Е.М. Вольф, «при любой оценке, количественной или качественной, частной или общей, в «картине мира» участников коммуникации существует шкала оценок и соответствующий стереотип» [2, с. 49]. Об однородности категорий оценочности и интенсивности свидетельствуют рассуждения Т.В. Маркеловой, рассматривающей оценку как одну из составляющих группировки квантитативно-кваликативных функционально-семантических полей [3, с. 13].

Характер отношений между категориями интенсивности и оценочности, на наш взгляд, достаточно четко сформулирован в работе А.В. Иванча, рассматривающей данные отношения как отношения части и целого: «Интенсивность оценочна, интенсификация возникает как результат аксиологической интерпретации говорящим действительности и создаваемых им текстов, оценка же не обязательно предполагает усиление, хотя и обладает способностью варьирования в соответствии со значениями шкалы интенсивности» [4, с. 41].

* © Усачева О.А., 2016

Усачева Ольга Александровна (usachova-o@yandex.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект № 15-14-63002).

Одной из линий взаимодействия категорий интенсивности и оценочности является использование собственно оценочных слов для выражения интенсивности различных признаков. Г.И. Кустова отмечает типичность для оценочных слов перехода в класс *Мaгн'ов* [6, с. 265]. «Многие прилагательные (и наречия), — пишет исследователь, — становятся *Магн'ами* через стадию оценки» [6, с. 264].

Предмет рассмотрения в настоящей статье — наречия с семантикой оценки, способные выступать в роли интенсификаторов. Отметим, что нами анализируются наречия, в структуре лексического значения которых сема оценки является основной: *хорошо, отлично, превосходно; неприлично, непозволительно, преступно* и др.

Способность рассматриваемых наречий выполнять функцию интенсификаторов определяется, на наш взгляд, связью категорий интенсивности и оценочности с градуированием. Переосмыслению подвергается выражаемый оценочными наречиями смысл «отклонение от нормы». Значение интенсивности характеризуется через следствие: высокая степень проявления признака вызывает у говорящего оценочную реакцию.

Общеоценочные наречия, выступающие в роли интенсификаторов (*хорошо, отлично, прекрасно, превосходно, великолепно* и др.), как правило, имеют синкретическую семантику: одновременно указывают на степень проявления оцениваемого признака и на его качество. Разграничить данные значения трудно. Например, в словосочетании *великолепно продуманный* наречие актуализирует качественную семантику «тщательно» и количественную — «очень». Общеоценочные наречия наиболее органичны для характеристики ментальной деятельности человека. Они очень активно сочетаются с лексемами *знать, понимать, разбираться, изучить, образованный, обученный, осведомленный* и т. п. Например: *Иногда я задумываюсь над тем, почему эти великолепно образованные и блестяще владеющие профессией люди не сделали большой карьеры* (Есин, здесь и далее в работе использованы материалы Национального корпуса русского языка); *Но человек умный, хорошо знающий жизнь, людей* (Бунин); *Он блестящий самоучка. Прекрасно разбирается в литературе* (Искандер); *Анненков превосходно осведомлен и о том, что происходит в России* (Дорофеев).

Среди наречий с частнооценочной семантикой обращает на себя внимание группа наречий со значением этической оценки «нравственный / безнравственный». Как отмечает Н.Д. Арутюнова, этическая оценка «небезразлична к понятию архетипа — нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту» [7, с. 199]. Оценка говорящим каких-либо признаков как не соответствующих нормам морали свидетельствует о высокой степени проявления данных признаков. Зафиксирован целый ряд наречий с негативнооценочной семантикой, регулярно используемых в роли интенсификаторов: *аморально, безбожно, беспутно, бесстыдно, бессовестно, вызывающе, нагло, недопустимо, непозволительно, неприлично, непристойно, непристойно, порочно, постыдно, преступно, цинично*.

В первую очередь названные наречия указывают на интенсивность признаков, высокая степень проявления которых традиционно оценивается обществом негативно. В таких случаях наречия сохраняют и отчетливо актуализируют качественную семантику. Например: *Ее бесстыдно короткая одежда обнажала полные белые ноги* (Ладинский); *Неприлично громко смеяась, она вырывала свой гребень из рук Остапа* (Ильф, Петров). *Софья Мироновна одевалась вызывающе ярко... Ее многие не любили за вызывающее поведение* (Терехов); *Я ждала приятеля, который неприлично опаздывал, и заказала уже третью рюмку* (Комсомольская правда).

Большинство рассматриваемых наречий активно используется для оценки интенсивности количественных признаков: «много» / «мало», «большой» / «маленький», «высокий» / «низкий», «долго» / «быстро», «часто» / «редко», «рано» / «поздно» и др. Широкое распространение такие выражения получают в современной газетной пуб-

лицистике. Например: *Умным людям востребованных IT-специальностей попросту стали платить **неприлично много*** (Известия); *Общественники вроде Василия Машкетова, убежденного, что «Долина» забирает **непозволительно большой** кусок бюджетного пирога, пожалуй, не в счет* (Новгородские ведомости); *В итоге прошлым летом решение о переброске самолетов из Сибири в горящую европейскую часть России принималось **непозволительно долго*** (Русский репортер); *Модель М197 с двигателями Брайана Харта выглядела на трассах откровенным аутсайдером, да и ломалась **неприлично часто**, причем каждый раз из строя выходило что-то новое* (Формула)

Характеризуемый при помощи негативно маркированных наречий признак воспринимается говорящим как избыточный, превышающий допустимую норму. Актуализируя степенное значение, оценочные наречия сближаются с интенсификаторами *слишком, чрезмерно, излишне*. Именно превышение меры признака вызывает негативную реакцию субъекта речи. Показательно употребление негативно-оценочных наречий для характеристики избыточного проявления положительных качеств или эмоциональных состояний. Например: *Во-вторых, Миклуцын **преступно добр**, добр до крайности* (Пастернак); *Не будь я так **непростительно добр** с вами, вы бы меня уважали; а то вы всякое уважение ко мне потеряли* (Тургенев); *Была страшно потрясена, когда мне дали деньги на фильм по моей книжке «Промзона», и **неприлично счастлива**, когда подарил машину человек, которому от меня ничего не надо было* (Комсомольская правда).

Обращает на себя внимание частотность примеров негативной характеристики высокой степени проявления признаков «красивый» и «молодой». Ярко выраженная красота нередко оценивается как чрезмерная, не соответствующая моральным нормам. Например: *Был при всем том откровенно, даже как-то (решил я) **неприлично красив*** (Макушинский); *Тех же, кто на свой страх и риск все-таки купил тур и приехал в эту страну с подружкой или другом, могут запросто выдворить восвояси прямо из аэропорта, если при проверке документов сочтут даму **непозволительно красивой*** (Труд-7); *Кто это?.. **Вызывающе красива**, не правда ли? – Ольга восхищенными глазами указала на Аксинью* (Шолохов); *И все из-за того, что по заводскому цеху прошла, шуриша платьем, **преступно прекрасная** женщина* (Толстой).

Как отклонение от нормы обычно воспринимается носителями языка молодость зрелого человека. Например: *Она молода, она **непозволительно** для своих лет молода* (Орлова); *Рядом с его же уцелевшими однокашниками, его приятелями по университету, ныне всеми уважаемыми, заслуженными, награжденными, цитируемыми, талантливыми, сделавшими вклад в науку и тому подобное, он казался диким, неприрученным, допотопным и притом – **неприлично молодым*** (Гранин); *Майя Михайловна **вызывающе молода**, когда она шла с сыном, приятели отзывали его в сторону и спрашивали: завел себе подружку постарше?* (Терехов).

Проведенный ранее анализ широкого круга степенных наречий позволил нам сделать вывод о яркой выраженности их синтагматических связей, обусловленных качественной составляющей семантики интенсификаторов [8, с. 130]. Вместе с тем в разных группах наречий были отмечены лексемы, стремящиеся к расширению лексической сочетаемости. Среди оценочных наречий такую особенность наиболее ярко обнаруживают лексемы *безбожно* и *преступно*.

Степенная семантика наречия *безбожно* фиксируется в толковых словарях: «перен. Очень, чрезвычайно, крайне» [9]. Наречие активно используется в качестве интенсификатора различных признаков и действий. Например: *Он сидел, пил кофе, смахивал слезы и **безбожно врал**, как бережно отнесся он к моей работе* (Нагибин); *... и как **безбожно глупы и бестолковы** его сны!* (Андреев); *P.S. Не пиши так **безбожно мелко!*** (Чехов); *Богатые мужики охотно нанимали Таню в няни или в батрачки и, пользуясь ее скромностью, нередко **безбожно обсчитывали*** (Мусатов); *Сахар надо добавлять на свое усмотрение, пару столовых ложек минимум, иначе соус будет **безбожно кислым*** (Комсомольская правда).

Наречие *преступно* также обнаруживает тенденцию к утрате качественной семантики. Широкое распространение этот интенсификатор получает в интернет-общении. Вероятно, этому способствует яркая семантика наречия, позволяющая говорящему выразить значение интенсивности очень экспрессивно. Например: *Живанши – цвет бесподобен, но у меня была помада из этой коллекции, и меня категорически не устроила как раз эта самая мягкость – помада исчезает с губ **преступно быстро**, для меня это неприемлемо; К тому же, аккумулятор разряжается **преступно быстро**. Если на первом месте стоят игры, так уж лучше купить PSP, PS Vita или Nintendo 3DS; Ольга, спасибо за секреты мастерства. **Преступно красивый** результат; Но вот в таком фильме **преступно мало** экшна.*

Итак, оценочные наречия обладают ярко выраженной способностью к развитию степенных значений. Данная способность обусловлена тесным взаимодействием категорий интенсивности и оценочности: в частности, субъективным характером категории интенсивности и градуальной природой категорий интенсивности и оценочности.

Библиографический список

1. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Издательство «Наука», 2005. С. 150–169.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
3. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 300 с.
4. Иванча А.В. Адъективная интенсификация в неблизкородственных языках (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 319 с.
5. Шустова С.В., Файзиева Г.В., Ошева Е.А. Прагматический потенциал бенефактивной ситуации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 179–182.
6. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Мягк’ы-прилагательные) // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна. Москва, 2011. С. 256–268.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
8. Усачева О.А., Смирнова А.С. Парадигматические и синтагматические связи образных наречий-интенсификаторов // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. 2014. №1. С. 126–131.
9. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. в 3 т. М., 2006. URL: <http://enc-dic.com/efremova>.

References

1. Rodionova S.E. *Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom russkom iazyke* [Semantics of intensity and ways to express it in the modern Russian language]. In: Problemy funktsional’noi grammatiki. Polevye struktury [Functional grammar problems. Field structures]. SPb.: izdatel’stvo «Nauka», 2005, pp. 150-169 [in Russian].
2. Vol’f E.M. *Funktsional’naia semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. M.: Editorial URSS, 2002, 280 p. [in Russian].
3. Markelova T.V. *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniia otsenki v russkom iazyke* [Pragmatics and semantics of evaluation expressing methods in the Russian language]. M.: MGUP imeni Ivana Fedorova, 2013, 300 p. [in Russian].
4. Ivancha A.V. *Ad’ektivnaia intensifikatsiia v neblizkorodstvennykh iazykakh (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Adjective intensification in not closely related languages (based on the material of Russian and English languages): Candidate’s of Philological Sciences thesis]. Saratov, 2012, 319 p. [in Russian].

5. Shustova S.V., Fajzieva G.V., Osheva E.A. *Pragmaticheskii potentsial benefaktivnoi situatsii* [Pragmatic potential of the benefactive situation]. *Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual problems of theory and practice. Series «Humanities»], 2016, no. 4, pp. 179–182 [in Russian].
6. Kustova G.I. *Slova so znacheniem vysokoi stepeni: semanticheskie modeli i semanticheskie mekhanizmy (Magn'y-prilagatel'nye)* [Words with the meaning of high degree: semantic models and semantic devices (Magn – adjectives)]. In: *Slovo i iazyk. Sbornik statei k 80-letiiu akad. Iu.D. Apresiana* [Word and language. Collection of articles devoted to the 80th anniversary of the academician Yu.D. Apresyan]. M., 2011, pp. 256–268 [in Russian].
7. Arutyunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr.* [Language and person's world. 2nd edition, revised]. M.: «Iazyki russkoi kul'tury», 1999, 896 p. [in Russian].
8. Usacheva O.A., Smirnova A.S. *Paradigmaticheskie i sintagmaticheskie sviazi obraznykh narechii-intensifikatorov* [Paradigmatic and syntagmatic links of figurative adverbs-intensifiers]. *Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of young scientists and specialists of Samara State University], 2014, no. 1, pp. 126–131 [in Russian].
9. Efremova T.F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka. V 3 t.* [Modern Dictionary of Russian language. In 3 Vols.]. M., 2006. Retrieved from: <http://enc-dic.com/efremova> [in Russian].

O.A. Usacheva*

EVALUATIVE ADVERBS AS MEANS OF EXPRESSION INTENSITY OF VARIOUS FEATURES**

The article discusses the aspects of interaction of categories of intensity and evaluation. Evaluative adverbs which are used in the context as various features intensifiers are analyzed. Mechanisms of formation of some intensity in the structure of lexical meaning of adverbs are studied and the characteristics of their semantics are analyzed. The article reveals specificity of usage as intensifiers of generally evaluative adverbs and adverbs with the semantics of ethical evaluation, there are defined the regularity in lexical compatibility of considered adverbs. There is a trend towards loss of quality semantics for estimated adverbs.

Key words: adverbs, intensity, estimation, norm, semantics, overall evaluation, ethical evaluation.

Статья поступила в редакцию 11/VII/2016.

The article received 11/VII/2016.

---

* Usacheva Olga Alexandrovna (usachova-o@yandex.ru), Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** The research was carried out with support from the Russian Foundation for the Humanities and the Government of the Samara Region (project № 15-14-63002).

SYMMETRISCHE UND ASYMMETRISCHE ZÜGE DER KONZEPTE WALD/ЛЕС IN DEUTSCHEN UND RUSSISCHEN VOLKSLIEDERN

Im Artikel werden Verbalisierungsmöglichkeiten der Konzepte WALD/ЛЕС in Texten der deutschen und russischen Volkslieder verglichen. Als landschaftliche Basiskonzepte weisen die Konzepte WALD/ЛЕС in verschiedenen Sprachen viele gemeinsame Züge auf. Der vielschichtige Charakter des Konzepts erlaubt es aber, auch Unterschiede bei der Verbalisierung herauszufinden, die mit ethnokultureller Spezifik und außersprachlichen Erfahrungen der Vertreter von verschiedenen Kulturen zusammenhängen. Gemeinsame Züge werden als symmetrisch betrachtet und unterschiedliche als asymmetrisch. In den analysierten Texten der Volkslieder kommen diese Verbalisierungszüge auf verschiedenen Ebenen zum Ausdruck. Semantisch-grammatische Besonderheiten der Verbalisierung werden auf der Ebene der Lexeme, der Wortbildung und der syntaktischen Einheiten betrachtet.

Schlüsselwörter: Konzept, Naturobjekte, Merkmale des Konzepts, Symmetrie, Asymmetrie.

In modernen linguistischen Studien der russischen Wissenschaftler treten Konzepte als Einheiten der kulturorientierten Forschungen auf [vgl. 1], wobei sie oft auf der Basis der Folklore-Texte untersucht werden [vgl. 2; 3]. Das Volkslied wird zum Forschungsobjekt, weil es selbst, vom philosophischen Standpunkt aus betrachtet, als eines der wichtigsten Konzepte der Kultur gilt, das philosophische, ethnokulturelle, psychologische, folklorbedingte Züge der Mentalität eines Volkes widerspiegelt [vgl. 4]. Das Volkslied wird auch als Code bezeichnet, der allgemeinemenschliches Dasein (sowohl ontologische und antropologische Universalien, als auch einige Momente aus dem Leben einzelner Individuen), Volksdasein (Besonderheiten der Mentalität, des Glaubens, der Sitten und Bräuche eines Volkes), beschreibt [vgl. ebenda]. Dabei erfüllt das Volkslied die Funktion der Gestaltung der nationalen Identität. In Volksliedern kommt die national-kulturelle Spezifik des sprachlichen Weltbildes eines Volkes zum Ausdruck. Die Analyse der Semantik der sprachlichen Einheiten in Folklore-Texten, die Untersuchung ihrer Kollokationen und Konnotationen lässt auf Besonderheiten der ethnospezifischen Wahrnehmung von bestimmten Erscheinungen und Begriffen und somit von Besonderheiten verschiedener Konzepte schließen, die das konzeptuelle System einer Sprache bilden [vgl. 5, S. 126].

In diesem Artikel wird versucht, die Repräsentanten der Konzepte WALD/ЛЕС in deutschen und russischen Volksliedern zu vergleichen. Als erster Schritt muss der Begriff des landschaftlichen Konzepts als solches und die Technologie der vergleichenden Analyse der landschaftlichen Konzepte verdeutlicht werden.

In dem letzten Jahrzehnt erschienen in Russland einige Arbeiten, in denen das Problem der Kategorisierung von Landschaften diskutiert wird [vgl. 6]. Das Konzeptualisierungssystem hat eine komplizierte vielschichtige Struktur, die Subsysteme einschließt, darunter auch Landschaftskonzepte, solche wie LAND, MEER, WALD, FLUSS, SEE [5].

---

* © Bespalova E.V., 2016

Bespalova Ekaterina Viktorovna (ek_vik_bespalowa@bk.ru), Seminar für Deutsche Philologie, Samara Universität, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russische Föderation.

Die Landschaftskonzepte sind in verschiedenen Sprachen vertreten. Die Möglichkeiten ihrer Verbalisierung weisen viel Gemeinsames auf. Wertende, bildliche Komponenten können sich von Sprache zu Sprache, von Kultur zu Kultur unterscheiden und asymmetrische Züge haben. Deswegen scheint die vergleichende Beschreibung von Landschaftskonzepten aktuell zu sein. M. Pimenova zählt das Konzept ЛЕС zu den Landschaftskonzepten, die zusammen mit meteorologischen, biologischen, gegenständlichen Konzepten die Klasse von so genannten kosmischen Konzepten bilden, die ihrerseits neben sozialen und psychischen Konzepten Basiskonzepte der Kultur darstellen [7, S. 129]. Ich verstehe dieses Konzept etwas enger als Bestandteil des Konzepts Raum.

M. Pimenova schlägt die Prinzipien zur vergleichenden Untersuchung der Konzepte in verschiedenen Kulturen vor [7, S. 131]. Diese umfassen einige Etappen, die unter anderem die Auswahl des Schlüsselwortes / der Schlüsselwörter / der Repräsentanten des Konzepts und deren Ableitungen, Datensammlung, Feststellung der motivierenden und bildlichen Merkmale des Konzepts beinhalten. Diese Prinzipien bilden auch für meine Analyse eine Grundlage.

Die Bezeichnungen von Naturobjekten sind in verschiedenen Sprachen ähnlich, denn ihre Denotate sind ähnlich. Doch als mehrschichtige Konzepte sind sie Träger von kulturspezifischen Bedeutungen. Das Konzept ЛЕС/WALD wurde unter strukturellem Aspekt in russischen und deutschen Texten im wissenschaftlichen Diskurs, in philologischen Wörterbüchern und Volksmärchen beschrieben [8]; das Konzept MOPE/MEER im linguokulturellen Aspekt [9]; Konzepte MOPE/SEA in russischer und amerikanischer Ethnokzeptosphäre aufgrund des assoziativen Experiments [10]; landschaftliche Konzepte im linguodidaktischen Aspekt [11].

Als Quellen dienten für unsere Analyse Volksliedersammlungen, denen wir jeweils 50 deutsche [12] und 50 russische Lieder [13; 14] entnommen haben, wo das Konzept WALD zum Vorschein kommt. Unser Ziel war, Verbalisierungsmöglichkeiten der Konzepte zu vergleichen. Dabei haben wir einzelne Lexeme als Repräsentanten der Konzepte einschließlich Wortbildung betrachtet und auch grammatische Einheiten (präpositionale Wortgruppen, attributive Wortgruppen, Satztypen sowie ihre stilistische Auswirkung) zur Analyse gezogen.

In deutschen und russischen Volksliedern wird das Konzept durch die Lexeme „Wald“ / „лес“ repräsentiert. In deutschen Volksliedern wird das Lexem „Wald“ öfter gebraucht, andere Lexeme („Hein“, „Holz“ mit der Bedeutung „Wald“) kommen in Einzelfällen vor. Das zeugt davon, dass dieses Lexem das Konzept im Volksbewusstsein repräsentiert. In russischen Volksliedern dagegen werden neben „лес“ auch andere Waldbezeichnungen oft verwendet, solche wie „бор“ (Fichtenwald), „дубрава, дубровушка“ (Eichenwald), „роща“ (ein kleiner Wald). Sie bezeichnen verschiedene Waldarten nach Bäumen und Größe.

Das Konzept kann auch indirekt repräsentiert werden; so lassen die Lexeme, die verschiedene Baumarten oder –teile, Waldvögel oder Tiere bezeichnen, auf das Konzept schließen, vgl.:

Winter streifte Blumen ab und Laub; Bei den hohen Linden; Laub und Gras; in diesem grünen Laubrevier; unter Linden, wo die dunklen Bäume stehn; Der Birkenbusch; In weiten Bezirken, / Hohe Tannen / Mit hängenden Birken / Und Buchen besetzt / Gehn Damhirsch und Rehe / In traulicher Nähe / Von niemand gehetzt; im stillen Erlengrund; Все сыры дубы с кореньев посломалися; Сосенка во бору высоко выросла; Кукует кукушка в сыреньком во бору; На этих на листиках пташечки сидят; Али кустичком, али прутичком?

Aus grammatischer Sicht sind hier Pluralformen von Bedeutung: дубы с кореньев посломалися, на листиках; unter hohen Linden, die dunklen Bäume. Aus lexikalischer Sicht spielen hier Kollektiva (Laub) eine Rolle. Die Unterschiede betreffen die Bezeichnungen einzelner Baumarten, so kommen Buchen nur in deutschen Volksliedern vor.

Besonders deutlich kommt die Asymmetrie in der Wortbildung der Konzeptrepräsentanten vor. In deutschen Volksliedern wird die Komponente Wald in Komposita gebraucht. Als Bezugswort kommt es in Bezeichnungen der Waldarten vor: Buchenwälder, Fichtenwälder, Blätterwald. Als Bestimmungswort wird es in Landschaftsnominationen (Walddal, Waldrevier),

in Bezeichnungen der Waldbewohner (*Waldvögel*) oder in Nominationen, die mit der Wahrnehmung des Waldes verbunden sind (*Waldschatten, Waldluft*), verwendet. In russischen Volksliedern gibt es keine Komposita mit der Komponente „лес“, dafür aber zahlreiche Derivate. Es werden viele Verkleinerungssuffixe gebraucht, Derivate werden nicht nur vom Hauptlexem „лес“, sondern auch von anderen Lexemen gebildet: *осинник – осинничек, дубрава – дубровушка*. Der häufige Gebrauch von Derivaten mit Verkleinerungssuffixen in russischen Volksliedern zeugt von der positiven emotionalen Wahrnehmung des Waldes im Volksbewusstsein.

In Volksliedern kommt der Wald sehr oft als Ort der Handlung vor. Deswegen betrachten wir die Präpositionalgruppen mit den Repräsentanten des Konzepts als Lokalisierungszeichen: die Handlung spielt *im Walde, во лесу; jemand / etwas kommt aus dem Wald; jemand geht in den Wald, по лесам*. Es lassen sich einige Unterschiede bei der Bezeichnung der Richtung bemerken. So geht man in deutschen Liedern *in den Wald / in den Wald hinein / hinaus*, in präpositionalen Gruppen werden oft Adverbien gebraucht. In russischen Liedern kommt etwas / *man из-за лесу, лесу темнаго (vom Wald heran / herauf)*. In der Wendung *из-под лесу* wird gemeint, dass der Wald irgendwo unten liegt. In russischen Liedern werden beim Gebrauch der Präpositionalgruppen Präpositionen und Substantive zwei bis dreimal wiederholt: *во лесу было в орешнике; середь лесу становилася, / середь лесу, середь темнаго*. In deutschen und in russischen Liedern werden zwei syntaktisch gleichwertige Substantive gebraucht: *an Feld und Wald, im Wald und auf der Heid, Im Wald und auf der Flur, in Wald und Flur, по болотам, по лесам*.

Der Wald kann nicht nur als Ort der Handlung, sondern als Subjekt / Objekt auftreten. Im ersten Fall wird der Wald personifiziert, er kann den Anbruch der Kälte beklagen oder im Winter eine Ruhepause haben: *Jetztund heben Wald und Feld wieder an zu klagen; Nun ruhen alle Wälder*. Als Objekt der Handlung tritt er passiv vor mächtigeren Naturphänomenen und -kräften wie Winter oder Dämmerung auf: *Ach bitterer Winter, wie bist du kalt / Du hast entlaubet den grünen Wald; Die Dämmerung den Wald umfing*.

In attributiven Konstruktionen kommen Merkmale des Konzepts zum Ausdruck. Sehr oft sind es kolorative Merkmale. In deutschen Volksliedern sind es *grün / dunkel / dunkelgrün: So reiten wir den grünen Wald auf und ab; Nach grüner Farb mein Herz verlangt; in diesem grünen Laubrevier; wo die dunklen Вдуме stehn; durch die dunkelgrünen Wälder*. In russischen Liedern werden neben kolorativen Merkmalen (*зеленый, темный*) oft auch andere Merkmale genannt: *частый (dicht), дремучий (schwer durchgänglich), сырой (feucht): во темном лесу; во сыром бору; во темны леса; во частом мелком орешнике; в сыреньком во бору; Частым ельничком*. In russischen attributiven Gruppen werden bei einigen Baum- oder Waldarten feste Epitheta gebraucht: *белая березушка, горький осинничек*.

Aus syntaktischer Sicht sind für Volkslieder Aussagesätze typisch. Ihre Struktur weist Ähnlichkeit mit Volksmärchen auf, oft werden Wiederholungen und Wiederaufnahmen eingesetzt, die Lieder erzählen wie auch Volksmärchen der Reihe nach das, was passiert: *Gestern Abend ging ich aus, Ging wohl in den Wald hinaus. И шла, и шла девушка лесом, по лесу, / нашла, нашла красная купарис древо. / На этом на деревце листики шумят; / шумят, шумят листики пошумливают*.

Imperativsätze sind an die handelnden Personen der Lieder oder auch an Zuhörer gerichtet. *Ach Mädchen scher dich aus dem Wald / heijaja wohl aus dem Wald; Спусти, спусти, бабушка, / спусти, спусти, сударыня, / Свою-то Устинью / в Марьинскую рошу / С нами погуляти, / в хороводе поплясати!* Sie drücken eine Bitte oder Warnung aus. Die Bitten weisen umgangssprachliche oder archaische Züge auf. So finden wir in deutschen Liedern den archaischen Gebrauch des Imperativs mit der 3. Person Singular, mit dem unpersönlichen *es* oder mit dem Pronomen *der*, das mit dem Fragewort *wer* korreliert: *Es grüne die Tanne, es wachse das Erz / Gott schenke uns allen ein fröhliches Herz! Und wer ein ehrlich Mädchel will habn / der schick sie nicht in Wald*.

Die Repräsentanten des Konzepts werden in Volksliedern als Anrede in Fragesätzen gebraucht: *Dunkler Wald, grün gestalt 't / wieviel zählst du Zweiglein? Ты дубровушка, ты зеленая, / Еще чем ты, дуброва, изукрашена.* Das zeugt von der Personifizierung und ihrer Nähe zum Menschen, der Wald tritt als Ansprechpartner auf. In russischen Liedern werden die Repräsentanten des Konzepts als nahe Verwandte verstanden, so beim Gebrauch verbloser Sätze des identifizierenden Typus: *Соловей в бору – / родимый мой брат, / Кукушка в лесу – / сестрица моя, / Белая березушка – / жена молода, / от нея отrostушки / Мои деточки! Большая сестра – зверем в леса.*

Ausrufesätze werden in deutschen Volksliedern zum Ausdruck der Begeisterung von der Schönheit der Natur eingesetzt: *Wie schön ists im Freien / Bei grünenden Maien / Im Walde wie schön!*

Die sprachlichen Zeichen, die das Konzept wiedergeben, sind als Feldstruktur organisiert. In deutschen Volksliedern ist der Kern dieses Feldes viel deutlicher ausgeprägt. In russischen Volksliedern ist der Kern von einer den Kern differenzierenden Schicht umringt. Die emotionale Komponente im Bestand des Konzepts ist in russischen Volksliedern deutlicher ausgeprägt. Das sieht man an der Wortbildung, an zahlreichen Wiederholungen, an festen Epitheta, am Gebrauch der Präpositionen mit Attributen. In deutschen Volksliedern kommt die Emotionalität in Ausrufesätzen zum Ausdruck. Adjektivische Attribute drücken oft wesentliche Merkmale des Konzepts aus. In deutschen Volksliedern überwiegen dabei kolorative Merkmale, in russischen sind auch andere perzeptive Merkmale (wie Dichte und Feuchtigkeit) vertreten. Grammatische Perspektive kann die Vollständigkeit des Konzepts nicht umfassen. Dabei bleibt beispielsweise thematische Sphäre außer Betracht, die bei der Diskursanalyse zum Vorschein kommt.

Библиографический список

1. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или Что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122–130.
2. Воронцова С.С. Концепт «СЕМЬЯ» в языке русской и английской фольклорной песни // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. тр. Курск: Изд-во КГУ, 2011. № 2 (10). [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursku.ru/pdf/010-002.pdf> (дата обращения: 14.02.2016).
3. Сотникова С.С., Салтык А.И. Лексическое выражение концепта «Любовь» в русских и английских фольклорных песнях // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 26. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskoe-vyrazhenie-kontseptna-lyubov-v-russkih-i-angliyskih-folklornyh-pesnyah> (дата обращения: 18.02.2016).
4. Алексеева О.И. Русская народная песня как этнокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006. 25 с.
5. Пименова М.В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 126–132.
6. Болдырев Н.Н., Чистякова Е.В. Категоризация ландшафтов и интерпретационный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. 206 с.
7. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. Т. 2. №2(54) С. 127–131.
8. Бутерина О.В. Представление концепта «ЛЕС» в русских и немецких лингвокультурных источниках: дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2008.
9. Kostrova O., Bepalova E. Das Konzept Meer in der deutschen und russischen Linquokultur // R. Lipczuk, M. Lisiecka-Czop, K. Nerlicki (Hg.) Sprache und Meer / und mehr. Hamburg, 2015. S. 59–69.
10. Харькова Е.В. Изучение концептов в неблизкородственных языках (на примере концептов море и sea в русской и американской этноконцептосферах) // Галиуллина К.Р., Горобец Е.А., Николаева Г.А. И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: международная конференция (V Бодуэновские чтения). Казань, 2015. Т. 2. С. 306–308.

11. Кольовска Е.Г. Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики: дис. ... канд. фил. наук. М., 2014. 240 с.

12. Volksliederarchiv [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volksliederarchiv.de> (дата обращения: 14.02.2016).

13. Великорусские народные песни. Изданы профессором А.И. Соболевским. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1895. 628 с.

14. Великорусские народные песни. Изданы профессором А.И. Соболевским. Т. 3. СПб.: Государственная типография, 1895. 511 с.

References

1. Krasnyh V.V. *Grammatika lingvokul'tury, ili chto derzhit iazykovuiu kartinu mira?* [Grammar of linguistic culture or what holds linguistic view of the world?]. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of the language and communicative practice], 2013, no. 1, pp. 122–130 [in Russian].

2. Vorontsova S.S. *Kontsept «SEM''Ja» v iazyke russkoi i angliiskoi fol'klornoj pesni* [Concept «FAMILY» in the language of Russian and English folk songs]. In: *Teoriia iazyka i mezhkul'turnaia kommunikatsiia mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Theory of language and cross-cultural communication interacademic collection of scientific works], no. 2(10). Kursk: Izd-vo KGU, 2011. Retrieved from: <http://tl-ic.kursku.ru/pdf/010-002.pdf>. (accessed 14.02.2016) [in Russian].

3. Sotnikova S.S., Saltyk A.I. *Leksicheskoe vyrazhenie kontsepta «Liubov'» v russkikh i angliiskikh fol'klornykh pesniakh* [Lexical representation of the concept “love” in Russian and English folk songs]. In: *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii* [In the world of science and art: philological, art and cultural studies], 2013, no. 26. Retrieved from: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskoe-vyrazhenie-kontsepta-lyubov-v-russkikh-i-angliiskikh-folklornykh-pesnyah> (accessed 18.02.2016) [in Russian].

4. Alexeyeva O.I. *Russkaia narodnaia pesnia kak etnokul'turnyi kontsept. Avtoreferat diss. ... kand. filos. nauk* [Russian folk song as a linguo-cultural concept. Extended abstract of Candidate's of philological sciences thesis]. Belgorod, 2006, 25 p. [in Russian].

5. Pimenova M.V. *Kontseptual'nye issledovaniia i natsional'naia mental'nost'* [Conceptual studies and national mentality]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], 2011, no. 4(28), pp. 126–132 [in Russian].

6. Boldyrev N.N., Chistyakova E.V. *Kategorizatsiia landshaftov i interpretatsionnyi potentsial landshaftnoi leksiki v sovremennom angliiskom iazyke: monografiia* [Categorization of landscapes and interpretation potential of landscape vocabulary in modern English language: monograph]. Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015, 206 p. [in Russian].

7. Pimenova M.V. *Tipy kontseptov i etapy kontseptual'nogo issledovaniia* [Types of concepts and stages of conceptual researches]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 2(54). Kemerovo, 2013, Vol. 2, pp. 127–131 [in Russian].

8. Buterina O.V. *Predstavlenie kontsepta «LES» v russkikh i nemetskikh lingvokul'turnykh istochnikakh. Diss. ... kand. fil. nauk* [Representation of the concept «ЛЕС» in Russian and German linguistic and cultural sources. Candidate's of Philological Sciences thesis]. Saratov, 2008 [in Russian].

9. Kostrova O., Bespalova E. Das Konzept Meer in der deutschen und russischen Linquokultur in *R. Lipczuk, M. Lisiecka-Czop, K. Nerlicki (Hg.): Sprache und Meer / und mehr*. Hamburg, 2015. S. 59–69.

10. Khar'kova E. *Izuchenie kontseptov v neblizkorodstvennykh iazykakh (na primere kontseptov more i sea v russkoi i amerikanskoi etnokontseptosferakh)* [Study of concepts in different languages (on the examples of the concepts *mope* and *sea* in Russian and American ethnic and concept spheres)]. In: *K.R. Galiullina, E.A. Gorobets, G.A. Nikolaeva. I.A. Boduen de Kurtene i mirovaia lingvistika. Mezhdunarodnaia konferentsiia (V Boduenovskie chteniia)* [K.R. Galiullina, E.A. Gorobets, G.A. Nikolaeva (Eds.): J.N. Baudouin de Courtenay and world linguistics. International conference (Vth Baudouin readings)]. Kazan, 2015, Vol.2, p. 306–308 [in Russian].

11. Kol'ovska E.G. *Prirodno-landshaftnyi kod russkoi kul'tury v aspekte lingvodidaktiki. Diss. ... kand. fil. nauk* [Natural and landscape code of the Russian culture in the aspect of linguodidactics. Candidate's of Philological sciences thesis]. Moscow, 2014, 240 p. [in Russian].

12. *Volksliederarchiv*. Retrieved from: <http://www.volksliederarchiv.de> (accessed 14.02.2016) [in Russian].

13. *Velikorusskie narodnye pesni. Izdany professorom A.I. Sobolevskim* [Russian folk songs. A.I. Sobolevsky (Ed.)]. Vol. 1. SPb: Gosudarstvennaia tipografiia, 1895, 628 p. [in Russian].

14. *Velikorusskie narodnye pesni. Izdany professorom A.I. Sobolevskim* [Russian folk songs. A.I. Sobolevsky (Ed.)]. Vol. 3. SPb: Gosudarstvennaia tipografiia, 1895, 511 p. [in Russian].

E.V. Bespalova*

SYMMETRIC AND ASYMMETRIC FEATURES OF CONCEPTS WALD/ЛЕС IN GERMAN AND RUSSIAN FOLK SONGS

In the paper I compare the concepts of WALD /ЛЕС in German and Russian folk songs. The aim of the study is to evaluate common and different features of these concepts. Being basic landscape concepts, they show many common features in different languages. But many meaning levels of concepts allow us to find out, that these units are verbalized differently. The differences are based on ethnic and cultural specific of mentality experiences of people belonging to different cultures. I call common features symmetric and different features non symmetric. In the analyzed texts, these features are realized on different language levels. I analyze semantic and grammar specific of their realization on lexical, word building and syntactic levels.

Key words: concept, natural objects, features of concept, symmetry, asymmetry.

E.V. Беспалова*

СИММЕТРИЧНЫЕ И АСИММЕТРИЧНЫЕ ЧЕРТЫ КОНЦЕПТОВ WALD/ЛЕС В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ**

В статье рассматриваются способы вербализации концептов WALD / ЛЕС в текстах немецких и русских народных песен. Концепты WALD / ЛЕС как базовые ландшафтные концепты обнаруживают при вербализации в неблизкородственных языках много общих черт. Многоуровневый характер концепта допускает асимметричность в способах вербализации, связанную с этнокультурной спецификой, внеязыковым опытом представителей разных культур. Материал народных песен проявляет симметричные и асимметричные черты вербализации концептов на разных уровнях. Семантико-грамматические особенности вербализации концептов выявляются на уровне лексем, словообразовательных средств, единиц синтаксиса.

Ключевые слова: концепт, природные объекты, признаки концепта, симметрия, асимметрия.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* *Bespalova Ekaterina Viktorovna* (ek_vik_bespalowa@bk.ru), Department of German Philology, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Беспалова Екатерина Викторовна (ek_vik_bespalowa@bk.ru), кафедра немецкой филологии, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**РИТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XVIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ Н. МОТОНИСА В ЯНВАРСКОМ НОМЕРЕ
ЖУРНАЛА «ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА» [1759])**

«Трудолюбивая пчела» – уникальное для XVIII столетия издание. Автором «Рассуждения...» о добродетелях сочинителя истории явился Николай Николаевич Мотонис, соратник А.П. Сумарокова, блестящий ритор, сотрудник Академии наук. Писатель развивает риторические положения М.В. Ломоносова в поэтологическом аспекте: учит, как надо писать, и в то же время сам дает образец риторического сочинения. Коммуникативная модель Мотониса предполагает активного читателя, а само чтение видится ему сложной деятельностью. Создавая пересечение дискурсов автора и читателя, Мотонис активно использует приемы, выработанные античной риторикой и «реабилитированные» практикой писателей-просветителей XVIII столетия.

Ключевые слова: «Трудолюбивая пчела», Сумароков, Ломоносов, риторика, композиция, аргументация, образ автора, образ читателя.

Традиционно ученые делают вывод о безусловном приоритете Сумарокова как в определении общественно-политического направления журнала «Трудолюбивая пчела», так и в его наполнении материалом. Действительно, Сумароков был единоличным издателем, на нем лежали и персональная ответственность перед Цензурным комитетом, и материальные обременения в связи с помесечным выходом книжек ТП. Более того, в качестве автора он публиковался в каждом номере журнала, а майская книжка целиком состояла только из его произведений.

Однако, по данным китайской исследовательницы Юй Хуэйцзюнь, «по объему статьи Сумарокова за всю историю журнала занимали 47 % от общего количества статей. Из двенадцати номеров только в четырех материалы Сумарокова занимали более 50 %, а в других восьми большая часть статей принадлежит другим авторам» [1, с. 103]. Среди них – А. Аблесимов, И. Борисов, Ф. Геннингер, С. Глебов, И. Дмитриевский, Г. Козицкий, К. Кондратович, В. Крамаренков, А. Лобысевич, Н. Мотонис, А. Нартов, Алексей, Василий и Семен Нарышкины, А. Ржевский, Е. Сумарокова и В. Третьяковский. Безусловно, каждый из авторов внес свою лепту в создание уникального издания. Но все же у его истоков стояли трое: А.П. Сумароков, Г.В. Козицкий и Н.Н. Мотонис – авторы первой (январской) книжки журнала. Остановимся подробнее на третьем участнике редакции.

---

* © Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В., 2016

Сложеникина Юлия Владимировна (goldword@mail.ru), кафедра психологии и педагогики, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

Растягаев Андрей Викторович (avt67@yandex.ru), кафедра филологии и массовых коммуникаций, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал), 443081, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

Николай Николаевич Мотонис, по происхождению нежинский грек, родился на Украине, обучался в Киево-Могилянской академии вместе с Г.В. Козицким. В 1749 г. Мотонис и Козицкий отправились в Лейпцигский университет. В 1757 г., овладев классическими и европейскими языками, поэтикой и риторикой, они вернулись в Петербург. В 1759 г. Мотонис был избран адъюнктом Академии наук и стал преподавать древние языки в старших классах Академической гимназии [2].

С самого первого номера Мотонис стал автором ТП. У него четыре публикации: одна статья собственного сочинения «Рассуждение о двух главных добродетелях, которых писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несусеверном богопочитании» и три перевода.

Историки литературы XVIII в. усматривали в тоне январской статьи Мотониса скрытую полемику с Ломоносовым и Тредиаковским [3, с. 121, 124; 4, с. 29–30]. Риторическая культура, знакомая целевой аудитории издания, становится востребованным инструментом для авторов ТП. Поэтому, помимо поэтологического аспекта, работа Мотониса имеет ярко выраженный риторический характер.

Логические и языковые приемы, использованные автором с общей прагматической целью просвещения российского читателя середины XVIII в. и создания нового культурно-литературного дискурса, развивают «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1744, изд. 1895) и «Краткое руководство к красноречию» (1748) М.В. Ломоносова [5]. Как известно, классическая риторика сложилась в систему в Греции в III–II вв. до н. э. и в Риме в I в. до н. э. благодаря трудам Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана. Она «делилась на пять частей: 1) нахождение – систематизация содержания речей и используемых в них доказательств; 2) расположение – деление речи на вступление, изложение, разработку (доказательства своего взгляда и опровержение противного) и заключение; 3) словесное выражение (центральная часть) – учение об отборе слов (в т. ч. редких, новообразованных и метафорических), о сочетании слов... о тропах, фигурах мысли и фигурах слова... а в зависимости от использования этих средств – о простом, среднем и высоком стиле речи; 4) запоминание; 5) произнесение» [6, стб. 877–878]. Обратимся последовательно к *заголовку и вступлению, изложению-истолкованию, разработке-утверждению* и, наконец, к *заключению* статьи Мотониса.

Поскольку риторическое произведение Мотониса – журнальная статья, постольку она ориентирована на восприятие читателя, а не слушателя. Поэтому четвертая разновидность ломоносовского вступления трансформируется в заголовок, объявляющий тему: «Рассуждение о двух главных добродетелях, которых писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несусеверном богопочитании» [7, с. 34]. Почему автор называет субъекта своего рассуждения *писателем истории*?

Выбор слова из синонимического ряда всегда мотивирован, так как каждая лексема, отличаясь от соседней, «приоткрывает» уникальную территорию смысла. В русском языке середины XVIII в. синонимичный ряд для обозначения специалиста по прошлому и настоящему был представлен достаточно полно, разнообразно, однословно: *историограф, историк, бытописатель, деенписатель*. Однако Мотонису важно, чтобы заголовок и вступление статьи очерчивали границы идеального читателя и идеального писателя. Уже в заглавии автор выстраивает двустороннюю модель коммуникации: *писатель истории – читатель истории*. Коммуникативная модель Мотониса предполагает активного читателя, а само чтение видится ему сложной деятельностью. По убеждению автора, читатель может требовать от писателя двух добродетелей, названных в заголовке, искренности и несусеверного богопочитания [7, с. 36]. Изучая историю по письменным источникам, читатель «крайнее свое попечение положит в том, чтоб одолеть все затруднения, не дать себя обольстить, и погрузить в бездну безконечных заблуждений» [7, с. 35–36].

С высокой степенью достоверности можно предположить, что это пожелание читателю восходит к изречениям Антония Великого, преподобного, раннехристианского подвижника, жившего в Египте (около 251 – 17 января 356 гг. н. э.) и считавшегося основателем отшельнического монашества. В конце V столетия появилось приписываемое Антонию собрание изречений, которые отражали монашеский идеал. Там есть слова: «Всякий может управлять кораблем в хорошую погоду, истинно же искусный мореплаватель познается во время бури» [8]. Цитата восходит к Книге Премудрости Соломона: «...промысл Твой, Отец, управляет кораблем, ибо Ты дал и путь в море и безопасную стезю в волнах (Прем. 14: 3). То же самое сравнение читателя с искусным мореплавателем повторяет и Мотонис. В его статье оно представляет собой развернутую метафору и последовательно разворачивается на протяжении большого фрагмента текста: «И читая его историю (недобродетельного историка. – Ю.С., А.Р.) не иначе как *искусной мореплаватель*, которой весь труд на то употребляет, чтоб уничтожить ярящихся волн стремление и силу, не допустить их свой корабль сокрушить о камень, и ввергнуть себя в морскую пучину...» [7, с. 35]. Статья Мотониса размещена в первом, январском номере ТП. Именно в январе отмечается День памяти Антония Великого – 30 января (17 января по старому стилю). Можно предположить, что вступление статьи рифмуется с началом года и первоначалием нового журнала.

Во вступлении статьи автор конструирует положительный и отрицательный образ читателя и писателя. Своего читателя Мотонис называет благоразумным и добродетельным. Сложные слова с корнями *благ(о)* и *добр(о)*, актуальные в церковно-славянском языке, восходящие к греческим словообразовательным моделям, наделяют читателя особым сакральным статусом, очерчивают контур основных читательских характеристик. Мотонис полагает, что разум читателя направлен на стяжание блага и добра, и это активная, деятельностная позиция. Как прежде Антоний Великий обращался к ученикам, предостерегая их от лености, так и Мотонис надеялся видеть читателей нового журнала тружениками.

К положительному образу писателя истории автор статьи весьма непритязателен и прощает ему многие пороки. Он не видит беды, если историк грешит слогом и не умеет изъясняться красиво, он готов не заметить погрешности, вызванные неосторожностью и небрежностью; наконец, он допускает даже незнание историком других наук, что, конечно же, может нанести ущерб славе писателя, но не станет прегрешением перед истиной.

С точки зрения риторики созданное Мотонисом вступление можно отнести к парадоксальному типу. По Ломоносову, это восьмой вариант вступления, который русский теоретик риторики иллюстрирует примером из речи Цицерона против Катилины. Риторический вопрос озадачивает аудиторию, сбивает со стереотипного мышления, готовит к восприятию нестандартной, необщепринятой, необычной авторской позиции. От лица читателей Мотонис, предупреждая читательское недоумение, вопрошает: «Для чего я не о всех, да о двух добродетелях писателя истории чрез сие им сообщил?» [7, с. 34]. Зарождается имплицитный диалог двух равных собеседников. Предприняв рассуждения о добродетелях, Мотонис отказывается от морализаторской позиции и не собирается поучать и давать наставления ни самим историкам, ни их читателям. С психологической точки зрения такая позиция автора помогает внушить доверие своим читателям и тем самым достигнуть цели – уговорить их, добиться благосклонности, расположения и плавно перейти к *изложению-истолкованию*.

Изложение-истолкование у Мотониса представляет собой договор о понятиях. Автор объясняет, что он понимает под *искренностью*, *суеверием* и *несуеверным богопочитанием* и почему добродетели, вынесенные в заголовок, могут считаться главными. Мотонис еще раз указывает на общность языковых картин мира автора и

читателя. Эта общность подчеркивается местоимениями *наших, мы*. Автор апеллирует к личному опыту каждого читателя, причем в самых его элементарных, бытовых проявлениях: «...мы часто верного своего друга называем искренним приятелем, при поздравлениях, и желании благополучия, уверяем когонибудь, что мы делаем то от искренняго сердца, то есть от сердца во всем с языком нашим согласного» [7, с. 36]. Для Мотониса искренность есть единство слова, чувства и дела.

В античной риторике такого рода доводы получили название *argumentum ad hominem* — ‘аргументы к человеку’, основанные на апелляции к эмоционально-чувственной и морально-этической сферам. Взывая к общему опыту, создавая пересечение дискурсов автора и читателя, Мотонис прибегает к манипуляции побуждению другого человека к переживанию определенных состояний, изменению отношения к чему-либо, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения автором своих собственных целей. А цель заключается в создании единой направленности мыслей, желаний и общественно полезной деятельности автора и читателя.

Написав, что сочинитель истории должен приносить читателю пользу на «примерах невымышленных», сам Мотонис переходит к следующей части диспозиции — аргументации примерами, или *разработке-утверждению*. Налицо единство слова и дела: заявив теоретические посылки, автор реализует их в своем собственном тексте, разворачивает смыслопорождение по предложенному алгоритму.

Один из типичных риторических приемов Мотониса в разработке-утверждении — обращение к авторитету. Выражение *argumentum ad verecundiam* буквально обозначает ‘аргумент к скромности’. Хотя в современной науке апелляция к авторитетному мнению считается ошибочной логической аргументацией, этот вид доказательства привнес в русскую риторическую науку и публицистическую практику. На наш взгляд, причиной тому — культурная традиция отношения к высшему авторитету на Руси. В России на протяжении веков наименование монарха царем отсылало прежде всего к религиозной традиции, а традиционное помазание царя придавало ему специфический сакральный статус, особую харизму. Этимологически лексема *царь* восходит, через готское посредничество, к раннелатинскому когномену (прозвищу) патрицианского рода Юлиев, к которому принадлежал Юлий Цезарь. Думается, что в светской культуре произошла контаминация обеих традиций (римско-византийской и русской), а затем — экстраполяция отношения к верховному авторитету на статус автора вообще.

Список авторитетов, на которых ссылается Мотонис, весьма обширен и охватывает период от 6 в. до н. э. (Пифагор) до 2 в. н. э. (Лукиан Самосатский). Нам не удалось установить строгой логики в порядке предъявления персоналий, поскольку не соблюдается ни хронологический, ни локальный, ни идеологический, ни др. принцип, однако сами эти верхняя и нижняя границы наводят на некоторые размышления.

Самым древним в ряду оказывается древнегреческий философ, математик, мистик, создатель религиозно-философской школы пифагорейцев Пифагор (570–490 гг. до н. э.). Его ученики образовали религиозный орден, или братство посвященных, состоящий из касты отобранных единомышленников. Пифагор возглавлял тайное общество тридцать девять лет: в течение всего этого времени это была замкнутая организация посвященных. Новичок, чтобы быть принятым в братство, должен был пройти ряд испытаний, которые были обрядово оформлены и не подлежали огласке.

Поздней временной границей у Мотониса является ссылка на Лукиана Самосатского. Не указывая первоисточник, Мотонис пересказывает анекдот про комика Филимона и осла, уподобляя историка, пытающегося замаскировать недостатки своей книги лживыми присовокуплениями, героям смешной и нравоучительной истории.

В *заключении* статьи Мотониса появляются две линии сравнения писателя истории. Одна отрицательная — историк не должен быть подобен живописцу, который, «изображая непригожаго лицом, придает ему больше краски или белости» [7, с. 47].

Вторая положительная – историк должен быть подобен «судье, и наблюдать правду» [7, с. 47].

Структурная часть *утверждение* начиналась у Мотониса именем Цицерона. В заключении также находим имплицитную отсылку к афористике античного автора. Практически дословно воспроизводится его сентенция о лжи: «Кто лжет добровольно, тому никто, хотя и правду станет представлять, ни в чем не верит...» [7, с. 47]. Историк не должен снабжать свои сочинения украшениями и увеселениями из других наук или искусств. Историк не равен баснописцу или поэту, имеющему совершенно иное целеполагание при описании героя. История – это не математика или философия, основанная на несомненных правилах и доказательствах; история строится на вероятных доказательствах, поэтому во многом зависит от искренности сочинителя. Мотонис курсивом выделяет правило: «*Должны мы везде искать правды, и стараться всеми силами открыть истинные причины приключений*» [7, с. 44], объединяя общим нравственным императивом читателя и писателя истории.

Таким образом, содержание январской статьи ТП подчинено риторическим правилам, которые «активно включены в самый текст не только на метауровне, но и на уровне непосредственной текстовой структуры» [9, с. 179]. Внимание Ломоносова к чертам ратора и риторическое мастерство Мотониса, утвердившего добродетели писателя и читателя истории, позволили «в дальнейшем разработать стилистическую концепцию “образа автора” “и образа читателя”» [10, с. 156].

Библиографический список

1. Хуэйцзюнь Ю.А. П. Сумароков – автор «Трудолюбивой пчелы»: устоявшаяся точка зрения и бесстрастная статистика // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 101–113.
2. Лепехин М.П., Осинкина Л.В. Мотонис Николай Николаевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П) [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1060> (дата обращения: 05.09.2015).
3. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. 572 с.
4. Стенник Ю. В. Сумароков – историк // XVIII век / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 1996. Сб. 20. С. 23–46.
5. Риторика М.В. Ломоносова: материалы к библиографии. СПб., 2012. 104 с.
6. Гаспаров М.Л. Риторика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2003. Стб. 877–878.
7. Трудолюбивая пчела. В Санкт-Петербурге [Тип. Акад. наук], 1759. 767 с.
8. Об искушении // Мысли Пастыря [Электронный ресурс]. URL: <http://myslipastyria.com/o-iskusheniyaх> (дата обращения: 30.09.2015).
9. Лотман Ю.М. Риторика механизм смыслопорождения // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 177–194.
10. Иванова М.В. От ломоносовского ратора к «образу автора» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2005. № 7. С. 156–161.

References

1. Hueytszyun Yu. A.P. Sumarokov – avtor «Trudoliubivoi pchely»: ustoiavshaiasia tochka zreniia i besstrastnaia statistika [A.P. Sumarokov – the author of “Hard-working bee”: an established point of view and dispassionate statistics]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Verbal folklore. Culture], 2012, no 1, pp. 101–113 [in Russian].
2. Lepelin M.P., Osinkina L.V. Motonis Nikolai Nikolaevich [Motonis Nikolay Nikolaevich]. In: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. Vyp. 2 (K–P)* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Issue 2 (K–P)]. Retrieved from: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1060> (accessed 05.09.2015) [in Russian].
3. Berkov P.N. *Istoriia russkoi zhurnalistiki XVIII veka* [History of Russian journalism of the XVIII century]. M.; L., 1952, 572 p. [in Russian].

4. Stennik Yu.V. *Sumarokov – istorik* [Sumarokov historian]. In: *XVIII vek / Otv. red. N.D. Kochetkova* [XVIII century. N.D. Kochetkova (Ed.)], 1996, Vol. 20, pp. 23-46 [in Russian].
5. *Ritorika M.V. Lomonosova: materialy k bibliografii* [Rhetoric of Lomonosov: materials for the bibliography]. SPb., 2012, 104 p. [in Russian].
6. Gasparov M.L. *Ritorika* [Rhetoric]. In: *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii. Pod red. A.N. Nikoliukina* [Literary encyclopedia of terms and notions. A.N. Nikolyukin (Ed.)]. M., 2003, pp. 877–878 [in Russian].
7. *Trudoliubivaia pchela* [Hardworking Bee]. St. Petersburg [Tip. Akad. nauk], 1759, 767 p. Further the pages are indicated in the text in parenthesis.
8. *Ob iskusheanii* [On temptation]. In: *Mysli Pastyria* [Thoughts of a Pastor]. Retrieved from: <http://myslipastyria.com/o-iskusheniya/> (accessed 30.09.2015) [in Russian].
9. Lotman Yu.M. *Ritorika – mekhanizm smysloporozhdeniia* [Rhetoric – mechanism of sense generation]. In: Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. SPb., 2000, pp. 177–194 [in Russian].
10. Ivanova M.V. *Ot lomonosovskogo ritora k «obrazu avtora»* [From Lomonosov rhetor to the «image of the author»]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics: Vestnik RUDN], 2005, no. 7, pp. 156–161 [in Russian].

Yu.V. Slozhenikina, A.V. Rastyagaev*

**RHETORICAL TRADITION IN RUSSIAN JOURNALISM OF THE XVIII CENTURY
(ON THE BASIS OF N.MOTONIS'S ARTICLE IN THE JANUARY ISSUE
OF «HARD-WORKING BEE» [1759])**

«Hard-working bee» was a unique for the XVIII century edition. The author of the «Reasoning...» about the virtues of author of stories was Nikolay Nikolaevich Motonis, companion-in-arms of A.P. Sumarokov, luminous rhetor, member of the Academy of sciences. The author develops rhetoric provisions of M.V. Lomonosov in poetological aspect: he studies how to write, and at the same time he gives an example of rhetoric composition. The communicative model by Motonis suggests an active reader, and the reading itself is viewed as as a complex activity by him. Creating intersection of discourses of the author and the reader, Motonis actively uses technics developed by an ancient rhetoric and «rehabilitated» by the practice of writers-enlighteners of the XVIII century.

Key words: «Hard-working bee», Sumarokov, Lomonosov, rhetoric, composition, argumentation, image of the author, image of the reader.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Slozhenikina Yulia Vladimirovna* (goldword@mail.ru), Department of Psychology and Pedagogy, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya street, Samara, 443100, Russian Federation.

Rastyagaev Andrey Viktorovich (avr67@yandex.ru), Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of Moscow City Pedagogical University, 76, Stara-Zagora street, Samara, 443081, Russian Federation.

ГЕОЦЕНТРИЗМ СОВРЕМЕННОГО ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО В СЛОВАРЕ АКТИВНОГО ТИПА

Статья посвящена новому электронному словарю активного типа, репрезентирующему базовые константы традиционной речевой культуры. В центре внимания – исследование деривационно-мотивационных, синтагматических, парадигматических связей заглавного слова словарной статьи *Земля* и выявление актуализованных в диалектных высказываниях смыслов и значений репрезентантов концепта в народной речи полиэтнического региона. Семантико-когнитивный анализ, как показано в работе, предваряет лексикографирование ключевых слов традиционной культуры в новом словаре. В статье демонстрируется, как традиционная речевая культура Среднего Прииртышья объективирует семантику, восходящую к этимологии ключевого слова, и формирует главное значение заглавного слова *земля* – ‘почва’ в языковом сознании современного диалектоносителя, выявляя геоцентричность взглядов сельских жителей и коренные свойства народной ментальности в целом.

Ключевые слова: диалектная лексикография, константы, традиционная речевая культура, современный носитель диалекта, геоцентризм.

Новый словарь народной речи Среднего Прииртышья – это словарь активного типа, ориентированный на отражение «наивной» картины мира. Теоретические принципы словаря изложены в статьях и обобщены в монографии [15, с. 110–115]. Описание основных единиц – констант – мы строим исходя из принципа интегральности, т. е. стремимся по возможности более полно дать информацию о заглавном слове, его деривационно-мотивационных, синтагматических и парадигматических связях и отношениях, позволяющих проследить «жизнь» константы в народной речевой культуре более чем за полвека.

Практически все ключевые слова, привлеченные к лексикографированию, в той или иной мере объединены общей идеей человека, точнее, сельского жителя, т. е. соотносятся с принципом антропоцентризма, что находит отражение в Словаре и представлено словарными статьями *Дом, Жизнь, Семья, Мать, Отец, Сын, Дочь, Здоровье, Болезнь* и т. п. Это связано с предпринятой нами попыткой отразить в Словаре сквозь призму ключевых констант и их репрезентантов как можно более полную картину жизни сельского жителя полиэтнического региона Омского Прииртышья. Такой подход требует не просто алфавитной организации лексикографического материала, а обращения к идеографической классификации слов. Именно при таком подходе прежде всего обращаемся к антропоцентрической лексике, описыва-

---

* © Харламова М.А., 2016

Харламова Марина Александровна (khr-spb@mail.ru), кафедра русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644077, Российская Федерация, г. Омск, пр. Мира, 55-А.

ющей человека, его физиологическое и эмоциональное состояние, различные физические, речевые, ментальные действия, свойства, продукты его деятельности, жилище, социум, отношения с окружающим миром и людьми, профессиональную деятельность, этические и эстетические ценности и др.

Однако мир сельского жителя не только антропоцентричен. Традиционная речевая культура позволяет охарактеризовать его с геоцентрической точки зрения. Представляется, что, несмотря на отсутствие должного внимания со стороны исследователей, этот аспект картины мира современного носителя народной культуры является значимым и ценностно ориентированным.

Языковое сознание диалектоносителей характеризуется, с одной стороны, стабильностью, что позволяет сохранить древние представления о мире в традиционной речевой культуре, а с другой — динамичностью. Последнее манифестирует изменение в мироотражении сельских жителей в связи с изменяющимися условиями как собственно лингвистического, так и экстралингвистического порядка.

Геоцентризм диалектоносителя проявляется в его отношении к земле, которая составляет неотъемлемую часть его жизни и возделывая которую он живет. И поэтому представления носителей диалекта о *земле* находятся в центре нашего внимания, кроме того, они важны ввиду особой и безусловной аксиологической значимости для русской ментальности в целом. Об особой ценности земли в сознании русских свидетельствует разветвленная система значений ключевого слова как в древнерусском языке (И.И. Срезневский фиксирует 9 значений, Словарь XI–XVII вв. — 10), так и в литературном русском языке (в БАС — 8, МАС — 7) и говорах (даже в дифференциальном словаре русских народных говоров — более 7) [5; 10–13].

Выявление деривационных, синтагматических и парадигматических связей заглавного слова — цель данной статьи. Анализ таких отношений позволяет уточнить семантику ключевого слова и проследить формирование его *со*-значений на протяжении длительного периода.

Материалом для исследования послужили записи живой народной речи, собранные во время диалектологических экспедиций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского начиная с 70-х годов XX в. и по настоящее время.

Традиционно *земля* всегда воспринималась на Руси как *кормилица*, и до сих пор в сознании сельских жителей сохраняется эта семантика: *Зимля есь/ Агарот// Фсе фсе я панимношку фсиво сажу в-агароди// Капусту свеклу маркофку лук памидоры картошку// Вот/ щас у-миня агароччик малин'кий// В-бал'шом сын садит для-сибя фсе// И клубники нимношка ись у-миня пасажына/ малины нимношка// Юрги ись/ аблипишка мальн'ка пасажына но на-ее ишо ягот тока паивляюца/ ишо ф-прошлам гаду нимношка была//* (д. Иванов Мыс, Тевризский р-н, Городицкая (Савич) А. В., 81 г., 4 кл., старож., 2006).

Эта семантика согласуется с этимологией слова. М. Фасмер указывает на образ, который ассоциируется со словом *земля* — это *мать-земля*, и приводит этимологически родственные латинские и греческие параллели: лат. *humus*, фриг. ζεμλω ‘мать-земля’ [14, с. 93]. Вероятно, именно этот образ лег в основу современного символического осмысления концепта в русской языковой картине мира, сохранившегося с момента образования и до сих пор актуального в традиционной речевой культуре.

Этимологические словари указывают, что слово *земля* восходит к праславянскому *ziemja, производному с суффиксом -j- от *zem- ‘земля, низ, пол’, имеющего индоевропейские соответствия в лит. *ẽmas* ‘низкий’, лтш. *zems* — то же, авест., др.-перс. *zam-* ж. ‘земля’, греч. χαμηλός ‘низкий’, греч. χαμαί ‘на земле’. <..> Ср.: также др.-русск. *земь*, соврем. *наземь*, *оземь* и под. Диал. *зень*, *назень* из *наземь* (в результате ассимиляции) [14, с. 93]. В соответствии с этимологией П.Я. Черных отмечает следующие исторически сложившиеся значения *земли* (начиная с XI вв.): ‘земля’, ‘мир’, ‘страна’, ‘народ’, ‘низ’, ‘имение (земельная собственность)’ [16, с. 323].

Таким образом, этимологически *земля* обозначала ‘расположение в пространстве’, ‘низ’ и ‘мать-земля’ (кормилица), т. е. плодородие, первооснову жизни. Именно эта семантика лежит в основе представлений о ЗЕМЛЕ в традиционной речевой культуре и является константой в вербализации концепта в говорах Омского Прииртышья.

Этимологическое значение ‘низ’ находим и в словаре русских говоров Алтая: ‘земля, пол, низ’ [1, с. 150]. Актуализация семантики ‘пол, низ’ представлена в полиэтническом регионе повсеместно и выявляется в дериватах *землянка*, *землянушка*, *наземка* и синонимичных лексемах *пластянка*: *Он пока ваевал / я зимлянку соби купила зателочку*// (д. Петрово, Нижнеомский р-н, 82 г., новосел.); *Жили мы в балаганах да в землянушках* (Мур. Берг.) [6, с. 69]; *Наземка – землянка из пластов делали* (Лук. Иссык.) [9, с. 163]; *Пластянки делали/ пластоф напашыш/ плугам напашыш/ и-вот делают с-этих пластоф избу*// (д. Глухониколаевка, Нижнеомский р-н, Приходько И.И., муж., 72 г., 5 кл., рус.-укр., 2002); *Жили в пластянках из трех комнат. Стены из земли. Их мазали кизяком* (Тар. Чекр.) [7, с. 110]; Семантико-мотивационные связи с *землей* обнаруживаем в диалектной номинации растения *земляника* (*Fragaria vesca*) – *землянка*, что объективирует значение ‘плодородие, первооснова жизни’: *За землянкой надо ходить по увалу, там света много, она и растет* (Тевр. Кип.) [7, с. 53]. Нерасчлененно репрезентируют значение ‘плодородие’ и ‘плодородная почва’ дериваты *назем*, *наземка* ‘навоз’ в диалектных высказываниях: *Удобрjali землицу наземом, чтоб родила лучше и больше* (Мур. Берг.); *Назем скотский вывозили на поля* (Мур. Гур.); *Огурцы на наземке росли* (Кол. Кол.) [9, с. 162–163].

В говорах русского языка основным значением у слова *земля* является □почва□: *земля, и, ж. Чернозем. Камн. Том., 1913* [5, с. 256]. Эта семантика широко представлена в народной речи Среднего Прииртышья и является главной при объективации концепта в языковой картине мира диалектоносителей: *Тяпками// Тяпали / агрйбали / тяпками // Мы этат у-миня агарот был бал’шой и-там на-задах агарот двацать сотах / там зимля мяжка была / пищяна / и-вот*// (с. Ложниково, Тарский р-н, Квашнина (Соловьева) З. Ф., 72 г., 4,5 кл., старож., 2008). В качестве дериватов в говорах могут выступать сложные слова, манифестирующие главную семантику на современном этапе развития константы, – ‘почва’: *Все землерои были сплошь. Со всех сторон съезжались* (Тар. Кор., старож.) [8, с. 226]. В данном контексте диалектное *землерой* ‘земледелец’ демонстрирует и основное занятие крестьян – земледелие. В словаре старожильческих говоров слово не случайно дано с пометой *ирон.*, поскольку отражает свойство русского человека – способность подтрунивать над собой, как бы принижая свою социально-производственную роль, поскольку для русского «внутреннее понимание существа дела (личная совесть) всегда выше навязанного извне явленного мнения» [4, с. 33], и демонстрируя коренные признаки русской ментальности: конкретное дело важнее идеи, и дело (и мысль, и слово) это всегда окрашено нравственно [4, с. 32].

В сознании диалектоносителей *земля* воспринимается как ‘собственность’, указывающая на определенный достаток хозяина. И это значение объективируется в тексте при помощи актуализаторов – предикатов с конкретной семантикой (*владел, фходит, было дадено, атвидут*), возвратных и притяжательных местоимений (*своим, ево*), контекстуальных синонимов (*наделиные пашни*) и слов, обозначающих единицы измерения земли (*надел, диситин десить*): *Я-бы вам щяс сказала были паделиные пашни / назывались у-каждау каму скол’ка / было дадено зимли и тот каждый сам сваим владел*// <...> *На-девак на-диўчат не-давалася ўот это зимли надел ни-давалася// Так как ну так был настанюка такая закон такой// А-девались давалася тол’ка на-мужыкоу// ўот дапустим дадут диситин десить им зимли ўот ани атвидут атмериют где-та ў-поле ходит тада дапустим и-лиса там лес или два тим фходит в-это самое ево частно фсе эта было// И-зимля / и-лес этат и-вот он*// (с. Астыровка,

Горьковский р-н, Корчигина (Яблочко) Т.Г., 92 г., 3 кл., рус.-укр., 2006). Как правило, одновременно в таких высказываниях вербализуется и семантика 'почва'. Контекстуальный синоним *наделиные пашни* актуализирует еще одно со-значение ключевого слова – 'расположение в пространстве', восходящее к этимологии и деривационно связанное с *землей* – земледелие.

Ценностная составляющая концепта значима в мироотражении современных носителей традиционной народной речи и может реализоваться в одном диалектном высказывании, демонстрируя актуальные для современного диалектоносителя смыслы нерасчлененно – 'почва' и 'собственность': *А-там ужэ сказали / што нада ехатъ ф-Сибирь / и-там есть свободная зимля / и-там ужэ вы будити владеть сваей зимлей / и-будити хазяивами*// (д. Бобровка, Тарский р-н, Бенке О.П., 35 л., ср.-спец., рус.-латыш., 2007), – где на семантику 'почва' указывает устойчивое сочетание *свободная зимля*, а значение 'собственность' манифестируется атрибутивным сочетанием *сваей зимлей*.

В говорах русского языка, кроме значений, восходящих к этимологическим, сформировалось значение, актуализирующее символическую оппозицию *жизнь* – *смерть*. Так, в народной речи и сознании исследуемых диалектоносителей *земля* ассоциируется не только с плодородием, рождением новой жизни, но и со *смертью*: *Последний на-уголке на-развертях земли навалино / там и дом*// (с. Кейзес, Седельниковский р-н, Перменева У.Д., 86 л., рус.-бел., 2001), где словосочетание *земли навалино*, как и *дом* актуализирует архаичное значение 'могила'. Та же семантика представлена в следующем контексте, где предикаты (*рыла, дастала*) уточняют смысл всего высказывания и ключевого слова в том числе: *Ни-хватаит / ни-хватаит // Вод-бы была так / я-бы день-и ночь землю рыла / рыла / и-сваиво деда-бы дастала / дифченки / харошый был // Ни-абижал ни-каво / миня ни-разу*// (п. Могильно-Посельское, Большереченский р-н, Мозжерина А.М., 76 л., 4 кл, старож, 2007). Ср.: в Словаре русских народных говоров: *Земля выступила на лице* (у кого-либо) 'о приближении смерти у тяжело-больного': *Если земля выступила на лице – умрет* (если больной потемнел, почернел). Костром., 1920. <...> *Землей подернуться* 'приобрести темный цвет лица, почернеть', «что бывает у людей старых и служит признаком того, что смерть не за горами» [5, с. 256]. Полагаем, можно выделить у ключевой лексики *земля* и символическое значение 'смерть'. С этой семантикой в какой-то степени соотносится и производное прилагательное *земляной* 'подземный (о воде)' в словосочетании. Семантическим мотиватором к атрибутивному слову выступает существительное *земля*, т. е. *земляна вода* – вода бьющая, выходящая из-под земли: *Шяс разливаица [Иртыш] / дочя ты йездила // Ну эта гаварят земляная вада идет // Ну земляна вада-уш я незнаю то-ли аткуда пускают*// (д. Качесово, Муромцевский р-н, Фектистова В.В., 72 г., неграмот., старож., 2005).

Таким образом, анализ деривационно-мотивационных связей, синтагматических и парадигматических отношений заглавного слова словарной статьи позволил выявить его семантику и определить главное для современного носителя традиционной культуры значение 'почва'. О главном значении слова пишет В.В. Колесов: «Конечно, в сознании обычного человека реально присутствует лишь общее значение, обращенное в сторону концептума; оно помогает ему в момент речи проецировать это значение на извлекаемый из памяти образ (не понятие), в свою очередь способствующий экспликации уже главного (на данный момент) значения» [3, с. 112]. Обнаружение главного значения того или иного ключевого слова представляется одним из важных этапов семантико-когнитивного анализа, предваряющего лексикографическую интерпретацию констант народной речи полиэтнического региона Среднего Прииртышья. Исследование разнообразных связей и отношений заглавного слова в диалектном дискурсе, манифестирующего ценности современного сельского жителя, позволяют выявить специфику его мировосприятия (антропо-

центризм и геоцентризм языкового мышления) и особенности народной ментальности, “коренящиеся в категориях и формах родного языка” [2, с. 148].

Библиографический список

1. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая. Вып. 3 / под ред. Л.И. Шепелевой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 308 с.
2. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб, 1999. 368 с.
3. Колесов В.В. Концептология: Конспект лекций, читанных в сентябре–декабре 2010 года. СПб.: СПбГУ. РИО. Филолог. ф-т, 2012. 168 с.
4. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение», 2004. 240 с.
5. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Вып. 1-46. Вып. 11. Л.: Наука, 1976. 364 с. (СРНГ).
6. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / под ред. Б.И. Осипова. Вып. 1. Омск, 1998. 155 с.
7. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / под ред. Б.И. Осипова. Вып. 2. Омск, 2003. 172 с.
8. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / под ред. Г.А. Садретдиновой. Вып. 1. Томск: Изд-во Томс. ун-та, 1992. 228 с.
9. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / под ред. Г.А. Садретдиновой. Вып. 2. Томск: Изд-во Томс. ун-та, 1992. 244 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Русский язык, 1981–1984. 698 с. (МАС).
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М.: Наука, 1978.
12. Словарь современного русского языка: в 17 т. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965. Т. 4. М.; Л., 1955. 1366 с. (БАС).
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 1. Ч. 2. М.: Книга, 1989. С. 972–975.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1987. 672 с.
15. Харламова М.А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 290 с.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 623 с.

References

1. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkikh govorov Altaia. Vyp.3. Pod red. L.I. Shepelevoi* [Historical and etymological dictionary of the Russian dialects of Altai: Issue 3. L.I. Shepeleva (Ed.)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009, 308 p. [in Russian].
2. Kolesov V.V. «*Zhizn' proiskhodit ot slova...*» [«Life comes from the word...»]. SPb, 1999, 368 p. [in Russian].
3. Kolesov V.V. *Kontseptologiya: Konspekt leksii, chitannykh v sentiabre–dekabre 2010 goda* [Conceptology: Lectures, read in September–December 2010]. SPb: SPbGU. RIO. Filolog. f-t, 2012, 168 p. [in Russian].
4. Kolesov V.V. *Iazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2004, 240 p. [in Russian].
5. *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. Vyp.1-46. Vyp. 11* [Dictionary of Russian folk dialects. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov (Eds.). Issue 1-46. Issue 11]. L.: Nauka, 1976, 364 p. [in Russian].
6. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ia: Dopolneniia. Pod red. B.I. Osipova. Vyp. 1* [Dictionary of Russian old dialects of the Middle Irtysh. Additions: B.I. Osipov (Ed.). Issue 1]. Omsk, 1998, 155 p. [in Russian].
7. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ia: Dopolneniia. Pod red. B.I. Osipova. Vyp. 2* [Dictionary of Russian old dialects of the Middle Irtysh. Additions. B.I. Osipov (Ed.) Issue 2]. Omsk, 2003, 172 p. [in Russian].
8. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ia. Pod red. G.A. Sadretdinovoi. Vyp. 1* [Dictionary of Russian old dialects of the Middle Irtysh. G.A. Sadretdinova (Ed.). Issue 1]. Tomsk: Izd-vo Toms. un-ta, 1992, 228 p. [in Russian].

9. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ia. Pod red. G.A. Sadretdinovoi. Vyp. 2* [Dictionary of Russian old dialects of the Middle Irtysh: G.A. Sadretdinova (Ed.). Issue 2]. Tomsk: Izd-vo Toms. un-ta, 1992, 244 p. [in Russian].
10. *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t. AN SSSR, In-t rus. iaz.; pod red. A.P. Evgen'evoi. T. 1.* [Dictionary of the Russian language: in 4 Vols. Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language; A.P. Evgenieva (Ed.). Vol. 1]. M.: Russkii iazyk, 1981–1984, 698 p. [in Russian].
11. *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vyp.5* [Dictionary of the Russian language of XI–XVII centuries. Issue 5]. M.: Nauka, 1978 [in Russian].
12. *Slovar' sovremennogo russkogo iazyka: V 17 t.* [Dictionary of Modern Russian language: In 17 Vols.]. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk USSR, 1950–1965. Vol. 4. M.; L., 1955, 1366 p. [in Russian].
13. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam: v 3 t. T.1. Ch. 2* [Materials for the dictionary of ancient Russian language according to the written monuments: in 3 Vols. Vol. 1. Part 2]. Moscow: «Kniga», 1989, pp. 972–975 [in Russian].
14. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t. T. 2* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 Vols. Vol. 2]. M.: Progress, 1987, 672 p. [in Russian].
15. Kharlamova M.A. *Konstanty narodnoi rechemysli i ikh leksikograficheskaia interpretatsiia: monografiia* [Constants of popular speech and thought and their lexicographical interpretation: monograph]. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2014, 290 p. [in Russian].
16. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka: v 2 t. T.1* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: in 2 Vols. Vol. 1]. M.: Russkii iazyk, 2002, 623 p. [in Russian].

M.A. Kharlamova*

GEOCENTRISM OF A CONTEMPORARY DIALECT SPEAKER AND ITS REFLECTION IN THE ACTIVE TYPE DICTIONARY

The article is devoted to an electronic active type dictionary representing the basic constants of traditional speech culture. The focus is on the research of derivational, motivational, syntagmatic, paradigmatic links of the entry word *Zemlya* (Earth, Ground, Soil), and on exposing the word sense actualized in dialect utterances as well as the meanings of the concept representatives in the dialect speech of the polyethnic region. In the new dictionary semantic-cognitive analysis, as it is shown in the article, precedes lexicographic description of the key words of traditional culture. The article demonstrates how traditional speech culture of the middle Irtysh region objectifies the semantics rooted in the etymology of the key word, and forms the principal meaning of the key word *zemlya* – 'soil' in the language consciousness of the contemporary dialect speaker, featuring geocentric views of the countryside dwellers, and the fundamental traits of folk mentality in general.

Key words: dialect lexicography, constants, traditional speech culture, contemporary dialect speaker, geocentrism.

Статья поступила в редакцию 15/IV/2016.
The article received 15/IV/2016.

---

* *Kharlamova Marina Alexandrovna* (khr-spb@mail.ru), Department of the Russian Language, Slavic and Classical Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, 55-A, Mira pr., Omsk, 644077, Russian Federation.

О ФУНКЦИЯХ УСТУПИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья выполнена в русле функционализма как одного из методологических направлений современной лингвистики текста и методических установок педагогики сотрудничества. Содержание статьи посвящено анализу художественных функций уступительных высказываний в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» в двух аспектах: теоретическом и методическом. Уступительные союзы рассматриваются как одно из средств кодирования и декодирования текстовых смыслов. В основу положено предположение, что служебная часть речи в тексте мастера слова может стать выразительной художественной деталью – одним из средств типизации, материализации авторской идеи и авторского отношения, выразительности и создания читательского впечатления.

Ключевые слова: функционализм, функции языкового знака, уступительные высказывания, эстетическая роль, педагогика сотрудничества, микросистема.

Уступительным предложениям современного русского языка посвящена обширная лингвистическая литература. Она описывает довольно разветвленную языковую систему, по поводу которой полное единство мнений отсутствует. Одна из последних работ по этому поводу – оригинальная, интересная и глубокая монография Е.В. Урысон «Опыт описания семантики союзов» [1]. На ее обложку вынесен черный квадрат Малевича как символ глубины темы и ее неразгаданных тайн. В текстовом ключе уступительные отношения не изучены вовсе, несмотря на актуальность в настоящее время речеведения в целом и функционального изучения языковых знаков в частности. Функционально-коммуникативный аспект таит не меньше загадок, чем в языке. Но они другого характера, поскольку уступительные высказывания становятся явлениями дискурсивными. В настоящей статье мы будем анализировать только основное значение уступительных предложений в виде отношений обратной обусловленности. Их маркерами служат союзы НЕСМОТРЯ НА ТО... ЧТО, ХОТЯ и их синонимы, предлог НЕСМОТРЯ НА и союзные слова типа КАК НИ.

Общим в работах функционального направления является объяснение языковой формы ее функциями и понимание языка «как системы языковых средств, служащих для достижения определенных целей языкового общения» [2, с. 3]. Язык рассматривается как инструмент установления определенных отношений адресанта с адресатом и выполнения прагматических потребностей, отвечающих на вопрос о том, зачем

---

* © Бакалова З.Н., Краснова Е.А., 2016

Бакалова Зинаида Николаевна (abakalov1941@yandex.ru), кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

Краснова Елена Александровна (eakrasnova@mail.ru), кафедра инженерной педагогики и культуры делового общения, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2В.

употреблены те или иные языковые знаки. Функционально-коммуникативный аспект в современной лингвопоэтике — это изучение текста не только как совокупности единиц коммуникации, но и как явлений идиостиля. Идиостиль же — не просто подбор и характер языковых средств, типичных для писателя, а проявление его картины мира, мировоззрения, психологии, культурного и духовного уровня, т. е. индивидуальных особенностей личности. Таким образом, в основу функционально-коммуникативного изучения художественной речи кладется антропоцентрический принцип, состоящий в осмыслении художественного текста как деятельности, учитывающей человеческие факторы, и понимании того, что выбор языкового средства определяется личностью говорящего [3, 4].

Основная задача настоящей статьи — проанализировать типичные художественные функции уступительных высказываний в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», выявить их микросистему и определить их эстетическую роль. Выбор автора определяется не только масштабом его таланта, но и частотностью уступительных предложений в его творчестве. Второй не менее важной задачей считаем разработку методики выявления и анализа названных функций в студенческой аудитории на основе педагогики сотрудничества.

Педагогика сотрудничества как один из видов взаимодействия людей в общей работе — популярное направление в современном обучении [5]. Это партнерство не только обучающихся, но и педагога и учащихся. Такое обучение можно квалифицировать как интерактивное. Оно развивает самостоятельность, индивидуальную ответственность, с одной стороны, и равенство, партнерство, с другой. А все вместе способствует успеху и интересу к процессу обучения. Важно уметь наладить ситуацию результативного поиска в совместном «расследовании». Роль педагога состоит в том, что он: 1) ставит учебную задачу, создает психологический климат работы в сотрудничестве, когда одобряется даже любое частное замечание; 2) готовит материалы, вопросы, разрабатывает план работы, организует группы учащихся, работающих совместно над решением каких-либо проблем или над раскрытием темы; 3) оценивает докладчиков и контролирует отклики аудитории, управляет общим ходом дискуссии.

Мы предлагаем свой вариант педагогики сотрудничества по курсу «Филологический анализ текста». Тема занятия — «Текстовые функции уступительных высказываний в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”». Формируется подгруппа студентов, которая заранее должна выяснить роль уступительных предложений в создании художественного образа княгини А.М. Друбецкой. Он начинает открываться уже на первых страницах романа, когда Анна Михайловна приходит в салон Анны Павловны Шерер ради встречи с князем Василием Курагиным. Всем студентам предлагается раздаточный материал в виде выдержек ключевых уступительных предложений из всего текста романа. К Друбецкой относятся всего три эпизода с уступительными маркерами.

Несмотря на то, что князь Василий неохотно и почти неучтиво слушал пожилую даму, даже выказывал нетерпение, она ласково и трогательно улыбалась ему и, чтобы он не ушел, взяла его за руку.

Портфель «Анна Михайловна держала крепко, но, несмотря на то, голос ее удерживал всю свою сладкую тягучесть и мягкость».

Во время обеда Анна Михайловна говорила о слухах войны, о Николушке; спросила два раза, когда получено было последнее письмо от него, хотя знала это и прежде.

Назначается ответственный за общее выступление по анализу этих трех фрагментов. Остальные члены творческой группы дополняют основное сообщение и готовят ответы на более частные вопросы:

— как соотносятся с уступительными высказываниями ремарки автора о разной манере речи и поведении Анны Михайловны у Анны Павловны Шерер?

– характеризует ли княгиню Друбецкую личность воспитанного ею сына?
– можно ли соотнести художественные детали о Друбецкой с кинематографическими кадрами? Каким образом? С какой целью?

– каково, на ваш взгляд, отношение писателя к этой героине?

Докладчики анализируют не только значение маркеров уступки, но и миниконтекст в виде лексико-грамматического наполнения предложений, более далекий контекст, по возможности ориентируясь также на свои фоновые знания (пресуппозиции).

Первый анализируемый фрагмент с уступительным маркером связан с надеждой Анны Михайловны на протекцию князя Василия своему сыну по поводу должности гвардейского адъютанта. Докладчик активизирует студенческую аудиторию методом беседы. Он обращает внимание на три слова с приставкой НЕ (*неохотно, неучтиво, нетерпение*).

– *Какова их роль?*

– Они усиливают значение непринятого во внимание обстоятельства недвусмысленным отрицанием желания князя хлопотать за кого-то, вместо того чтобы прибегнуть к возможности просить за себя.

– *Почему же Анна Михайловна ласково и трогательно улыбалась ему?*

Не понимать своего унижительного положения в околоконфликтной ситуации общения она не могла, но интересы сына были выше самолюбия.

– *Каково ваше отношение к героине?*

Самоотверженность матери, сознательно идущей на поправку дворянского достоинства ради единственного сына, обычно вызывает сочувствие.

В сцене предсмертных минут своего дальнего родственника вельможи Кирилла Безухова Друбецкая снова активно борется, но теперь уже не за протекцию, а за мозаиковый портфельчик с завещанием, чтобы никто из близких графа не воспользовался им в своих интересах, ущемив ее собственные намерения.

– *Говорит ли читателю о чем-либо перекличка словосочетаний с ключевым смыслом «держала» («чтобы он не ушел – взяла его за руку» и «крепко держала» портфель) и неоднократные повторы лексемы «рука» в ее активном действии: «хватаясь рукой за портфель», «перехватила руку княжны», «подхватила спорную вещь»?*

Эти переклички дистантные, заметные только внимательному взгляду, но суггестивно они могут быть восприняты даже неискушенным читателем, потому как любовью смысловой, пусть недословный повтор, есть интензив, акцент, усиление, своеобразный способ давления. Очевидно, женщина своего не упустит, а кротость и мягкость ее голоса никак не соответствуют ситуации непреклонной борьбы за собственные интересы. Значит, Анна Михайловна лицемерит. В этом убеждает и ее двойной интерес к письму Николушки в разговоре с графиней Ростовой. Ведь Анна Михайловна ответ знает, но заинтересованное сочувствие могло бы укрепить дружеские связи с семьей Ростовых.

Точку над «i» в понимании образа Друбецкой ставит следующий докладчик, характеризуя сына, которого мать воспитала по своему образу и подобию.

Борис говорил себе, что он завтра сделает предложение. Но в присутствии Жюли, глядя на ее красное лицо и подбородок, почти всегда обсыпанный пудрой, на ее влажные глаза и на выражение лица, изъяслявшего всегдашнюю готовность из меланхолии тотчас же перейти к неестественному восторгу супружеского счастья, Борис не мог произнести решительного слова, несмотря на то, что он уже давно в воображении своем считал себя обладателем Пензенских и Новгородских имений и распределял употребление с них доходов <...> Несмотря на то, что Борис приехал с намерением говорить о своей любви и потому намеревался быть нежным, он раздражительно начал говорить о женском непостоянстве.

«*Борис говорил себе*» читается как «уговаривал самого себя». Глагол в словосочетании «*намеревался быть нежным*» – свидетельство искусственности чувства. Лексико-грамматический состав миниконтекстов создает семантическую оппозицию: *надо жениться ~ не хочу, не могу себя заставить*. Заставил. Эти несколько строчек Л.Н. Толстого рисуют Бориса как человека расчетливого, холодного, циничного, делающего карьеру не только за счет протекции, но и за счет выгодной женитьбы на не просто нелюбимой, но физически неприятной ему Жюли Карагиной. И так, мать и сын используют окружающих людей в качестве жизненного рычага для достижения своих корыстных интересов.

Следующий «исследователь» обращает внимание «коллег» на соотношение разбросанных в первых главах романа «Война и мир» ремарок автора по поводу поведения княгини Друбецкой. Пожилая дама («с улыбкой молодой кокетки» ?!) ласкова и трогательна, когда просит (деталь 1), «лицо ее выражает озлобление» (не огорчение или расстройство), когда ей пытаются отказать (деталь 2), наконец, лицо ее принимает «холодное, притворное выражение», когда она возвращается к ненужным ей людям салона Анны Павловны (деталь 3).

– *Не напоминают ли эти ремарки кинематографические кадры?*

Основной закон кинематографии и русской художественной литературы в ее традиции звучит как «часть вместо целого». В каждой сцене должна быть некая недоговоренность, недоданность информации. С. Эйзенштейн считал, что один кадр плюс один кадр получается не два... а нечто большее. Напрямую автор не имеет права формулировать собственные оценочные впечатления. Это убило бы художественность. Но он дает намеки в виде информативно-насыщенных художественных частных, совокупность которых формирует значимый подтекст о личности Анны Михайловны. В результате все дистантные художественные детали («кадры») складываются воедино и гармонируют с уже сложившимся впечатлением о княгине Друбецкой по анализу предложений обратной обусловленности. Уступительные маркеры как бы вступают во взаимодействие с частями речи качественного значения, создавая глубину художественного образа. Вместе с динамикой трансформации духовной сути княгини Друбецкой развивается и усложняется эстетическое восприятие этой дамы читателями романа.

Творческой группе осталось ответить на последний вопрос: как проявляется отношение автора к его «героине» и – шире – не может ли быть средствами исследованных языковых фактов в определенной мере реконструирована личность самого Л.Н. Толстого. Вспомним, что в сцене встречи Анны Михайловны с князем Василием автор «сталкивает» две реакции своих персонажей. Писатель вроде бы выступает как бесстрастный наблюдатель, но это ложное впечатление. М.М. Бахтин пишет: «Даже когда идет диалог действующих лиц и автор непосредственно не выражен, например, в случаях несогласия героев, их разных реакций, можно предугадать авторское отношение. Происходит “реакция на реакцию”» [6, с. 16].

Столкновением реакций Л.Н. Толстой реагирует на ситуацию скрытно, имплицитно, сначала незаметно склоняя читателя к сочувствию женщине. Далее он подобным же образом будет показывать неприглядные стороны Друбецкой хотя бы через ее диалог и едва ли не борьбу с княжной, защищающей пресловутый мозаиковый портфельчик. Формируется личность неоднозначная. Расценивается ли ее лицемерие и корысть как сплошная черная краска? Делает ли Анна Михайловна кому-нибудь зло? Не вызваны ли многие ее поступки извинительными обстоятельствами: обнищанием дворянского рода и тревогой за будущее единственного сына? Вопросы проблемные. Думается, что автор учитывает все обстоятельства. Во всяком случае, совершенно ясно, что в отношении писателя к княгине Друбецкой чувствуется сдержанная холодность осознания ее правды жизни. Таким образом, уступительные выс-

казывания в определенной степени становятся лингвоперсонологически отмеченными знаками. Они передают отношения, а отношения — важнейшее средство как успешности интерпретации художественного текста, так и реализации авторский установок.

Весьма интересно было бы узнать взгляд на княгиню Друбецкую молодого поколения. Школьному учителю рекомендуем провести со старшеклассниками психолингвистический эксперимент в виде ответов на умело составленный вопросник по этому поводу [7].

Последний вопрос аудитории: *как бы вы назвали функцию рассмотренных уступительных предложений в их гармонии с другими языковыми средствами?*

Ответ однозначен: характерологической. Эта функция достаточно широкая. Она включает не только характеристику героев, но и ситуаций в целом (точнее — положения дел) и в некоторой мере личности самого писателя в его оценке персонажей [8; 9].

За неимением возможности в рамках статьи описать методические подробности выяснения специфики всех других функций уступительных высказываний романа «Война и мир», приведем лишь цитаты из текста с формулировками функций уступительных конструкций, которые «добываются» студенческой аудиторией с помощью уже проиллюстрированной интерактивной методики анализа.

Что бы ни говорили и как бы ни смеялись и шутили другие, как бы аппетитно ни кушали и рейнвейн, и сое, и мороженое, как бы ни избегали взглядом эту чету, как бы ни казались равнодушны, невнимательны к ней, чувствовалось почему-то по изредка бросаемым на них взглядам, что и анекдот о Сергее Кузьмиче, и смех, и кушанье — все было притворно, а все силы внимания всего этого общества были обращены только на эту пару — Пьера и Элен.

Функция уступительного предложения интенсифицирующая (усилительная) за счет многократного дублирования маркеров обратной обусловленности.

Несмотря на афишки Ростопчина, или независимо от них, или вследствие их, самые противуречащие и странные новости передавались по городу.

Речь идет о бегстве от французов жителей Москвы. Соединение языковых сигналов прямой и обратной обусловленности разделительным союзом выполняет роль обусловленности альтернативного характера, неуверенности, непонимания...

После своего освобождения из плена он (Пьер. — З.Б., Е.К.) приехал в Орел <...>, заболел и пролежал в Орле три месяца: с ним сделалась, как говорили доктора, желчная горячка. Несмотря на то, что доктора лечили его, пускали кровь и давали пить лекарство, он все-таки выздоровел.

Функция — юмористическая.

Уступительные предложения в позиции зачина синтаксических единиц более высокого порядка, допустим ССЦ или даже главы, могут выполнять организующую структурно-семантическую роль. Они определяют развитие заявленной микротемы в последующем тексте, который содержит конкретизацию начальной фразы. Предметом анализа может быть пространное рассуждение Л.Н. Толстого о причинах военных успехов противоборствующих сторон: русской и французской.

По результатам беседы со студентами выявляется еще одна функция уступительных высказываний — экспрессивная. Она потенциально заложена уже в самой структуре непринятого во внимание обстоятельства, в его семе «вопреки», которая как бы выворачивает наизнанку прямые условно- или причинно-следственные связи. Является ли эта функция общей для всей системы уступительных высказываний? Несомненно, но каждый раз в разной мере. То же можно сказать и о функции характеризующей.

В результате делается вывод о синкретизме, диффузности обнаруженной в тексте романа «Война и мир» системе функций уступительных предложений.

Что касается эстетической роли уступительных высказываний, то она сводится 1) к их направленности на совершенство, т. е. на их целесообразное, мотивированное авторскими установками использование, исключающее все лишнее, художественно неоправданное; 2) к их эмоциональному воздействию на читателя, закодированному в прямых уступительных маркерах, в вещественном наполнении предложений, в их дистантных связях и учете экстралингвистических факторов понимания текста; 3) в их способности пробуждать интерес к чтению романа, инициируя удовольствие читателя от творческой индивидуальности Л.Н. Толстого.

Библиографический список

1. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011.
2. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 2001.
3. Бакалова З.Н. Функционально-коммуникативный аспект сочинительных конструкций художественного текста (по материалам романа М.А. Булгакова). Самара: Изд-во СГПУ, 2007.
4. Бакалова З.Н., Краснова Е.А. Художественная роль русских сочинительных союзов (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 29–35.
5. Гребенкина Л.К., Копылова Н.А. Концептуальные идеи педагогики сотрудничества как основа педагогического взаимодействия преподавателей и студентов высшего учебного заведения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 22. С. 13–24.
6. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
7. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004.
8. Краснова Е.А. Характерологическая роль уступительных высказываний в художественном тексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1–5. С. 1152–1156.
9. Краснова Е.А. Функции уступительных высказываний в художественном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 234–239.

References

1. Uryson E.V. *Opyt opisaniia semantiki soizov: Lingvisticheskie dannye o deiatel'nosti soznaniia* [Experience of description of conjunctions semantics: Linguistic data on consciousness activity]. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011 [in Russian].
2. Sheliakin M.A. *Funktsional'naia grammatika russkogo iazyka* [Functional grammar of the Russian language]. M.: Izd-vo «Russkii iazyk», 2001 [in Russian].
3. Bakalova Z.N. *Funktsional'no-kommunikativnyi aspekt sochinitel'nykh konstruksii khudozhestvennogo teksta (po materialam romana M.A. Bulgakova)* [Functional-communicative aspect of coordinative structures in a literary text (based on M. Bulgakov's novel)]. Samara: Izd-vo SGPU, 2007 [in Russian].
4. Bakalova Z.N., Krasnova E.A. *Khudozhestvennaia rol' russkikh sochinitel'nykh soizov (na materiale rasskazov V.M. Shukshina)* [Artistic function of Russian coordinative conjunctions (based on V.M. Shukshin's short stories)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2008, no. 3, pp. 29-35 [in Russian].
5. Grebenkina L.K., Kopylova N.A. *Kontseptual'nye idei pedagogiki sotrudnichestva kak osnova pedagogicheskogo vzaimodeistviia prepodavatelei i studentov vysshego uchebnogo zavedeniia* [Conceptual ideas of pedagogics of cooperation as the basis for pedagogical collaboration between university teachers and students of higher educational institution]. *Vestnik Riazanskogo*

gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina [Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin], 2009, no. 22, pp. 13-24 [in Russian].

6. Bakhtin M.M. *Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and character: philosophical foundations of the humanities]. SPb.: Azbuka, 2000 [in Russian].

7. Sigal K.Ya. *Sochinitel'nye konstruksii v tekste: opyt teoretiko-eksperimental'nogo issledovaniia (na materiale prostogo predlozheniia)* [Coordinative structures in the text: experience of theoretical and experimental research (based on simple sentence)]. M.: Gumanitarii, 2004 [in Russian].

8. Krasnova E.A. *Kharakterologicheskaiia rol' ustupitel'nykh vyskazyvanii v khudozhestvennom tekste* [Character revealing function of conjunctive statements in literary text]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, Vol. 17, no. 1-5, pp. 1152-1156 [in Russian].

9. Krasnova E.A. *Funktsii ustupitel'nykh vyskazyvanii v khudozhestvennom tekste* [Functions of concessive statements in a literary text]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2016, no. 2, pp. 234-239 [in Russian].

Z.N. Bakalova, E.A. Krasnova*

FUNCTIONS OF CONCESSIVE STATEMENTS IN A LITERARY TEXT: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

The article is carried out in keeping with functionalism as one of methodological directions of modern text linguistic and methodical orientation of collaborative pedagogics. The content of the article is dedicated to the analysis of artificial functions of concessive statements in the novel «War and Piece» by Leo Tolstoy which are considered in theoretical and methodical aspects. Concessional conjunctions are considered as one of decoding means for textual senses. The article is based on a presumption, that a subordinate part of speech in a text of a craftsman of word can become an expressive artificial detail as one of modeling means, a materialization of an author's idea and author's relation expressivity and creating of reader's impressions.

Key words: functionalism, functions of linguistic mark, concessive statements, aesthetic role, collaborative pedagogics, microsystem.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Bakalova Zinaida Nikolaevna* (abakalov1941@yandex.ru), Department of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Its Teaching, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky street, Samara, 443099, Russian Federation.

Krasnova Elena Alexandrovna (eakrasnova@mail.ru), Department of Engineering Pedagogics and Culture of Business Communication, Samara State Transport University, 18, 1-st Besymanniy per., Samara, 443066, Russian Federation.

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена изучению взаимодействия между контекстуальным содержанием цитаты и принимающего текста. В настоящее время вопрос взаимодействия дискурсов остается еще недостаточно изученным. Анализ цитаты и принимающего текста, принадлежащих разным дискурсам, предполагает обращение к предметно-референтным ситуациям и их когнитивным моделям, которые хранятся в памяти говорящих и во многом определяют семантику и прагматику взаимодействующих текстов. Авторы, в частности, обращаются к проблеме взаимодействия между когнитивными структурами дискурсов, связь между которыми устанавливается в результате включения цитаты в публицистический текст. В подобных случаях происходит сравнение когнитивных моделей ситуаций, передаваемых включенным и принимающим текстами. Один из компонентов модели выдвигается на первый план, становится доминантой, что оказывает особое влияние на интерпретацию принимающего текста и отраженной в нем ситуации.

Ключевые слова: медиадискурс, когнитивные модели ситуаций, пространственная доминанта, акциональная доминанта.

В современном англоязычном медиадискурсе журналисты часто используют интертекстуальные включения, принадлежащие иным дискурсам, с целью продемонстрировать схожие черты между разными событиями или представить одно и то же событие в разных ракурсах. Анализ взаимодействующих текстов предполагает обращение к предметно-референтным ситуациям и их когнитивным моделям, которые хранятся в памяти говорящих и во многом определяют семантику и прагматику конкретных взаимодействующих текстов. Т.А. ван Дейк полагает, что в процессе восприятия дискурса в сознании коммуникантов выстраиваются репрезентации не только текста и контекста, но также и репрезентации (в виде когнитивных моделей) событий или действий, о которых идет речь в дискурсе [1, с. 1–34]. Обобщенные представления о компонентах предметно-референтных ситуаций хранятся в памяти субъекта в виде моделей. Как показал анализ, к составляющим этих моделей относятся: *время, место, участники, их характеристики, обстоятельства, действия участников и их причинно-следственная связь, средства осуществления деятельности, результат действий*. Когнитивные модели ситуаций могут обладать достаточно сложными структурами, которые находят свое выражение в такой же сложной системе, как язык [2, с. 77].

Интенция говорящего выступает как средство создания иерархии компонентов модели, т. е. в зависимости от авторской воли один (или несколько) компонентов

---

* © Шевченко В.Д., Шевченко Е.С., 2016

Шевченко Вячеслав Дмитриевич (slash99@mail.ru), кафедра английской филологии, Шевченко Екатерина Сергеевна (slash99@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

как самой ситуации, так и когнитивной модели начинают приобретать для него особую значимость, становясь доминантами в рамках конкретной предметно-референтной ситуации. Компонент ситуации считается доминантой в том случае, если говорящий намеревается сконцентрировать внимание реципиента на определенном референте. Создание иерархии ведет к выдвиганию на первый план тех или иных содержательных компонентов текста при помощи средств языка. Как отмечают Р. Томлин и др., «обычно в рамках связанного дискурса один из референтов становится центральным и отражается в дискурсивных пропозициях» [3, с. 89].

При включении цитаты в состав принимающего текста происходит взаимодействие двух иерархически организованных моделей ситуаций. В результате установления связей между основными элементами содержания взаимодействующих текстов проявляются черты сходства/различия между доминантными компонентами предметно-референтных ситуаций, как правило, относящихся к разным культурно-историческим периодам. Данный процесс включает несколько этапов. На начальном этапе автор принимающего текста обнаруживает черты сходства/различия в разных ситуациях. При восприятии включенного и принимающего текстов реципиентом в его памяти происходит актуализация когнитивных моделей ситуаций, отраженных в этих текстах. Затем происходит поиск общих компонентов в разных ситуациях и, соответственно, общих (доминантных) компонентов в разных моделях, а также рассматривается их текстовое выражение. В результате взаимодействия текстов ситуация, передаваемая включенным текстом, накладывается на ситуацию принимающего текста. Одна ситуация рассматривается через призму другой, контраст между ними помогает лучше познать ситуацию, передаваемую принимающим текстом. Как пишет П. Рикер, «значащий дискурс и есть *hermenkia*, именно он “интерпретирует” реальность даже тогда, когда в нем сообщается “что-то о чем-то”» [4, с. 5].

На доминанту, т. е. наиболее важный для автора компонент передаваемых ситуаций, указывает смысл интекста. В интерферирующих дискурсах доминанты реализуются путем повтора лексических единиц, эксплицитного или имплицитного выражения, использования синонимичных и антонимичных лексических единиц и др. Языковые средства реализации доминант отличаются друг от друга в зависимости от правил, действующих в интерферирующих дискурсах. Материал исследования показывает, что в качестве основных доминант выступают пространственная доминанта и акциональная доминанта [5, с. 44–53].

Пространственная доминанта может выделяться при помощи следующей структуры сочетания языковых элементов: *Adj (оценочный элемент) + N (существительное пространственной семантики)*. В статье “*When Japan was a Secret*”, посвященной истории взаимоотношений западных стран с Японией в 19-м веке, в качестве оценочного элемента в цитате выступает сложное прилагательное, метафорически обозначающее отношение к контактам с другими культурами и содержащее отрицательный оценочный компонент значения: “*If that double-bolted land, Japan, is ever to become hospitable, it is the whale-ship alone to whom the credit will be due; for already she is on the threshold*”. — *Herman Melville, “Moby Dick”, 1851. The first English-language teacher to come to Japan landed in a tiny skiff, but before he did so, Ranald MacDonald pulled the bung from his boat in order to half-swamp her, in the hope of winning over locals with a story that he had come as someone who had fled the cruel tyrannies of a whale-ship captain and then been shipwrecked*” (The Economist, December 22nd, 2007, p. 88). В этом примере компонент «место» (*Japan*) является связующим звеном между разными событиями, одно из которых принадлежит художественному дискурсу. Совпадение компонента «место» в рамках двух ситуаций выделяет его среди других составляющих отражаемых ситуаций. С точки зрения риторики, фрагмент другого дискурса, в котором место становится объектом внимания другого автора, используется для де-

тального, многостороннего представления доминантного компонента, что способствует осознанию реципиентом ее роли в том или ином событии.

В статье *“Gently does it”*, посвященной отношениям между США и Мексикой, в качестве оценочного элемента во фрагменте включенного дискурса также выступает оценочное прилагательное; пространственное значение передается посредством имени собственного, обозначающего место в пространстве: *“Poor Mexico, so far from God and so close to the United States”*. *The remark of Porfirio Diaz, Mexico’s long-serving 19th-century president, has become the even longer-serving cliché of choice for Mexico’s complex and unequal relationship with its gigantic northern neighbour*” (The Economist, December 5th, 2009, p. 82). В цитате средствами передачи пространственного значения служат также лексические единицы *far* и *close*.

Как показывает материал исследования, цитаты, манифестирующие иные дискурсы, используются для выделения компонента «место» в когнитивных моделях ситуаций с целью перехода к событиям, связанным с этими местами; на основе событий месту и приписывается та или иная характеристика. Таким образом, в рассмотренных примерах мы сталкиваемся с актуализацией *событийно-ориентированных* моделей ситуаций, при реализации которых компонент «место» выделяется с целью указания на событие/события, произошедшее в нем. Следует отметить, что само место не является каузатором происходивших в нем событий.

В качестве языковых средств, обладающих пространственным значением, выступают лексические единицы с локативным значением, а также используются единицы, обозначающие особенности ландшафта в той или иной точке пространства. Так, например, в статье *“Unseen Sahara”* об исследованиях, проводящихся в пустыне Сахара, такое существительное пространственной семантики, как *desert*, сочетается с метафорическим оценочным элементом: *“Ibrahim al-Koni, Libya’s leading novelist, was raised as a Tuareg in the Fezzan. In his book “The Bleeding of the Stone”, he quotes a Sufi song:*

The desert is a true treasure
for him who seeks refuge
from men and the evil of men.
In it is contentment,

in it is death and all you seek” (National Geographic, October 2009, p. 108).

В этом фрагменте песенного текста существительное пространственной семантики *the desert* сочетается с метафорическими оценочными элементами, обозначающими отношение участника (автора песни) к месту (пустыне). Место становится доминантой, поскольку оно является каузатором событий, связанных с проведением научных исследований в пустыне Сахаре, которые описаны в принимающем тексте, относящемся к публицистическому дискурсу: *“David Mattingly heads a team of scholars on the Desert Migrations Project, whose work takes us to prehistory. They are time travelers who use four-wheel-drive vehicles to navigate the Sahara looking for traces of our forebears. <...> In the southwest part of Libya, a region called Fezzan is the beating heart of the Sahara, an inaccessible place full of sand seas, wadis, mountains, plateaus, oases, and mystery. Between 500 B.C. and A.D. 500 an estimated 100,000 people farmed and thrived here, in an area that typically receives less than an inch of rain a year and many years none at all”* (National Geographic, October 2009, p. 107). В подобных случаях мы имеем дело с реализацией *локально-ориентированных* когнитивных моделей ситуаций, в которых место является каузатором событий, происходивших в нем. Детальное описание ландшафта в принимающем дискурсе посредством ряда существительных пространственной семантики (*sand seas, wadis, mountains, plateaus, oases*) способствует выделению доминантного компонента «место». В языковой структуре высказывания оценочные элементы являются именной частью составного сказуемого: *N* (существительное пространственной семантики) + *is* + *Adj* (оценочный элемент) + *N* (оценочный элемент).

Информирование о действиях – одна из самых важных задач в рамках публицистического дискурса, поскольку ход и исход событий зависит прежде всего от действий участников разных ситуаций. Для выделения этой доминанты авторы статей также используют включения, принадлежащие иным дискурсам.

Как показал анализ материала, выражение акциональной доминанты происходит посредством включений, содержащих языковые средства, обозначающие субъект, действие, выполняемое им, а также объект действия. В качестве субъекта могут выступать как отдельные личности, так и различные по своему составу группы людей. Основная нагрузка по выражению акциональной доминанты ложится на глагол, поскольку «глагол выступает не только как связующее звено, но и как член двух отношений: ‘субъект – действие’ и ‘действие – объект’» [6, с. 97]. Такой компонент, как действия субъекта обозначается посредством акциональных глаголов, обозначающих различные виды действий, глаголов движения и т. п.

Цитаты, репрезентирующие различные дискурсы, включаются в состав современных публицистических статей с целью выделения акциональной доминанты ситуаций, которой являются, в основном, агрессивные действия, либо действия военного характера по отношению к объектам действий, в качестве которых выступают участники противоборствующей стороны.

Рассмотрим пример из статьи *“It’s a Mad, Mad, Mad, Mad World”*, речь в которой идет об истории военного конфликта между британскими военными и повстанцами-мусульманами в Сомали: *“Some have memorized verses of a classic Somali poem written by the mullah. The gruesome ode is addressed to Richard Corfield, a British political officer who commanded troops on this dusty edge of the empire. The mullah instructs Corfield, who was slain in battle, on what he should tell God’s helpers on his way to hell. “Say: ‘In fury they fell upon us.’/Report how savagely their swords tore you”. The mullah urges Corfield to explain how he pleaded for mercy, and how his eyes “stiffened” with horror as spear butts hit his mouth, silencing his “soft words”. Say: ‘When pain racked me everywhere/Men lay sleepless at my shrieks.’” Hyenas eat Corfield’s flesh, and crows pluck at his veins and tendons. The poem ends with a demand that Corfield tell God’s servants that the mullah’s militants “are like the advancing thunderbolts of a storm, rumbling and roaring”* (Newsweek, October 12, 2009, p. 40). Для выделения компонента «действия» в когнитивной модели ситуации автор использует цитату, репрезентирующую поэтический дискурс, которая содержит акциональные глаголы, обозначающие агрессивные и военные действия участников по отношению к объекту – противоборствующей стороне (***In fury they fell upon us; Report how savagely their swords tore you; Spear butts hit his mouth.*** В данном случае акциональная доминанта также выделяется посредством повелительного наклонения, указывающего на необходимость совершения действия.

Акциональная доминанта может выделяться и при помощи модальных средств, выражающих необходимость совершения действия субъектом. Рассмотрим пример из уже упоминавшейся статьи *“When Japan was a secret”*: *“Though British and Russian ships had from time to time prodded Japan’s carapace, an edict in 1825 spelled out what would happen to uninvited guests “demanding firewood, water and provisions”: The continuation of such insolent proceedings, as also the intention of introducing the Christian religion having come to our knowledge, it is impossible to look on with indifference. If in future foreign vessels should come near any port whatsoever, the local inhabitants shall conjointly drive them away; but should they go away peaceably it is not necessary to pursue them. Should any foreigners land anywhere, they must be arrested or killed, and if the ship approaches the shore it must be destroyed”* (The Economist, December 22nd, 2007, p. 88).

Во фрагменте юридического дискурса, репрезентируемого включенной в публицистический текст цитатой, действие участников описываемой ситуации является доминантой, поскольку в этом типе дискурса одни участники (законодатели) предписывают

совершение определенных действий другим участникам (гражданам страны) по отношению к иностранцам, пытавшимся попасть в Японию в XIX веке (объект действий). Как отмечалось выше, в языковом плане это предписывание осуществляется посредством модальных глаголов (*inhabitants shall conjointly drive them away, they must be arrested or killed, it must be destroyed*), что обусловлено правилами, действующими во включенном типе дискурса, в котором детальное отражение находит категория долженствования. Языковые особенности цитаты позволяют сделать вывод о различных субъектных позициях и статусах участников юридического дискурса, в частности, о позиции «представитель этноса, подчиняющийся его законам». Кроме того, цитата демонстрирует царившее в то время в Японии отношение к представителям других этносов, действия которых потребовали принятия специального указа.

Согласно результатам исследования, такой компонент, как место, выделяется в медиа-дискурсе для того, чтобы указать на события, происходившие в нем [7, с. 137–139]. В рамках разных дискурсов место, являясь доминантой, становится связующим звеном между разными событиями. Выделение пространственной доминанты происходит путем приписывания месту той или иной оценки, являющейся целью участника публицистического дискурса и средством выделения компонента «место» в моделях передаваемых ситуаций. В цитатах, репрезентирующих иные дискурсы, соответствующий смысл выделяется путем сочетания существительного пространственной семантики с оценочными элементами.

Усиление смысла, связанного с акциональной доминантой, происходит путем использования включений, содержащих языковые средства, обозначающие субъект, действие, выполняемое им, а также объект действия; кроме того, эта доминанта реализуется путем использования повелительного наклонения, средств передачи модальности.

Библиографический список

1. Dijk T.A. van. *The Study of Discourse // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume I.* Ed. by Teun A. van Dijk. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1998. P. 1–34.
2. Searle J.R. *The Construction of Social Reality.* N. Y.: The Free Press, 1995.
3. Tomlin R.S., Forrest L., Pu M.M., Kim M.H. *Discourse Semantics // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume I.* Ed. by Teun A. van Dijk. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998, pp. 63–111.
4. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: АО «Ками», Издательский центр «Academia», 1995.
5. Шевченко В.Д. Пространственная и хронологическая доминанты в дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. Вып. 3 (19). С. 44–53.
6. Варшавская А.И. *Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка).* Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984.
7. Шевченко Е.С. Мимесис и перформанс в современной монодраме // «Наука и культура России»: международная научно-практическая конф. (2013; Самара). X Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 27–29 мая 2013 г. [посвящ. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: материалы] / редкол.: И.К. Андрончев [и др.]. Т. 2. Самара: СамГУПС, 2013. С. 137–139.

References

1. Dijk T.A. van. *The Study of Discourse.* In: *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume I.* Ed. by Teun A. van Dijk. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998, pp. 1-34 [in English].
2. Searle J.R. *The Construction of Social Reality.* New York: The Free Press, 1995 [in English].
3. Tomlin R.S., Forrest L., Pu M.M., Kim M.H. *Discourse Semantics.* In: *Discourse as Structure*

and Process. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume I*. Ed. by Teun A. van Dijk. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998, pp. 63-111 [in English].

4. Рісњур Р. *Germenevtika. Etika. Politika. Moskovskie leksii i interv'iu* [Hermeneutics. Ethics. Politics. Moscow lectures and interviews]. M.: AO «Kamii», Izdatel'skii tsentr «Academia», 1995 [in Russian].

5. Shevchenko V.D. *Prostranstvennaia i khronologicheskaia dominanty v diskurse* [Spatial and chronological dominant components in discourse]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki: Ezhekvartal'nyi nauchnyi zhurnal. Vyp. 3 (19). Pod red. dokt. filol. nauk, prof. T.Iu. Tamer'ian; Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova* [The Urgent Problems of Philology and Pedagogical Linguistics: Quarterly academic journal. Issue 3(19). T.Yu. Tameryan (Ed.); North-Ossetian State University]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2015, pp. 44-53 [in Russian].

6. Varshavskaya A.I. *Smyslovye otnosheniia v strukture iazyka (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka)* [Semantic relations within the language structure (on the material of the modern English language)]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984 [in Russian].

7. Shevchenko E.S. *Mimesis i perfomans v sovremennoi monodrame* [Mimesis and performance in the modern monodrama]. In: «*Nauka i kul'tura Rossii*», *Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konf. (2013; Samara). X Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia «Nauka i kul'tura Rossii», 27-29 maia 2013 g. [Tekst]: [posviashch. Dniu slavianskoi pis'mennosti i kul'tury pamiati sviatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiia: materialy]. Tom 2. Redkol.: I.K. Andronchev [i dr.]* [«Science and culture of Russia», International scientific conference (2013, Samara). X International research and practice conference «Science and culture of Russia», May 27-29, 2013: [devoted to the Day of Slavic literature and culture in the remembrance of the saints equal to the apostles Cyril and Methodius: proceedings]. Vol. 2. I.K. Andronchev [et al.] (Ed.). Samara: SamGUPS, 2013, pp. 137–139 [in Russian].

V.D. Shevchenko, E.S. Shevchenko*

COGNITIVE DOMINANT COMPONENTS IN THE DISCOURSE

The paper is devoted to the problem of interaction between the cognitive structures of discourses connected by means of a citation in the media text. Nowadays the issue of interaction of discourses is still understudied. The analysis of citation and the receiving text, belonging to different discourses suggests an address to the presentive and referential situations and their cognitive models, which reside in the memories of the speakers and to a great extent determine the semantics and pragmatics of interacting texts. The authors, in particular, refer to the issue of interaction between cognitive structures of discourses, the connection between which is established as a result of inclusion of a citation in the publicistic text. In such cases the cognitive models of situations rendered by a citation and a receiving text are compared. One of the components of a model is foregrounded and becomes dominant, thus influencing interpretation of the receiving text and situation rendered by it.

Key words: media discourse, cognitive models of situations, spatial dominant component, action dominant component.

Статья поступила в редакцию 23/VII/2016.

The article received 23/VII/2016.

---

* Shevchenko Vyacheslav Dmitrievich (slash99@mail.ru), Department of English Philology, Shevchenko Ekaterina Sergeevna (slash99@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК МАТЕРИАЛ ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос об использовании авторского словотворчества как школьного дидактического материала, помогающего осмыслить сложные вопросы словообразования, а также делается обзор современных школьных учебников русского языка с позиции наличия в них теоретических сведений и практических заданий по авторской неологии. Проанализированы школьные учебники русского языка для 10–11 классов, составленные в соответствии с новыми федеральными государственными образовательными стандартами основного общего образования. В статье делаются выводы о пригодности авторской неологии в качестве материала по словообразованию и его дидактическом потенциале, на сегодняшний день оставшемся практически невостребованным в школьной практике.

Ключевые слова: авторская неология, окказиональное слово, словообразование, школьный учебник русского языка, дидактический потенциал.

Авторская неология в качестве объекта изучения в школьной практике выступила сравнительно недавно, и это вполне объяснимо: она была не в достаточной степени изучена, и сами авторские неологизмы зачастую рассматривались как «нарушители» языковых стандартов. Однако за последнее время под влиянием социокультурных и информационных факторов ситуация заметно изменилась: авторские неологизмы в большом количестве встречаются в художественных, публицистических, рекламных текстах. По словам С.В. Ильясовой, которая даже характеризует современное состояние авторской неологии как *лавинобразное словотворчество*, «конец XX – начало XXI вв. отмечены значительными изменениями в общественной жизни, приведшими, в свою очередь, к языковым изменениям. Применительно к лексике можно говорить о лексическом взрыве, неогенном буме» [1, с. 539]. Как результат сформировался и ряд вопросов, связанных с авторской неологией, которые было бы полезно и даже необходимо разъяснять школьникам при изучении русского языка, среди которых одним из основных является отграничение авторского неологизма от собственно неологизма.

Вследствие сказанного материал по авторской неологии постепенно начал проникать в школьную практику изучения русского языка. Сегодня это происходит в разных формах: в виде материала отдельных уроков, специальных курсов, исследовательских проектов. Доклады по авторской неологии ежегодно представляются на школьных конференциях различного уровня. Примечательно, что авторский неологизм может изучаться как с позиций словообразования, так и как выразительное и

---

* © Семеновская С.А., 2016

Семеновская Светлана Алексеевна (sv.seed77@gmail.com), кафедра русской филологии и медиаобразования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

текстообразующее средство, как черта авторского стиля мастера слова, что делает его объектом исследования, благоприятно влияющим на сближение русского языка и литературы как учебных дисциплин.

Однако спецкурсами дело не ограничивается: информация об авторской неологии в качестве материала для изучения наконец попадает и в школьный учебник русского языка, что само по себе является знаменательным событием. По меткому выражению М.В. Панова, «с помощью методики происходит как бы госприемка того или иного построения лингвистов» [2, с. 309]. И в данном случае госприемка состоялась: школьные учебники русского языка 2000-х годов содержат в себе информацию об авторских неологизмах.

В каких учебниках, в какой форме и при изучении каких разделов русского языка мы можем найти эту информацию? Прежде всего отметим, что изучение такого во многих отношениях сложного явления, как авторская неология, возможно лишь тогда, когда учащиеся обладают базовыми знаниями, умениями и навыками, связанными со словообразованием, включая, разумеется, владение системой способов словообразования и понимание сути словообразовательного анализа. Поскольку авторский неологизм — это лексический факт, некое «слово», учащийся должен иметь представление и о лексической системе, в том числе о лексике, имеющей определенные ограничения в употреблении и в первую очередь, конечно, иметь представление о том, что такое новая лексика и лексика устаревшая (неологизм — архаизм, историзм). Поскольку авторский неологизм бытует в тексте, где выполняет определенные функции, учащийся должен обладать навыками анализа текста. Все сказанное, на наш взгляд, вполне четко определяет место авторской неологии как объекта изучения в школьном учебнике: это учебники русского языка для старших классов, которые работают в направлении систематизации уже имеющихся знаний по всем разделам русского языка.

Нами были проанализированы четыре учебника по русскому языку для старших классов, активно используемые учителями-словесниками. Это учебник «Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи» А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой, «Русский язык. 10–11 классы» В.В. Бабайцевой, «Русский язык. 10–11 классы» В.Ф. Грекова, С.Е. Крючкова, Л.А. Чешко и «Русский язык. 10–11 классы» Н.Г. Гольцовой и И.В. Шамшина.

Анализ учебников показывает, что вопрос об авторских неологизмах может рассматриваться при изучении двух разделов русского языка: «Лексика», а также «Морфемика и словообразование». Такое распределение материала по разделам вполне логично и закономерно вытекает из обозначенных выше аспектов изучения индивидуально-авторского словотворчества, хотя в ряде учебников авторский неологизм рассматривается только как лексическое явление.

При изучении лексики русского языка авторские неологизмы, как правило, рассматриваются в теме «Устаревшая лексика и неологизмы». При изучении словообразования к авторским неологизмам обычно обращаются уже после обобщения знаний о способах словообразования.

Рассмотрим, как дается этот материал в разных школьных учебниках. В учебнике «Русский язык. 10–11 классы» Н.Г. Гольцовой и И.В. Шамшина четко разграничиваются языковые и индивидуально-авторские неологизмы. Первые, подчеркивают авторы учебника, постепенно утрачивают свою новизну и становятся частью лексического запаса языка. Вторые являются словотворчеством поэта или писателя и создаются с определенной стилистической целью [3, с. 28]. В разделе «Морфемика и словообразование» теоретические сведения об авторских неологизмах уже не даются, но есть упражнения, материалом которых является индивидуально-авторское словотворчество. Они позволяют учащимся понять назначение авторских неологизмов

в художественных текстах, а также увидеть, как создаются такие слова. Всего авторами учебника предлагаются три таких задания. Перечислим их. В упр. 42 предлагается выписать 5–10 примеров индивидуально-авторских неологизмов из произведений поэтов Серебряного века. В упр. 43 учащихся просят ответить на вопрос: являются ли названия песенок Винни-Пуха (*шумелки, пыхтелки, сопелки, кричалки*) индивидуально-авторскими неологизмами. В упр. 80 предлагается прочитать предложения и выписать из них окказиональные слова (индивидуально-авторские неологизмы). Языковым материалом последнего упражнения являются выдержки из произведений, относящихся, в основном, к Серебряному веку русской поэзии. Все эти сведения и упражнения сохранены в изданиях учебника разных лет.

В старой (до введения ФГОСов нового поколения) версии учебника А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой сделана попытка развести понятия «неологизм» и «индивидуально-стилистический (индивидуально-авторский) неологизм». К сожалению, авторы учебника изложили теорию невнятно: в учебнике сказано, что «есть неологизмы, созданные писателями» [4, с. 45], но остается неясным, как они соотносятся с неологизмами. В новой же версии учебника, переработанной в соответствии с требованиями ФГОСов, отсутствует не только приведенная выше информация, но даже и определение понятия неологизм: авторы вскользь упоминают о том, что к пассивному запасу лексики относятся недавно вошедшие в язык слова. Следующее за теоретическим блоком упражнение № 68 имеет своей задачей разграничение неологизмов, устаревших слов и общеупотребительных слов. Итак, в новой версии учебника информация об авторской неологии по неким неясным причинам остается вне поля зрения учащихся.

В достаточной степени четкие сведения об авторской неологии содержатся в новых изданиях учебника В.Ф. Грекова, С.Е. Крючкова, Л.А. Чешко. Они связываются с изучением темы «Употребление устаревших слов и неологизмов». Отметим, что авторы разводят понятия *неологизм* и *индивидуально-авторский неологизм*, что важно, поскольку неологизм со временем входит в лексическую систему языка и утрачивает новизну, тогда как авторский неологизм характеризуется синхронно-диахронной диффузностью. В учебнике отмечается, что «новые слова – неологизмы – могут намеренно создаваться авторами в различных стилистических целях, для большей выразительности речи...» [5, с. 53]. В качестве примеров приводится авторский неологизм Вл. Маяковского *разулыбить* (*Разулыбьте сочувственные лица*). В учебнике такие явления именуется индивидуально-авторскими неологизмами. Авторами подчеркивается, что «...подобные неологизмы остаются лишь в пределах данного произведения, являясь индивидуальной особенностью стиля автора» [5, с. 54], хотя иногда и со временем проникают и в словарный состав языка.

Теоретический материал об авторской неологии подкрепляется практическим заданием. В упр. 73 предлагается проанализировать предложения на предмет наличия в них неологизмов (в том числе и индивидуально-авторских). Предполагается, что школьники должны отличить собственно неологизмы от неологизмов индивидуально-авторских, например: 1) *У нас природа грустнее, лиричнее, левитанистее* (индивидуально-авторский неологизм); 2) *Красочные, ярко освещенные витрины экспоцентра привлекают внимание множества москвичей и гостей столицы* (неологизм) [5, с. 56].

В учебнике В.В. Бабайцевой «Русский язык. 10–11 классы», который рассчитан на углубленное изучение курса, теоретические сведения об авторских неологизмах отсутствуют, но есть три задания, относящиеся в учебнике к разделу «Словообразование». В упр. 217 предлагается найти окказионализмы в предложениях, определить способы их образования и выделить в них морфемы. В упр. 218 предлагается выписать не менее десяти окказионализмов Вл. Маяковского, определить способ их образования, выделить морфемы и оценить эти окказионализмы (под словом «оценить»

вероятно, имелась в виду оценка стилистического эффекта авторских неологизмов). В упр. 219 предлагается обозначить морфемы в авторских новообразованиях, приведенных в литературе для детей. Также требуется ответить на вопросы: понятны ли эти слова детям и с какой целью они используются [6, с. 248–250].

Итак, мы проанализировали сведения об авторских неологизмах, как они даются в разных школьных учебниках. Возникает вопрос: много ли этих сведений или мало? С одной стороны, их, пожалуй, довольно много, учитывая особый статус окказионального слова в лексике и дериватологии русского языка. С другой стороны, по нашему мнению, потенциал авторских неологизмов как учебного материала раскрыт не в достаточной мере: почти во всех учебниках авторский неологизм рассматривается с позиции лексики и, если говорить шире (т. е. о школьной практике вообще), с точки зрения изобразительно-выразительной роли в тексте. Словообразовательный же аспект их изучения часто обходится стороной. Это имеет под собой определенные основания: авторский неологизм – лексический факт, который, с определенными оговорками, может входить в лексику, ограниченную в употреблении (конечно, не так, как, например, специальная лексика [7, с. 280–282] или лексика диалектная [8, с. 178–183], но как лексика, ограниченная авторским творчеством и текстом, в котором она «работает»). В этом смысле внимание к авторской неологии может проявляться, например, уже на начальных этапах филологического анализа текста – при лингвистическом комментировании непонятных школьнику слов [9, с. 308–312].

И все же словообразовательный аспект изучения авторской неологии также необходимо учитывать в школе. С этой точки зрения наиболее удачен учебник В.В. Бабайцевой, где авторские неологизмы рассматриваются не только как факты лексики, но и как результат процесса словопроизводства.

Дидактический потенциал авторской неологии мы видим и в разъяснении на ее примере сложных вопросов словообразования, поскольку именно на примере авторских неологизмов хорошо видно, что от чего образуется. Например, затруднения у учащихся вызывают словообразовательные пары типа *синь* – *синий*, т. к. в подавляющем большинстве известных им случаев производное слово сложнее по структуре, чем производящее, в отличие от случаев обратного словообразования (нулевой суффикс в производном существительном школьнику, как правило, просто не видят). Сопоставление же авторского неологизма как производного слова с производящим (например, авторский неологизм И. Северянина *влажь*, образованный путем нулевой суффиксации от канонического слова *влажный*) позволяет более четко показать учащимся, как образуются подобные слова именно на сравнении общеязыкового, привычного, и индивидуально-авторского, нового [10, с. 9, 19].

Итак, сам факт включения авторского неологизма в материалы школьного учебника русского языка свидетельствует о внимании носителей языка к этому явлению и делает его объектом изучения в школьной практике. Однако в основном авторский неологизм рассматривается в учебнике как некое «новое слово». На наш взгляд, использование авторской неологии в школьной практике в качестве дидактического материала может быть значительно расширено за счет рассмотрения ее не только с позиций текстообразующей роли, но и как продукта словопроизводства.

Библиографический список

1. Ильясова С.В. Феномен лавинообразного словотворчества (на материале языка современных СМИ) // Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. ст. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2011. С. 539–542.
2. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007. 848 с.

3. Гольцова Н.Г., Шамшин И.В. Русский язык. 10–11 классы. М., 2014. 448 с.
4. Власенков А.И., Рыбченкова Л.М. Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи: учеб. для 10–11 кл. М., 2007. 383 с.
5. Греков В.Ф., Крючков С.Е., Чешко Л.А. Русский язык. 10–11 классы. М., 2013. 368 с.
6. Бабайцева В.В. Русский язык. 10–11 кл. М., 2015. 448 с.
7. Орлова Н.М. «Лихая колей болезней»: медицинская лексика в газетном тексте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5–1. С. 280–282.
8. Мурзаева Т.И. Функции диалектизмов в рассказах А.И. Солженицына // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 178–183.
9. Семеновская С.А. Лингвистическое комментирование как компонент анализа художественного текста // La identidad nacional a del travems del diamlogo entre culturas / Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Исследования в области гуманитарных наук в иберо-американском и российском научном пространстве: в 2 т. Т. 2. Ростов н/Д.; Кадис: Изд-во Южного федерального университета, 2015. С. 308–312.
10. Хромова [Семеновская] С.А. Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту (На материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина): автореф. дис ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.

References

1. Il'jasova S.V. *Fenomen lavinoobraznogo slovotvorchestva (na materiale iazyka sovremennykh SMI)* [Phenomenon of avalanche word creation: on the material of media language]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniia: sbornik nauchnykh statei* [Topical issues of Russian word formation: collection of scientific articles]. Kemerovo: Izd-vo KemGU, 2011, pp. 539–542 [in Russian].
2. Panov M.V. *Trudy po obshchemu iazykoznaniiu i russkomu iazyku. T. 2* [Works on general linguistics and Russian language. Vol. 2]. М.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2007, 848 p. [in Russian].
3. Goltsova N.G., Shamshin I.V. *Russkii iazyk. 10-11 klassy* [Russian language. 10-11 classes]. Moskva, 2014. 448 p. [in Russian].
4. Vlasenkov A.I., Rybchenkova L.M. *Russkii iazyk: grammatika. Tekst. Stili rechi: ucheb. dlia 10-11 kl.* [Russian language: grammar. Text. Functional styles of language: textbook for 10–11 classes]. М., 2007, 383 p. [in Russian].
5. Grekov V.F., Kryuchkov S.E., Cheshko L.A. *Russkii iazyk. 10-11 klassy* [Russian language. 10-11 classes]. М., 2013, 368 p. [in Russian].
6. Babaiceva V.V. *Russkii iazyk. 10-11 klassy* [Russian language. 10-11 classes]. М., 2015, 448 p. [in Russian].
7. Orlova N.M. «*Likhaia koleia boleznei*»: *meditsinskaia leksika v gazetnom tekste* [“The hard track of diseases”: medical lexis in newspaper text]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Topical issues of humanitarian and natural sciences], 2015, no. 5-1, pp. 280–282 [in Russian].
8. Murzaeva T.I. *Funktsii dialektizmov v rasskazakh A.I. Solzhenitsyna* [Functions of dialecticisms in stories of A.I. Solzhenitsyn]. In: *Predlozhenie i slovo: paradigmaticeskii, tekstovyi i kommunikativnyi aspekty: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Sentence and word: paradigmatical, textual and communicative aspects: interacademic collection of scientific works]. Saratov, 2000, pp. 178-183 [in Russian].
9. Semenovskaja S.A. *Lingvisticheskoe kommentirovanie kak komponent analiza khudozhestvennogo teksta* [Linguistic commenting as a component of textual analysis]. In: *La identidad nacional a del travems del diamlogo entre culturas. Natsional'naia identichnost' skvoz' prizmu dialoga kul'tur: Issledovaniia v oblasti gumanitarnykh nauk v ibero-amerikanskom i rossiiskom nauchnom prostranstve: v 2-kh tomakh. T. 2* [National identity through the lens of civilized dialog: Studies in humanitarian sciences in Ibero-American and Russian science area: in 2 Vols. Vol. 2]. Rostov-on-Don – Kadis: Izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, pp. 308–312 [in Russian and Spanish].
10. Hromova [Semenovskaja] S.A. *Individual'no-avtorskoe slovotvorchestvo v ego otnoshenii k iazykovomu slovoobrazovatel'nomu standartu (Na materiale proizvedenii K. Bal'monta i I. Severianina). avtoref. dis ... kand. filol. nauk* [Individual word creation in its relation to language

word-formative standard (On the material of K. Balmont and I. Severyanin texts). Extended abstract of Candidate's of Philological sciences thesis. Saratov, 2007 [in Russian].

S.A. Semenovskaja*

INDIVIDUAL NEOLOGISMS AS A MATERIAL OF THE SCHOOL TEXTBOOK OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the use of individual word creation as didactic material that helps to comprehend some problems in word-formation. It also highlights modern school textbooks of the Russian language from the perspective of the theoretical knowledge and practical tasks related to individual neology. School textbooks of the Russian language (10-11 classes) drawn up in accordance with the Federal State Educational Standards of the General Education are analyzed. In the article conclusions about availability of individual neology as material for word-formation study and its almost unclaimed didactic potential at the classes of Russian are made.

Key words: individual neology, occasional word, word-formation, school textbook of the Russian language, didactic potential.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Semenovskaja Svetlana Alekseevna* (sv.seed77@gmail.com), Department of Russian Philology and Media Education, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

КИНОФИЛЬМ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ

В статье обсуждается дидактический потенциал художественных кинофильмов на занятиях по коммуникативным курсам в высшей школе. Кинофильм не только выступает как средство, обеспечивающее наглядность обучения, но и является богатым материалом для коммуникативного анализа, позволяющего студентам осознать сложные феномены коммуникативной науки. В статье дается описание поэтапной работы с фильмами-экранизациями, направленной на рассмотрение разных аспектов коммуникативного взаимодействия (вербального, невербального и паравербального) в их взаимосвязи. Представлен опыт использования художественных кинофильмов-экранизаций по роману И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на занятиях по курсу «Введение в теорию коммуникации».

Ключевые слова: кинофильм, коммуникативное образование, коммуникативное поведение, невербальное поведение, манипуляция, межкультурная коммуникация.

Сегодня в российской системе высшего образования все больше внимания уделяется коммуникативному обучению, проявляющееся в установке на формирование коммуникативной компетентности учащихся, во внедрении различных коммуникативных дисциплин, в интерактивных формах и методах обучения. Однако коммуникативное обучение в России очень молодо и еще только приобретает свой статус. Так, современное состояние этой области характеризуется недостаточной разработкой концептуальных вопросов, теоретической базы, педагогико-методического наполнения. Кроме того, в зарождающихся дисциплинах преобладает лингвистический компонент, в то время как другие области коммуникации «непредставлены» [1]. В этом отношении особую актуальность приобретают исследования и технологии, которые бы учитывали разные аспекты коммуникативной деятельности. Одним из направлений в этой области является использование визуализации в обучении, которая, как показывают экспериментальные исследования, способна обеспечить более высокий уровень знаний у студентов по коммуникативным курсам [2, с. 289].

Цель данной работы — показать дидактические возможности использования художественных кинофильмов в практике преподавания коммуникативных дисциплин и представить алгоритм работы с данным средством обучения.

Накопленный опыт использования кинофильмов в практике преподавания показал, что они обладают большими дидактическими возможностями. Кинофильмы на занятиях стимулируют произвольное запоминание материала, эмоциональную и интеллектуальную деятельность; мобилизуют и организуют речевую активность обучающихся, обмен мнениями; формируют личностное отношение; оказывают эстетич-

---

* © Шумкина И.В., 2016

Шумкина Инна Викторовна (inshuu@yandex.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ческое воздействие. Кроме того, кинофильмы служат «генератором мотивации учебного процесса» [3], позволяющим варьировать виды учебной деятельности [4, с. 188], а также развивать культурологическую компетенцию учащихся [5, с. 155].

Важным методическим фактором при использовании кинофильмов является целевая установка, от которой зависит речевая, когнитивная и эмоциональная реакция студентов. Выделяется два вида установки в учебном процессе — глобальное восприятие фильма и «восприятие того, что задано» [6, с. 77]. В случае применения кинофильмов на занятиях по коммуникативным дисциплинам наиболее эффективным будет второй вид установки, делающий процесс восприятия более упорядоченным и целенаправленным.

В современной практике преподавания социогуманитарных дисциплин просмотр кинофильмов предполагается, как правило, на лекционных занятиях, где они выполняют иллюстративную функцию [7]. Мы предлагаем использовать отрывки из художественных фильмов как материал для анализа на семинарских занятиях. Обращение к такому средству обучения в рамках коммуникативных дисциплин было продиктовано стремлением найти инструмент, позволяющий студентам рассматривать сложные коммуникативные феномены в действии и в их взаимосвязи.

Материалом для рассмотрения в данной статье будет отрывок из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», а также три экранизации этого произведения. Данный материал используется нами в рамках семинарского занятия при комбинированном изучении тем «Стратегии межличностного взаимодействия», «Манипуляции в речи», «Невербальные и паравербальные аспекты общения», «Межкультурная коммуникация и проблемы перевода» в рамках курса по основам теории коммуникации.

Итак, мы выделили несколько этапов в процессе работы с кинофильмом-экранизацией: подготовительный, демонстрационно-описательный, обобщающе-аналитический.

На *подготовительном* этапе студенты знакомятся с отрывком из произведения. В данном случае это сцена первой встречи Остапа Бендера и Ипполита Матвеевича (завершение главы 5 и глава 6 романа). После прочтения студентам необходимо разделить предложенный для анализа фрагмент на части. В основе каждой части должен находиться тот или иной «коммуникативный шаг», который делает главный герой, чтобы добиться своей основной цели. Как правило, каждая часть представляет собой мини-диалог двух героев, где Бендер реализует определенную коммуникативную тактику, а Воробьянинов на нее реагирует.

Например, в начале рассматриваемой сцены после «заявления» дворника Тихона о том, что барин приехал из Парижа, Бендер активно начинает «приручать» Воробьянинова. Сначала он, поддерживая субординацию, вступает в разговор, проявляя гостеприимство, ср.: «У нас хотя и не Париж, но милости просим к нашему шалашу». Далее после возражения Ипполита Матвеевича («Я вовсе не из Парижа») главный герой соглашается и сам дает ответ, почему Воробьянинов приехал в город, тем самым как бы оправдывая последнего: «Конечно, вы приехали из Кологрива навестить свою покойную бабушку».

Таким образом, первый коммуникативный шаг Бендера представляет собой «приручение жертвы», реализующийся в проявлении гостеприимства, соглашательства, оправдания. Подробный анализ взаимодействия двух героев — характеристика приемов психологического воздействия «великого комбинатора» и защиты от манипуляции его жертвы — представлен в работе Е.Л. Доценко [8].

Как видим, подготовительный этап концентрируется вокруг вербальной стороны коммуникации. Стоит отметить, что в тексте данного фрагмента романа очень немногочисленны характеристики невербального поведения персонажей; можно попросить студентов их выделить и объяснить, насколько выделенные характеристики помогают составить коммуникативный портрет каждого героя.

На следующем — *демонстрационно-описательном* — этапе происходит знакомство и последовательный анализ эпизодов из двух наиболее заметных отечественных

экранизаций романа. Перед каждым просмотром ставится задача обратить внимание на невербальное и паравербальное поведение героев, отметить наиболее характерные для данного фрагмента позы, мимику, жесты и интонацию.

Первоначально к рассмотрению предлагается кинофильм Леонида Гайдая (1971 г.) с Арчилом Гомиашвили в главной роли. После просмотра, как правило, студенты отмечают следующие черты невербального поведения главного героя: *подбегает спешно к вошедшему, берет под локоть, гостеприимно берет вещи у вошедшего, пожмывает руку, заботливо поправляет галстук собеседника, слегка смеется, временами улыбается и говорит шепотом, в момент кульминации слегка давит голосом, уводит собеседника в укромное место, как бы скрывая от ГПУ*, и др.

Далее обращаемся к экранизации Марка Захарова (1976 г.) с Андреем Мироновым в главной роли. Коммуникативный портрет Бендера в данном случае характеризуется так: *чеканит фразы; жесткая напирательная интонация; иронические ухмылки; запугивающие приемы (грохот падающей посуды); сидит на столе, склоняясь над собеседником; пристально смотрит в глаза; холодное выражение лица; говорит быстро, кричит* и др.

На *обобщающе-аналитическом* этапе студентам необходимо сравнить просмотренные фрагменты и определить, какой тип манипулятора представлен в разных экранизациях. Исходя из анализа невербальных особенностей, студенты делают вывод, что Бендер в исполнении Арчо Гомиашвили — это мягкий, ловкий манипулятор, вызывающий симпатию, тогда как манипулятор Андрея Миронова предстает жестким, подавляющим, агрессивным. Получается, что невербальное поведение отражает психологические установки персонажей, которые при наличии одной и той же вербальной составляющей могут значительно различаться. Кроме того, один и тот же прием (например, в обеих экранизациях Бендер *берет собеседника под локоть*) в разных контекстах взаимодействия может иметь разные смысловые оттенки. Отметим, что в этом же русле может проходить и анализ коммуникативного поведения Воробьянинова.

Исследователи не раз отмечали роль фильмов в формировании межкультурной компетенции, однако в основном применительно к изучению иностранных языков [9]. На наш взгляд, при осмыслении теоретических вопросов межкультурной коммуникации фильмы также оказываются эффективны. В связи с этим в процесс работы над кинофильмами по роману И. Ильфа и Е. Петрова мы предлагаем ввести фрагмент из фильма американского режиссера Мэла Брукса (1970 г.).

Анализируя коммуникативное поведение персонажей в американской экранизации, отмечаем, что герои сильно стереотипизированы в манерах и поведении: перед нами идеальный русский дворянин, скорбящий об утрате, и авантюрист романтического вида. Исходный текст разговора двух персонажей сильно изменен, из него убраны почти все детали, имеющие культурно-бытовые особенности. Фактически Бендер здесь уже не предстает искусным манипулятором, использующим разные приемы речевого воздействия (поток информации, нелогичные утверждения), он сразу проявляет открытое доминирование: силой отбирает у Воробьянинова список с указанием сокровищ и угрожает доносом. Кульминация разговора, когда Ипполит Матвеевич решается все рассказать, представляет собой перебрасывание короткими репликами со стороны обоих персонажей, ср.: <начинает Бендер> *Я пошел. — Стойте, поговорим. — О чем? — Об этом. — Об этом? — О ситуации. — Я пошел. — Стойте* и под.

После анализа коммуникативного поведения героев будет целесообразно обратиться к обсуждению следующих вопросов: Проявление каких национальных стереотипов вы отметили в данном фрагменте? Почему исходный текст романа был сильно изменен в этой экранизации? Какой тип манипулятора представлен в данном случае? Какой из трех представленных манипуляторов вам импонирует, почему? При ответах на данные вопросы затрагиваются проблемы этностереотипов, восприятия чужой культуры, адекватности перевода.

Таким образом, мы видим, что кинофильм-экранизация предоставляет большие возможности в преподавании дисциплин коммуникативного характера. Студенты могут рассматривать разные аспекты межличностного взаимодействия в их взаимосвязи. Так, параллельно с анализом вербальной структуры высказывания, которая традиционно ставится на первый план, происходит оценка невербальной и паравербальной стороны взаимодействия. Как правило, последние существенным образом влияют на понимание смысла высказывания и определение психологических установок взаимодействующих субъектов. Использование кинотекста, в котором «вербальные действия героев часто вторичны и невербальное поведение <...> имеет главенствующую роль» [10, с. 101], позволяет рассматривать функционирование того или иного невербального приема в общем контексте взаимодействия. При таком рассмотрении становится понятно, что значение невербальной единицы может существенно трансформироваться в зависимости от ситуации ее употребления.

Кинофильм, который представляет собой иностранную экранизацию художественного произведения, может стать основой для изучения вопросов межкультурной коммуникации. Его использование на занятии, во-первых, даст возможность студентам ощутить отличия в восприятии текста людей, имеющих разную национальную идентичность. Во-вторых, это позволит затронуть ключевые вопросы коммуникативной науки — феномены смыслопорождения и понимания — и проанализировать коммуникативные барьеры, препятствующие адекватному пониманию. В-третьих, на основании проведенного анализа студенты смогут осознать любой текст как сложную семиотическую структуру, рассчитанную на разные уровни восприятия.

Библиографические список

1. Матяш О.И., Биби С.А. Коммуникативное образование в России: история и современность // Сибирь. Философия. Образование. 2003. № 7. С. 60–76.
2. Сидельникова Т.Т. Потенциал и ограничения визуализации как метода изучения социально-гуманитарных дисциплин // Интеграция образования. 2016. № 2 (83). С. 281–293.
3. Beacco J.C. Qu'est-ce que l'éducation plurilingue? // Le français dans le monde. 2008. Janvier–février. № 355. P. 40–41.
4. Планкова В.А. Практический аспект проблемы использования видеофильмов при обучении аудированию на старшей ступени обучения // Magister Dixit. 2011. № 4. С. 188–199.
5. Воробьева Г.В., Батурина Л.А. Роль аудиовизуальных средств обучения в процессе преподавания русского языка как иностранного (из опыта работы) // Известия ВолгГТУ. 2012. № 10. С. 153–155.
6. Бегийович О.С. Кино в обучении иностранным языкам // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2009. № 2 (135). С. 75–77.
7. Ибраев И.К., Ибраева О.Т. Методика проведения кинофицированных занятий // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 3-2. С. 48–50.
8. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 2000. С. 252–261.
9. Дармилова С.В. Использование художественных фильмов в процессе формирования межкультурной и коммуникативной компетенции в вузе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2009. № 3. С. 197–200.
10. Носов Н.М. Теоретические основы специфики внутрикадровой речи героя художественного фильма // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 6. С. 95–102.

References

1. Mat'jash O.I., Bibi S.A. *Kommunikativnoe obrazovanie v Rossii: istoriia i sovremennost'* [Communication studies in Russia: history and modernity]. *Sibir'. Filosofiiia. Obrazovanie* [Siberia. Philosophy. Education], 2003, no. 7, pp. 60–76 [in Russian].
2. Sidel'nikova T.T. *Potentsial i ogranicheniia vizualizatsii kak metoda izucheniia sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin* [Potential and limitations of visualization as a method in learning social

sciences and humanities]. *Integratsiia obrazovaniia* [Integration of Education], 2016, no. 2(83), pp. 281-293 [in Russian].

3. Beacco J.C. *Qu'est-ce que l'éducation plurilingue? Le français dans le monde*, 2008, Janvier-fevrier, no. 355, pp. 40-41 [in French].

4. Plankova V.A. *Prakticheskii aspekt problemy ispol'zovaniia videofil'mov pri obuchenii audirovaniu na starshei stupeni obucheniia* [Practical aspect of video-film usage when teaching auditing at senior training stage]. *Magister Dixit* [Magister Dixit], 2011, no. 4, pp. 188-199 [in Russian].

5. Vorob'eva G.V., Baturina L.A. *Rol' audiovizual'nykh sredstv obucheniia v protsesse prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo (iz opyta raboty)* [Role of audiovisual means of training during teaching Russian as foreign (from an experience of work)]. *Izvestiia VolgGTU* [Izvestia VSTU], 2012, no. 10, pp. 153-155 [in Russian].

6. Begijovich O.S. *Kino v obuchenii inostrannym iazykam* [Movie in teaching foreign languages] in *Vestnik JuUrGU. Serija: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2009, no. 2(135), pp. 75-77 [in Russian].

7. Ibraev I.K., Ibraeva O.T. *Metodika provedeniia kinofitsirovannykh zaniatii* [Procedure of filmed lessons]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovani* [International journal of applied and fundamental research], 2014, no. 3-2, pp. 48-50 [in Russian].

8. Docenko E.L. *Psikhologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. M.: CheRo, Izd-vo MGU, 2000, pp. 252-261 [in Russian].

9. Darmilova S.V. *Ispol'zovanie khudozhestvennykh fil'mov v protsesse formirovaniia mezhekul'turnoi i kommunikativnoi kompetentsii v vuze* [Use of feature films during formation of intercultural and communicative competence in higher school]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [The Bulletin of the Adyge State University. Series 3: Pedagogy and Psychology], 2009, no. 3, pp. 197-200 [in Russian].

10. Nosov N.M. *Teoreticheskie osnovy spetsifiki vnutrikadrovoy rechi geroia khudozhestvennogo fil'ma* [Theoretical basics of particularity of intraframe speech of character in a feature film]. *Sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniia, gumanitarnye nauki i iurisprudentsiia: teoriia i praktika* [Social and economic researches, humanities and law: theory and practice], 2016, no. 6, pp. 95-102 [in Russian].

I.V. Shumkina*

MOVIE AS LEARNING TOOL IN TEACHING COMMUNICATION AT THE UNIVERSITY LEVEL

The article discusses the didactic potential of a cinema at the lessons of communication courses in higher school. Movie is used not as a learning tool for illustrative purpose, and also it is data for communicative analysis which can help students in understanding complicated phenomena of communication studies. The author presents a description of phase-by-phase work with film adaptations aimed at analyzing of different aspects of communicative interaction (verbal, non-verbal, paraverbal) and their interaction. The paper summarizes experiences of using three movies adaptations of a classic novel by I. Ilf and E. Petrov «The twelve chairs» at the lessons of the course «Introduction to the theory of communication».

Key words: movie, communicative education, communicative behavior, non-verbal behavior, manipulation, cross-cultural communication.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.

The article received 06/VI/2016.

---

* Shumkina Inna Viktorovna (inshuu@yandex.ru), Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В КОММУНИКАЦИИ КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В статье ономаσιологическая стратегия предлагается в качестве методологической основы презентации коммуникативной функции языка с позиции номинатора – инициатора коммуникативного процесса, в том числе и для обучения владения языком как средством общения. Нами показаны этапы ономаσιологического процесса, которыми следует номинатор – адресант информации, начиная от источника гносеологического процесса – объективной действительности. Перед проецированием воспринятых фрагментов действительности на языковое выражение номинатор-адресант классифицирует воспринятое в соотношении с имеющимися в его языковом сознании прототипами и концептуализирует их. В проекции на языковое выражение, сформированное концептуальное содержание становится означаемым знакового языкового выражения. Поиск адекватной формы выражения – языкового означающего – производится номинатором, исходя из степени его владения языком со всей системой средств выражения.

Ключевые слова: денотат, языковой знак, номинация, коммуникативный акт, концептуализация.

При теоретическом анализе и описании реализации коммуникативной функции языка важен выбор методологической стратегии описания. Традиционно различают два подхода к анализу и описанию процесса коммуникации: с позиции говорящего (адресанта коммуникации) и с позиции реципиента коммуникации (адресата). В самом коммуникативном акте выбор стратегии участниками коммуникативного акта строго детерминирован и зависит от исполнения коммуникантами роли говорящего или реципиента, так как в процессе коммуникации они могут постоянно меняться ролями.

Этот выбор важен также и при определении методологии обучения активному владению языком. Активное владение языком означает умение общаться на языке, т. е. умение формировать мысли на языке (кстати говоря, не только иностранном, но и на своем родном), т. е. выступать в роли адресанта-номинатора передаваемого в коммуникативном акте внеязыкового содержания.

В сосюррианский период развития лингвистической теории этапы речевой деятельности, предваряющие говорение, обычно не рассматривались, так как это было время внутренней лингвистики. В настоящее время, когда лингвистическая теория вышла на просторы внешней лингвистики – прагматики, психолингвистики, антропологической лингвистики, – пришло время анализировать на новой теоретической основе роль сознания при актуализации языка в коммуникативной речевой деятельности, которую Ф. де Соссюр обозначает термином *langage* [13, с. 21–31].

---

* © Кручинкина Н.Д., 2016

Кручинкина Нина Дмитриевна (ndk-07@mail.ru), кафедра романской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Без участия языкового сознания невозможным был бы и процесс означивания, так как говорящий именуется при помощи языковых средств результат своего непосредственного или дистантного по времени восприятия реальной действительности в ее субстанциальных и событийных проявлениях [3, с. 264–265; 8, с. 48]. В этой связи уместным будет процитировать Г.В. Колшанского, который характеризует комплексный характер процесса означивания: «Само именованье есть не только процесс обозначения, но одновременно и процесс познания и коммуникации, поэтому от структуры именованья зависит адекватность передачи информации, выраженной в языковой форме» [2, с. 68].

В настоящее время при исследовании процесса коммуникации лингвисты не ограничиваются анализом использования коммуникантами внутрilingвистических языковых средств в их речевой вариантности. В современных исследованиях рассматривается вся поэтапность процесса речепорождения со стороны говорящего и все этапы языковой деятельности реципиента.

Говорящий (адресант) в своей предваряющей речевую номинацию деятельности при спонтанном проявлении коммуникативной интенции воспринимает некий фрагмент реальной действительности, который затем классифицирует в соотношении с имеющимися в его языковом сознании прототипами событий и концептуализирует их [4, с. 834–835]. Затем, исходя из уровня знаний родного языка и в зависимости от уровня фоновых знаний адресата о внешнем мире [5, с. 297], он находит в языковом сознании соответствующие формы языкового выражения. Оформление мыслей по законам используемого языка называют деятельностью кодирования. Кодифицирующая деятельность говорящего, таким образом, означает номинативную деятельность. В связи с этим стратегия деятельности говорящего является номинативной, ономазиологической.

В кодифицирующей (номинативной, ономазиологической) деятельности говорящего воспринятое сознанием экстралингвистическое содержание оформляется в знаки, именуемые денотаты, в направлении от осмысленной говорящим содержательной структуры воспринятого к поиску соответствующей адекватной формы выражения. Получивший название, обозначение денотат проникает в сознание реципиента через посредство языкового выражения передаваемого адресантом содержания.

Выделение ономазиологической и семасиологической стратегий как стратегий коммуникантов в коммуникативном акте наблюдается в ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов.

Так, Л.А. Новиков в «Семантике русского языка» рассматривает в качестве двух подходов ономазиологический, связанный с именуемой функцией языка, и семасиологический. Эти два подхода он связывает и с коммуникативным актом, в котором каждый из коммуникантов использует, в зависимости от выполняемой роли, ономазиологическую или семасиологическую стратегию, соответственно, речепроизводства или речевосприятия [6, с. 79–85]. Д. Герертс, С. Гронделерс также говорят об ономазиологии и семасиологии как о двух подходах к анализу и презентации знаков [9, с. 26–44].

В.В. Богданов весьма точно подметил инициативную роль говорящего в коммуникативном акте: «Говорящий – это точка отсчета в вербальной коммуникации. Именно он задает стратегию общения» [1, с. 206].

В декодирующей деятельности реципиента смысловое восприятие начинается с соотнесения языкового имени отраженной реалии (денотата, номината) с закрепленным за этим именем значением и через него направлено к смыслу или к концепту о соответствующем референте.

Декодирующая деятельность реципиента, таким образом, является деятельностью осмысления, интерпретации информации, получаемой через посредство языкового

оформления передаваемого адресантом-номинатором контента. Р. Якобсон поэтому язык называет кодом, кодовым образованием [7, с. 236, 312–315], так как без знания конкретного языка, т. е. его фонетического, грамматического, лексического кода, невозможно понять передаваемую адресантом информацию.

Наибольшую известность получила дефиниция языка Ф. де Соссюром, который представил язык как систему знаков. Сам знак, в его понимании, двусторонен, и каждая его сторона неразрывно связана с другой: эти две стороны и названы им таким образом, что название одной составляющей неизменно ассоциируется со второй. Графически знак изображен Ф. де Соссюром в виде окружности с разделенной на две равные составляющие стороны знака: означаемое (понятие, концепт) и означающее (акустический образ). Важно добавить, что Ф. де Соссюр, говоря о языке как системе знаков, даже графически содержательную сторону знака, его означаемое ставил в иерархически управляющую означаемым позицию. Объясняя свое определение языка как системы знаков, он добавлял мысль о том, что эти знаки выражают мысли («*La langue est un système de signes exprimant des idées*» [13, с. 33].

Две возможные стратегии использования знака – ономазиологическая и семасиологическая – в труде Ф. де Соссюра были представлены в графической форме в виде зона направленных стрелок [13, с. 99].

Взрослая языковая личность в своем языковом сознании содержит концептуальный образ тех событий, явлений, фактов, который в процессе коммуникации она означает наиболее адекватным языковым способом. Это может быть прямая, наиболее простая, прототипическая трансляция или вариантная репрезентация [4, с. 835; 5, с. 295–298; 12, с. 269–271]. Например, событие зрительно воспринимаемой адресации, т. е. передачи некоего предмета одним лицом (адресантом) другому (адресату) и событийный концепт прототипа такого события могут быть означены во французском языке изофункционально и изоморфно: *La mère achète le portable à son fils.* – *Мать покупает сотовый телефон сыну.* При изменении интенции фокусировки события может быть использован пропозитивный грамматизованный (*Le portable du fils est acheté par sa mère.* – *Сотовый телефон сыну куплен матерью*) или лексикализированный в глагольном предикате конверсив: (*Le fils reçoit le portable de sa mère.* – *Сын получает сотовый телефон от матери*).

На наш взгляд, ономазиологическую стратегию как наиболее продуктивную можно использовать и при обучении общению на иностранном языке. Эта методология используется в разговорниках и при интенсивном обучении языку даже взрослых [10; 11; 14].

Взрослая языковая личность обладает определенными фоновыми знаниями об окружающем мире [5, с. 297], поэтому она проходит более короткий путь от концептуализации воспринимаемого событийного мира к построению грамматически и семантически правильных фраз. Это обеспечивается и владением основами пропозитивной семантической грамматики своего родного языка, что может проецировать в сознании это знание по принципу аналогии или в сравнении на языковую систему изучаемого иностранного языка. Учебники обучения общению на иностранном языке используют методику интенсивного обучения, т. е. ономазиологическую стратегию.

Так как основной функцией любого языка является функция коммуникации, а в ее социальном плане функция общения, в учебниках текстовая часть представлена в виде диалогов. В диалогах предложены стереотипные ситуации, в которых происходит общение в реальной действительности, начиная с ситуаций знакомства. При этом все социально ориентированные ситуации соотношены с базовыми методическими принципами *Кого учить? Чему учить? Для чего учить?* Соответственно, в предисловии обязательно эксплицируется: для кого предназначен учебник (для какой возрастной категории, целевой аудитории, в том числе и профессиональной, для

какого предварительного знания языка и для овладения каким уровнем владения языком по завершении работы по данному учебнику).

Так как естественный процесс общения на иностранном языке не может обойти этап предварительного звукового восприятия, каждый учебник имеет звуковое, а в последнее время во многих случаях и видеоприложение. Наряду с этим в учебно-методический комплекс входит рабочая тетрадь для работы с языковым обеспечением коммуникации и в последнее время дополнительная тетрадь для упражнений непосредственно по коммуникативному обеспечению общения (*Cahier d'activités*). В такой функции может выступать и дополнительное звуковое приложение к этой тетради.

Для того чтобы воспроизводимые диалоги не были просто вопросно-ответной формой воспроизведения, с начального этапа обучения они должны включать ситуативные клише и отражать этикетные формы общения в их конкретном языковом выражении. Лексика, фонетика и грамматика в этом случае выступают лишь подсобным материалом, своего рода языковым инструментом.

Библиографический список

1. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 280 с.
2. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 232 с.
3. Кручинкина Н.Д. Концептуализация денотата и его языковая репрезентация // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 263–274.
4. Кручинкина Н.Д. Концептуализация и категоризация предметно-событийного мира в языковой репрезентации // Когнитивные исследования языка. Вып. XX: От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 826–836.
5. Кручинкина Н.Д. События картины мира и событийные концепты в пропозитивной репрезентации // Лингвистика XXI века. М.: Флинта-Наука, 2014. С. 292–298.
6. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш. школа, 1982. 272 с.
7. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
8. Allan K. A history of semantics // *The Routledge Handbook of Semantics* / ed. by N. Riemer. Routledge handbooks in linguistics: N.Y., 2016. P. 48–68.
9. Geeraerts D. and Grondelaers S. Dirven R. and Verspoor M. What's in a word? *Lexicology // Cognitive Exploration of Language and Linguistics*. Vol. 1. Amsterdam; Philadelphia, 2004. P. 25–48.
10. Martins C., Mabilat J.-J. *Conversations: pratiques de l'oral*. P.: Didier, 2003. 224 p.
11. Mérioux R., Loiseau I. *Connexions. Méthode de français. Niveau 1*. P.: Didier, 2004. 196 p.
12. Newman J. Semantic shift // *The Routledge Handbook of Semantics* / ed. by N. Riemer. N.Y., 2016. P. 266–280.
13. Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. P.: Payot, 1997. 523 p.
14. Valette J.-P., Valette R. M. *Contacts. Langue et culture françaises*. Boston: Heinle, 2014. 618 p.

References

1. Bogdanov V.V. *Predlozhenie i tekst v soderzhatel'nom aspekte* [Sentence and text in a meaningful aspect]. SPb.: Izd-vo S-Peterburg. un-ta, 2007, 280 p. [In Russian].
2. Kolshanskii G.V. *Sootnoshenie sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v iazyke* [Correlation of subjective and objective factors in the language]. M.: Nauka, 1975, 232 p. [in Russian].
3. Kruchinkina N.D. *Kontseptualizatsiia denotata i ego iazykovaia reprezentatsiia* [Conceptualization of denotation and its linguistic representation]. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. XIII: Mental'nye osnovy iazyka kak funktsional'noi sistemy* [Cognitive research of language. Issue XIII: Mental basics of language as a functional system]. M.: In-t iazykoznaniiya РАН; Tambov: Izdat. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2013, pp. 263–274 [in Russian].

4. Kruchinkina N.D. *Kontseptualizatsiia i kategorizatsiia predmetno-sobytiinogo mira v iazykovoii reprezentatsii* [Conceptualization and categorization of object-event world in linguistic representation]. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. XX: Ot kognitivnoi lingvistiki k kognitivnomu terminovedeniiu* [Cognitive research of language. Issue XX: From cognitive linguistics to cognitive studies of terminology]. M.: In-t iazykoznaniiia RAN; Tambov: Izdat. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015, pp. 826–836 [in Russian].
5. Kruchinkina N.D. *Sobytiia kartiny mira i sobytiinye kontsepty v propozitivnoi reprezentatsii* [Events of the world picture and event concepts in propozitive representation]. In: *Lingvistika XXI veka* [Linguistics of the XXI century]. M.: Flinta-Nauka, 2014, pp. 292–298 [in Russian].
6. Novikov L.A. *Semantika russkogo iazyka* [Semantics of the Russian language]. M.: Vyssh. shkola, 1982, 272 p. [in Russian].
7. Iakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. M.: Progress, 1985, 455 p. [in Russian].
8. Allan K. *A history of semantics*. In: *The Routledge Handbook of Semantics/Ed. by N. Riemer*. Routledge handbooks in linguistics: NY, 2016, pp. 48-68 [in English].
9. Geeraerts D. and Grondelaers S., Dirven R. and Verspoor M. *What's in a word? Lexicology*. In: *Cognitive Exploration of Language and Linguistics Vol. 1*. Amsterdam/Philadelphia, 2004, pp. 25–48 [in English].
10. Martins C., Mabilat J.-J. *Conversations: pratiques de l'oral*. P.: Didier, 2003, 224 p. [in French].
11. Mérieux R., Loiseau I. *Connexions. Méthode de français. Niveau 1*. P.: Didier, 2004, 196 p. [in French].
12. Newman J. *Semantic shift*. In: *The Routledge Handbook of Semantics/Ed. by N. Riemer*. N.Y., 2016, pp. 266–280 [in English].
13. Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. P.: Payot, 1997, 523 p. [in French].
14. Valette J.-P., Valette R.M. *Contacts. Langue et culture françaises*. Boston: Heinle, 2014, 618 p. [in French].

N.D. Kruchinkina*

ONOMASIOLOGICAL STRATEGY IN COMMUNICATION AS A DYNAMIC PROCESS

In the article the onomasiological strategy is offered as a methodological basis for the presentation of the communicative function of language from the perspective of the nominator – the initiator of the communication process, including for the training of language as a means of communication. We show the stages of onomasiological process, followed by a nominator – sender of information from the source of epistemological process to the objective reality. Before projecting perceived fragments of reality into linguistic expression–nominator sender classifies perceived in relation to the means at its linguistic consciousness prototypes and conceptualizes them. In the projection on the linguistic expression, formed conceptual content of the sign becomes a signifier of linguistic expression. Finding of an adequate form of expression – language meaning – is made by the nominator based on the degree of proficiency with all the means of expression system.

Key words: referent, language sign, denomination, communicative act, conceptualization.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Kruchinkina Nina Dmitrievna* (ndk-07@mail.ru), Department of Romance Philology, Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya street, Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВИДОВ НОМИНАЦИИ ИЗВЕСТНЫХ ЛИЦ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

В статье рассматривается функционирование различных видов номинаций известных лиц в публицистическом дискурсе. Материалом послужили именованные известные лица, зафиксированные в современной прессе. Затрагиваются вопросы контекстуального варьирования официальных и неофициальных наименований, выявляются закономерности их употребления в современной газетной речи. В работе отмечаются стилистические особенности функционирования газетных номинаций. Выявляется специфика употребления разных видов наименований лиц в различных коммуникативных ситуациях. Отмечается последовательное использование двучленной номинации по имени и фамилии в официальной коммуникации, употребление в качестве неофициальных обозначений именованных с помощью прозвищ.

Ключевые слова: номинация лиц, газетная речь, коммуникативная ситуация, публицистический дискурс, экспрессия.

Современный публицистический дискурс включает разнообразные типы номинации. Коммуникативная установка автора газетного материала обуславливает выбор конкретного наименования известного лица. Каждая номинация способна варьироваться в зависимости от положения в тексте и выражаемой оценки.

Вопросам номинации лиц в публицистической речи посвящены работы Н.И. Формановской [1], О.А. Давыдовой [2], Л.А. Батуриной [3] и др. Г.Я. Солганик говорит о двух важнейших характеристиках публицистической речи: текстовой модальности и степени стандартизованности. Ученый пишет: «Речь заключает в себе индивидуальное и типовое, в ней реализуются категория автора, авторский замысел, стиль и многие другие особенности. Речь отражает языковые устремления, стилевую манеру публициста. В основе публицистической речи лежит мысль, стремящаяся обрести отточенную, в идеале афористическую форму. Однако это и речь личностная, потому эмоциональная» [4, с. 23]. В работе «О структуре речи (категории производителя и субъекта речи)» Г.Я. Солганик отмечает, что в публицистическом стиле «производитель речи совпадает с ее субъектом. И в этом принципиальное отличие публицистики от художественной речи, главная особенность этого стиля, главная причина его воздействия, силы и выразительности» [5, с. 99].

В исследованиях, посвященных изучению политического дискурса, выделяются его лексико-семантические характеристики: выразительность, стандартизованность, концептуализация, ритуализованность, персуазивность [6, с. 11].

Базой для нашего анализа послужили материалы газеты «Комсомольская правда» за 2015–2016 годы.

---

* © Зарипова В.М., 2016

Зарипова Венера Масхутовна (vns5.85@mail.ru), кафедра издательского дела и книгораспространения, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Определив типы именованных в газетной речи, мы постарались выявить виды экспрессии, выражаемые ими, а также охарактеризовать коммуникативные ситуации, в которых они функционируют.

Широко распространенные и устойчивые в современной газетной речи обозначения лица по имени и фамилии являются нейтральными и общеупотребительными вариантами. Использование нейтральных номинаций характерно для официальной коммуникации. Например: *Одним из пунктов программы Владимира Путина в Санкт-Петербурге в понедельник стал Эрмитаж, где открылся IV Международный культурный форум, посвященный 70-летию ЮНЕСКО* (КП. 16.12.2015); *Как сообщили в пресс-службе президента, 3 декабря в Кремле Владимир Путин обратится с Посланием к Федеральному собранию* (КП. 01.12.2015); *Встреча Владимира Путина с президентом Армении Сержем Саргсяном началась с взаимных дипломатических любезностей* (КП. 09.09.2015); *В понедельник Дмитрий Медведев прибыл с официальным визитом в Китай* (КП. 15.12.2015).

Официальное обозначение, включающее не только полную форму имени и фамилию, но и развернутое или лаконичное указание социального статуса лица, совмещает стилистическую и идентифицирующую функции. Например: *Вице-премьер РФ Ольга Голодец доложила Владимиру Путину об итогах поступлений в вузы в этом году* (КП. 30–31.10. 2015); *На 2016 год следует сверстать реалистичный бюджет. Об этом заявил премьер Дмитрий Медведев на экономическом совещании в понедельник* (КП. 09.09.2015); *— Ситуация меняется не в лучшую сторону, — заявил в субботу министр финансов Антон Силуанов* (КП. 15.12.2015); *Премьер поддержал предложение главы Минэкономразвития Алексея Улюкаева не сокращать бюджетные расходы на создание в моногородах территорий опережающего развития (ТОР)* (КП. 24.07.2015); *Доходы бюджетников обсуждали в закрытой части совещания. Свет пролил вышедший к прессе глава Минтруда Максим Топилин* (КП. 30.10.2015).

Двучленная номинация по имени и фамилии соседствует в газетных публикациях с однословными наименованиями по фамилии или с обозначениями дискурсивно известного социального статуса лица. Так, подобное чередование отмечается в информационных сообщениях: *У Владимира Путина есть традиция: каждый год в честь Дня Конституции он летит в Санкт-Петербург и встречается с судьями Конституционного суда. <...> Мы знаем, что здесь ничего нового не придумали, многие европейские страны идут, по сути, по тому же пути, заметил Путин* (КП. 16.12.2015); *Владимир Путин подписал закон о заморозке накопительной части пенсии в 2016 году. <...> Президент подписал и закон о повышении минимальной оплаты труда.* (КП. 16.12.2015); *— Мы с вами еще говорили о сборах в пенсионную систему, — напомнил Владимир Путин. <...> О том, что нужно сформировать единый механизм администрирования платежей, Путин заявил в декабре, в Послании Федеральному собранию* (КП. 19.01.2016); *Расходы бюджета придется резать, от части проектов отказаться или отложить их на более поздние сроки. Об этом заявил Дмитрий Медведев на совещании с вице-премьерами и министрами экономического блока правительства <...> Эти меры позволят существенно обновить автопарк <...>, — объяснил Медведев цели поддержки автопрома* (КП. 19.01.2016). Однословные именованные оказываются достаточными для обозначения лица, известного широкой аудитории. С.С. Гусева, рассматривая средства номинации одного и того же лица в художественном тексте, использует понятие номинативная парадигма, под которым понимает «ряд номинаций одного лица в тексте» [7, с. 189]. Можно предположить, что данное понятие применимо и к публицистическому тексту.

Экспрессивные номинации такие, например, как прозвища, имеющие ярко выраженный оценочный характер, фиксируются в рассматриваемой газете в различных публикациях. Х. Вальтер и В. Мокиенко в Предисловии к Большому словарю рус-

ских прозвищ отмечают, что группа прозвищ известных деятелей и знаменитостей «характеризуется тем, что из-за широкой известности объекта номинации прозвища в какой-то мере утрачивают (или отражают в ослабленном виде) такое категориальное свойство, как корпоративность или камерность, т. е. знак принадлежности к относительно узкому социуму» [8, с. 13]. Так, единичное именование известного лица с помощью узуального прозвища [9, с. 453] используется в представленном издании в репортаже об открытии в Екатеринбурге Ельцин-центра: *Глава «Роснано» Анатолий Чубайс пришел без галстука, но с женой-телеведущей Дуней Смирновой. Главному приватизатору России в Ельцин-центре посвящен не один стенд. Кстати, Чубайс был одним из спонсоров, вложивших деньги в центр* (КП. 27–28.11.2015). Ведущими в данном тексте являются официальные номинации по имени и фамилии, часто — с протокольным указанием должности лица, а также обозначения только по фамилии. Так, в начале рассматриваемой публикации приводится полная номинация известных лиц с указанием социального статуса: *В среду в Екатеринбурге заработал первый в истории России президентский центр — Ельцин-центр. На его открытие приехали президент Владимир Путин, премьер Дмитрий Медведев, глава кремлевской администрации Сергей Иванов*. В конце текста — лаконичная номинация, включающая только один элемент — фамилию: *После Путина и Медведева к микрофону вышла Наина Ельцина* (КП. 27–28.11.2015).

В следующей публикации неофициальная номинация с помощью прозвища используется в сильной позиции текста — в заголовке: *Одесса-мама, Мишико-подкидыш и грандиозный кипеж* (КП. 08.09.2015). В лиде употребляется традиционная для современной газетной речи номинация по имени и фамилии — «КП» *решила подвести первые итоги губернаторства в Одессе Михаила Саакашвили, внезапно назначенного на этот пост 30 мая 2015 года* (КП. 08.09.2015). Прозвище многократно повторяется в самой публикации, чередуясь с неофициальной номинацией только по имени и официальными обозначениями по имени и фамилии, только по фамилии: *Ведь оценка правления Мишико в Одессе началась уже на следующее утро после его назначения. <...> Да и вообще поматросит Миша Одессу и уедет следующей весной покорять Киев* (КП. 08.09.2015).

Как видно из примера, экспрессивное обозначение известного лица с помощью прозвища чередуется в тексте публикации с нейтральными номинациями по имени и фамилии, которые дополнены указанием социального статуса. В.Г. Костомаров, характеризуя конструктивно-стилевой вектор массовой коммуникации, отмечает, что «суть ее КСВ <...> сводима к упорядоченному чередованию экспресsem и стандартов...» [10, с. 184]. Так, благодаря официальной номинации происходит идентификация лица, а неофициальная выражает авторскую оценку. Как показал материал, неофициальное обозначение является либо доминирующим, либо единичным употреблением в тексте. Преобладание в публикации неофициальных наименований придает ей соответствующую эмоционально-экспрессивную окраску. Так, обозначение лица по имени-отчеству в зависимости от контекста способно приобретать различное звучание: от нейтрального до иронического: *Более того, страну нашу реформировали так криво и по-дурачки, что Борис Николаевич оставил своим потомкам шанс «вернуть фарш назад»* (КП. 01.12.2015).

Итак, авторская интенция оказывается важным фактором при выборе вида именованного лица в газете. Г.Я. Солганик, рассуждая о структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ), рассматривает триаду «адресант—сообщение—адресат» применительно к публицистическому стилю и приходит к выводу, что в ней «главная роль принадлежит первому компоненту — автору, производителю речи» [11, с. 28]. Л.Г. Кайда, характеризуя позицию автора в публицистике, пишет, что «позиция автора — это социально-оценочное отношение к фактам, явлениям,

событиям. В лингвистическом плане она выражается в подчинении всех языковых средств основной коммуникативной установке, в их, совместно с композиционными приемами, целенаправленном использовании для усиления воздействия текста на читателя» [12, с. 58].

Таким образом, особенности функционирования номинаций известных лиц в современном публицистическом дискурсе связаны с коммуникативной целью автора газетного текста и возможностью варьирования и трансформации компонентов именования.

Библиографический список

1. Формановская Н.И. Нужно ли русскому человеку отчество? // Русская речь. 2004. № 5. С. 67–76.
2. Давыдова О.А. Антропонимы на страницах современной публицистики // Публицистика и информация в современном обществе / под общ. ред. проф. Г.Я. Солганика. М., 2000. С. 44–56.
3. Батурина Л.А. Имена собственные в газете // Русская речь. 2006. № 6. С. 63–65.
4. Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 13–30.
5. Солганик Г.Я. О структуре речи (категории производителя и субъекта речи) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2014. № 4. С. 90–100.
6. Бабич Н.Г. Президентское интервью как жанр политического дискурса и его лингвопрагматические характеристики: (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
7. Гусева С.С. Обозначения лица в тексте как элементы единой номинативной парадигмы (на примере текстов А.П. Чехова) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2015. № 2. С. 187–196.
8. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 704 с.
9. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005.
10. Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 58–66.

References

1. Formanovskaja N.I. *Nuzhno li russkomu cheloveku otchestvo?* [Does Russian person need patronymic name?]. *Russkaia rech'* [Russian speech], 2004, no. 5, pp. 67–76 [in Russian].
2. Davydova O.A. *Antroponimy na stranitsakh sovremennoi publitsistiki* [Anthroponyms in the modern journalism]. In: *Publitsistika i informatsiia v sovremennom obshchestve. Pod obshch. red. prof. G.Ya. Solganika* [Publicistic and information in modern society. G.Ya. Solganik (Ed.)]. M., 2000, pp. 44–56 [in Russian].
3. Baturina L.A. *Imena sobstvennyye v gazete* [Proper names in a newspaper]. *Russkaia rech'* [Russian speech], 2006, no. 6, pp. 63–65 [in Russian].
4. Solganik G.Ya. *O strukture i vazhneishikh parametrah publitsisticheskoi rechi (iazyka SMI)* [On structure and the most important parameters of publicistic speech (language of mass-media)]. In: *Iazyk sovremennoi publitsistiki* [Language of modern journalism]. M.: Flinta: Nauka, 2007, pp. 13–30 [in Russian].
5. Solganik G.Ya. *O strukture rechi (kategorii proizvoditelja i sub"ekta rechi)* [On speech structure (categories of creator and subject of speech)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2014, no. 4, pp. 90–100 [in Russian].
6. Babic N.G. *Prezidentskoe interv'iu kak zhanr politicheskogo diskursa i ego lingvopragmaticheskie kharakteristiki: (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov): Avtoref. diss. ... kand.nauk; Filol. nauki* [Presidential interview as genre of political discourse and its

linguopragmatic characteristics (on the material of English and Russian languages: Extended abstract of Candidate's of Philological sciences thesis]. M., 2015 [in Russian].

7. Guseva S.S. *Oboznachenie litsa v tekste kak elementy edinoi nominativnoi paradigmy (na primere tekstov A.P. Chekhova)* [Ways of naming a person in the text as elements of unified nominative paradigm (on the examples from A.P. Chekhov's texts)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2015, no. 1, pp. 187-196 [in Russian].

8. Val'ter Kh., Mokienko V.M. *Bol'shoi slovar' russkikh prozvizhch* [Unabridged dictionary of Russian nicknames]. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2007, 704 p. [in Russian].

9. Kostomarov V.G. *Nash iazyk v deistvii: ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our language in action: essays of modern Russian stylistics]. M.: Gardariki, 2005, 287 p. [in Russian].

10. Kaida L.G. *Pozitsiia avtora v publitsistike. Stilisticheskaia kontseptsiiia* [Author's point of view in the journalism. Stylistic conception]. In: *Iazyk sovremennoi publitsistiki* [Language of modern journalism]. M.: Flinta: Nauka, 2007, pp. 58-66 [in Russian].

V.M. Zaripova*

FUNCTIONING OF TYPES OF FAMOUS PERSON'S NOMINATION IN THE PRINTED MASS MEDIA

The article is devoted to the investigation of functioning of different types of nomination of famous people in the publicistic discourse. The nominations of famous people fixed in the modern press served as a material for the article. Issues of contextual variation of formal and informal names are touched upon, the regularities of their use in modern newspaper language are marked. Stylistic peculiarities of functioning of newspaper nominations are noted in the article. Specificity of usage of different nomination types in different communicative situations is identified. The successive using of two member nominations by name and surname in the official communication, the usage of unofficial nominations by nicknames is noted.

Key words: person nomination, newspaper speech, communicative situation, publicistic discourse, expression.

Статья поступила в редакцию 22/VII/2016.

The article received 22/VII/2016.

---

* Zaripova Venera Maskhutovna (vns5.85@mail.ru), Department of Publishing Industry and Book Distribution, Samara University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

МЕРОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена описанию меронимических отношений в языке, а также семантической классификации холонимов и партонимов. Специфика данных отношений заключается в их смысловом разнообразии. Меронимические отношения устанавливаются между сущностями различных типов: биологическими и физическими объектами, процессами и действиями, географическими регионами, свойствами и состояниями, коллекциями и множествами, абстрактными сущностями и т. п. В связи с этим выделяются различные подтипы в семантической классификации холонимов и партонимов, выявляются экстралингвистические и семантические признаки, которые могут быть положены в основу данной классификации. Анализ этих признаков позволяет выделить четкие критерии дифференциации меронимов как компонентов лексико-семантической системы, что будет способствовать расширению представления о семантической природе меронимии. Кроме того, предложенная классификация может стать основой для дальнейшего изучения холо-партитивных отношений.

Ключевые слова: семантическое поле, меронимия, холо-партитивные отношения, холоним, партоним.

Как известно, активное изучение системных отношений лексем с учетом их интегрально-дифференциальных связей на семном уровне началось в середине прошлого века. Традиционно с этих позиций рассматривали синонимические и антонимические парадигмы, лексико-семантические группы. В это же время в поле зрения лингвистов попали *меронимические*, или *холо-партитивные отношения*, то есть отношения целого и его частей. Фундаментальной основой для изучения данного типа отношений стали работы целого ряда зарубежных (Е. Ляйзи [1], Д.А. Круз [2], Р. Чаффин [3], Е.М. Винстон [4], Д.А. Германн [4], В. Сторей [5] и др.) и отечественных (М.В. Никитин [6], И.А. Стернин и З.Д. Попова [7], М.А. Кронгауз [8], Л.В. Глобина [9], Ю.М. Русина [10], Н.С. Рыжук [11], Е.В. Материнская [12] и др.) исследователей.

По мнению М.В. Никитина, меронимические отношения являются важнейшим фактором смыслового упорядочения словаря, благодаря чему он предстает как целостная иерархическая структура: «Очевидно, что отношения часть – целое пронизывают весь мир снизу доверху, от микро- до макрокосмоса, от элементарных частиц до галактик. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в многообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем. Эти отношения столь же универсальны и глобальны, как многообразные многоступенчатые иерархии вещей, образуемые общностью присущих им признаков и закономерностей» [6, с. 442].

Существует несколько классификаций меронимов, в основу которых положены различные признаки [13]. Чаще всего классификации холо-партитивных отношений строят с учетом логической связи целого и его частей в объективной реальности и языковой картине мира. Так, Е. Винстон и Р. Чаффин выделяют следующие признаки, характери-

---

* © Колодько Д.А., 2016

Колодько Дарья Андреевна (dariakolodko@gmail.com), кафедра русского языка, Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова, 01601, Украина, г. Киев, ул. Пирогова, 9.

зующие природу связей между частью и целым: *функциональность* (части занимают определенные позиции по отношению к целому); *подобие части и целого* – *гомеомеронимичность* / *негомеомеронимичность* (части похожи друг на друга и на целое, к которому они принадлежат / части являются различными элементами своего целого); *отделимость части от целого* (части могут быть физически отделены от целого, к которому они принадлежат); *одновременность* (целое имеет все или большинство своих частей в одно и то же время).

С учетом данных параметров на языковом уровне Д. Германн, Е.М. Винстон и Р. Чаффин первоначально выделили шесть типов меронимических отношений: 1) компонент – целый объект (*педаль* – *велосипед*); 2) член – объединение (*корабль* – *флот*); 3) доля – масса (*кусочек* – *пирог*); 4) материал – объект (*железо* – *машина*); 5) стадия – деятельность (*покупка* – *шопинг*); 6) место – пространство (*Эверглейдс* – *Флорида*) [4, с. 420].

В ходе дальнейших исследований Р. Чаффин расширил данную классификацию, выделив признаки *пространственности* (части могут занимать то или иное место в целом) и *временности* (части могут появляться в различные периоды времени). В окончательном варианте его классификация выглядит следующим образом: 1) объект – компонент (*чашка* – *ручка*); 2) событие – характерная особенность (*родео* – *ковбой*); 3) объединение – член (*лес* – *дерево*); 4) масса – доля (*пирог* – *кусочек*); 5) деятельность – стадия (*период взросления* – *юность*); 6) территория – определенное место (*лес* – *поляна*); 7) объект – материал (*линза* – *стекло*) [3, с. 263].

Однако, по нашему мнению, данная классификация не отражает всего многообразия холо-партийных отношений и не выделяет четкие критерии дифференциации меронимов в лексико-семантической системе. Мы предлагаем, опираясь на данные, полученные упомянутыми выше исследователями, расширить представление о типологии меронимов, выделив в пределах классификационных типов семантические подтипы с учетом особенностей русского языка.

1. Классификационный тип **объект – компонент** (*object – component*) образуют холонимы-артефакты и партонимы¹, обозначающие взаимосвязанные друг с другом компоненты этих артефактов. В пределах данного типа предлагается выделить следующие подтипы.

1) Простой артефакт – компонент (холоним обозначает элементарный предмет с небольшим количеством частей): *чашка* – *ручка*; *чайник* – *носик*; *вилка* – *зубец*; *нож* – *лезвие*; *стол* – *ножка*; *стул* – *спинка* и др.

2) Комплексный артефакт – компонент (холоним обозначает комплексный объект, состоящий из множества разнофункциональных компонентов): *телефон* – *циферблат*; *компьютер* – *клавиатура*; *магнитофон* – *лента*; *фотоаппарат* – *зеркало*; *велосипед* – *педаль* и др.

К простым артефактам мы относим немеханические предметы, к комплексным – механизмы со сложной структурой, имеющие большее количество составных частей.

3) Реалии живой природы – компонент (данный подтип образуют лексемы, относящиеся к семантическим полям «растения» и «животные», а также соматизмы): *дерево* – *ветка*; *ель* – *шишка*; *сосна* – *игла*; *береза* – *сок*; *кот* – *хвост*; *собака* – *ухо*; *голова* – *глаз*.

4) Помещение – характерный для него предмет (партонимы обозначают предметы, выполняющие характерные функции в помещениях, обозначенных холонимами): *офис* – *компьютер*; *кухня* – *плита*; *спальня* (комната) – *спальня* (гарнитур); *ванная* – *умывальник*; *бар* – *стойка*.

5) Производство – структурная часть (этот подтип объединяет названия различных видов печатной продукции и их составляющих): *книга* – *глава*; *журнал* – *раздел*; *статья* – *параграф*; *произведение* – *отрывок*; *стихотворение* – *строка*.

6) Производство – смысловая часть (от предыдущего данный подтип отличается тем, что партонимы обозначают элементы содержания): *сочинение* – *концовка*; *текст* – *лирическое отступление*; *произведение* – *развязка*; *курсовая работа* – *введение*; *статья* – *вывод*.

Таким образом, в пределах данного классификационного типа партонимы обозначают негомеомеронимические отделимые части предметов, выполняющие определенные функции, присутствующие одновременно с другими частями и занимающие определенное место в пределах целого.

2. В пределах второго типа *событие — его характерная особенность (event — feature)* можно выделить следующие подтипы.

1) *Событие — участник* (партонимы обозначают неотъемлемого участника события, названного холонимом): *родео — ковбой; коррида — тореадор; соревнование — спортсмен; матч — футболист; ралли — гонщик; цирк — италмейстер.*

2) *Событие — атрибут* (его формируют названия конститутивных (реже — факультативных) реалий, используемых в рамках соответствующих событий): *банкет — еда; фуршет — закуска; семинар — выступление; лекция — презентация; презентация — демонстрация; экзамен — билет.*

Партонимы, относящиеся к данному типу, также обозначают негомеомеронимические отделимые части, присутствующие одновременно с другими частями и выполняющие определенные функции по отношению к целому.

3. Классификационный тип *объединение — член (collection — member)*, по нашему мнению, может быть представлен следующими подтипами.

1) *Совокупность особей (людей или животных) — ее представитель²* (этот подтип включает в себя имена существительные (как конкретные, так и собирательные), обозначающие совокупности живых существ и отдельных их представителей): *команда — капитан; труппа — артист; делегация — делегат; хор — певец; стадо — корова; стая — волк; свора — собака; мошара — мошка; рой — пчела* и др.

2) *Совокупность предметов — ее составляющее* (холонимы обозначают совокупности однотипных предметов, мыслимых как единое целое, партонимы — сами эти предметы): *лес — дерево; букет — цветок; бор — сосна; сад — куст; сборник — статья; флот — корабль; библиотека — книга; алфавит — буква; осинник — осина; березняк — береза; малинник — малина; дубняк — дуб; ельник — ель.*

3) *Организация — подразделение*: *армия — батальон; бригада — полк; батальон — рота; полк — рота; учреждение — отдел.*

Специфика данного типа состоит в том, что однотипные части отделимы от целого и характеризуются признаком одновременности.

4. Классификационный тип *масса — доля (mass — portion)* характеризуется прежде всего признаком подобия части и целого (гомеомеронимичностью): партонимы обозначают частицы или кусочки целого, которые являются, по сути, тем же целым. В его пределах выделяются следующие подтипы:

1) *Масса — измеренная часть*: *пирог — кусок; хлеб — ломоть; хлеб — горбушка; ткань — отрез* и др.

2) *Масса — частица*: *соль — кристаллик; сахар — сахаринка; хворост — хворостина; изюм — изюминка; чай — чайинка; солома — соломинка; крупа — крупинка; снег — снежинка; дождь — дождевик; песок — песчинка* и др.

К данному типу Р. Чаффин относит также подтип *мера — ее составляющие*, который включает меронимы, обозначающие единицы измерения: *километр — метр; метр — сантиметр; килограмм — грамм; грамм — миллиграмм; век — год; год — месяц; месяц — день; неделя — день; сутки — час; час — минута; минута — секунда* и др. Его отличие от предыдущих подтипов состоит в том, что части образуют целое, объединяясь в определенном количестве.

5. Пятый тип *процесс — фаза (process — phase)* объединяет названия процессов и их этапов, периодов или стадий. Целесообразность выделения данного типа вызывает наибольшее количество дискуссий среди лингвистов. Поскольку большинство холонимов, обозначающих процесс, являются отглагольными образованиями, некоторые исследователи (например, К. Фельбаум и Д.А. Миллер) выступают против выделения этого типа,

называя его «собственно включением» глаголов, которое нельзя рассматривать наряду с меронимами-существительными [5, с. 264].

Р. Чаффин такой тип отношений определяет как *временное включение (temporal inclusion)*, т. е. включение частей, сменяющих друг друга во времени. Отличительными чертами отношений *процесс — фаза*, по мнению исследователя, являются функциональность и темпоральность [3, с. 263]. Однако несмотря на то, что этапы процесса (деятельности) имеют место в разное время, они не могут быть отделены от целого.

В пределах этого типа могут быть выделены следующие подтипы:

1) *Период — его этап*: *период взросления — юность; детство — младенчество; молодость — отрочество; старость — зрелость; процесс цветения — бутонизация* и др.;

2) *Действие — его стадия*: *игра в шахматы — миттельшпиль; игра в покер — префлоп; плавание — погружение в воду* и др.;

3) *Процесс — его составляющая*: *шопинг — покупка; консультация — выставление счета; мыслительный процесс — анализ; сдача экзамена — получение оценки* и др.

6. Классификационный тип *территория — определенное место (area — place)* характеризуется тем, что часть (место) подобна целому (территории), однако не может быть отделена от него. В пределах данного классификационного типа выделяются следующие подтипы:

1) *Административная единица — ее часть* (объединяет административно-территориальные единицы, а также специфические образования (парки, резиденции, горные системы и т. п.), находящиеся на данной территории): *страна — столица; страна — область; город — окраина; поселок — улица; Флорида — Эверглейдс; Украина — Софиевка;*

2) *Природная зона — ее часть*: *лес — поляна; парк — аллея; сад — дорожка; пустыня — оазис* и др. В пределах данного типа, по нашему мнению, можно также выделить подтип *территория / площадь — участок*, который образует холонимы, обозначающие пространство (в помещении или вне его), а партонимы — зоны, участки, выделяемые в пределах этого пространства: *комната — угол; офис — зона рецепции; теннисный корт — задняя линия; футбольное поле — штрафная площадь* и др.

7. Спецификой классификационного типа *объект — материал (object — stuff)* состоит в том, что обозначаемые партонимами части не могут быть отделены от объекта, однако это не исключает возможности, что данный объект может быть сделан из другого материала.

Данный тип включает в себя следующие подтипы:

1) *Предмет — материал*: *луна — стекло; сумка — кожа; бутылка — стекло; кольцо — металл; картина — краска; подушка — перо* и др.;

2) *Масса — материал*: *тесто — мука; крем — сливки; сироп — сахар; компот — ягода; варенье — ягода; макулатура — бумага* и др. В пределах данного типа также возможно выделение подтипов с учетом количества компонентов. Так, партоним может обозначать единственный (или преобладающий) материал (*луна — стекло; сумка — кожа; лестница — мрамор; чашка — фарфор; дверь — дерево* и др.) либо один из множества компонентов (*торт — крем; сироп — сахар; компот — ягода; варенье — ягода; смузи — фрукт* и др.).

Следует отметить, что в зависимости от того, какой из вышеперечисленных признаков учитывается, одни и те же лексемы могут быть отнесены к разным меронимическим парадигмам. Так, например, в пределах классификационного типа *объект — компонент* слово *велосипед* связано с лексемами *педаль, сиденье, колесо*, а в пределах типа *объект — материал* — с лексемами *алюминий, кожа, резина*. Пирог можно разделить на кусочки (классификационный тип *масса — доля*), при этом он состоит из *муки, яиц, разрыхлителя* и т. п. (классификационный тип *объект — материал*).

Таким образом, классификации меронимов строятся с учетом важнейших признаков, отражающих прежде всего внеязыковую природу отношений части и целого — *функциональности, отделенности, подобия части и целого, одновременности, темпоральности, пространственности*.

Выделение семантических подтипов в рамках предложенных классификаций способствует расширению представления о холо-партитивных отношениях, определяет специфику меронимов как коррелятов семантического поля. Перспективу исследования составляет дальнейшее изучение собственно семантических критериев классификации меронимов.

Примечания

¹ Для обозначения лексем, связанных отношениями меронимии, мы используем термины, предложенные М.В. Никитиным: *холоним* – обозначение целого; *партоним* – его части [6].

² Р. Чаффин называет такой подтип «группа – ее члены».

Библиографический список

1. Leisi E. *Der Wortinhalt, Seine Struktur in Deutschen und Englishen*. Heidelberg: Winter, 1961. 135 S.
2. Cruse D.A. On the transitivity of the part-whole relation // *Journal of linguistics*. 1979. Vol. 15/1. P. 29–38.
3. Chaffin R. The concept of a semantic relation // *Frames, fields and contrast: new essays in semantic and lexical organization*. Hillsdale; New-Jersey; Hove; London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1992. P. 253–288.
4. Winston E. M., Chaffin R., Herrmann D. A Taxonomy of Part-Whole Relations // *Cognitive Science*. 1987. № 11. P. 417–444.
5. Storey V.C. Meronymic relationships // *Journal of Database Administration*. 1991. Vol.2. №3. P. 22–35.
6. Никитин М.В. *Курс лингвистической семантики: учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах*. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. *Лексическая система языка*. Воронеж, 1984. 148 с.
8. Кронгауз М.А. *Семантика: учебник для вузов*. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. 2008. 399 с.
9. Глобина Л.В. *Лексико-семантическое поле партитивной лексики в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук*. Воронеж, 1995. 205 с.
10. Русина Ю.Н. *Семантика меронимов современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук*. Минск, 2007. 193 с.
11. Рыжук Н.С. *Коррелятивные отношения части и целого: семантический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук*. Ставрополь, 2008. 193 с.
12. Материнская О.В. *Система меронимов в немецком и английском языках: дис. ... д-ра филол. наук*. Донецк, 2013. 403 с.
13. Колодько Д.А. К вопросу о классификации меронимов // *Научные записки Национального университета «Острожская академия»*. Серия «Филологическая»: сборник научных трудов / сост.: И.В. Ковальчук, Л.М. Коцюк, С.В. Новоселецкая. Острог, 2015. Вып. 51. С. 226–228.

References

1. Leisi E. *Der Wortinhalt, Seine Struktur in Deutschen und Englishen*. Heidelberg: Winter, 1961, 135 p. [in German].
2. Cruse D.A. On the transitivity of the part-whole relation. *Journal of linguistics*, 1979, Vol. 15/1, pp. 29-38 [in English].
3. Chaffin R. The concept of a semantic relation. In: *Frames, fields and contrast: new essays in semantic and lexical organization*. Hillsdale; New-Jersey; Hove; London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1992, pp. 253-288 [in English].
4. Winston E.M., Chaffin R., Herrmann D. *A Taxonomy of Part-Whole Relations*. *Cognitive Science*, 1987, no.11, pp. 417-444 [in English].
5. Storey V.C. Meronymic relationships. Veda C. Storey. *Journal of Database Administration*, 1991, Vol. 2, no. 3, pp. 22-35 [in English].
6. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoi semantiki: Uchebnoe posobie dlia studentov, aspirantov i prepodavatelei lingvisticheskikh distsiplin v shkolakh, litseiakh, kolledzhakh i vuzakh* [Course

of linguistic semantics: study guide for students, postgraduate students and teachers of linguistic subjects at schools, lyceums, colleges and universities]. SPb.: Nauchnyi tsentr problem dialoga, 1996, 760 p. [in Russian].

7. Popova Z.D., Sternin I.A. *Leksicheskaia sistema iazyka* [Lexical system of language]. Voronezh, 1984, 148 p. [in Russian].

8. Krongauz M.A. *Semantika: Uchebnik dlia vuzov* [Semantics: University textbook]. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2008, 399 p. [in Russian].

9. Globina L.V. *Leksiko-semanticheskoe pole partitivnoi leksiki v sovremennom russkom iazyke: Dis. ...kand. filol. nauk* [Lexico-semantic field of partitive lexis in modern Russian language: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Voronezh, 1995, 205 p. [in Russian].

10. Rusina Yu.N. *Semantika meronimov sovremennogo angliiskogo iazyka: Diss. ...kand.filol.nauk* [Semantics of meronyms in modern English language: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Minsk, 2007, 193 p. [in Russian].

11. Ryzhuk N.S. *Korrelativnye otnosheniia chasti i tselogo: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty: Dis. ...kand. fil. nauk* [Correlative part-whole relationships: semantic and lingvocultural aspects: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Stavropol, 2008, 193 p. [in Russian].

12. Materinskaia O.V. *Sistema meronimov v nemetskom i angliiskom iazykakh: Diss. ...dokt.fil.nauk* [System of meronyms in German and English languages: Doctor's of Philological Sciences thesis]. Donetsk, 2013, 403 p. [in Ukrainian].

13. Kolodko D.A. *K voprosu o klassifikatsii meronimov* [On the issue of classification of meronyms]. In: *Nauchnye zapiski Natsional'nogo universiteta «Ostrozhskaia akademiia». Seriia «Filologicheskaia»: sbornik nauchnykh trudov. Sostaviteli: I.V. Koval'chuk, L.M. Kotsiuk, S.V. Novoseletskaia* [Scientific notes of National university «Ostrog academy». Philological series: collection of research papers. I.V. Kovalchuk, L.M. Kotsuk, S.V. Novoseletskaia (Eds.)]. Ostrog, 2015, Issue 51, pp. 226–228 [in Russian].

D.A. Kolod'ko*

MERONYMIC RELATIONSHIPS AS A MANIFESTATION OF SYSTEMATICITY OF LEXIS

The article is devoted to the investigation of meronymic relations in the language and also to the semantic classification of holonyms and paronyms in language. The specificity of meronymic relationships is in their semantic variety. Meronymic relationships are established between entities of different types: biological and physical objects, processes and actions, geographic regions, states and properties, collections and groups, abstract entities, etc. In this regard, various subtypes are distinguished in the semantic classification of holonyms and paronyms, extra-linguistic and semantic features, which can be the basis of this classification, are identified. Analysis of these features allows to identify defined criteria for the differentiation of meronyms as components of lexical-semantic system. The proposed classification will expand notions of semantic nature of meronymy and can be the basis for further study of the whole-part relations.

Key words: semantic field, meronymy, whole-part relations, holonym, paronym

Статья поступила в редакцию 11/VII/2016

The article received 11/VII/2016.

---

* *Kolod'ko Daria Andreevna* (dariakolodko@gmail.com), Department of Russian Language, National Pedagogical Dragomanov University, 9, Pirogova street, Kiev, 01601, Ukraine.

КОРПУС ЛЕКСИКИ С ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ КОРНЕМ *SʔRD-, ВХОДЯЩЕЙ В МИКРОПОЛЕ «ПРОМЕЖУТОК», В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье описывается корпус лексики с этимологическим корнем *sʔrd-, которая входит в микрополе «промежуток». Выявляются основные значения, которые выражали как однокорневые лексемы, так и композиты в истории русского языка. Отмечается, что некоторые языковые единицы обнаружили синкретические значения и принадлежали одновременно нескольким семантическим микрополям, например «промежуток» и «центр», «промежуток» и «посредничество». В диахронии слова, имевшие в своем значении семантический инвариант «промежуток», указывали на средний признак по величине, свойствам, качествам; называли объект, располагавшийся в средней части чего-либо (страны, местности, реки и т. д.) или составлявший средний период в жизни, истории, развитии и т. п.; обозначали среднее каких-либо величин.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, семантическое микрополе, семантический инвариант, микрополе «промежуток», история русского языка *средодѣлие*

Лексика с этимологическим корнем *sʔrd- достаточно широко представлена в истории русского языка. Все множество слов, восходящих к данному корню, распадается на три группы: лексика с корнем *sʔrd- (-срьд- / -сърд- / -серд-), лексика с корнем *srĕd- (-срѣд- / -сред-) и лексика с корнем *sered- (-серед- / -серед-). Появление этих трех групп лексем, берущих начало у одного корня, позволяет говорить о том, что общеславянское синкретическое существительное *sʔrdь, вероятно, в качестве основного имело значение середины, которое в переосмысленном виде позже обусловило появление существительного *sʔrdько с суффиксом -ьк- и дальнейшее словообразовательное развитие корня *sʔrd-, с одной стороны, а с другой – появление в связи с южнославянскими и восточнославянскими рефлексамии двух новых фонетических вариантов – корней *srĕd- и *sered-.

В исследуемом корпусе был определен состав лексем старославянского (древнеболгарского) языка (ССЯ), ведь именно он после принятия Русью христианства оказал значительное влияние на формирование собственно русской языковой системы. Затем последовательно рассматривалась лексика традиционно выделяемых синхронических срезов древнерусского языка (ДРЯ, XI–XIV вв.), старорусского языка (СтРЯ, XV–XVII вв.), русского языка XVIII в., русского языка XIX в. и современного русского языка (СРЯ, XX–XXI вв.).

В ходе исследования на основании данных лексикографических источников была составлена выборка объемом 753 единицы. Данные лексемы исследовались в 15 000 контекстов. В настоящей работе мы придерживаемся полевого подхода исследования лексики,

* © Тимошина Д.В., 2016

Тимошина Дарья Владимировна (daryatimoshina@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

в соответствии с которым семантическое поле определяется как совокупность слов разных частей речи, которые связаны между собой семантическими отношениями [1, с. 158; 2, с. 20]. Этот подход позволяет наиболее полно отразить то, как фрагменты действительности находят выражение в однокоренных словах даже с различными грамматическими значениями.

Данная статья посвящена рассмотрению лексики с этимологическим корнем *sьrd- (его вариантов *srĕd- и *sered-), входящей в микрополе «промежуток». Лексемы с данным семантическим инвариантом фиксируются историческими словарями всех хронологических срезов, начиная со старославянского языка. Отметим, что число подобных лексических единиц в истории русского языка росло от века к веку и к началу XXI столетия составило 90 наименований.

Многие однокорневые лексемы обнаружили синкретическое значение и одновременно могли принадлежать нескольким парадигмам. Так, к двум микрополям — «центр» и «промежуток» — относились следующие лексемы: *середина, средина, серединка, серединачка* «место, более или менее одинаково удаленное от краев, концов чего-либо; время, более или менее одинаково удаленное от начала и конца чего-либо» (микрополе «центр»), «промежуточный момент в течении, развитии чего-либо, противопоставленный началу и концу; промежуточная позиция в чем-либо» (микрополе «промежуток»); *середка, середочка* «внутренняя часть, внутренность кого-, чего-либо; место, более или менее одинаково удаленное от краев, концов чего-либо» (микрополе «центр»), «промежуточная позиция в чем-либо» (микрополе «промежуток»); *средний, середний, средненький, средне, средненько* «находящийся, расположенный в середине, между двумя лицами, предметами и т. д.; равноудаленный от краев, концов чего-либо» (микрополе «центр»), «промежуточный по своим свойствам, признакам между двумя крайними, противоположенными свойствами, признаками (между большим и малым, высоким и низким, тяжелым и легким и т. п.)», «ни хороший, ни плохой: посредственный» (микрополе «промежуток»); *серединный, срединный* «находящийся в середине чего-либо; средний» (микрополе «центр»), «ничем не выдающийся, не очень значительный; посредственный; лишенный категоричности, компромиссный, половинчатый» (микрополе «промежуток»); *посреди, посредине, посередке, посередине, посереду* «занимающий срединное положение» (микрополе «промежуток»), «в центре» (микрополе «центр»).

К семантическим парадигмам «посредничество» и «промежуток» относятся лексемы *посредственный, посредственно, непосредственно*: «совершающийся через посредство чего-либо, промежуточный» (микрополе «посредничество»), «невысокого качества, заурядный, средний» (микрополе «промежуток»), а также *непосредственный, непосредственность* «лишенный промежуточных, посредствующих звеньев, прямой» (микрополе «посредничество»), «без раздумий и сомнений следующий своему внутреннему влечению» (микрополе «промежуток»).

В истории русского языка все рассматриваемые однокорневые лексемы указывают на промежуточный, средний признак (не конкретизируя его): при этом две лексемы указывают на приведение к среднему результату (*усреднить, усреднение*), остальные — констатируют наличие промежуточного качества (между хорошим и плохим, большим и малым, высоким и низким, тяжелым и легким и т. д.): *средний, середняк, средственный, средственно, посредственность, посредственный, непосредственно, непосредственный, середнячок, непосредственность, посредственно, середний, средненький, средненько, средник* (спец.), *средне, срединный, срединный*. Группа лексем указывает на промежуточное материальное положение (преимущественно крестьян): *середняк* «крестьянин-единоличник, владеющий небольшим земельным участком и обрабатывающий его своим личным трудом, по своему имущественному положению стоящий между бедняком и кулаком», *середнячество, середнячка, середняцкий, осередничать, осередничаться*. Отметим, что появление данной группы лексем в русском языке XX в. обусловлено изменениями в социально-экономической жизни страны; несмотря на относительную новизну данных

лексем, в материалах НКРЯ начиная с 1924 г. отмечено 393 вхождения с ними. Всего две лексемы сохранились в русском языке для описания человека средних лет — это прилагательное *середовой* и существительное *середович*, которые в современных словарях приводятся с пометой обл. Пять лексем указывают на среднее положение в пространстве: *посередѣ*, *посередине*, *посередке*, *посредине*, *посреди*. Существительное *средневик*, зафиксированное лишь в Толковом словаре русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, имеет два значения: 1. Спортсмен-бегун на средние дистанции; 2. Спортсмен средней весовой категории. Оба этих значения отражены в НКРЯ, хотя заметим, что в корпусе зафиксировано всего по одному примеру на каждое из значений:

Дверь открыла Надька, десятиклассница с грудью знатной доярки и плечами боксера-средневика (В. Корнилов. Демобилизация (1969–1971)); *Валерий Иосифович вовремя распознал в нем задатки бегуна на дистанции 800 метров, а поскольку я специализируюсь как раз на работе со «средневиками», предложил мне взять Женю под свою опеку: «Может быть, именно здесь его призвание»* (Ян Ленский. «Знаете, каким он парнем был...» (1998) // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1998. 7 нояб.).

Шесть лексем называют как промежуточный момент во времени, так и промежуточное положение в пространстве (*середи́на*, *середи́нка*, *серединочка*, *середи́на*, *середочка*, *середка*).

Более широко в микрополе «промежуток» представлены композиты, в которых второй корень конкретизирует объект, чье промежуточное состояние имеет значение для носителей языка. Все композиты с первыми частями средне-, среди-, середо- можно разделить на следующие четыре семантические группы.

1. Значение «нахождение, расположение в средней части чего-либо (страны, местности, реки и т. д.):»

– расположение между реками (XII–XVII вв.): *средочие*, *посредѣрѣчскій*: *Фарра же поимь Авраама и Сарру, сноху свою, премину землю Халдѣйску в Харру посредѣрѣчскую* (Лет. Авр., 5. XV–XVI вв. ~ 1495 г.);

– нахождение среди земли (XVIII–XXI вв.): *Средиземье*, *Среднеземье*, *Средиземноморье*, *Средиземный* (в составе топонима Средиземное море), *средиземноморец*, *средиземноморский*;

– указание на среднюю часть столба (XIX в.): *средостолпие*;

– использование средней части спинки языка (XIX–XXI вв.): *среднебный* (спец.), *среднеязычный* (спец.).

– расположение в средней части Сибири (XX–XXI вв.): *среднесибирский*, *верхне-среднесибирский*;

– расположение в средней части Азии (XX–XXI вв.): *среднеазиатский*;

– расположение в средней части России (XX–XXI вв.): *среднерусский*;

– расположение в средней части Европы (XX–XXI вв.): *среднеевропейский*;

– расположение в средней части Германии (XX–XXI вв.): *среднегерманский*;

2. Значение «составляющий средний период в жизни, истории, развитии и т. п.»:

– имеющий отношение к определенному историческому периоду (XIX–XXI вв.): *среднеассирийский* (спец.), *среднедевонский* (спец.), *среднеперсидский* (спец.), *средневековье*, *по-средневековски*, *средневековый*, *средневековский*;

– составляющий средний период в жизни, развитии: *средневозрастной*, *среднеранний*, *среднемноголетний*, *среднепоздний*, *среднесрочный*.

С XV по XIX вв. выделялась значительная группа лексем, называющая промежуточный возраст (между 30 и 50): *средовѣчѣ*, *средовѣчѣство*, *средовѣчѣнный*, *средивѣчѣнный*, *средовѣчѣ*, *средовѣчѣкий*, *середовѣчѣ*, *середовѣчѣ*; *середолѣтѣнный*, *середолѣтѣтокѣ*, *середолѣтѣ*:

Огафья собою: лѣты въ середовичѣ, рожеемѣ долголика, носата, очи серы, ростомъ середня (Новг. каб. кн., 238. 1594 г.);

И где сице обретаху казанца, стара или юношу или середолѣтнаго, и ту вскоре того оружем своим смерти предаваху (Каз. ист., 155. XVI в.);

– указание на межень зимы (XIX в.): *средозимокѣ* «родившийся среди зимы; сохраненный от средозимья», *средозимье* «середка зимы»,

– указание на межень лета (XIX в.): *сердолѣтѣ* «межень лета»;

3. Значение «средний по величине, по своим свойствам и качествам», где второй корень композита указывает на основание для классификации: *средневысокий, средневвысотный, среднесоленый, среднеспелый, среднесортный, среднелитературный* (спец.), *среднезимостойкий, среднезернистый* (спец.), *средневолновый* (спец.), *среднекалиберный, средневес, среднеусыхающий* (спец.), *среднеквалифицированный, среднетехнический* (спец.), *среднеполотный* (спец.), *среднеоплачиваемый, средоумный, средочинный, средородный, среднесильный*;

4. Значение «представляющий собой среднее каких-либо величин»: *среднеквадратический* (спец.), *средневзвешенный* (спец.), *среднечасовой, среднегодовой, среднесуточный, среднемесячный, среднепрогрессивный, среднестатистический*.

Таким образом, лексика с семантическим инвариантом «промежуток» была широко представлена на протяжении всей истории русского языка. Первые примеры из данного микрополя обнаружены еще в старославянском языке, они же послужили основой для формирования разветвленной парадигмы в собственно русском языке. С XIX в. увеличивается число композитов, входящих в микрополе «промежуток». Во многом это объясняется расширением терминологического аппарата в различных областях знания, где понятие усредненного, промежуточного признака стало востребованным.

Библиографический список

1. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
2. Пронина Е.В. Глагольная лексика старославянского языка в системном рассмотрении. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. 157 с.

References

1. Krongauz M.A. *Semantika* [Semantics]. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiiia», 2005, 352 p. [in Russian].
2. Pronina E.V. *Glagol'naia leksika staroslavianskogo iazyka v sistemnom rassmotrenii* [Verbal lexicon of the Old Slavonic language in the system view]. Tula: Izd-vo TulGU, 2007, 157 p. [in Russian].

D.V. Timoshina*

VOCABULARY WITH THE ETYMOLOGIC ROOT *SЬRD- INCLUDED IN THE MICROFIELD «INTERVAL» IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article describes the vocabulary with the etymological root *sьrd-, which is part of the micro field «interval». The main meanings that are expressed as a single rooted tokens and composites in the history of the Russian language are identified. It is noted that some linguistic units found syncretic meanings and belong to multiple semantic micro fields, for example, «interval» and «center», «interval» and «mediation». In diachrony words that had meaning in their semantic invariant «interval», pointed out the sign of the average in size, characteristics, qualities; they called the object, which was located in the middle of something (country, countryside, rivers, etc.) or that was the average period of life, history, development, etc.; denoted the average of any quantities.

Key words: derivational nest, semantic micro field, semantic invariant; micro field «interval», history of Russian language.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Timoshina Darya Vladimirovna* (daryatimoshina@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОДНОКОРЕННЫХ ЛЕКСЕМ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Б.А. АХМАДУЛИНОЙ)**

В статье анализируются семантические отношения между словами с повторяющимися корнями в поэтических произведениях Б.А. Ахмадулиной. Такие лексемы с семантической точки зрения часто занимают промежуточное положение между языковыми синонимами и антонимами, при этом иногда являясь паронимами.

Ключевые слова: однокоренные лексемы, семантические отношения, языковые синонимы и антонимы, паронимы, художественное пространство текста.

В поэтических текстах слова с повторяющимися морфемами могут вступать в системные отношения и представлять собой языковые синонимы или антонимы. Наряду с этим в произведениях встречаются однокоренные и одноаффиксальные лексемы, не являющиеся ни тем, ни другим и потому вступающие в более абстрактные семантические отношения. Некоторые такие слова – это речевое явление, они представляют собой паронимы.

Материалом для нашего анализа семантических отношений между однокоренными лексемами послужили поэтические произведения Б.А. Ахмадулиной. Т.В. Алешка в статье «Стихотворения чудный театр...» отмечает, что Б.А. Ахмадулина – «создатель самобытной и неповторимой лирической системы, поэтического языка. <...> Ее избыточные, воздушно-барочные словесные построения, изысканная речь, манерность, высокий слог, индивидуальный словарь вызывающе красивы и узнаваемы, как и ее необыкновенный голос. <...> Ее сложносочиненный язык – это единственно точные для нее слова, в точном порядке отражающие психологическую конкретность лирического переживания» [1, с. 5, 27–28].

В поэтических текстах Б.А. Ахмадулиной семантическая дистанция между лексемами с повторяющимися корнями может возникать за счет префиксов:

В окне, как в чуждом букваре,
неграмотным я рыщу взглядом.
Я мало смыслю в декабре,
что выражен дождем и садом.
<...>

Так обнялись, что и ладонь
не вклинится! Им не заметен
медопролитный крах плодов,
расплющенных объятъем этим.

Весь сад в дожде! Весь дождь в саду!
Погибнут дождь и сад друг в друге,
оставив мне решать судьбу
зимы, явившейся на юге.

<...>

---

* © Урядникова Е.В., 2016

Урядникова Елена Владимировна (lena-prima@mail.ru), кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. М. Пироговская, 1, стр. 1.

Душа желает и должна
два раза вытерпеть усладу:
страдать от сада и дождя
и **сострадать** дождю и саду.
1967 (Дождь сад)

В этом стихотворении глаголы **страдать** – **сострадать** характеризуют состояние души лирической героини, наблюдающей из окна за проливным дождем, обрушившимся на сад. Префикс со- в слове **сострадать** имеет значение «совместно <...> совершать действие, названное мотивирующим глаголом» [2, с. 371], в связи с чем лексемы **страдать** – **сострадать** отличаются друг от друга с точки зрения семантики: **страдать** – «1. Испытывать страдание. <...> 4. от чего и за что. Подвергаться чему-н. неприятному, терпеть ущерб, урон от чего-н.» [3, с. 760]; **сострадать** – «страдать вместе, переносить муки сообща; || кому – сочувствовать горю, сокрушаться за кого, соболезновать» [4, с. 469]. Слова **страдать** – **сострадать** вступают и в различные синтагматические отношения: глагол **страдать** управляет Р. п., а **сострадать** – Д. п.

В поэтических произведениях Б.А. Ахмадулиной могут встречаться однокоренные лексемы со связанными корнями, имеющие различные префиксы:

Этот ад, этот сад, этот зоо –
там, где лебеди и зоосад,
на прицеле всеобщего взора
два гепарда, обнявшись, лежат.
Шерстью в шерсть, плотью в плоть проникая,
сердцем втиснувшись в сердце – века
два гепарда лежат. О, какая,
два гепарда, какая тоска!
<...>
Обнялись – остальное неправда,
ни утрат, ни **оград**, ни **преград**.
Только так, только так, два гепарда,
я-то знаю, гепард и гепард.
1974 (Два гепарда)

В данном поэтическом тексте слова **ограда** – **преграда** рисуют образ препятствий, уже не существующих для двух гепардов, навеки обнявшихся друг с другом и никогда не разлучающихся. Одни исследователи отмечают принадлежность слов **ограда** – **преграда** к одному и тому же словообразовательному гнезду [5], другие – относят их к разным гнездам [6]. В любом случае данные лексемы имеют тождественные связанные корни, сохраняют генетическое родство и взаимодополняют друг друга семантически за счет разных префиксов: **ограда** – «Ограждение, забор, решетка» [3, с. 436]; **преграда** – «1. То, что преграждает что-н. <...> 2. Помеха, затруднение» [3, с. 568–569]. Данные лексемы располагаются в контексте с повторяющимся союзом *ни*, который усиливает их соотношение и подчеркивает отсутствие обозначаемых ими реалий.

Между словами с повторяющимися корнями семантические различия могут возникать в текстах за счет суффиксов:

Ане

Сперва дитя явилось из потемок
небытия.
В наш узкий круг щенок
был приглашен для счастья.
А котенок
не столько зван был, сколько одинок.
С небес в окно упал птенец воскресший.
В миг волшебства сама зажглась свеча:

к нам шел сверчок, влача нежнейший скрежет,
словно возок с пожитками сверчка.

<...>

Витают, вырастая, наша стая,
блистая правом жить и ликовать,
блаженность и *блаженство* сочетая,
и все это приняв за благодать.

1968 (Семья и быт)

В этом стихотворении лексемы *блаженность* – *блаженство* характеризуют идиллический образ жизни лирической героини и окружающих ее домашних обитателей. Данные лексемы характеризуются «тесной семантической связью словообразовательных суффиксов» [7, с. 128] -ость- и -ств(о). Однако такие синонимичные суффиксы подчеркивают различия в семантике лексем *блаженность* – *блаженство*: «блаженный» – «1. В высшей степени счастливый» [3, с. 47] (образованное от данного прилагательного существительное *блаженность* имеет отношение только к этому значению), «2. полн. ф. Не совсем нормальный [первонач. юродивый] (разг.)» [3, с. 47]; *блаженство* – «Полное и невозмутимое счастье; наслаждение» [3, с. 47]. Слова *блаженность* – *блаженство* относятся и к разным синонимическим рядам: лексема *блаженность* («блаженный») входит в парадигму «счастливый, сладкий, <...>, райский, золотой» [8, с. 526], а слово *блаженство* относится к синонимическому ряду «удовольствие, наслаждение» [8, с. 603]. Сходство и в то же время различие в лексемах *блаженность* – *блаженство* подчеркиваются контекстом стихотворения: «*блаженность* и *блаженство* сочетая, / и все это приняв за благодать».

В стихотворениях Б.А. Ахмадулиной встречаются однокоренные слова, представляющие собой паронимы. В современной лингвистике термины «паронимы», «паронимия» используются в разных значениях. Так, О.С. Ахманова употребляет их в широком значении и понимает под паронимами «слова, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут либо ошибочно, либо каламбурно использоваться в речи» [9, с. 313]. В таком же широком значении термины «паронимы», «паронимия» употребляют такими учеными, как Н.П. Колесников, М.И. Фомина, Ю.П. Солодуб, И.С. Улуханов, В.Н. Виноградова.

В узком значении данные термины использует О.В. Вишнякова и отмечает, что паронимами «можно признать только несинонимичные созвучные однокорневые слова, принадлежащие одной части речи и имеющие генетическую, но не семантическую общность» [10, с. 8]. И.Б. Голуб также под паронимами понимает только «однокоренные слова, близкие по звучанию, но не совпадающие в значениях» [11, с. 50]. В узком значении термины «паронимы», «паронимия» употребляют также Ю.А. Бельчиков и М.С. Панюшева.

В настоящей статье термины «паронимы», «паронимия» используются в узком значении. Таким образом, паронимы, представляющие собой однокоренные слова, образуют только корневой повтор, в отличие, например, от синонимов и антонимов, в которых могут повторяться не только корневые, но и аффиксальные морфемы. Паронимы в текстах Б.А. Ахмадулиной могут встречаться в сочетании со словами, с которыми в языке их употребление невозможно:

Хожу по околицам дюжей весны,
вкруг полой воды, и сопутствие чье-то
глаголаше: «Колицем должен еси?» –
сочти, как умеешь, я сбилась со счета.

<...>

Текут добры молодцы вотчины вспять.
Трущобы трещат – и пусты деревеньки.
Пошто бы им загодя джинсы не дать?
По сей промтовар все идут в делинквенты.

Восход малолетства задирчив и быстр:
тетрадки да прятки, а больше – рогатки.
До *зверских* убийств от *звериных* убийств
по прямопутьку шагают ребятки.

Март 1986. Иваново
(Хожу по околицам дюжей весны...)

В этом поэтическом произведении паронимы *зверский* – *звериный* характеризуют жестокие преступления молодого поколения, не отдающего себе отчет в происходящем. Данные лексемы зафиксированы в «Словаре паронимов русского языка» Н.П. Колесникова. В языке существительное «убийство» употребляется только в сочетании с прилагательным *зверский*. Определенная «сочетаемость компонентов паронимической пары всегда подчеркивает различия в семантике не только каждой единицы пары, но и между структурными типами паронимов» [10, с. 6]. В стихотворении Б.А. Ахмадулина употребляет существительное «убийство» одновременно с прилагательными *зверский* и *звериный*. Лексема *зверский* в сочетании со словом «убийство» употребляется в образно-метафорическом значении «2. Жестокий, свирепый, дикий» [12, с. 80], а в словосочетании «*звериное* убийство» речь идет об убийстве зверей, животных. За счет предлогов *от* и *до* между этими словосочетаниями Б.А. Ахмадулина усиливает экспрессию стихотворения.

Таким образом, в поэтических текстах Б.А. Ахмадулиной встречаются однокоренные слова, не являющиеся языковыми синонимами и антонимами. Данные лексемы, не представляющие собой системно-языковое явление, часто обладают в стихотворениях своеобразной семантикой: такие слова, иногда являющиеся паронимами, как бы занимают промежуточное положение между синонимами и антонимами. При этом такие лексемы, как и другие языковые единицы, участвующие в морфемном повторе, выполняют в произведении ту или иную функцию: создают художественные образы, участвуют в организации художественного пространства поэтического текста и т. д.

Библиографический список

1. Алешка Т.В. «Стихотворения чудный театр...» // Ахмадулина Б. Стихотворения. М.: Эксмо, 2008. С. 5–28.
2. Русская грамматика: в 2 т. Т. I. М.: Издательство «Наука», 1980. 784 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд. М.: Азъ, 1994. 928 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: в 4 т. Т. IV. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. 1144 с.
5. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37000 слов русского яз., объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 1022 с.
6. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт.: более 145 000 слов. Т. I, II. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2008. 861 с., 942 с.
7. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2001. 415 с.
8. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. II / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 856 с.
9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд. М.: Ком Книга, 2007. 576 с.
10. Вишнякова О.В. Русский язык: Практикум по паронимии: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1990. 158 с.
11. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 10-е изд. М.: Айрис-пресс, 2008. 448 с.
12. Колесников Н.П. Словарь паронимов русского языка. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1971. 343 с.

References

1. Aleshka T.V. «*Stikhotvoreniia chudnyi teatr...*» [«Wonderful theatre of the poem...»]. In: *Akhmadulina B. Stikhotvoreniia* [Akhmadulina B. Poems]. М.: Eksmo, 2008, pp. 5–28 [in Russian].

2. *Russkaia grammatika: V 2-kh tt.* [Russian grammar: in 2 Vols]. Vol. I. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1980, 784 p. [in Russian].
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions]. 2nd edition. M.: Az", 1994, 928 p. [in Russian].
4. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: Sovremennoe napisanie: V 4-kh tt.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language: Modern writing: In 4 Vols]. Vol. IV. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'», 2004, 1144 p. [in Russian].
5. Shirshov I.A. *Tolkovyi slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo iazyka: Ok. 37000 slov russkogo iaz., ob"edinennykh v 2000 slovoobrazovatel'nykh gnezd: Kompleksnoe opisanie russkoi leksiki i slovoobrazovaniia* [Explanatory word-formation dictionary of the Russian language: About 37000 words of the Russian language, united in 2000 word-formation nests: Complex description of Russian vocabulary and word formation]. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo «Russkie slovari»: ZAO NPP «Ermak», 2004, 1022 p. [in Russian].
6. Tikhonov A.N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo iazyka: V 2-kh tt.: bolee 145 000 slov. T. I, II. 3-e izd., ispr. i dop* [Word-formation dictionary of the Russian language: In 2 Vols.: more than 145 000 words. Vol. I, II. 3rd ed., revised and enlarged. M.: AST: Astrel', 2008, 861 p., 942 p. [in Russian].
7. Fomina M.I. *Sovremennyi russkii iazyk. Leksikologija. 4-e izd., ispr* [Modern Russian language. Lexicology. 4 ed., revised]. M.: Vyssh. shk., 2001, 415 p. [in Russian].
8. *Slovar' sinonimov russkogo iazyka: V 2-kh tt. T. II. Pod red. A.P. Evgen'evoi* [Dictionary of synonyms of the Russian language: In 2 Vols. Vol. II. A.P. Evgenieva (Ed.)]. M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003, 856 p. [in Russian].
9. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov. 4 izd.* [Dictionary of linguistic terms. 4th ed.]. M.: Kom Kniga, 2007, 576 p. [in Russian].
10. Vishniakova O.V. *Russkii iazyk: Praktikum po paronimii: Ucheb. posobie* [Russian language: Practicum on paronymy: Textbook]. M.: Vyssh. shk., 1990, 158 p. [in Russian].
11. Golub I.B. *Stilistika russkogo iazyka. 10-e izd.* [Stylistics of the Russian language. 10th ed.]. M.: Airis-press, 2008, 448 p. [in Russian].
12. Kolesnikov N.P. *Slovar' paronimov russkogo iazyka* [Dictionary of paronyms of the Russian language]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1971, 343 p. [in Russian].

E.V. Uryadnikova*

SEMANTIC RELATIONS OF COGNATE LEXEMES IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE POETRY OF B.A. AKHMADULINA)

The article analyzes the semantic relations between words with repeated roots in the poetic texts of B.A. Akhmadulina. Such lexemes from the semantic point of view often are intermediate between synonyms and antonyms, at the same time sometimes being paronyms.

Key words: cognate lexemes, semantic relations, synonyms and antonyms, paronyms, artistic field of the text.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* Uryadnikova Elena Vladimirovna (lena-prima@mail.ru), Department of Russian Language, Moscow State University of Education, 1/1, M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НОВЕЙШЕГО АНГЛИЦИЗМА *ИНДИ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье на основе контекстуального анализа моделируется и описывается семантическая структура новейшего англоязычного заимствования *инди*. Проведенный анализ контекстов показывает сферы, в которых англицизм *инди* функционирует наиболее активно. Сравнение значений, зафиксированных в толковых словарях английского языка, и значений, в которых рассматриваемая лексема употребляется в русскоязычном дискурсе, позволяет сделать вывод об изменениях семантики заимствования. В ходе исследования было обнаружено усложнение семантической структуры заимствования *инди*: выявлены новые значения лексемы *инди*, сформированные в русском языке: «жанр кинематографа» и «жанр видеоигр».

Ключевые слова: англицизм, семантическая структура, контекстуальный анализ, медиатекст, дискурс.

Данное исследование посвящено новейшему англицизму *инди*, который восходит к английскому прилагательному *indie* (от *independent* — «независимый, самостоятельный»). Цель данного исследования — выявить семантическую структуру англицизма *инди* на основе контекстуального анализа, проведенного на материале современных медиатекстов. Материал исследования составляют 227 единиц употребления англицизма *инди*. Источниками материала послужили: «Национальный корпус русского языка», интернет-издания «Colta.ru», «The Village», «Look At Me», «FurFur», «Wonderzine», «Большая Деревня».

Термин *медиатекст* понимается как «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций», то есть термин *медиатекст* рассматривается как гипероним ряда предшествующих терминов: журналистский текст, PR-текст, публицистический текст, газетный текст, теле- и радиотекст, рекламный текст, текст интернет-СМИ и т. д. Три основные сферы его функционирования — журналистика, PR и реклама [1, с. 13].

Выбор в качестве предмета исследования англоязычного заимствования *инди* обусловлен частотностью его использования в современных медиатекстах и живой речи. Популярность данного англицизма объясняется актуальностью обозначаемых им реалий — независимых музыкальных групп, музыкального стиля, независимых фильмов и режиссеров, независимых видеоигр.

Англицизм *инди* не зафиксирован в словарях иностранных слов русского языка. Поэтому обратимся к толкованию слова *indie* в английском языке. Как прилагательное *indie* используется в английском языке для характеристики музыки и фильмов, которые выпускаются небольшими самостоятельными компаниями; существительное *indie* обозначает саму эту компанию (музыкальную, телевизионную или кинокомпанию) [2]. В некоторых словарных источниках есть указание на то, что *indie* может использоваться для обозначения жанра музыки.

Значение лексемы *indie* претерпевало изменения. Появившись в языке, это слово указывало на независимый характер творческого процесса (производства музыки или фильмов). По метонимической логике данная лексема стала обозначать не только сами независимые звукозаписывающие и кинокомпании, но и музыкантов, работающих с такими компаниями, создаваемую ими музыку, независимых режиссеров и их фильмы.

*© Гуськова А.С., 2016

Гуськова Анна Сергеевна (rusalkaivsetut@mail.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Затем вследствие развития технологий, появления Интернета и расширения возможностей самостоятельного создания и распространения продуктов творчества стало возможным не только самостоятельно записывать музыку хорошего качества, но и доводить ее до слушателя без участия крупных компаний-посредников. Инди-музыка завоевала популярность и обрела коммерческий успех, увеличилось число инди-музыкантов. Под действием этого экстралингвистического фактора термин *инди* был переосмыслен, и у него появилось значение, характеризующее сам музыкальный стиль. *Инди*, таким образом, встало в один ряд с другими современными жанровыми наименованиями: *классика*, *джаз*, *рок*, *рэп*, *поп* и т. д. Распространение инди-фильмов, увеличение их числа привело к тому, что у лексемы *инди* появилось новое значение — «определенный жанр фильмов».

В большинстве случаев англицизм *инди* используется в русском языке для выражения идеи независимого творчества. Наиболее часто англицизм *инди* употребляется для обозначения явлений музыкальной сферы — 175 примеров из 227. Англицизм *инди* используется в следующих значениях.

1. «**Независимая музыка**» (24 контекста). В данных контекстах семантика англицизма *инди* указывает только на независимый характер творчества. Во многих контекстах актуализируется противопоставление «независимая музыка» — «коммерческая музыка». Ср.: *Советская рок-музыка по понятным причинам была пронизана духом DIY всю первую половину десятилетия: образцами инди при желании можно назвать хоть группу «Центр», хоть раннее «Браво»* (Антощенко Е. Полвека инди. URL: <http://www.colta.ru/articles/jagermeisterindieawards/4861>). *Противовесом русской массовой культуре стала культура западная, отняв эту функцию у русской контр-культуры. Результатом этого стала комичная ситуация, когда под «инди» руководство Русского MTV подразумевает группу «Король и Шут» и «Ария»* (Занимательная морфология. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/people/270-zanimatel'naya-morfologiya>). *Прямо сейчас стираются границы между мейнстримом и андеграундом или, если хотите, инди. В первую очередь, благодаря Интернету* (Катовский Ю. Современный R&B: больше не стыдно. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/music-radar/110139-r-b>).

2. «**Определенный музыкальный стиль (жанр)**» (149 контекстов). Данное значение лексемы *инди* сформировалось позднее, так как возникновение самой новой реалии — музыкального стиля — обусловлено появлением большого количества независимых музыкальных групп. Ср.: *В составе The Libertines, мешавших инди с постпанком и гаражным роком, Дозэрти выпустил всего два альбома* (Бочкина Л. Последний герой // РБК Daily. 2009 27 авг.). *Чикагцы Ното неизменно продолжают гнуть свою ни на что непохожую линию, экспериментируя со смешиванием в одном большом котле модального джаза, инди, афробита, легкого пост-рока в стиле Four Tet и очень много чего еще* (Сегодня ты играешь джаз, а завтра. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/music-radar/63271-nu-jazz>).

3. «**Лицо, связанное с независимой музыкой**» (исполнитель или поклонник) (2 примера). Данное значение является результатом метонимического переноса. Лексема *инди*, характеризовавшая музыку, стала использоваться для обозначения людей, связанных с этой музыкой. Ср.: *В ближайшем будущем появится дебютный альбом группы. <...> Как сказал мне один англичанин: «Они же — инди в чистейшем виде! Они даже с кассетными плеерами ходят!»* (A new hope. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/music-radar/1958-a-new-hope>).

В 31 контексте из 227 заимствование *инди* используется для обозначения явлений сферы кинематографа. В этой сфере англицизм *инди* употребляется в следующих значениях.

1. «**Независимое кино**» (13 контекстов). Независимое кино, имеющее, как правило, невысокий бюджет и не рассчитанное на широкую аудиторию, противопоставляется филмам-блокбастерам, удовлетворяющим вкусам большинства и собирающим в прокате значительные суммы. В контекстах часто присутствуют лексемы, близкие по семантике к понятию «независимое кино» (*инди*), и также могут присутствовать слова и словосочетания, именующие другой семантический полюс. Ср.: *Друг Тарантино и режиссер-многостаночник (блокбастеры или малобюджетное инди — неважно) Роберт Родригез добавляет на каждый DVD со своим фильмом 10-минутный и действительно полезный курс молодого кинобойца* (Трабун Д. 10 неожиданных документальных фильмов о кино. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/inspiration-lists/197115-film-making>). В этом примере присутствует лексема, семантически поддерживающая заимствование *инди* — *малобюджетное*, а также

другое заимствование *блокбастеры*, семантически противопоставленное ему. Находясь в лексическом окружении этих двух слов, англицизм *инди* становится более понятным незнакомому с английским языком читателю. Но в 1989 году все резко изменилось с выходом дебютного фильма Стивена Содерберга «Секс, ложь и видео». <...> Он ознаменовал начало эпохи «*инди*», доказав, что независимое кино может приносить деньги. И *Miramax* оказались во главе движения (Похвалин А. *Miramax*: Братья, кино и мегакорпорации. URL: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/film-radar/96249-miramax>) — в данном контексте присутствует словосочетание *независимое кино*, синонимичное англицизму *инди*.

2. «**Определенный жанр кинематографа**» (16 контекстов). На основе наиболее характерных особенностей независимых фильмов сформировалось представление о жанре «*инди*», и в семантической структуре лексемы появилось новое значение. Такой же путь заимствования *инди* проходило в музыкальной сфере — наряду со значением «независимая музыка» появилось значение «определенный музыкальный стиль». Во многих контекстах присутствуют слова-маркеры, помогающие понять, что под *инди* подразумевается именно определенный жанр фильмов. Ср.: *История об адвокате, который пытается разобраться с изменой умирающей жены и семейным наследством, выдержана в жанре «окологолливудского инди»* (Страховская О. Фильмы недели. URL: <http://www.the-village.ru/village/weekend/weekend/111425-movies-of-the-week-27-01-2012>) — в этом контексте предложно-падежная форма *в жанре* однозначно указывает на то, что *инди* здесь обозначает именно определенный тип фильмов. *Вы снимались в культовых фильмах, в фильмах инди, в драмах, в боевиках и даже получили «Оскар» за картины «Покидая Лас-Вегас» и «Адаптация»* (Галкина Г. Николас Кейдж: «Я хотел побриться наголо и сделать татуировку» // Труд-7. 2010. 14 апр.) — *инди* в этом контексте стоит в ряду однородных членов, называющих жанры фильмов, следовательно, и сам англицизм указывает на киножанр.

3. «**Независимый режиссер**» (2 примера). Данное значение — результат метонимического переноса с объекта действия на субъект действия. Англицизм *инди* стал называть самих создателей фильмов, а именно — режиссеров. Ср.: *А другая группа режиссеров <...> научится искать гранты в европейских фондах, находить небольшие деньги здесь и, как делают американские инди, снимать кино за 200–300 тысяч долларов...* (Ванунц Г. Сэм Клебанов: «Режиссеры будут тихо страдать, мучиться и снимать кино на мобильные телефоны». URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/180099-intervyu-s-semom-klebanovym>).

В 21 примере из 227 англицизм *инди* используется для обозначения явлений сферы видеоигр. Понятие *независимая видеоигра* (от англ. *independent video game*) обозначает видеоигру, созданную отдельным разработчиком или небольшим коллективом без финансовой поддержки издателя видеоигр. Рассмотрим значения, в которых заимствование *инди* употребляется в сфере видеоигр.

1. «**Независимая видеоигра**» (1 пример):

Контрпример того, какими игры должны быть, тоже находится: чаще всего это очередное инди, работающее по правилам современного галерейного искусства (Что делает видеоигры искусством. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/opinion/190633-video-games>) . Несмотря на то что этот пример единственный, факт такого употребления говорит о потенциальной возможности англицизма использоваться в этом значении. Архисема «независимость» дополняется разными дифференциальными семами в зависимости от конкретной сферы употребления.

2. «**Независимый разработчик видеоигр**» (15 контекстов).

Ср.: *С появлением разнообразных магазинов для продажи игр все инди одинаково конкурируют между собой. Иностранным инди, конечно же, легче в каких-то вещах...* (Пророков Г. Кто делает местные инди-игры, часть 3. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/industry-research/205599-local-indies-part-3>).

3. «**Сфера независимых видеоигр**» (5 контекстов).

В этих контекстах под *инди* подразумевается сама сфера независимых видеоигр: *Когда мы собрали Broken Rules в середине 2000-х, об инди не было речи, а теперь тут гигантская независимая сцена...* (Пророков Г. Инди-игра недели: Secrets of Raetikon. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/direct-speech/203415-indie-game-secrets-of-raetikon>).

Лексема *инди* обнаруживает семантическую универсальность: она способна употребляться в сферах, связанных с творческой деятельностью, для обозначения независимого

характера творчества. Помимо этого, *инди* может называть субъектов творчества (музыкантов, режиссеров, разработчиков видеоигр), а также продукты творчества (саму музыку, фильмы, видеоигры). В результате функционирования в русскоязычном дискурсе у лексем *инди* усложнилась семантическая структура — в ходе исследования выявлены новые значения, сформированные в русском языке — «жанр кинематографа» и «жанр видеоигр».

Библиографический список

1. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.
2. Cambridge English Dictionary and Thesaurus. Cambridge University Press. 2016. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/indie>.
3. Интернет-издание «Colta.ru». URL: <http://www.colta.ru>.
4. Интернет-издание «FurFur». URL: <http://www.furfur.me>.
5. Интернет-издание «Look At Me». URL: <http://www.lookatme.ru>.
6. Интернет-издание «The Village». URL: <http://www.the-village.ru>.
7. Интернет-издание «Wonderzine». URL: <http://www.wonderzine.com>.
8. Интернет-издание «Большая Деревня». URL: <http://bigvill.ru>.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.

References

1. *Sovremennyi mediatekst: uchebnoe posobie* [Modern media text: training manual]. Omsk, 2011, 414 p. [in Russian].
2. *Cambridge English Dictionary and Thesaurus*. Cambridge University Press, 2016. Retrieved from: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/indie> [in English].
3. Internet-izdanie [Online media] «Colta.ru». Retrieved from: <http://www.colta.ru> [in Russian].
4. Internet-izdanie [Online media] «FurFur». Retrieved from: <http://www.furfur.me> [in Russian].
5. Internet-izdanie [Online media] «Look At Me». Retrieved from: <http://www.lookatme.ru> [in Russian].
6. Internet-izdanie [Online media] «The Village». Retrieved from: <http://www.the-village.ru> [in Russian].
7. Internet-izdanie [Online media] «Wonderzine». Retrieved from: <http://www.wonderzine.com> [in Russian].
8. Internet-izdanie [Online media] «Большая Деревня» [«Big Village»]. Retrieved from: <http://bigvill.ru> [in Russian].
9. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Retrieved from: <http://ruscorpora.ru> [in Russian].

A.S. Gus'kova*

SEMANTIC STRUCTURE OF THE NEWEST LOANWORD FROM ENGLISH *INDIE* IN THE MODERN RUSSIAN DISCOURSE

The article gives the model of the semantic structure of the newest loanword from English *indie* that was made by means of contextual analysis. Research of the collected contexts allowed to determine scopes of the most frequent use of the loanword *indie*. Matching the meanings of the word *indie* in English dictionaries and the meanings of the loanword *indie* in the modern Russian discourse makes possible to mark modification of the meaning of the word *indie*. The study established that loanword *indie* is complicated in its semantic structure. Two new meanings of the loanword *indie* are formed in Russian — «the cinema genre» and «the genre of video games».

Key words: loanword, semantic structure, contextual analysis, media text, discourse.

Статья поступила в редакцию 10/VII/2016.
The article received 10/VII/2016.

---

* Gus'kova Anna Sergeevna (rusalkaivsetut@mail.ru), Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРЕЗЕНТАЦИОННОЙ СТАТЬИ И ИХ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В данной работе рассматривается презентационная статья как новый жанр PR-текста. Особое внимание уделено композиции текста обозначенного жанра. Выявлены и проанализированы основные структурные элементы презентационных статей и их прагмалингвистические особенности. Сделаны выводы о необходимости формирования каждого структурного элемента в зависимости от целевой аудитории и в соответствии с общими целями и задачами текста.

Ключевые слова: прагмалингвистика, связи с общественностью, презентационная статья, интернет-дискурс, структура PR-текста.

В поле зрения ученых, занимающихся проблемами новаций в сфере дискурса, в настоящее время все чаще попадают тексты, размещенные в сети Интернет. «Язык Интернета быстро входит в речевой репертуар всех членов социума. Уже можно говорить о новом для лингвистики понятии – интернет-дискурсе и, возможно, о новом направлении в лингвистике – интернет-лингвистике» [1; с. 3].

Объектом нашего изучения является такой новый тип PR-текста, как презентационная статья. Презентационная статья – это жанр PR-текста, функционирующий в производственной сфере маркетинговых коммуникаций, размещенный на корпоративном сайте организации и имеющий своей целью дать целостное и положительное представление о компании пользователю или адресату, который зашел на сайт впервые и заинтересован в установлении коммерческих отношений с субъектом.

Как справедливо замечает Е.С. Рыженко, «Корпоративный сайт предназначен для создания у посетителя запоминающегося и привлекательного образа фирмы. Если фирма коммерческая, то через сайт возможно установление контактов с покупателями, поставщиками и т. п. Если фирма не заинтересована в организации торговли через сайт, сетевое представительство может стать уникальным инструментом брендинга в силу его общедоступности» [2, с. 25].

Такой тип PR-текстов, как презентационная статья, ранее не рассматривался исследователями, а потому изучение подобного объекта носит инновационный характер. Языковым материалом для изучения презентационных статей послужил массив шестидесяти четырех текстов, расположенных на корпоративных сайтах рекламных и PR-агентств г. Самары. Для описания презентационной статьи как жанра PR-текста мы обратились к комплексному изучению текстов из обозначенной выборки. Одним из актуальных аспектов исследования оказалось изучение структуры презентационных статей. В результате проведенной работы мы обозначили основные структурные элементы текста этого жанра и их прагмалингвистические особенности.

Одну из немаловажных задач в презентационных статьях выполняют **заголовки** и **подзаголовки**. Наличие заголовков – это обязательная составляющая, характерная для текстов

---

* © Важаева Е.А., 2016

Важаева Екатерина Алексеевна (mediamed13@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

подобного рода. В массиве проанализированных текстов заголовков имеют 92,2 % текстов. Среди них 29,7 % заголовков дублируют или содержат в себе название компании («Добро пожаловать на сайт рекламно-производственной компании «Арт-Пресс»). В 28,1 % случаев функцию заголовка выполняет «шапка» сайта. 17,2% заголовков имеют стандартный вид: *о нас* или *о компании*. В 17,2 % заголовков используются ключевые слова, призванные оптимизировать текст под поисковые системы сети Интернет. К ключевым словам в данной товарной категории следует отнести следующие: *полиграфия, наружная реклама, рекламное агентство, разработка сайтов* и другие. Использование тех или иных ключевых слов зависит от специфики направления работы каждой организации. В 7,8 % случаев заголовок отсутствует. Это характеризует тексты как требующие доработки, поскольку отсутствие заголовка у PR-текста любого жанра отрицательно сказывается на его эффективности.

Что касается подзаголовков, то в данном жанре PR-текста они не являются обязательными и влияют на общую эффективность статьи косвенно. Подзаголовок, имеющий собственную функцию, присутствует лишь у 40,6 % проанализированных текстов. Чаще всего подзаголовочный комплекс подкрепляет поисковую оптимизацию по тем же ключевым запросам, которые указаны в заголовке, или носит анонсирующий характер. Так, у презентационной статьи агентства брендинга и рекламы «LENIN» имеется четыре подзаголовка: *Цена, Продукт, Процесс, Семь правил агентства «LENIN»*. Они определяют дальнейшую структуру текста. В 54,7 % случаев подзаголовки отсутствуют. Это обусловлено краткостью текста презентационной статьи и функциональным членением на смысловые абзацы в случае, если статья имеет средний объем.

Таким образом, заголовочные комплексы презентационных статей строго мотивированы. Выбор того или иного заглавия зависит от направления работы каждого агентства, а также от технических усилий компаний по поисковой оптимизации сайта.

Членение на блоки. Презентационная статья имеет четко выраженную структуру. Это подтверждают 55 проанализированных текстов (86 %). Ведущими элементами здесь становятся три основных блока: блок субъекта рекламирования (71,9 % текстов), блок объекта рекламирования (53,1 % текстов) и блок мотивов (51,6 % текстов). Дополнительные блоки, которые могут присутствовать в презентационной статье, это: блок адресата рекламирования (48,4 % текстов) и блок проблемы (15,6 % текстов). 14 % текстов не имеют четкого членения на блоки, информация в таких текстах представляется хаотично и не может претендовать на высокий уровень эффективности. Рассмотрим информацию, представленную в блоках, подробнее.

а) **Блок субъекта рекламирования (СР)** посвящен основным направлениям работы компании, в нем даются ключевые сведения об организации и используются приемы для обозначения значимости СР, например использование конкретных чисел: *Наша компания специализируется на производстве и поставках бизнес-сувениров. Уже девять лет мы изготавливаем для Вас подарочную продукцию любой сложности в самые сжатые сроки. За годы своей работы мы реализовали более 3000 проектов в 18 регионах России. Нам доверили разработку и изготовление корпоративных подарков как подразделения крупнейших корпораций — Сбербанк, Газпром, Роснефть, так и сотни предприятий среднего бизнеса (ПРК «Акцент-реклама»).*

б) В **блоке объекта рекламирования (ОР)** автор текста называет основные предоставляемые услуги, приводя возможность удовлетворения определенной потребности с помощью этого ОР: *Наружная реклама включает: вывески, навесные вентилируемые фасады, световые короба (лайтбоксы), крышные установки, объемные буквы, оформленные витрины, штендеры, неоновые вывески, билборды (рекламные щиты), пилоны, рекламу на транспорте, баннеры и перетяги. Любые из этих элементов можно заказать и приобрести в рекламно-производственной компании «Винил Самара» (РПК «Винил Самара»).*

в) **Блок мотивов** имеет своей целью привлечь внимание целевого клиента с помощью различных мотивов, чаще всего рациональных. Блок мотивов является одним из основных блоков, так как производственная сфера маркетинговых коммуникаций пред-

полагает рациональный подход к принятию решения о покупке: *Рекламно-производственная компания «Красные перцы» предлагает вам отличное качество выполнения работ, оперативное выполнение заказа, приемлемые цены* (РПК «Красные перцы»).

г) **Блок адресата рекламирования (АР)** не является ключевым в жанре презентационной статьи по той причине, что коммуникация с АР носит диффузный характер и поддерживается на протяжении всего текста, не занимая твердой позиции в какой-либо его части. Однако в некоторых случаях блок АР может быть обособлен. Чаще всего это бывает в том случае, если в тексте происходит сегментация целевых аудиторий: *Мы работаем не только с крупными организациями, но также и с начинающими предпринимателями, только-только открывшими свой бизнес* (РПА «Рекламный завод»).

д) **Блок проблемы** – блок, описывающий проблему адресата, которую стремится решить СР. Помимо выражения основной проблемы, в презентационной статье налаживается коммуникация с АР, поэтому в большинстве случаев блок проблемы располагается в самом начале текста: *Всем давно известно, что без качественной рекламы невозможно существование какого-либо бизнеса. Более того, от правильности построения рекламной кампании зависит то, сколько клиентов будет у заказчика, и какое изначальное мнение о нем у них сложится. Именно поэтому так важно знать, какие BTL- агентства Самары существуют и на какие из них можно будет положиться в деле организации своей рекламной кампании* (РПА «Radiance»).

Таким образом, презентационная статья включает в себя пять блоков. Основные блоки составляют каркас данного вида PR-текстов, дополнительные блоки расширяют возможности основных блоков и подкрепляют эффективность текста в целом.

Эхо-фраза. Благодаря своему определенному расположению в тексте эхо-фраза непроизвольно обращает на себя внимание АР. «Эхо-фраза (tag, tag line) – короткое сообщение, выражение, стоящее в конце текстового рекламного обращения, которое повторяет (дословно или по смыслу) заголовок либо основной мотив обращения. Особенно эффективна в рекламных объявлениях большого объема» [3, с. 265]. В проанализированном массиве текстов эхо-фраза используется в 67,2 % случаев (43 статьи). В 60,9 % случаев эхо-фраза носит функциональный характер и преследует определенные цели. В 6,3 % случаев данный элемент не несет в себе прагматики и определен нами как нефункциональный.

В презентационных статьях эхо-фраза используется с двумя различными целями. Во-первых, часто ее используют для придания сообщению законченного вида: *Мы работаем для того, чтобы ваш бизнес выходил на новый уровень развития!* (агентство общественных коммуникаций «Master Media»). Во-вторых, эхо-фраза повторяет и заключает в себе основные моменты всего текста либо в своем информативном содержании подчеркивает основное преимущество продвигаемого объекта. Например, в последнем абзаце презентационной статьи ООО «АБВ» используется эффект аккумуляции всех положительных сторон СР: *Основные принципы, которыми руководствуется наша рекламная фирма в работе с заказчиками, – это индивидуализированный подход, максимальное удовлетворение всех пожеланий клиента, бескомпромиссное соблюдение сроков, качество и эффективность рекламной продукции* (ООО «АБВ»).

Наибольшую эффективность эхо-фраза приобретает именно тогда, когда эти две цели синтезируются: *Наша дизайн-студия предложит Вам не просто яркую идею, а проект, который будет реализован в рамках конкретной задачи и бюджета* (брендинговая компания «Бизнес-максимум»).

Из целей использования эхо-фразы вытекают и ее основные функции: 1) отражение основной мысли презентационной статьи; 2) актуализация основного потребительского преимущества; 3) придание сообщению завершенности. Нефункциональной эхо-фразе следует считать в том случае, если ни одна из указанных целей не достигается, ни одна из основных функций не реализуется: *Твой мир – твоя «Alternativa!»* (ООО «Альтернатива»). Здесь не удовлетворяются вышеуказанные условия, а также присутствует недопустимое среди производственной целевой аудито-

рии обращение к адресату с помощью формы личного местоимения *ты*. Так, эхо-фраза наряду с заголовком презентационной статьи является важнейшей информационно-обобщающей частью, оказывающей на АР психологическое воздействие.

Таким образом, основными композиционными компонентами презентационных статей в производственной сфере маркетинговых коммуникаций являются: заголовок (имеется у 92,2 % проанализированных текстов), блок субъекта рекламы (71,9 % текстов), блок объекта рекламы (53,1 % текстов), блок мотивов (51,6 % текстов), а также эхо-фраза (67,2 % текстов). Дополнительные структурные компоненты – это подзаголовки (есть у 40,6% проанализированных текстов), блок адресата рекламы (присутствует у 48,4 % текстов) и блок проблемы (имеется у 15,6 % текстов). Каждый из структурных элементов презентационной статьи существует в тесной взаимосвязи с другими компонентами системы данного сообщения. Его элементы варьируются в зависимости от определенной целевой аудитории, ее психофизических характеристик, а также характеристик предлагаемых услуг и замысла автора.

Библиографический список

1. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 35 с.
2. Рыженко Е.С. Виды интертекстуальности в пресс-релизах, размещенных в Интернете: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 189 с.
3. Стефанов С.И. Реклама и полиграфия: опыт словаря-справочника. М.: Гелла-принт, 2004. 320 с.
4. Романова Т.П. Теория и методика создания коммерческих наименований и рекламных текстов: учебное пособие. Самара: Универс-групп, 2008. 156 с.
5. Картер Г. Эффективная реклама. М.: Прогресс, 1991. 280 с.
6. Маклюэн Г.М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011. 464 с.
7. Розенталь, Д.Э. Язык рекламных текстов. М.: Просвещение, 1981. 125 с.
8. Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста: учебно-практическое пособие. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. 232 с.

References

1. Ahrenova N.A. *Internet-diskurs kak global'noe mezhkul'turnoe iavlenie i ego iazykovoe oformlenie: avtoreferat diss. dokt. filol. nauk* [Internet discourse as a global intercultural phenomenon and its linguistic composition: Extended abstract of Candidate's of Doctor's of Philological sciences]. M., 2009, 35 p. [in Russian].
2. Ryzhenko E.S. *Vidy intertekstual'nosti v press-relizakh, razmeshchennykh v Internete: diss. kandidat filol. nauk* [Types of intertextuality in press releases posted on the Internet: Candidate's of Philological sciences thesis]. Volgograd, 2014, 189 p. [in Russian].
3. Stefanov S.I. *Reklama i poligrafia: opyt slovaria-spravochnika* [Advertising and printing industry: experience of glossary]. M.: Gella-print, 2004, 320 p. [in Russian].
4. Romanova T.P. *Teoriia i metodika sozdaniia kommercheskikh naimenovanii i reklamnykh tekstov: uchebnoe posobie* [Theory and methods of creation commercial names and advertising texts: schoolbook]. Samara: Univers-grupp, 2008, 156 p. [in Russian].
5. Karter G. *Effektivnaia reklama* [Effective advertising]. M.: Progress, 1991, 280 p. [in Russian].
6. McLuhan H.M. *Ponimanie media. Vneshnie rasshireniia cheloveka* [The Understanding of Media: The Extensions of Man]. M.: Kuchkovo pole, 2011, 464 p. [in Russian].
7. Rosenthal D.E. *Iazyk reklamnykh tekstov* [Language of advertising texts]. M.: Prosveshchenie, 1981, 125 p. [in Russian].
8. Feshhenko L.G. *Struktura reklamnogo teksta: Uchebno-prakticheskoe posobie* [Structure of an advertising text: workbook]. SPb.: Peterburgskii institut pechati, 2003, 232 p. [in Russian].

Ye.A. Vazhdaeva*

**COMPOSITIONAL ELEMENTS OF THE PRESENTATION ARTICLE
AND THEIR PRAGMALINGUISTIC FEATURES**

In this article we consider a presentation article as a new genre of PR-text. The focus is on the composition of the text of the designated genre. The main structural elements of the presentation articles and their pragmalinguistic features are identified and analyzed. The conclusions about the necessity of formation of each structural element depending on the target audience and in line with the overall goals and objectives of the text are made.

Key words: pragmalinguistics, public relations, presentation article, internet discourse, PR-text structure.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Vazhdaeva Yekaterina Alekseevna* (mediamed@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЕСЕ ОБЪЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ)**

Статья посвящена специфике функционирования концептуальной метафоры в дискурсе социальной психологии. Концептуальная метафора понимается как лингвокогнитивный процесс, участвующий в осмыслении и репрезентации нового знания по аналогии с уже известным. В частности, рассмотрен процесс метафорического моделирования психики человека в процессе социализации, социальном и межличностном взаимодействии на основе представления о весе объекта. Результаты исследования показали, что языковые маркеры «тяжести-легкости» участвуют в структурировании знания об отношении человека к социальным явлениям, в метафорическом моделировании его коммуникативных и адаптивных способностей. Процесс уменьшения веса объекта лежит в основе представления знания об эмоциональном фоне личности и когнитивных процессах, связанных с восприятием и обработкой информации.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическое моделирование, концепт «тяжесть», наивная картина мира, дискурс социальной психологии.

Метафора является активным лингвокогнитивным процессом, участвующим в осмыслении и представлении знания технических и гуманитарных наук: литературы, математики, лингвистики, политологии, геологии и др. [1–5]. Открытие метафоры как украшения речи оратора восходит к эпохе Древней Греции и Рима (Аристотель). Ее осмысление в качестве языкового феномена происходит в работах представителей структурной лингвистики (Ю.Д. Апресян, Г.Н. Скляревская и др.). Ограничение в понимании метафоры с позиции языковых структур привело к познанию ее гносеологической и концептуальной сущности, непосредственной связи языка и мышления, которая нашла свое отражение в философских и когнитивных работах [6; 7]. Метафора стала пониматься, с одной стороны, как способ познания мира, основанный на метафорической аналогии между новым знанием и представлением об уже известном, и, с другой стороны, как языковая форма представления этого знания.

Значимым компонентом методологического аппарата когнитивной лингвистики является концептуальная метафора, которая служит активной формой представления знания об абстрактных сущностях жизни человека [2; 6]. Абстрактные явления струк-

---

* © Рахимова А.Р., 2016

Рахимова Анастасия Рамеловна (nastena.rahimova@mail.ru), кафедра русского языка как иностранного, Институт международного образования и языковой коммуникации, НИИ Томский политехнический университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина, 30

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00302 «Метафорическая концептуализация в формировании терминосистем: гносеологические универсалии русской научной картины мира».

турируются в виде физически существующих объектов / пространств, формируя, таким образом, метафорическую модель [5], необходимую для целостного понимания определенной понятийной сферы. Вслед за отечественными и зарубежными когнитивистами (Дж. Лакофф, Ч. Филмор, В.В. Петров, З.И. Резанова, А.П. Чудинов и др.), в своей работе мы используем концептуальную метафору в качестве базового инструмента в исследовании способов репрезентации знания.

Активной формой представления информации о внутреннем мире человека является экспериенциальная лексика, используемая в переносном значении [8]. В рамках данного исследования нас интересует функционирование лексемы «тяжелый» в репрезентации знания о психике человека. Среди работ, посвященных вопросу изучения экспериенциальной лексики, мы опираемся на исследование Г.И. Кустовой, которая рассматривает функционирование концепта «тяжесть» в наивной картине мира. К метафорическим ситуациям употребления лексемы «тяжелый» автор относит характеристику: «объектов», которые обязывают человека к выполнению каких-либо действий (*тяжелые налоги / ответственность*), внутренних состояний и ощущений (*тяжелый сон / тяжелая болезнь*) и внешних воздействий как каузаторов таких состояний (*тяжелая потеря / положение / в тяжелую минуту*) [8, с. 301]. В связи со значимостью этого концепта для наивной картины мира мы решили рассмотреть его роль в метафорической организации знания о внутреннем мире человека в социальной психологии.

Цель настоящей работы — показать специфику метафорической организации знания о психике на основе представлений о весе объекта.

Материалом для исследования послужили академические издания по социальной психологии (общий объем материала 3900 стр.). В процессе анализа было выявлено 405 контекстных метафор.

Результаты нашего исследования показали, что в дискурсе социальной психологии метафорическое моделирование психики человека строится на основе представления о «тяжести» объекта (*оценка внешних фактов и событий действительности*); на основе представления о «тяжести» объекта и процессе уменьшения его веса (*психические состояния человека; когнитивные процессы*) и на основе ощущения «тяжести» — «легкости» объекта (*социальное взаимодействие; типы личности и ее акцентуации*).

Обратимся к рассмотрению каждой понятийной сферы более подробно.

1. Оценка внешних фактов и событий действительности.

В метафорическом выражении оценки в рамках дискурса социальной психологии ощущение «тяжести» связано с неоднозначным, отрицательным отношением человека к процессу социализации. Социальный порядок и социальные нормы, устанавливающие определенные стандарты жизни, уподобляются представлению об объекте, обладающем большим весом: *важно иметь в виду, что объективность институционального мира — сколь бы тяжелой ни казалась она индивиду — созданная человеком, сконструированная объективность* [9, с. 42]; *в становящемся новом типе общества его нормы ... воспринимаются многими социальными группами достаточно тяжело* [10, с. 17].

2. Психические состояния, чувства и эмоции человека.

Метафорическое моделирование нестабильного эмоционального фона личности также связано с представлением о «тяжести» объекта и процессе уменьшения его веса. С одной стороны, нормальное психическое состояние не маркируется, как и всякое представление о норме, но его изменение обозначается с привлечением лексемы «тяжесть»: *трезвая оценка своего состояния без склонности преувеличивать его тяжесть и без основания видеть все в мрачном свете, но и без недооценки его тяжести* [11, с. 138]. Как правило, это негативное психическое состояние, характеризующееся высокой интенсивностью: *человек в состоянии депрессии испытывает тяжёлые, мучительные переживания подавленности, тоски, отчаяния* [12, с. 347].

Интенсивность эмоций передается с помощью представлений о грузе: *обстоятельства, в которой она происходит, сопряжены с большой эмоциональной нагрузкой* [9, с. 88]; *...они управляют коммуникацией без существенной эмоциональной нагрузки партнеров по общению* [13, с. 92].

Работа психолога-консультанта, направленная на активизацию внутренних психологических ресурсов человека, позволяющих справиться с негативным состоянием, моделируется как процесс облегчения тяжести объекта: *психологическая защита позволяет хотя бы временно облегчить состояние...* [11, с. 117]; *кабинет психологической разгрузки* [14, с. 277].

3. Когнитивные процессы.

Ощущение тяжести лежит в основе метафорического представления информации, которую получает человек в процессе коммуникации. Информация номинируется в виде груза, которым можно заполнить объект — сознание человека: *организация пространства и времени коммуникативного процесса выступает также особой знаковой системой, несет смысловую нагрузку как компонент коммуникативной ситуации* [10, с. 47]; *наличие автономных невербальных средств общения ... позволяет рассматривать их вне речевого контакта как самостоятельные единицы общения с различной информационной нагрузкой* [13, с. 94]. Излишне большой объем информации, который человек не в состоянии воспринять, уподобляется представлению об объекте, обладающем избыточным весом, о чем свидетельствует термин «перегрузка»: *увеличение числа приближающихся индивидов действует как информационная перегрузка и приводит к возникновению стресса и дистресса* [13, с. 108].

Ощущение легкости лежит в основе репрезентации знания о процессах понимания и объяснения информации. Равно как и в научном дискурсе, данные когнитивные процессы уподобляются визуальному восприятию внешнего мира как наиболее достоверному источнику получаемого знания: *легко видеть, что каждое из обозначенных здесь направлений исследования имеет большое прикладное значение...* [10, с. 46]; *это легко показать на примерах...* [15, с. 18]; *отличие от полной ресоциализации тут легко заметить...* [9, с. 108]. Ощущение легкости является аналогией быстроты понимания информации и простоты ее интерпретации: *под социально желательным понимается поведение, соответствующее социальным и культурным нормам и, стало быть, сравнительно легко и однозначно объясняемое* [11, с. 38].

4. Социальное взаимодействие.

Процесс социального взаимодействия уподобляется представлению о взаимодействии с объектом. Социум имеет иерархически организованную структуру, в соответствии с которой каждый человек как социальная ячейка общества подвергается влиянию вышестоящих элементов. Вступая в социальные отношения, человек (объединение людей) моделируется в виде объекта, обладающего незначительным весом. Возможность совершения физических действий с объектом данного типа становится аналогией социального влияния и управления: *принятие членами коллектива нормативных требований: им легко и без принуждения «сверху», «снизу» и «сбоку» подчиняются* [11, с. 165]; *...человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния...* [13, с. 24].

Несоответствие социальным убеждениям обозначается на основе ощущения «тяжести» объекта: *все утверждали, что мнение большинства давит весьма сильно, и даже «независимые» признавались, что противостоять мнению группы очень тяжело, так как всякий раз кажется, что ошибаешься именно ты* [10, с. 104].

5. Типы личности и ее акцентуации.

В дискурсе социальной психологии знание о типах личности связано с коммуникативными, организаторскими и адаптивными способностями человека. Определен-

ный тип личности структурируется в виде объекта, сложность установления контакта с которым воспринимается окружающими на основе ощущения определенного веса. К «тяжелым» типам относятся эгофильный и истероидный типы личности: *но эгофильный тип может быть одной из причин формирования такого варианта «тяжелого характера», которому присущи чрезмерный эгоизм, подозрительность, мнительность, истеричность, трусость* [12, с. 123]; *истероидный. Как руководитель — человек очень тяжелый, стрессогенный. Выраженная эмоциональная неустойчивость (от любви до ненависти — один шаг)* [11, с. 170].

Представление о легком объекте лежит в основе репрезентации знания о высоком уровне адаптивных способностей человека, позволяющих ему быстро приспособиться к новой обстановке: *благодаря самоконтролю такие люди с легкостью адаптируются к новой работе, ролям и взаимоотношениям* [9, с. 402]; *гипертимы легко осваиваются в незнакомой обстановке* [16, с. 1993]. Одновременно гипертимный тип личности моделируется на основе представлений о слишком малом весе: отсутствие серьезности и ответственности в принятии решений структурируется в виде легкости мыслей: *гипертимный. Негативные черты: Неорганизованность. Легкомысленность* [11, с. 169].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В дискурсе социальной психологии языковые маркеры «тяжелый»/«легкий» привлекаются для метафорического обозначения отношения человека к социальным процессам. Ощущение «тяжести» лежит в основе передачи знания о сложности социальной адаптации и непринятии социальных норм и требований. Ощущение «легкости» структурирует представление об успешном социальном взаимодействии. Бинарная оппозиция «тяжести — легкости» в дискурсе социальной психологии привлекается для метафорического моделирования знания о когнитивных процессах восприятия и обработки информации, а также для представления знания об эмоциональном фоне личности и принципов действия, работы с ним.

Библиографический список

1. Чудинов, А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24) С. 86–93.
2. Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж: Изд-во РИЦ ЕФ. ВГУ, 2003. Ч. 1. 210 с.
3. Мишанкина Н.А., Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование структуры психики человека в научном психологическом дискурсе // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 3 (35). С. 57–72.
4. Кочеткова Т.В., Полухина О.Н. Репрезентация научной и обиходной картины мира в медицинских терминах-метафорах // Язык медицины. В честь В.Ф. Новодрановой. Самара: Изд-во КРУПТЕН-Волга, 2015. С. 323–327.
5. Деева А.И. Содержательная структура метафорического фрагмента нефтегазовой терминологической системы русского языка // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 385. С. 9–15.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во МГУ, 1982. 336 с.
8. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 277–304.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
10. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2007. 363 с.

11. Мокшанцев Р., Мокшанцева А. Социальная психология. М.: Новосибирск: Инфра-М, 2001. 408 с.
12. Крысько В.Г. Социальная психология: курс лекций. 3-е изд. М.: Омега-Л, 2006. 352 с.
13. Социальная психология: хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М.: Аспект Пресс, 2003. 475 с.
14. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: ЗАО Изд-во «Питер», 1999. 752 с.
15. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 576 с.
16. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, 1998. 2128 с.

References

1. Chudinov A.P. *Rossiiskaia politicheskaia metaforika v nachale XXI veka* [Russian political metaphors at the beginning of the XXI century]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics Journal]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2008, no. 1(24), pp. 86-93 [in Russian].
2. Rezanova Z.I., Mishankina N.A., Katunin D.A. *Metaforicheskii fragment russkoi iazykovoi kartiny mira: kliuchevye kontsepty* [Metaphorical fragment of Russian linguistic view of the world: the key concepts]. Voronezh: Izd-vo RITs EF. VGU, 2003, Part 1, 210 p. [in Russian].
3. Mishankina N.A., Rakhimova A.R. *Metaforicheskoe modelirovanie struktury psikhiki cheloveka v nauchnom psikhologicheskom diskurse* [Metaphorical modeling of human psyche structure in scientific psychological discourse]. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2015, no. 3(35), pp. 57-72 [in Russian].
4. Kochetkova T.V., Polukhina O.N. *Reprezentatsiia nauchnoi i obikhodnoi kartiny mira v meditsinskikh terminakh-metaforakh* [Representation of scientific and colloquial view of the world in medical terms-metaphors]. In: *Iazyk meditsiny. V chest' V.F. Novodranovoi* [Language of medicine. In honour of V.F. Novodranova]. Samara: Izd-vo KRYPTEN-Volga, 2015, pp. 323-327 [in Russian].
5. Deeva A.I. *Soderzhatel'naia struktura metaforicheskogo fragmenta neftegazovoi terminologicheskoi sistemy russkogo iazyka* [Content-related structure of metaphorical fragment of oil and gas terminological system of the Russian language]. *Vestn. Tom. gos. un-ta* [Tomsk State University Journal], 2014, no. 385, pp. 9-15 [in Russian].
6. George Lakoff, Mark Johnson. *Metaphors we live by*. London: University of Chicago Press, 2003, 256 p. (Russ. ed.: Lakoff D., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem: per. s angl. Pod red. A.N. Baranova*). M.: Editorial URSS, 2004, 256 p. [in Russian].
7. Velichkovskii B.M. *Sovremennaia kognitivnaia psikhologiya* [Modern cognitive psychology]. M.: Izd-vo MGU, 1982, 336 p. [in Russian].
8. Kustova G.I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia* [Types of derivative meanings and mechanisms of expanding the language]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, pp. 277-304 [in Russian].
9. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium, 1995, 323 p. [in Russian].
10. Andreeva G.M. *Sotsial'naia psikhologiya* [Social psychology]. M.: Aspekt Press, 2007, 363 p. [in Russian].
11. Mokshantsev R., Mokshantseva A. *Sotsial'naia psikhologiya* [Social psychology]. M.: Novosibirsk: Infra-M, 2001, 408 p. [in Russian].
12. Krysko V.G. *Sotsial'naia psikhologiya: Kurs lektsii* [Social psychology. lecture course]. M.: Omega-L, 2006, 352 p. [in Russian].
13. *Sotsial'naia psikhologiya: Khrestomatiia. Sost. E.P. Belinskaia, O.A. Tikhomandriiskaia* [Social psychology: Reading-book. Compilers E.P. Belinskaia, O.A. Tikhomandriiskaia]. M.: Aspekt Press, 2003, 475 p. [in Russian].
14. Karvasarskii B.D. *Psikhoterapevticheskaia entsiklopediia* [Psychotherapeutic encyclopedia]. SPb.: ЗАО Изд-во «Питер», 1999, 752 p. [in Russian].
15. Bitianova M.R. *Sotsial'naia psikhologiya: nauka, praktika i obraz myslei* [Social psychology: science, practice and thinking]. M.: EKSMO-Press, 2001, 576 p. [in Russian].
16. Golovin S.Yu. *Slovar' prakticheskogo psikhologa. Sost. S.Iu. Golovin* [Dictionary of practical psychologist. Compiler S.Yu. Golovin]. Minsk: Kharvest, 1998, 2128 p. [in Russian].

A.R. Rakhimova*

**METAPHORICAL MODELING OF HUMAN PSYCHE BASED ON CONCEPTS
OF OBJECT WEIGHT (BASED ON THE DISCOURSE OF SOCIAL
PSYCHOLOGY)****

The article is dedicated to the specifics of functioning of conceptual metaphor in the discourse of social psychology. We understand conceptual metaphor as cognitive process involved in understanding and representation of new knowledge on the basis of something well-known. In this article we consider the metaphorical modeling of human psyche in the process of socialization, social and interpersonal interaction on the basis of representation about the weight of the object. The results showed that the representation of different weight of the object is a form of linguistic expression of human's attitude to the social phenomena of life. The process of reducing weight is a metaphor for the principles of psychological work with human emotions and ways of perception and cognitive information processing.

Key words: conceptual metaphor, metaphorical modeling, concept of «weight», naive picture of the world, discourse of social psychology.

Статья поступила в редакцию 10/VII/2016.
The article received 10/VIi/2016.

---

* *Rakhimova Anastasia Ramelovna* (nastena.rahimova@mail.ru), Department of Russian Language as a Foreign, Institute of International Education and Language Communication, Tomsk Polytechnic University, 30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation.

** *The publication is prepared as a part of the supported by the Russian Foundation for the Humanities scientific project № 15-04-00302 «Metaphorical conceptualization in the formation of term system: gnoseological universals of Russian scientific worldview»-*

**ОБРАЗ ФИЗИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАК СПОСОБ
МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СЛОВЕСНОГО
ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ И ОЦЕНКИ В РУССКИХ ГОВОРАХ****

Статья посвящена концептоцентрическому исследованию лексики, объектом которого является метафорическое моделирование эмоционального отношения и оценки в русских диалектных наименованиях речи. Описываемая понятийная сфера является в русских говорах чрезвычайно разработанной и представлена обширным количеством номинаций, из которых большая часть связана с выражением негативных эмоций и оценок, в основном в ситуации конфликта. Соответственно, большая часть метафорических образов закреплена именно за выражением семантики ссоры, упреков. Особенную продуктивность обнаруживает образ физического противостояния, который характеризуются обширностью лексической реализации.

Ключевые слова: лексическая система, концепт, метафора, диалект, эмоция.

Объектом описания в настоящей статье являются метафорический образ физического противостояния как один из наиболее типичных способов концептуализации речевого выражения эмоционального отношения и оценки. Выбор объекта исследования не случаен. Во-первых, сфера эмоций ввиду своей абстрактности в языковой картине мира традиционно воплощается метафорически [1]. Во-вторых, в исследованиях лексико-семантических групп в отдельных русских говорах, в частности в работе [2], отмечена значительная, большая по сравнению с литературным языком лексическая проработанность сферы эмоционального отношения и оценки – притом что в лексико-семантической классификации глаголов речи литературного языка, представленной Л.М. Васильевым, глаголы данного семантического класса относятся к периферии описываемой парадигмы. Исходя из этого, можно судить о высокой значимости сферы эмоций в диалектной картине мира, определяющей основы русского национального мировидения.

Цель исследования – показать лексическое развертывание метафорического образа в более сложно организованной, нежели система литературного языка, диалектной макросистеме. Нами было рассмотрено 3000 диалектных слов (разных частей речи) и фразеологизмов, зафиксированных в сводном «Словаре русских народных говоров» (СРНГ), из которых 2115 обозначений (около 70 % от общего количества) связаны со словесным выражением прежде всего негативных эмоций и оценок в ситуациях конфликта, критики, словесного уязвления, выражения несогласия (недовольства), насмешки. При этом речь, выражающая эмоциональное отношение или оценку, имеет в основном отрицательную установку: в таком случае маркируется осуждающий характер речи, вплоть до выражения презрения, враждебности, уничтожения. Эмоция и оценка могут быть направлены:

---

* © Баженов Н.Ю., 2016

Баженов Николай Юрьевич (nickolai.bazhenoff@yandex.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

** *Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект № 15-14-63002 «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты»).*

а) на субъекта речи: диал. (Даль) **показниться** 'покаяться, пожалеть' [3, вып. 28, с. 396];
б) на другое лицо, ср.: том. **выстрамить** 'публично обругать, осыпать упреками, опозорить, осрамить кого-либо' (*Она меня выстрамила из воров в воры*) [3, вып. 6, с. 33]; волог., свердл. **уговор** 'упреки' (*Хорошо ноне пензия вышла, а то от сыновьев уговору не оберешься*. Свердл.) [3, вып. 46, с. 211].

По нашим наблюдениям, метафорические образы наиболее частотны в наименованиях речи по признакам 'критика' (868 наименований, около 41 %) и 'ссора' (780, около 37 %) Типичными метафорическими образами, оформляющими номинацию упомянутых речевых ситуаций, являются образы физического противостояния, предмета (или звука, им издаваемого), животного, человека, тьмы и беспорядка. Эти образы не закреплены за одним типом денотата и способны определять самые разные аспекты речевой ситуации.

В настоящей статье сосредоточимся на описании лексического развертывания метафорического образа физического противостояния как одного из наиболее продуктивных при выражении указанных признаков речи. При этом обозначение конфликтных ситуаций является доминантным для данного образа, что является ярким примером центростремительной тенденции функционирования метафорического образа.

Необходимо отметить, что использование образоцентрического подхода, подразумевающего структурирование лексического массива на базе концептов (образов), снимает известные ограничения, связанные с построением семантических парадигм с включением в них лексикой разных частных диалектных систем, или говоров (подробнее об этом см. [4]).

Ключевым способом образной концептуализации словесного противостояния служит хорошо известный и подробно описанный разными авторами механизм **уподобления его физическому противостоянию**.

Так, в говорах словесное противостояние может выражаться в словах, в первичном значении связанных с войной или с соревновательной деятельностью, ср. ряз. **своеваться** 'расшуметься, раскричаться' (*Своевались че-то Галя и Санька*) [3, вып. 36: 310]; **пулять** 'ругать, ругаться' (*А ты его не бойся, он пуляет, и ты пульни его куда подальше, вот и все*. Калуж.; урал.) [3, вып. 33, с. 123]; **тягаться** 'ссориться, браниться, переругиваться' (арх., новг., каз.-некр.), 'спорить, возражать кому-либо' (моск., каз.-некр., азерб., урал., курск.) [3, вып. 46, с. 61].

В ситуации конфликта речевое поведение говорящего метафорически интерпретируется как **нападение**, ср. новг. **сбрасываться** 'грубить, дерзить', **сбросливый** 'грубый, вспыльчивый, раздражительный' [3, вып. 36, с. 185, 187]; пск., твер. **ссытаться** 'накинуться с бранью на кого-либо' [3, вып. 41, с. 9].

В свою очередь, обмен репликами уподобляется как однонаправленному, так и взаимнонаправленному действию, имеющему цель причинить сопернику физический вред, ср.:

а) лит. разг. **подколоть** кого-либо; прост. **поцапаться** с кем-либо и т. п.; диал. **бушкаться** 1) 'бодаться' (ср.: *Бараны бушкаются*. Курск.) // 'стучаться лбами (о людях)' (курск., орл., калуж., тул., Даль), 2) 'браниться' (*Недели две она с мужем бушкалась*. Орл.) [3, вып. 3, с. 332]; **сапаться** 1) 'царапаться' (перм.), 'драться' (перм., урал.), 'ожесточенно спорить, ругаться' (урал.) [3, вып. 36, с. 124]; **сечься** 'спорить, ссориться с кем-либо' (тамб.; сев.-двин.) [3, вып. 37, с. 255]; яросл. **шпыняться словами** 'донимать друг друга взаимными упреками, перебраниваться'; арх. **сколоться** 'поссориться, поругаться с кем-либо' [3, вып. 38, с. 295, 62];

б) **ошибить** 1) 'сильным ударом свалить с ног' (смол.), 'повредить ударом, ударами: ушибить' (арх.), 2) 'ругать, обзывать, позорить' (смол., читин., бурят.) // 'делать замечание, выговор' (костром.) [3, вып. 25, с. 87]; иркут. **прожигать** 'делать строгий выговор кому-либо, пробирать, отчитывать' (СРНГ 32: 135); азерб. **пынять** 'бранить, журить' [3, вып. 33, с. 194]; **теребнуть** 1) 'дернуть, выдрать за волосы' (волог.), 2) 'сильно выругать кого-либо' (барнаул.) [3, вып. 44, с. 69]. Здесь же можно привести наименования с корнем **ед-**, в частности, **едуга** 'сварливый, склонный к ссорам человек; спорщик' (арх., новг., пск., твер.), 'ворчунья, сварливая женщина, спорщица' (арх.;

перм.) [3, вып. 8, с. 324], яросл. *заедка* 'ссора, брань, неудовольствие', пск., твер. *заедуший* 'сварливый, имеющий привычку задирается, ссориться' [3, вып. 10, с. 76].

В то же время в первичных значениях рассматриваемых лексем сема '(физический) урон, вред' может не проследиваться или являться пресуппозитивной, ср. *обсыкать* 1) 'обливать мочой' (кубан., литов.), 2) 'обругать, охаять, оклеветать' (*Обсыкал соседа ни за что.* Твер.; волог., Даль) [3, вып. 22, с. 241]. В подобных наименованиях акцент делается на адресованность, направленность на кого-либо, что ярко проявляется в номинациях с семантическими признаками 'прямо', 'откровенно', ср. орл. *выгвоздить* 'выговорить, сделать замечание, припомнить все прошлое' [3, вып. 5, с. 264]; смол. *глаза драсть* 'упрекать кого-либо в чем-либо; преследовать упреками' (*За тебя мне на деревне глаза дерут*) [3, вып. 6, с. 185].

Взаимная направленность высказываний, «сосредоточенность» коммуникантов друг на друге актуализируют сценарий взаимного приближения и соединения, ср. лит. *сцепиться* с кем-либо, словесная *схватка* — диал. ряз., р. урал. *слетиться* 'начать ссору, драку, сцепиться' [3, вып. 38, с. 264]; вят., перм. *сойматься* 1) 'схватиться, ухватиться за что-либо' (свердл.), 2) 'ссориться, ругаться, спорить друг с другом' [3, вып. 39, с. 231]; том. *слетаться* 'ругаться, вздорить' [3, вып. 40, с. 161]; арх. *связ* 'ссора, спор' [3, вып. 36, с. 332].

Метафорическая аналогия высказывания с физическим воздействием на референта характерна не только для указания на конфликтные ситуации (хотя, очевидно, закреплена за этим признаком речи), но в принципе на отношения между участниками речи. Сравните с приведенными выше примерами следующие обозначения, связанные с *насмешкой*: курск. *подмывать* 'высмеивать кого-либо, издеваться над кем-либо' [3, вып. 28, с. 89]; *поддевала* 'насмешник, насмешница' (курск.), 'обманщик, обманщица, мошенник, мошенница' (Даль), урал. *поддевальщик* 'насмешник, шутник' [3, вып. 27, с. 385].

Особо стоит отметить характерный образ оставления следов, который проследивается в номинациях различной семантики, ср. том. *пятнать* 'ругать, бранить' (*Он пятнал ее разными пятнами*) [3, вып. 33, с. 229] — волог. *красить* 'хвалить' (*Нечего, сват, красить и тебя: скоренек на слово*) [3, вып. 15, с. 176]. При этом указанный образ проследивается и в наименованиях, в которых нет отчетливого указания на адресата высказывания, ср. волог. *ляпать* 'хвастать' [3, вып. 17, с. 279].

Особо следует отметить, что с образом физического противостояния соотносятся и лексемы, содержащие в себе зооморфные образы, ср. *сапаться, бушкаться, заедка*, а также предметные, ср. перм. *дать жигу кому-либо* 'сделать выговор' [3, вып. 7, с. 166, 257]; ленингр. *скласть всем маты* 'изругать кого-либо, употребив все известные матерные выражения' (*Изводит голосом [муж]; не так делаю — все маты на меня складет*) [3, вып. 38, с. 14].

Семантическая реализация метафорического образа физического противостояния не исчерпывается выражением эмоционального отношения и оценки; он характерен также, в частности, для наименований с семами 'ложь' и 'клевета', ср. свердл. *подкусить* 'оклеветать' [3, вып. 28, с. 53].

Семантический анализ метафорических наименований речевого поведения показал, что лексика русских говоров отличается единством основных компонентов метафорической концептуализации и средств их выражения, которые являются типичными и в общезыковой картине мира русских. При этом в говорах метафорический образ воспроизводится с высокой степенью как лексического, так и семантического варьирования, что обусловлено спецификой системной организации диалектной лексики и ее значительной семантико-грамматической вариативностью.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Системная лексикография. Метафора в семантическом представлении эмоций // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 453–464.

2. Красовская Н.И. Лексико-семантическая группа глаголов говорения, обозначающих эмоциональное отношение и эмоциональную оценку (на материале тульских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 319–327.

3. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.; СПб, 1965–2015. Вып. 1–48.

4. Сороколетов Ф.П. Дialektnая лексика как система // Избранные труды. СПб.: Наука, 2011. С. 191–201.

References

1. Apresjan Yu.D. *Sistemnaia leksikografiia. Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsii* [Systematic lexicography. Metaphor in the semantic representation of emotions]. In: *Izbrannye trudy. T. 2. Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia* [Selected works. Vol. 2. Integrated description of language and systemic lexicography]. М.: Iazyki russkoi kul'tury, 1995, pp. 453–464 [in Russian].

2. Krasovskaja N.I. *Leksiko-semanticheskaia grupa glagolov govoreniia, oboznachaiushchikh emotsional'noe otnoshenie i emotsional'noi otsenku (na materiale tul'skikh govorov)* [Lexicosemantic group of verbs of speech denoting an emotional attitude and emotional estimation (based on the material of the Tula dialects)]. In: *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniia) 2013* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research) 2013]. SPb.: Nestor-Istoriia, 2013, pp. 319–327 [in Russian].

3. *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Gl. red. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov* [Dictionary of Russian folk dialects. F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (Eds.)]. М.; Л.; SPb., 1965–2015, Vols. 1–48 [in Russian].

4. Sorokoletov F.P. *Dialektnaia leksika kak sistema* [Dialect vocabulary as a system]. In: *Izbrannye trudy* [Selected works]. SPb.: Nauka, 2011, pp. 191–201 [in Russian].

N. Yu. Bazhenov*

IMAGE OF PHYSICAL CONFRONTATION AS A WAY OF METAPHORIC CONCEPTUALIZATION OF EMOTIONAL ATTITUDE AND ESTIMATION IN RUSSIAN DIALECTS**

The article aims to investigate the metaphoric modeling of the emotional attitude and estimation in dialect vocabulary denoting speech in Russian language. Lexical expressions are centered by metaphoric images, or concepts. The conceptual sphere, which is described in the article, is presented in a large variety of denominations, and most of them are connected with negative emotions of estimations, especially in a conflict situation. So the most part of metaphoric images is assigned to the expression of altercation and reproach. The image of physical confrontation distinguishes itself as the most fruitful and is estimated as wide-spread in dialect vocabulary.

Key words: lexical system, concept, metaphor, dialect, emotion.

Статья поступила в редакцию 15/VI/2016.

The article received 15/VI/2016.

---

* *Bazhenov Nikolay Yurievich* (nickolai.bazhenoff@yandex.ru), Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** *The study was performed with support of Russian Foundation for the Humanities and the Government of the Samara Region (project № 15-14-63002 «Imaginative nomination and imaginative conceptualization of knowledge about the world in the semantic system: linguistic and cognitive aspects»).*

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АДЕКВАТНОСТИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДОВ (НА ПРИМЕРЕ
РОМАНА И. МЕЛЕЖА «МІНСКІ НАПРАМАК»)**

В статье предпринята попытка сравнения белорусскоязычного оригинала романа И. Мележа «Мінскі напрамак» («Минское направление»), его авторизованного перевода, выполненного Л. Раковским, и авторского перевода. На основании анализа более 300 лингвистических трансформаций в обоих переводах автор классифицирует их, выделяя лексические и стилистические замены, замены грамматической формы слова и грамматических конструкций, опущение либо добавление лексемы, изменения в структуре предложений. Результатом проведенного исследования являются выводы о большей близости оригинала и авторизованного перевода. В статье обосновывается предположение, что обратиться к авторскому переводу писателя побудило желание усовершенствовать оба языковых варианта романа.

Ключевые слова: авторизованный перевод, авторский перевод, лингвистические трансформации, адекватность перевода, причины обращения к авторскому переводу, И. Мележ, «Мінскі напрамак».

Художественный перевод – это индивидуальный творческий процесс, в котором каждый переводчик принимает свои собственные решения, направленные на достижение желаемых результатов [1, с. 295]. В ситуации, когда автор и переводчик текста – один и тот же человек, он неизбежно сталкивается с проблемой собственной культурной и языковой самобытности [2, с. 54]. Поэтому в современном переводоведении существует мнение, что и оригинал, и авторский перевод (АП) должны учитываться при читательской оценке и интерпретации произведения [3].

Если же сравнить их с профессиональным переводом, выполненным до создания АП, то, вероятно, можно получить более полную картину идейно-художественных и лингвистических трансформаций, поскольку «сравнение множественных переводов позволяет отразить понимание оригинала или претекста конкретным индивидом (переводчиком) в зависимости от его знаний о мире» [4, с. 134].

В числе белорусских прозаиков 2-й половины XX в. И. Мележ известен тем, что на протяжении 20 лет совершенствовал свой роман «Мінскі напрамак» (1952 г.). Данное произведение выходило в авторизованных переводах на русский язык, выполненных Л. Шапиро (1954 г.) и Л. Раковским (1961 г.). Кроме того, в 1973 г. И. Мележ издал АП романа. Сравнение текстов оригинала в редакции 1970 г., АП и наиболее близкого к нему по времени создания профессионального перевода Л. Раковского (ЛР) позволит сделать определенные выводы о причинах обращения писателя к АП, а также о степени адекватности обоих переводов.

---

* © Никитина Н.Е., 2016

Никитина Надежда Евгеньевна (ttt.iii@mail.ru), кафедра белорусского и русского языкознания, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Советская, 18.

В качестве объекта исследования была выбрана начальная глава романа – порядка 20 страниц в каждом варианте. Обнаружено более 300 случаев лингвистических трансформаций, которые можно разделить на следующие группы: лексические и стилистические замены, замены грамматической формы слова и грамматических конструкций, опущение либо добавление лексемы, изменения в структуре предложений.

По сравнению с оригиналом в тексте перевода Л. Раковского зафиксировано 113 изменений, большинство из которых могут быть классифицированы следующим образом.

1. Лексические замены (45): *здзержвянелую спіну* [5, с. 3] – *онемевшую спину* [6, с. 6] (ср. *одеревенелую спину* [7, с. 10]), *апусцілася на зямлю* [5, с. 5] – *рухнула на землю* [6, с. 8] (ср. *опустилась на землю* [7, с. 12]) и др.

2. Изменения структуры предложений (20):

а) объединение нескольких предложений в одно (8): *Ззаду наводдалек яшчэ чуліся стрэлы, але тут было ціха. Спакойна, мірна* [5, с. 20] – *Сзади еще слышались выстрелы, но тут было тихо, спокойно, мирно* [6, с. 24] (ср. *Сзади в отдалении еще слышались выстрелы, но здесь было тихо. Спокойно, мирно* [7, с. 26]) и др.

б) пропуск предложения (6): *Каб не гэты рух адсюль здавалася б, што яны стаяць на месцы* [5, с. 5] – Отсутствие эквивалента [6, с. 9] (ср. *Если бы не это перемещение, могло бы показаться, что они стоят на месте* [7, с. 12]) и др.

в) разделение одного предложения на несколько (3): *На твары яго раптам з'явілася злосьць на яе, з якой было столькі прыкрых часін, якой ен павінен быў служыць, якую даглядаў, цягаў на сабе, намальваючы плечы* [5, с. 20] – *На его лице вдруг появилась злость. С винтовкой было связано столько неприятных часов, с ней он должен был служить, должен был беречь ее, таскать на себе, натирая плечи* [6, с. 25] (ср. *Его вдруг охватил приступ злобы на нее, с которой было связано столько тяжелых переплетов, которой он вынужден был служить, которую таскал на себе, натирая плечи* [7, с. 27]) и др.

3. Замена грамматических конструкций (17): *ў Нінінай галаве* [5, с. 11] – *в голове Нины* [6, с. 14] (ср. *в Нининой голове* [7, с. 17]), *знарок весела прамовіў* [5, с. 6] – *с деланной веселостью спросил* [6, с. 10] (ср. *нарочито весело спросил* [7, с. 13]) и др.

4. Замена грамматической формы слова (15): *ствараў бригаду* [5, с. 15] – *создал бригаду* [6, с. 19] (ср. *создавал бригаду* [7, с. 22]), *рэчка* [5, с. 13] – *река* [6, с. 16] (ср. *речка* [7, с. 19]) и др.

5. Комбинированные изменения (7): *гарэлі вочы* [5, с. 13] – *резало глаза* [6, с. 17] (ср. *горели глаза* [7, с. 20]) и др.

6. Стилистические замены (6): *пашукаў у кішэнях* [5, с. 14] – *пошарил в карманах* [6, с. 18] (ср. *поискал в карманах* [7, с. 21]) и др.

7. Опущение лексемы (2): *варонку ад бомбы, напоўненую да паловы рудой балотнай вадою* [5, с. 4] – *воронку от бомбы, наполненную до половины болотной водой* [6, с. 7] (ср. *воронку от бомбы, до половины наполненную ржавой болотной водой* [7, с. 11]) и др.

8. Добавление лексемы (1): *хмары, што аблажылі небасхіл* [5, с. 13] – *облака, затянувшие небо на востоке* [6, с. 17] (ср. *тучи, затянувшие небосвод* [7, с. 20]) и др.

В тексте АП обнаружено 146 трансформаций следующих типов:

1. Лексические замены (68): *крыўда сціснула горла* [5, с. 15] – *тоска сжала горло* [7, с. 22] (ср. *обίδα стиснула горло* [6, с. 19]), *выцерся краем вільготнай сподняй сарочки* [5, с. 14] – *вытерся краем сырой нижней рубахи* [7, с. 21] (ср. *вытерся краем влажной нижней сорочки* [6, с. 18]).

2. Изменения структуры предложений (24):

а) разделение одного предложения на несколько (11): *Вада была такая празрыстая, якая можа быць толькі ў лесе і ўвесну, у ей, як у лепшым люстры, адбіваліся кусты і цьмянае неба* [5, с. 14] – *Вода была такой прозрачной, какой она бывает только в лесу*

и весной. В ней, как в самом лучшем зеркале, отражались кусты и хмурое небо [7, с. 20] (ср. Вода была такая прозрачная, какая может быть только в лесу весной; в ней, как в чистом зеркале, отражались кусты и матовое небо [6, с. 18]).

б) добавление предложения (5): *Пасля гэтага вочы Тураўца сустрэліся з позіркам Васі.* [5, с. 18] – *Ступив шаг в сторону, он пропустил несколько человек мимо себя. Пытливо осматривая проходящих, Туровец встретился взглядом с Василем* [7, с. 24] (ср. *Потом глаза Туровца встретились со взглядом Васи* [6, с. 22]) и др.

в) объединение нескольких предложений в одно (2): *Але ці ўсе ў парадку пераправіліся, у якім стане атрады, ці гатовы яны да бою, – гэтага ен не мог сказаць. Які настрой у людзей пасля ўчарашняга дня?* [5, с. 15] – *Но все ли благополучно переправились, в каком положении отряды, готовы ли к бою, какое настроение у людей после вчерашнего дня – об этом можно было только гадать* [7, с. 21] (ср. *Но все ли переправились, в каком состоянии отряды, готовы ли они к бою, – этого он не мог сказать. Какое настроение у людей после вчерашнего дня?* [6, с. 18]) и др.

3. Замена грамматических конструкций (20): *на куп'істай мяккай сенажаці* [5, с. 11] – *на мягком, в кочках, лугу* [7, с. 18] (ср. *на мягком кочковатом лугу* [6, с. 15]) и др.

4. Замена грамматической формы слова (11): *адчуўшы на шцацэ мяккі дотык вусаў* [5, с. 15] – *почувствовал на щеке мягкое прикосновение усов* [7, с. 21] (ср. *почувствовал на щеке мягкое прикосновение усов* [6, с. 19]) и др.

5. Стилистические замены (11): *хвароба* [5, с. 13] – *хворь* [7, с. 20] (ср. *болезнь* [6, с. 17]) и др.

6. Опущение лексемы (6): *Туравец адразу нахіліўся да яго* [5, с. 9] – *Туровец наклонился к нему.* [7, с. 16] (ср. *Туровец сразу наклонился к нему* [6, с. 13]) и др.

7. Комбинированные изменения (5): *завыванне* [5, с. 4] – *опасный гул* [7, с. 11] (ср. *завывание* [6, с. 7]) и др.

8. Добавление лексемы (1): *падняўся люк* [5, с. 8] – *поднялась крышка люка* [7, с. 15] (ср. *поднялся люк* [6, с. 11]) и проч.

По итогам компаративного анализа можно сделать вывод о большей точности перевода Л. Раковского по сравнению с АП. Следовательно, точность передачи слов, конструкций, предложений не является определяющим фактором при оценке качества перевода. Значит, главная задача переводчика – не сохранить форму исходного текста, его оболочку, а создать перевод, который будет оказывать на читателя то же прагматическое воздействие, что и оригинал.

Переводческая компетентность Л. Раковского не может быть подвергнута сомнению, поскольку, как следует из переписки И. Мележа, писатель лично отдал предпочтение его кандидатуре на роль переводчика романа «Мінскі напрамак» еще в 1951 г., до выхода перевода Л. Шапиро: «Кстати, о Кобзаревском. Не знаю, что ответить. Переводчик из него неважный – думаю, далеко ему до Раковск.<ого>» [8, с. 33].

Факт уважительного отношения автора к переводу Л. Раковского подтверждается и текстами: в 24 случаях И. Мележ сохраняет в тексте АП лингвистические трансформации ЛР, формально не соответствующие тексту редакции 1970 г., видимо, считая их оправданными и наиболее удачными: *услыхала* [7, с. 10] – *услыхала* [6, с. 6] (ср. *пачула* [5, с. 3]), *увереннее чувствовала себя* [7, с. 10] – *свободнее чувствовала себя* [6, с. 6] (ср. *вальней становіцца ей* [5, с. 2]) и др.

Конечно, нельзя не принимать во внимание и те случаи, когда единицы оригинала, перевода ЛР и АП разнятся между собой (26): *ўдарыла польмя* [5, с. 7] – *всплеснуло пламя* [7, с. 14] – *взметнулся дымок* [6, с. 11], *падумала, напросіла яна* [5, с. 4] – *попросила она* [7, с. 11] – *подумала-попросила она* [6, с. 7] и др.

Создание АП романа «Мінскі напрамак» традиционно объясняется недовольством автора существовавшими переводами [9, с. 116]. Однако возможно, что это не

совсем так. И. Мележ периодически дорабатывал белорусский текст романа, и после каждого усовершенствования изданный перевод на русский язык оказывался не соответствующим оригиналу, что было важно для писателя: «В Л<енингра>де (Гослитиздат) должен скоро выйти в серии “Библиотека советской прозы” роман “Мин.<ское> направление”. Печатается в новом переводе, так что это издание, кажется, будет наиболее близко к последнему белорусскому» [8, с. 82].

АП романа вышел в 1973 г., а в 1974 г. увидела свет последняя редакция его белорусскоязычного варианта. Может быть, писатель работал над ними одновременно, как это делают многие авторы-переводчики. Писатель был недоволен тем, что ответственность за качество перевода ложится на плечи автора, а не переводчика [10]. Очевидно, в своем окружении И. Мележ не видел подходящей кандидатуры, которой мог бы доверить перевод окончательной редакции романа «Мінскі напрамак», и решил выполнить эту работу сам.

Итак, сравнение лингвистических трансформаций в оригинале, переводе Л. Раковского и АП на русский язык романа И. Мележа «Мінскі напрамак» демонстрирует большую формальную близость исходного текста и профессионального перевода. Следовательно, обратиться к АП писателя побудило скорее желание усовершенствовать языковые способы выражения идеи произведения в обоих языковых вариантах.

Библиографический список

1. Razumovskaya V.A. Self-Translation as Science-Art: Joseph Brodsky Legacy// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2014. Vol. 7, № 2. P. 294–304.
2. Falceri G. Nancy Huston, self-translation and a transnational poetics // Ticontre. Teoria Testo Traduzione, 2014, № 2, pp. 51–66.
3. Danby N.D. The space between: Self-translators Nancy Huston and Samuel Beckett: Masters thesis [Electronic resource]. Toronto: York University, 2003. URL: http://isg.urv.es/publicity/isg/publications/trp_3_2011/tassiopoulos.pdf (date of access: 08.05.2016).
4. Алексеева Ю.М. Множественные переводы как интертекстуальный феномен// Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 130–135.
5. Мележ І.П. Збор твораў: у 6 т. [Электронны рэсурс]. Мінск: Беларусь, 1969–1971. Т. 2: Мінскі напрамак: раман у 3 кн. Кн. 1: Хмары на світанні. 1970. 384 с. URL: <http://www.pdf.kamunikat.org/download.php?item=19482-1.pdf> (дата звароту: 08.05.2016).
6. Мележ І.П. Минское направление: роман; авториз. пер. с бел. Л. Раковского. Минск: Госиздат БССР, 1963. 695 с.
7. Мележ І.П. Минское направление: роман: в 3 кн.; пер. с бел. авт. М.: Сов. писатель, 1973. 760 с.
8. Мележ І.П. Збор твораў: у 10 т. [Электронны рэсурс]. Мінск: Мастац. літ., 1979–1985. Т. 10: Эпістальярная спадчына (1945–1976): летапіс жыцця і творчасці. 1985. 496 с. URL: <http://pdf.kamunikat.org/download.php?item=25514-1.pdf> (дата звароту: 08.05.2016).
9. Якавенка Н.В. Спецыфіка мастацкага мадэлявання твора сродкамі іншай мовы, на прыкладзе перакладаў рамана І. Мележа «Мінскі напрамак»// Доклады Национальной академии наук Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2014. Т. 58, № 6. С. 112–118.
10. Мележ І.П. Вялікі клопат [Электронны рэсурс] // Жыццёвыя клопаты: Літаратурная крытыка, публіцыстыка. Мінск: Маст. літ., 1975. С. 125–127. URL: <http://pdf.kamunikat.org/download.php?item=25516-1.pdf> (дата звароту: 08.05.2016).

References

1. Razumovskaya V.A. Self-Translation as Science-Art: Joseph Brodsky Legacy. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2014, Vol. 7, no. 2, pp. 294–304 [in English].
2. Falceri G. Nancy Huston, self-translation and a transnational poetics. *Ticontre. Teoria Testo Traduzione*, 2014, № 2, pp. 51–66 [in English].
3. Danby N.D. *The space between: Self-translators Nancy Huston and Samuel Beckett: Masters thesis* [Electronic resource]. Toronto: York University, 2003. Retrieved from: http://isg.urv.es/publicity/isg/publications/trp_3_2011/tassiopoulos.pdf (accessed 08.05.2016) [in English].

4. Alekseeva Iu.M. *Mnozhestvennye perevody kak intertekstual'nyi fenomen* [Multiple translations as an intertextual phenomenon]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2013, no. 4(25), pp. 130–135 [in Russian].
5. Melezh I.P. *Minski napramak* [Minsk direction]: novel in 3 books. Book 1: *Khmary na svitanni* [Clouds at dawn] in *Zbor tvorau* [Collected works]: in 6 vol. Minsk: Belarus', Vol. 2, 1970, 384 p. Retrieved from: <http://www.pdf.kamunikat.org/download.php?item=19482-1.pdf> (accessed 08.05.2016) [in Belorussian].
6. Melezh I.P. *Minskoe napravlenie: roman; avtoriz. per. s bel. L. Rakovskogo* [Minsk direction: novel; authorized translation from Belorussian by L. Rakovsky]. Minsk: Gosizdat BSSR, 1963, 695 p., pp. 5–26 [in Russian].
7. Melezh I.P. *Minskoe napravlenie: roman: v 3 kn.; per. s bel. avt.* [Minsk direction: novel: in 3 books; self-translation from Belorussian]. M.: Sov. pisatel', 1973, 760 p. [in Russian].
8. Melezh I.P. *Epistaliarnaia spadchyna (1945–1976): letapis zhytstsia i tvorchastsi* [Epistolary heritage (1945–1976): the chronicle of life and creation]. In: *Zbor tvorau: u 10 t.* [Collected works: in 10 Vols.]. Minsk: Mastats. lit., Vol. 10, 1985, 496 p. Retrieved from: <http://pdf.kamunikat.org/download.php?item=25514-1.pdf> (accessed 08.05.2016) [in Belorussian].
9. Yakavenka N.V. *Spetsyfika mastatskaga madeliavannia tvora srodkami inshai movy, na prykladze perakladau ramana I. Melezha "Minski napramak"* [Specificity of fiction modeling during the translation of an artwork by means of another language (on the example of translations of the novel "Minsk direction" by I. Melezh)]. In: *Doklady Natsional'noi akademii nauk Belarusi* [Reports of the National Academy of Sciences of Belarus]. Minsk: Belorusskaya nauka, 2014, Vol. 58, no. 6, pp. 112–118 [in Belorussian].
10. Melezh I.P. *Vialiki klopap* [The great care]. In: *Zhytstsevyia klopapy: Litaraturnaia krytyka, publitsystyka* [Life cares: Literary criticism, publicism]. Minsk: Mast. lit., 1975, pp. 125–127. Retrieved from: <http://pdf.kamunikat.org/download.php?item=25516-1.pdf> (accessed 08.05.2016) [in Belorussian].

N.E. Nikitina*

**LINGUISTIC TRANSFORMATIONS AS AN INDICATOR OF ADEQUACY
OF PROFESSIONAL TRANSLATION AND SELF-TRANSLATION
(ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL «MINSK DIRECTION» BY I. MELEZH)**

The article deals with comparison of the original Belarusian-language novel of Ivan Melezh «Minsk direction», its authorized translation by L. Rakovsky and self-translation by the writer. Based on the analysis of over 300 linguistic transformations in both translations the author classifies them, distinguishing stylistic and lexical replacement, replacement of the grammatical form of the word and grammatical constructions, omission or addition of a lexeme, changes in the structure of sentences. The findings about the greater proximity of the original and authorized translation are the result of the research. The article substantiates the assumption that the writer turns to the self-translation because he wanted to improve both language versions of the novel.

Key words: authorized translation, self-translation, linguistic transformations, translation adequacy, reasons for self-translation, I. Melezh, «Minsk direction».

Статья поступила в редакцию 11/VII/2016.
The article received 11/VII/2016.

---

* Nikitina Nadezhda Evgen'evna (ttt.iii@mail.ru), Department of Belarusian and Russian Linguistics, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 18, Sovetskaya Street, Minsk, 220030, Belarus.

КОННОТАТИВНЫЙ И ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦВЕТОВОЙ НОМИНАЦИИ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Цветовая номинация является индикатором не только физических возможностей человека (чувствительность глаза к волнам определенного характера) и когнитивных способностей (выбор ведущей характеристики для создания имени цвета); изучение процесса и его результатов дает возможность представить систему ценностей общества и получить «культурный срез» на том или ином этапе развития языка. Среди колоронимов можно выделить исторически устойчивые группы: «драгоценности», «красители», «материалы», «названия из мира природы», «здоровье», «продукты питания и пряности», «социально маркированные колоронимы». Изначальная прагматическая направленность цветообозначений и тесная связь с психобиологическими и культурными стереотипами делают их важным компонентом рекламных стратегий и маркетинговой политики.

Ключевые слова: цветовая номинация, колороним, стереотип, коннотация, ценности, реклама.

Цветовая номинация давно привлекает внимание исследователей – сложность и выразительность этого явления позволяет изучать его в как в разрезе психофизического восприятия [1] и когнитивного явления [2; 3], на которое влияют социальные и культурные установки [4], так и с точки зрения реализации цветовой картины мира – в конкретном художественном произведении или творчестве какого-либо автора [5]. Многолетние интенсивные исследования способствовали появлению разнообразных словарей цветообозначений и выделению лингвистики цвета в отдельное направление (работы В.Г. Кульпиной [6], «Словарь цвета» В.К. Харченко [7], «Цвет и названия цвета в русском языке» А.П. Василевич, С.Н. Кузнецовой, С.С. Мищенко и др.). При этом изучение цветовосприятия и его вербализации активно продолжается в настоящее время. Одна из причин актуальности темы, на наш взгляд, в том, что цветономинация как следствие процесса цветовосприятия субъективна и представляет собой динамичную форму связи человека и объектов внешнего мира. По словам В.Г. Кульпиной, «Цветообозначение антропоцентрично и аксиологично по своей природе. Цветообозначение – это всегда оценка какого-либо объекта с точки зрения цвета, сопряженная в окружающем нас мире самым непосредственным образом с обозначаемым объектом» [6, с. 112].

В настоящее время благодаря современным возможностям техники цвет можно достаточно объективно характеризовать по его физическим параметрам, однако в языке и сознании тысячелетиями складывались иные принципы, которые можно обозначить как «квази-объективизацию на основе стереотипов».

Хилари Патнэм, разрабатывавший учение о стереотипах, трактовал стереотип как некий минимальный уровень культурной компетенции, позволяющий разграничивать

* © Стручалина Г.В., 2016

Стручалина Галина Валерьевна (struchalina@bsu.edu.ru), кафедра второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

понятия, термины и т. д., а также употреблять в речи слова правильно, сообразно смыслу и контексту [8]. Дело в том, что стереотип тесно связан со значением слова, но не подменяет его полностью, он скорее осуществляет слияние ментального и языкового, разворачивая вектор когнитивности в сторону культуры. Кроме того, признаки, входящие в стереотип, не всегда отвечают критериям достоверности, зато, безусловно, являются конвенциональными. Человек как представитель социума становится носителем различных цветовых стереотипов: древних, психобиологических, и относительно более новых, культурно-этнических, которые накладываются на его личностные стереотипы, «осложненные» возрастом, гендерными признаками, темпераментом и другими социальными, психическими и биологическими показателями.

Примером манипуляций с цветовым сознанием можно считать древние представления о свойствах драгоценных и полудрагоценных камней, веру в их цветовую лечебную магию, традиционные цветовые орнаменты-обереги, использование цветовой символики в сакральных действиях, иконописи, живописи.

В ряду колоронимов, т. е. единиц цветовой номинации, можно достаточно четко выделить несколько семантических групп. Одна из них может быть условно названа «драгоценности». Прилагательные цвета, группирующиеся вокруг этого слова-концепта, образованы от названий ценных камней, минералов и металлов (этимология самих названий и ее механизмы также интересны, но не входят в задачи данной работы): *золотой, серебряный, золотистый, серебристый, медный, бронзовый, рубиновый, коралловый, сапфировый, изумрудный, аметистовый, яхонтовый* и т. д. Стоит заметить, что наряду с цветовыми характеристиками при установке ассоциативной связи учитывается светоотражательная способность и текстура поверхности камня. Внутренняя форма названных цветообозначений («драгоценности») определяет их положительную аксиологически и эстетически обусловленную оценочность. С ней коррелирует и семантика другой группы – «красители» (производные от *лазурь, пурпур, киноварь, кармин* и др.). Значительная стоимость красителей, их уникальность, использование для узких направлений (окрашивание тканей, стекла, иконопись, живопись и т. п.) накладывает дополнительную «семантическую нагрузку» на образуемые колоронимы.

Другого рода информацию несут колоронимы группы «материалы», единицы которой имеют соответствующую внутреннюю форму: *кирпичный и терракотовый, цвета стали, металл, асфальтовый, грифельный* и т. п. Номинация устанавливает связь с рукотворными объектами, которые затем могут становиться частью других: ткань – одеждой, кирпич – постройкой, зданием. Сходный процесс наблюдается при метонимии, когда часть проецируется на целое, однако здесь понятия и «части», и «целого» лежат в сфере ассоциаций.

Еще одна обширная группа – «мир природы». Цветы и плоды, окраска живых существ, растений, почвы и явлений природы, таких как снег или лава вулкана, являются продуктивными как для создания окказионализмов (*цвет влюбленной жабы*), так и для номинаций с частым использованием: *малиновый, вишневый, померанцевый, лимонный, красное дерево, брусничный, фиалковый, мокрый песок, антрацит, вороново крыло, медвежье ушко* и т. д. Содержимое группы может быть разделено на ряд подгрупп, такие подгруппы часто создаются исследователями в целях: 1) более детального изучения самого явления цветономинации [9]; 2) исследования колоронимов как художественных средств, существующих в рамках одного языка, и особенностей перевода их на другой язык [10]; 3) в прагматическом аспекте [11].

Иногда для наименования окраса животного, особенно выведенной искусственно породы, используют социально маркированные колоронимы. Так, пятнистая кошачья масть была названа *арлекин* по аналогии с модной тканью с рисунком из разноцветных треугольников, которая напоминала пестрый костюм Арлекина из итальянской комедии масок.

Но чаще «социально маркированные» цветковые номинации относятся к миру людей, что позволяет выделить их в отдельную группу. Например, это *цвет адского пламени*; именно ассоциации с религиозными представлениями и их художественным воплощением отличают этот оттенок от просто *огненного* — насыщают его оценочностью.

Названия оттенков отсылают к культурно-историческим реалиям, топонимам, известным личностям — законодателям мод (как к реальным людям, так и к литературным персонажам). Порой название цвета отражает ироничный взгляд на события или предметы, с этим цветом ассоциируемые, как, например, *цвет бедра испуганной нимфы*.

Еще одну группу могут составлять колоронимы, связанные с продуктами питания и пряностями: *молочный, сливочный, яичный, кремовый, кофейный, шоколадный, шафрановый, перечный, горчичный и др.* Большинство из цветковых номинаций этой группы ассоциативно связаны с вкусовыми ощущениями, как правило, приносящими удовольствие.

Тот факт, что большая часть колоронимов имеет положительную или нейтральную коннотацию, активно используется торговлей и рекламой для создания образа продвигаемой продукции. Например, известно, что в обществе глубоко укоренен древний стереотип, воспринимающий женщину как олицетворенную природу: юность ее и готовность к сексуальной близости и материнству воспринимается как пора цветения, привлечения потенциальных партнеров яркими красками, свежестью и здоровьем. Этот стереотип активно и даже агрессивно используется рекламой, поддерживающей в самих женщинах и обществе в целом восприятие представительниц слабого пола как сексуальных объектов и закрепляющей ценностную значимость, «статусность» такого их положения.

Следует заметить, что семантическая группа колоронимов, посвященных здоровью, состоит в большей степени из вторичных метафор, т. е. слов из других групп, в отдельную подгруппу здесь можно выделить слова с негативной коннотацией (редко используемые в рекламе), касающиеся цвета кожных покровов (*бледный, желтушный, синюшный и др.*).

Специалисты крупных компаний, строящих продвижение товаров и услуг на «программировании» потребительской аудитории, достаточно тонко оперируют аллюзиями целевых групп по всему миру и не скрывают, что выбору модного в сезоне цвета и характеристики к нему предшествуют тщательные исследования. Копирайтеры небольших ресурсов, таких как интернет-магазины, блоги о моде и красоте, действуют более прямолинейно. Они выбирают цвета основного спектра, обладающие четкой и древней символикой, известной читателям.

Стиль текстов ресурса «Шоппинг Центр. Сайт о моде и модных покупках» (www.ShoppingCenter.ru) напоминает стиль старинных сонников и сборников примет и гаданий, которым в большей степени склонны верить именно женщины, сохраняющие элементы магического сознания — отчасти в силу инертности самого женского мышления, более гибкого, чем мужское, но в то же время стоящего на охранительных позициях по отношению к информации и жизненному опыту. Отсутствие указания на автора данного текста является скрытым типом воздействия — оно воспринимается как обезличенное экспертное или даже народное мнение, мнение большинства.

Цитируем фрагмент статьи «В чем встречать Новый год» [12], обращая внимание на ценностные «женские» доминанты:

Цвет новогоднего платья важно выбрать в соответствии с тем, что ты хочешь для себя в новом году: красный — это любовь, власть, а также страсть и плодовитость! Но не путай с цветом семейного счастья. Цвет семьи — сине-зеленый.

Самые подходящие новогодние аксессуары — сверкающие. Встретить новый год в золотистых босоножках или туфлях — хороший знак, который означает «весь следующий год ходить по золоту».

Помимо обуви, золотистый цвет отлично подойдет для ремня, сумочки, шарфика и других ваших любимых аксессуаров.

Неожиданно и соблазнительно с новогодним платьем будет смотреться модная татуировка — сегодня это самое изысканное украшение.

Соблазнительность, успешность (в сексуальном, семейном плане и в карьере), *богатство, роскошь, здоровье* — лингвокультурологические концепты данного текста, выраженные опосредованно, через символику цветов, и напрямую — лексически.

Интересно отметить, что, описывая символику красного, автор текста ставит слово *любовь* в препозицию к слову *власть*, таким образом играя на женском восприятии и «женском рецепте доминирования»: власть посредством любви, на основе сексуального влечения. А дополнительным акцентом «женского языка» служат диминутивы: *сумочка, шарфик*, усиленные эпитетом с яркой эмоциональной окраской — *любимые*.

Слова *модная, изысканное, украшение* поддерживают у читательниц ощущение успешности в социуме и вхождении в особую социальную группу людей, объединенных интересом к модной одежде, обладающих достаточными средствами, чтобы покупать дорогую стильную одежду и ювелирию и утверждать в такой форме свое превосходство и право на определенное уважительное отношение к себе со стороны остальных.

Формат нашей работы позволяет привести лишь выборочные иллюстративные примеры того, как, изучая тексты современных рекламных агентств, мы можем наблюдать стратегии и приемы борьбы за сознание потребителя и оценивать роль, которую играют колоронимы, заложенные в них коннотации и ценностность в создании рекламных текстов и в манипуляциях с массовым сознанием. Но даже выборочный и краткий анализ показывает, насколько сильно связана цветовая номинация с жизнью общества. Эти факторы открывает интересные перспективы для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Reboul A. A new look on the Sapir-Whorf hypothesis on colours, based on neuroscientific data // V. Bogushevskaya, E. Colla. Thinking colours. Perception, translation and representation. Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 2–16.
2. Исмаилова К.Н. Теория цвета и этнокультурологическое восприятие цветов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. № 1. С. 163–168.
3. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291.
4. Бабина Л.В. О некоторых когнитивных моделях, определяющих создание наименований оттенков цвета (на материале наименований модных цветов осень–зима 2013–2014 года) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-1 (35). С. 27–30.
5. Чумак-Жунь И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: Состав, структура, функционирование: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1996. 187 с.
6. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский лицей, 2001. 470 с. (Библиотека журнала «русский филологический вестник» Т. 38)
7. Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское: свыше 4000 слов в 8000 контекстах. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2009. 532 с.
8. Патнем Хилари. Философия сознания / пер. с англ. Макеевой Л.Б., Назаровой О.А., Никифорова А.Л.; предисл. Макеевой Л.Б. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с.
9. Дюпина Ю.В. Шакирова Т.В., Чуманова Н.А. Классификации цветообозначений в лингвистической литературе // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 220–221.
10. Величко А.А. Специфика перевода хроматических цветообозначений в креолизованных текстах (на материале женских глянцевого журналов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 47–50.

11. Федяева Н.Д. Цветы и цвета в русском языке: о некоторых чертах ассоциативных полей флоронимов в аспекте создания рекламного текста // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 375.

12. В чем встречать Новый год [Электронный ресурс] // Shoppingcenter.ru: сайт. URL.: <http://shoppingcenter.ru/fashion/new-year.html> (дата обращения: 03.06.2016).

References

1. Reboul A, 2015. *A new look on the Sapir-Whorf hypothesis on colours, based on neuroscientific data*. In: Bogushevskaya V & E. Colla. *Thinking colours. Perception, translation and representation*. Cambridge Scholars Publishing, pp. 2-16 [In English].

2. Ismailova K.N. *Teoriia tsveta i etnokul'turologicheskoe vospriatie tsvetov* [The color theory and ethnocultural color perception]. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin]. Pyatigorsk: PGLU, 2013, no. 1, pp. 163-168 [in Russian].

3. Wierzbicka A. *Oboznacheniiia tsveta i universalii zritel'nogo vospriatiia* [Denotations of colour and universals of visual perception]. In: *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. M., 1996, pp. 231–291 [in Russian].

4. Babina L.V. *O nekotorykh kognitivnykh modeliakh, opredeliaiushchikh sozdanie naimenovaniia ottenkov tsveta (na materiale naimenovaniia modnykh tsvetov osen'-zima 2013-2014 goda)* [On certain cognitive models determining creation of nominations for colour shades (on the material of nominations for fashionable colours autumn-winter 2013-2014)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice] Tambov: Izd-vo Gramota, 2014, no. 5-1(35), pp. 27-30 [in Russian].

5. Chumak-Zhun I.I. *Leksiko-semanticheskoe pole tsveta v iazyke poezii I.A. Bunina: Sostav, struktura, funkcionirovanie: dis...kand. filolog. nauk* [Lexical and semantic space of colour in Bunin poetry's language: Content, composition, functioning: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Kiev, 1996, 187 p. [in Russian].

6. Kulpina V.G. *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v pol'skom i russkom iazykakh* [Linguistics of colour. Terms of colour in Polish and in Russian languages]. M.: Moskovskii litsei, 2001, 470 p. (*Biblioteka zhurnala russkii filologicheskii vestnik* [Russian Philological Bulletin Journal's Collection], Vol. 38) [in Russian].

7. Kharchenko V.K. *Slovar' tsveta: real'noe, potentsial'noe, avtorskoe: svyshe 4000 slov v 8000 kontekstakh* [Colour lexicon: real, potential, individual: more than 4000 words in 8000 contexts] M.: Izd-vo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo, 2009, 532 p. [in Russian].

8. Putnam H. *Filosofiiia soznaniia. Perevod s angliiskogo Makeevoi L.B., Nazarovoi O.A., Nikiforova A.L.; predislovie Makeevoi L.B.* [Philosophy of Mind. Translation from English by Makeeva L.B., Nazarova O.A., Nikiforov A.L.; introduction by Makeeva L.B]. M.: Dom intellektual'noi knigi, 1999, 240 p. [in Russian].

9. Diupina Iu.V., Shakirova T.V., Chumanova N.A. *Klassifikatsii tsvetooboznachenii v lingvisticheskoi literature* [Colour terms categorization systems in linguistic literature]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2013, no. 1, pp. 220-221 [in Russian].

10. Velichko A.A. *Spetsifika perevoda khromaticheskikh tsvetooboznachenii v kreolizirovannykh tekstakh (na materiale zhenskikh gliantsevykh zhurnalov)* [Specificity of chromatic colour namings translation in creolized texts (on the material of women's glossy magazines)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Izd-vo Gramota, 2013, no. 10(28), pp. 47-50 [in Russian].

11. Fediaeva N.D. *Tsvety i tsveta v russkom iazyke: o nekotorykh chertakh assotsiativnykh polei floronimov v aspekte sozdaniia reklamnogo teksta* [Flowers and colours in the Russian language: about some features of floweronym's associative fields in the aspect of creation of advertising text]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education]. Penza: Izdatel'skii Dom Akademiia Estestvoznaniia, no. 1, 2013, pp. 375 [in Russian]

12. *V chem vstrechat' Novyi god* [What to Wear on New Year's Eve]. In: Shoppingcenter.ru. Retrieved from: <http://shoppingcenter.ru/fashion/new-year.html> (accessed 03.06.2016) [in Russian]

CONNOTATIVE AND VALUE POTENTIAL OF COLOR NAMING IN THE PRAGMATIC ASPECT

Color naming acts not only as an indicator of human physical abilities of a person (sensitivity of an eye to the waves of a particular character) or cognitive powers of a human mind (choice of the basic characteristics for the creation of the name of the colour); research of the process of color naming and color terms gives possibility to learn more about the system of values of the society and get cultural dominants in the language and in the society at this or that evolution stage of development of the language. Color terms could be arranged into some semantic groups and classified as 'jewels', 'coloring materials', 'goods/materials', 'nature', 'health', 'foodstuff and spicery', 'social related/marked words'. Color terms (abstract and descriptive) originally were produced as words with great pragmatic potential. They are deeply connected with psychobiological and cultural stereotypes, that fact makes them an important component of advertising strategies and marketing policy.

Key words: color naming, color term, stereotype, connotation, values, advertising.

Статья поступила в редакцию 06/VI/2016.
The article received 06/VI/2016.

---

* *Struchalina Galina Valerievna* (struchalina@bsu.edu.ru), Department of Second Foreign Language, Belgorod National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЗАГЛАВИЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ)

В настоящем исследовании рассматриваются свойства заголовков статей экономических изданий на немецком языке, указывающие на их двойственную природу. Заглавие может иметь статус самостоятельного речевого произведения или зависеть от озаглавливаемого текста. Процесс интерпретации смысла заголовка иллюстрируется на основе интригующего заглавия. Заголовок включает в себя как индивидуальные черты продуцента-журналиста, так и специфический стиль и концепцию издания. Присутствие заглавия в пространстве газетно-журнального текста не является обязательным в современном немецкоязычном экономическом дискурсе. В качестве примера приводятся небольшие газетные сообщения, помещенные на газетную полосу под одной рубрикой.

Ключевые слова: заголовок, экономический дискурс, двойственность, информирующий заголовок, интригующий заголовок.

Заглавия газетно-журнальных статей все чаще становятся объектом исследования современной лингвистики. Если рассматривать чтение статей как речевой акт коммуникации между продуцентом текста — автором — и реципиентом-читателем, заглавие становится его первым и исключительно важным этапом. В случае если заголовок заинтересовал читателя, он продолжит знакомство с полным текстом статьи. Удачное конструирование заглавия, таким образом, становится неотъемлемым требованием к работе современного журналиста.

В последнее десятилетие все большую значимость в пространстве газетно-журнального текста приобретают статьи по экономической тематике. Помимо специализированных изданий, к темам мирового экономического кризиса обращаются и универсально-тематические журналы, имеющие более широкую читательскую аудиторию. В подобных условиях расширяются границы экономического дискурса, что, несомненно, оказывает влияние на содержание и принципы построения как статей, так и их заголовков.

Целью настоящей статьи является обзор существующих в современной лингвистике теоретических исследований свойств заглавий и комментирование двойственной природы газетно-журнального заголовка на примере заголовочных комплексов экономических статей из специализированной газеты «Handelsblatt» и экономической рубрики «Wirtschaft» универсально-тематического журнала «Der Spiegel».

Пolemическим вопросом при выявлении характеристик заголовка является определение его места в системе «заголовок—текст», то есть наличие у него свойства автономности или зависимости от озаглавливаемого текста. Что касается заглавий текстов художественной литературы, то их автономное функционирование практически невозможно: «Сущность (художественного. — Прим. авт.) заголовка, собственно, проявляется лишь в одной его функции: функции озаглавливания» [1, с. 162]. Относительно автономности газетных заглавий единое мнение отсутствует: ряд лингвистов

* © Чертоусова С.В., 2016

Чертоусова Светлана Викторовна (pippi-langstrumpf@yandex.ru), кафедра теории речи и перевода, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

тов рассматривают заголовок как самостоятельный текст [2, с. 11–26], другие считают его одним из компонентов членения газетного текста [3].

Согласимся с З.Я. Тураевой, которая полагает, что «заглавие, выполняя функцию имени текста, подобно любому имени собственному, функционирует независимо от объекта номинации, что дает основания для его интерпретации как самостоятельного речевого произведения» [4, с. 53]. Это подтверждают исследования психологов, в результате которых было отмечено, что около восьмидесяти процентов читателей уделяют внимание только заголовкам [3, с. 3]. Такой тип чтения называют просмотрным либо «лоскутным». В таком случае имя текста будет рассматриваться реципиентом как нечто стоящее вне статьи, то есть самостоятельное произведение газетного жанра, само по себе готовое в достаточной мере информировать и оказывать воздействие [5, с. 11].

С нашей точки зрения, просмотрное чтение может быть применимо к материалам издания «Handelsblatt». Так как новые выпуски газеты выходят каждый день, у читателя нет достаточного количества времени на ознакомление со всеми статьями одного номера. По этой причине большинство заглавий данного издания являются информирующими и содержат максимальный объем информации, например: «Die Volksrepublik lockt Schwellenländer in den Yuan» [6, с. 7], «Chinesen zeigen Interesse am Netzausrüster Alcatel-Lucent» [6, с. 22]. Такие заголовки практически полностью отражают темы озаглавливаемых статей и могут функционировать в пространстве газетного текста как самостоятельные произведения. Таким образом, можно согласиться с мнением Т.В. Васильевой о том, что заголовки выступают в качестве «особого жанра публицистики, где они превращаются как бы в отдельный газетный материал» [7, с. 165].

В пользу зависимости заголовка от озаглавливаемого текста свидетельствуют многочисленные интригующие заглавия, найденные в экономической рубрике журнала «Der Spiegel»: «Gier mit Garantie» [8, с. 72], «Brücken ins Nirgendwo» [9, с. 75]. Их основной функцией является привлечение внимания читателя, а тематика статьи выражается в подзаголовках или иных элементах заголовочного комплекса: «Gier mit Garantie // Die Pleite von Lehman löste die weltweite Finanzkrise aus, doch die Mitarbeiter der Bank erhielten Boni in Milliardenhöhe» [8, с. 72], «Brücken ins Nirgendwo // Mohamed El-Erian, Chef des weltgrößten Anleihe-Investors Pimco, warnt vor einem Auseinanderbrechen der Europäischen Währungsunion. Portugal werde zu einem zweiten Griechenland» [9, с. 75].

Наиболее точной нам представляется позиция Э.А. Лазаревой, высказанная в работе «Заголовок в газете»: она подчеркивает двойственную природу заглавия и характеризует его, «с одной стороны, как языковую структуру, предворяющую текст, стоящую «над» и перед ним. Поэтому заголовок воспринимается как речевой элемент, находящийся вне текста и имеющий определенную самостоятельность. С другой стороны, заголовок — полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами целостного произведения. Наряду с началом, серединой, концовкой заголовок составляет определенный план членения текста — пространственно-функциональный, или архитектонику текста» [3, с. 3]. Связь заглавия с текстом статьи может быть проиллюстрирована с позиции интерпретации его содержания реципиентом. После ознакомления с заголовком у читателя складывается определенное представление, о чем может идти речь в статье. Как отмечалось выше, интригующие заголовки могут давать заведомо ложную информацию и в какой-то мере вводить читателя в заблуждение: «Telekom setzt auf Wolke» [10, с. 68]. Однако, прочитав статью целиком, реципиент переосмысливает информацию, содержащуюся в заголовке, и способен, например, обнаружить в нем игру слов или другие средства художественной выразительности. В приведенном примере выражение «auf Wolke setzen» является калькой английского словосочетания «cloud service» («облачные услуги» — термин IT-технологий), значение которого объясняется в тексте статьи.

Двойственная природа заголовка проявляется также и в том, что, с одной стороны, любой заголовок как художественное произведение и результат творческой деятельно-

сти автора будет обладать индивидуальными чертами. С другой стороны, каждому периодическому изданию присущи собственный специфический стиль и устоявшаяся тематика сообщаемого материала, которые обычно не меняются в течение длительного времени. Заголовки часто становятся одной из отличительных особенностей стиля того или иного издания. По стилю заголовков публикаций, как и по другим особенностям дизайна выпуска, постоянный читатель может сразу узнать «свою» газету [11, с. 150]. Кроме того, заголовки отражают концепцию издания в целом, его направленность и вкусы, его потенциальную читательскую аудиторию [12, с. 76]. В работе журналиста это отражается появлением ряда «шаблонов» для написания статей. Например, в разных номерах журналов «Der Spiegel» были обнаружены интригующие заглавия с метафорами, построенными по одной модели с компонентом-прилагательным «*dick*»: «*Dicke Luft im Duftparadies*» [9, с. 73], «*Dicke Luft in der Kabine*» [8, с. 63].

Еще одним аспектом функционирования заглавий в газетно-журнальных текстах является обязательность их использования. Как показывает практика, большинство исследованных статей в газете «Handelsblatt» и журнале «Der Spiegel» имеют заголовки. Тем не менее обращение к примерам из художественной литературы, а именно к поэзии ставит под сомнение необходимость озаглавливания текстов. В данном случае согласимся с мнением В.А. Лукина, отмечающего, что если у стихотворения нет заглавия, то в содержании книг указывается их первая строка, выполняющая в данном контексте функцию заголовка. На газетной полосе аналогичные функции заголовка выполняют пробелы, цифры, «звездочки» и другие знаки, которые можно обозначить как нулевую форму выражения заглавия [13, с. 62]. В частности, небольшие новостные сообщения в газете «Handelsblatt» часто помещаются под одной рубрикой: «Citigroup // Bietergruppen für das Geschäft mit Konsumentenkrediten formieren sich», «Citigroup // Börsengang von Kabel BW ist schon im April möglich», «Citigroup // Berenberg verpasst knapp bisheriges Rekordergebnis», «Citigroup // Versicherer Aviva überzeugt Börse mit Gewinnsprung», «Citigroup // Aktionärsschützer kritisieren Börsenfusion» [6, с. 38]. Данные статьи представляют собой биржевые новости, обособленные в отдельную рубрику «Citigroup». Первые строки статей являются номинальными заглавиями, переходящими в первый абзац новости.

Как показал проведенный анализ, заголовок немецкоязычной экономической статьи представляет собой комплексный конструкт, выступающий в пространстве газетного текста как в качестве самостоятельного речевого произведения, так и в качестве элемента статьи. Помимо этого, рассмотренные заглавия совмещают индивидуально-авторские черты продуцента-журналиста и стиль издания, что подтверждает их двойственную природу.

Библиографический список

1. Wulff H.J. Semiotische Dimensionen des Titels // Zur Textsemiotik des Titels. Münster: MAkS Publikationen, 1985. S. 157–198.
2. Ронгинский В.М. Семантическая структура газетного заголовка и проблема их актуализации // Проблема лексической и категориальной семантики. Симферополь, 1982. № 2. С. 11–26.
3. Лазарева Э.А. Заголовок в газете: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. 84 с.
4. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
5. Зекиева П.М. Заголовочный комплекс как технический конструкт риторической модальности в немецкой публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2012. 24 с.
6. Handelsblatt. 2011. № 45. 80 S.
7. Васильева Т.В. Заголовок в когнитивно-функциональном аспекте (на материале современного американского рассказа): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2005. 246 с.
8. Der Spiegel. 2010. № 5. 146 S.
9. Der Spiegel. 2012. № 12. 152 S.
10. Der Spiegel. 2012. № 8. 152 S.

11. Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект-Пресс, 2004. 288 с.
12. Шостак М.И. Журналист и его произведение: практическое пособие. М.: Гендальф, 1998. 96 с.
13. Лукин В.А. Художественный текст: Основы теории и элементы анализа. М.: Издательство «Ось-89», 1999. 192 с.

References

1. Wulff H.J. Semiotische Dimensionen des Titels. In: *Zur Textsemiotik des Titels*. Münster: MAKS Publikationen, 1985, pp. 157–198 [in German].
2. Ronginskii V.M. *Semanticheskaia struktura gazetnogo zagolovka i problema ikh aktualizatsii* [Semantic structure of newspaper headings and the problem of their actualization]. *Problema leksicheskoi i kategorial'noi semantiki* [Problem of lexical and categorial semantics]. Simferopol', 1982, no. 2, pp. 11–26 [in Russian].
3. Lazareva E.A. *Zagolovok v gazete: ucheb. posobie. 2-e izd., dop. i pererab.* [Heading in a newspaper: work book. 2nd edition, enlarged and revised]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004, 84 p. [in Russian].
4. Turaeva Z.Ya. *Lingvistika teksta* [Text linguistics]. M.: Prosveshchenie, 1986, 127 p. [in Russian].
5. Zekieva P.M. *Zagolovochnyi kompleks kak tekhnicheskii konstrukt ritoricheskoi modal'nosti v nemetskoj publitsistike: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04* [Heading complex as a technical construct of rhetoric mood in German journalism: Extended abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.04]. Pyatigorsk, 2012, 24 p. [in Russian].
6. *Handelsblatt*, 2011, no. 45, 80 p. [in German].
7. Vasil'eva T.V. *Zagolovok v kognitivno-funktsional'nom aspekte (na materiale sovremennogo amerikanskogo rasskaza): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04* [Heading in cognitive and functional aspect (based on contemporary American stories): Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.04]. M., 2005, 246 p. [in Russian].
8. *Der Spiegel*, 2010, no. 5, 146 p. [in German].
9. *Der Spiegel*, 2012, no. 12, 152 p. [in German].
10. *Der Spiegel*, 2012, no. 8, 152 p. [in German].
11. Gurevich S.M. *Gazeta: vchera, segodnia, zavtra* [Newspaper: yesterday, today, tomorrow]. M.: Aspekt-Press, 2004, 288 p. [in Russian].
12. Shostak M.I. *Zhurnalist i ego proizvedenie: prakticheskoe posobie* [Journalist and his writing: practical guide]. M.: Gendal'f, 1998, 96 p. [in Russian].
13. Lukin V.A. *Khudozhestvennyi tekst: Osnovy teorii i elementy analiza* [Literary text: theoretical framework and elements of analysis]. M.: Izdatel'stvo «Os'-89», 1999, 192 p. [in Russian].

S.V. Chertousova*

DUALITY OF HEADINGS OF ARTICLES IN PERIODICALS (BASED ON GERMAN ECONOMIC PRESS)

The present research deals with distinctive features of article headings in German economic press that indicate their duality. A heading can be a separate piece of literary work or an element of text. The process of heading's interpretation is showed with the help of a feature heading. A heading contains both individual features of the journalist and some specific features of the style of a periodical and its conceptual ideas. The presence of headings in contemporary German-speaking economic discourse is optional. Some short newspaper articles with a common rubric are given as an example.

Key words: heading, economic discourse, duality, informative heading, feature heading.

Статья поступила в редакцию 08/IV/2016.
The article received 08/IV/2016.

---

* Chertousova Svetlana Viktorovna (pippi-langstrumpf@yandex.ru), Department of Theory of Language and Translation, Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Street, Saransk, 430005, Russian Federation.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ЖЕНСКОГО ПОЛА СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО И АМЕРИКАНСКОГО ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена исследованию и систематизации основных гендерных маркеров в коммуникативном пространстве персонажей современного британского и американского драматургического дискурса. Динамика гендерных маркеров выявляет тенденции когнитивной системы в аксиологической парадигме современного британского и американского драматургического дискурса. Исследования речевого поведения субъекта в русле антропоцентрической парадигмы позволяют лингвистам изучать процессы, происходящие в момент создания речевого явления, в котором отражены культурные, половые, социальные и возрастные факторы. Любой из перечисленных аспектов влияет на коммуникативные стратегии субъекта, что позволяет исследовать языковую деятельность говорящего с точки зрения лингвокультурологического, концептуального и гендерного подходов.

Ключевые слова: драматургический дискурс, гендер, дискурсивный анализ текста, вариативность английского языка, концепт.

Дискурсивный анализ языка представляется сегодня одним из приоритетных методов изучения коммуникативных стратегий отдельной личности, поскольку позволяет оценивать языковую деятельность как поливариантную систему, единицы которой могут представлять интерес как в сочетании с другими, так и отдельно. Драматургический дискурс ввиду своей приближенности к бытовому языку выполняет функцию достоверной платформы для исследования языковой личности, посредством которой становится возможным проследивание определенных тенденций развития языковой культуры, характерной для разных слоев общества. Неотъемлемой частью любого драматургического дискурса является диалог, в котором автор стремится максимально передать характерные черты разговорной речи описываемого общества.

Коммуникативные практики персонажей драматургических произведений отражают стереотипное поведение мужских и женских персонажей в различных ситуациях, что позволяет изучить специфику женского и мужского речевого поведения определенного общества. При изучении этой специфики исследователи часто обращаются к лингвоконцептологии. Концепт является социально маркированным феноменом, который развивается и меняется под влиянием социальных течений. Лингвокультурный концепт — это «комплексная ментальная единица, формирующаяся в результате редукции фрагмента познаваемого мира до пределов человеческой памяти, включения данного фрагмента в контекст культуры и его воплощения в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов социума» [3, с. 32].

---

* © Леонович Л.М., 2016

Леонович Лариса Михайловна (laura.leonovich@gmail.com), кафедра английской филологии, Самарский университет, 44086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Изменения, происходящие в современном обществе, влияют на переоценку общественных стереотипов, что приводит к смене мужских и женских ролей. Происходящие ролевые трансформации приковывают взгляд ученых-гендерологов к женскому речевому поведению, так как «язык мужчин, по умолчанию, – норма, а язык женщин – отклонение от этой нормы» [1, с. 13].

Драматургические произведения современных британских и американских авторов, написанные в период с 2000 по 2015 гг., отражают лингвокультурологические характеристики современных женщин британского и американского общества. В процессе исследования коммуникативных практик персонажей англоязычных произведений формируется представление о тематической направленности речи представительниц женского пола британского и американского социумов. По словам Е.В. Пономаренко и А.А. Харьковской, «совокупность сведений о лингвистической организации универсальных категорий служит достоверной базой для идентификации национально-культурной идентичности личности, представляющей ту или иную этническую группу» [2, с. 303]. Женская половина современного британского общества, к примеру, уделяет особое внимание темам, раскрывающим понятие «семья», что подтверждается популярностью лексических средств репрезентации концептов «FAMILY», «MARRIAGE», «HOUSEHOLD» в репликах женских персонажей:

ELIZABETH: If I am to be a sister, I must be a younger sister. Too much is expected of the Eldest [6, с. 3].

JOANNA: Marge Scott. Her husband slipped you those hundred dollar bills at... [3, с. 6].

MAGGIE: Well, I hope it's good. You're after taking me away from my housework even if I don't like ironing [5, с. 24].

Вербализация концепта «семья» в речи персонажей женского пола британского драматургического дискурса отражает привязанность лиц женского пола к своим родственникам, что передается такими прилагательными, как: *sweet, pretty, poor, great*.

ELIZABETH: My poor sister [6, с. 44].

MAGGIE: My sweet mother says I got it from her [5, с. 9].

Немаловажной особенностью речи персонажей женского пола является частое упоминание родственников женского пола: *mother, sister, niece*. Члены семьи мужского пола в женской речи встречаются реже, однако они представлены более разнообразными лексическими единицами: *father, dad, uncle, nephew, grandfather*:

ELIZABETH: Madame Lefroy sees that her nephew is in love with you and does not approve of his choice [6, с. 41].

LINDA: When your father went – leaving me feeling hopeless and ugly [1, с. 17].

В коммуникативном пространстве женских персонажей американских пьес концепт «FAMILY» входит в число ядерных концептов. Лексемы, вербализующие концепт, сопровождаются притяжательными местоимениями, что говорит об интересе американских женщин к своим родственникам.

SELMA: This music is summer to me. My father used to play the oldies station all the time in the summer, back when I was growing up [3, с. 34].

ELIZABETH: My sister tells me that she has never seen such happy manners in a gentleman [6, с. 33].

Обсуждение семейных ценностей женскими персонажами современного британского и американского драматургического дискурса сопровождается концептом «FOOD». Исторически сложившееся представление о женщине-кормилице семейства в современном мире стереотипно связывает образ женщины с понятием «пища». Таким образом, этот концепт входит в число ядерных концептов, что объясняется, во-первых, стереотипным суждением о заинтересованности женщин в приготовлении пищи, а во-вторых – сохранившимися функциями женщины-хозяйки. Этот феномен подтверждается использованием оценочных прилагательных: *nice, delicious*, а также репликами, в которых женские персонажи описывают продукты и их свойства:

LINDA: I've told you, I don't mind if you are... It was just the shock of coming back early – with a nice chicken quarter and I lashed out on a portion of ribs for us both. They gave me a complimentary bottle of diet cola [1, с. 7].

JOSIE 3: Mom, you love those nasty cheese crackers [2, с. 10].

Реплики, описывающие концептуальное значение понятия «FOOD» в ментальном пространстве персонажей женского пола британских авторов, содержат проявление заботы, что видно в следующих примерах:

LINDA: I'll take the skin off the chicken for you [1, с. 7].

FAITH: Thanks, boys, but I'm not really into politics. If you'll excuse me, I'm going to check on your food [3, с. 27].

Хотелось бы отметить, что ассоциативный ряд концепта «FOOD» в когнитивном пространстве британских женщин представлен более широким спектром лексических единиц: green tomatoes, sweet potatoes, apple sauce, cottage cheese, tea, cook, meal, wine, cook, chicken, gravy, green beans, dessert, honey и др. Лексические средства данного концепта в коммуникативной практике персонажей женского пола американских драматургических произведений описывают понятие «a snack/закуска»: cheese sandwich, crackers, coffee, fried chicken, ham, beer, что характеризует культуру питания американского общества, известную как «fast food».

Другим подтверждением стереотипного суждения об интересах женской части населения является частое употребление единиц, ассоциативность которых связана с концептом «RELATIONSHIP». Лексические средства, описывающие понятие концепта, во многом совпадают в репликах персонажей рассматриваемых дискурсов: relationship, boyfriend, girlfriend, love, lover, partner.

Говоря о любви и отношениях, персонажи женского пола часто дают оценку переживаемых чувств, прибегая к использованию прилагательных в сравнительной и превосходной степени:

JOSIE 3: OK. This relationship was the worst among the mostly very bad relationships I've had. He was a sort of minor movie star, well past his prime [2, с. 15].

ELIZABETH: because nothing can be worse than forsaking one's love [6, с. 41].

Концепт «APPEARANCE» является следующей актуальной темой, обсуждаемой персонажами женского пола в современном американском драматургическом дискурсе. Лексическое разнообразие, включающие в себя такие существительные, как: bag, shoes, sweater, dress, jacket, а также прилагательные: beautiful, young, pretty, доказывает, что женская половина американского общества обеспокоена своим внешним видом, который для американских женщин является показателем физического и морального состояния:

NOIL: (Stands still a moment with the sweater still hiding her face). See what I mean? (Begins struggling again) I feel so stupid stuck in here like this. Stupid, stupid, stupid. How am I going to figure a way out? Hey? What's this? There's a hole in my sweater. A big hole in my sweater [2, с. 8].

JOSIE 3: Not that young, beautiful people don't die, but she didn't look sick at all [8, с. 8)

Представительницам британского общества, напротив, несвойственна частая вербализация концепта «APPEARANCE», составляющая которого включила в себя узкое семантическое поле: appearance, dress, uniform. Примеры, вошедшие в корпус выборки, опровергают стереотипное представление об интересе женской части населения к деталям внешнего облика, что подтверждается отсутствием конкретизации внешнего вида собеседника.

FAITH: It is not. It's my waitress uniform. You can stop trying to flatter... [3, с. 21].

ELIZABETH: It is such a terrible responsibility to be a heroine, always setting an example. A heroine's sister can make an appearance when a scene wants enlivening [6, с. 34].

Проанализированные концептуальные поля, основанные на репликах женских персонажей современных драматургических произведений британских и американских

авторов, отображают лингвокультурологическую картину современных американских и британских женщин. Изученные лексемы, вербализующие рассмотренные концепты, позволяют судить о различиях восприятия реальности американскими и британскими женщинами. Данные расхождения ментальных миров представительниц женского пола объясняются культурными и историческими факторами, влияющими на языковую культуру говорящего. Несмотря на существующие культурологические особенности восприятия реальности, некоторые концепты в речи персонажей женского пола американского и британского драматургического дискурса создают единые ментальные образы. Репрезентация концепта «AGE», например, в речи женских персонажей американских и британских авторов не содержит числительных.

MRS CAUTHEN: You're too old to make wishes [4, с. 13].

DONNA: About Terry. You should have never have given Mark's job to him, he isn't ready, he's too young [7, с. 8].

Из примеров видно, что персонажи женского пола избегают конкретизации своего возраста, используя прилагательные: *old, young, grown*.

Коммуникативные стратегии речевых актов персонажей женского пола британского и американского драматургических дискурсов указывают на лингвокультурологические особенности речи коммуникантов, что позволяет судить о наличии уникальной языковой культуры представительниц различных государств, которая формировалась под влиянием принятых в обществе традиций. Обнаруженные сходства восприятия некоторых концептуальных единиц, с другой стороны, говорят о едином стереотипном восприятии женского образа в англоговорящем мире, которое формирует схожие речевые особенности женского поведения.

Библиографический список

1. Васильева И.Б. К вопросу о гендерной вариативности в языке // *Функционирование лексических единиц и грамматических категорий в русском языке: мат-лы ежегодн. науч. семинара аспирантов*. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 12-18.
2. Пономаренко Е.В., Харьковская А.А. Функциональные характеристики концепта «ДОРОГА» в различных типах дискурсивного пространства // «Наука и культура России», Междунар. научно-практ. конф. (2014; Самара). XI Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России». Самара: СамГУПС, 2014. 404 с.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // *Вестник ВГУ. Серия "Лингвистика и межкультурная коммуникация"*. 2004. № 1. С. 144.
4. Chambers J. Small's World // *Singlelane*. 2009. URL: <http://www.singlelane.com/proplay/smallworld.html> (дата обращения: 17.03.16)
5. Eason L. When The Messenger Is Hot // *Broadwayplaypubl*. 2007. URL: <http://www.broadwayplaypubl.com/prod01ca.htm> (дата обращения: 17.03.16).
6. Joy J. American Standard // *Singlelane*. 2002. — URL: <http://www.singlelane.com/proplay/standard.html> (дата обращения: 17.03.16).
7. Klein J. Wishing Well // *Broadwayplaypubl*. 2006. URL: <http://www.broadwayplaypubl.com/prod01ca.htm> (дата обращения 17.03.16).
8. Lennon M. And All His Songs Were Sad // *Singlelane*. 2010. URL: <http://www.singlelane.com/proplay/andallhissongs.html> (дата обращения: 17.03.16).
9. Norland J. A. Lizzy, Darcy and Jane // *Singlelane*. 2008. URL: <http://www.singlelane.com/proplay/lizzydarcyjane.html> (дата обращения: 17.03.16).
10. Scott E. The First Sunday In December, 2007. 10 P. [Электронный ресурс]. URL: <http://australianplays.org/script/ASC-1115/extract> (дата обращения: 20.04.2016).
11. Wallace, N., McLeod B. The Girl Who Fell Through a Hole In Her Sweater // *Broadwayplaypubl*. 2003. URL: <http://www.broadwayplaypubl.com/prod01ca.htm> (дата обращения: 17.03.16).

References

1. Vasilieva I.B. *K voprosu o gendernoi variativnosti v iazyke* [To the question of the gender variation in language]. In: *Funktsionirovanie leksicheskikh edinit i grammaticheskikh kategorii*

v russkom iazyke: mat-ly ezhegodn. nauch. seminaru aspirantov [Function of the lexical units and grammatical categories in the Russian language: materials of annual scientific seminar of post-graduate students]. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2004, pp. 12–18 [in Russian].

2. Ponomarenko E.V., Kharkovskaya A.A. *Funktsional'nye kharakteristiki kontsepta «DOROGA» v razlichnykh tipakh diskursivnogo prostranstva* [Functional characteristics of the concept “ROAD” in different types of discourse space]. In: «*Nauka i kul'tura Rossii*», *Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. (2014; Samara). XI Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia «Nauka i kul'tura Rossii»* [«Science and culture of Russia», International research and practice conference (2014, Samara). XI International research and practice conference «Science and culture of Russia»]. Samara: SamGUPS, 2014, 404 p. [in Russian].

3. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnyi kontsept kak sistemnoe obrazovanie* [Lingvocultural concept as systematic unit]. *Vestnik VGU. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia"* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2004, no. 1, p. 144 [in Russian].

4. Chambers J. *Small's World*. In: *Singlelane*, 2009. Retrieved from: <http://www.singlelane.com/proplay/smallworld.html> (accessed 17.03.16) [in English].

5. Eason L. *When The Messenger Is Hot*. In: *Broadwayplaypubl.*, 2007. Retrieved from: <http://www.broadwayplaypubl.com/prod01ca.htm> (accessed 17.03.16) [in English].

6. Joy J. *American Standard*. In: *Singlelane*, 2002. Retrieved from: <http://www.singlelane.com/proplay/standard.html> (accessed 17.03.16) [in English].

7. Klein J. *Wishing Well*. In: *Broadwayplaypubl.*, 2006. Retrieved from: <http://www.broadwayplaypubl.com/prod01ca.htm> (accessed 17.03.16) [in English].

8. Lennon M. *And All His Songs Were Sad*. In: *Singlelane*, 2010. Retrieved from: <http://www.singlelane.com/proplay/andallhissongs.html> (accessed 17.03.16) [in English].

9. Norland J.A. *Lizzy, Darcy and Jane*. In: *Singlelane*, 2008. Retrieved from: <http://www.singlelane.com/proplay/lizzydarcyjane.html> (accessed 17.03.16) [in English].

10. Scott E. *The First Sunday In December*, 2007, 10 p. Retrieved from: <http://australianplays.org/script/ASC-1115/extract> (accessed 20.04.2016) [in English].

11. Wallace, N., McLeod B. *The Girl Who Fell Through a Hole In Her Sweater*. In: *Broadwayplaypubl.*, 2003. Retrieved from: <http://www.broadwayplaypubl.com/prod01ca.htm> (accessed 17.03.16) [in English].

L.M. Leonovich*

COGNITIVE ASPECTS OF SPEECH BEHAVIOR OF FEMALE CHARACTERS OF CONTEMPORARY BRITISH AND AMERICAN DRAMATIC DISCOURSE

The article is aimed at describing and systematizing the main gender markers in contemporary British and American dramatic discourse female personages' communication. Gender markers dynamics reveals trends and trends in the cognitive system of axiological paradigm of modern British and American dramatic discourse. Studies of verbal behavior of the person in the stream of anthropocentric paradigm allows linguists to study the processes occurring at the time of the voice phenomena, which reflects cultural, sexual, social and age factors. Any of these aspects affect the persons' communication strategies that allow to explore the linguistic activity of the speaker in terms of linguistic and cultural, conceptual and gender approaches.

Key words: dramatic discourse, gender, discourse analysis of the text, variation of the English language, concept.

Статья поступила в редакцию 22/VII/2016.

The article received 22/VII/2016.

---

* *Leonovich Larisa Mikhailovna* (laura.leonovich@gmail.com), Department of English Philology, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Сиротникова Ольга Борисовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Институт филологии и журналистики, Саратовский государственный национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 400 научных работ.
Область научных интересов: русский язык, процессы современной русской речи.
- Крочкова Ольга Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Автор более 170 научных работ.
Область научных интересов: словообразование, история русского языка, русская диалектология, корпусная лингвистика.
- Сигал Кирилл Яковлевич**, доктор филологических наук, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН. Автор 169 научных работ, в т. ч. 9 монографий.
Область научных интересов: теория эксперимента в лингвистике, синтаксис, пунктуация, эстетические и метаязыковые аспекты речевой деятельности.
- Юрьева Надежда Михайловна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН. Автор 100 научных работ, включая 5 монографий.
Область научных интересов: теория эксперимента в лингвистике и онтогенезе речи, онтогенез речи, коммуникативная способность, диалог, нарратив.
- Орлова Надежда Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского. Тема докт. дис.: «Библиейский текст как прецедентный феномен». Автор более 200 научных и методических работ.
Область научных интересов: стилистика художественного текста, лексикология, когнитивная лингвистика.
- Муразаева Тамара Ивановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского. Автор 62 научных работ.
Область научных интересов: русская диалектология.
- Карева Ольга Михайловна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН. Тема канд. дис.: «Лексико-семантические изменения в наименованиях лиц социально-политической сферы русского языка конца XX в.». Автор 38 печатных работ.
Область научных интересов: неология, словообразование, лексикография, русский язык как иностранный.
- Илюхина Надежда Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Семантическая системность глаголов желания и намерения (в сочетании с инфинитивом)» (защ. в 1986 г.); тема докт. дис.: «Образ как объект и модель семасиологического анализа» (защ. в 1999 г.). Автор и соавтор более 200 научных работ, в т. ч. монографий «Образ в лексико-семантическом аспекте» (1998 г.), «Метафорический образ в семасиологической интерпретации» (2010 г.), «Метафора и системность: семасиологические и когнитивные аспекты» (в соавт. с И.А. Долговой и Н.О. Кирилловой, 2016 г.).
- Область научных интересов:* современный русский язык, когнитивная лингвистика, социолингвистика, языковая семантика, современная речевая ситуация, теория языка, методика обучения в вузе, методика профессионального образования.
- Плотникова Анна Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики, Уральский федеральный университет. Тема канд. дис.: «Русские глаголы с включенной актантной рамкой» (защ. в 2007 г.); тема докт. дис.: «Когнитивное моделирование семантики глагола» (защ. в 2009 г.). Автор 124 работ.
Область научных интересов: семантика, прагматика, лексикография, судебная лингвистика.
- Старикова Ксения Витальевна**, магистрант филологического факультета. Автор 5 работ.
Область научных интересов: семантика, прагматика, судебная лингвистика.
- Коваль Владимир Иванович**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины.
Область научных интересов: русская и славянская фразеология, этнолингвистика, гендерная лингвистика.
- Цалъжав Дамдин**, кафедра русского языка, социально-гуманитарный институт, Монгольский государственный университет образования. Тема канд. дис.: «Лингвокультурологические аспекты перевода с монгольского на русский (на примере романа Ч. Лодойдамбы «Тунгалаг Тамир»)». Автор более 60 научных работ, в т. ч. 3 монографий.
Область научных интересов: культурологические аспекты перевода художественных текстов.
- Саккини Мирко**, доцент, кандидат наук по славистике, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Реконструированные видовые пары в *Задонщине*. Об отношениях между производной морфологией и актуальностью в древнерусском». Автор 4 научных работ, в т. ч. «Категория способа действия: ее отражение в языке и в телодвижениях» (2013 г.), и «Приставка в(ь)з-: семантика и актуальность (на материале *Задонщины*)» (2015).
Область научных интересов: актуальность в древнерусском и в современном русском языке, морфология, психолингвистика, отношения между языковыми категориями и жестами.
- Чумак-Жунь Ирина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
Область научных интересов: рефлексия в поэтических текстах.
- Шербак Жанна Анатольевна**, Красноярская СОШ № 2, учитель русского языка и литературы.
Область научных интересов: методика преподавания русского языка и литературы, текст и дискурс.
- Кураш Сергей Борисович**, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой белорусской и русской филологии, Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина. Автор более 200 научных работ.
Область научных интересов: лингвостафология, лингвокультурология, прикладная лингвистика, лингводидактика.
- Карпунин Сергей Александрович**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Тема докт. дис.: «Семантика русского глагольного вида» (защ. в 2009 г.). Автор 75 научных работ.
Область научных интересов: русская аспектология, язык художественной литературы, изобразительные средства русского языка.
- Карпенко Людмила Борисовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Способы выражения локальности в русском и болгарском языках» (защ. в 1986 г.); тема докт. дис.: «Глаголица как семантическая система» (защ. в 2000 г.). Автор 250 научных работ, в т. ч. монографий «Глаголица – славянская священная азбука» (1999 г.), «Сказание Черноризца Храбра о письменах» (1999 г.), «Священная азбука Кирилла» (2004 г., 2006 г.).
Область научных интересов: сравнительная и сопоставительная грамматика славянских языков, церковнославянский язык, история русского литературного языка, лингвосемантика, лингвистический анализ художественного текста, теория перевода.
- Данилова Нина Константиновна**, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Структурно-семантическая характеристика абсолютных зачинов в жанре короткого рассказа» (защ. в 1981 г.), тема докт. дис.: «Референционная динамика повествовательного дискурса» (защ. в 2005 г.). Автор и соавтор 85 научных работ, в т. ч. монографий «Знаки субъекта в дискурсе» (2001 г.), «Миры дискурса» (2015 г.).
Область научных интересов: интегративные процессы в дискурсе, стратегическая деятельность социальных субъектов в профессиональной сфере, языковая и когнитивная природа художественного дискурса.
- Слива Татьяна Васильевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета иностранной филологии, Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова (г. Киев). Тема канд. дис.: «Ассоциативно-семантическая группа как форма парадигматической организации лексики (на материале названий сезонов в русском языке)» (защ. в 2005 г.). Автор более 50 научных статей.
Область научных интересов: лексикология, лингвистическая семантика.
- Разумов Роман Викторович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Тема канд. дис.: «Система урбанистических русского провинциального города конца XVIII – XX веков (на примере Кострома, Рыбинска и Ярославля)». Автор и соавтор 97 научных работ, в т. ч. монографии «Активные процессы в социальной и массовой коммуникации» (2014 г.).
Область научных интересов: ономастика, социолингвистика, городское оноимическое пространство, урбанистическая, эргонимия.
- Веселкова Татьяна Вячеславовна**, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Тема канд. дис.: «Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур (на материале моделей семантико-словообразовательной категории «становление/приобретение признака»)». Автор 42 научных работ.
Область научных интересов: словообразование, лексика, морфология, культура речи.
- Болнарук Елена Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой и французской филологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Автор 49 научных работ.
Область научных интересов: немецкая грамматика, темпорология, прагматика, теория текста и дискурса.
- Баженова Татьяна Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет. Тема канд. дис.: «Типология систем предударного вокализма в среднерусских акантовых говорах на территории Самарской области» (защ. в 2001 г.). Автор и соавтор 98 научных работ и учебных пособий.
Область научных интересов: русский язык, диалектология, диалектная лексика, лингвогеография, говоры Самарской области.
- Петер Шгаль**, доктор филологии, научный сотрудник кафедры немецкого языкознания, Баварский университет им. Юлиуса-Максимилиана (Вюрцбург, ФРГ), автор 50 научных публикаций.
Область научных интересов: компьютерная лингвистика, методика немецкого языка, текстология.
- Шайхутдинова Халида Абрахамовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Автор около 40 научных работ.
Область научных интересов: неологизмы, семасиология, словообразование, лексикография, лексические заимствования.
- Трофимович Тамара Григорьевна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой белорусского и русского языкознания, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка. Автор более 200 научных работ.
Область научных интересов: история русского языка, сравнительно-сопоставительное и типологическое языкознание, методика преподавания русского и белорусского языков в школе и вузе.
- Дубинин Сергей Иванович**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии, Самарский университет, почетный работник высшей школы РФ. Тема канд. дис.: «Исторические истоки лексического своеобразия немецкого литературного языка в Швейцарии» (защ. в 1987 г.); тема докт. дис.: «Ареальное своеобразие юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка позднего средневековья» (защ. в 2002 г.). Автор и соавтор 100 научных работ, в т. ч. монографий «Немецкий литературный язык позднего средневеко-

вья: юго-западный ареал» (2000 г.), «Лексика нижненемецкого происхождения в современном немецком литературном языке» (2011 г.).

Область научных интересов: история немецкого языка и его национальное варьирование.

Резникова Екатерина Валерьевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Концепт «круг» в русской языковой картине мира: опыт интерпретации на основе образ-схемы». Автор 14 научных работ.

Область научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, русская языковая картина мира.

Курбанова Интизар Срахаддин кызы, докторант факультета филологии, Сумгайтский государственный университет, Азербайджан.

Область научных интересов: лингвистика, стилистика русского языка. Харьковская Антонина Александровна, кандидат филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Самарский университет. Автор более 200 работ по лингвистической проблематике.

Область научных интересов: проблемы межкультурной и лингвокультурной коммуникации, семантика, социолингвистика и прагмалингвистика, дискурс-анализ и дискурсивные практики, малоформатные тексты в сфере учебной, деловой и массовой коммуникации, коммуникативные стратегии в различных типах дискурсивного пространства.

Романова Татьяна Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Автор 87 научных и научно-методических работ.

Область научных интересов: собственные имена, коммерческая номинация, русский язык в рекламном дискурсе.

Безрукова Анна Андреевна, декан филологического факультета, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Автор 52 научных работ.

Область научных интересов: новые явления в словообразовании и лексике современного русского языка.

Гончарова Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Порядок слов как средство создания экспрессивности в современном немецком языке (синтез генеративного и функционального подходов)». Автор и соавтор 35 научных работ.

Область научных интересов: теория дискурса, интернет-дискурс, типология текстов, поликодовые тексты, переводоведение

Кириллова Наталья Олеговна, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ). Тема канд. дис.: «Метафорическое моделирование речевой ситуации» (заш. в 2008 г.).

Область научных интересов: лексическая семантика, когнитивная лингвистика.

Лисовицкая Лариса Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного образования факультета начального образования, Поволжский государственный социально-педагогический университет. Тема канд. дис.: «Структура и функции начального предложения в художественной прозе» (заш. в 1984 г.). Автор 38 научных и научно-методических публикаций.

Область научных интересов: язык, организация и интерпретация художественного текста, воспитание чуткого читателя.

Пичур Анна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский университет.

Область научных интересов: политический масс-медийный дискурс Германии, этнолингвистические и лингвокультурные особенности текстов СМИ.

Чернявская Надежда Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Лексико-грамматический состав конструкций, выражающих семантику целесообразности-нецелесообразности в русском языке» (заш. в 2000 г.). Автор 33 научных работ.

Область научных интересов: когнитивная лингвистика, метонимия, детская речь.

Усачева Ольга Александровна, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Выражение интенсивности в конструкциях с отвлеченными существительными». Автор 35 научных работ.

Область научных интересов: лексикология, семантика.

Беспалова Екатерина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский университет. Автор 30 научных работ.

Область научных интересов: когнитивная лингвистика, концептуальные исследования.

Сложенкина Юлия Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Самарский государственный технический университет. Автор более 100 научных работ.

Область научных интересов: лексикология, терминология, язык художественной литературы, история журналистики.

Растягаев Андрей Викторович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологии и массовых коммуникаций, Московский городской педагогический университет (Самарский филиал). Автор более 100 научных работ.

Область научных интересов: литературоведение, литература XVIII века, история журналистики.

Харламова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Автор более 175 научных работ.

Область научных интересов: русская диалектология и история языка, лингвокультурология и лексикография, региональная речь и традиционная русская культура.

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Самарский государственный социально-педагогический университет.

Область научных интересов: антропоцентрическая лингвистическая парадигма, функционально-прагматический подход, семантическая структура текста.

Краснова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и культуры делового общения, Самарский государственный университет путей сообщения.

Область научных интересов: функционально-коммуникативный аспект, сочинительные и подчинительные союзы, текстовые функции служебных слов.

Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филологических наук, зав. кафедрой английской филологии, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Когнитивные аспекты использования полифункциональных лексических единиц в сфере англоязычной деловой коммуникации». Тема докт. дис.: «Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике». Автор 112 научных работ, в т. ч. монографий «Теория интерференции дискурсов»; «Миры дискурса» (коллективная монография).

Область научных интересов: дискурсология, типология дискурсов, взаимодействие дискурсов, медиадискурс.

Шевченко Екатерина Сергеевна, доцент кафедры русского языка и литературы, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Трагикомический театр Николая Эрмана»; тема докт. дис.: «Эстетика балагана в русской литературе 1900–1930-х годов». Автор 60 публикаций, из них 2 монографии — «Театр Николая Эрмана» и «Эстетика балагана в русской драматургии 1900–1930-х годов».

Область научных интересов: русская литература XX века, поэтика драмы и театральная эстетика, художественный примитив и преломление его форм в профессиональном искусстве.

Семеновская Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и медиаобразования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Тема канд. дис.: «Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту» (На материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина). Автор 30 научных работ.

Область научных интересов: авторская неология, словообразование, филологический анализ текста, научные основы школьного учебника русского языка.

Шумкина Инна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Тема канд. дис.: «Функционирование цитат из авторской песни в газетно-публицистических текстах». Автор более 20 научных работ.

Область научных интересов: язык газеты, язык песни, прецедентные феномены, бардовская песня, коммуникативное образование.

Кручинкина Нина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, факультет иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Автор более 300 научных работ.

Область научных интересов: общее языкознание, семантика, когнитология, коммуникативная лингвистика, грамматика, психолингвистика, лексикология, семиотика.

Заринова Венера Масхутовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры издательского дела и книгораспространения, Самарский университет. Автор 17 научных работ.

Область научных интересов: вопросы номинации лиц и речевого этикета, язык массовой коммуникации.

Козько Дарья Андреевна, аспирант кафедры русского языка факультета иностранной филологии, Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова (г. Киев). Год поступления в аспирантуру — 2014-й. Тема буд. канд. дис.: «Ассоциативно-семантические и меронимические отношения в их привативной оппозиции». Автор 4 научных работ.

Область научных интересов: лексикология, лингвистическая семантика.

Тимошина Дарья Владимировна, ассистент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет. Год окончания аспирантуры — 2015-й. Тема канд. дис.: «Семантическое и словообразовательное развитие корня *зыд- в истории русского языка». Автор 9 научных работ.

Область научных интересов: история русского языка, историческое словообразование, семантика, компаративистика, лингвокультурология.

Урядникова Елена Владимировна, аспирант кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет. Год поступления в аспирантуру — 2013-й. Тема канд. дис.: «Типы и функции морфемного повтора в русской поэтической речи XX века».

Область научных интересов: словообразовательная система русского языка, структурно-функциональное описание морфемных повторов в художественном тексте.

Гуськова Анна Сергеевна, магистр филологии. Тема магистерской дис.: «Современные англоязычные заимствования в сфере масс-медиа». Автор 13 статей.

Область научных интересов: англоязычные заимствования в современном русском языке, язык средств массовой информации.

Важдаева Екатерина Алексеевна, аспирант, тема буд. канд. дис.: «Лингво-прагматические характеристики презентационных статей, размещенных на сайтах рекламных и PR-агентств г. Самары».

Область научных интересов: прагмалингвистика, связь с общественностью, создание эффективных медиатекстов.

Рахимова Анастасия Рамеловна, преподаватель русского языка как иностранного, Институт международного образования и языковой коммуникации, НИИ Томский политехнический университет. Тема канд. дис.: «Метафорическое моделирование психики человека в научном психологическом дискурсе». Автор 2 научных работ, участник гранта.

Область научных интересов: когнитивистика, концептуальная метафора, междискурсивные исследования.

Баженов Николай Юрьевич, аспирант кафедры русского языка и массовой коммуникации 2-го года обучения (год поступления — 2014-й). Автор 9 научных работ. Тема канд. дис.: «Опыт дифференциального и недифференциального анализа лексико-семантического поля «Речь» в самарских говорах».

Область научных интересов: русская диалектология, лингвистическая география, диалектная лексикография, лексическая семантика.

Никитина Надежда Евгеньевна, аспирант кафедры белорусского и русского языкознания, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка. Год поступления в аспирантуру — 2014-й. Тема канд. дис.: «Авторский перевод с белорусского языка на русский: билингвальный аспект». Автор 9 научных работ.

Область научных интересов: переводоведение, авторский перевод, белорусско-русский билингвизм.

Стручалина Галина Валерьевна, ассистент кафедры второго иностранного языка, аспирант кафедры филологии, Белгородский государствен-

ный национальный исследовательский университет. Год поступления в аспирантуру – 2014-й. Тема канд. дис.: «Прагматический потенциал когнитивной метафоры». Автор 15 научных публикаций.

Область научных интересов: когнитивная и перцептивная метафора, рекламные стратегии, поэтический перевод, творчество В.Я. Ерошенко.

Чертюсова Светлана Викторовна, преподаватель кафедры теории речи и перевода, НИ Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Год поступления в аспирантуру – 2012-й. Тема канд. дис.: «Концептуально-семантическое пространство заголовка немецкоязычного экономического текста». Автор 29 научных работ. **Область научных интересов:** когнитивная лингвистика, лингвокультурология.

Леонович Лариса Михайловна, аспирант 2 курса, Самарский университет, кафедра английской филологии, специальность 10.02.04 Германские языки. В 2014 г. окончила Самарский государственный университет по специальности «Английский язык и литература». Поступила в аспирантуру в 2014 году. Тема буд. канд. дис.: «Динамика гендерных характеристик персонажей в коммуникативном пространстве англоязычного драматургического дискурса». Автор 7 научных работ.

Область научных интересов: дискурсивный анализ речевого поведения современного англоязычного общества, исследование влияния гендерных характеристик личности на его/ее коммуникативные стратегии, лингвокультурологические аспекты.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sirotina Olga Borisovna, Doctor of Philological sciences, professor of the Department of Russian Language and Speech Communication, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University, Honored Scientist of the Russian Federation. Author of more than 400 scientific papers

Research interests: Russian language

Kryuchkova Olga Yur'evna, Doctor of Philological sciences, professor, head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. Author of more than 170 scientific publications.

Research interests: word-formation, history of the Russian language, Russian dialectology, corpus linguistics.

Seagal Kirill Yakovlevich, Department of Experimental Speech Research, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Author of 169 scientific works, including 9 monographs.

Research interests: theory of experiment in linguistics, syntax, punctuation, aesthetic and metalinguistic aspects of speech activity.

Yur'eva Nadezhda Mikhailovna, Doctor of Philological sciences, senior researcher of the Department of Experimental Speech Research, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Author of 100 scientific works, including 5 monographs.

Research interests: theory of experiment in linguistics and in ontogenesis of speech, verbal ontogenesis, communicative competence, dialogue, narrative.

Orlova Nadezhda Mikhailovna, Doctor of Philological sciences, professor of the Department of Theory and History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. Subject of Doctoral thesis: "The biblical text as a precedent phenomenon". Author of more than 200 scientific and methodical works.

Research interests: stylistics of fiction text, lexicology, cognitive linguistics.

Murzaeva Tamara Ivanovna, Candidate of Philological sciences, associate professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. Author of 62 scientific works.

Research interests: Russian dialectology.

Kareva Olga Mikhailovna, Candidate of Philological sciences, senior research scientist of the Institute for Linguistic Studies (IL) of the Russian Academy of Sciences. Subject of Candidate's thesis: «Lexico-semantic changes in the names of persons of socio-political sphere in the Russian language of the late XX century». Author of 38 scientific works.

Research interests: neology, word formation, lexicography, Russian for foreigners.

Ilyukhina Nadezhda Alekseevna, Dr. of Philological Sciences, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Semantic systematicity of the verbs of desire and intention (along with the infinitive)» (1986); subject of Doctor's thesis «Image as an object and model of semasiological analysis» (1999). Author and coauthor of 200 scientific works, including monographs «Image in the lexical and semantical aspect» (1998), «Metaphorical image in semasiological interpretation» (2010), «Metaphor and systematicity: semasiological and cognitive aspects» (in coauthorship with I.A. Dolgova and N.O. Kirillova) (2016).

Research interests: modern Russian language, cognitive linguistics, sociolinguistics, language semantics, modern speech situation, theory of language, teaching methods in college, methods of professional education.

Plotnikova Anna Mikhailovna, Doctor of Philological sciences, professor of the Department of Contemporary Russian Language and Applied Linguistics, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Subject of Candidate's thesis: «Russian verbs with incorporated actant frame» (2007). Subject of Doctor's thesis: «Cognitive modeling of the semantics of the verb» (2009). Author of 124 scientific works.

Research interests: semantics, pragmatics, lexicography, forensic linguistics.

Starikova Ksenia Vitalievna, Master's Degree Student of the Philological Faculty. Author of 5 scientific works.

Research interests: semantics, pragmatics, forensic linguistics.

Koval Vladimir Ivanovich, head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics, Francis Skarina Gomel State University, Doctor of Philological sciences, professor.

Research interests: Russian and Slavic phraseology, gender linguistics.

Tsedenjav Damin, Department of the Russian Language, Social and Humanitarian Institute, Mongolian State University of Education. Subject of Candidate's thesis: «Linguoculturological aspects of translation from Mongolian into Russian (on the example of the novel by Lodoikamba Ch. *Tunglag Tamir*)». Author of more than 60 scientific articles including 3 monographs.

Research interests: culturological aspects of translation of literary texts

Sachini Mirko, associate professor, Candidate of sciences in Slavistics, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Aspectual proto-pairs in the Zadoshchchina. About the relations between derivational morphology and aspectuality in the Old Russian». Author of 4 scientific works including «Category of the mode of action: its reflection in the language and in body movements» (2013) and «Prefix v(t)z-: semantics and aspectuality (on the material of Zadoshchchina)» (2015).

Research interests: aspectuality in the Old-Russian and in modern Russian, morphology, psycholinguistics, relations between linguistic categories and gestures.

Chumak-Zhuni Irina Ivanovna, Department of Philology, Belgorod National Research University.

Research interests: reflection in the poetic texts.

Shcherbak Zhanna Anatolievna, high school № 2, Krasnaia Iaruga.

Research interests: methods of teaching Russian language and literature, text and discourse.

Kurash Sergey Borisovich, Candidate of Philological sciences, associate professor, head of the Department of Belarusian and Russian Philology, Mozyr State

Pedagogical University named after I.P. Shamyakin. Author of over 200 scientific papers.

Research interests: linguistic metaphorology, cultural linguistics, applied linguistics, lexicodidactics.

Karpuhin Sergei Aleksandrovich, professor, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University. Works in the University since 1985. Author of 75 scientific works.

Research interests: Russian aspectology, language of fiction, artistic tools and figures of speech of the Russian language.

Karpenko Ludmila Borisovna, Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian Language, Samara State University. Subject of Candidate's thesis: «Ways of expression of locality in Russian and Bulgarian languages» (1986); Subject of Doctoral thesis: «Glagolitic alphabet as a semiotic system» (2000). Author of 250 scientific papers, including monographs «An Account of Letters by Chemorizets Hrabar» (1999), «The Sacred Alphabet of Cyril» (2004, 2006).

Research interests: comparative and contrastive grammar of Slavic languages, Church Slavonic, history of Russian literary language, lingvosemantics, linguistic analysis of a literary text, translation theory.

Daniilova Nina Konstantinovna, Doctor of Philological sciences, professor of the Department of German Philology, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Structural and semantic features of absolute commencements in short stories» (1981); subject of Doctoral thesis «Referential dynamism of narrative discourse» (2005). Author and coauthor of 85 scientific works, including monographs «Subject signs" in discourse» (1981), «Discourse worlds» (2015).

Research interests: integrative processes in discourse, social agents' strategic activity in professional field, linguistic and cognitive nature of discourse in fiction

Silva Tatiana Vasilievna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of Russian Language, Faculty of Foreign Philology, National Pedagogical Dragomanov University. Subject of Candidate's thesis: «Associative-semantic group as a form of paradigmatic organization of vocabulary (based on the titles of seasons in the Russian language)» (2005). Author of more than 30 research papers.

Research interests: lexicology, linguistic semantics.

Razanov Roman Viktorovich, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of Russian Language, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Subject of Candidate's thesis: «Urbanonymic system of a Russian provincial town in the late XVIII – XX centuries (on the example of Kostroma, Rybinsk, Yaroslavl)». Author and coauthor of 97 scientific works including the monograph «Active processes in social and mass communication» (2014).

Research interests: onomastics, sociolinguistics, urban onymic space, urbanonymy, geonymy.

Veselkova Tatiana Vyacheslavovna, assistant professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. Subject of Candidate's thesis: «Lexical-semantic potential of word-formation structures (based on the models of semantic-derivational category 'development / acquisition of the trait')». Author of 42 scientific works.

Research interests: word formation, vocabulary, morphology, culture of speech.

Bodnaruk Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, associate professor, assistant professor of the Department of German and French philology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Author of 49 scientific works.

Research interests: German grammar, temporology, pragmalinguistics, theory of text and discourse

Bazhenova Tatyana Evgenyevna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Their Teaching, Samara State University of Social Sciences and Education. Subject of Candidate's thesis: «Typology of the systems of pretonic vocalism in the central Russian akanye's dialects on the territory of the Samara Region» (2001). Author and coauthor of 98 scientific works and schoolbooks.

Research interests: Russian language, dialectology, dialect vocabulary, dialect geography, dialects of the Samara Region.

Stahl Peter, Doctor of Philological Sciences, research scientist of the Department of German Linguistics, Julius-Maximilians-University (JMU) Würzburg in Bavaria (Germany), author of 50 scientific papers.

Research interests: computational linguistics, didactics of the German language, textology.

Shaykhutdinova Khalida Abdrakhmanovna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Samara State University of Architecture and Civil Engineering. Author of about 40 scientific works.

Research interests: neologisms, semasiology, word-building, lexicography.

Trofimovich Tamara Grigorjevna, Doctor of Philological sciences, professor, Head of the Department of Belarusian and Russian Linguistics, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Author of more than 200 scientific works.

Research interests: comparative-contrastive and typological linguistics, methods of teaching of Russian and Belarusian languages at schools and higher education institutions.

Dubinin Sergei Ivanovich, Dr. of Philology, professor, head of the Department of German Philology, Samara State University, honorary worker of higher school of the Russian Federation. Subject of Candidate's thesis: «Historical origins of lexical identity of German literary language in Switzerland» (1987); Subject of Doctoral thesis: «Areal originality of south-western territorial variant of German literary language of the late Middle Ages» (2002). Author and coauthor of 100 scientific works, including monographs: «German literary language of the late

Middle Ages: south-western area» (2000), «Vocabulary of the Low German origin in modern German literary language» (2011).

Research interests: history of German language and its national variation.

Reznikova Ekaterina Valerievna, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of the Russian Language and Mass Communication, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Concept «circle» in the Russian language view of the world: experience of structuring based on the image-schema». Author of 14 scientific works.

Research interests: cognitive linguistics, semantics, Russian language view of the world.

Kurbanova Intizar Srahaddin kyzy, Doctoral student of the Faculty of Philology, Sumgait State University, Azerbaijan.

Research interests: linguistics, stylistics of the Russian language.

Kharkovskaya Antonina Aleksandrovna, professor of the Department of English Philology. Author of more than 200 publications on the linguistic problems.

Research interests: problems of cross-cultural and linguocultural communication, semantics, sociolinguistics & pragmalinguistics, discourse analysis & discursive practice, English mini-format texts in the educational, business and mass-media discourse, communicative strategies in various types of discursive space.

Romanova Tatjana Pavlovna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University. Author of 87 scientific and scientific-methodical works.

Research interests: commercial naming, Russian language in advertising discourse.

Bezrukova Anna Andreevna, Dean of the Faculty of Philology, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University. Author of 52 scientific works.

Research interests: new developments in word formation and vocabulary of modern Russian language.

Goncharova Maria Anatolyevna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of German Philology, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Word order as a means of creating expressivity in modern German language (synthesis of generative and functional approaches)». Author of 35 scientific papers.

Research interests: theory of discourse, Internet discourse, typology of texts, polycode texts, translation studies.

Kirilova Natal'ia Olegovna, assistant professor of the Department of Natural Science and Humanitarian Disciplines, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (KNRTU–KAI). Subject of Candidate's thesis: «Metaphorical modeling of speech situations» (2008).

Research interests: lexical semantics, cognitive linguistics.

Lisovitskaja Larisa Evgenievna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of Preschool Education, Faculty of Elementary Education, Samara State University of Social Sciences and Education. Subject of Candidate's thesis: «Structure and functions of the beginning sentences in artistic prose» (1984). Author of 38 scientific and methodical publications.

Research interests: language, organization and interpretation of a literary text, education of a sensitive reader.

Pichkur Anna Ivanovna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of German Philology, Samara University.

Research interests: political mass media discourse of Germany, ethno-linguistic and linguocultural aspects of media texts.

Chernyavskaya Nadezhda Anatolievna, assistant professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University, Candidate of Philological sciences. Subject of Candidate's thesis: «Lexical and grammatical structure of the constructions expressing semantics of expediency-inexpediency in the Russian language» (2000). Author of 33 scientific works.

Research interests: cognitive linguistics, metonymy, child speech.

Usacheva Olga Alexandrovna, assistant professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Expressing intensity in the constructions with abstract nouns». Author of 35 scientific works.

Research interests: lexicology, semantics.

Bespalova Ekaterina Viktorovna, Candidate of Philological sciences, associate professor, assistant professor of the Department of German Philology, Samara University. Author of 30 scientific works.

Research interests: cognitive linguistics, concept studies.

Slozhenikina Julia Vladimirovna, Doctor of Philological sciences, professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Samara State Technical University. Author of over 100 scientific works.

Research interests: lexicology, terminology, literary language, history of journalism.

Rastyagaev Andrey Viktorovich, Doctor of Philological sciences, professor, head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City Pedagogical University (Samara branch). Author of over 100 scientific works.

Research interests: literature studies, literature of the 18th century, history of journalism.

Kharlamova Marina Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of Russian, Slavic and Classical Linguistics, Dostoevsky Omsk State University. Author of more than 175 scientific works.

Research interests: Russian dialectology and the history of language, linguocultural studies and lexicography, local dialect and traditional speech culture.

Bakalova Zinaida Nikolaevna, Doctor of Philological sciences, professor of the Department «Russian Language, Culture of Speech and Methods of Their Teaching», Samara State University of Social Sciences and Education.

Research interests: anthropocentric linguistic paradigm, functional-pragmatic approach, semantic structure of the text.

Krasnova Elena Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of Engineering Pedagogics and Culture of Business Communication, Samara State Transport University.

Research interests: functional-communicative aspect, co-ordinate and subordinate conjunctions, text functions of function words.

Shevchenko Vyacheslav Dmitrievich, Doctor of Philological sciences, head of the Department of English Philology, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Cognitive aspects of usage of polyfunctional lexical units in the sphere of English business communication». Subject of Doctoral thesis: «Interference of discourses in the English language journalism». Author of 112 scientific works, including monographs: «Theory of interference of discourses», «Worlds of discourses» (multi-authored monograph).

Research interests: discourse study, typology of discourses, interaction of discourses, media-discourse.

Shevchenko Ekaterina Sergeevna, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature. Subject of Candidate's thesis: «Tragicomic

theatre of Nikolay Erdman», subject of Doctoral thesis: «Aesthetics of buffoonery in the Russian literature of the 1900-1930-ies». Author of 60 works including 2 monographs: «Theatre of Nikolay Erdman» and «Aesthetics of buffoonery in the Russian drama of the 1900-1930-ies».

Research interests: Russian literature of the XX century, poetics of drama and theatre aesthetics, artistic primitivism and transformation of its norms in professional art.

Semenovskaja Svetlana Alekseevna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of Russian Philology and Media Education, Saratov State University. Subject of Candidate's thesis: «Individual word creation in its relation to language word-formative standard (On the material of K. Balmont and I. Severyanin texts)». Author of 30 scientific works.

Research interests: individual neology, word-formation, philological analysis of text, scientific foundations of school textbook of Russian language.

Shumkina Inna Viktorovna, Candidate of Philological sciences, assistant professor of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University. Subject of Candidate's thesis: «Functioning of quotes from bard songs in the journal texts». Author of more than 20 scientific works.

Research interests: language of mass media, language of songs, precedent phenomena, bard song, communication teaching.

Kruchinkina Nina Dmitrievna, Candidate of Philological Sciences, associate professor. Faculty of Foreign Languages, Department of Romance Philology. Assistant professor of the Department of Romance Philology, Ogarev Mordovia State University. Author of more than 300 scientific works.

Research interests: general linguistics, semantics, knowledge engineering, communicative linguistics, grammar, psycholinguistics, lexicology, semiotics.

Zariyova Venera Maschutovna, assistant lecturer of the Department of Publishing Industry and Book Distribution, Samara University, Candidate of Philological sciences. Author of 17 scientific works.

Research interests: nomination of persons and speech etiquette problems, language of mass communication.

Kolodko Daria Andreevna, postgraduate student of the Department of Russian Language, Faculty of Foreign Philology, National Pedagogical Dragomanov University. Entered PhD program in 2014. Subject of Candidate's thesis: «Associative-semantic and meronymic relationships in their privative opposition». Author of 4 scientific works.

Research interests: lexicology, linguistic semantics.

Timoshina Daria Vladimirovna, assistant lecturer of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University. Year of graduation from postgraduate training program – 2015. Subject of Candidate's thesis: «Semantic and derivational development of the root *srd- in the history of the Russian language». Author of 9 scientific works.

Research interests: history of the Russian language, lingvoculturology.

Uryadnikova Elena Vladimirovna, postgraduate student of the Department of Russian Language, Moscow State University of Education. Entered a PhD program in 2013. Subject of Candidate's thesis: «Types and functions of morphemic repetition in the Russian poetic speech of the XX century».

Research interests: word-formation system of the Russian language, structural-functional description of morphemic repetitions in a literary text.

Gus'kova Anna Sergeevna, Master in Philology. Subject of Master's thesis: «Modern loanwords from English in mass media discourse». Author of 13 articles.

Research interests: English loanwords in modern Russian language, language of mass media.

Vazhdaeva Yekaterina Alekseevna, postgraduate student. Subject of Candidate's thesis: «Linguopragmatic characteristics of presentation articles posted on the websites of advertising and PR agencies in Samara».

Research interests: pragmalinguistics, public relations, creation of effective media texts.

Rakhimova Anastasia Ramelovna, lecturer of the Department of Russian Language as a Foreign, Institute of International Education and Language Communication, Tomsk Polytechnic University. Subject of Candidate's thesis: «Metaphorical modeling of human psyche in the scientific and psychological discourse». Author of 2 scientific works, participant of the grant.

Research interests: cognitive science, conceptual metaphor, between-the-discursive researches.

Bazhenov Nikolai Yuriyevich, postgraduate student of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara University. Entered a PhD program in 2014. Author of 9 scientific works. Subject of Candidate's thesis: «Experience of differential and non-differential analysis of lexical-semantic field of «Speech» in the Samara dialects».

Research interests: Russian dialectology, linguistic geography, dialect lexicography, lexical semantics.

Nikitina Nadezhda Evgen'evna, postgraduate student of the Department of Belarusian and Russian Linguistics, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Entered a PhD program in 2014. Subject of Candidate's thesis: «Self-translation from Belarusian into Russian: bilingual aspect». Author of 9 scientific works.

Research interests: translation studies, self-translation, Belarusian-Russian bilingualism.

Struchalina Galina Valerievna, teaching assistant at the Department of Second Foreign Language, postgraduate student of the Department of Philology, Belgorod National Research University. Entered a PhD program in 2014. Subject of Candidate's thesis: «Pragmatic potential of cognitive metaphor». Author of 15 scientific works.

Research interests: cognitive metaphor, perceptive metaphor, advertising strategies, potential translation, Vasil Eroshenko's artistic legacy.

Chertousova Svetlana Viktorovna, lecturer of the Department of Theory of Language and Translation, Ogarev Mordovia State University. Entered a PhD program in 2012. Subject of Candidate's thesis: «Conceptual and semantic space of a heading of German economic text». Author of 29 scientific works.

Research interests: cognitive linguistics, linguocultural studies.

Leonovich Larisa Mikhailovna, postgraduate student of the 2nd year of study, Philological Faculty, English Department, Samara State University, speciality 10.02.04 German languages. In 2014 graduated from Samara State University with a degree in «English Language and Literature», in 2014 entered a PhD programme of Samara State University with a speciality 10.02.04 German Languages. Subject of Candidate's thesis: «Dynamics of personages' gender characteristics in the communication field of English drama discourse». Author of 7 scientific works, participant of 5 scientific seminars.

Research interests: discourse analysis of verbal behavior of modern English-speaking society, linguocultural aspects of modern English.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в выпусках серий журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

В журнале публикуются статьи по отраслям «Филологические науки», «Исторические науки и археология», «Педагогические науки», а также рецензии на монографии и другую научную литературу.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (dubmane@mail.ru) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–10 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.